UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324444 9

·EX·LIBRIS·
DU PRINCE S.V. KOUDACHEFF

EX LIBRIS
de SAVITSCH

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Б. М. МАТЕВИЧЪ.

ТИПОГРАФІЯ Б. М. МАТЕВИЧА, УЛ.

Markevich, Boleslav Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

LIBRARY UNIVERSITY OF TORONTO

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

t. 7-8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG
3467
M327
1885
t. 7-8

790589

Содержаніе

СЕДЬМАГО ТОМА:

	стран.
Часть третья	1
Часть четвертая	277

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

ПЕРЕЛОМЪ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ветхая мимо идоша и вся быша нова.

I.

The right man in the right place.

Силушка въ немъ живчикомъ переливается.
Былина о Вольгѣ-богатырѣ.

Тишь да гладь. Родимая, русская природа съ ея тихо волнующимися линіями, съ ея не поразительною, но глубоко за сердце захватывающею, задумчивою прелестью... Вечеръ догораетъ. Пахнетъ аиромъ и дикою мятой. Чуть-чуть переливаясь золотыми струйками, рябитъ лоно заросшей камышами, запруженной рѣчки, обращенной въ прудъ. Издали несется глухой стукъ усердно работающей толчеи. За рѣкой синѣетъ высокостволый, густолиственный лѣсъ, а надъ нею, словно тѣшась и играя, несется легкій паръ предвечерняго тумана. Болотныя птички довѣрчиво перепархиваютъ стаями, перебѣгаютъ на длинныхъ ножкахъ по желтому песку прибережья; онѣ будто знаютъ, что имъ не грозитъ здѣсь опасности, что хозяинъ этихъ мѣстъ бережетъ ихъ привольѣ, не дозволяетъ ни себѣ, ни другимъ охотиться на принадлежащихъ ему берегахъ...

Вотъ и самъ онъ сидитъ съ толстымъ янтарнымъ мундштукомъ крученой папиросы въ зубахъ, подъ кровомъ незатѣйливой деревянной бесѣдки, устроенной въ концѣ большаго тѣнистаго сада, на холмикѣ, выдающемся мысомъ надъ самою запрудой. Это уже сѣдой, но очень еще свѣжій, увѣченный, но крѣпкій человѣкъ, съ живыми голубыми глазами, глядящими съ какою-то нежданною привѣтливостью изъ-подъ низко-нависшихъ надъ ними густыхъ, словно угрожающихъ бровей. Пустой рукавъ болтается, пристегнутый къ одной изъ пуговицъ лѣваго борта его полотнянаго лѣтняго *кителя*. Недостающую въ немъ руку оторвала французская граната на одномъ изъ севастопольскихъ бастіоновъ. Это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ изъ того разметаннаго такъ еще недавно орлинаго гнѣзна „Черноморцевъ“, о которомъ въ кипени *преобразовательнаго* водоворота какъ бы поспѣшила тотчасъ же забыть Россія,—капитанъ 1-го ранга, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ. Онъ вышелъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ мира съ „союзниками“ и, поселившись въ этихъ мѣстахъ въ небольшомъ, но хорошо устроенномъ жениномъ имѣніи, исправляетъ въ настоящую минуту, до новыхъ выборовъ, должность уѣзднаго предводителя дворянства, за внезапною смертью старика князя Тарханова, кандидатомъ котораго состоялъ онъ до тѣхъ поръ.

Онъ не одинъ. По другой сторонѣ простаго сколоченнаго изъ двухъ досокъ стола, крашенаго зеленою краской съ пузырящимися по немъ слѣдами небрежнаго мазка, сидитъ собесѣдникъ его, братъ, Василій Григорьевичъ Юшковъ.

Вы не забыли его, читатель? Мы разстались съ нимъ у смертнаго одра „неземнаго“ существа, унесшаго въ иной міръ *все*, счастливѣйшее и горчайшее, что уже на склонѣ лѣтъ, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, дано было испытать ему въ жизни... Онъ долго не могъ притти въ себя послѣ „ея“ кончины, долго не могъ справиться съ подрывавшею его тоской. „Блеснуло на мигъ райское видѣніе и—исчезло“, повторялъ себѣ немолчно старый идеалистъ,—„исчезло *до новаго свиданія*. Когда же, когда?“... не договаривалъ онъ, боясь грѣховнымъ ропотомъ нарушить въ собственной душѣ то „дѣтское смире-

ніе предъ Высшимъ", котораго „*она*" была „чистѣйшимъ сосудомъ" и „животворнѣйшимъ образцомъ"... Такъ прошло много лѣтъ. Онъ давно успѣлъ выслужить пенсію, но все также продолжалъ *смотрительствовать* и преподавать во ввѣренномъ ему уѣздномъ училищѣ, находя при этой должности наиболѣе удобствъ для исполненія воли покойнаго князя Ларіона Васильевича Шастунова, оставившаго ему по завѣщанію, какъ извѣстно читателю *), довольно значительную сумму денегъ „для вспомоществованія, по его усмотрѣнію, дѣтямъ бѣдныхъ родителей, желающимъ получить образованіе". Всѣ помышленія старика все время посвящены были съ тѣхъ поръ заботамъ объ „этомъ павшемъ ему, недостойному, на долю святомъ дѣлѣ", какъ выражался онъ на своемъ вѣчно восторженномъ языкѣ. И сколько онъ въ теченіе минувшихъ теперь со смерти завѣщателя двѣнадцати лѣтъ успѣлъ отыскать молодыхъ способностей и силъ, поставить ихъ на ноги и провести черезъ всѣ ступени ученья, сколько сирыхъ вдовъ и обнищалыхъ отцовъ ставили за него свѣчи предъ иконами за „выведенныхъ имъ въ люди" дѣтей своихъ!...

Съ возвращеніемъ въ „родныя мѣста" брата, котораго онъ былъ старѣе на цѣлыя восемь лѣтъ и съ которымъ лѣтъ двадцать не видался до той минуты, розы какъ бы опять разцвѣли на душѣ Василія Григорьевича. Этотъ братъ, „герой и мученикъ за отечество", не вытѣснилъ,—нѣтъ, но помѣстился рядомъ, равноправнымъ хозяиномъ, съ „небеснымъ" образомъ усопшей княжны Лины въ этой младенчески-чувствительной душѣ. Онъ, какъ говорится, не могъ *надышаться* на этого брата, налюбоваться имъ, его „безтрепетною" рѣчью, его „отважнымъ" видомъ, и „этимъ, этимъ всѣмъ, что онъ *тамъ* дѣлалъ... Господи, отъ одного отца, отъ одной матери,—и вдругъ *такой* человѣкъ!" шепталъ онъ внутри себя, слушая его разсказы и признавая самого себя такимъ „мелкимъ, жалкимъ, ничтожнымъ" въ сравненіи съ нимъ, съ „Пашей",—съ „доблестнымъ командиромъ *Памяти Азова* **) и 4-го бастіона,

*) *Четверть вѣка назадъ*. Глава послѣдняя.

**) Такъ называлось одно изъ большихъ судовъ бывшаго Черноморскаго флота.

имя котораго на вѣки записано *на скрижаляхъ отечественной исторіи*"...

Онъ и въ эту минуту (онъ проводилъ все каникулярное время у брата въ деревнѣ,) слушалъ его съ замирающимъ дыханіемъ, со словно оробѣлыми отъ восторга глазами, хотя Павелъ Григорьевичъ разсказывалъ ему не про четвертый бастіонъ, ниже про трехдечную громаду, надъ палубою которой звучалъ когда-то его властный голосъ, а про нѣкую даму, „землевладѣлицу" *его* уѣзда, пріѣзжавшую къ нему нынѣшнимъ утромъ съ просьбой, удовлетвореніе которой представлялось ему очень затруднительнымъ.

— „Вы здѣшній предводитель, повторялъ онъ оживленнымъ, полуозабоченнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ ея слова,—мнѣ не къ кому другому обратиться здѣсь. *Она* не принимаетъ никакихъ писемъ отъ меня, не пускаетъ меня къ себѣ. Мать моего мужа! Она мнѣ наконецъ должна, говоритъ, возвратить хотя то, что я принесла ея сыну, мои собственныя деньги, сто тридцать пять тысячъ, которыя я за него заплатила, чтобы спасти его отъ тюрьмы въ Парижѣ. Она непроходимая дура, это всѣ знаютъ, но должна же она понимать, что она не можетъ, не смѣетъ пустить меня по-міру, что я не позволю ей этого, что мнѣ стоитъ только захотѣть,—и я такой подыму скандалъ на нихъ съ сыномъ... Вѣдь онъ всѣ мои брилліанты, говоритъ, укралъ у меня изъ ящика и отдалъ своей любовницѣ, — и если я этого скандала не сдѣлала до сихъ поръ, то единственно изъ уваженіи къ ихъ имени, которое ношу и я и которое они кинули въ грязь"!...

Скорбное выраженіе разлилось мгновенно по всѣмъ чертамъ старика-смотрителя; онъ закачалъ головой:

— Въ грязь, въ грязь, да,—такое имя! какимъ-то стенящимъ звукомъ вырвалось у него изъ груди.

Павелъ Григорьевичъ быстро обернулся на него и, какъ бы сообразивъ тотчасъ, проговорилъ, участливо глядя ему въ лицо:

— Да вѣдь этотъ мужъ ея — родной, стало-быть, братъ твоей... княжны?

— Братъ, прошепталъ, уныло потупившись, тотъ,—такой

сестры братъ и такого человѣка, какъ покойный князь Ларіонъ Васильевичъ Шастуновъ, родной племянникъ... И такъ опустить себя!

Отставной морякъ пыхнулъ изъ своего мундштука и невесело усмѣхнулся:

— Да, братъ Василій, на этотъ счетъ я даже давно себѣ замѣчаніе сдѣлалъ: повѣтріе что-ли какое, чортъ его знаетъ, пошло нынче на большія-то имена напи, только чѣмъ знатнѣе и богаче родится теперь такой молодчикъ, тѣмъ дряннѣе человѣкомъ словно норовитъ онъ выйти.

— И что-жь хорошаго, Паша? робко замѣтилъ Василій Григорьевичъ: — имъ бы, напротивъ того, примѣръ показывать, вотъ какъ прежніе настоящіе вельможи были...

— Были... да сплыли, уронилъ его братъ:—видно не надо больше!...

— Государственныхъ-то людей не надо, Паша?

— На что? И верхоглядами обойдемся... Дай срокъ, свистуны настоящіе еще пойдутъ: къ тому идемъ!...

Онъ разомъ перемѣнилъ разговоръ:

— Да вѣдь ты, должно быть, и эту самую княгиню знаешь, — молодую? Она, говорятъ, бывшаго вашего исправника здѣшняго дочь? По виду не скажешь: такая grande dame!... Развѣ что ужь черезчуръ бойка и рѣчиста...

— Знаю, милый, знаю; какъ не знать! И батюшку-то ея покойнаго зналъ; въ одномъ городѣ шесть лѣтъ къ ряду прожили. Безъ правилъ безо всякихъ былъ человѣкъ, а только, повѣришь, — эстетикъ, къ прекрасному пламенемъ горѣлъ. Удивительно! Такъ, могу сказать, загадкой для меня и по сей часъ остался...

— Ну, а она что, дочь?... Особа недюжинная, сколько судить могу.

Василій Григорьевичъ осторожно обвелъ кругомъ глазами и заговорилъ шопотомъ, какъ бы боясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ его словъ и не „смутился“ бы ими:

— По истинѣ скажу тебѣ, молоденькая еще очень она была, какъ увидалъ я эту особу у отца ея покойнаго, а такое съ самаго перваго раза произвела она на меня впечатлѣніе:—

гетера, ну, вотъ какъ есть аѳинская гетера, жрица наслажденія, не способная по натурѣ своей ни къ какому духовному стремленію, олицетворенное отрицаніе всего божественнаго на землѣ...

Морякъ усмѣхнулся.

— Да, она, надо думать, земной-то жизни вкусила всласть: пронзительная барыня по всѣмъ статьямъ, — глаза одни чего стоятъ!... Съ первымъ-то мужемъ она развелась?

— Какъ же! А человѣкъ какой хорошій, благородный!

— Знаю, Ранцовъ, Никаноръ Ильичъ, нашъ помѣщикъ, членъ губернскаго крестьянскаго присутствія. Человѣкъ отличный, дѣйствительно!.. Она вѣдь это мнѣ все съ полною откровенностью разсказывала, продолжалъ Павелъ Григорьевичъ.— Уморительная барыня! Играла она, видимо, въ Петербургѣ не послѣднюю роль, ко двору ѣздила и прочее... И полюбилъ ее тамъ не молодой ужь, но очень большой баринъ, первый чинъ придворный, а она его. „Единственный“, увѣряетъ, „человѣкъ, котораго я любила въ жизни!“ Вотъ она изъ-за любви изъ-за этой и рѣшилась съ мужемъ развестись, чтобы за того графа выйти. Ранцовъ все на себя принялъ, — она, надо ей справедливость отдать, съ большимъ одобреніемъ о немъ относится... Только пока у нихъ это дѣло шло по консисторіямъ по всякимъ, графъ-то ея возьми, да и умри отъ простуды. Тутъ она, говоритъ, чуть съ ума не сошла, заболѣла и шесть недѣль съ постели не вставала. И такъ надо понимать по ея словамъ, что она въ то время готова была опять съ мужемъ сойтись, что ей это даже совѣтовалъ этотъ ея графъ предъ смертью. Только тутъ къ ней подъѣхалъ ея теперешній князекъ безпутный...' Вѣдь мальчишка, сама говоритъ, на много моложе ея! Я ей прямо: „Какъ это вы, говорю, рѣшились за него итти, княгиня?“ Даже расплакалась. „Я, говоритъ, всегда была сумасшедшая: онъ такъ безумно влюбленъ былъ въ меня, преслѣдовалъ, клялся, съ пистолетомъ прибѣжалъ разъ, грозилъ застрѣлиться тутъ же у моихъ ногъ“...

— Словамъ безумнымъ повѣрила! закачалъ головой смотритель.

— Ну, это *она* говоритъ! замѣтилъ на это братъ его съ новою улыбкой, — а такъ полагать надо, что именемъ да состояніемъ прельстилась: князь Шастуновъ, въ одномъ пашемъ уѣздѣ 3,500 душевыхъ надѣловъ, понынѣшнему говоря, а что̀ еще въ другихъ губерніяхъ, — лестно для такой женщины!... Только все это оказалось не его, а матери, потому какія даже перешли ему лично имѣнія отъ отца и отъ дяди, — твоего князя Ларіона Васильевича покойнаго,—такъ и тѣ она перекупила у него, то-есть по-просту скупила векселя по надѣланнымъ имъ еще до женитьбы долгамъ въ Петербургѣ, да и заставила его перевести на нее все свое недвижимое. Баба эта—кулакъ, извѣстно; только и винить ее нельзя: сынокъ-то совсѣмъ лядящій выходитъ.

— И съ дѣтства не обѣщалъ, тихо вымолвилъ Василій Григорьевичъ, — ангелъ-то мой, Елена Михайловна, душой смущалась, видимо, какъ только бывало заговорятъ о немъ... А ужь про эту мать, про княгиню Аглаю Константиновну, лучше и не говорить. Паша, вскликнулъ онъ, схватившись вдругъ обѣими руками за голову,—вѣдь она *ее* въ гробъ свела, одна она!...

— Знаю, Василій братъ, знаю! Только опять же скажу, что въ этомъ дѣлѣ женитьбы сына надо и въ ея положеніе войти. Сынъ—мальчишка, мотъ, едва совершеннолѣтній, безъ ея вѣдома вѣнчается на женщинѣ старѣе его, *разводкѣ*, сомнительной, самъ ты находишь, нравственности:—радоваться-то, по правдѣ, нечему!

— Да кто-жь про это, кто! жалобно проговорилъ старшій Юшковъ.

— Вѣдь сама же она мнѣ передавала, молодая-то княгиня, продолжалъ младшій:—онъ даже на бракъ дозволенія отъ начальства своего въ лейбъ-гусарскомъ полку не имѣлъ. Отпросился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, для излѣченія будто бы болѣзни, и гдѣ-то по пути въ деревушкѣ обвѣнчался съ нею, да прямо въ Парижъ, а оттуда въ полкъ просьбу объ отставкѣ, а матери:—„поздравьте меня, молъ, мамаша, я женатъ“! Ну, что̀ изъ этого вышло—самъ можешь судить!... Старуха въ азартъ вошла неописанный,—въ Петер-

бургъ, въ III Отдѣленіе, съ письмомъ на Высочайшее имя... Только изъ этого ничего не вышло. Не развѣнчивать же ихъ! Да и притомъ не достать,—въ чужихъ краяхъ, не выдадутъ... Не прежнія времена, какъ бы невольно сорвалось съ устъ отставнаго Черноморца,—когда отъ одного манія бровей на берегахъ Невы трепетала вся Европа!... Мать, само собой, какъ ты знаешь, пуще озлилась, стала ему съ каждою почтой ругательныя письма слать, чтобъ онъ немедленно жену кинулъ и ѣхалъ къ ней на объясненіе, а въ противномъ случаѣ она-молъ его проклянетъ... Вѣдь она, кромѣ того что кулакъ, еще глупости непомѣрной, говорятъ, женщина?

— Ахъ, Господи, весь даже покраснѣлъ старикъ-смотритель,—коза рогатая въ кринолинѣ!

— Грошъ за мною, Василій, засмѣялся морякъ,—такъ и очертилъ разомъ!... Ну, а сынъ съ женой и въ усъ себѣ не дуютъ: все-молъ перемелется, мука будетъ; единственный сынъ, —рано-ли, поздно-ли, все-молъ его будетъ, да и старухѣ-то надоѣстъ злиться, положитъ гнѣвъ на милость. А пока деньги есть,—онъ привезъ съ собой, говоритъ она, просительница моя, тысячъ тридцать, 120,000 франковъ,—повеселиться на это въ Парижѣ можно!... Ну и пошли!... Коротко сказать, въ два года,—женился онъ на ней весной въ позапрошломъ 1860 году, а вернулись они въ Россію полтора мѣсяца назадъ, въ маѣ нынѣшняго 1862 года,—просадили они тамъ, кромѣ его денегъ, и весь ея капиталъ,—эти самыя сто тридцать пять тысячъ, которыя она теперь требуетъ отъ свекрови, и, какъ она разсказываетъ, три четверти этой кучищи денегъ пошли не на ихъ собственные расходы, а на одну тамошнюю... какъ бишь называешь ты это *подревнему*, — „гетера“? Ну, а ихъ понынѣшнему „лоретками“ зовутъ, подчеркнулъ смѣясь Павелъ Григорьевичъ:—такъ онъ вотъ на этакую госпожу промѣнялъ красавицу жену по прошествіи, говоритъ она, едва-ли года послѣ ихъ брака.

Старикъ молча и гадливо глянулъ въ сторону.

— Многое послѣ того можетъ ей прощено быть! словно сронилъ онъ съ губъ.

— Правильно, Василій!.. И пресмѣшно разказываетъ она, какъ онъ ее, жену свою, сначала обманывалъ, увѣрялъ, что онъ ходитъ на лекціи,—страсть къ ученію, вишь, обуяла,—какого-то знаменитаго профессора слушать... Только она въ одинъ прекрасный вечеръ накрыла его-мо̀лодца съ этимъ „профессоромъ“ женскаго пола въ ложѣ какого-то небольшаго театра, куда сама пріѣхала невзначай со своими знакомыми. Она безъ церемоніи выражается, что онъ *послѣ этого* „очень подлымъ себя показалъ“, валялся у нея въ ногахъ, прощенія просилъ, а съ тою все-таки не разстался, занималъ на удовлетвореніе ея прихотей тайкомъ отъ жены деньги направо и налѣво, такъ какъ она ему своего капитала выдать не хотѣла,—пока, наконецъ, не явились агенты тащить его въ долговую тюрьму. Тогда, говоритъ, „я все отдала, все до послѣдняго гроша, чтобы спасти его отъ позора и отъ всѣхъ этихъ огорченій схватила горячку и слегла въ постель. А онъ въ это время выкралъ у меня изъ ящиковъ всѣ мои брилліанты и отдалъ ихъ своей Баруччи, или какъ тамъ ее звали?“.. Послушай, Василій, вскликнулъ вдругъ Черноморецъ, прерывая себя и сверкнувъ глазами,—вѣдь если это все правда, вѣдь это чортъ знаетъ, что̀ за мерзавецъ!

— Я, Паша, даже и понять не могу, какъ могутъ доходить до такихъ низостей люди, взволнованнымъ голосомъ сказалъ на это смотритель, разводя руками.—Она съ нимъ, разумѣется, послѣ этого разсталась? спросилъ онъ черезъ мигъ.

— Вотъ это, признаюсь тебѣ, я изъ ея словъ разобрать не могъ. Она-ли его, онъ-ли ее оставилъ... дѣло только въ томъ, что она дѣйствительно въ очень скверномъ положеніи въ эту минуту. Какъ видно, натворилъ онъ тамъ того, что и посольство наше должно было, наконецъ, вмѣшаться и заставило его оставить Парижъ. Уѣхали они, какъ говоритъ она, не одновременно,—онъ раньше, она позднѣе двумя недѣлями. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ и узнаетъ, что ея молодца, по просьбѣ матери и на основаніи того, что онъ, состоя еще въ офицерскомъ званіи, вступилъ въ бракъ безъ дозволенія начальства, повелѣно опредѣлить армейскимъ поручикомъ въ какой-то полкъ Оренбургскаго корпуса, и что его, раба Божья-

го, уже туда отправили „съ провожатымъ“... Въ маѣ это, какъ сказалъ я тебѣ, было. Какъ уѣхалъ онъ, такъ съ тѣхъ поръ, то-есть почти три мѣсяца, она отъ него не получила ни строчки. Она къ матери его письмо за письмомъ, — отвѣта никакого. А жить нечѣмъ. „Никому, говоритъ, въ Петербургѣ показаться не смѣю,—стыдно за мужа; знаю опричь того, что меня тамъ всѣ маменьки — пресмѣшная, говорю тебѣ, барыня!—поѣдомъ ѣдятъ за то, что я отбила у ихъ дочекъ это мое сокровище“... Словомъ, приткнуться некуда, и предпринять что̀ не знаетъ. Характерная притомъ, балованная, видно, до мозга костей,—„на своемъ поставить хочу!“... Вотъ и вздумала она пріѣхать сюда, со свекровью лично объясниться. Остался у нея послѣ отца домишко въ нашемъ уѣздномъ городѣ.

— Отъ моего училища черезъ улицу, какже! подтвердилъ Василій Григорьевичъ.

— Вотъ она тамъ и поселилась...

— Давно-ли?

— Да, говорятъ, вторая недѣля пошла... Какъ только кое-какъ тамъ устроилась, наняла экипажъ, лошадей и маршъ прямо въ деревню къ старухѣ Шастуновой...

— Въ Сицкое? глубоко вздохнулъ смотритель.

— Да!... Пріѣзжаетъ. А тамъ рѣшетка кругомъ двора,— та̀къ?

— Такъ точно, Паша, желѣзная ограда и все прочее... Великолѣпно. Барское имѣніе настоящее!

Морякъ качнулъ головой:

— Значитъ, какъ разсказывала, вѣрно. Пріѣзжаетъ она къ этой оградѣ. Глядитъ,— ворота на запорѣ. Слуга ея стучать, звать... Никто не отзывается. А видитъ она сквозь рѣшетку, что на крыльцѣ дома люди стоятъ кучкой, глядятъ на ея экипажъ и съ мѣста не трогаются... Унизительно-то ка̀къ, подумай!... Она, говоритъ, та̀къ разозлилась, что кричать стала... Наконецъ вышелъ къ ней изъ дома дворецкій. Италіянецъ какой-то, котораго, говоритъ, она давно знаетъ...

— Все тотъ же синьйоръ Витторіо, должно быть, уныло улыбнулся старшій Юшковъ:—знаю его.

— Она ему: „что-жь это меня, говоритъ, не пускаютъ? мнѣ надо видѣть княгиню, госпожу вашу“. А тотъ ей на это: „Извините, говоритъ, ихъ сіятельство не принимаютъ“.—„Да знаете-ли вы, съ кѣмъ теперь говорите“, начала было она:—„я жена молодаго князя, я то-то и то-то“... А тотъ, разсказываетъ она, стоитъ за рѣшеткой точно истуканъ каменный.—„Не приказано принимать“, да и только.—„Меня не принимать, меня, когда я здѣсь такая же хозяйка, какъ и сама княгиня!“ кричитъ.—„Я этого ничего не знаю, а только противъ даннаго мнѣ моею госпожей приказанія поступить не могу“... Такъ съ этимъ и вынуждена была она назадъ уѣхать. Можешь себѣ теперь представить положеніе!...

— Вотъ дѣла-то, Паша, вотъ дѣла! могъ только воскликнуть на это совершенно пораженный такими „людскими безобразіями“ старикъ-смотритель.

Женскій голосъ, громко звавшій по имени Павла Григорьевича, заставилъ обоихъ братьевъ обернуть голову.

— Тутъ мы, тутъ, Вѣра Ѳоминишна, что тебѣ? откликнулся морякъ, узнавая жену въ поспѣшно выходившей къ нимъ изъ большой аллеи сада невысокой, полной, лѣтъ 45, женщинѣ, съ добродушнымъ лицомъ и нѣсколько забавными по выраженію заплывшими щелочками глазъ, словно готовыми ежеминутно слипнуться сномъ, между тѣмъ какъ все остальное въ ея наружности дышало чрезвычайною подвижностью и оживленіемъ.

— Ну, ужь извѣстно, заговорила она, входя въ бесѣдку запыхавшимся и смѣющимся голосомъ,—какъ заберутся братцы *по надъ озеро*, такъ и до утра ихъ не дождешься!... А вы посмотрите, какая гостья дорогая къ намъ пожаловала!

Вслѣдъ за Вѣрой Ѳоминишной, изъ той же аллеи, съ накинутымъ на одну руку длиннымъ хвостомъ черной амазонки, съ хлыстикомъ въ другой, въ маленькой, твердой мужской шляпѣ на роскошныхъ темно-красноватыхъ волосахъ, слегка скрипя по песку длинными, породистыми ножками, обутыми въ высокіе ботинки, выходила стройная и тонкая молодая особа, со строгимъ выраженіемъ правильнаго лица и неулыбающимися зелеными глазами.

— Княжна Кира Никитична! вскрикнулъ хозяинъ, кидаясь съ мѣста ей навстрѣчу и протягивая ей свою единственную руку.— Добро пожаловать! Верхомъ по обыкновенію?... Вотъ ужь, дѣйствительно, настоящая наѣздница! Изъ Всесвятскаго прямо изволили примчаться? Что̀ Александра Павловна ка̀къ, милѣйшая? Здорова?

— Она хотѣла ѣхать къ вамъ вмѣстѣ со мной. Экипажъ ужь былъ готовъ, да у Васи зубки идутъ, расплакался вдругъ очень, она встревожилась и осталась, а меня отправила... Мы вѣдь съ ней встрѣчать у васъ Бориса Васильича собрались, примолвила черезъ мигъ и какъ бы принужденно княжна:— онъ намъ сказалъ предъ отъѣздомъ въ ***, что на возвратномъ пути такъ разсчитаетъ, чтобы попасть къ вамъ сегодня къ чаю, а отъ васъ уже домой.

— Ахъ, да вѣдь точно: онъ сегодня долженъ быть изъ нашей губернской резиденціи! У меня, признаюсь, изъ головы было вонъ... Отшибло!

Вѣра Ѳоминишна засмѣялась:

— Отшибло, батюшка, отшибло! Я-жь тебѣ за обѣдомъ говорила, что изъ Всесвятскаго лошади подъ ихъ экипажъ пришли и Скоробогатовъ даже ихъ верховую привелъ, „на случай, говоритъ, полковникъ проѣхаться вздумаетъ“...

— Ну, забылъ, матушка, забылъ, виноватъ! Княжна, присядьте, милости просимъ! Чѣмъ хата богата... Хоть бы на *семъ* первобытномъ сѣдалищѣ, смѣялся онъ, таща къ ней неуклюжій и тяжелый деревянный стулъ.

— Чай пить, значитъ, здѣсь желаете? спросила Юшкова.

— Само собою!

— Такъ я сейчасъ распоряжусь.

Она повернулась и ушла по направленію къ дому своею быстрою *съ развальцемъ* походкой.

— Что это у васъ отсюда за видъ, прелесть! молвила дѣвушка, оставшись одна съ братьями, задумчиво и сосредоточенно устремивъ глаза въ озаренную вечернимъ сіяніемъ даль.

— У васъ во Всесвятскомъ не хуже, замѣтилъ снисходительно хозяинъ, во внутреннемъ убѣжденіи котораго между

тѣмъ никакая мѣстность въ мірѣ не могла сравниться красотой съ его *Углами*.

— Гладко слишкомъ, точно сукно на безконечномъ биліардѣ, усмѣхнулась она,—зацѣпиться не за что взгляду.

— Это точно! разсмѣялся морякъ, — ишь, вѣдь вы какая мастерица на сравненія!

— Вамъ, княжна, понятно, послѣ горъ Швейцаріи, молвилъ старшій Юшковъ,—не только что здѣшняя, но и самыя возвышенныя мѣстности въ нашемъ отечествѣ должны будутъ показаться плоскостями. А вотъ для степняка Русака, какъ я напримѣръ, въ жизнь свою не видавшаго ни моря, ни горъ...

— А Богъ съ ними! какъ бы вырвалось у княжны.

Старикъ нѣсколько растерянно глянулъ на нее.

— Это другая крайность, чуть-чуть усмѣхнулась еще разъ она, — подъ конецъ Швейцарія со своею колоссальною природой давила меня какъ кошмаръ.

— И отлично сдѣлала, воскликнулъ любезно Павелъ Григорьевичъ,—потому что заставила васъ этимъ распроститься съ нею и вернуться въ родныя палестины.

— Я вернулась по желанію Сашеньки, поспѣшила возразить она, какъ бы считая почему-то нужнымъ объяснить это обстоятельство: — на нее предъ рожденіемъ втораго ребенка нашло какое-то нервное состояніе постояннаго страха; ей представлялось все, что она непремѣнно должна умереть, что дѣти ея останутся безъ матери... Она звала меня къ себѣ въ такихъ отчаянныхъ выраженіяхъ, что я рѣшилась... Оказалось, что все это было послѣдствіе ея состоянія и что все обошлось самымъ счастливымъ образомъ...

— А долго изволили вы пребывать въ странахъ Запада въ послѣднее время, княжна? спросилъ, присаживаясь къ дѣвушкѣ, смотритель, которому въ его качествѣ „романтика“ эти „страны Запада“ представлялись чѣмъ-то въ родѣ царства небеснаго на землѣ.

Княжна передала ему, что она, послѣ смерти матери Александры Павловны Троекуровой, а ея тетки, г-жи Лукояновой, у которой она жила въ Москвѣ, то-есть въ началѣ прошлаго 1861 года, уѣхала за границу и вернулась оттуда

во Всесвятское за три мѣсяца назадъ, въ первыхъ числахъ апрѣля...

— Снятàго или неснятàго вамъ молока? прервала ее вернувшаяся опять въ бесѣдку Вѣра Ѳоминишна въ сопровожденіи прислуги съ большимъ кипящимъ самоваромъ, чайниками и чашками.

Всѣ присѣли къ столу, оказавшемуся черезъ мигъ уставленнымъ всею тою молочною роскошью и вкусными домашними печеньями, какими въ недавнюю еще старину такъ умѣли угощать домовитыя русскія хозяйки.

— А Гриша чтò же? спросилъ вдругъ, вспомнивъ, хозяинъ, озираясь кругомъ, — онъ не знаетъ, что у насъ дорогая гостья?

— Нѣтъ... онъ скоро вернется, должно быть, отвѣтила ему жена, подставляя чайникъ подъ кранъ.

— А гдѣ онъ?

— Пошелъ товарища проводить, чтò пріѣзжалъ къ нему.

Павелъ Григорьевичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Какого товарища! Когда?

— Да вотъ какъ вы послѣ обѣда ушли сюда съ Василіемъ Григорьичемъ, мы съ Гришей въ столовой остались за кофеемъ. Вбѣгаетъ моя Настя: „Какой-то, говоритъ, господинъ молодой спрашиваютъ Григорія Павлыча, письмо велѣли имъ отдать!“ Гриша взялъ письмо, прочелъ и говоритъ: „Ахъ, это нашъ юристъ“... Фамиліи я не разслышала, потому что онъ ужь изъ дверей уходилъ. И они все время сидѣли въ его комнатѣ.

— Откуда же тотъ пріѣхалъ?

— А ты спроси Гришу, я не знаю. Мнѣ только сказала Настя сейчасъ, что видѣла его, Гришу, когда онъ выходилъ за ворота съ какимъ-то „длинноволосымъ *бѣдокурымъ*“, подчеркнула смѣясь Юшкова,—а за ними парочкой повозка ѣхала, и что лошади Троженковскія, изъ Быкова.

Морякъ сжалъ свои грозныя брови:

— Троженковъ, вотъ еще сокровище завелось! пропустилъ онъ сквозь зубы, глядя на брата.

Тотъ покачалъ головой и сочувственно вздохнулъ.

Княжна, наклонившись къ своему стакану, медленно прихлебывала изъ него молоко, совершенно безучастная, повидимому, къ этому семейному разговору. Но вслѣдъ за передачею хозяйкой примѣтъ незнакомаго ей товарища ея сына глаза дѣвушки внезапно вскинулись, остановились на ней на мигъ и снова опустились, холодные и спокойные. Только въ чуть замѣтномъ трепетаніи ея прозрачныхъ ноздрей можно было бы прочесть какое-то не то гнѣвное, не то гадливое выраженіе.

Но вотъ какъ бы вдругъ еще ниже наклонилась голова ея надъ столомъ и зубы ея чуть-чуть звякнули по ободку стакана, нервно прижатаго ею къ губамъ. Чьи-то приближавшіеся мужскіе шаги вѣско раздавались по скрипучему песку у самой бесѣдки...

II.

Мыслящій Русскій—самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ. Что можетъ остановить его: уваженіе къ прошлому? Но что служитъ исходною точкой новой Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?
Герценъ. Сборн. посмертн. соч. 1874 г.

— А вотъ онъ и самъ, желанный! вскрикнулъ, быстро поднимаясь съ мѣста, хозяинъ съ радостнымъ привѣтомъ входившему.— А мы васъ всѣ тутъ ждемъ... И княжна вотъ прибыла... Здорово, Борисъ Васильичъ, здорово! Счастливо съѣздили?

— Спасибо, хорошо... All right! какъ говорятъ Англичане, оживленно отвѣчалъ Троекуровъ, пережавъ всѣмъ руки и садясь подлѣ хозяйки. Онъ снялъ дорожную фуражку и взъерошилъ примятыя кольца своихъ свѣтлорусыхъ волосъ.

— Дома все благополучно, княжна? спросилъ онъ, съ ласковою улыбкой и внимательными глазами глядя на нее черезъ столъ, раздѣлявшій ихъ мѣста.

Она неторопливо подняла въ свою очередь глаза на него:

— Саша прислала меня сказать вамъ, что она сама хотѣла быть...

— Да Васенькины зубки помѣшали, не давъ ей договорить, пояснилъ со смѣхомъ Павелъ Григорьевичъ: — молодая маменька, извѣстно!.. Ну что наши губернскіе дѣятели? Столковались вы съ ними? спросилъ онъ, быстро переходя къ предмету, очевидно представлявшему для него большой интересъ.

— Видѣлся со всѣми... Дѣло о Крусановскихъ лугахъ отстоялъ, промолвилъ Борисъ Васильевичъ съ видимо довольнымъ выраженіемъ въ тонѣ.

— Да?... Впрочемъ я и не сомнѣвался. Вѣдь ясно какъ день, и вопроса никакого не могло бы быть, если бы не Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ въ губернскомъ присутствіи со своимъ неизбѣжнымъ вѣчно демократизмомъ!

— Есть тотъ грѣхъ! подтвердилъ весело Троекуровъ. — Кстати, княжна, онъ просилъ меня передать вамъ самый сердечный поклонъ, а на будущей недѣлѣ хотѣлъ самъ побывать у насъ, во Всесвятскомъ.

Она молча повела головой въ знакъ признательности.

Онъ продолжалъ:

— Отличный человѣкъ этотъ Гундуровъ; но у него, знаете, вотъ какъ у иныхъ живописцевъ, которые видятъ все окружающее не иначе какъ *желто*, *зелёно* и такъ далѣе, — у него во всякомъ такомъ вопросѣ стоитъ во главѣ a priori, что крестьяне должны быть *непремѣнно* правы, а помѣщикъ— *непремѣнно* виноватъ... Онъ слишкомъ честенъ, разумѣется, чтобы не отказаться отъ своего мнѣнія въ данномъ случаѣ, когда ему докажутъ, что оно ошибочно, но за то это и труда стоитъ. Я два вечера сряду проспорилъ съ нимъ по дѣлу этихъ Блиновскихъ крестьянъ, пока убѣдилъ его... Стоитъ человѣкъ на томъ, что „плантаторы-помѣщики“ только и держатъ въ головѣ, какъ бы опять „закрѣпостить *несчастный*“ народъ подъ тою или другою формой...

— Ну, конечно! молвилъ морякъ Юшковъ съ замѣтною горечью:—это вѣдь камертонъ нынѣшней музыки: все старое омерзительно, все прежнее ненавистно... Одна мужичья сермяга достойна довѣрія, нѣжности и баловства... Мы, „отжившее свой вѣкъ“ дворянство, мы тунеядцы и крамольники, да-съ; это вѣдь про насъ говорится во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ,—мы преданные анаѳемѣ люди; отъ насъ надо охранять, какъ отъ чумы, новопроизведенные въ „гражданскій рангъ“ зипунъ и лапоть, чтобы, не дай Богъ, не осквернили мы какъ-нибудь своимъ дыханіемъ благонадежный запахъ его дегтя и навоза!...

Троекуровъ засмѣялся:

— Вѣдь вотъ послушать вашего брата, сказалъ онъ, обращаясь къ старшему Юшкову, — подумаешь: самый яростный крѣпостникъ. А въ губернскомъ комитетѣ зубами отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землей, и тѣ же „сермяги“, надъ которыми онъ теперь такъ злобно издѣвается, во всемъ уѣздѣ нашемъ не иначе его какъ *„отцомъ“* зовутъ.

Павелъ Григорьевичъ досадливо дернулъ плечомъ:

— Это что, батюшка! Меня и матросы на брамстенгѣ не хаяли, когда я ихъ туда отправлялъ... Потому будь, во-первыхъ, справедливъ; во-вторыхъ, пойми ты этотъ народъ, каковъ онъ есть, — что онъ и звѣрь, и плутъ, и душа-человѣкъ въ то же время,—и люби его...

— Во всѣхъ этихъ видахъ равно? добавилъ насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Ну да, подтвердилъ серьезнымъ тономъ морякъ:—потому что ты такой же русскій человѣкъ, какъ онъ, тою же русскою водой крещенъ, тою же матушкою русскою землей взлелѣянъ и вспоенъ; потому что корни-то твои съ нимъ общіе, что ты его прирожденный руководитель. Онъ жилъ вѣка подъ...

— Подъ твоимъ произволомъ, добавилъ за него все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Троекуровъ.

Юшковъ не смутился.

— Да, но и подъ твоимъ учительствомъ и подъ твоими примѣрами! Съ этимъ, взросшимъ какъ и онъ на вольномъ воздухѣ родной деревни, *бариномъ* во главѣ привыкъ искони нашъ народъ, солдатъ или морякъ, отстаивать русскую землю отъ врага, полонить его арміи, жечь турецкіе флоты... Того же *барина*, давно-ли, въ кутузку, въ тюрьмы упрятывали, на каторгу ссылали за „несвоевременныя“ мечтанія объ освобожденіи этого же народа?... А они тамъ, въ Петербургѣ, однимъ почеркомъ пера похерили и вырвали всѣ прежнія преданія и вѣковыя связи, всѣ старые корни, все воспитательное значеніе для народа родоваго помѣстнаго дворянства, все, что такъ необходимо въ правильной государственной машинѣ,— установившіеся обычаи, привычки іерархіи и дисциплины...

— „Привычка — душа державъ“, *вѣщалъ* намъ великій Пушкинъ! тихо проговорилъ смотритель, неотступно и нѣжно глядя во всѣ глаза на брата.

— Э, да что тутъ говорить! махнулъ рукой тотъ,—имъ *тамъ* теперь ничего этого не нужно, ни корней, ни преданій, ни сильнаго государственнаго организма... какъ и никакой морской силы имъ не надо, вырвалось неудержимо изъ устъ отставнаго Черноморца.

Онъ оборвалъ и нахмурился, какъ бы сожалѣя объ этихъ словахъ, обнажавшихъ его сокровенную рану.

Старикъ-смотритель вскочилъ съ мѣста и съ полными слезъ глазами подбѣжалъ къ брату, обнялъ его за шею и прильнулъ губами къ его щекѣ.

Троекуровъ съ сочувственною улыбкой протянулъ ему руку въ свою очередь:

— Я вѣчно съ вами спорю, Павелъ Григорьевичъ, а въ сущности всегда съ вами согласенъ, хотя я, какъ вамъ извѣстно, скептикъ, а вы неисправимый идеалистъ.

Смотритель обернулся на него теперь весь сіяющій:

— Вотъ это точно. Борисъ Васильевичъ, вы замѣтили,— именно что „идеалистъ“ онъ прежде всего! Знаете, какъ въ *Донъ-Карлосѣ* великимъ Шиллеромъ сказано: „Хранить святое уваженіе къ золотымъ снамъ своей молодости“... *).

— Ну, братъ, засмѣялся морякъ, слегка отстраняя его рукой,—и въ жизнь, признаюсь, никакого *Донъ-Карлоса* не читалъ!... А, Гриша! перебилъ онъ себя внезапно, оборачиваясь на переступавшаго въ эту минуту черезъ порогъ бесѣдки сына,—вотъ онъ наконецъ!...

Въ голосѣ его зазвучала глубокая, видимо съ трудомъ сдерживаемая, нѣжность; все лицо его освѣтилось вдругъ какъ бы изъ внутри прорвавшимся лучомъ.

Вошедшій молодой человѣкъ, судя по его наружности, оправдывалъ, казалось, эту отцовскую къ нему *слабость*.

*) Sagen Sie
Ihm, dass er für die Träumen seiner Jugend
Soll Achtung tragen.
Don-Carlos. Act IV, Sc. 21.

Свѣжее, открытое лицо, темные, какъ у матери, кудрявившіеся волосы при голубыхъ, Юшковскихъ, большихъ выразительныхъ глазахъ, что-то особенно мягкое въ рисункѣ губъ и нѣжнаго, едва опушеннаго подбородка,—все это производило очень симпатичное, располагавшее къ нему впечатлѣніе. Но внимательный наблюдатель могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить теперь въ общемъ выраженіи его облика какую-то смущенность и озабоченность.

Онъ учтиво поклонился гостямъ...

— Здравствуйте, юноша, привѣтствовалъ его, протягивая ему руку, Троекуровъ, очень благоволившій къ нему.

— Садись подлѣ княжны и старайся быть любезнымъ! весело сказалъ ему отецъ.

Онъ повиновался молча, еще разъ склонивъ голову предъ дѣвушкой.

— Къ тебѣ какой-то, говорятъ, товарищъ пріѣзжалъ?

— Д-да, какъ бы нехотя пропустилъ Гриша, принимая стаканъ чаю изъ рукъ матери.

— Какъ фамилія?

...Ѳедоровъ, отвѣчалъ онъ чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Княжна быстро подняла глаза и вопросительно на мигъ остановила ихъ на немъ.

Лицо его внезапно заалѣло, и онъ поспѣшно потянулся рукой за кренделемъ изъ большой корзины съ печеньями, стоявшей на столѣ.

Но все это ускользнуло отъ вниманія Павла Григорьевича.

— Что же у него родные какіе въ нашихъ мѣстахъ, спросилъ онъ,—или репетиторомъ къ кому нибудь нанялся на каникулы?

— Онъ не надолго... въ Быково пріѣхалъ, уже нѣсколько нетерпѣливо промолвилъ Гриша, избѣгая взгляда отца.

— Къ Троженкову? молвилъ тотъ, поведя плечомъ;—не поздравляю его съ такимъ знакомствомъ!... Вотъ-съ этакой, напримѣръ, самоновѣйшій продуктецъ! обратился онъ снова къ Борису Васильевичу:—вѣдь все это несогласіе Блинов-

скихъ крестьянъ на уставную грамоту изъ-за Крусановскихъ луговъ—его дѣло; и прошеніе въ губернское присутствіе онъ же имъ писалъ,—достовѣрно это знаю. И одна вотъ пока только этакая паршивая овца завелась, а и то ничего не подѣлаешь... Вы вотъ говорите: народъ мнѣ здѣшній вѣритъ. И дѣйствительно, помните, какъ пришли къ намъ ихъ выборные въ мировой съѣздъ съ жалобою на помѣщика и на „посредственника“,—то-есть на васъ,—ну, разъяснилъ я имъ, кажется, убѣдилъ. Почесали затылки, поохали. „Спасибо“ все-таки говорятъ подъ конецъ, „мы, батюшка, Павелъ Григорьевичъ, видать, по простотѣ своей галдѣли зря; знамо, люди темные; хоша теперича со словъ твоихъ доподлинно знать будемъ, что отъ эвтаго отъ самаго дѣла отступиться намъ слѣдуетъ“.—Само собой отступиться, говорю, потому что толку никакого изъ вашихъ претензій не будетъ.—„Слушаемъ, батюшка, инно такъ и быть, какъ ты сказываешь“. Порѣшено значитъ, кажется?... Нѣтъ, недѣли не прошло,—*ходаковъ* послали въ „губернію“ съ прошеніемъ на насъ, на мировой съѣздъ!... А за это удовольствіе Троженковъ съ нихъ выговорилъ—вѣрно знаю!—по 25 десятинъ въ полѣ сжать ему, въ гумно свезти и вымолотить... Вотъ-съ вамъ новые землевладѣльцы—воспитатели народа!

— Да въ чемъ дѣло-то самое, Паша? Любопытно! спросилъ смотритель.

— И ничего любопытнаго даже! Былъ тутъ помѣщикъ нѣкій Блиновъ, человѣкъ холостой, пожилой, аккуратный; и деньги у него водились, какъ всѣмъ извѣстно было. Крестьянъ онъ не прижималъ и имѣніе держалъ въ порядкѣ. И земля хорошая въ имѣніи, только въ лугахъ всегда недостача была, такъ что крестьяне искони кортомили траву верстъ за двѣнадцать, у графа Дѣднова. Только выпади этому Блинову счастливый случай купить за безцѣнокъ послѣ смерти сосѣда его одного, Крусанова, отъ одного изъ наслѣдниковъ десятинъ восемьдесятъ отличнаго луга по Окѣ, верстахъ въ трехъ отъ своей межи. И какъ, говорю, человѣкъ онъ былъ аккуратный и не стяжательный, онъ, разсчитавъ процентъ на истраченный капиталъ, собралъ своихъ крестьянъ и говоритъ: „Ну, вотъ, братцы, замѣсто чтобы вамъ у чужихъ брать траву,

берите теперь у меня",—и положилъ имъ за кругъ *) на десять рублей менѣе противъ того, что̀ платили они Дѣднову, а ѣзды-то имъ туда втрое ближе. „Согласны, говоритъ, берите, и пользуйтесь, пока моего вѣка хватитъ!" Крестьяне ему, разумѣется, въ ноги, благодарить... Такъ и косили они эти „Крусановскіе", какъ и по нынѣ называются они, луга до самой „воли". Весной въ прошломъ году умираетъ Блиновъ. Достается имѣніе его племяннику, тоже Блинову, молодому человѣку, военному, — офицеръ онъ свитскій. Пріѣзжаетъ онъ сюда: первымъ дѣломъ разверстаться скорѣе съ крестьянами, уставную грамоту составить и уѣхать, потому хозяйничать самому ни времени, ни охоты нѣтъ. Имѣніе — вотъ у Бориса Васильича въ участкѣ. Онъ къ нему: такъ и такъ... Борисъ Васильичъ выѣзжаетъ на мѣсто, вызываетъ крестьянъ, помѣщика, предлагаетъ соглашеніе. Въ имѣніи крестьянская и помѣщичья земля перепутаны такъ, что для надѣленія крестьянъ къ одному мѣсту безъ промѣна обойтись нельзя. Блиновъ согласенъ на всякія уступки. Чтобы натянуть имъ до „полнаго надѣла", конопляники свои—и тѣ: берите-молъ, развяжемся только! До того сговорчивъ, что по нарѣзкѣ крестьянскія поля подъ самую усадьбу его подходятъ, а ему во владѣніе остается десятинъ 300 земли самой дрянной и неудобной...

— Это, Паша, очень великодушно! вскликнулъ старшій Юшковъ; — прекрасный человѣкъ, должно быть, этотъ господинъ Блиновъ?

— Практическій, усмѣхнулся его братъ;—„господинъ Блиновъ" разсудилъ, и совершенно правильно, что отъ пахоти въ этомъ своемъ имѣніи ему ни въ какомъ случаѣ большаго дохода ждать нельзя, но что прибыльную статью составятъ для него эти луга по Окѣ, за которые, едва онъ успѣлъ сюда пріѣхать, серпуховскій купецъ предлагалъ ему съ перваго слова по 80 рублей за кругъ. Но тутъ и начинается исторія. Крестьяне объявляютъ претензію на эти луга. „Намъ-молъ

*) „Кругомъ" въ этой мѣстности называется пространство луга въ пять десятинъ.

безъ травы, извѣстно, не жить, мы-молъ всегда пользовались" и т. д.—„Я, говоритъ имъ Блиновъ, какія состоятъ въ планѣ имѣнія луговины, уступилъ вамъ все дочиста въ надѣлъ; готовъ предоставить вамъ косить и въ Крусановскихъ лугахъ, какъ прежде вы тамъ косили, только, само собой, не за прежнюю цѣну; мнѣ-молъ вотъ столько-то за эти луга теперь даютъ; согласны вы будете то же платить, я вамъ предпочтеніе отдамъ"... Но тѣ будто не понимаютъ и начинаютъ ту же пѣсню: „Намъ, господинъ, ваше благородіе, извѣстно, коли безъ травы, значитъ не жить, а какъ мы слѣдственно всегда тѣми кругами пользовались"...—„Не пользовались, а *кортомили* у покойнаго дяди, въ аренду брали; Крусановскіе луга, сами знаете, въ планъ имѣнія не входятъ и всегда составляли отдѣльную оброчную статью. Вы же получили надѣлъ *полный* и на остающіяся затѣмъ во владѣніи моемъ угодья никакого права не имѣете"... А тѣ свое: „какъ покойный господинъ нашъ, извѣстно, отдалъ намъ, пока нашего вѣка хватитъ"... — „Не „вашего", а *его* вѣка!" доказываетъ Блиновъ, — „а я, его наслѣдникъ, вамъ ихъ не согласенъ теперь отдать за ту же цѣну!" — „Воля милости вашей, а какъ, значитъ, безъ луговой земли мы надѣла принимать не могимъ и на грамоту не согласны"... Три мѣсяца бился съ ними Борисъ Васильичъ,—ничего подѣлать не могъ!..

— Д-да, научился я терпѣнію за это время! лѣниво проговорилъ Троекуровъ. Онъ сидѣлъ съ закинутою на спинку своего деревяннаго стула головой и съ полуприжмуренными глазами въ усталой или, вѣрнѣе, скучающей позѣ человѣка, которому то, что онъ слышитъ, давно успѣло надоѣсть до смерти.

— Необразованіе все, именно „темный народъ". Жалѣть его надо! вздохнулъ на это смотритель.

— Не скажите! усмѣхнулся въ отвѣтъ Борисъ Васильевичъ:—на повѣрку-то выходитъ, что они эти луга кортомили у старика Блинова по 40 рублей за кругъ, косили въ нихъ на свою потребу менѣе половины, а остальные отдавали въ аренду по 90 рублей тому же купцу, который теперь предлагаетъ Блинову-наслѣднику взять у него всѣ Крусановскіе луга

по 80 рублей. Афера, какъ видите, недурная, которой, пожалуй, и не „темный“ человѣкъ позавидуетъ!

Гриша Юшковъ, молча и сосредоточенно прислушивавшійся все время къ разговору, поднялъ вдругъ голову:

— А если господинъ Блиновъ согласится на это предложеніе, арендатель будетъ теперь съ этихъ же крестьянъ даже не по 80, а уже по 100 рублей за тотъ же кругъ луга брать!

— Натурально! отвѣтилъ хладнокровно Троекуровъ.

Глаза студента вспыхнули:

— Вы полагаете, что такъ и слѣдуетъ?

— Ничего не полагаю, а нахожу это совершенно естественнымъ.

— Право собственности, Гриша, словно подсказывая оробѣвшему ученику на экзаменѣ, шепнулъ ему дядя.

Молодой человѣкъ видимо готовился возразить, но какъ бы невольно повелъ взглядомъ въ сторону отца и проговорилъ только сквозь зубы:

— Да, я это вижу!...

— Что ты видишь? спросилъ, спокойно глядя на него, Павелъ Григорьевичъ.

Гриша поднялъ на него свои голубые глаза... Минутное колебаніе сказалось въ его чертахъ...

— Эксплуатацію бѣднаго богатымъ, произнесъ онъ, насколько могъ, твердымъ голосомъ.

Всѣ глаза обернулись на него. Какое-то скорбное ощущеніе сказалось на мигъ въ чертахъ его отца, но онъ все такъ же спокойно отвѣчалъ ему:

— А въ противномъ случаѣ, если бы наслѣдникъ Блиновъ оставилъ попрежнему крестьянъ платить по 40 за кругъ владѣльцу, а сдавать ее самимъ тому же купцу по 90, — какъ бы ты это назвалъ,—эксплуатаціей богатаго бѣднымъ?

Доводъ этотъ какъ бы смутилъ молодаго человѣка:

— Ужь не знаю, только...

Мягкая, юношеская улыбка словно прорвалась вдругъ и освѣтила на мигъ все его лицо:

— Ни ты, папа, ни Борисъ Васильевичъ, вѣдь этого сами дѣлать не стали бы!

— Очень спорно, но очень лестно! разсмѣялся Троекуровъ; — интересно во всякомъ случаѣ знать, изъ чего вы это заключаете, молодой человѣкъ? Не изъ того-ли, что мы съ вашимъ батюшкой старые „эстетики“, какъ говорится теперь въ вашихъ журналахъ, не способные быть „реальными“ *дѣятелями* „новой жизни“?

— Нѣтъ, съ потускнѣвшимъ снова взглядомъ отвѣтилъ студентъ,—а потому, что въ васъ настолько есть честности, чтобы понимать тѣ *реальныя* несправедливости нынѣшняго общественнаго строя, которыя опираются на *писанный законъ*, презрительнымъ тономъ промолвилъ онъ.

Павелъ Григорьевичъ досадливо взъерошилъ свои густые сѣдоватые волосы:

— Ну, „общественный строй“ мы пока отложимъ въ сторону... А насчетъ того, что, по-твоему, мы съ Борисомъ Васильевичемъ не поступили бы такъ, какъ Блиновъ, то если бы, положимъ, ты и не ошибся, то, повѣрь, ужь никакъ не потому, чтобы мы это почитали „несправедливымъ“...

— А почему же тогда? быстро возразилъ Гриша.

— А потому, во-первыхъ, что до Бориса Васильевича, то онъ, какъ очень богатый человѣкъ, изъ-за скуки изъ-за одной препираться съ крестьянами о какихъ нибудь пятистахъ рублей лишнихъ за эти луга, не сталъ бы подымать на нихъ цѣну. А во-вторыхъ, потому что у насъ съ нимъ... Старый морякъ какъ бы затруднялся выразить свою мысль,—потому что въ насъ лежитъ это старое... барское что-ли... чувство, которое сразу изъ себя не вырвешь, не охота руки марать... жидовствовать съ мужикомъ... Но перемѣна отношеній создаетъ и новыя понятія, да и разсчеты иные. Блиновъ, дядя, напримѣръ, не „идеалистъ“ былъ, а практикъ, и всю нашу старую помѣщичью науку твердо зналъ; ему, само собой, очень хорошо было извѣстно, что крестьяне платятъ ему половину менѣе того, что онъ получилъ бы съ купца за свои луга, но онъ оставлялъ ихъ за крестьянами, оставлялъ имъ и брать даже выгоду съ этого купца, потому что въ этомъ былъ его

хозяйственный разсчетъ, потому что это были *его* крестьяне, его рабочая сила, и что чѣмъ эта сила состоятельнѣе, тѣмъ для него, помѣщика, было это выгоднѣе. Онъ терялъ на арендѣ дешево доставшихся ему луговъ, но эти деньги съ лихвой возвращались ему тѣмъ, что онъ могъ теперь требовать отъ крестьянина, чтобъ онъ и лишнюю корову, и лишнюю лошадь держалъ, чтобъ онъ на нихъ корму не жалѣлъ, побольше навозу копилъ, да свое и господское дѣло аккуратнѣе и живѣе спорилъ. Онъ своего этимъ и достигалъ. Теперь спрашивается: изъ-за чего сталъ бы его наслѣдникъ дарить этимъ же крестьянамъ половину дохода съ единственной цѣнной недвижимости, остающейся ему послѣ разверстки съ ними угодій? Что̀ это за люди для него теперь? Трудъ ихъ у него отнятъ, всякая нравственная съ ними связь порвана, всякое вліяніе его на нихъ тщательно устранено. И онъ, и они совершенно чужіе теперь другъ другу люди, всѣ отношенія ихъ выражаются грошомъ: кто у кого дороже запроситъ и кто кого дешевле наймetъ... Блиновъ, племянникъ, поступаетъ совершенно такъ, какъ заставляетъ его дѣлать новый порядокъ вещей, созданный въ Россіи Положеніемъ 19 февраля, и его никакъ за это упрекнуть нельзя.

— Ну да, вырвалось на это у Гриши,—по буквѣ все того же писанаго закона, по кодексу той же эгоистичной, заѣдающей буржуазной соціологіи!..

Что-то желчное скривило губы Павла Григорьевича; онъ судорожно чиркнулъ спичкой по столу, приложилъ огонь къ потухшей своей папироскѣ:

— А то какъ же? нежданно отвѣтилъ онъ: — своего отъ корня ничего развить и поставить не съумѣли, такъ и учись русскій владѣлецъ обходиться теперь съ крестьяниномъ такъ, какъ обходятся *тамъ* между собой *пропріэтеры* и *пейзаны*... Чему другому, а этому научимся скоро... какъ-бишь ты называешь?—„буржуазному“ *заѣданію* что-ли...

Троекуровъ всталъ съ мѣста и слегка потянулся:

— Ну, этого намъ не занимать-стать! Изъ собственныхъ „корней“ такое взаимное „заѣданіе“ устроимъ, что, какъ въ этомъ шаржѣ о двухъ грызшихся львахъ, одни хвосты развѣ

останутся... А я все-таки очень радъ, перебилъ онъ себя, — что въ этой претензіи блиновскихъ крестьянъ губернское присутствіе положило наконецъ рѣшительно отказать имъ. Введу имъ теперь обязательно грамоту на основаніи подлежащей статьи Положенія—и дѣлу конецъ!

Гриша Юшковъ быстро взглянулъ на него, какъ бы желая что-то сказать ему, но не сказалъ и, наклонившись въ сторону сосѣдки своей, княжны, проговорилъ полушопотомъ:

— Напрасно это думаетъ Борисъ Васильевичъ: крестьяне положили ни за что не отступаться отъ своего *права*.

— Да-а? протянула она, словно просыпаясь отъ сна...

III.

Повѣрь, страданье нужно намъ:
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья.
Баратынскій.

Кира Кубенская не мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею, читатель. „Общественные вопросы“, которымъ отдавала она всю себя тому два года, какъ бы вовсе перестали занимать ее; она по крайней мѣрѣ замѣтно избѣгала говорить о нихъ. Да и вообще она какъ будто вся теперь опять ушла въ себя, въ какой-то внутренній тайникъ свой, куда не дозволяла проникнуть ни чьему нескромному взгляду. Но во внѣшемъ ея обиходѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ,—къ лицамъ, среди которыхъ жила она теперь въ этомъ уголкѣ черноземной Россіи, — не было уже ничего похожаго на ту жесткость и раздражительность, съ которыми обращалась она бывало со своими и чужими въ Москвѣ, въ Арбатскомъ домѣ Марьи Яковлевны Лукояновой. Княжна смирилась... или казалась смирившеюся, — казалась прежде всего самой себѣ... Многое, дѣйствительно, измѣнилось въ ней, много для нея успѣло смолкнуть прежнихъ, увлекающихъ, но обманчивыхъ пѣсенъ... Иныя птицы заводили теперь свои колѣнца въ ея какъ бы вдругъ размягчившейся душѣ, и она съ какимъ-то ужасомъ прислушивалась къ ихъ подбирающимся, къ ихъ подкупающимъ голосамъ... О счастьи, *о личномъ счастьи* все настойчивѣе пѣли они ей, — ей, сектанткѣ, фанатичкѣ „общаго блага“, которому—давно ли?—мечтала она пожертвовать „всю жизнь“... Что же то, „старое“,—ужели совсѣмъ

отлюбила она его? тревожно спрашивала она себя подчасъ и не находила отвѣта. Отъ этого „стараго“ чувствовала она въ душѣ лишь какую-то ужасную усталость... Послѣ своихъ дворскихъ недочетовъ она, какъ мы знаемъ, уѣхала по совѣту Троекурова въ Москву, къ изнемогавшей отъ безпощадной болѣзни теткѣ, которой внезапный пріѣздъ ея принесъ нѣжданное и глубокое утѣшеніе. Марья Яковлевна изнывала отъ тоски въ разлукѣ съ дочерью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорно отказывалась ѣхать къ ней или вызвать ее къ себѣ въ Москву, боясь „жалкимъ видомъ своимъ“ гибельно повліять на ея роды. Она скрывала свое положеніе отъ Сашеньки, обманывала ее веселыми письмами, когда смерть уже стучалась въ ея двери. Въ вернувшейся къ ней „какимъ-то чудомъ“ племянницѣ она увидала ангела, ниспосланнаго милосердымъ Небомъ для того, „чтобы родная рука закрыла ей глаза“, и страстно привязалась къ ней вдругъ, на порогѣ могилы. Кира широко въ свою очередь отозвалась на это чувство. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ она не отходила отъ кресла или изголовья больной, ободряла ее въ невыносимые часы страданія, развлекала въ минуты удручавшихъ ее мрачныхъ мыслей. И, странное дѣло, сама она какъ бы развлекалась и отрѣшалась отъ томившей ее внутренней тоски въ этихъ нехитростныхъ, не забирающихся въ область „общаго“, простыхъ, практическихъ заботахъ о „страждущемъ ближнемъ“. Заботы эти раздѣляла съ нею старая знакомая наша, маленькая Лизавета Ивановна Стрѣтенская, не отходившая теперь, какъ и она, отъ постели „благодѣтельницы“, и княжна внимательно приглядывалась теперь къ ней, прислушивалась къ ея обыденнымъ, незатѣйливымъ рѣчамъ, стараясь угадать тайну того неотразимаго обаянія, которое (она почувствовала это только теперь, только теперь начинала объяснять себѣ пріязнь Сашеньки къ этой „поповнѣ“,) исходило вмѣстѣ съ тѣмъ какими-то проницающими лучами изъ этого робкаго, болѣзненнаго и недалекаго существа... Однажды позднимъ вечеромъ, утомленная и нервная, княжна вышла изъ покоя заснувшей послѣ припадка тетки и, пройдя въ сосѣднюю комнату, служившую ей самой спальнею, усѣлась за столъ и взяла лежавшую на немъ

книгу. Это былъ кѣмъ-то принесенный ей томикъ недавно изданныхъ стихотвореній Хомякова. Она развернула его на угадъ...

„Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „Встань!“ душѣ моей:
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ своихъ лучей!“ *).

прочла она. И вдругъ книга выпала изъ ея рукъ, и нежданныя, необъяснимыя для нея слезы полились неудержимымъ потокомъ изъ ея глазъ. И въ то же самое время чья-то легкая, едва чувствуемая рука обняла ея шею и дѣтски-тихій голосъ прошепталъ ей на ухо: „Плачьте, *анделъ* мой, плачьте: слезы—Божья роса, отъ нихъ цвѣтики алые на душѣ разцвѣтаютъ“... И въ первый разъ въ жизни не устыдилась она слезъ своихъ, не устыдилась *свидѣтельницы* этихъ „необъяснимыхъ“ слезъ...

Но „цвѣтикамъ алымъ“ еще не дано было разцвѣсть въ душѣ ея: „мертвая зыбь“, по выраженію моряковъ, не успѣла еще улечься въ ней. Княжна Кира могла наложить на себя добровольно желѣзныя вериги послушанія и вкушать отъ этого подвига тайную и горделивую отраду, но не въ силахъ была она обрѣсти этимъ ту голубиную ясность и радость отреченія, которыми такъ подкупала ее эта случайная ея подруга у ложа умирающей. Счеты ея съ прошлымъ не были еще окончательно сведены; съ какимъ-то внутреннимъ содраганіемъ сознавала она, что, рано или поздно, ее потянетъ опять „туда“, въ жизнь,—in's feindliche Leben, какъ сказалъ поэтъ.

По смерти Марьи Яковлевны она, все въ той же роли утѣшительницы, поѣхала во Всесвятское къ Александрѣ Павловнѣ Троекуровой. Молодая женщина, только что оправившаяся послѣ довольно трудныхъ родовъ, приняла ее съ тѣми же чувствами страстной благодарности, съ какою привѣтствовала пріѣздъ княжны изъ Петербурга ея покойная мать, и умоляла ее поселиться у нихъ, въ ихъ „гнѣздышкѣ“, какъ называла она свою роскошную и веселую усадьбу. „Проси и

*) *Воскресеніе Лазаря.*

ты!“ говорила она мужу, — „она тебя, можетъ быть, больше послушаетъ“.

— Не стану, сказалъ просто Троекуровъ:—княжна должна знать, что она здѣсь у *себя*, подчеркнулъ онъ:—захочетъ—останется, не захочетъ—уѣдетъ...

Кира сочла лучшимъ уѣхать...

У нея были старые друзья, бездѣтные мужъ и жена, возвращенные изъ Сибири въ числѣ другихъ политическихъ ссыльныхъ вслѣдъ за амнистіей, данною на зарѣ новаго царствованія. Она поселилась съ ними въ Женевѣ, откуда по временамъ совершались ими экскурсіи въ Италію или на воды, на берега Рейна... Тамъ однажды въ одномъ русскомъ семействѣ, съ которымъ она случайно познакомилась, встрѣтила она человѣка, имя и дѣла котораго служили въ то время въ Германіи—да и не въ ней одной,—предметомъ восторженныхъ сочувствій и яростныхъ недоброжелательствъ. Звали его—Фердинандъ Лассаль. Княжна знала о немъ по газетнымъ полемикамъ и по одной изъ брошюръ его, заинтересовавшихъ ее своимъ содержаніемъ. Она касалась того самаго мотива, которому она—„такъ ребячески“, сознавалась она теперь внутренно,—думала служить въ своемъ фрейлинскомъ званіи въ петербургскомъ дворцѣ. „Это геніальный человѣкъ“, говорили ей въ томъ знакомомъ ей русскомъ домѣ,—говорила въ этой семьѣ дѣвушка, умѣвшая, какъ оказывалось, внушить этому человѣку „всепожирающій пламень“ *),—„это самоотверженный, сильный, великій борецъ за народъ, за неимущаго, за обездоленнаго пролетарія“!... Замолкшія струны зазвенѣли еще разъ въ душѣ Киры. Она провела три вечера сряду съ „великимъ борцомъ“, жадно слушая его и добираясь до самыхъ мелкихъ подробностей излагаемыхъ имъ теорій. Онъ былъ польщенъ ея вниманіемъ и видимо старался показаться ей съ самой блестящей своей стороны. Онъ былъ замѣчательный діалектикъ, говорилъ горячо, смѣло, *павосно*, если можно такъ выразиться: держался *высокаго слога*, ухищренныхъ метафоръ и превыспреннихъ оборотовъ, съ употребленіемъ при этомъ тѣхъ

*) *Дневникъ г-жи С. С. Вѣстникъ Европы 1877*, кн. 11.

чувствительныхъ выраженій, которыми изобилуетъ нѣмецкая рѣчь и почти всегда оскорбляется русское ухо... Чѣмъ долѣе и внимательнѣе слушала его княжна, тѣмъ холоднѣе, чувствовала она, становилось у нея на душѣ. Страстность,—*показная*, *ударная* страстность его изложенія не будила въ ней ничего подобнаго тому *подымающему* чувству, съ которымъ внимала она когда-то простымъ рѣчамъ Гундурова и его единомышленниковъ... Прежде всего этотъ человѣкъ возбуждалъ въ ней какое-то физіологически-непріятное ощущеніе (она съ неудовольствіемъ даже подмѣтила въ себѣ въ первый разъ этотъ оттѣнокъ). Ея арійская и аристократическая кровь какъ-то инстинктивно возмущалась непомѣрною самоувѣренностью этого Семита, плебейскимъ тщеславіемъ, словно „прыскавшимъ“ изъ каждаго изъ его сустава. Изъ-за каждаго его слова сквозило для княжны назойливое требованіе признанія этой его „геніальности“, въ которой болѣе всѣхъ увѣренъ былъ онъ... а слова его между тѣмъ не расшевеливали въ ней никакого отвѣтнаго чувства. Въ его планахъ общественнаго переустройства, сказывалось ей, не лежало „высшаго духа“,—все основывалось на какой-то чисто экономической растасовкѣ человѣческихъ существованій. „Все это, можетъ быть, такъ и нужно *здѣсь*, у васъ,—но у насъ, нѣтъ, нѣтъ, спаси насъ Боже отъ такого *матеріальнаго* и атеистическаго будущаго!“ выговорила она ему прямо. Собесѣдникъ ея засмѣялся и возразилъ ей, что Россія своимъ общественнымъ устройствомъ гораздо еще болѣе подготовлена воспринять его ученіе, чѣмъ Германія со своими „еще упрямыми феодальными устоями“,—и тутъ же, переходя опять къ своимъ планамъ и чаяніямъ рѣшительной побѣды надъ врагами, заключилъ звенящимъ отъ внутренняго торжества голосомъ, пожирая огненными черными глазами русскую дѣвушку, въ домѣ которой происходилъ этотъ разговоръ: „И близко уже то время, когда женщина, которая сумѣетъ полюбить меня всѣми силами своего существованія, тою непреодолимою, *гигантскою* любовью, что̀ единственно можетъ удовлетворить такого человѣка, какъ я,—когда эта женщина въѣдетъ рядомъ со мной въ золотой каретѣ, влекомой шестью бѣлыми лошадьми, въ Бранденбургскія ворота

Берлина, при кликахъ восторженнаго привѣта шестисотъ тысячъ голосовъ"... *) Онъ еще не договорилъ, какъ княжна встала, поклонилась и вышла.

Невыгодное впечатлѣніе, вынесенное ею изъ этой встрѣчи, повліяло—недаромъ заговорила въ ней въ первый разъ *женщина*,—на весь ея внутренній міръ. Ее какъ бы вдругъ теперь откинуло совсѣмъ отъ того, что̀ такъ долго составляло почти исключительный предметъ ея помысловъ. Вернувшись въ Швейцарію, она положила не читать газетъ и „вообще не заниматься современностью", удовлетворяя своей любознательности книгами историческаго, а также духовнаго содержанія, на которыя указывалъ ей одинъ очень умный французъ, прелатъ, часто наѣзжавшій въ Женеву изъ сосѣдняго Ліона для какихъ-то дѣлъ тамошней католической паствы, и съ которымъ она случайно познакомилась.

Такъ текли ея дни, такъ прошло полтора года. Люди, съ которыми жила она, были пожилые, усмиренные и *ясные* люди... Если не ясно, то тихо было и на душѣ Киры. Она сама съ тайною ироніей сравнивала себя иной разъ съ горнымъ потокомъ, вылившимся на гладь „ровной до приторности" долины. Но въ глубь этихъ недвижныхъ теперь водъ она какъ бы боялась заглядывать. Подъ зеркаломъ ихъ, помимо ея воли, глухо клокотало и выносилось какое-то незримое теченіе. Куда?... Она упорно избѣгала отвѣчать себѣ на это...

Ей суждено было похоронить тамъ, на чужбинѣ, своихъ старыхъ друзей. И мужъ, и жена угасли въ недолгомъ другъ отъ друга теченіи времени. И снова, и еще мучительнѣе, чѣмъ прежде, заныло въ сердцѣ княжны сознаніе сиротства и безцѣльности ея жизни...

Мы уже знаемъ, силой какихъ доводовъ успѣла Александра Павловна Троекурова убѣдить ее вернуться въ Россію, къ ней, во Всесвятское. По полученіи письма, въ которомъ двоюродная ея сестра преднамѣренно преувеличивала опасеніе

*) *Воспоминанія о Лассалѣ* г-жи Раковичъ (урожденной Дённигесъ, изъ-за которой произошла дуэль между Лассалемъ и Раковичемъ, ея въ то время женихомъ, кончившаяся смертью перваго). Перев. въ *Нов. Врем.* 1878 года.

за исходъ вторыхъ своихъ родовъ. Кира цѣлый день провела въ сильномъ волненіи. Въ ней происходила какая-то тяжелая борьба между тѣмъ, что представлялось ей „нравственнымъ ея долгомъ“, и чѣмъ-то другимъ—обаятельнымъ... и страшнымъ. „Что же, *уйти* всегда въ моей власти“, рѣшила она въ заключеніе, расширяя свои прозрачныя ноздри съ тѣмъ гордымъ выраженіемъ кровной арабской лошади, которое составляло отличительный смыслъ всей ея наружности, и уѣхала на другой же день.

И вотъ мы встрѣчаемъ ее въ настоящую минуту здѣсь, у Юшковыхъ, недалекихъ сосѣдей и близкихъ друзей хозяевъ Всесвятскаго, гдѣ гоститъ она уже третій мѣсяцъ. Мы видѣли, что она прибыла сюда, въ Углы, „по порученію Сашеньки“, сказать ея мужу, что та сама собиралась встрѣтить его, но не рѣшилась „изъ-за зубковъ Васеньки“... Она затѣмъ осталась тутъ чай пить, безмолвно и недвижно прислушиваясь къ переданнымъ нами читателю разговорамъ. Что думала она въ это время,—свою-ли особую думу, или о томъ, что составляло мотивъ этихъ разговоровъ, — мы не знаемъ, но то, что нежданно прошепталъ ей сейчасъ молодой Юшковъ о Блиновскихъ крестьянахъ, какъ бы внезапно пробудило ее.

— Да? повторила она;—вы почемъ знаете?

Гриша покраснѣлъ еще разъ.

— Я знаю! коротко промолвилъ онъ, не глядя на нее.

А Троекуровъ, какъ бы вспомнивъ, говорилъ въ это время его отцу:

— Никаноръ Ильичъ Ранцовъ, само собой, оказалъ мнѣ въ губернскомъ присутствіи полное содѣйствіе по этому дѣлу.

— Еще бы! Почвенникъ, а не теоретикъ, засмѣялся Павелъ Григорьевичъ.—Ахъ, батюшка, вспомнилъ и онъ,—вѣдь у меня сегодня была его эксъ-супруга, молодая княгиня Шастунова!...

— Она здѣсь? спросилъ Борисъ Васильевичъ, слегка прижмуриваясь.

— Здѣсь, и чего вѣдь требуютъ отъ меня!...

Онъ передалъ ему то, что уже извѣстно читателю.

— Что же, скажите на милость, говорилъ онъ,—могу я

тутъ, какъ предводитель? Претензія ея о возвращеніи ей свекровью ея капитала, растраченнаго мужемъ, подлежитъ судебному разбирательству, — и та можетъ мнѣ просто указать дверь, если я явлюсь къ ней съ этимъ... Поѣхать я все-таки поѣду, потому что обѣщалъ, прибавилъ онъ тутъ же, — но ужь, право, не знаю, съ какой стороны къ ней приступить.

— А вы напугайте ее, предложилъ смѣясь Борисъ Васильевичъ,—скажите ей, что если она не покончитъ миролюбиво съ невѣсткой, вы увидите себя въ необходимости, какъ естественный защитникъ дворянства своего уѣзда, довести объ этомъ чрезъ губернатора до Высочайшаго свѣдѣнія.

— Попробую, отвѣтилъ съ такимъ же смѣхомъ Юшковъ:— но и безъ васъ не обойдется, предваряю. Красавица объявила мнѣ, что давно знакома съ Александрой Павловной и съ вами, и непремѣнно у васъ будетъ.

— Сашенька получила отъ нея записку сегодня, молвила княжна, зорко вдругъ устремивъ глаза свои на Троекурова,— въ которой она говоритъ, что хочетъ пріѣхать къ ней завтра во Всесвятское.

Онъ неопредѣленно поглядѣлъ на говорившую, потянулъ усъ и закусилъ губу.

— Однако поздно, пора домой, жена безпокоиться будетъ, быстро проговорилъ онъ черезъ мгновеніе... И, обращаясь къ Кирѣ съ шутливою церемонностью:

— Я къ вашимъ услугамъ, княжна! Какъ прикажете: въ экипажѣ или верхомъ? Скоробогатовъ, я видѣлъ, распорядился и тѣмъ, и другимъ.

— Я на моей *Миссъ*, какъ пріѣхала, коротко отвѣтила она.

— И прекрасно! Я очень радъ буду расправить на конѣ ноги послѣ экипажа. Такъ ѣдемте!

— А ночь-то вамъ какая дивная выдалась для проѣздки! сказалъ Павелъ Григорьевичъ, подымаясь съ женой провожать ихъ.

— Божественная! подтвердилъ братъ его, устремляя на выкатившійся изъ-за лѣса полный мѣсяцъ свои вѣчно-юные голубые глаза, и тутъ же процитовалъ изъ Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой,
Тихо Брента протекала
Серебримая луной...

— Гриша, пріѣзжайте въ воскресенье къ намъ, молвилъ по пути студенту Троекуровъ,—на бекасовъ поѣдемъ.

— Въ воскресенье? повторилъ тотъ какъ бы смущеннымъ голосомъ,—не могу, Борисъ Васильичъ...

— Почему такъ?

— Я обѣщалъ... въ другое мѣсто, проговорилъ онъ торопливо, пропуская Троекурова впередъ, видимо съ тѣмъ, чтобы болѣе не говорить объ этомъ...

Юшковы довели гостей черезъ садъ ко двору, гдѣ ждали ихъ лошади. Павелъ Григорьевичъ со своею нѣсколько старосвѣтскою галантерейностью пожелалъ непремѣнно подставить княжнѣ ладонь, опершись на которую одною ногой она другою легко и быстро вскочила на сѣдло и, ласково кивнувъ хозяевамъ, подобрала поводья и тронулась крупною рысью съ мѣста, не дожидаясь Троекурова. Онъ догналъ ее, когда она уже давно выѣхала изъ воротъ усадьбы и спускалась къ гати, придерживая свою *Миссь*, вздрагивавшую ушами и безспокойно косившуюся на огромныя мельничныя колеса, шумно и пѣнисто вертѣвшіяся съ лѣвой стороны ея, всѣ облитыя серебромъ луннаго сіянія.

За ними шагомъ выѣхалъ со двора англійскій двухмѣстный шарабанъ, запряженный парой кровныхъ вороныхъ въ шорахъ, *доставленный* въ Углы, вмѣстѣ съ верховою лошадью Бориса Васильевича, все тѣмъ же отставнымъ кавказскимъ служивымъ Скоробогатовымъ, состоявшимъ теперь у своего „полковника“ въ званіи главнаго конюха. Крещеный Татаринъ, онъ былъ знатокъ и страстный охотникъ лошадей, и берегъ ихъ пуще глаза. Сидя на заднемъ, жокейскомъ мѣстѣ экипажа, онъ зорко оглядывалъ дорогу своими узкими и живыми глазками и ласково улюлюкивалъ своихъ „арабчиковъ“, норовя держаться позади „полковника и барышни“ на такомъ разстояніи „чтобы только голосъ *ихній* услыхать въ какомъ случаѣ“...

IV.

Königin...
O, das Leben ist doch schön!
Schiller. *Don Carlos.*

А ночь въ самомъ дѣлѣ прелесть! сказалъ Троекуровъ, выѣзжая уже рядомъ съ Кирой въ чистое поле.

— Да, отвѣтила она не сейчасъ.

Онъ помолчалъ.

— Вы здоровы, княжна?

— Здорова, вдругъ встрепенулась она.—Почему вы спрашиваете?.. Я всегда здорова, промолвила она, какъ бы отвѣчая чему-то особенному, задѣтому въ ней его вопросомъ.

— И чудесно! А то мнѣ показалось...

— Что?

— Что вамъ, какъ говорится, *не по себѣ* сегодня... Вы просто, я вижу, устали отъ нашей тамъ болтовни съ Павломъ Григорьевичемъ.

— Н-нѣтъ, я слушала... И отчего вы называете это болтовней? спросила она чрезъ мигъ.

— У насъ вѣдь все болтовня, княжна, словно уронилъ онъ.

— Да, конечно, проронила она въ свою очередь,—вы объявили себя сейчасъ скептикомъ...

— И не правъ я развѣ? Развѣ изъ того потока словъ, который изливается въ настоящее время въ Россіи и устно, и печатно, выходитъ какой-нибудь прокъ?

— Вышло однако то дѣло, съ живостью возразила она,— которому вы служите теперь...

— Вы полагаете?.. А какому это дѣлу въ сущности „служимъ“ мы, перебилъ онъ себя: — можете-ли вы опредѣлить?

— Дѣлу *справедливости*, во всякомъ уже случаѣ, подчеркнула Кира.

— Положимъ такъ. Но вѣдь это опять-таки *слова*. Думаете-ли вы, что мы этою „справедливостью“ дадимъ счастье тѣмъ, о комъ мы теперь хлопочемъ, что ихъ жизнь отъ этого разцвѣтетъ розами и лиліями?

— Воспитайте ихъ, образуйте!

Троекуровъ усмѣхнулся не то пренебрежительною, не то унылою усмѣшкой.

— По нашему собственному образцу и подобію, не правда-ли? Отнять у этого народа послѣднее, что̀ есть въ немъ самобытнаго и здороваго, и наградить его вмѣсто этого нашимъ безличьемъ?.. Одолжили бы!..

— Но что̀ же тогда? молвила раздумчиво княжна, безсознательно укорачивая поводья своей лошади: — Чему-же вѣрить, Борисъ Васильевичъ?

— Чему?.. А вотъ этой вѣчной красотѣ земли и неба! вырвалось у него нежданнымъ порывомъ, и онъ быстрымъ движеніемъ поднявшейся руки указалъ на утопавшую въ лунномъ свѣтѣ окрестность...

— Въ такія ночи, заговорилъ онъ черезъ мигъ, — мнѣ всегда вспоминается Кавказъ и тамошняя природа...

— Вы жалѣете о нихъ?

— Случается... Человѣкъ вѣдь такъ ужь созданъ, что онъ непремѣнно о чемъ нибудь жалѣетъ, даже о тюрьмѣ, какъ Шильйонскій узникъ... Дѣйствительно, тамъ были дни лютой скуки, но минуты какія за-то!.. Тамъ *краски*, тамъ поэзія *неожиданности*.

— „Краски“, да; вы, кажется, прежде всего требуете *этого* отъ жизни? не громко промолвила княжна.

— Само собой!.. И какъ мало ужь ихъ остается въ мірѣ, какъ исчезаютъ они повсюду съ каждымъ днемъ! произнесъ Троекуровъ со вздохомъ.—Черезъ сто лѣтъ—думали-ли вы объ этомъ когда нибудь? — въ какую мерзость превратится нашъ міръ!.. Вотъ вы сейчасъ интересовались будущимъ. Представь-

те же себѣ: весь земной шаръ — одна огромная мастерская; всѣ племена и роды—въ однихъ и тѣхъ же пиджакахъ и цилидрахъ на головѣ; природа — черная и зловонная отъ дыма и гари паровыхъ машинъ, и банкирскій гросбухъ, замѣняющій всѣ вѣрованія, всѣ законы и всю литературу человѣческую... Ни страстей, ни поэзіи, ни искусства, — одинъ муравей—какъ всѣ, и всѣ—какъ одинъ! Красиво?.. А вѣдь къ этому неотвратимо, fatalement, ведетъ то, что̀ называютъ „общечеловѣческимъ прогрессомъ“... По мнѣ, въ каторгѣ, въ рудникахъ теперь лучше, чѣмъ въ этомъ будущемъ раю на землѣ!

Горячка этой выходки вырвала улыбку невольнаго сочувствія къ ней на уста Киры.

— Вы однако согласитесь, сочла она тѣмъ не менѣе нужнымъ возразить,—что этотъ „прогрессъ“, если онъ и стираетъ, какъ вы говорите, въ жизни людей *краски*, которыя вы такъ любите, то за-то и ведетъ къ улучшенію судьбы каждаго и всѣхъ, къ распредѣленію между всѣми равной доли земнаго счастія.

— Отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ! воскликнулъ Троекуровъ: — теорія всеобщаго счастья *на землѣ* такой же пуфъ, какъ и знаменитая формула общаго равенства. Никакая религія, начиная съ Евангелія, ни исторія, ни самая физіологія не оправдываютъ этой претензіи. Здоровый, сильный, умный всегда будетъ счастливѣе больнаго, хилаго, тупаго и поработитъ его въ той или другой формѣ... Если бы можно было даже, для блага слабыхъ, уничтожить всѣхъ сильныхъ, то и тогда цѣль не была бы достигнута, потому что и тутъ остались бы градаціи, — кривой все-таки сталъ бы царемъ надъ слѣпыми... Что̀ бы люди ни дѣлали, чего бы ни придумывали,—въ мірѣ до конца вѣковъ будутъ *надѣленные* и *обездоленные*, владыки и рабы, радующіеся и плачущіе, и благо однихъ все такъ же, какъ и теперь, будетъ состоять въ прямой зависимости отъ страданія другихъ.

— Но это ужасно! воскликнула княжна:—у васъ какой то безпощадный фатализмъ, Борисъ Васильичъ...

— Не спорю, сказалъ онъ съ легкимъ пожатіемъ плечъ.— Всякій фатализмъ, между прочимъ, произнесъ онъ какъ бы

вскользь, — предполагаетъ за собою вѣру въ нѣкій, непонятный намъ, но непреложный высшій законъ, которому человѣкъ волей-неволей принужденъ повиноваться... Если тому инстинктивному требованію лучшей доли, счастья, которое прирождено самой натурѣ человѣка, мы будемъ искать удовлетворенія единственно здѣсь, въ предѣлахъ *этой* жизни, — то выходитъ, дѣйствительно, какъ вы говорите, „ужасно“,— какое-то безсмысленное стуканіе лбомъ о непрошибаемую стѣнку...

Онъ примолкъ вдругъ, какъ бы утомясь этимъ разсужденіемъ, но чрезъ мигъ продолжалъ, усмѣхаясь:

— А потому извините, княжна: если никакія человѣческія усилія не въ состояніи искоренить на землѣ несправедливость, насиліе, „эксплуатацію слабаго сильнымъ“, какъ проповѣдуетъ Гриша Юшковъ, то ужъ позвольте мнѣ прямо предпочитать тѣ порядки, при которыхъ все это является на мой взглядъ живописнѣе и красивѣе... Красота—великая сила! Она облагораживаетъ и самое зло, и отношенія людей къ нему. Кровожадный Кабардинецъ-хищникъ, но гордецъ и аристократъ до конца ногтей,—поглядѣли бы вы на него въ его художественныхъ лохмотьяхъ!—и какой-нибудь прилизанный бухгалтеръ въ бѣломъ галстукѣ, удирающій въ Америку съ кассой своего патрона,— сравните, кто изъ нихъ болѣе оскорбляетъ въ васъ человѣческое чувство?... Нѣтъ, княжна, лучше самыя свирѣпыя, но *живописныя* по крайней мѣрѣ времена,— времена Нерона, Цезаря Борджіа, какого-нибудь Али-Паши Янинскаго, — чѣмъ то, что ждетъ людей въ ближайшемъ будущемъ, чѣмъ царство Жида надъ обезличеннымъ человѣческимъ муравейникомъ!...

— Такъ, по-вашему, красота, „эта великая сила“, все, или очень многое, по крайней мѣрѣ, должна извинять въ людяхъ?... И въ княгинѣ Шастуновой, бывшей Ранцовой,—тоже, Борисъ Васильевичъ? нежданно проговорила Кира.

Онъ былъ такъ пораженъ этимъ вопросомъ, что чуть не выпустилъ поводьевъ изъ рукъ. Горячій карабахскій конь его фыркнулъ, взвился и шарахнулся въ сторону, испуганный длинными тѣнями лѣса, въ который въѣзжали они.

Троекуровъ осадилъ его, повернулъ на дорогу и, оправившись самъ отъ неожиданности, спросилъ съ искусственнымъ смѣхомъ:

— Признаюсь, не ожидалъ! Что это вамъ вздумалось заговорить объ... этой женщинѣ?

— Мы много говорили о ней сегодня съ Сашенькой, отвѣтила по нѣкоторомъ размышленіи княжна.

— По поводу ея записки?... Alexandrine желала бы отклонить это посѣщеніе?

— Да!

— Я самъ очень не радъ этому, промолвилъ онъ сквозь зубы.

Но она слышала:

— Вы тоже! Въ самомъ дѣлѣ?

— Васъ удивляетъ? невольно сказалъ онъ.

Она помолчала опять...

— Вы изъ-за нея дрались на дуэли, сосланы были въ армію? вырвалось у нея вдругъ.

— Кто вамъ сказалъ? вырвалось машинально и у него.

— Сережа Лукояновъ; у нихъ въ полку старшіе офицеры это помнятъ... Онъ мнѣ еще въ Петербургѣ разсказывалъ.

— И вы объ этомъ говорили съ Alexandrine? спросилъ онъ морщась.

— Д-да... Она очень...

— Что?

— Она... боится этой женщины...

— Ревнуетъ? Какой вздоръ! вскликнулъ Троекуровъ.

Княжна, еще разъ замедляя ходкій шагъ своей *Миссъ*, обернулась къ нему съ сѣдла:

— Развѣ.... скажите откровенно, Борисъ Васильевичъ, молвила она съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ шутливости въ тонѣ, — развѣ можно такъ *совсѣмъ*, подчеркнула она,—выгнать изъ памяти... изъ души то, что человѣкъ чувствовалъ такъ сильно прежде, изъ-за чего, вотъ какъ вы, онъ рисковалъ своею жизнью?...

— Другими словами: можетъ-ли человѣкъ разлюбить *начисто?*... Это зависитъ...

— Отъ чего?

— О, Боже мой, сколько на это причинъ! засмѣялся онъ:—прежде всего время, разлука...

Кира повела головой какъ бы безсознательно отрицательнымъ движеніемъ.

— Иногда разочарованіе и раскаяніе...

Она вся выпрямилась на своей лошади:

— Раскаяніе! Въ чемъ? Въ томъ, что любилъ?

— Въ томъ, *кого* любилъ, поправилъ онъ.

— Зачѣмъ же любить... недостойное?

— А! Зачѣмъ? Этотъ вопросъ, княжна, не разрѣшилъ еще ни одинъ философъ въ этомъ мірѣ. Любишь, вы знаете, wie der Vogel sint, *потому что*,—и все тутъ!...

— И потомъ въ одинъ прекрасный день, — прочь, не нужно! съ видимою горечью выговорила она. — Такъ могутъ любить одни мущины!

Онъ засмѣялся еще разъ:

— А женщины?

— Почемъ я знаю! отрѣзала она вдругъ и замолкла.

Они ѣхали такъ нѣкоторое время, и лишь звонъ подковъ и храпъ ихъ лошадей раздавались въ гулкомъ воздухѣ лѣса, чрезъ который шелъ ихъ путь. Они то въѣзжали въ густую темь, осторожно наклоняя головы подъ низко опустившимися вѣтвями, то выбирались на *рѣдину*, сквозь широкія прогалины которой мѣсяцъ обливалъ ихъ своимъ палевымъ мерцаніемъ. Троекуровъ съ художественнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за этою перемѣнною игрой тѣней и свѣта, въ которой то исчезалъ, то какъ бы выплывалъ опять тонкій, стройный обликъ его спутницы надъ темно-гнѣдымъ туловищемъ ея лошади, съ надвинутою на лобъ шляпой и сосредоточеннымъ выраженіемъ изящнаго лица... „Ей удивительно пристало верховой костюмъ“, говорилъ онъ себѣ, — „и сидитъ какъ красиво.... Породистая она вся такая!“...

— Княжна, заговорилъ онъ, словно кто толкнулъ его.

— Что? спросила она какъ бы неохотно.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вамъ нравится Гундуровъ?

Она въ свою очередь теперь поражена была нежданностью вопроса.

— На что это вамъ? проронила она будто съ безпокойствомъ.

— Я вамъ скажу, но вы должны обѣщать мнѣ не передавать этого Alexandrine, потому что я хочу выдать вамъ ея секретъ.

— Обѣщаю. Говорите!

— Она, надо вамъ сказать, положила въ головѣ своей, что Гундуровъ тотъ именно идеальный мужъ, о которомъ она давно мечтаетъ для васъ...

— И вы тоже? прервала она его ироническимъ вопросомъ.

— Я? сказалъ онъ, нѣсколько озадаченный,—я не имѣю мнѣнія на этотъ счетъ.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ „идеальности“...

— Кого? Гундурова?

— Ни чьей вообще. Идеальныхъ людей вообще нѣтъ на свѣтѣ,—и слава Богу!... А мужъ онъ *подходящій*, какъ говорится, безспорно!

— Вы находите?

— Совершенно!

— И вы совѣтовали бы мнѣ выйти за него? проговорила съ разстановкой Кира: — вы бы совѣтовали это мнѣ, повторила она, — если-бъ это была не одна фантазія Сашеньки, если бы Сергѣй Михайловичъ вздумалъ въ самомъ дѣлѣ просить моей руки?

Ему вдругъ стало какъ-то непонятно жутко. Но онъ пересилилъ себя.

— Это, очень можетъ быть, не одна „фантазія“ Alexandrine, сказалъ онъ, избѣгая отвѣчать на сущность ея вопроса: — Гундуровъ говорилъ мнѣ не далѣе какъ вчера о васъ въ такихъ сочувственныхъ выраженіяхъ, съ такою *нѣжностью*, — относительно, разумѣется; онъ, вы знаете, не расточителенъ на слова, — что я убѣжденъ, если вы только немножко его

поощрите, онъ вашъ на вѣки! договорилъ чуть-чуть насмѣшливо Троекуровъ.

— И мнѣ, по-вашему, слѣдуетъ „поощрить?“ спросила опять Кира не то печально, не то тревожно.

Онъ дернулъ нервно узду своего коня:

— Почему же нѣтъ, княжна, почему же нѣтъ! произнесъ онъ съ несвойственною ему торопливостью.

— А почему *да?* медленно вымолвила она.

— Потому что, говоря положительно, онъ честный и чистый во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, обезпеченный, равный вамъ по рожденію и образованію... потому еще, что ко всему этому, примолвилъ онъ, какъ бы вспомнивъ,—вы раздѣляете, сколько мнѣ извѣстно, всѣ его убѣжденія.

— Убѣжденія! повторила княжна упавшимъ голосомъ, поразившимъ его въ устахъ ея необычайною *женственностью* своего оттѣнка.—Понимаю-ли я даже теперь, что̀ такое „убѣжденіе!“... Вѣдь вотъ сейчасъ, когда вы излагали такія безотрадныя мысли, я не сумѣла.... не нашла ничего вамъ отвѣтить...

Глаза ея мгновенно блеснули какимъ-то фосфорическимъ блескомъ...

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, Борисъ Васильевичъ, стремительно проговорила она, — неужели ничего не остается, кромѣ „этой вѣчной красоты земли и неба?“...

Что-то словно покоряющееся, сдающееся сказалось ему въ этихъ словахъ, въ выраженіи этого устремившагося на него съ лихорадочнымъ ожиданіемъ взгляда... Давно забытымъ, молодымъ, захватывающимъ ощущеніемъ забилось вдругъ сердце у Троекурова...

— Кира Никитична, началъ онъ... и оборвалъ, пристально уставившись глазами впередъ.

Прямо предъ ними, шагахъ въ двадцати, на узкомъ пространствѣ пролегавшей межъ молодою порослью дороги стояла только что выступившая изъ-за кустовъ мужская фигура въ какой-то вызывающей, чтобы не сказать угрожающей, позѣ, въ надвинутой на самые глаза широкополой шляпѣ и съ

толстой палкой въ рукѣ, отставленной въ бокъ во всю ея длину.

— Ей, кто ты, прочь съ дороги! крикнулъ повелительнымъ голосомъ Троекуровъ, выѣзжая на лошадиную голову впередъ княжны.

Фигура не двигалась.

Онъ далъ шенкель и прямо поскакалъ на нее.

Неизвѣстный прянулъ въ сторону и исчезъ въ ближайшихъ кустахъ.

И въ то же время раздался голосъ догонявшей Троекурова Киры:

— Борисъ Васильевичъ, оставьте!... Я знаю, кто это, скороговоркой промолвила она, выравниваясь съ нимъ:—ѣдемте!

И она пустила лошадь свою крупною рысью.

Онъ недоумѣло, со сжатыми отъ неостывшей досады бровями, понесся за нею... Они проѣхали такъ молча и рядомъ съ полверсты.

Кира перевела *Миссъ* на тихій шагъ и, не оборачиваясь на своего спутника:

— Это Иринархъ Овцынъ, сказала она.

— Иринархъ! воскликнулъ съ глубокимъ изумленіемъ Троекуровъ:—онъ здѣсь?...

— Да, и я боюсь—для какихъ-то нехорошихъ дѣлъ, поспѣшно заговорила она: — вы слышали у Юшковыхъ, отецъ спрашивалъ Гришу, кто такой товарищъ, который пріѣзжалъ къ нему отъ Троженкова, и тотъ назвалъ фамилію „Ѳедоровъ“... Это неправда, это былъ онъ, Иринархъ, я знаю!

— Да, я замѣтилъ, Гриша при этомъ казался сконфуженнымъ... И вздоръ тотъ опять, который онъ несъ послѣ... Неужели этотъ негодяй успѣлъ сбить съ толку нашего бѣднаго юношу!... Но какъ *вы* все это знаете, княжна, откуда?..

— Я получила отъ него письмо.

— Письмо! Что ему отъ васъ надо? запальчиво спросилъ и тутъ же, сдерживаясь, закусилъ губу Троекуровъ.

— Онъ мнѣ писалъ еще въ Женеву изъ Лондона, узнавъ отъ кого-то, что я тамъ живу, насчетъ тѣхъ бумагъ, которыя онъ у меня оставилъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петер-

бурга. Я ему тогда же отвѣтила, что принуждена была ихъ сжечь по такой-то причинѣ... Вы помните, вы въ самый этотъ день пріѣхали ко мнѣ во дворецъ вслѣдъ почти за графомъ Анисьевымъ... Но онъ не повѣрилъ мнѣ или... искалъ случая видѣть меня, — сдержанное неудовольствіе послышалось въ тонѣ княжны, — только онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что сообщеніе мое не удовлетворяетъ его и что онъ будетъ ко мнѣ въ Женеву, для личныхъ объясненій. Я этого никакъ не желала и, чтобы не писать, скорѣе телеграфировала ему въ Лондонъ, что въ письмѣ моемъ заключалось все, что̀ ему требуется знать о его бумагахъ, а потому я ни малѣйшей надобности не вижу объясняться съ нимъ еще на словахъ. Чрезъ нѣсколько времени однако явился ко мнѣ какой-то его товарищъ съ новымъ письмомъ отъ него; я письма не приняла, но посланному передала подробно весь эпизодъ мой съ графомъ Анисьевымъ. Тотъ выслушалъ, простился и ушелъ. Этимъ кончилось, и я за границей уже болѣе не слышала объ Овцынѣ... Только вчера вечеромъ Анфиса говоритъ мнѣ вдругъ, очень взволнованная, что одинъ знакомый ей по Москвѣ человѣкъ, служащій у помѣщика Троженкова, принесъ на мое имя письмо отъ какого-то господина, который гоститъ у его барина, но что она умоляетъ меня это письмо сжечь не читая, потому что, говоритъ, „изъ этого Троженковскаго гнѣзда одна *язва* можетъ итти“... Я однако потребовала его. На конвертѣ стоялъ мой адресъ, писанный незнакомою мнѣ рукой, но когда я его вскрыла, я увидала руку Иринарха...

— Письмо это у васъ? отрывисто спросилъ Троекуровъ.

— Нѣтъ, я пробѣжала его... мнѣ было любопытно узнать, какъ онъ очутился здѣсь и для чего, — и затѣмъ приказала дѣйствительно Анфисѣ сжечь его... Она была права: лучше было не раскрывать! какъ бы про себя проговорила Кира.

— Что̀ же заключалось въ немъ? Не секретъ, надѣюсь?

— Нѣтъ, я вамъ скажу, отвѣчала она со сдерживаемымъ все также, но помимо ея воли прорывавшимся въ голосѣ волненіемъ,—потому что, я думаю, вамъ... вамъ это надо знать... Какіе-то намеки, угрозы...

— На что намеки, угрозы кому? воскликнулъ, весь запылавъ, Борисъ Васильевичъ.

— Онъ писалъ, что пріѣхалъ сюда для какого-то „предпріятія“ и долженъ поэтому скрываться отъ „алгвазиловъ“, вслѣдствіе чего явиться прямо во Всесвятское не можетъ, но что ему необходимо видѣться со мной, потому что „нѣкоторыя лица, преданныя дѣлу свободы“, захвачены правительствомъ и посажены въ тюрьму на основаніи данныхъ о нихъ, которыя будто могли бы сдѣлаться извѣстными только изъ бумагъ, которыя онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе... Вѣдь это ложь и оскорбленіе! прорвалось наконецъ у Киры негодующимъ взрывомъ:—это все равно, что сказать мнѣ, что я солгала, не кинула, какъ сказала, бумаги эти въ огонь, а передала ихъ полиціи!...

— Разумѣется, ложь, и самая глупая, разсчитанная на то, что вы для своего оправданія согласитесь наконецъ объясниться съ нимъ лично... Онъ просилъ васъ конечно назначить ему время и мѣсто свиданія?

— Онъ самъ назначалъ его мнѣ, гадливо произнесла Кира:—онъ говорилъ въ письмѣ, что будетъ ждать меня три вечера сряду, въ полночь, въ концѣ сада, за рѣкой у калитки, выходящей въ поле... и что если я не приду ни разу, то онъ „возлагаетъ на меня самое отвѣтственность за послѣдствія, которыя *могутъ отъ этого произойти*“, подчеркнула она съ презрительнымъ выраженіемъ въ задрожавшихъ ноздряхъ. — Сегодня, иронически прибавила она, — онъ вѣроятно разсчитывалъ на разговоръ со мной сверхъ абонемента и, узнавъ какъ-нибудь, что я поѣхала къ Юшковымъ, вышелъ сюда ко мнѣ навстрѣчу на дорогу...

— Къ счастію, что вы были не однѣ! воскликнулъ Троекуровъ.

Глаза ея мгновенно сверкнули:

— Я и одна съумѣла бы защититься, Борисъ Васильевичъ...

— Да, молвилъ онъ строго и рѣшительно, — но эта обязанность лежитъ теперь прямо на мнѣ. Вы живете въ моемъ домѣ, подъ моею кровлей... Я не могу допустить, чтобы какой-нибудь негодяй...

— Борисъ Васильевичъ, что вы думаете дѣлать! вскрикнула она взволновано.

— Это мое дѣло!... Смѣю надѣяться, княжна, примолвилъ онъ по-французски съ шутливою напыщенностью выраженія,— что вы имѣете ко мнѣ настолько довѣрія, чтобъ оставить меня безпрепятственно поступить такъ, какъ я почитаю нужнымъ и приличнымъ?...

Она повела на него глазами и тотчасъ же опустила ихъ.

— Да, проговорила она дрогнувшимъ голосомъ, — вы знаете... я вамъ вѣрю!...

Они въѣзжали тѣмъ временемъ въ длинную и широкую кленовую аллею, въ самомъ концѣ которой весело сіялъ сквозь открытыя окна рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ одноэтажнаго дома Всесвятскаго.

— Проѣзжайте потихоньку ко двору, я васъ сейчасъ догоню, сказалъ Троекуровъ, осадивъ своего коня.

Княжна повиновалась.

Онъ остался на мѣстѣ, прислушиваясь къ гулу катившагося за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи шарабана.

— Скоробогатовъ! кликнулъ онъ, между тѣмъ какъ тотъ, завидѣвъ издалека барина, погналъ къ нему уже на полныхъ рысяхъ.

— Чего изволите, ваше вскр...?

— Не повстрѣчался тебѣ сейчасъ у Никольской поросли какой-то человѣкъ въ круглой большой шляпѣ, съ палкой?

— Точно такъ-съ, встрѣлся... Вы на него изволили крикнуть?

— Да. Ты слышалъ?

— Я сейчасъ на голосъ вашъ *арабчиковъ* и погналъ... Только ужь вы съ барышней изволили проѣхать, а онъ, смотрю, изъ кустовъ вышелъ, палкой помахиваетъ, идетъ прямо на экипажъ... Я ажно испужался, думаю, ежели онъ теперича, не дай Богъ, за удила, такъ я аль его въ мякоть раздавлю, аль шарабанъ въ дребезги, потому лѣсъ, сами изволите знать... Только онъ ничего, бочкомъ прошелъ, свиститъ себѣ... Диву

я дался даже, откелева *шарлатанъ* *) такой проявился; по здѣшнимъ мѣстамъ и не слыхалъ было до сей поры...

— Ну, такъ вотъ что̀, прервалъ его Борисъ Васильевичъ:— надо будетъ выслѣдить, не явится-ли этотъ человѣкъ къ намъ во Всесвятское,—но такъ, чтобы ни единая душа въ усадьбѣ объ этомъ не знала, кромѣ тебя. Понялъ?

— Какъ не понять, ваше вскбла...

И старый служивый весь вытянулся вверхъ на своемъ сидѣньѣ.

— Ты каждую ночь, часамъ къ двѣнадцати, пока я не отмѣню этого, отправляйся въ садъ; знаешь, тамъ въ концѣ калитка есть?

— Какъ не знать, помилуйте!

— Я имѣю причину думать, что онъ захочетъ именно пробраться въ эту калитку. Ты гдѣ-нибудь подлѣ, въ кустахъ или за деревомъ, помѣстись такъ, чтобъ онъ тебя никакъ не замѣтилъ. Калитку не запирай и дай ему свободно войти въ садъ.

Скоробогатовъ вопросительно поглядѣлъ на своего „полковника“ и затѣмъ подмигнулъ ему, осклабившись широкою улыбкой:

— Точно такъ, ваше вскбл... волка въ капканъ, значитъ...

Троекуровъ невольно усмѣхнулся.

— Пусти его свободно войти, повторилъ онъ,—а тамъ... но только опять такъ, чтобъ онъ не увидалъ тебя,—бѣги немедля доложить мнѣ.

— Ваше-съ... а не сбѣжитъ онъ, покелева я до васъ добѣгу? спросилъ озадаченный Скоробогатовъ.

— Нѣтъ, усмѣхнулся еще разъ его баринъ,—онъ будетъ ждать.

— Слушаюсь! протянулъ, ничего уже не понимая, тотъ.

— Ну съ Богомъ!... И помни, языкъ за зубами держать! заключилъ Троекуровъ и поскакалъ по аллеѣ догонять княжну.

---

*) На югѣ Россіи мошенниковъ называютъ „шарлатанами“, какъ въ Петербургѣ „мазуриками“ и „жуликами“ въ Москвѣ.

V.

Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
И полно было сердце мое...

Щербина.

Il s'en faut bien que l'innocence trouve autant de protection que le crime.

La Rochefoucauld.

На топотъ ихъ лошадей, изъ одного изъ открытыхъ оконъ дома стремительно высунулась до пояса молодая женщина въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и громко крикнула:

— Кира, ты! А Борисъ?

— Вотъ онъ, слѣзаетъ съ лошади, отвѣтила княжна.

— Борисъ, милый!...

И Александра Павловна Троекурова кинулась отъ окна чрезъ всѣ комнаты на лѣстницу и повисла на шеѣ подымавшагося по ступенькамъ мужа, между тѣмъ какъ княжна, которую онъ только-что спустилъ съ лошади, проходила, подобравъ хвостъ своей амазонки, за уголъ дома, направляясь къ одному изъ выходившихъ въ садъ павильоновъ, въ которомъ жила она.

— Хорошо ты съѣздилъ, милый? нѣжно лепетала молодая жена;—а у Васи второй зубокъ прорѣзался! Я непремѣнно хотѣла сама ѣхать къ Юшковымъ увидать тебя скорѣе, но онъ, бѣдненькій, такъ плакалъ... а потомъ взялъ грудь и такъ у меня на рукахъ и уснулъ... А у насъ гости, возгласила она торопливо...

— Кто такой?

— А вотъ увидишь... Пойдемте скорѣе!

Она продѣла руку подъ его локоть и, вся сіяющая и смѣющаяся, повлекла его за собой въ комнаты.

Въ пространной, со стекляннымъ надъ срединой ея куполомъ, гостиной, просѣкавшей домъ чрезъ всю его ширину, съ выходившими на дворъ окнами съ одной стороны и большими стекольчатыми дверями въ садъ съ другой, сидѣли двое пріѣзжихъ. Услыхавъ шаги хозяевъ, они проворно тронулись съ мѣста и пошли имъ на встрѣчу.

— Ахъ, Боже мой, вотъ не ожидалъ! вскликнулъ Троекуровъ, узнавая Ашанина и Ѳедора Ѳедоровича Овцына;— очень радъ, какими судьбами? говорилъ онъ, пожимая имъ руки съ привѣтливостью хорошо воспитаннаго человѣка и хозяина, и въ то же время объясняя себѣ мысленно: „Этотъ донъ-Жуанъ—понятно: *она* въ этихъ краяхъ; но для чего явился сюда этотъ старый „Ламартинъ“, и именно теперь,—вотъ что интересно“!

Старый Ламартинъ все также, на подобіе своему образцу застегнутый до галстука, сухой и длиный, какъ метла, но съ изгибающеюся ловкостью движеній какого нибудь патентованнаго гимнаста, поспѣшилъ объяснить, что онъ давно „сгоралъ желаніемъ воспользоваться дорогимъ ему приглашеніемъ прелестной племянницы“—онъ при этомъ со счастливою улыбкой на устахъ склонилъ галантерейно голову въ сторону Александры Павловны,—„и полюбоваться на ея счастье“,—причемъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ краткимъ, но краснорѣчивымъ взглядомъ обвелъ кругомъ яркоосвѣщеннаго, цѣнноубраннаго покоя, въ которомъ они находились, и вздохнулъ. А вздохнувъ, перевелъ уже естественнымъ нюансомъ на таинственность и, понизивъ голосъ, передалъ скороговоркой, что „есть еще одно обстоятельство, заставившее его пріѣхать въ эти страны, но что онъ объ этомъ сообщитъ Борису Васильевичу послѣ, послѣ“...

— Онъ вытянулся опять весь въ струну, принялъ свой обычный *пріятный* видъ и, указывая на Ашанина:

— А тутъ еще такого безподобнаго compagnon de voyage

судьба послала, осклабился онъ во все лицо,—мы вотъ вмѣстѣ и прикатили.

— И, надѣюсь, на долго? промолвилъ любезно Троекуровъ.

— Вообрази, воскликнула Акександра Павловна,—хотятъ сегодня же ночью уѣхать!

— Что̀ это! Куда?

— Мнѣ необходимо, заторопился отвѣтить Ашанинъ;—если позволите, я пріѣду къ вамъ опять чрезъ нѣсколько дней, но я далъ слово быть завтра утромъ у одного тутъ двоюроднаго мнѣ брата, Блинова, недавняго вашего помѣщика.

— Въ Фатьяновѣ?

— Да.

— Конечно, отъ города это рукой подать, проговорилъ Троекуровъ самымъ серьезнымъ тономъ, глянувъ избока на московскаго донъ-Жуана.

Тотъ вскинулъ на него въ свою очередь свои лукавые большіе глаза и не выдержалъ: покраснѣлъ и засмѣялся.

— Помните, Владиміръ Петровичъ, бѣдную maman, со слышнымъ оттѣнкомъ печали заговорила Александра Павловна,—какъ она всегда смѣялась, что вы будто бы „душу спасаете“. Вы, кажется, все тотъ же шалунъ остались?

— Все тотъ же, Александра Павловна, подтвердилъ жалобнымъ голосомъ онъ.

— Вѣдь надо же когда нибудь и остепениться, промолвила наставительно молодая женщина;—теперь уже и годы ваши не такіе. Что̀ вы наконецъ не женитесь? Хотите, я вамъ въ нашихъ краяхъ невѣсту найду?

Ашанинъ закатилъ глаза къ потолку:

— На такой безчестный поступокъ я никогда не рѣшусь, Александра Павловна.

— Жениться—безчестный поступокъ! вся даже покраснѣла она.

— Такъ точно!

— Это почему?

— А потому что какъ только я женюсь на одной, такъ на другой же день стану думать о другой.

— Вы всегда будете безпутный человѣкъ! вскликнула она съ самымъ забавнымъ негодованіемъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ, ухмыляясь самымъ пріятнымъ образомъ, вмѣшался въ разговоръ и завелъ было длинный иносказательно-скабрезный разсказъ про какое-то новое любовное похожденіе Ашанина, когда Борисъ Васильевичъ прервалъ его вопросомъ:

— А вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, почему же не хотите здѣсь переночевать? Развѣ вы тоже къ Блинову?

Тотъ принялъ немедленно снова свой таинственный видъ, снова вздохнулъ и снова проговорилъ шепотливымъ баскомъ, что „съ господиномъ Блиновымъ онъ не имѣетъ чести быть знакомымъ, но что есть въ той же окрестности одно лицо, быть у котораго ставитъ его въ обязанность *то самое*, о чемъ онъ уже докладывалъ Борису Васильевичу... Но объ этомъ послѣ, послѣ"! повторилъ онъ, подмигивая.

— Это лицо не господинъ-ли Троженковъ? спокойно выговорилъ Троекуровъ.

„Ламартинъ" даже подпрыгнулъ на стулѣ, на которомъ только-что усѣлся:

— Развѣ вамъ что нибудь извѣстно, Борисъ Васильевичъ? пролепеталъ онъ.

Троекуровъ вопросительно взглянулъ на него:

— О чемъ?

— О... о...

Онъ смолкъ тутъ же, машинально устремивъ глаза въ сторону, куда, видѣлъ онъ, мгновенно отвернувшись отъ него, направились глаза его собесѣдника.

Изъ сада въ раскрытую настежъ дверь входила, только-что перемѣнивъ костюмъ, княжна Кира Кубенская. Она была въ черномъ барежевомъ платьѣ, съ большою палевою розой, приколотою художественнымъ пятномъ со всѣми своими листьями къ ея корсажу. Сквозь полупрозрачную ткань бѣлѣло очертаніе ея красивыхъ плечъ; волосы, еще чуть-чуть влажные отъ умыванія послѣ прогулки, подобраны были вверхъ какъ бы вѣнцомъ кругомъ головы... и вся она, стройная и легкая въ этой черной и свѣзной ткани, со сдержаннымъ сіяніемъ

зеленыхъ зрачковъ, походила въ эту минуту на какую-то неотразимую молодую фею средневѣковыхъ сказокъ.

Всѣ обернулись на нее. Ашанинъ чуть не крикнулъ отъ восхищенія; онъ въ дно время далеко не долюбливалъ княжны и проходилъ мимо нея, „не подозрѣвая, что она можетъ сдѣлаться вдругъ такъ хороша“, говорилъ онъ себѣ теперь, взирая на ея воздушный, на ея „будто по облакамъ скользящій обликъ“...

Она произвела не менѣе впечатлѣнія и на свою двоюродную сестру.

— Ахъ, Кира, comme tu es bien avec cette toilette! всплеснула даже руками Александра Павловна; — это у тебя новое платье?

Троекурова внутренно покоробило, словно отъ визга пальца по мокрому стеклу. Онъ вскинулъ глаза на жену и тотчасъ же приказалъ себѣ опустить ихъ, закусывая усъ и нервно поведя плечами.

Княжна не отвѣтила; только въ углахъ ея губъ дрогнула какая-то жалостливая усмѣшка...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцымъ кинулся къ ней, постаринному, „къ ручкѣ“.

— Такъ и не удалось мнѣ, возгласилъ онъ, приложившись къ ней своими изсохшими губами,—встрѣтить васъ въ Москвѣ, княжна, въ пріѣздъ вашъ нынче изъ-за границы! Какъ изволите себя чувствовать?... Да что и спрашивать, разцвѣли вотъ какъ эта роза, которая такъ идетъ къ вашему туалету...

Онъ вдругъ вспомнилъ, что никакого подобнаго же комплимента не отпустилъ до сей минуты, „какъ требовала учтивость“, самой хозяйкѣ дома, и, обернувшись немедля къ ней, произнесъ съ паѳосомъ:

— Но какъ же не цвѣсть и не благоухать въ вашемъ благословенномъ воздухѣ, при вашей блаженной, свободной и, выражаясь по-медицински, раціонально-гигіенической жизни! Вы, напримѣръ, chère Alexandrine, олицетворяете поэзію здоровья.

И, для большой рельефности, онъ, растопыривъ руки ла-

донями вверхъ, встряхнулъ ими нѣсколько разъ, какъ бы держа въ нихъ что-то очень большое и очень тяжелое.

— Да, самымъ добродушнымъ образомъ засмѣялась на это Сашенька, — я ужасно пополнѣла, я знаю, и нисколько на это не сѣтую впрочемъ: — чѣмъ я здоровѣе, тѣмъ лучше для Васи.

— Идеалъ матери, das ewig Weibliche! развелъ въ отвѣтъ тѣ же руки вправо и влѣво Ѳедоръ Ѳедоровичъ, наклонивъ голову,—я всегда *это* предвидѣлъ въ васъ!...

Борисъ Васильевичъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ снуру колокольчика, висѣвшему вдоль одной изъ стѣнъ гостиной и, проговоривъ коротко: „Ужинать!“ выбѣжавшему на звонъ дворецкому во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, направился ко двери, изъ которой только-что вошла Кира. Онъ переступилъ за порогъ ея и, сжавъ брови, вперилъ недвижный взглядъ вдаль, въ голубые переливы и тѣни ночи...

Такъ прошло нѣсколько времени. Онъ совершенно забылъ обо всемъ окружающемъ...

— Борисъ, пробудилъ его голосъ жены,—nous allons souper, mon ami!

Онъ быстро обернулся, вспомнивъ свои обязанности хозяина, и вернулся къ гостямъ.

Слуги тѣмъ временемъ выкатили изъ сосѣдней комнаты круглый большой столъ, накрытый на пять приборовъ и уставленный холодными и горячими блюдами въ серебряныхъ съ покрышками кострюляхъ, бутылками съ виномъ, хрустальными и фарфоровыми кружками со всякими прохладительными напитками... У Ѳедора Ѳедоровича Овцына даже посоловѣли глаза отъ предвкушенія сладости всѣхъ этихъ яствъ и влаги въ этой роскошной, подкупавшей его либеральную душу обстановкѣ:

— Да-съ, вскликнулъ онъ, комфортабельно усаживаясь въ кресло подлѣ хозяйки, — вы въ вашей деревенской пустынѣ, Борисъ Васильевичъ, умѣли осуществить блистательно мудрое наставленіе древняго поэта: мѣшать полезное съ пріятнымъ, utile dulci, и это въ такой гармоніи, въ такомъ изящномъ сочетаніи...

— Вотъ только рыбой бѣдствуемъ, молвилъ Троекуровъ со свойственною ему серіозностью ироніи, прерывая этимъ хвалебныя изліянія стараго пустозвона; — а вотъ это бургонское я вамъ рекомендую...

Онъ чувствовалъ себя внутренно до-нельзя нервнымъ и не зналъ, какъ совладать съ собой. „Поэзія здоровья“ такъ и стояла острымъ гвоздемъ у него въ головѣ. Онъ повелъ изподлобья взглядъ на жену...

Александра Павловна дѣйствительно находилась теперь въ полномъ разцвѣтѣ своей красоты... въ томъ разцвѣтѣ столиственной розы, когда лепестки ея, отогнувшись отъ сердцевинки, раскидываются пышною чашей въ ширь съ чуть-чуть уже подергивающеюся желтизной по краямъ своимъ, и опытный садовникъ не рѣшается срѣзать ее для нарядnаго букета, въ опасеніи, что не продержится она до вечера цѣлою на своемъ стеблѣ... Деревенскій воздухъ, счастье, кормленіе ребенка облекли всю ея наружность въ ту полноту, въ ту зрѣлость формъ, которая, не оставляя прихотливому взору эстетика ничего желать сегодня, возбуждаетъ въ немъ невольно охлаждающее чувство боязни за то, что̀ изъ этого можетъ выйти завтра... Станъ ея, плечи, античная головка казались теперь изваянными изъ другаго, не столь уже нѣжнаго, не столь прозрачнаго мрамора; большіе и строгіе глаза прежнихъ лѣтъ словно размякли и съузились. „Волоокая Гера“, съ которою сравнивалъ ее Кавказецъ Троекуровъ изъ глубины ложи Петербургскаго театра, скорѣе могла бы напомнить въ настоящее время ту „добрую богиню“, *bona dea*, въ которой символизмъ древнихъ олицетворялъ преизобиліе благъ земныхъ...

Онъ подавилъ вздохъ, отвелъ отъ нея глаза... и какъ бы еще сильнѣе вдругъ заговорила въ немъ обнимавшая его досада...

Ашанинъ за это время успѣлъ совсѣмъ овладѣть вниманіемъ княжны Киры. Онъ сидѣлъ подлѣ нея и разсказывалъ ей что-то съ большимъ оживленіемъ; глаза его такъ и сверкали. Для Бориса Васильевича было очевидно, что московскій донъ-Жуанъ забывалъ въ эту минуту не только ту, изъ-за ко-

торой онъ пріѣхалъ въ эти страны, но и все остальное на свѣтѣ, отдаваясь одному изъ тѣхъ мгновенныхъ увлеченій, которыя были такъ же свойственны его природѣ, какъ птицѣ способность летать по воздуху... Но княжна улыбалась на его рѣчи и, повидимому, увлекалась въ свою очередь тѣмъ, что онъ ей „*мололъ*“, представилось Троекурову, — и это находилъ онъ не только несвойственнымъ „такой серіозной дѣвушкѣ“, какъ она, но и... и „не совсѣмъ даже приличнымъ“ съ ея стороны.

— Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ громко, — разъ вы не хотите подарить намъ и завтрашняго дня, не предоставляйте княжнѣ монополіи вашихъ столичныхъ вѣстей, — сообщите ихъ и остальнымъ провинціаламъ, здѣсь сидящимъ. Что новаго въ Москвѣ?

У Ашанина были слишкомъ тонко развиты чутье и слухъ, чтобы тотчасъ же не разслышать язвительной нотки, звучавшей въ этихъ шутливо и дружественно произнесенныхъ повидимому словахъ. Онъ обнялъ зоркимъ и быстрымъ общимъ взглядомъ и выраженіе лица говорившаго, и то странное, не то удивленное, не то довольное выраженіе, съ какимъ въ свою очередь скользнули по этому лицу глаза „дѣвушки“, и отвѣчалъ улыбаясь:

— Я передавалъ княжнѣ одинъ разсказъ Садовскаго... Что же до вѣстей, то я могу дѣйствительно сообщить вамъ нѣчто, совсѣмъ интересное, если только къ вамъ здѣсь, какъ къ сосѣдямъ, не дошло это еще раньше, чѣмъ до Москвы.

— Да, да, засмѣялся и закивалъ „Ламартинъ“,— чрезвычайно интересно, въ самомъ дѣлѣ!

— Что такое? молвила съ видимымъ любопытствомъ Александра Павловна.

— Ваша здѣшняя помѣщица и московская звѣзда—звѣзда, какъ извѣстно, по рожденію, уму и талантамъ,—княгиня Аглая Константиновна Шастунова однимъ словомъ...

Ашанинъ поднялъ свою вилку вверхъ и пріостановился.

— Что же, что дальше?

Онъ опустилъ вилку и произнесъ комически сдавленнымъ голосомъ:

— Перестаетъ вдовствовать!..

— Что вы! Не можетъ быть! воскликнула Троекурова въ изумленіи:—выходитъ замужъ?

— Выходитъ-съ.

— За кого?

— Вы не угадываете?

— Ахъ, Боже мой, засмѣялась она,—неужели les vieilles amours, какъ говорила покойная maman? За Зяблина?

Ашанинъ поклонился:

— Печорина въ отставкѣ, добавилъ онъ,—точно такъ-съ!

— И вы не шутите, Владиміръ Петровичъ? Княгиня пріѣзжала къ намъ сюда изъ своего Сицкаго въ маѣ, я помню; я отдала ей визитъ чрезъ нѣсколько дней, и затѣмъ мы не видались. Но у насъ въ сосѣдствѣ и слуха никакого нѣтъ о томъ, чтобъ она... Я даже не видала monsieur Зяблина въ мой тогда пріѣздъ въ Сицкое.

— А третьяго дня онъ въ Москвѣ самъ объявилъ объ ихъ помолвкѣ.

— Что же, сказала, подумавъ, Александра Павловна, — вѣдь это au fond хорошо, я нахожу. Если уже они такъ долго—молодая женщина не знала, какъ договорить, и слегка покраснѣла,—то этимъ... какъ христіанкѣ, ей надо было кончить!.. Зачѣмъ только она его такъ долго мучила бѣднаго, не соглашалась?..

— А занимателенъ въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Троекуровъ, — долженъ быть тотъ психическій процессъ, который могъ привести наконецъ эту барыню къ теперешнему ея рѣшенію!

— И что же вы бы думали! молвилъ Ашанинъ:—въ основаніи его лежитъ очень почтенное по сущности своей чувство: уваженіе къ имени, которое она такъ долго носила и рѣшилась теперь перемѣнить на другое, потому что, говоритъ она, „оно теперь потеряло tout son lustre et tout son prestige“.

— Отчего же потеряло? спросила не понявъ Александра Павловна.

— Представитель этого имени, сынъ ея, дѣйствительно,

по всѣмъ статьямъ—животное, объяснилъ небрежнымъ тономъ ея мужъ,—но главная, въ глазахъ старухи, вина его состоитъ въ томъ, что вздумалъ онъ жениться противъ ея воли на особѣ, не пользующейся ея расположеніемъ.

— И не заслуживающей его! пылко возгласила молодая женщина:—эта „особа“ не заслуживаетъ ничьего расположенія, Борисъ! Мнѣ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, когда онъ былъ здѣсь, разсказывалъ, какой чудесный человѣкъ ея первый, то есть *настоящій*, мужъ и какъ она съ нимъ поступила!.. Я отъ нея вчера получила изъ нашего города записку: она проситъ быть у насъ. Я ничего ей еще не отвѣчала, я ждала твоего пріѣзда, Борисъ; но я бы никакъ не хотѣла продолжать съ нею знакомства, проговорила она рѣшительно, глядя во всѣ глаза на мужа.

— Что же, какъ желаешь, такъ и дѣлай! проговорилъ онъ равнодушно, поймавъ на-лету обращенный на него въ эту минуту вопросительный взглядъ княжны.

— Д-да, молвила, мгновенно стихая и уже раздумчиво, Александра Павловна, — но какъ это такъ сдѣлать, чтобы не вышло слишкомъ неучтиво?

— А ты вотъ попроси устроить это тебѣ Владиміра Петровича! Онъ такъ любезенъ, во-первыхъ, что не откажетъ *для тебя*, подчеркнулъ Троекуровъ,—съѣздитъ въ городъ нарочно для этого; а затѣмъ его извѣстная ловкость ручается тебѣ за остальное.

Ашанинъ, сдерживая разбиравшій его всегда въ такихъ оказіяхъ смѣхъ, принялъ свой невинный видъ и, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Извольте, Александра Павловна, проговорилъ онъ, и бровью не моргнувъ,—*для васъ* я готовъ посѣтить „эту особу“, единственно *для васъ*.

Она глянула ему въ лицо и покатилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Понимаю, вы для нея и пріѣхали сюда!.. Этотъ Борисъ всегда такъ скажетъ... Такъ ужъ пожалуйста, Владиміръ Петровичъ, вы это мнѣ такъ и обдѣлайте...

— Чтобъ и овцы цѣлы были, и волки сыты? договорилъ онъ за нее.

— Да, да, именно такъ!

— А кто же въ этомъ случаѣ волки? нежданно спросила, все время до сихъ поръ безмолвная, княжна Кира: — вѣдь это ты, пожалуй, выйдешь, Саша!

— Я? вскликнула протестуя та.

— Потому что эта, продолжала княжна,—какъ бы о ней ни судили, — эта обобранная мужемъ женщина и которую свекровь ея—намъ сейчасъ съ Борисомъ Васильевичемъ Павелъ Григорьевичъ Юшковъ разсказывалъ,—на дворъ къ себѣ à la lettre не пустила, несомнѣнно похожа въ эту минуту гораздо болѣе на овцу, чѣмъ на волка.

Лицо Ашанина внезапно передернуло:

— Княжна, позвольте просить васъ передать подробнѣе то, что̀ вамъ извѣстно объ этомъ. Я видѣлъ княгиню Ольгу Елпидифоровну... какихъ-нибудь полчаса всего, прибавилъ онъ съ нѣсколько подозрительною поспѣшностью,—въ проѣздъ ея чрезъ Москву сюда, и ничего далѣе не знаю.

Кира сообщила отъ начала все, что̀ слышала отъ Юшкова.

— Ахъ, Боже мой, я вѣдь ничего объ этомъ не знала! пролепетала смущенно Сашенька; — ты сама знаешь, Кира, когда мы вчера объ этомъ говорили, мы ничего не знали...

— Она пріѣзжала къ Юшкову просить его, какъ предводителя, заступиться за нее, продолжала княжна,—и тебя желала видѣть вѣроятно въ такой же надеждѣ, что ты съ мужемъ можете ей помочь въ этомъ. Она желаетъ, чтобы свекровь возвратила ей хоть ея собственный капиталъ, которымъ она, говоритъ, пожертвовала на уплату долговъ ея мужа въ Парижѣ.

— Я видѣлъ въ клубѣ, въ Москвѣ, самого счастливаго жениха, господина Зяблина, заговорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ: — онъ говорилъ, что Аглая Константиновна отрицаетъ, чтобъ ея невѣстка заплатила какіе-нибудь долги мужа въ Парижѣ, что у нея будто, у молодой княгини то-есть, никогда никакого своего капитала не было.

— Ну, ужь на счетъ этого, вскликнула Александра Пав-

ловна, эта старая Аглая говоритъ неправду. Моя нынѣшняя и бывшая Кирина въ Петербургѣ горничная, Анфиса, была экономкой у отца молодой княгини Шастуновой, и знаетъ навѣрное, что ей по наслѣдству отъ этого отца досталось болѣе полутораста тысячъ, кромѣ дома въ Москвѣ и движимости... Да вотъ эти старинные шкафы, картины, — вспомнила она, — которые вы здѣсь у насъ видите, Борисъ ихъ вѣдь у нея купилъ, и даже, говоритъ, задаромъ...

— Я эту скаредную старуху нисколько не защищаю, поспѣшилъ заявить „Ламартинъ", прижимая руку ко груди, — я только констатирую фактъ... Фактъ печальный, потому что дѣло такимъ образомъ можетъ дойти до суда, а у насъ суды вы знаете какіе: на десять лѣтъ пойдетъ процессъ...

Троекуровъ глянулъ на жену,—ужинъ былъ конченъ; всѣ поднялись изъ-за стола.

— Владиміръ Петровичъ, робко заговорила Александра Павловна, проходя съ нимъ и княжной изъ гостиной въ садъ на террасу, — ее ужасно мучило теперь сознаніе своей „жестокости", — вы понимаете... теперь... Если вы, въ самомъ дѣлѣ, поѣдете къ *ней* въ городъ, вы скажите ей, что я, вмѣсто письменнаго отвѣта, просила васъ сказать, что... конечно, пусть она пріѣдетъ, если только что-нибудь нужно, что я... и Борисъ Васильевичъ готовы все сдѣлать...

Ашанинъ не далъ ей договорить, взялъ ее руку и молча поцѣловалъ ее...

Оставшись одинъ съ Овцынымъ, Троекуровъ взялъ его подъ руку и, отведя въ противоположный саду конецъ гостиной, указалъ ему на кресло, самъ сѣлъ, — и такъ и срѣзалъ его нежданнымъ вопросомъ:

— Вы видѣться съ сыномъ пріѣхали сюда, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

— Развѣ уже извѣстно, что онъ здѣсь? даже поблѣднѣлъ тотъ.

— *Мнѣ* извѣстно, дѣйствительно! подчеркнулъ Борисъ Васильевичъ.

Овцынъ развелъ руками:

— Я несчастный отецъ! завздыхалъ онъ, болѣе театраль-

но впрочемъ, чѣмъ задушевно;— я пріѣхалъ попытаться спасти моего сына отъ Сибири.

Троекуровъ холодно поглядѣлъ ему въ глаза:

— Для чего онъ тутъ и откуда? Изъ-за границы? И подъ чужимъ именемъ?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ закачалъ утвердительно головой.

— Почемъ вы знали, что онъ здѣсь? Онъ къ вамъ писалъ?

— Нѣтъ, какъ бы испуганно воскликнулъ тотъ, — ни строчки я отъ него не получалъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онъ... покинулъ Россію. Случайно, раза два, имѣлъ о немъ извѣстіе отъ лицъ, видѣвшихъ его за границей... Узналъ-съ я объ этомъ... Я буду съ вами совершенно откровененъ, Борисъ Васильевичъ, перебилъ себя онъ,—узналъ-съ я отъ нѣкоего жандармскаго полковника въ Москвѣ.

— Вотъ какъ! не могъ не усмѣхнуться Троекуровъ.

— Да-съ... Человѣкъ онъ впрочемъ совершенно образованный, либеральный... Пріятели мы съ нимъ по клубу; самъ онъ большой чтецъ и поклонникъ нашего даровитаго Александра Ивановича и его *Колокола*, весьма иронически, можно сказать, относящійся къ нынѣшней реакціи...

— А! А развѣ есть реакція? И въ чемъ же, съ чьей стороны?

— Помилуйте, послѣ этихъ пожаровъ въ Петербургѣ тамъ страшно перепугались, и начались такія гоненія, *алгвазильство*, такъ сказать... Заподозрили литературу, редакторовъ призывали къ начальству, нотаціи имъ грозныя читали, политическую подкладку непремѣнно хотѣли найти подъ простымъ фактомъ этихъ пожарныхъ явленій, причина которыхъ, какъ всѣмъ кажется давно извѣстно, лежитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ непроходимомъ варварствѣ нашего народа... „Эмиссаровъ“ какихъ-то стали искать, множество неповинной молодежи арестовали, допрашивали въ III Отдѣленіи. Иринархъ, къ счастью, успѣлъ этого избѣгнуть и улетучиться...

— А и онъ тамъ былъ?

— Повидимому-съ, вздохнулъ Овцынъ,—или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвается, что былъ въ это время въ Петербургѣ... Съ цѣлымъ тюкомъ лондонскихъ изданій изловчился проѣхать

до Москвы, домолвилъ онъ тутъ же шопотомъ и какъ бы уже любуясь такою „ловкостью“ сына.

— И все это вы отъ пріятеля вашего жандарма узнали?

— Сообщилъ-съ, да, по дружбѣ... Гуманный вполнѣ, какъ докладывалъ я вамъ, человѣкъ!... Ужинаемъ это мы съ нимъ въ клубѣ послѣ партіи. Обыгралъ онъ меня, признаться, въ этотъ вечеръ въ лоскъ. Я ему и смѣюсь: дорого-молъ обошлись вы мнѣ сегодня. А онъ мнѣ вдругъ и говоритъ: „Хотите за это хорошій совѣтъ?“ Я гляжу на него: Сдѣлайте милость, говорю, — насчетъ чего? — „Насчетъ вашего сына“... А какъ мы въ эту минуту одни одинехоньки находились въ столовой, онъ мнѣ и передалъ про этотъ пріѣздъ Иринарха изъ Лондона съ тюкомъ, и что онъ изъ Петербурга скрылся.— „Теперь же, говоритъ, нами получено свѣдѣніе, что онъ проживаетъ тамъ-то, — губернію назвалъ, уѣздъ, — у нѣкоего отставнаго губернскаго секретаря Троженкова, который тоже намъ извѣстенъ какъ корреспондентъ *Колокола*. Намъ слѣдовательно сына вашего арестовать надобно. А потому, если хотите спасти его, извѣстите его скорѣе вѣрнымъ путемъ, или, если можете сами, такъ еще лучше, чтобъ онъ не медля уѣзжалъ изъ тѣхъ мѣстъ, а я распоряженіе объ его арестѣ пока здѣсь попридержу“. — Куда же ему ѣхать, спрашиваю, какъ вы полагаете? „Ну, это его дѣло, говоритъ, за границу опять или куда хочетъ, только чтобы *намъ* мѣстопребываніе его неизвѣстно было,—понимаете?“—Понимаю, говорю ему, и ужъ не знаю, какъ васъ благодарить. — А онъ мнѣ, повѣрите-ли, вотъ что на это отвѣчаетъ: — „Я, говоритъ, сочувствую вполнѣ благороднымъ стремленіямъ молодежи и на мѣстѣ вашего сына былъ бы, вѣроятно, такимъ же дѣятелемъ прогресса, какъ и онъ, и только, говоритъ, нужда заставляетъ меня служить въ инквизиторахъ“. И при этомъ изъ самой глубины души, какъ видно, вздохнулъ... То-есть до слезъ довелъ, прямо скажу вамъ, Борисъ Васильевичъ.

— Это дѣйствительно трогательно, сказалъ не моргнувъ Троекуровъ.—И вы по совѣту этого пріятеля вашего пріѣхали сюда?

— По отцовскому чувству своему и долгу, Борисъ Ва-

сильевичъ! счелъ нужнымъ съ паѳосомъ пояснить Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А по долгу *гражданина*, тѣмъ же холоднымъ тономъ продолжалъ тотъ,—передадите вашему сыну, какъ „дѣятелю прогресса“, что даже жандармы восхищаются тѣмъ, что онъ творитъ, и оказываютъ ему покровительство.

„Ламартинъ“ опѣшилъ нѣсколько:

— Я предварю его... согласно тому, что мнѣ было обязательно сообщено, пробормоталъ онъ.

— Прекрасно сдѣлаете!... А я ужъ кстати попрошу васъ посовѣтовать ему отъ *меня*, промолвилъ Троекуровъ дрогнувшимъ отъ вдругъ пронявшаго его раздраженія голосомъ, — поспѣшить скорѣй удалиться отсюда!... Онъ вскинулъ неудержимо на своего собесѣдника свои блѣдно-голубые, страшные въ эту минуту своимъ безпощаднымъ блескомъ, глаза; зубы его стиснулись: — Скажите ему, что я ни съ какой стороны на вашего жандарма не похожъ, — ни съ „инквизиторской“, ни съ „либеральной“. Онъ можетъ жечь и проповѣдывать, гдѣ и что ему угодно,—это не мое дѣло; но если ему вздумается нарушать чей-либо покой въ моемъ домѣ... или мутить въ мѣстности, гдѣ я живу,—онъ столкнется со мной, а я... Я не мягокъ характеромъ, предваряю васъ...

Онъ поднялся на ноги, потянулъ усъ до боли, стараясь осилить припадокъ этого внезапнаго, прорвавшагося у него нежданно для него самого гнѣва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вернулся опять на мѣсто.

Овцынъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, что говорится, ни живъ, ни мертвъ, машинально слѣдя за нимъ глазами и въ совершенномъ недоумѣніи.

— Я никакъ не понимаю, Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ,—чѣмъ могъ подать вамъ поводъ Иринархъ...

— Вы только передайте ему мои слова, *онъ* поймете! перебилъ его Троекуровъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и съ насилованною улыбкой, — à bon entendeur salut!... И вы рѣшительно хотите ѣхать сегодня же въ ночь? спросилъ онъ чрезъ мигъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ встрепенулся:

— Да-съ, мнѣ теперь, я вижу, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ торопиться...

— Такъ надо распорядиться лошадьми.

Борисъ Васильевичъ всталъ и дернулъ за снурокъ колокольчика.

— Alexandrine, еще до вашего возвращенія, была такъ добра приказать, чтобы къ полночи лошади были намъ готовы.

— Лошади готовы-съ, доложилъ вошедшій тѣмъ временемъ дворецкій.

— Такъ ужь позвольте съ вами проститься! вставая и протягивая руку, молвилъ Овцынъ.

— Надѣюсь, до свиданія! сказалъ на это Троекуровъ, подавая ему руку тоже и возвращаясь уже вполнѣ къ ласковому тону благовоспитаннаго хозяина.

— Если позволите,—и, *надѣюсь* въ свою очередь, по достиженіи результата, настолько же, повѣрьте, желаемаго мной, какъ и вами, любезно, но не безъ нѣкотораго тайнаго намѣренія язвительности произнесъ тотъ. — Надо проститься съ дамами, промолвилъ онъ, трогаясь съ мѣста, — и какъ бы вспомнивъ:—я не почелъ нужнымъ передавать Alexandrine о причинѣ моего пріѣзда сюда, и далъ ей понять, какъ и моему compagnon de voyage, что имѣю денежные разсчеты съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ...

— И прекрасно сдѣлали! одобрительно кивнулъ Борисъ Васильевичъ:—она очень добра сердцемъ, сынъ вашъ—двоюродный ей братъ, но вы понимаете сами...

— Понимаю-съ, не давъ ему договорить вздохнулъ старый Ламартинъ: — въ нынѣшнее время политическія убѣжденія начинаютъ порывать самыя старыя и кровныя связи. Печально-съ,—но естественно!

Троекуровъ повелъ лишь на это утвердительно головой. Овцынъ, видимо довольный эффектнымъ оборотомъ произнесенной имъ сентенціи, поклонился еще разъ и отправился по направленію сада прощаться съ дамами.

Пока онъ разсыпался съ ними въ любезностяхъ, Ашанинъ вернулся съ террасы въ гостиную за своею дорожною шляпой.

— Два слова, Владиміръ Петровичъ! сказалъ шедшій ему навстрѣчу хозяинъ.

— Сдѣлайте милость, что прикажете?

Они прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ.

— Вотъ что, началъ Борисъ Васильевичъ, останавливаясь и слегка притрогиваясь къ рукаву Ашанина: — потрудитесь, во-первыхъ, передать господину Блинову, что въ губернскомъ крестьянскомъ присутствіи дѣло его съ крестьянами о лугахъ рѣшено въ его пользу. Не забудете?...

Онъ пріостановился.

— Не забуду... А *во-вторыхъ*? спросилъ Ашанинъ.

Троекуровъ повелъ на него какъ бы разсѣянно глазами:

— Вы, не правда-ли, говорили, что видѣли Ольгу Елп... молодую княгиню Шастунову въ Москвѣ?

— Очень не надолго... промямлилъ донъ-Жуанъ.

— Достаточно, чтобы заставить васъ пріѣхать въ наши мѣста, отрѣзалъ съ усмѣшкой Троекуровъ,—но не въ этомъ дѣло. Скажите, не говорила она вамъ... она нуждается? спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Не говорила, но въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Мужъ дѣйствительно обобралъ все, что у нея оставалось цѣннаго, послѣ того какъ и весь собственный капиталъ ея пошелъ на уплату его долговъ.

— А пока та старая дура не будетъ принуждена тѣмъ или другимъ путемъ возвратить ей деньги, пройдетъ время... Ей нечѣмъ жить!

— Вѣроятно. Она говорила мнѣ, что надѣется продать домикъ, принадлежащій ей въ вашемъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ она думала жить, пока не устроятся ея дѣла со свекровью.

— Ее такъ оставить нельзя, проронилъ, не слушая и не глядя на него, Троекуровъ:—пройдемте на мою половину!

Ашанинъ безмолвно послѣдовалъ за нимъ.

Половина Троекурова состояла, кромѣ передней съ отдѣльнымъ входомъ со двора, изъ большой и длинной комнаты, библіотеки, служившей ему пріемной по его посреднической должности, квадратнаго кабинета en boiserie строгаго голланд-

скаго стиля и маленькой рядомъ спальни въ одно окно на дворъ. Окна и большая дверь въ кабинетѣ,—въ который теперь вошли они,—выходили въ садъ.

Пока Ашанинъ съ художественнымъ удовольствіемъ оглядывался на темныя, изящно рѣзанныя изъ чернаго дуба стѣны, по которымъ кое-гдѣ уголъ золоченой рамы картины выдѣлялся яркимъ бликомъ, подъ падавшимъ на нее свѣтомъ большой одинокой лампы, стоявшей на огромномъ письменномъ столѣ посреди комнаты, хозяинъ, присѣвъ къ этому столу, писалъ что-то на листкѣ почтовой бумаги, лежавшемъ на его бюварѣ.

— Я васъ попрошу, Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ кончивъ, вкладывая написанное въ обложку и продолжая не глядѣть на него,—взять этотъ кредитивъ на мою московскую контору и пользоваться имъ, когда и насколько будетъ *тамъ* нужно.... Цифрой суммы прошу васъ не стѣсняться никакъ,—но вы должны мнѣ дать честное слово, что *ни въ какомъ случаѣ*, вѣско отчеканилъ онъ,—имя мое не будетъ вами произнесено... Вы сумѣете, конечно, объяснить княгинѣ, откуда черпаете возможность ссужать ее, пока дѣла не приведутся въ порядокъ, не называя меня, не правда-ли?

— Сумѣю, Борисъ Васильевичъ, произнесъ тронутымъ голосомъ Ашанинъ, вкладывая письмо въ свой портфель,—и понимаю вашу деликатность...

— Сдѣлайте милость, живо и съ улыбкой прервалъ его тотъ,—не приписывайте этого какимъ-нибудь высокимъ чувствамъ, а просто ненависти моей къ званію за-и-мо-давца. Я состоялъ *должникомъ* половину моей жизни и до того проникся духомъ этого амплуа, что возненавидѣлъ бы самого себя въ роли *кредитора*, а относительно женщины тѣмъ болѣе...

— Нѣтъ, я—ничего, вздохнулъ комически красавецъ,—промѣнялъ бы сейчасъ собственную мою на роль амплуа Жида моего, Зедербаума:—по два процентика въ мѣсяцъ плачу ему второй годъ.

— Я и по четыре платилъ, и неустойки, капиталъ на капиталъ, засмѣялся Троекуровъ.—Пойдемте однако; Ѳедоръ

Ѳедоровичъ Овцынъ успѣлъ, надо-быть, вычерпать съ дамами свою любезность до дна и ждетъ васъ...

Онъ остановился на-ходу.

— А на прощанье позволите-ли маленькій, дружескій совѣтъ? неожиданно проговорилъ онъ.

— Сдѣлайте милость! молвилъ удивленно Ашанинъ.

— Особа... о которой мы сейчасъ говорили, нуждается теперь не въ однихъ матеріальныхъ средствахъ, но и...

— Но и...? повторилъ вопросительно красавецъ.

— Здѣсь не столица; каждый шагъ ея здѣсь будетъ извѣстенъ; враги, эта злая дура свекровь ея, воспользуются малѣйшею ея неосторожностью для своихъ видовъ и вреда ей... Не *смущайте* ее, проговорилъ съ серьезною нотой въ голосѣ Борисъ Васильевичъ, наклоняясь къ его уху.

Ашанинъ покраснѣлъ до ушей:

— Но я васъ увѣряю... пролепеталъ онъ.

Троекуровъ остановилъ его:

— Къ чему? Я сказалъ; остальное—дѣло вашей совѣсти... Пойдемте!..

VI.

Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
Лермонтовъ. Ребенку.

Enfants, nous qui pensons, nous qui vivons,
nous sommes
Tristes, hargneux, mauvais...
Puis on a dans le coeur quelque remord.
Voilà
Ce qui nous rend méchants. Vous saurez
tout cela
Quand vous serez plus grands, c'est à dire
moins sages.
V. Hugo. A des oiseaux envolés.

Гости уѣхали.

Проводивъ ихъ любезно до самаго крыльца, Троекуровъ вернулся на террасу, гдѣ жена его и княжна Кира, сидя рядомъ на скамейкѣ у выходной изъ гостиной двери, съ закинутыми къ стѣнѣ головами, облитыя млѣющимъ сіяніемъ лунной ночи, вели негромкій межъ собой разговоръ.

Услыхавъ шаги подходившаго мужа, Александра Павловна, не перемѣняя положенія, быстро повела глазами въ его сторону, поймала на проходѣ его руку и неудержимымъ движеніемъ поднесла ее къ губамъ:

— *Цыпинька* мой! чуть слышно, дѣтскимъ лепетомъ прошептала она, взглянувъ ему въ лицо съ безконечною нѣжностью, и тутъ же опустила эту руку и слегка заалѣла, вспомнивъ, что онъ „не любитъ эти *нѣжности*, да еще при другихъ“...

— Кира говорила мнѣ, что ты видѣлъ Сергѣя Михайловича Гундурова, Борисъ, и что онъ обѣщалъ скоро быть къ намъ? поспѣшила она сказать громко и засмѣялась:—я сейчасъ ей говорила, что если-бъ онъ увидѣлъ ее сегодня въ этомъ ея черномъ туалетѣ,—она, не правда-ли, точно *la reine de la nuit*, какъ въ картинкѣ, сегодня?—конечно, онъ такъ бы и упалъ къ ея ногамъ...

— Никто не мѣшаетъ княжнѣ повторить эффектъ этого туалета, когда онъ будетъ здѣсь, проговорилъ на это небрежно насмѣшливымъ тономъ Троекуровъ.

— Саша, c'est une vraie scie, ma chère! недовольнымъ голосомъ молвила въ свою очередь Кира:—и что всего смѣшнѣе, ты пилишь меня человѣкомъ, который такъ же мало думаетъ обо мнѣ, какъ я о немъ.

— Ты—я не знаю, воскликнула Александра Павловна,—ты, Богъ тебя знаетъ, какая ты льдина! Но онъ, ты меня не увѣришь,—онъ... Я видѣла, какими глазами онъ глядитъ на тебя всегда, и все его лицо точно вдругъ освѣтится, когда онъ замѣтитъ, что то, что онъ говоритъ, нравится тебѣ; il n'y a que les amoureux, которые такъ смотрятъ...

— И люди, которые любятъ, чтобъ ихъ слушали, уронила съ холодною усмѣшкой княжна.

Троекуровъ обернулся на мигъ на говорившую, усмѣхнулся самымъ уголкомъ губъ и, опустивъ руки въ карманы своей жакетки, медленно зашагалъ по террасѣ, глядя себѣ подъ ноги не то разсѣянными, не то озабоченными глазами.

Но Александра Павловна не сдавалась:

— Онъ такъ много съ тобой говоритъ, горячо доказывала она,—потому что знаетъ, что это тебя интересуетъ; ты сама прежде ни о чемъ другомъ не думала, какъ о *политикѣ*... А ты если теперь придираешься къ нему за это, то единственно потому, что хочешь непремѣнно найти что-нибудь противъ него внутри себя,—и не находишь ничего, кромѣ этого же опять... Ты ужь просто скажи, что онъ тебѣ не нравится, короче будетъ!

— А если я это такъ и скажу тебѣ прямо,—ты отъ меня отстанешь?

Сашенька махнула сердито рукой:

— Ты свое счастье въ окно выкидываешь... И все это твоя вѣчная гордость дѣлаетъ!...

— Гордость! тихо и съ какою-то загадочною улыбкой повторила Кира:—это старая пѣсня!...

— Старая и все та же, да!... Tu ne veux pas de maître, развѣ это не такъ? Я давно поняла тебя,—ты не признаешь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь могъ стать надъ тобой... Кира, милая, а если бы ты знала, прошептала она, внезапно ухватывая руку княжны и наклоняясь къ самому ея уху, — если бы ты знала, какъ сладко покориться тому, кого любишь!...

Княжна глянула ей вдругъ въ лицо, словно испуганная:

— Покоряться—такъ ужь Богу! вырвалось у нея нежданнымъ, невольнымъ возраженіемъ.

Александра Павловна въ свою очередь теперь испуганно вскинула на нее глаза:

— Что же это,—не хочешь-ли ужь ты въ монастырь, какъ *Лиза* въ *Дворянскомъ гнѣздѣ?*

— Да пожалуй, въ Италіи, поспѣшно отвѣтила Кира и такъ же поспѣшно засмѣялась:—тамъ въ Апеннинахъ есть одинъ древній монастырь. Я тамъ была. Что за видъ оттуда, прелесть!

— Ты сумасшедшая! вскликнула Троекурова:—съ тобой нельзя говорить серьезно.

— Тѣмъ болѣе, что спать пора, поздно, молвила на это съ тѣмъ же дѣланнымъ смѣхомъ княжна, быстро подымаясь съ мѣста:—прощайте!

Она кивнула и, чуть-чуть приподнявъ край своей юпки, побѣжала по ступенькамъ, спускавшимся съ террасы въ садъ.

— Кто же такъ прощается, княжна? молвилъ Троекуровъ, идя за ней:—дайте хоть руку на сонъ грядущій, а то можно подумать, что вы сердитесь.

Она на-ходу протянула ему снизу вверхъ эту—какъ ледъ холодную—руку и, не отвѣчая на его пожатіе, не глядя на него, исчезла чрезъ мигъ за клумбой розановъ въ цвѣту, раскинутою предъ павильономъ, въ которомъ она обитала.

— Вотъ она всегда такая! жалобно выговорила Алексан-

дра Павловна, обращаясь къ мужу:—и очень хотѣла бы я знать, чѣмъ такой человѣкъ, какъ Гундуровъ, можетъ ей не нравиться?

— Да какое тебѣ до этого дѣло въ сущности?

И Троекуровъ досадливо повелъ плечомъ. Она замѣтила это движеніе и встревожилась:

— Боже мой, Борисъ, какъ же ты можешь это говорить! Я ее люблю, я ей отъ всей души желаю счастья.

— Каждый понимаетъ счастье по-своему, произнесъ онъ мягко и стараясь улыбнуться,—и беретъ его, гдѣ знаетъ.

— Да гдѣ-жь она возьметъ его, гдѣ? протестовала молодая женщина:—пробовала она въ Петербургѣ *свое*... И съ чѣмъ оттуда уѣхала? Печальная, разочарованная... И тотъ самый человѣкъ, который тамъ,—она сама же говорила,—былъ болѣе всего ей симпатиченъ, она его теперь...

— Ну, милый другъ, вѣдь это у насъ сказка про бѣлаго бычка пойдетъ, прервалъ ее мужъ, скрывая внутреннее нетерпѣніе подъ ласковою шутливостью тона этихъ словъ,—а у меня на завтра къ 8 часамъ старшины изъ трехъ волостей вызваны. Разойдемся по постелямъ!

Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ на прощанье.

— Борисъ, промолвила Александра Павловна съ чуть-чуть слышавшимся робкимъ упрекомъ въ голосѣ,—развѣ ты не зайдешь къ дѣтямъ... Ты ихъ цѣлые пять дней не видалъ.

— Ахъ, конечно, конечно... сейчасъ! вскрикнулъ онъ, слегка смутившись:—я думалъ самъ... и вдругъ вспомнилъ объ этихъ старшинахъ...

Она продѣла подъ его руку свою, сама вся головой и грудью прижалась къ нему и, не чувствуя ногъ подъ собой отъ какого-то мгновеннаго, страстнаго прилива счастія, повела его чрезъ весь домъ въ дѣтскую.

На порогѣ ея Троекуровъ замедлилъ шаги... То, что только-что скребло и ныло въ его душѣ, было такъ далеко отъ *этого*, отъ этой свѣжести... отъ этой „святости“...

Высокая комната со свѣтлыми обоями, мерцающая лампадка въ углу предъ иконами въ старинныхъ золотыхъ окладахъ,

полуотворенныя окна въ садъ, со вставленными въ нихъ рамами, обтянутыми кисеей, сквозь которую льется ночной воздухъ, примѣшиваясь къ слабому запаху молока и ромашки, старая няня, повязанная платкомъ, вздремнувшая на покрытомъ ковромъ сундукѣ и рядомъ колыбель и кроватка съ падающими на нихъ кругомъ вплотную широкими складками бѣлоснѣжныхъ кисейныхъ занавѣсей... Миръ, благодать, еле слышное, ровное дѣтское дыханіе...

— Тсс... Маша, кажется, проснулась, прошептала Сашенька на ухо мужу, осторожно переступая съ нимъ по обитому на лѣто толстою парусиной полу дѣтской.

Она подвела его къ дѣвочкѣ, къ „старшей въ семьѣ“, какъ говорилъ онъ въ веселыя минуты... Чуткая старушка няня мигомъ приподняла съ сундука свою сѣдую голову:

— Спятъ покойненько, молвила она, кивая съ мѣста и тутъ же подымаясь на ноги.

Александра Павловна такимъ же кивкомъ дала ей знакъ не безпокоиться, осторожною рукой отогнула полы занавѣсей и, наклонившись надъ кроваткой, пригласила движеніемъ глазъ мужа послѣдовать ея примѣру...

Бѣлокурая и кудрявая, какъ отецъ, съ черточкой длинныхъ, черныхъ, какъ у матери, рѣсницъ надъ разгорѣвшимися пухлыми щечками, спала полуторагодовая Маша, закинувъ за голову крохотную ручку, полураскрывъ влажныя розовыя губки... И вотъ, словно почуявъ устремленные на нее глаза родителей, она задвигалась, повернулась, открыла на мигъ большіе темноголубые глазки... „Ма-ма“, съ улыбкой пролепетала она, закрыла ихъ опять и сладко вздохнула, уносимая снова неодолимыми чарами сна...

— Благослови ее! прошептала молодая мать.

Троекуровъ торопливо и неловко, какъ всегда это бывало съ нимъ въ подобныхъ случаяхъ, — съ какимъ-то смутнымъ ощущеніемъ своей „недостойности“, — провелъ крестообразно пальцы надъ головой дочери...

— А вотъ и Василій Борисычъ голосъ *подаютъ*, проговорила, счастливо улыбаясь, Сашенька, быстро закидывая занавѣски кроватки и направляясь къ колыбелькѣ, изъ которой

раздался плачъ младенца;—это онъ не отъ зубковъ теперь, я знаю, успокоительно примолвила она, вынимая оттуда сына въ его пеленкахъ и кружевномъ чепчикѣ и поднося его лобикомъ къ губамъ мужа:—*они* кушать *просятъ*... Ты поцѣлуй его и иди себѣ теперь, Борисъ; доброй ночи! заключила она съ тою же блаженною улыбкой, отворачиваясь отъ него стыдливымъ движеніемъ, чтобы отстегнуть пуговицы своего корсажа...

Онъ направился къ двери, взялся за ручку, но прежде чѣмъ пожать ее, оглянулся, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ унести съ собой всю полноту впечатлѣнія этого чистаго, таинственнаго и проницающаго дѣтскаго міра.

Вася пересталъ плакать. Молодая мать-кормилица, низко нагнувъ къ нему голову, стояла у колыбели, медленно и ровно, убаюкивающимъ ребенка движеніемъ, качаясь на мѣстѣ со стороны на сторону. Старая няня неслышными шагами проходила за чѣмъ-то къ комоду у окна, и лунное сіяніе, падая сквозь него, подстилало ей подъ ноги широкіе квадраты; а съ высоты, въ углу, освѣщенныя красноватымъ пламенемъ лампадки, строгія лица святыхъ словно сторожили изъ-за своихъ золотыхъ ризъ весь этотъ міръ дѣтства и чистоты...

Троекуровъ вышелъ и со сжатыми нервно бровями быстро направился чрезъ длинный рядъ комнатъ дома на свою половину.

Онъ отворилъ въ своемъ кабинетѣ дверь въ садъ, — но тутъ же отошелъ отъ нея и зашагалъ вдоль и поперекъ комнаты, покусывая усы и поводя плечами, словно въ лихорадочной дрожи.

Такъ прошло нѣсколько времени... Часы на каминѣ прозвонили часъ по полуночи.

Чьи-то шаги заскрипѣли по песку ближней садовой аллеи.

Борисъ Васильевичъ весь выпрямился, вскинулъ головой и спѣшно повернулъ къ двери.

За ея порогомъ глаза его первымъ, невольнымъ движеніемъ устремились на павильйонъ, обитаемый княжной Кирой. Изъ четырехъ, выходившихъ въ садъ и открытыхъ оконъ его,

два были еще освѣщены и въ одномъ изъ нихъ на опущенной, чуть-чуть колеблемой воздухомъ бѣлой сторѣ дрожала, показалось ему, чья-то неясная, тонкая тѣнь... „Не спитъ еще, читаетъ“, сказалъ онъ себѣ мысленно, съ какимъ-то словно страхомъ быть замѣченнымъ ею, откидываясь назадъ внутрь комнаты.

Выходя изъ аллеи, прямо противъ него, показался въ эту минуту Скоробогатовъ.

Троекуровъ торопливымъ движеніемъ руки указалъ ему свернуть вправо и пройти къ нему дворомъ на отдѣльное крыльцо, ведущее на его половину.

Самъ онъ пошелъ отворить ему дверь на это крыльцо, пропустилъ его, щелкнулъ за нимъ замкомъ и ввелъ его въ библіотеку, служившую пріемной.

— Ну, что? обрывисто спросилъ онъ.

— Въ акуратѣ тутъ, — самый, то-ись, этотъ человѣкъ, таинственно проговорилъ на это тотъ.

— Гдѣ?

— Какъ изволили сказывать, у калитки у самой проявился... Въ шляпѣ это, въ пальтѣ, здоровенная такая дубинища въ рукѣ,—самый онъ и есть, я хорошо призналъ.

— Вошелъ въ садъ?

— Вошелъ, ваше вск... а только, какъ замѣтно, съ опаской, усмѣхнулся Скоробогатовъ: — нерѣшительность видать... Извѣстно, къ чужимъ, въ ночное время... Черкесъ на что проворенъ, а и тотъ боится!... Постоялъ онъ этто тамъ за оградой спервоначалу, сигару вынулъ, огня чиркнулъ, о калитку *обнявъ рукамъ* опёрся... а она и подалась сама внутрь-то, въ садъ, мало за ней не упалъ онъ съ-невзначаю, ругнулся даже: „чтобъ тебя, проклятая!...“ Одначе послѣ этого въ садъ вошелъ, прошелся таково шаговъ двадцать не болѣе, помахалъ дубинищей, и — назадъ... И Богъ его знаетъ, воръ онъ какой, али что?...

— Онъ негодяй, неудержимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Старый служивый поглядѣлъ ему въ глаза:

— Что-жь, ваше высокоблагородіе... его, значитъ, всегда сцапать можно! Онъ и по сю пору тамъ...

— Онъ тебя не видѣлъ? прервалъ его Борисъ Васильевичъ.

— Ему и не въ-догадъ, ваше... потому я въ малинникъ забрался, сижу смирно: мнѣ-то все оттуда видать, а ему въ кустахъ и въ *жисть* меня не *подозрѣть*.

— Давно онъ тутъ?

— Съ полчаса, а можетъ болѣе... Кабы не приказъ вашъ, чтобъ притти доложить вамъ, такъ я-бъ его, *шарлатана*, давно скрутилъ, ваше вскбл... промолвилъ Скоробогатовъ, продолжая глядѣть въ глаза своему „полковнику“, въ очевидномъ ожиданіи приказа съ его стороны привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Но къ немалому его удивленію „полковникъ“ его, теребя усъ и видимо держа въ головѣ иное соображеніе, проговорилъ съ презрительною усмѣшкой:

— Оставь его тамъ гулять, а самъ спать ступай!... Завтра же, быстро и рѣшительно прибавилъ онъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго разговора,—отправляйся опять въ то же время въ свой малинникъ, и если *онъ* явится, не жди ни минуты и бѣги тотчасъ же доложить мнѣ! Слышишь?

— Слушаю, ваше вскбл... пропустилъ озадаченно тотъ.

— Хорошо, ступай!...

Троекуровъ выпустилъ его на крыльцо, вернулся въ кабинетъ,—и долго еще среди ночной тишины слышался въ пространномъ покоѣ шумъ его то лихорадочно-спѣшныхъ, то странно-замедлявшихся шаговъ...

VII.

О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ!
Улыбочка и пара словъ,
А кто влюбленъ, на все готовъ.

Горе отъ ума.

— И вотъ въ какомъ galetas *) вы меня находите! говорила черезъ день послѣ того, что̀ передано нами читателю, княгиня Ольга Елпидифоровна Шастунова, выходя встрѣчать только-что подъѣхавшаго ко крыльцу ея домика гостя въ большую гостиную ея дѣвическихъ временъ, теперь почти совсѣмъ пустую комнату, съ полудюжиной искалѣченныхъ стульевъ и на половину оборванными, почернѣлыми отъ времени и табачной копоти обоями на стѣнахъ.

Она гадливо, но смѣющимися глазами указывала на эту жалкую обстановку, странно противорѣчившую безукоризненно изящному, по послѣдней парижской модѣ, утреннему туалету, въ который была она облечена, начиная съ атласныхъ туфель на шелковыхъ, chinés, чулкахъ couleur saumon, и кончая крохотнымъ чепцомъ изъ кружевъ, наколотымъ надъ ея роскошною, *собственною* косой.

— Пойдемте ко мнѣ въ *будуаръ*, насмѣшливо подчеркнула она,—тамъ найдется по крайней мѣрѣ на чемъ сѣсть.

— И вы меня оттуда не прогоните, какъ нѣкогда отсюда? отвѣтилъ лукаво Ашанинъ, стоя посреди комнаты, и, поведя глазами кругомъ нея, остановилъ ихъ на открытомъ окнѣ,

*) Нищенское жилище.

выходившемъ въ палисадникъ, изъ котораго нѣкогда онъ, весь трепетъ и желаніе, внималъ тайкомъ ея страстному пѣнію *).

Она вспомнила и расхохоталась:

— Какой вы злопамятный однако!... А теперь увидимъ, смотря по тому, какъ вы себя будете вести...

— О, на этотъ счетъ будьте покойны,—какъ сама добродѣтель! вскликнулъ торопливо московскій донъ-Жуанъ, и съ такимъ повидимому убѣжденнымъ выраженіемъ, что она подняла на него удивленные глаза... но тутъ же усмѣхнулась, чуть-чуть пожала плечомъ и безъ словъ прошла въ сосѣднюю комнату.

Ашанинъ на мигъ даже глаза прижмурилъ:

— ...И избави насъ отъ лукаваго! прошепталъ онъ мысленно кончикъ молитвы, слѣдуя за ней.

„Будуаръ“ себѣ наша княгиня устроила въ бывшей своей дѣвической комнатѣ, собравъ туда все, что еще оставалось въ домѣ послѣ занимавшихъ его жильцовъ неполоманной мебели, которую покрыла, какъ на театральныхъ сценахъ, вплоть до низу чехлами изъ ситца, а на окна и двери навѣсила той же матеріи занавѣси. На столахъ разложены были кое-какія цѣнныя бездѣлушки, книжки французскихъ романовъ въ желтыхъ обложкахъ, привезенныя хозяйкой изъ-за границы, ея большой дорожный несессеръ, съ ея вензелемъ подъ княжескою короной на каждой изъ его серебряныхъ принадлежностей. Благодаря всему этому комната представляла если не роскошный, то довольно уютный видъ.

— C'est du moins quelque peu habitable ici, проговорила красивая барыня тѣмъ же презрительно веселымъ тономъ, усаживаясь на низкую кушетку и упираясь затылкомъ въ огромную подушку, покрытую наволочкой изъ тончайшаго батиста, обшитою кружевомъ и съ такимъ же вышитымъ на ней вензелемъ ея и короной, сквозь которые просвѣчивалъ малиновый цвѣтъ шелковой подъ нею ткани.

— Вы очень милы, что сдержали ваше слово побывать у

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть 2, гл. XXVIII.

меня. Вы откуда же теперь, изъ Москвы? спросила она, словно *высматривая* своего гостя изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ и перебирая одною рукой кольца свои на другой.

Онъ со своей стороны наровилъ не встрѣчаться съ ней взглядомъ и прищуриваясь глядѣлъ по сторонамъ, говоря себѣ въ то же время: „*Не смущать* ея,—легко сказать, когда тутъ какъ бы только тебя самого не смутили эти дьявольскіе глаза!...“

— Изъ Москвы, отвѣтилъ онъ громко.

— Прямо?

— Не совсѣмъ. Я пріѣхалъ съ однимъ моимъ знакомымъ, и мы, не доѣзжая до вашего города, свернули съ большой дороги во Всесвятское, къ Троекуровымъ, которымъ онъ родственникъ...

— Вы ихъ видѣли? быстро вскидывая на него теперь „эти дьявольскіе глаза“ свои, прервала она его.

— Какъ же! Мы пріѣхали къ нимъ третьяго дня вечеромъ, ужинали тамъ и выѣхали ночью... Они меня просили сказать вамъ, поспѣшилъ онъ прибавить, предупреждая ея вопросъ,—что они знаютъ все о вашихъ дѣлахъ чрезъ здѣшняго предводителя Юшкова...

— Да, я къ нему ѣздила вчера...

— И что они со своей стороны готовы сдѣлать все, что только могутъ въ вашу пользу...

— Но къ себѣ не приглашаютъ? перебила она его со внезапною горечью въ тонѣ.

— Напротивъ, Александра Павловна не успѣла написать вамъ, но поручила мнѣ передать лично, что она будетъ очень рада видѣть васъ у себя...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь вамъ!

Она благодарно кивнула ему и улыбнулась.

— Троекуровъ est un galant homme après tout! уронила она какъ бы про себя и тутъ же:—А просьбу мою въ Москвѣ исполнили? спросила она его.

— Непремѣнно, и главнымъ образомъ пріѣхалъ сюда для

того, чтобы передать вамъ объ этомъ, отчеканилъ Ашанинъ, увѣряя себя самого въ эту минуту, что онъ единственно изъза этой причины сидѣлъ теперь напротивъ ея въ этомъ уѣздномъ домишкѣ;—я говорилъ съ пятью или шестью сенатскими доками, изъ которыхъ одинъ, мой бывшій товарищъ, исправляетъ даже должность оберъ-прокурора. Они всѣ говорятъ, что дѣла никакого начать нельзя, если у васъ не будетъ прежде всего письменнаго документа отъ мужа, что онъ взялъ у васъ для уплаты своихъ долговъ принадлежащій вамъ капиталъ.

— Ахъ Боже мой, горячо заговорила она, — я это очень хорошо знаю и писала къ нему объ этомъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулась въ *карупатрію*, но онъ *нарочно* не отвѣчаетъ... Если-бъ я могла предвидѣть, до какой низости могутъ дойти эти маменька и сынокъ, я потребовала бы отъ него тогда же, въ Парижѣ, формальную расписку на мои деньги. Но я тогда только думала о томъ, какъ спасти ихъ же имя отъ стыда, отъ оглашенія въ газетахъ... Нашъ посолъ, онъ меня давно знаетъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, и всегда благоволилъ ко мнѣ, онъ ужасно спѣшилъ, боясь скандала, высылкой Базиля въ Россію, узнавъ отъ меня, что я готова заплатить всѣ его долги... Онъ такъ и уѣхалъ, а я осталась возиться съ его кредиторами. Я его едва видѣла въ тѣ два, три дня до его отъѣзда. Онъ тамъ сидѣлъ у своей Баруччи и ноги ей лизалъ, пока я бѣгала по банкирамъ и переводила свои бумаги на французскія деньги. Онъ уѣхалъ даже рано утромъ, не зайдя ко мнѣ проститься... Онъ мерзавецъ въ полномъ смыслѣ слова! воскликнула съ потемнѣвшимъ взглядомъ и дрогнувшими губами наша княгиня, — un digne fils de sa maman! Я вамъ говорю, я знаю его, онъ *нарочно* не отвѣчаетъ мнѣ теперь, онъ мститъ мнѣ за Парижъ, за то, что не удалось ему провести меня, что я прямо обличила его въ обманѣ и не скрывала послѣ того моего отвращенія къ нему: пусть себѣ, думаетъ онъ, мучается она и разбирается съ милою моею мамашей, а я, je ferai le mort, будто меня совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ!... А онъ очень хорошо знаетъ, я ему писала, что я изъ Петербурга выѣхала

съ единственною, *послѣднею* сторублевою бумажкой въ портмоне, докончила она и вся заалѣла.

— Княгиня, быстро началъ Ашанинъ, — будьте на этотъ счетъ совершенно покойны. Аглая Константиновна въ концѣ концовъ тѣмъ или другимъ образомъ принуждена будетъ возвратить вамъ ваши деньги; а пока вы можете быть увѣрены...

— Что старые друзья не оставятъ меня умереть съ голода, поспѣшно договорила за него она съ насилованнымъ, желчнымъ смѣхомъ,—ну да, конечно!... Вотъ только сейчасъ предъ вами былъ у меня здѣшній исправникъ, вы его знаете,— помните, тотъ студентъ Факирскій, который съ вами въ *Гамлетѣ* игралъ и все проповѣдывалъ о Жоржъ Сандѣ; *) — онъ приносилъ мнѣ двѣ тысячи рублей, полученные имъ на мое имя отъ нѣкоего таинственнаго незнакомца.... Je l'ai envoyé paître avec son argent! пылко воскликнула она еще разъ.

Ашанинъ, недоумѣвая, поглядѣлъ на нее.

— Вы не догадались, отъ кого эти деньги? взволнованно продолжала она, — а я тотчасъ же поняла: это все тотъ же великодушный господинъ Ранцовъ посылаетъ мнѣ... Ему надо пырнуть меня своею grandeur d'âme: на вотъ, новый твой мужъ—негодяй и мерзавецъ, а я...

Голосъ ея вдругъ оборвался, подвижное лицо преобразилось все:

— Не слушайте меня! произнесла она сквозь слезы, нежданно подступившія къ ея горлу:—я стала нервная, раздраженная, злая! Мнѣ грѣхъ такъ говорить, я не стою его подошвы. Онъ въ самомъ дѣлѣ благородный, рѣдко-великодушный человѣкъ... Онъ узналъ, что мнѣ трудно... и первымъ движеніемъ его было прислать мнѣ... чтобъ я не нуждалась, и скрылъ отъ кого деньги именно для того, чтобъ я не могла обидѣться... А я именно по этому самому и не могу, не хочу принять ихъ, вы это понимаете?

Пылающіе глаза ея устремились прямо въ лицо Ашанина.

---

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть I, гл. XXI.

— Вы понимаете, что я готова скорѣе протянуть руку на улицѣ первому встрѣчному, чѣмъ принять отъ *него теперь* милостыню!

— Къ чему волноваться, княгиня! молвилъ онъ на это насколько могъ успокоительно: — о „милостынѣ“ не можетъ быть тутъ рѣчи, я нашелъ для васъ, въ Москвѣ, кредитъ на столько и на такое время, какія только вамъ будутъ нужны...

Она его не слушала, ее уносилъ опять новый порывъ:

— Вѣдь это грабительство, то, что̀ *они* со мной дѣлаютъ, восклицала она, вся пламенѣя отъ негодованія:— *они* хотѣли бы дѣйствительно видѣть меня нищею, похоронить меня живою въ какомъ-нибудь подвалѣ... *Она,* это „Раскаталовское отродье“, „кабацкая пава“, — всю жизнь такъ называли ее всѣ,—она смѣетъ гнушаться мной! Она меня еще не знаетъ, я такого еще надѣлаю, если доведутъ они меня до отчаянія, что сама она съ сынкомъ попрячутся въ углы отъ стыда за свое имя!... Имя это—*мое* теперь, они не могутъ отнять его у меня, я княгиня Шастунова, я вольна, если мнѣ вздумается, разславить его по всей Европѣ!...

Ашанинъ быстро наклонился съ мѣста, схватилъ ея обѣ руки:

— Княгиня... Ольга Елпидифоровна, ради Бога, перестаньте! вскликнулъ онъ, мгновенно прижимая ихъ къ своимъ губамъ, и тутъ же съ какимъ-то испугомъ выпустилъ ихъ и откинулся въ свое кресло: — къ чему это отчаяніе? Прежде всего, надо надѣяться, ее уговорятъ здѣсь,— но если-бъ она уперлась, все-таки вы имѣете возможность, даже помимо суда, обратиться къ высшей власти... Вы вѣдь, вѣрно, сохранили отношенія съ графомъ Анисьевымъ?

Она высокомѣрно качнула головой:

— Если бы мнѣ вздумалось только пальцемъ поманить его, думаете-ли вы, что я была бы теперь здѣсь, въ этой трущобѣ!... Но я не хотѣла... не хочу!... Брови ея сжались: — Вотъ видите-ли, Владиміръ Петровичъ, я много дѣлала въ жизни глупостей, непростительныхъ глупостей... вы сами знаете, какъ бы невольно подчеркнула она,— дѣлала, всегда увлекаясь, въ явный вредъ себѣ почти всегда. Но такъ, хо-

лодно, sans entraînement, я никогда, никогда не была на это способна... Этотъ человѣкъ, онъ преслѣдовалъ меня еще съ Сицкаго, съ тѣхъ дней, помните? — и ничего изъ этого для него не вышло: je l'ai tenu le bec dans l'eau pendant des années; онъ все надѣялся и—ни-че-го; онъ былъ мнѣ всегда противенъ своими іезуитскими *подходцами*... И потомъ, когда онъ, уже вдовый, вернулся въ Петербургъ и получилъ это свое теперешнее мѣсто, послѣ смерти *его*, моего незабвеннаго Леонида Александровича (и глаза ея при этомъ воспоминаніи также внезапно затуманились,), онъ началъ опять и опять то же, sans succès—и съ тѣхъ поръ онъ меня возненавидѣлъ. Онъ первый другъ злѣйшаго моего врага, княгини Андомской, дочери *его*, графа. Она тоже простить мнѣ не можетъ, что отецъ ея такъ любилъ меня... Они такъ устроили, съ новою горечью въ голосѣ и румянцемъ гнѣва на щекахъ произнесла Ольга Елпидифоровна,—что, когда я вернулась теперь изъ-за границы въ Петербургъ, половина знакомыхъ мнѣ домовъ была для меня закрыта!...

Выраженіе лица ея измѣнилось еще разъ. Знакомая Ашанину, побѣдная улыбка заиграла на ея пышныхъ губахъ.

— И все-таки, что бы они ни дѣлали, воскликнула она,— я знаю, что еще *могу*, чего *крѣпко* захочу... *Искорки* въ глазахъ моихъ еще не потухли, Владиміръ Петровичъ, какъ вы находите?

— Господи, чуть не заплакалъ онъ въ отвѣтъ,—для чего это вы мнѣ говорите, къ чему *смущаете*?

— Вы боитесь? совершенно уже весело разсмѣялась она;— мнѣ это, самой собой, чрезвычайно лестно... А я, какъ бы нехотя вырвалось у нея чрезъ мигъ,—написала вчера письмо къ прелестной belle maman, послѣ котораго она очень призадумается, надо полагать...

— О чемъ оно? спросилъ машинально Ашанинъ.

— Объ одномъ... обстоятельствѣ, пролепетала она какимъ-то страннымъ, не то стыдливымъ, не то смущеннымъ тономъ,— о которомъ мнѣ не... приходилось говорить до сихъ поръ... Вы объ этомъ какъ нибудь узнаете... а теперь довольно о скучныхъ матеріяхъ, оборвала она разомъ.

Она опять откинулась затылкомъ въ свою подушку и взглянула ему въ лицо:

— Давно-ли-жь это стали вы меня бояться, Владиміръ Петровичъ? спросила она вдругъ à brûle pourpoint, какъ говорятъ Французы, прожигая его насквозь насмѣшливо-вызывающимъ взглядомъ.

Полымемъ весь запылалъ московскій донъ-Жуанъ отъ этихъ словъ, отъ этого взгляда... и тутъ же, къ немалому собственному своему удивленію, нашелъ въ себѣ силу оказать воздержность, которой могъ бы позавидовать самъ Спиціонъ Африканскій, стяжавшій себѣ въ древности такую славу по этой части.

— Съ тѣхъ поръ, княгиня, какъ это мнѣ предписываетъ боязнь подать врагамъ здѣсь поводъ къ злословію, отпустилъ онъ вѣско и медленно, поникая челомъ съ самымъ значительнымъ видомъ и въ то же время говоря себѣ мысленно: „Господи, послушался я этого Троекурова; а вѣдь никто, въ сущности, никто, начиная, разумѣется, съ нея первой, не скажетъ мнѣ спасиба за это мое донъ-кихотство!“

Она открыла большіе глаза; ноздри ея, вѣки дрогнули, готовыя, казалось, разразиться вотъ сейчасъ гомерическимъ смѣхомъ... но при свойственной ей необычайной измѣнчивости впечатлѣній разрѣшилось это самымъ неожиданнымъ образомъ тѣмъ, что слезы еще разъ выступили подъ ея длинными рѣсницами:

— Вы настоящій другъ, Владиміръ Петровичъ, проговорила она, протягивая ему руку и вздохнула,—вы правы: враги, сплетни, злословіе... Попробуй здѣсь только немножко пококетничать, тебя съѣдятъ!.. Да и время наше прошло, примолвила она черезъ мигъ уже съ улыбкой,—не правда-ли, состарѣлись мы оба?...

— Къ чему же на бѣдное время клеветать, комически вздохнулъ и онъ въ отвѣтъ,—время еще ничего, терпитъ. А уже такая видно доля моя несчастная съ вами...

Она глянула на него изподлобья:

— Не раскаивайтесь, не мало мы съ вами посумашествовали въ молодости!

— Такъ мало, вскликнулъ онъ,—что злость меня беретъ, какъ только подумаю объ этомъ!

Она вдругъ задумалась, словно опечалилась:

— Знаете, что я вамъ скажу: — со мной съ нѣкоторыхъ поръ происходитъ что-то странное, чего никогда не было прежде. Мнѣ представляется, что жизнь уже вся, до дна отжита мной, что вотъ, какъ на театрѣ, еще нѣсколько словъ послѣдней сцены, и занавѣсъ опустится, огни погаснутъ...

Ашанинъ тревожно поднялъ на нее глаза.

Она замѣтила это и тотчасъ же перемѣнила разговоръ:

— Ахъ, кстати, я и забыла васъ спросить, молвила она:— слышали вы, чѣмъ вздумала belle-maman напугать своего сынка за то, что онъ осмѣлился жениться на мнѣ?

— Тѣмъ, что сама вздумала выходить за Зяблина? засмѣялся и онъ.

Она взяла со стола хрустальный флаконъ съ одеколономъ, открыла его, нюхнула и, взглянувъ на своего собесѣдника, иронически протянула:

— Вы этому вѣрите?

— Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ нѣсколько дней тому назадъ объявилъ объ этомъ въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ... Тамъ по этому случаю устроена ему была даже комическая овація. Monsieur Lecourt, извѣстный тамъ одинъ жуиръ, произнесъ ему поздравительную рѣчь, послѣ чего счастливаго жениха напоили шампанскимъ до положенія ризъ и отвезли къ Цыганамъ, гдѣ онъ и проспалъ до поздняго вечера слѣдующаго дня.

— Le pauvre homme! произнесла Ольга Елпидифоровна, подражая голосу Augustine Brohan въ этомъ мѣстѣ Мольеровскаго *Тартюфа*; — но belle-maman, это такая прелесть! Pour faire niche à „Basile mon fils“, она грозитъ ему миѳическимъ нарожденіемъ на свѣтъ маленькихъ Зяблиныхъ...

Ашанинъ расхохотался:

— Онъ ее надуетъ самымъ жестокимъ образомъ...

— Браку этому никогда не быть, сказала она, сжавъ брови.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Изъ ея дурацкой натуры... Я вамъ говорила, что писала ей вчера...

— Да...

— Ну такъ вотъ!..

— Не понимаю, княгиня; о *чемъ* писали вы ей?

Она вдругъ заалѣла вся и махнула рукой:

— Ахъ, пожалуйста, не спрашивайте... Мнѣ гадко говорить объ этомъ!.. Узнаете!..

Грохотъ экипажа, подъѣхавшаго въ эту минуту ко крыльцу домика, заставилъ ихъ обоихъ обернуться на окно.

— Факирскій, промолвила княгиня,—и съ нимъ еще кто-то военный...

— Двоюродный мой братъ Блиновъ, съ которымъ мы пріѣхали сюда изъ его деревни... Это онъ отыскиваетъ меня по городу, засмѣялся Ашанинъ;— позволите-ли вы мнѣ его вамъ представить? Онъ очень не глупъ, начитанъ и либералъ первой руки.

— Пожалуйста! Попросите ихъ обоихъ войти!...

Ашанинъ побѣжалъ встрѣчать пріѣзжихъ въ переднюю.

VIII.

И счастливъ, *кто* невѣдомъ былъ
Въ сіе комическое время.
Щербина.

Sag mir, warum dich keine Zeitung freut?
— Ich liebe sie nicht, sie dienen der Zeit.
Göthe.

Подполковникъ Блиновъ былъ малый лѣтъ подъ тридцать, рослый, здоровый, съ густымъ лѣсомъ темныхъ волосъ, подчесанныхъ вверхъ à la huguenot, и пріятными чертами свѣжаго лица... Выраженіе его карихъ, нѣсколько на выкатѣ глазъ, его движенія и рѣчь исполнены были той нѣсколько наивной, но искреннѣйшей самоувѣренности, которая составляла въ эту эпоху какъ бы отличительную черту воспитанниковъ заведенія, въ которомъ онъ получилъ высшее военное образованіе. „Я — послѣднее слово науки, я — носитель высшихъ идей“, словно такъ и вѣяло ото всей его наружности, начиная съ зевсовыхъ бровей и кончая серебрянымъ аксельбантомъ.

Онъ бойко, съ ловкостью, вполнѣ соотвѣтствовавшею этой его глубокой вѣрѣ въ себя, раскланялся предъ хозяйкой, опустился на указанный ею стулъ и голосомъ, „шуму водъ подобнымъ“, отчеканивавшимъ будто молотомъ каждое изъ произносимыхъ имъ словъ, заявилъ ей о „своей благодарности *року*, доставившему ему случай быть представленнымъ ей, такъ какъ это составляло всегда предметъ его желанія еще въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ театрахъ издали не разъ имѣлъ возможность *изучать* характеръ ея красоты“.

— „Изучать“ даже? насмѣшливо замѣтила она.

— Непремѣнно-съ! отрѣзалъ онъ и, строго взглянувъ на нее, отпустилъ съ-оника: — красота — необходимая функція и неизбѣжный ингредіентъ въ жизненномъ процессѣ человѣческихъ обществъ. Ее устранить нельзя; она имѣетъ неопровержимо воспитующее значеніе, и въ синтезѣ будущаго лучшаго общества, регулированнаго на началахъ чистаго разума, она уже на совершенно реальной почвѣ займетъ несомнѣнно то мѣсто утѣшительницы человѣческихъ скорбей, которое, — онъ презрительно усмѣхнулся, — въ теченіи восемнадцати вѣковъ темное человѣчество предоставляло сентиментально-буржуазнымъ баснямъ христіанства.

Онъ видимо повеселѣлъ, заявивъ свой такой рѣшительный символъ вѣры, тряхнулъ эполетомъ и взглянулъ ей прямо въ лицо:

— Я весь принадлежу убѣжденіями къ этому *близкому*, надѣюсь, будущему, княгиня, галантно отпустилъ онъ.

Онъ ей показался очень забавенъ:

— Это прелестно, расхохоталась она, — но какой же *вы* идеалистъ!

Блиновъ весь даже вспыхнулъ:

— Княгиня, чѣмъ я заслужилъ такой упрекъ? проговорилъ онъ, кисло улыбаясь.

— Упрекъ? Нисколько! Вы сейчасъ разбранили христіанство за его вѣру въ будущее, и тутъ же объявляете, что и сами вы живете будущимъ... Развѣ это не идеализмъ опять?

— Да-съ, но только тамъ — небо, то-есть — чистѣйшая ерунда, а я разумѣю все ту же, *земную*—иной не допускаю—жизнь человѣческихъ обществъ, просвѣтленную въ этомъ ближайшемъ будущемъ свободой и наукой, всемогущими владыками новыхъ временъ. Я стою на совершенно *реальной* почвѣ, повторилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ только-что пущенный въ тѣ дни новый терминъ, — и давно порѣшилъ съ миѳами, княгиня.

Она прикусила иронически губу:

— Такъ вы ждете царства... чего бишь?... ну да все равно!... А пока, что же вы дѣлаете?

— Какъ изволите видѣть, усмѣхнулся свысока подполковникъ и небрежнымъ движеніемъ руки показалъ на свой мундиръ, — ношу вотъ эту ливрею... а въ настоящую минуту, какъ бы нехотя промолвилъ онъ, — занимался весьма скучнымъ дѣломъ, а именно: урегулированіемъ моихъ отношеній съ сельскимъ людомъ, само собой весьма невѣжественнымъ, съ которымъ поставила меня въ юридическое столкновеніе одна наслѣдованная мной земля.

— „У-ре-гу-лированіе“, какъ бы съ трудомъ произнося это слово,—это попросту какъ же сказать? спросила княгиня самымъ добродушнымъ тономъ.

— Офиціально это называется „уставною грамотой“, уронилъ онъ.

Она повела головой: поняла-молъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ?

— Земле-вла-дѣлецъ, протянулъ Блиновъ, поправляя ее, и снисходительно засмѣялся: — развитому человѣку въ наше время достаточно уже тяжело быть *собственникомъ*, чтобъ имѣть право по крайней мѣрѣ протестовать противъ клички, столь тѣсно связанной съ понятіемъ о рабовладѣніи... Я наслѣдовалъ кое-какимъ кускомъ земли отъ дяди, умершаго, на мое счастіе, уже послѣ упраздненія плантаторства въ нашемъ любезномъ отечествѣ.

— И пріѣхали сюда по этому случаю?... Долго думаете вы здѣсь остаться?

— Да вотъ-съ, какъ кажется, приходитъ къ концу. Я думалъ тотчасъ же и вернуться къ мѣсту моего служенія... Но теперь, чувствую, не буду имѣть духа спѣшить, заключилъ онъ уже съ самымъ убійственнымъ взглядомъ по ея адресу.

— Люблю, покрайней мѣрѣ откровенно! расхохоталась она на это изо всей мочи.

Онъ поглядѣлъ на нее съ видимымъ недоумѣніемъ: мысль о томъ, что онъ могъ кому-либо служить предметомъ забавы, и въ голову ему, разумѣется, притти не могла...

Ашанинъ между тѣмъ занимался Факирскимъ. Странно было ему видѣть бывшаго, какимъ онъ его зналъ, восторженнаго студента въ этомъ полицейскомъ мундирѣ. Онъ отвелъ

его въ сторону, къ окну, дружески пожимая ему руку и глядя ему въ лицо съ радушною улыбкой и невольно прорывавшимся вопросительнымъ выраженіемъ во взглядѣ.

Тотъ понялъ и слабо усмѣхнулся въ свою очередь. Они усѣлись.

— Да-съ, не правда-ли, не ждали вы встрѣтить меня въ *этомъ видѣ*? началъ прямо Факирскій:—*исправникъ*!... Чрезъ десять лѣтъ интервала преемникъ Елпидифора Павловича Акулина, помните его? прошепталъ онъ, наклоняясь къ собесѣднику, чтобы не быть слышаннымъ хозяйкой;—и даже не по нуждѣ, по собственной охотѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, назначался совѣтникомъ губернскаго правленія; не захотѣлъ и попросился сюда... Васъ удивляетъ, вѣроятно?

— Н-нѣтъ, но...

— Но все же странно вамъ кажется? А въ сущности просто очень: признаете вы, что освобожденному теперь народу надо всячески помогать встать на ноги?

Ашанинъ уже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него теперь:

— Ну да, проговорилъ онъ машинально.

— Такъ вотъ-съ: въ мировые посредники не попалъ,—баръ туда все поназначали,—я и пошелъ въ исправники; сочувственники народу въ ближайшихъ къ нимъ полицейскихъ должностяхъ не менѣе, пожалуй, нужны теперь...

Собесѣдникъ его невольно усмѣхнулся.

— Смѣшно вамъ? И у Факирскаго блеснули глаза.

— Что вы? возразилъ поспѣшно Ашанинъ, ласково пожавъ его за локоть:—а что вы тотъ же энтузіастъ остались, это, кажется, вѣрно.

Тотъ поглядѣлъ на него съ серіознымъ лицомъ:

— Бѣлинскій „все тѣмъ же энтузіастомъ“ въ могилу сошелъ: дурнаго въ этомъ я не вижу ничего-съ!

— Ни я, напротивъ... помните ваши, да и мои восторги Жоржъ Сандомъ?...

Факирскій какъ бы поморщился и дернулъ плечомъ:

— Да-съ, конечно, романтизмъ въ свое время... Только

теперь иное-съ, свое зачалось, подчеркнулъ онъ: — видѣли, какая силища-то изъ русскаго народа идетъ?

— Это что же такое? спросилъ, не поднимая, Ашанинъ.

— А Базаровъ-съ въ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Вотъ оно куда и откуда настоящее-то движеніе пошло!

Ашанинъ засмѣялся:

— Базаровъ? Такъ это какой же „народъ"! Это, скажите, *семинаристъ* „пошелъ", я буду съ вами согласенъ.

— Отчего же „семинаристъ"-съ? пылко вскликнулъ тотъ:— это нигдѣ не сказано...

— И вездѣ насквозь видно...

— Позвольте однако, началъ было исправникъ и вдругъ вспомнилъ и оборвалъ:

— Извините, въ другой разъ, если придется встрѣтиться, мы съ вами можемъ возобновить этотъ разговоръ... А въ настоящую минуту мнѣ необходимо ѣхать по службѣ, и къ Ольгѣ Елпи...ко княгинѣ порученіе есть...

Онъ всталъ и подошелъ къ ней:

— Княгиня, вѣско промолвилъ онъ, останавливаясь за стуломъ Блинова и глядя на нее многозначительнымъ взглядомъ,—меня просили передать вамъ нѣсколько словъ...

Она тотчасъ же догадалась; по губамъ ея пробѣжала словно торжествующая усмѣшка.

— А, это изъ Сицкаго?... Письмо, или... не договорила она.

— Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ пріѣхалъ и...

— И что же? заторопила она его.

— Онъ желалъ бы лично повидаться съ вами... если вамъ только будетъ угодно принять его, счелъ нужнымъ прибавить отъ себя Факирскій.

— Когда?

— Онъ остановился у меня и ждетъ вашего отвѣта.

Блиновъ поднялся съ мѣста:

— Дальнѣйшее присутствіе наше здѣсь будетъ, кажется, лишнимъ, княгиня; у васъ дѣла...

— Да, дѣйствительно, озабоченно молвила она,—мнѣ нужно будетъ перегововить съ этимъ... господиномъ...

— Такъ позвольте мнѣ проститься и просить о дозволеніи посѣтить васъ когда-нибудь въ болѣе удобное время.

— Ахъ, пожалуйста, я очень рада буду; здѣсь такая невыносимая скука! И она любезно и съ улыбкой протянула ему руку на прощанье.

Онъ раскланялся.

— Мы ѣдемъ, Владиміръ? обернулся онъ на Ашанина.

— Ахъ нѣтъ, воскликнула нежданно для него хозяйка:— Владиміръ Петровичъ мнѣ нуженъ... Очень прошу васъ извинить меня, но у меня будетъ сейчасъ объясненіе, при которомъ я желала бы имѣть свидѣтелей... Я бы васъ тоже попросила, Семенъ Петровичъ, обратилась она къ Факирскому,— передать, во-первыхъ, господину Зяблину, что я его жду, а, во-вторыхъ, присутствовать тоже при моемъ разговорѣ съ нимъ.

— Не взыщите, ради Бога, княгиня, возразилъ живо исправникъ,—мнѣ это совершенно невозможно. Я только заѣхалъ извѣстить васъ, а меня лошади ждутъ на квартирѣ. Мнѣ сейчасъ же надо скакать въ уѣздъ: получилъ только-что извѣстіе, что тамъ на сѣнокосѣ, на Окѣ, произошла между крестьянами какая-то драка; двумъ человѣкамъ головы прошибли и одному изъ нихъ чуть не до смерти...

Блиновъ, насторожившій уши при первомъ словѣ о „дракѣ“, быстро подошелъ къ нему:

— Не изволите знать, изъ-за чего вышла эта баталія и въ какой именно мѣстности?

— Тамъ луга чьи-то въ спорѣ, такъ сошлись косцы съ двухъ сторонъ...

— Не *Крусановскіе*-ли луга по названію?

— Кажется такъ... Я не успѣлъ еще хорошенько распросить...

Блиновъ съ нѣсколько разстроеннымъ лицомъ повелъ глазами на двоюроднаго брата, какъ бы призывая на него вниманіе исправника:

— Луга эти, сказалъ онъ Факирскому,—вотъ какъ можетъ онъ вамъ засвидѣтельствовать со словъ мироваго посредника Троекурова,—утверждены окончательно за мной губернскимъ

по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, и я сдалъ ихъ въ аренду купцу, который, какъ мнѣ извѣстно, сегодня, дѣйствительно, долженъ былъ начать косить ихъ. Со стороны претендовавшихъ на луга крестьянъ оказано было, вѣроятно, ему сопротивленіе... Позвольте мнѣ поѣхать туда съ вами для разъясненія этого... беззаконія... Терпѣть такое самоуправство, вы согласитесь, нельзя-съ! вскликнулъ онъ уже весь красный.

— Что же дѣлать, monsieur Блиновъ, разсмѣялась внезапно Ольга Елпидифоровна, взглянувъ на него,— видно еще не близко до той счастливой минуты, когда все въ природѣ будетъ „у-ре-гу-лировано“—такъ я говорю?—„на началахъ чистаго разума“...

— Княгиня, вы, я вижу, злы! съ худо скрытою досадой попытался улыбнуться на это ученый офицеръ.

Онъ отвѣсилъ ей довольно сухой поклонъ и, какъ бы встрепенувшись весь и вскинувъ голову вверхъ, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ исправникомъ.

— За что это вы его, бѣднаго, сквозь строй прогнали? спросилъ ее Ашанинъ, какъ только остались они одни:—не понравился онъ вамъ?

По губамъ ея пробѣжала гримаска:

— Нѣтъ, ничего... Онъ смѣшной со своими выраженіями, точно русскій журналъ читаешь, un peu mauvais genre... Впрочемъ эти всѣ *новые* такіе! Вы ему пожалуйста скажите, чтобъ онъ не сердился. Вы меня знаете, я всегда говорила tout ce qui me passe par la tête...

Она протянула ему вдругъ черезъ столъ руку:

— Троньте, вся холодная! Нервы у меня разыгрались, ужасъ!...

— Это въ ожиданіи этого стараго Печорина? понялъ онъ и неодобрительно закачалъ головой:—вѣдь вы изъ него, только бы охота явилась, веревки станете вить, какъ говорится.

— Я боюсь, что наговорю ему дерзостей!... И красивая барыня наша вся перемѣнилась въ лицѣ.—Когда я вспомню, вырвалось у нея неудержимо,—мое положеніе тому два года... И вдругъ теперь!... Объясняться съ этимъ отставнымъ „бригантомъ“, входить съ *ними* въ какую-то сдѣлку... ждать ми-

лости... когда я требовать могу!... я вся изъ себя выхожу при одной этой мысли!... Вотъ что, Владиміръ Петровичъ, такъ же быстро стихая, молвила она:—пожалуйста слѣдите за мной, и если вы найдете, что я уже слишкомъ неприлично кричу на него, сдѣлайте мнѣ знакъ головой: я пойму и стихну... право, стихну! повторила она съ какимъ-то очень милымъ, напомнившимъ ему вдругъ все прошлое движеніемъ головы и рукъ, невольно усмѣхаясь въ отвѣтъ на его недовѣрчивую улыбку.

— Экая вы прелесть! воскликнулъ въ свою очередь неудержимо Ашанинъ съ загорѣвшимися пожаромъ глазами;—да будь тутъ не только этотъ старый балбесъ...

— Ссс! Вотъ онъ идетъ, зашукала ему, грозя пальцемъ, княгиня, указывая на окно, мимо котораго спѣшными шагами проходилъ дѣйствительно кто-то;—да закройте это окно, съ улицы могутъ услышать все... Амалія!

Знакомая намъ чухонка-субретка вышла изъ комнаты, служившей ея барынѣ спальней.

— Пойдите, отворите дверь одному тутъ господину, а потомъ уже никого не пускайте и сами не входите сюда!

Амалія небрежно кивнула головой и не торопясь направилась къ передней. „До того мы доигрались, что я у нея и за камердинера, и за швейцара теперь состою!“ такъ и говорила, казалось, вся ея бѣлобрысая кислая фигура.

IX.

Les vieux fous sont plus fous que les jeunes.
La Bruyère.

Зяблинъ вошелъ, ужасно важный и ужасно учтивый. Онъ расшаркался предъ хозяйкой и ея гостемъ, будто встрѣчался съ ними въ первый разъ въ жизни. Онъ видимо старался изобразить изъ себя грансеніора, изысканною благовоспитанностью своей ограждающаго себя заранѣе отъ возможности какихъ-либо непріятныхъ столкновеній. Я-молъ, прежде всего, такъ учтивъ, чтобы вы и думать не посмѣли фамиліарничать со мной... Но вѣчно наблюдательный Ашанинъ тотчасъ же замѣтилъ за этимъ грансеніорскимъ видомъ что-то тревожное въ выраженіи его слегка подергивавшихся губъ и разбѣгавшагося по сторонамъ взгляда.

Покойная Марья Яковлевна Лукоянова, выражаясь на своемъ образномъ языкѣ, что знакомаго намъ „Калабрскаго бригантa“ давно всего *моль съѣла*, была не совсѣмъ права: въ дѣйствительности онъ былъ только какъ бы кое-гдѣ, мѣстами подточенъ ею, но въ общемъ обликѣ производилъ какую-то еще иллюзію былаго *бель-омства*. Волосокъ къ волоску, приглаженная прическа, подвитые и подкрашеные усы, подтянутый, какъ увѣряли злые языки, корсетомъ животъ, щегольство туалета хорошаго вкуса давали ему, особенно въ сидячемъ положеніи (на-ходу ножки не всегда ужь охотно повиновались ему,), тотъ нѣкоторый faux air de jeunesse, котораго такъ добиваются иные пятидесятилѣтніе холостяки и который для него, „бригантa“, въ той спеціальной роли, на

какую обреченъ онъ былъ судьбой, былъ даже въ извѣстной степени обязателенъ. И онъ тщательно сохранялъ въ себѣ этотъ *air* замороженной молодости со всѣми особенными аллюрами непонятнаго уже въ наши дни щегольства свѣтскаго пошиба и „разочарованности“ временъ *Героя нашего времени*, словно драгоцѣнныя буквы стараго чекана на давно истертой монетѣ.

Онъ былъ въ лѣтнемъ костюмѣ безукоризненнаго покроя и голубомъ галстучкѣ подъ отложными, à l'enfant, воротничками тончайшей сорочки, въ ботинкахъ съ лакированными носками и съ легкою сѣрою шляпой въ рукѣ, плотно охваченной лиловою перчаткой, будто прямо соскочилъ съ послѣдней картинки мужскихъ модъ; запахъ jockey-club'a несся отъ него тонко-проницающею струей.

Княгиня наша обняла всего его однимъ зоркимъ взглядомъ,—и нервное возбужденіе, только-что выразившееся желчною вспышкой въ разговорѣ ея съ Ашанинымъ, сказалось теперь вновь неодолимымъ желаніемъ разсмѣяться. И дѣйствительно, послѣ Блинова—Зяблинъ... „послѣ Базарова — Печоринъ“, могъ бы сказать мыслитель и исправникъ, Семенъ Петровичъ Факирскій...

— Какъ мы давно не видались съ вами, monsieur Зяблинъ, молвила она, протягивая ему руку съ кушетки,—а вы все тотъ же... Toujours jeune et superbe... Въ самомъ дѣлѣ, удивительно comme vous êtes toujours jeune! Хорошо жить, не правда-ли?

И она, какъ бы по этому случаю, дала полную волю теперь пронимавшему ее внутренно смѣху.

Опустившійся на мѣсто противъ нея Зяблинъ въ свою очередь недоумѣло улыбался, весьма польщенный съ одной стороны ея фразой насчетъ его вѣчной молодости, нѣсколько тревожно, съ другой, стараясь объяснить себѣ причину ея нежданнаго хохота.

— Вы изъ Сицкаго? спросила она.

Онъ наклонилъ голову.

— Да-съ... и...

— И привезли мнѣ, не дала она ему заговорить,—письмо

съ букетомъ, если не цвѣтовъ, то любезностей, de la part de belle-maman?

Лицо „бригантa“ внезапно омрачилось: тонъ этотъ показался ему грѣшащимъ именно тою *фамиліарностью*, которой онъ пуще всего не хотѣлъ допустить въ отношеніяхъ къ нему „этой женщины“.

— Ни букета, ни письма я не привезъ-съ, mille pardons, проговорилъ онъ съ самой высоты своего величія, — а имѣю порученіе отъ княгини Аглаи Константиновны переговорить съ вами по... по нѣкоторому предмету, уже нѣсколько промямлилъ онъ.

У нея сверкнули глаза:

— А-а! протянула она,—вамъ дано порученіе объясниться со мной объ этомъ „предметѣ“ на словахъ? И какъ же именно: какъ простому повѣренному, или уже въ качествѣ beau-père'a, мужа матери de mon noble époux. Ваша помолвка съ ней, говорятъ, объявлена?

Странное будто смущеніе произвелъ этотъ вопросъ на „бригантa“: онъ кашлянулъ, заерзалъ на своемъ стулѣ, повелъ неопредѣленно взглядомъ на вопрошавшую, на Ашанина:

— Княгиня дѣйствительно сдѣлала мнѣ честь принять мое предложеніе, выговорилъ онъ наконецъ не совсѣмъ твердо.

— Съ чѣмъ и позвольте мнѣ поздравить васъ ото всего сердца, подхватила Ольга Елпидифоровна самымъ серіознымъ тономъ, сквозь который иронія пробивалась тысячью безпощадныхъ иголокъ.—Какое же „порученіе“ имѣете вы ко мнѣ отъ вашей будущей супруги?

Онъ поднялъ на нее глаза, стараясь придать какъ можно болѣе строгости ихъ выраженію:

— Разговоръ объ этомъ, vous comprenez, madame, съ нѣкоторымъ даже шипѣніемъ произнесъ онъ,—долженъ быть совершенно... интименъ, такъ сказать.

— Ахъ, вамъ мѣшаетъ присутствіе Владиміра Петровича? Я его нарочно пригласила остаться, и вотъ, жалко, Факирскій долженъ былъ уѣхать, я его тоже приглашала... Ника-

кого „порученія“ отъ belle-maman я слушать не стану безъ свидѣтелей, предваряю васъ.

— Почему-жь однако такое... недовѣріе? пробормоталъ, видимо пѣтушась и краснѣя, Зяблинъ.

— Потому что я ее знаю такъ же давно, какъ вы, знаю, что ей лгать ни почемъ, ни почемъ отказаться отъ своихъ словъ, что для нея нѣтъ ни Бога, ни совѣсти!...

Ашанинъ, продолжавшій стоять и слѣдившій, не отрываясь, за каждымъ ея словомъ и движеніемъ, заморгалъ ей въ эту минуту глазами: „сдержитесь-молъ, потише!“...

Она видѣла это, но съ новымъ порывомъ — и обращаясь теперь уже къ нему:

— Знаете-ли вы, воскликнула она съ нервнымъ хохотомъ,—что эта самая женщина, обкрадывающая меня теперь со своимъ сынкомъ изъ злобы на то, что я имѣла глупость выйти за него замужъ, пріѣзжала ко мнѣ въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ уговаривать меня сдѣлаться la maîtresse того же ея Базиля, такъ какъ я une femme du monde и не стала бы обирать его, какъ его Француженки!...

„Бригантъ“ поднялся съ мѣста:

— Madame!... Позвольте мнѣ удалиться, проговорилъ онъ съ театральнымъ движеніемъ руки, имѣвшимъ очевидно изобразить чувство самого высокопробнаго достоинства,—вы такъ... возбуждены, и такъ выражаетесь про... особу, которую я... *чту*, точно зацѣпившись обѣими руками за этотъ глаголъ, какъ утопающій за кустъ, произнесъ онъ,—что я считаю долгомъ дать вамъ... такъ сказать, время... успокоиться.

Она тутъ же неожиданно вся стихла вдругъ, поднесла свой флаконъ къ ноздрямъ и, приподнявъ глаза, взглянула ему пристально въ лицо:

— Оно и лучше, по-моему, вымолвила она самымъ невозмутимымъ тономъ: — насъ съ будущею madame Zaibline разсудитъ Государь.

— Это какъ же... вы понимаете? озадаченно пролепеталъ онъ.

— Я уѣду завтра въ Петербургъ и подамъ лично Его Величеству прошеніе, въ которомъ будетъ сказано все то, о чемъ

я писала вчера въ Сицкое... Вамъ, не сомнѣваюсь, показано было это мое письмо?

— Показано, подтвердилъ Зяблинъ совершенно безсознательно. Онъ чувствовалъ себя сбитымъ со своей высокой позиціи и не зналъ, какъ держаться далѣе.

Онъ медленно, точно собираясь присѣдать, опустился снова на свое мѣсто.

— Мнѣ именно о томъ, что̀ заключается въ этомъ письмѣ, поручено было... переговорить съ вами... *княгиня*, въ первый разъ съ начала разговора называя ее ея титуломъ, проговорилъ онъ.

— Говорите, я буду слушать, со всей высоты своего величія въ свою очередь теперь промолвила она: — но говорю заранѣе: прежде всего требую, чтобы возвращено мнѣ было то, что̀ мнѣ принадлежитъ, мой капиталъ и цѣнность украденныхъ у меня *ея* Базилемъ брилліантовъ. Только принимая это за основаніе, согласна я трактовать объ остальномъ.

Зяблинъ опять заерзалъ на своемъ стулѣ.

— Кня... Аглая Константиновна не прочь... не отвергаетъ, такъ сказать, мысли удовлетворить вашимъ желаніямъ...

— То-есть, отдать мнѣ мои деньги? отрѣзала она.

— Конечно... хотя нѣтъ документовъ... Но я, повѣрьте,— „бригантъ“ прижалъ руку ко груди, — я со своей стороны вполнѣ вѣрю и... въ этомъ смыслѣ утверждалъ... Аглая Константиновна сама согласна... въ принципѣ... но она полагаетъ, что необходимы, такъ сказать, нѣкоторыя... *условія*.

— Какія условія?

— Вы изволили извѣщать Аглаю Константиновну въ этомъ письмѣ... объ одномъ обстоятельствѣ... не договорилъ онъ и покосился въ сторону Ашанина, а затѣмъ на нее, какъ бы спрашивая: „такъ и говорить при немъ?“

Вся она вспыхнула. Но гнѣвомъ гораздо болѣе, чѣмъ смущеніемъ заалѣлось лицо ея:

— Да, извѣщала... должна была извѣстить, — должна теперь говорить объ этомъ съ вами, — чужимъ и при чужомъ, потому что я къ этому вынуждена, потому что вы меня съ *нею* приперли къ стѣнѣ!...

Зяблинъ ужасно заволновался:

— Позвольте, княгиня, моя роль здѣсь, такъ сказать, пассивная.. Я единственно только какъ... довѣренное, такъ-сказать, лицо. Я, напротивъ, можно сказать, съ удовольствіемъ!.. И сама Аглая Константиновна, — во рту становилось у него сухо, и непривычный къ такому расходу словъ языкъ ворочался у него съ видимымъ усиліемъ въ гортани, — она даже удивляется, почему вы... ранѣе не извѣстили ее объ этомъ...

У Ольги Елпидифоровны задрожали губы.

— *Она* „удивляется“, и вы тоже, какъ вижу... вамъ не понятно это чувство!... Такъ я вамъ скажу: я не писала до этого, не писала до послѣдней минуты потому... потому что это мнѣ слишкомъ тяжело и гадко,— что я ношу подъ сердцемъ ребенка отъ человѣка, котораго я всѣмъ существомъ своимъ презираю... и что необходимость признаться въ этомъ возмущаетъ всю мою душу!...

И, судорожно всхлипнувъ, она откинулась назадъ въ подушку, закрывая глаза себѣ платкомъ.

Впечатлительный Ашанинъ—у него все время отъ полноты сочувствія къ рѣчамъ прекрасной женщины чесались руки побить неповиннаго „бригантa“,—кинулся къ ней.

— Княгиня, успокойтесь... выкушайте воды, я сейчасъ принесу вамъ!...

— У кого спросить, я пойду... предложилъ со своей стороны Зяблинъ, вставая со стула съ нѣкоторымъ впрочемъ опасеніемъ за благонадежность своихъ задрожавшихъ отъ волненія ножекъ.

— Ничего, нѣтъ, ne vous dérangez pas! остановила ихъ, разомъ пріосанясь, княгиня,—я не легко падаю въ обморокъ. Вы теперь знаете le fond de la question, съ насилованною усмѣшкой обернулась она къ Ашанину,—а затѣмъ, monsieur Ziabline, продолжайте: чѣмъ же разрѣшилась княгиня Аглая Константиновна dans sa haute sagesse относительно этого „предмета“, какъ вы выражаетесь?

Бѣдный Зяблинъ! Никогда еще въ жизни не приходилось ему говорить такъ много и на столь выходившій изъ области его печоринства мотивъ...

— Аглая Константиновна, началъ онъ своимъ сдобнымъ голосомъ, покачиваясь на стулѣ и разводя двумя пальцами по тщательно пробритому своему подбородку,—была совершенно поражена этимъ извѣстіемъ... которое,—лицо его омрачилось вдругъ,—имѣло такое вліяніе на нее, что... даже всѣмъ ея мыслямъ дало, такъ сказать, другое теченіе...

„А!“ И Ашанинъ прикусилъ себѣ губу, чтобы не засмѣяться громко тому заключенію, которое изъ этихъ словъ тотчасъ же сложилось въ его сообразительной головѣ: „имѣется надежда на внука,—значитъ, мужа не нужно... Умница-то Ольга Елпидифоровна это предвидѣла,—молодецъ!“

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее,—она чуть-чуть улыбалась...

— Аглая Константиновна, продолжалъ между тѣмъ „бригантъ“,—имѣла такъ много... основаній быть недовольною Базилемъ... что даже совсѣмъ, такъ сказать, отказалась отъ него... Но какъ теперь ожидается отъ него... по вашимъ словамъ... потомство...

Онъ, словно поперхнувшись, кашлянулъ и поднялъ ко рту свою облеченную въ лиловую перчатку руку.

— Она этому не вѣритъ? вскликнула, вся зардѣвшись, вновь княгиня,—она смѣетъ думать, что я...

„Ради Бога, не волнуйтесь, дайте ему договорить!“ прочла она въ устремившихся на нее глазахъ Ашанина и смолкла разомъ.

— Я этого не сказалъ, княгиня, поспѣшно забормоталъ Зяблинъ,—и Аглая Константиновна со своей стороны... Она только бы желала—чтобы, такъ сказать, ни для кого сомнѣнія не могло быть—чтобы... *событіе*, такъ сказать, прошепталъ уже онъ, цѣломудренно опуская глаза,—произошло у нея... въ Сицкомъ... Изъ Москвы будутъ, разумѣется, выписаны для этого извѣстнѣйшій... практикантъ и... *спеціалистка*...

— Барабаны и трубы et tout le tremblement! нервно засмѣялась на это Ольга Елпидифоровна.—Что же далѣе?

— Далѣе, повторилъ онъ, съ новымъ, видимо, замѣшательствомъ,—Аглая Константиновна желала бы, чтобы вы

этого будущаго... внука ея, такъ сказать, или внучку... предоставили ей воспитывать...

— То-есть, чтобъ я, другими словами, отказалась отъ своего ребенка, прервалъ его негодующій возгласъ молодой женщины,—и отдала бы его ей, чтобъ она уморила его, какъ свою дочь, или сдѣлала изъ него мерзавца, какъ ея Базиль!.. И за это удовольствіе какая предлагается мнѣ цѣна? спросила она вдругъ тономъ глубочайшаго презрѣнія.

„Бригантъ“ окончательно сконфузился:

— У васъ, право, такія... можно сказать, ошеломляющія выраженія, княгиня... отвѣчать даже не возможно... Аглая Константиновна предлагаетъ только... въ качествѣ, такъ сказать, будущей бабушки... А для обезпеченія собственно васъ, промолвилъ онъ, пристально упираясь взглядомъ на носки своихъ ботинокъ,—она... въ вашихъ же интересахъ, для избѣжанія еще разъ растраты вашего капитала, готова вамъ платить проценты съ той суммы, которую, какъ изволите вы показывать, заплатили за Базиля въ Парижѣ...

— Господинъ Зяблинъ, произнесла неожиданно Ольга Елпидифоровна тономъ, заставившимъ его вздрогнуть,—неужели вы не понимаете сами, какого букета мерзостей являетесь вы ко мнѣ доставщикомъ?

Онъ растерянно поднялъ глаза, поймалъ на-лету нелестное выраженіе остановившихся на немъ большихъ, говорящихъ глазъ Ашанина, холодно презрительный взглядъ, съ какимъ смотрѣла на него „эта бойкая барыня“, и вдругъ размякъ и распустился всѣмъ дряблымъ существомъ своимъ:

— Княгиня, чуть не плакала теперь его разбойническая физіономія, — я привыкъ быть непонятымъ... и насколько люди вообще безчеловѣчны въ своихъ поспѣшныхъ приговорахъ ближнему. Но вы меня жестоко, можно сказать, раните вашими словами!... Повѣрьте, Провидѣніе и совѣсть лишь моя знаютъ, какъ тяжело мнѣ быть этимъ, какъ вы называете, „доставщикомъ“. Я *понимаю* все, совершенно понимаю-съ, повѣрьте... Но вѣдь я—крѣпостной! совсѣмъ уже нежданно для слушавшихъ вырвалось у него словно воплемъ изъ груди,—крестьянамъ вотъ волю дали-съ, а я... я попрежнему въ

рабствѣ... и конца ему не вижу, могу сказать... Самое положеніе мое теперь—посудите! — насчетъ брака нашего все было рѣшено и подписано, такъ сказать, и *сама* уполномочила меня объявить объ этомъ въ Москвѣ... и вотъ-съ съ полученія вашего письма совершенная революція въ чувствахъ, истерики, слезы... упреки на меня, повѣрите-ли, что „слабость ко мнѣ“, уже иронически цитовалъ Зяблинъ,—„не должна prédominer надъ devoirs intimes“, и что все эта же слабость будто бы m'a fait, говоритъ, oublier de prévoir le cas, что я могу сдѣлаться бабушкой, et que cela change complétement la question“... Помилуйте, скажите, что-же тутъ „change“, говорю, что вы сдѣлаетесь бабушкой. „Mon devoir, говоритъ, посвятить себя теперь à l'éducation de la postérité de mon fils, le prince Шастуновъ, puisque lui-même est si peu digne du nom qu'il porte“. И вѣдь съ этого не собьешь ея, и для этого самаго меня послали къ вамъ, на жертву, такъ сказать, вашему неудовольствію... Во всемъ этомъ, княгиня, вскликнулъ въ заключеніе злополучный „бригантъ“,—я узнаю руку все той же злой мачихи-судьбы, издѣвавшейся надо мною съ самыхъ, такъ сказать, юныхъ лѣтъ: добиваетъ-съ меня она теперь!...

Онъ опустилъ глаза и голову и махнулъ рукой отчаяннымъ движеніемъ.

— Мнѣ васъ очень жаль, monsieur Зяблинъ, сказала Ольга Елпидифоровна, которую эти его *жалкія* слова чуть не заставили расхохотаться опять, — но вы можете успокоиться: то „обстоятельство“, по которому я имѣю теперь удовольствіе видѣть васъ у себя, нисколько не должно разстраивать ваши планы. Пославшей васъ я прошу васъ сказать, что „postérité“ ее сынка, то-есть *моего* ребенка, я скорѣе въ воду брошу, чѣмъ дозволю *ей* „воспитывать“ его, и чтобъ она это впередъ знала и распорядилась en conséquence, потому что она меня ничѣмъ не въ состояніи подкупить, ни склонить на уступку. Ни мнѣ, ни *моему* потомству не нужно ея денегъ... Эти ея деньги—прокляты: каждаго, кто къ нимъ коснется, ждетъ позоръ или гибель. Такъ и скажите ей!.. Я требую отъ нея одного, и такъ ей писала, чтобъ она вернула мнѣ мой капиталъ, растраченный ея сыномъ; мнѣ будетъ его достаточно, чтобы

воспитать на собственныя средства будущее человѣческое существо... воспитать такъ, чтобъ оно, Боже сохрани, ничего похожаго нравственно не имѣло ни съ своимъ папашей, ни съ бабушкой... да и ни со своею сумасшедшею матерью тоже! вскликнула она неудержимо въ уносившемъ ее горячемъ порывѣ.

„Бригантъ“ растерянно глядѣлъ на нее; онъ видимо съ трудомъ соображалъ въ головѣ, должно-ли было то рѣшеніе, которое сейчасъ выражено было ею, послужить къ утвержденію его „плановъ“ или, напротивъ, къ ихъ окончательному разстройству. Положительнаго пока онъ предвидѣлъ въ ближайшемъ одно: „та же опять канитель гнусная и дурацкія рѣчи!..

— Аглая Константиновна никакъ не ожидаетъ такого отвѣта, жалобно проговорилъ онъ, вздыхая изъ самой глубины груди.

— Я полагаю, презрительно усмѣхнулась въ отвѣтъ на это его собесѣдница.

Онъ молчалъ, пожевалъ машинально губами, продолжая недоумѣло поглядывать на нее.

— А какъ же, княгиня, насчетъ... предложенія, чтобы вы пожаловали въ Сицкое?.. не договорилъ онъ.

— Pour que j'y vienne faire mes couches? твердо и спокойно досказала за него она: — я не прочь... чтобъ *она* съ компаніею „никакого сомнѣнія“ дѣйствительно не могла имѣть... А относительно того, что вы мнѣ говорили о какихъ-то процентахъ, которые разсчитываетъ она мнѣ платить, то объявите ей, что я никакихъ ни денежныхъ, ни иныхъ дѣлъ съ нею имѣть не желаю, а капиталомъ моимъ распоряжусь сама, какъ знаю. Прошу васъ передать это ей категорически и сказать, что если я отъ нея до завтрашняго числа вечеромъ не получу удовлетворяющаго меня отвѣта, я въ ночь же выѣзжаю отсюда въ Петербургъ... А теперь довольно, je n'en puis plus!..

Она встала съ мѣста, выпрямилась... Онъ вскочилъ въ свою очередь.

— Pardon, Monsieur Зяблинъ, мнѣ нечего вамъ болѣе ска-

зать... и я ужасно устала, laissez-moi me retirer. До свиданія! Она протянула ему руку и обернулась къ Ашанину:

— Я васъ заставила прослушать очень скучныя объясненія, Владиміръ Петровичъ, но ваша старая дружба проститъ меня за это, надѣюсь; вы понимаете, какъ важно для меня, что вы можете быть свидѣтелемъ всего, что̀ мнѣ передано со стороны моей belle-mère... Я впрочемъ не сомнѣваюсь, что самъ monsieur Зяблинъ повторитъ это, если его спросятъ...

Она обвела обоихъ мущинъ общимъ поклономъ, прошла въ свою спальню и заперла за собой дверь.

— Что-жь, пойдемте, Евгеній Владиміровичъ, сказалъ помолчавъ и нѣсколько озадаченно московскій донъ-Жуанъ, — онъ никакъ не предвидѣлъ этотъ внезапный и общій „абшидъ“, между тѣмъ какъ товарищъ его, все еще не успѣвъ собрать свои мысли, теръ себѣ машинально пальцами подбородокъ, упершись глазами въ полъ:— къ этакой барынѣ въ перемолъ попасть, косточки живой не останется,—какъ вы полагаете?

„Бригантъ“ встрепенулся вдругъ: .

— Дорожка-то въ жизни намъ одна съ вами вышла, Владиміръ Петровичъ, обидчиво вымолвилъ онъ:—только вамъ на ней одни розанчики да ягодки попадались, а мнѣ на каждомъ шагу шипы и колючки,— такъ что̀-жь ужь вамъ мнѣ счастіемъ-то своимъ глаза колоть?

Ашанинъ засмѣялся:

— А знаете-ли вы, что̀ Суворовъ говорилъ про *счастье!*

— А что̀-съ?

— „Сегодня—счастье, завтра—счастье; надобно же когда-нибудь и иное что̀“.

Зяблинъ не понялъ и, не отвѣчая, тронулся съ мѣста. Они вышли вмѣстѣ на улицу.

— Вы куда теперь: домой, въ Сицкое? спросилъ Ашанинъ.

— Да-съ...

Они дошли до квартиры, занимаемой исправникомъ. Тамъ на дворѣ стояла привезшая Зяблина изъ Сицкаго четверня подъ коляской и распряженный тарантасъ Блинова. Самъ онъ уѣхалъ съ исправникомъ на слѣдствіе, а слугѣ этого послѣдняго поручилъ сказать Ашанину, чтобы тотъ подождалъ его

возвращенія часовъ до 7 вечера; если же къ тому времени его не будетъ,—значитъ, что онъ съ луговъ нашелъ возможность прямо проѣхать къ себѣ въ деревню, и чтобы тогда Ашанинъ ѣхалъ туда со своей стороны на его, Блинова, лошадяхъ.

Все такъ же озабоченный и темный какъ туча, „бригантъ“, не теряя времени и разсѣянно пожавъ руку своему спутнику, сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ. Красавецъ остался одинъ.

Онъ поглядѣлъ на часы: они показывали $3^1/_4$ часа. Часа четыре такимъ образомъ оставалось ему до отъѣзда. На что употребить ихъ?

Онъ вошелъ въ домъ. Обязательный слуга ввелъ его въ кабинетъ барина, предложилъ ему папиросъ и свѣжую книжку *Современника*, — журнала, которымъ зачитывался „прогрессистъ“-исправникъ.

Онъ взялъ папиросу, отказался отъ *Современника* и погрузился въ думу.

„Что *игры*, что *грани* въ этой женщинѣ!“ разсуждалъ онъ, вспоминая только-что проведенные у нея часы:—„умъ, блескъ, независимость, чувство... И вся огонь, вся нервы, сверкаетъ, манитъ, колетъ, плачетъ и смѣется, и все это равно искренно, равно горячо увлекаясь. Это самая пространная по объему и ровная по звуку женская гамма, какую мнѣ только случалось встрѣтить“...

Онъ улыбнулся своему сравненію и тутъ же сжалъ брови. „А я, вдругъ кинулось ему въ голову, — я, благодаря этому Троекурову, рѣшительно въ дурака сыгралъ... Отпустить ей, что я боюсь ее компрометтировать, какая пошлость! Будто эта женщина, какъ другія? развѣ она боится пошлыхъ толковъ, развѣ ее что-нибудь можетъ испугать, развѣ она въ концѣ концовъ не возьметъ всегда свое, не выйдетъ побѣдительницей изъ теперешняго, сквернаго своего положенія! Она очень мило благодарила меня за мое *рыцарство*, но вотъ послѣдствіе: отпустила меня сейчасъ съ Зяблинымъ заодно... и ни слова, ни взгляда! Зачѣмъ же я пріѣхалъ сюда?“ явилось въ заключеніе размышленій нашего донъ-Жуана,—и, не найдя

въ мысли никакого удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ уронилъ голову въ подушку довольно покойнаго дивана, находившагося въ кабинетѣ, и зажмурилъ съ досады вѣки.

Онъ тутъ же заснулъ, какъ убитый.

Когда онъ открылъ глаза, солнце заходило по ту сторону дома, а въ открытое противъ него окно врывалась вечерняя свѣжесть вмѣстѣ съ длинными тѣнями лѣтнихъ сумерковъ.

— Не прикажете-ли покушать? спросилъ его все тотъ же предупредительный слуга, входя въ комнату:—баринъ не приказывали себя ждать, а обѣдъ у насъ готовъ.

Онъ согласился, пообѣдалъ, привелъ себя въ порядокъ, и хотя восьмой часъ былъ уже на исходѣ и онъ былъ теперь въ правѣ ѣхать на лошадяхъ Блинова въ его деревню, онъ закладывать не велѣлъ, а, сказавъ слугѣ, что онъ пойдетъ „ноги немножко поразмять", накрылъ низенькою сѣрою шляпой свои кудрявые черные волосы и вышелъ со двора...

Онъ очутился чрезъ нѣсколько минутъ на улицѣ, на которую выходилъ домикъ молодой княгини Шастуновой.

Улица была пуста. Только какой-то старый гарнизонный солдатъ, замѣтно подвыпившій и въ дырявыхъ сапогахъ, плелся, пошатываясь, по ней, жалобно повздохивая и причитывая себѣ что-то подъ носъ.

Ашанинъ, какъ бы боясь натолкнуться на него, спѣшно перебѣжалъ на сторону противоположную домику, оперся о какой-то заборъ и жадно вперилъ оттуда глаза черезъ улицу.

Въ свѣже-вымытыхъ по пріѣздѣ Ольги Елпидифоровны оконныхъ стеклахъ ея обиталища отражались сверкавшіе лучи заходящаго солнца; словно рядъ горящихъ свѣчъ билъ огнемъ изнутри комнатъ... Оба окна ея будуара были открыты настежь, и у одного изъ нихъ, откинувшись затылкомъ въ спинку стараго, прикрытаго пледомъ *вольтера*, вся облитая этимъ косымъ свѣтомъ заката, сидѣла сама она въ какомъ-то глубокомъ раздумьѣ, полузакрывъ глаза и придерживая кончиками пальцевъ только-что видимо опущенную развернутую книгу на высоко приподнятой колѣнкѣ.

Ашанинъ пожиралъ ее съ мѣста своимъ зоркимъ и дальнозрячимъ взглядомъ.

Но она не видала его; она вся погружена была внутрь себя,—и не веселая дума думалась ей въ эту минуту...

Онъ не выдержалъ, перешелъ черезъ улицу и, остановившись у палисадника, оперся о него локтемъ, уложилъ на руку голову,—и замеръ въ этой жалостной и выжидательной позѣ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Донъ-Жуанъ попытался слегка вздохнуть.

Она не двигалась.

Онъ подождалъ съ минуту, оглядѣлся кругомъ и, убѣдившись, что они теперь „одни на свѣтѣ“, словно воркнулъ голубинымъ воркованіемъ:

— О чемъ вы такъ призадумались, княгиня?

Она чуть-чуть вздрогнула отъ неожиданности, слегка повернула голову:

— А, это вы! произнесла она беззвучнымъ тономъ.

— Это я! отвѣтилъ онъ, изображая лицомъ совершенно убитаго судьбой молодаго человѣка.

Она невольно усмѣхнулась:

— Не уѣхали еще?

— Какъ видите!

— Что же?

— Лошадей жду, солгалъ немилосердно Ашанинъ.

— Обѣдали?

— Д-да, напитали чѣмъ-то у исправника...

Она, слегка прищурившись, поглядѣла на него:

— Вамъ очень пристала эта шляпа, уронила она и засмѣялась:—а теперь чаю хотите?

— Жажду! проговорилъ онъ, прижимая обѣ руки ко груди.

— Такъ войдите, сказала она: — я вамъ сама отворю; Амалія моя зла и сейчасъ объявила мнѣ, что не желаетъ болѣе оставаться in diesem Lumpenloch, въ этой нищенской дырѣ,—она, видите, къ Парижу слишкомъ привыкла...

Онъ вошелъ.

Она вернулась опять къ своему креслу, опустилась въ него, закинула обѣ руки за голову:

— Амалія моя не можетъ, желчно воскликнула она, — а я... И я не могу, не могу, уже стономъ вырвалось у нея изъ груди,—лучше умереть сейчасъ, отравиться, въ воду броситься!... Такъ нельзя жить больше; скука хуже ада, хуже вѣчныхъ мученій! Я съ ума сойду, если это такъ должно продолжаться... Вырвите меня отсюда, слышите; какъ хотите дѣлайте, но чтобъ я могла уѣхать!... Да, вспомнила вдругъ она,—вы мнѣ говорили утромъ, что нашли какія-то деньги... кредитъ въ Москвѣ?...

— Говорилъ, конечно, поспѣшно началъ онъ, — но вы были такъ возбуждены, начали о другомъ, какъ будто даже разсердились, мнѣ показалось... Кредитъ, да, неограниченный, на сколько вамъ угодно. Если вы рѣшитесь уѣхать, можете, когда хотите...

Она неудержимымъ порывомъ вскочила, кинулась къ нему:

— О мой милый, спаситель!... И огненный, страстный поцѣлуй ожегъ его губы.

Онъ запылалъ какъ въ лихорадкѣ и обнялъ ея станъ...

— Дайте мнѣ сообразиться, отшатнулась она; сѣла опять и закрыла глаза ладонью.

— Вы это вѣрно говорите,—я могу разсчитывать? спросила она чрезъ мигъ.

— Такъ же вѣрно, какъ то, что я васъ люблю до сумасшествія! отвѣтилъ онъ, весь дрожа расходившеюся въ немъ алчною страстью.

— Любите, такъ докажите! сказала она на это, тихо усмѣхаясь.

— Чѣмъ хотите!

— Вотъ что, медленно заговорила она:—я велѣла *ей* сказать чрезъ этого ея vieux beau, что буду ждать ея отвѣта весь день завтра, а что если она не отвѣтитъ, я уѣду немедленно въ Петербургъ... Я такъ и сдѣлаю; не отвѣтитъ она или отвѣтитъ, и что бы ни отвѣтила — все равно, я уѣду завтра вечеромъ...

— Въ Петербургъ? воскликнулъ тревожно Ашанинъ.

— Въ Москву... пока, отвѣтила она съ новою, мимолетною улыбкой, — а тамъ увидимъ по отвѣту ея... А вы, мой другъ, mon sauveur, съ лукавою нѣжностью примолвила красавица, — вы должны сегодня же ѣхать туда. Вы мнѣ тамъ удержите нумеръ у Шевріе,—тотъ же, если можно, въ которомъ я останавливалась теперь, — и привезете къ моему пріѣзду... une certaine somme, потому что я... я пріѣду туда littéralement sans le sou, заключила она, хмурясь и краснѣя.

Онъ вдругъ опустился прямо предъ ней на скамеечку, на которую опирались ея ноги:

— Все, все будетъ сдѣлано, прелесть моя, не безпокойтесь ни о чемъ, пролепеталъ онъ путавшимся отъ волненія языкомъ, схватывая ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями.

Она отняла ихъ у него, глянула ему въ глаза не то строгимъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ:

— Что же это, проговорила она,—vous vous payez votre commission d'avance?

Онъ быстро всталъ, пристыженный и смущенный:

— Можете-ли вы такъ говорить! сказалъ онъ съ упрекомъ въ голосѣ.

— Не сердитесь, другъ мой, молвила она уже измѣнившимся, ласковымъ тономъ: — я пошутила... Нѣтъ, вы милый, добрый, и я не знаю, какъ благодарить васъ. Какая вамъ хорошая мысль пришла зайти теперь ко мнѣ!... Знаете, я прожила здѣсь десять дней, и все бодрилась, старалась стать выше этой лютой скуки, этой животной жизни. Но сегодня — это сверхъ моихъ силъ, я чувствую. Утромъ этотъ Зяблинъ, объясненія, — она гадливо повела губами, — потомъ Амалія... вѣдь она мнѣ une vraie scène сдѣлала, нагрубила, и гдѣ-то тамъ реветъ теперь у себя въ углу... Я осталась тутъ одна-одинехонька, съ книгой,—но даже читать не могла: мнѣ казалось, что вотъ-вотъ наваливаютъ на меня крышку гроба и что еще немножко, и я задохнусь, умру... Когда вы подошли, я вся еще была подъ этимъ впечатлѣніемъ; я безучастно, холодно приняла васъ, — вы замѣтили, да?... А онъ, милый, явился ко мнѣ избавителемъ! съ новымъ порывомъ воскликнула молодая женщина.

Она во мгновенномъ, радостномъ возбужденіи прянула еще разъ съ мѣста, пробѣжала по комнатѣ, передвинула на-ходу какую-то книгу на столѣ, засмѣялась и вдругъ уронила себя разомъ на близъ стоявшую кушетку:

— Уфъ! какъ только подумаю, что черезъ сутки меня здѣсь не будетъ, не будетъ, не будетъ!.. C'est convenu alors, не правда-ли,—вы скачете въ Москву и все мнѣ тамъ приготовите?

Ашанинъ стоялъ противъ нея, не отрывая отъ ея прелестнаго въ этомъ оживленіи своемъ лица свои жгучіе черные глаза.

— Ѣду, скачу, приготовлю, отвѣчалъ онъ, тяжело переводя дыханіе,—но не сейчасъ, не въ эту минуту...

Въ ея глазахъ теперь пробѣжала внезапно какая-то искра. Вѣки ея дрогнули и опустились:

— Нѣтъ, проговорила она словно упавшимъ, замирающимъ голосомъ,—я вамъ чаю дамъ...

X.

Вы лицемѣры,—мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ,—мы будемъ на словахъ злодѣями; вы кланяетесь не уважая, — мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, — мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

Герценъ. *Былое и Думы. „Общій фондъ“.*

Во Всесвятскомъ въ тотъ же день происходило слѣдующее:

Троекуровъ наканунѣ усиленно занимался по своей посреднической должности. Протолковавъ все утро съ вызванными имъ старшинами, онъ, не довольствуясь этимъ, отправился въ волость одного изъ нихъ провѣрить писаря, котораго давно уже подозрѣвалъ въ мошенничествѣ, уличилъ его по книгамъ, смѣнилъ тутъ же и, провозившись за этимъ дѣломъ часа четыре, вернулся домой только къ обѣду. Онъ видимо усталъ, и Сашенька, замѣтивъ его необычную молчаливость за столомъ, указала на него нѣсколько тревожными глазами Кирѣ и громко спросила:

— Тебя вѣрно разсердили, Борисъ?

— Нѣтъ, дѣла много, отвѣтилъ онъ съ насилованною усмѣшкой, и тотчасъ послѣ обѣда ушелъ въ кабинетъ просматривать бумаги, накопившіяся у него за время отлучки его въ губернскій городъ, за которыми и провелъ весь вечеръ.

Сегодня онъ опять велѣлъ утромъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ верстъ за шесть на одну изъ своихъ мельницъ, у

которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ прорвало паводкомъ отъ дождя плотину... Онъ какъ бы искалъ всякаго случая ко внѣшней физической дѣятельности, къ движенію, къ разсѣянію себя отъ чего-то внутренняго,—надоѣдливаго или гложущаго...

Былъ часъ десятый до полудня. Онъ возвращался шагомъ черезъ село, Всесвятское же, расположенное въ верстѣ отъ его усадьбы, и которое онъ, разверстываясь въ прошломъ году съ крестьянами, перестроилъ все на свой счетъ по новому плану, обязавъ крестьянъ, въ благодарность за этотъ даръ, обсадить деревьями оставленныя между теперешними избами ихъ пространства. Онъ пользовался своимъ положеніемъ посредника, чтобы требовать строгаго исполненія этого условія, и радовался ужасно каждому хорошо принимавшемуся деревцу.

Онъ ѣхалъ, оглядывая справа и слѣва эти заведенные имъ молодые разсадники и говоря себѣ съ невеселою усмѣшкой: „вѣдь не хитрая штука, и въ явную, казалось бы, имъ пользу; а не наблюди, да не пригрози,—засушатъ, срубятъ и на лучину разщеплютъ“...

Все населеніе было на сѣнокосѣ. Кое-гдѣ лишь голоногіе мальчуганы, приподнявъ рубашенки, неслись испуганно, завидѣвъ его, черезъ пыльную улицы и кувыркались въ подворотни головой внизъ, да древняя старушенка, пригрѣваемая солнцемъ на завалинкѣ, тяжело приподнималась съ мѣста и, низко кланяясь ему, шамкала беззубымъ ртомъ: „здравствуй батюшка, милостивецъ, ваше благородіе!“...

На самомъ выѣздѣ, у крайней избы села, онъ еще издали замѣтилъ стройную женщину съ повязаннымъ отъ солнца платкомъ на головѣ и въ свѣтломъ, лѣтнемъ, нѣмецкаго покроя платьѣ. Она стояла къ нему спиной и разговаривала, дѣлая странныя, показалось ему, словно гнѣвныя движенія руками, съ какимъ-то малымъ въ фуражкѣ и красной рубахѣ на выпускъ подъ кургузымъ пальтишкой неопредѣленнаго цвѣта.

Она обернулась, заслышавъ близкіе лошадиные шаги. Троекуровъ узналъ горничную жены, Анфису.

Въ то же мгновеніе разговаривавшій съ нею парень юркнулъ съ мѣста за уголъ сосѣдняго плетня и исчезъ изъ глазъ.

„Это что?“ подумалъ, сжимая брови, Троекуровъ...

Онъ поравнялся съ нею, придержалъ поводъ...

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ обрывисто.

Она подняла на него свои ясные синіе глаза:

— Къ старику Маркѣ лѣкарство носила отъ Александры Павловны; сноха отъ него приходила просить.

— А съ вами кто былъ сейчасъ?

Лицо Анфисы приняло раздраженное, почти злое выраженіе:

— Тутъ шалаганъ одинъ... Ѳедькой зовутъ... проронила она сквозь зубы, машинально оглядываясь на уголъ, за которымъ пропалъ ея недавній собесѣдникъ.

— А это что за письмо? вскрикнулъ вдругъ Борисъ Васильевичъ, указывая концомъ черкесской плети, которую, по старой кавказской привычкѣ, употреблялъ на конѣ вмѣсто хлыста и носилъ, по-тамошнему, привязанною за ремешокъ къ кисти руки, на лежавшій у самыхъ ея ногъ небольшой запечатанный сургучемъ конвертъ.

Она безотчетно нагнулась поднять его:

— Ишь, мерзавецъ, не хотѣла брать, такъ вотъ на-зло взялъ, да подкинулъ...

— Дайте его сюда!... Малый этотъ отъ Троженки... а письмо отъ... прорывалось сквозь судорожно сжавшіяся губы Троекурова.

— Княжна вамъ сказывали?... не договорила Анфиса.

— Да, знаю... Это онъ опять вздумалъ...

— Язва эта одна-съ, вскликнула она,—со злости, на *нихъ*, вѣрно знаю... Не читамши въ клочечки порвать, Борисъ Васильевичъ...

— Дайте его сюда! рѣзко повторилъ онъ.

Она подала ему на сѣдло письмо, глядя ему въ упоръ въ глаза.

Троекуровъ окинулъ быстрымъ взглядомъ адресъ. На немъ значилось:

Госпожѣ Кирѣ Кубенской.

Онъ сорвалъ обложку и принялся читать.

Анфиса съ какимъ-то пламенемъ не то страха, не то одобренія въ глубокихъ глазахъ все также неотступно продолжала глядѣть на него.

„Милостивая государыня, госпожа Кубенская. — писалъ княжнѣ Иринархъ Овцынъ,—мнѣ давно извѣстно, что люди *бѣлой кости*, къ которымъ причисляетесь и вы, почитаютъ себѣ все дозволеннымъ и будутъ такъ почитать, пока не настанетъ другой порядокъ, при которомъ имъ придется горько поплатиться за свое безсмысленное самомнѣніе. Но я долженъ признаться, что имѣлъ все же лучшее о васъ мнѣніе и не думалъ, чтобы вы могли рѣшиться на подобный поступокъ, какъ вашъ со мной. Я писалъ вамъ, что желаю непремѣнно разъяснить извѣстное вамъ обстоятельство, вслѣдствіе котораго многіе пострадали, и что для этого мнѣ нужно переговорить съ вами лично. А вы, зная, въ какомъ *исключительномъ* положеніи я нахожусь и что самая простая честность обязываетъ въ этихъ случаяхъ порядочныхъ людей къ тайнѣ, выдали про меня милому господину, у котораго теперь проживаете! Вы отрицать этого не можете, такъ какъ дражайшій мой родитель, видѣвшійся съ вами и съ нимъ, передалъ это мнѣ отъ самого *его*, и съ угрозами, надъ которыми я, разумѣется, смѣюсь и плюю на нихъ, но изъ которыхъ видна вся его беззубая злоба на меня изъ-за васъ. Конечно, этотъ, такой же, какъ и вы, *чистокровный* аристократъ, можетъ быть, теперь *очень дорогъ вамъ* (слова эти были два раза подчеркнуты,), а меня вы почитаете тлей, не стоящею вниманія, хотя и были моею ученицей въ Москвѣ, но я вамъ не совѣтую заранѣе торжествовать побѣду. Можете и пожалѣть объ этомъ. Я въ настоящее время уѣзжаю изъ здѣшнихъ мѣстъ, но найду средство напомнить о себѣ вамъ и вашему теперешнему *покровителю*.

Переставшій уважать васъ И. О.“

Троекуровъ былъ едва въ силахъ дочесть ко конца. Губы его тряслись...

Анфисѣ стало жутко:

— Батюшка, Борисъ Васильевичъ, сквернавцы они, пролепетала она,—презрить надо... не стоитъ!...

Онъ взглянулъ на нее, какъ бы не понимая:

— Что говорилъ вамъ этотъ посланный? спросилъ онъ, засовывая быстрымъ движеніемъ письмо въ боковой карманъ.

— Насчетъ чего-съ?

— Когда отдано ему это письмо?

— Онъ сказывалъ, начала она шепоткомъ,—Ѳедоръ Ѳедорычъ Овцынъ къ нимъ, въ Быково, отъ насъ рано утромъ пріѣхали. И у нихъ съ сыномъ тотчасъ же большой разговоръ пошелъ. И хозяинъ самъ... Троженковъ этотъ,—голосъ Анфисы чуточку дрогнулъ,—тутъ съ ними, и крикъ большой былъ, говорятъ; Иринархъ Ѳедорычъ ногами даже на отца-то топоталъ: „Я, говоритъ, имъ покажу“! А кому покажетъ ему, Ѳедькѣ-то этому,—я его съ Москвы еще знаю, въ одномъ домѣ служили,—и не понять. Только послѣ того пріуспокоились они немного. Иринархъ Ѳедорычъ къ себѣ въ комнату пошелъ, а оттуда къ Ѳедькѣ въ переднюю съ письмомъ вышелъ. „Ты, говоритъ, вотъ что сдѣлай: сейчасъ лошади съ экипажемъ, что привезли батюшку моего изъ Всесвятскаго, назадъ пойдутъ; ты и попроси кучера подвезти тебя,—вотъ ему полтинникъ отдашь на чай,—высадись въ селѣ, а оттуда пѣшкомъ въ усадьбу пройди, да осторожнѣе, и письмо постарайся той же женщинѣ,—„мнѣ тоись,—отдать“. Тотъ такъ и сдѣлалъ, на нашихъ лошадяхъ доселева пріѣхалъ, слѣзъ, а тутъ на грѣхъ сама-то я изъ Марковой избы какъ разъ на него выхожу... Гнать я его стала, сквернавца, а онъ мнѣ всю эту канитель зачалъ...

Но Троекуровъ ея уже не слушалъ.

— Я васъ прошу... очень, проговорилъ онъ насколько могъ спокойнымъ голосомъ,—не говорить никому... *никому* рѣшительно, настойчиво повторилъ онъ,—ни объ этомъ письмѣ, ни о томъ, что вы меня здѣсь встрѣтили. Понимаете?

— Какъ не понять-съ, помилуйте, сама знаю...

Она глядѣла на него, какъ бы ожидая его дальнѣйшихъ словъ, какъ бы желая сказать ему что-то еще относящееся до

этого, но онъ только кивнулъ ей, далъ поводъ и отъѣхалъ отъ нея рысцей прямо по дорогѣ.

— Куда-жь это *они*,—домой? спросила она себя недоумѣло,—и тутъ-же черезъ мигъ отрицательно закачала головой...

Дѣйствительно, проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ, Троекуровъ круто свернулъ вправо въ узкій проселокъ межъ двумя стѣнами высокой, зрѣющей ржи, стегнулъ вдругъ коня по крупу бѣшенымъ ударомъ,—и помчался впередъ съ быстротой вихря.

Анфиса, прищурившись и съ сильно бившимся сердцемъ, бѣжала за нимъ взглядомъ... Какимъ-то сказочнымъ богатыремъ представлялся ей теперь этотъ словно паривший на невидимыхъ крыльяхъ всадникъ, темное только туловище котораго и какъ-то грозно наклоненная впередъ голова виднѣлись ей надъ золотѣвшимъ моремъ нивы, безконечно убѣгавшей въ даль. Но вотъ онъ исчезъ изъ ея глазъ... Она покачала еще разъ головой, вздохнула, перекрестилась широкимъ крестомъ и пошла быстрыми шагами къ усадьбѣ.

А онъ,—онъ мчался, словно уносимый какою-то постороннею, неотразимою силой. Онъ не былъ въ состояніи думать, соображать, предвидѣть,—имъ овладѣло слѣпое, дикое, животное бѣшенство, которому нуженъ былъ исходъ, нужно было удовлетвореніе... „Прѣзрить“, повторялъ онъ машинально слова „этой женщины“,—и губы его поводила исковерканная улыбка,—„нѣтъ, найти мерзавца, отхлестать ему щеки этимъ паскуднымъ его письмомъ, убить какъ собаку, если онъ пикнуть осмѣлится“... „Убить“, повторялъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва и отъ неистовой скачки...

— Гдѣ-жь я? спросилъ онъ себя вдругъ какъ съ-просонья, затягивая сразу поводья. Онъ не давалъ себѣ отчета до этой минуты, давно-ли и какою дорогой несся онъ такъ. Предъ нимъ на пригоркѣ сѣрѣла какая-то деревнюшка,—онъ не узналъ ея, не узналъ окрестной мѣстности...

Карабахъ его отъ ушей и до бабокъ дрожмя дрожалъ подъ нимъ; мыло густыми каплями шлепалось въ пыль дороги съ его удилъ и шеи; онъ сопѣлъ тяжело и рѣдко, жадно вбирая воздухъ широко, судорожно раздувавшимися ноздрями.

— Ишь, упарился сердечный! проговорилъ, остановившись и мотая сожалительно головой, встрѣчный неказистый мужичекъ въ востроконечной и узкополой шляпѣ и съ косой за плечами.

„Еще немножко, и онъ такъ бы и палъ подо мной“, пронеслось въ мысли Троекурова...

Его какъ бы нѣсколько поотрезвило отъ этого размышленія... „*Сердечный*“, пожалѣлъ вотъ!“ подумалъ онъ, ласково взглянувъ на говорившаго.

— Скажи мнѣ, любезный, что̀ это за деревня?—спросилъ онъ громко.

— Этта-то? повторилъ тотъ, оборачиваясь и тыкая въ ту сторону пальцемъ въ воздухъ, — а это, батюшка, *Быковскіе выселки* прозывается деревня, потому, значитъ, какъ еще при господахъ было дѣло, этотъ самый Быковскій бывшій, Свищовъ господинъ, оттелева сюда полвотчины перевелъ, на новое мѣсто, значитъ...

— Быково, вскинувъ голову, быстро промолвилъ Троекуровъ:—такъ вѣдь тамъ не Свищовъ, а Троженковъ помѣщикъ?

Мужикъ, точно чему-то обрадовавшись, закивалъ усиленно своею востроюшляпой:

— А такъ точно, милостивецъ, такъ точно, Дорошенкинъ тамъ тепереча помѣщикъ, Дорошенкинъ прозывается. А допрежъ того Свищова господина были самые эти Быковскіе, значитъ.

— А далеко оно отсюда?

— Самое-то Быково село? А недалечко, батюшка, недалечко: какъ на взлобокъ подыметесь, *Выселки*-то минете, такъ тутъ съ версту не больше проѣхать вправо, сейчасъ колокольня покажется,—этто оно самое и будетъ, Быково-то; на самомъ на трактѣ на поштовомъ лежитъ. Какъ если твоей милости прямо туда, на Хавроньево треба было повернуть...

„Верстъ пятнадцать проскакалъ“, сообразилъ Борисъ Васильевичъ,—„и это безъ передышки!“ И онъ невольно нѣжнымъ движеніемъ потрепалъ по шеѣ своего коня.

— А во никакъ и самъ ѣдетъ, молвилъ между тѣмъ косарь, приставляя руку ко лбу отъ солнца и глядя по направ-

ленію *Выселковъ;* — самый, тоись, этто Тарашкентинъ, чье Быково теперь, значитъ... Онъ и есть! и кивнувшая въ подтвержденіе этихъ словъ шляпа съѣхала ему по-надъ самые глаза,—я кòней-то ихнихъ добре знаю... Самъ, ишь, сидитъ, правитъ... На рѣку, въ луга, знать, собралися; потому тутъ-то влѣво сичасъ дорога на самые луга пойдетъ...

Троекуровъ уставился глазами впередъ.

Осторожно спустившись съ пригорка, ѣхала прямо на нихъ легонькая, безрессорная телѣжка такъ называемаго „купеческаго фасона", запряженная сытою, небольшою буланою лошадкой подъ дугой и бубенчиками. Зорко въ свою очередь всматриваясь издалека въ остановившагося посреди дороги всадника, правилъ ею черноволосый, смуглый, еще не старый человѣкъ въ синихъ очкахъ, въ полотняномъ пальто и соломенной фуражкѣ на головѣ, съ которымъ читатель имѣлъ уже случай встрѣтиться въ началѣ нашего разсказа. Рядомъ съ нимъ, въ сѣрой, мягкой и широкой шляпѣ и съ толстою палкой поперекъ колѣнъ, которую поддерживалъ обѣими руками, сидѣлъ Иринархъ Овцынъ. Сама судьба будто, злая судьба посылала его навстрѣчу „искавшему" его человѣку...

— Троекуровъ! проговорилъ, вдругъ оборачиваясь на него смутившимся лицомъ, Троженковъ, узнавая Бориса Васильевича,—это онъ про васъ тутъ...

Тотъ съ-невзначаю побѣлѣлъ какъ полотно.

— Повернемъ? вырвалось у него.

— Догонитъ... Ѳедьку, должно, съ письмомъ съ вашимъ сцапали... Говорилъ я вамъ: опасно, и отче вашъ просилъ какъ, а вы свое... обрывисто пояснялъ его спутникъ, придерживая инстинктивно свою лошадку и словно самъ весь прячась за синія очки свои.

— Что-жь вы думаете, донесетъ? фыркнулъ Иринархъ, мгновенно оправляясь отъ перваго момента испуга и напуская на себя снова всю прирожденную ему дерзость:—за собственную шкуру дрожите? Такъ на счетъ этого будьте покойны: аристократъ,—къ полиціи отвращеніе питаетъ. А если что другое, такъ вѣдь у меня противъ этого орудіецо имѣется! И онъ ударилъ ладонями по своей палкѣ.

— Стоитъ, ни съ мѣста... ждетъ насъ, говорю, бормоталъ растерянно Троженковъ.

Лошадь его шла теперь уже шагомъ, но разстояніе между ними и „ожидавшимъ“ уменьшалось все же съ каждымъ оборотомъ колеса... Вотъ они уже настолько близко, что могутъ разглядѣть каждую черту его лица, — его теперь какъ мраморъ блѣднаго и холоднаго лица, безпощадный блескъ его стальныхъ глазъ, неотступно и недвижно глядѣвшихъ на нихъ съ высоты коня, какъ глядитъ ястребъ съ высоты неба на намѣченную имъ жертву.

Троженковъ не выдержалъ: шагахъ еще въ двадцати отъ него онъ сорвалъ съ головы фуражку и возгласилъ приниженнымъ голосомъ:

— Борису Васильевичу мое высокопочтеніе!...

Троекуровъ, не отвѣчая и все такъ же недвижно, далъ ему докатить на параллель съ нимъ.

Троженковъ скинулъ фуражку еще разъ.

— Погодите! услышалъ онъ обращенное къ нему слово,— и осадилъ, и тпрукнулъ на свою буланку съ торопливою покорностью провинившагося школьника.

— Потрудитесь сойти! проговорилъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ Троекуровъ, вперяя глаза въ Иринарха.

— Это что значитъ? воскликнулъ, храбрясь, тотъ съ широко раскрывшимися глазами.

— Пожалуйте сюда! повторилъ Борисъ Васильевичъ, и въ этихъ двухъ словахъ зазвучала нота такой желѣзной рѣшимости, что Овцынъ почувствовалъ себя сразу безвластнымъ противиться ей.

— Ступайте, что же... все равно! шепталъ въ то же время надъ самымъ его ухомъ не на шутку перепуганный Троженковъ.

Иринархъ соскочилъ съ телѣжки, все также держа свою палку обѣими руками.

— Ну-съ, что вамъ угодно? уронилъ онъ, все шире и шире раскрывая зрачки: „я молъ, братъ, тебя не боюсь!“...

Троекуровъ спрыгнулъ съ лошади.

— Подержи! сказалъ онъ, кидая поводья на руки все

тутъ же стоявшаго мужичка съ косой, который, снявъ шляпу, прислушивался теперь съ видимымъ любопытствомъ къ этому разговору господъ,—и отошелъ шаговъ на десять въ сторону, приглашая кивкомъ Овцына итти за нимъ.

Тотъ, махая своимъ „орудіецемъ“, поплелся за нимъ съ небрежнымъ видомъ покладливаго малаго, исполняющаго изъ снисходительности что-то очень глупое и безполезное.

Троекуровъ остановился, обернулся на него и, вытащивъ его письмо изъ кармана, протянулъ его прямо ему подъ глаза.

— Это вы писали?

Овцынъ покосился на исписанный листокъ, повелъ губами на сторону...

— А хоть бы и я! проговорилъ онъ не сейчасъ и презрительно.

— Понимали вы, что писали? продолжалъ Борисъ Васильевичъ.

Онъ былъ страшно спокоенъ, именно *страшно*: Иринархъ понималъ, что спокоенъ такъ можетъ быть только человѣкъ, „отъ котораго *отвертѣться* нельзя“... „Ну и посмотримъ!“ сказалъ онъ себѣ вдругъ съ мгновеннымъ возмущеніемъ противъ того внутренняго давленія, которое производилъ на него „этотъ человѣкъ“.

— Значитъ, понималъ, когда писалъ! Онъ вскинулъ голову съ вызывающимъ взглядомъ.

— Что вы понимали? произнесъ задрожавшимъ теперь какъ мѣдная струна голосомъ Троекуровъ.

Тотъ желчно засмѣялся; вся его злоба противъ „этого аристократа“ и „ея“, осмѣливающейся презирать его, Иринарха Овцына, вскипѣла у него на душѣ съ новою силой въ этотъ мигъ:

— А понималъ, что слѣдуетъ, отвѣтилъ онъ,—и что сами вы лучше меня знае...

Онъ не успѣлъ договорить. Троекуровъ ухватился за висѣвшую у него на рукѣ плеть и съѣздилъ ею съ размаха разъ и два по нагло хихикавшему его лицу...

— Ж-жже! словно эхомъ удару визгнулъ неудержимо

стоявшій подлѣ съ лошадью косарь — и даже присѣлъ весь, не то отъ сочувствія, не то отъ неожиданности.

Иринархъ выронилъ палку изъ рукъ и схватился ими за исполосанныя свои щеки.

Троекуровъ судорожно вздрогнулъ, сорвалъ съ руки плеть, швырнулъ ее въ сторону и неспѣшными шагами подошелъ къ телѣжкѣ, въ которой, словно остолбенѣвшій отъ случившагося, сидѣлъ, не отрывая рукъ отъ вожжей, господинъ Троженковъ.

— Скажите вашему... пріятелю, выговорилъ онъ съ усиліемъ, глядя на него нервно прищуреннымъ взглядомъ,—что съ такими негодяями, какъ онъ, не дерутся, но что... что я не откажусь отъ его вызова... если ему вздумается... Подай сюда лошадь! обернулся онъ къ косарю, который съ какимъ-то забавно сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ глядѣлъ на него во всѣ глаза и все такъ же неспѣшно вынулъ кошелекъ изъ кармана, высыпалъ ему въ руку горсть бывшаго тамъ мелкаго серебра, вздѣлъ ногу въ стремя и, не оборачиваясь, поѣхалъ тихимъ шагомъ назадъ по дорогѣ ко Всесвятскому.

Только теперь успѣлъ опомниться Иринархъ.

— Видъ его былъ ужасенъ... Два красные рубца бороздили его лицо, глаза налились кровью, пѣна закипала въ углахъ рта, сквозь который прорывались какіе-то нечеловѣческіе звуки...

Онъ шатаясь доплелся до телѣжки, съ высоты которой все также недвижно сидѣвшій Троженковъ глядѣлъ на него не то иронически, не то презрительно поводя губами.

— Я его... я его... лепеталъ онъ, не договаривая отъ обымавшаго его бѣшенаго и безсильнаго чувства злобы.

— Что ужь вы теперь „его“, повторилъ хихикая Троженковъ:—похвалялись „орудійцемъ“, а какъ къ дѣлу пришлось, такъ и нѣтъ ничего, изъ рукъ вывалилось...

— Молчать! прервалъ его дикимъ голосомъ Иринархъ...— А ты что стоишь, чертовъ сынъ, чего не видалъ! крикнулъ онъ тутъ же на продолжавшаго любопытствовать на „господъ“ мужичка съ косой,—проваливай къ діаволу!..

Тотъ запустилъ пальцы подъ шляпу, почесалъ ими въ

головѣ, какъ бы сбираясь что-то сказать, но ничего не сказалъ, усмѣхнулся,—Овцына такъ и взорвало опять отъ этой усмѣшки,—и тронулся съ мѣста.

— Погоди! остановилъ его Троженковъ:—ты изъ какой деревни?

— А я самъ Блиновскій, батюшка, изъ деревни Блиновъ, изволите знать, неподалечку отъ вашей милости будетъ, отвѣчалъ тотъ, останавливаясь.

— Блиновскій!... Какъ не знать сосѣдушекъ!... Ты куда-жь это съ косой,—въ луга?

— Нѣ, батюшка; коса-то у меня лядащая была, такъ вотъ въ Выселкахъ нову купилъ, а теперича домой, значитъ, иду.

— То-то! захихалъ Троженковъ:—косить-то вамъ теперь негдѣ...

Мужичекъ оторопѣло поглядѣлъ на него:

— А какъ такъ „негдѣ“, ваше вск... Мы наутре міромъ Крусановски круги дѣлить выѣдемъ: какъ обнаковенно, значитъ, косили, такъ и косить станемъ...

— Опоздали, голубчики; въ круги-то ваши сегодня спозаранку купецъ Середкинъ своихъ косарей выслалъ.

Тотъ весь въ лицѣ перемѣнился:

— Какъ же онъ, ваше благородіе, смѣетъ... въ нашемъ, значитъ, добрѣ...

— Стало-быть не въ вашемъ, коли ему ихъ помѣщикъ по 90 рублей за кругъ всѣ отдалъ, возразилъ Троженковъ, злорадно взглянувъ на него изъ-за своихъ синихъ очковъ.

— Такъ это-жь какой порядокъ, загалдѣлъ, переминаясь всѣмъ тѣломъ, мужикъ,—какъ намъ, значитъ, Царь-Батюшка волю теперича далъ, и чтобы намъ, значитъ, все угодье, какимъ мы пользовались, и пахатная, и луговая земля...

Троженковъ перебилъ его:

— Это ты точно говоришь, а помѣщикъ вашъ взялъ да и отдалъ,—вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Противу закону царскаго, значитъ?

— Ну, это ужь какъ онъ тамъ знаетъ, а только что купецъ Середкинъ у васъ въ лугахъ до вечера довольно сѣна накоситъ,—это вѣрно; безъ мала, говорятъ, косъ сто туда на-

гналъ... Садитесь! коротко проговорилъ Троженковъ, относясь къ Овцыну, который, мрачный какъ туча и тяжело переводя духъ, безучастно внималъ этому разговору.

— Господинъ, ваше благородіе, заговорилъ мужикъ, тревожно подбѣгая къ поворачивавшей въ сторону Выселковъ телѣжкѣ,—вѣрно вы сказали на счетъ эвтого самаго?

— Не вѣришь, бѣги самъ погляди,—не далеко!...

— Нѣ, сказалъ тотъ, подумавъ,—коль такъ дѣло, на село скорѣй бѣжать надоть теперича, чтобы міромъ, значитъ, всѣмъ...

Онъ не договорилъ, насунулъ себѣ быстрымъ движеніемъ шляпу на брови и, свернувъ съ дороги на межку яроваго поля, побѣжалъ по ней кратчайшимъ путемъ по направленію своей деревни.

Троженковъ хлестнулъ свою лошадку и усмѣхнулся скверною усмѣшкой:

— Пойдетъ потѣха!... Ну, а вы что? прервалъ онъ себя, оборачиваясь на Иринарха, усѣвшагося къ нему бокомъ съ низко наклоненною головой, чтобы не показывать своего обезображеннаго лица, — *хмары* напустилъ вамъ панъ сей великій, магнатъ нашъ, а?... Такъ сами-жь полѣзли... Говорили вамъ...

— Я его искалѣчу! безумно вскрикнулъ Иринархъ.

— Можете, можете! Самъ вамъ даже предлагаетъ.

— Что предлагаетъ?

— Поединокъ. „Скажите, говоритъ, ему, если онъ хочетъ,— я приму, говоритъ, хотя съ такими, какъ онъ, говоритъ, не дерутся“. Милость, видите, какую большую вамъ дѣлаетъ, а вы еще,—о, какіе неблагодарные!...

Иринархъ зубами заскрежеталъ:

— Онъ „приметъ“, когда я пистолета въ рукахъ держать не умѣю и онъ можетъ застрѣлить меня какъ зайца,—воинъ, патентованный убійца!... Я, я отъ него не приму поединка... я его изобью собственными руками, изъ-за угла камнемъ пущу, въ огнѣ его въ собственномъ домѣ изжарю, я...

— Ну, ну, видѣли мы, какъ кого-то жарили, безпощадно

и грубо сострилъ Троженковъ-Яго, подзадоривая его и тѣшась его злостью,—а только что не *его*.

— Молчите, говорю вамъ, не смѣйте про это! бѣшено взвылъ опять Овцынъ,—а не то самого я васъ убью!... Молчите, пока сами не увидите, какъ я ему отплачу, примолвилъ онъ черезъ мигъ сдержаннѣе, поводя глазами какъ на цѣпи.

— А якъ побачу — добре скажу!... А вотъ мы, пока вы тамъ что̀ еще надумаете, мы его трошечки въ *Колоколѣ* отшельмуемъ: магнатскую фамилію его въ печати оттрезвонимъ малюсень, шипѣлъ, уже словно захлебываясь своимъ собственнымъ ядомъ, Троженковъ.

— Постараться можно! хихикнулъ въ свою очередь Иринархъ, какъ бы внезапно находя въ этомъ соображеніи крайнее утѣшеніе въ случившейся съ нимъ невзгодѣ.—А куда-жь это мы теперь ѣдемъ? спросилъ онъ, подымая въ первый разъ глаза и озираясь кругомъ:—назадъ, значитъ?.. И то̀, примолвилъ онъ съ новымъ приливомъ злости, — отпарить себя нужно... въ этомъ видѣ никуда показаться нельзя... А брандеръ успѣли пустить? обернулся онъ вдругъ на своего спутника.

— Насчетъ луговъ-то? подмигнулъ подъ своими очками тотъ;—слышали сами: „всѣмъ, значитъ, міромъ“, говоритъ... Пока мы съ вами дома по рюмочкѣ пропустимъ, они тамъ съ Середкинскими въ колья да въ косы пойдутъ. Потѣха будетъ, вѣрно говорю.

— *Онъ*, если это случится, быстро заговорилъ Овцынъ, разумѣя своего врага, — онъ, какъ посредникъ, непремѣнно долженъ будетъ пріѣхать на мѣсто...

— Домой поѣхалъ, видѣли. А пока еще тамъ знать ему дадутъ, пока пріѣхать успѣетъ, а тутъ на манеръ бунтика отлично разыграть можно... А какъ если и пріѣдетъ, да его, посредника и господина большаго, крестьяне слухать не захотятъ, — добра комедія выйде, паночку, якъ вы полагаете? отпустилъ еще разъ *по-хохлацки* Троженковъ отъ преизбытка удовольствія, которое доставляло ему чаяніе возможнаго „бунтика“, устроеннаго его заботами.

— Вотъ что̀, молвилъ неожиданно Иринархъ,—мнѣ надо сейчасъ полный крестьянскій костюмъ достать. Парикъ и борода у меня съ собой есть, изъ-за границы такъ пріѣхалъ...

Спутникъ его покосился на него:

— Такъ, значитъ, сказалъ онъ насмѣшливо, — съ переодѣваньемъ комедія-то еще буде?... Угомона вамъ нѣту, видно. прыткій ужь очень вы, — какъ бы не дотанцовались до того, что сцапаютъ дѣйствительно и отвезутъ на сѣканцію въ III Отдѣленіе, а оттуда въ „мѣста болѣе отдаленныя“...

— Не „сцапаютъ“, будьте благонадежны! иронически и рѣшительно возразилъ Овцынъ: — не сцапаютъ потому уже, что сцапать не хотятъ. Слышали, съ чѣмъ родитель-то мой изъ Москвы пріѣхалъ? Сама жандармерія раздѣляетъ наши убѣжденія и оказываетъ содѣйствіе... Говорилъ я вамъ не разъ, а вы все не вѣрите: петербургско-монгольское правительство подточено до корня; все кругомъ его валится, все ему измѣняетъ. Довѣренныя его лица—наши корреспонденты... Почитали бы, какія письма къ Александру Ивановичу тайные совѣтники пишутъ!... Преклоняются предъ нимъ, о сокровеннѣйшемъ, что̀ у нихъ тамъ происходитъ, доносятъ ему: у Царя, къ примѣру, сегодня тайное засѣданіе, а на шестой день у него въ Лондонѣ на столѣ копія съ протокола лежитъ, о чемъ тамъ говорилось, писарскою каллиграфіей переписанная, какъ для министра.

Троженковъ нѣсколько недовѣрчиво усмѣхнулся, хотя Овцынъ вообще не вралъ, а тѣмъ менѣе въ настоящемъ случаѣ.

— Пишутъ-то пишутъ, молвилъ онъ,—а боятся его такъ потому, что какъ отзвонитъ кого въ *Колоколъ*, такъ тому и не встать, какъ прокаженный ходитъ послѣ того человѣкъ, потому онъ его какъ клеймомъ въ лобъ на вѣки *вдарилъ*. А все-жь, нѣтъ-нѣтъ, да бѣднягу какого сцапаютъ, да и посадятъ въ Петропавловскую, — стоятъ еще, значитъ, за свои порядки прежніе...

Овцынъ въ мгновенномъ порывѣ ударилъ спутника своего по ляжкѣ:

— Пусть сажаютъ, пусть тѣшатся на-послѣдяхъ! Близокъ часъ, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

И онъ, сверкая глазами, запѣлъ вдругъ фальшивѣйшимъ фальцетомъ на голосъ извѣстной пѣсни: *Ахъ, видать, не бывать прежней красной доли,*—запѣлъ слѣдующее:

Мы съ лихвой
Дружный бой
Господамъ отплатимъ.
Не одну
Голову
Барскую отхватимъ.
Пусть тогда
Для суда
Земскіе наѣдутъ;
И по нимъ,
По роднымъ
Рученьки *пройдутъ* *).

— Это что же, ваше сочиненіе? спросилъ, подергивая насмѣшливо губами, Троженковъ.

Но совсѣмъ уже расходившійся Иринархъ не отвѣчалъ на вопросъ:

— А *марсельезу* Русскаго народа знаете? онъ завылъ опять:

Довольно насъ терзали зря,
Довольно стригли насъ какъ стадо;
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи не надо! (bis)
Къ оружію, друзья,
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ, впередъ,—насъ ждетъ земля
И воля за труды! **).

— Ну чего вы горло себѣ утруждаете? молвилъ морщась Троженковъ, которому это пѣнье очевидно драло уши; — некому васъ слухать, а и послухалъ бы кто изъ того „Русскаго народа“, одно сказалъ бы, вѣрьте слову: „ишь, нали-

*) *Свободныя русскія пѣсни,* заграничное изданіе, помѣченное такъ: *Кронштадтъ. Въ типографіи главной Брандвахты. Дозволено цензурой, Петербургъ, 3 мая 1863 года.*

**) Ibid.

зался-то какъ барчукъ!"... Не про народъ этотъ „*марсельезы*"-то ваши писаны!...

— Не поймете, такъ мы ему свободу силой навяжемъ! грозно воскликнулъ Иринархъ.

Спутникъ его ничего на это не отвѣтилъ и, проѣхавъ молча Выселки, повернулъ буланку на проселокъ, ведшій къ Быкову.

— А что-жь вы, заговорилъ онъ опять, — со студентомъ этимъ вашимъ какъ, съ Юшковымъ... Батько-то его изъ севастопольскихъ *героевъ*,—добре, спасибо имъ, отщелкали ихъ тамъ „союзники!" вырвалось злобно какъ бы изъ самаго нутра Троженкова, — большаго пана тоже изъ себя тутъ играетъ; съ *вашимъ*, съ Троекуровымъ, одна вѣдь шайка... Ну, а сынокъ что-жь? Закрутили его вы, а?

— Закрутилъ и подвинтилъ: на отца теперь въ кулаки готовъ лѣзть. Мозги-то дѣтскіе, а сподлить боится: куда ткну, туда и попретъ. Сосунокъ азартный! Отличная изъ такихъ армія выходитъ для революціоннаго дѣла! презрительно засмѣялся Овцынъ.

Троженковъ кивнулъ одобрительно головой.

— Ловкую я чрезъ него штуку устроилъ, продолжалъ смѣяться Иринархъ:—прокламацій нашихъ *) штукъ сорокъ изготовилъ къ разсылкѣ въ разныя губерніи Россійской имперіи: губернаторамъ, архіереямъ, всякимъ вообще властямъ. Онъ у отца *Памятную книжку* досталъ и по ней адресы на конвертахъ написалъ. Полетѣла ихъ уже половина во всѣ углы Богоспасаемаго отечества...

— Какъ, по почтѣ?

— А то какъ еще?

— Да вѣдь по штемпелю сейчасъ увидятъ, изъ какого мѣста отправлено. Въ нашемъ губернскомъ городѣ *перелюструютъ*, пошлютъ оттуда жандармовъ, слѣдователей, а *кто* отправлялъ, развѣ здѣсь скрыть можно?...

— А пусть! Пока они тамъ еще прочтутъ, да пошлютъ,

*) Первыя, появившіяся въ 1872 году прокламаціи „*Земли и воли*".

а меня здѣсь и слѣдъ простылъ! Успѣю „улетучиться“, какъ выражается мой просвѣщенный родитель.

— Такъ вѣдь его-жь тутъ заразъ сцапаютъ?

— Кого это, Гришку Юшкова?

— А разумѣется.

Иринархъ повелъ равнодушно плечомъ:

— Такъ что-жь! Я сказалъ вамъ: онъ не сподлитъ, не выдастъ меня.

Троженковъ не то озадаченно, не то язвительно уставился на него.

— Ну, батенька, пропустилъ онъ сквозь зубы:—свяжешься съ вами, будетъ чѣмъ попомнить!

Слова эти не оскорбили нашего революціонера, — напротивъ: онъ осклабился торжествующею улыбкой и произнесъ наставительно:

— Помните прежде всего, что великое дѣло свободы не можетъ обходиться безъ жертвъ; — рубишь лѣсъ, щепки летятъ, примолвилъ онъ къ этому уже игриво.

XI.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни болѣе, чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы.

Герценъ. Сборн. посмертн. соч. 1874.

Троекуровъ вернулся домой къ самому завтраку. Жена его и княжна Кира сидѣли уже въ столовой (по заведенному въ домѣ обычаю часъ назначенный на трапезы никогда и ни для кого не измѣнялся).

Съ лица его теперь успѣла сбѣжать и послѣдняя тѣнь волненія. Онъ, спокойно и ласково улыбаясь, кивнулъ входя дамамъ, сѣлъ на свое обычное мѣсто, развернулъ салфетку и принялся разрѣзывать поданную ему ветчину.

— Къ тебѣ письмо есть отъ дяди Овцына, сказала ему Александра Павловна.

— А!... Что онъ пишетъ?

— Я не читала; письмо на твое имя, запечатано... Онъ къ намъ не будетъ, онъ уѣхалъ въ Москву прямо изъ города.

— Вотъ какъ! Ты почему же знаешь?

— Намъ сказалъ Гриша Юшковъ, которому онъ отдалъ письмо тамъ.

— Гриша? Гдѣ же онъ? спросилъ Троекуровъ, машинально оглядываясь,—онъ былъ здѣсь?

— На четверть часа и ни за что не хотѣлъ остаться до-

лѣе... Онъ какой-то очень странный былъ, Гриша, растерянный какой-то, не правда-ли, Кира? примолвила молодая женщина, подымая глаза на кузину.

— Д-да, отвѣтила та какъ бы нехотя:—онъ впрочемъ говорилъ, что его ждетъ мать, съ которой они къ кому-то собираются ѣхать, поспѣшила она примолвить, быстро скользнувъ взглядомъ въ сторону Троекурова и такъ же быстро опустивъ вѣки. Но Александра Павловна перехватила этотъ взглядъ:

— Что такое, Кира, что ты думаешь? воскликнула она.

Та перевела теперь на нее свои удивленные глаза:

— Ничего я не думаю, что съ тобой?

Сашенька даже нѣсколько сконфузилась, насилованно засмѣялась:

— Нѣтъ, мнѣ показалось, что ты будто что-то знаешь... и не хочешь почему-то сказать...

Кира безъ словъ пожала только слегка плечами.

Троекуровъ между-тѣмъ, медленно и какъ-будто неохотно сорвавъ обложку письма, развернулъ заключавшуюся въ ней четвертушку и, чуть-чуть прищурившись, принялся читать:

„Достопочитаемый Борисъ Васильевичъ“, писалъ ему старый „Ламартинъ“, „пользуюсь обязательнымъ предложеніемъ знакомаго вамъ молодаго человѣка, г. Юшкова, чтобы передать вамъ, а равно и очаровательнымъ обитательницамъ очаровательнаго Всесвятскаго, глубочайшую благодарность мою за незабвенные и слишкомъ, къ душевному сожалѣнію моему, краткіе часы, проведенные мной подъ его волшебно-гостепріимнымъ кровомъ. Надѣялся и паки воспользоваться благосклоннымъ и дорогимъ для меня приглашеніемъ вашимъ, но злой рокъ судилъ иначе: вижу себя въ необходимости вернуться прямолинейно во-свояси и имѣю только время выразить вамъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ всей сердечной скорби моей о семъ, и тѣ чувства глубочайшаго уваженія и родственной преданности, съ коими имѣю честь быть“ и пр.

За этими витіевато-игривыми строками слѣдовалъ post-scriptum такого содержанія:

„*Порученіе ваше* (слова эти были подчеркнуты,) испол-

нилъ въ точности. Вотъ все, что могу сказать. Что касается моего личнаго авторитета, то сами вы знаете, насколько въ наше время могутъ разсчитывать на это *отцы*. Тургеневъ въ своемъ превосходномъ послѣднемъ произведеніи удивительно вѣрно отмѣтилъ эту черту современныхъ русскихъ нравовъ".

Презрительная улыбка невольно сложилась на губахъ Бориса Васильевича.

— Что же онъ пишетъ тебѣ? спросила его жена, съ какою-то неизъяснимою для нея самой тревогою слѣдившая за выраженіемъ его лица.

— Фразы, по своему обыкновенію, отвѣтилъ онъ небрежно, опуская письмо въ карманъ:—благодаритъ, называетъ васъ обѣихъ „очаровательницами"... отъ которыхъ онъ впрочемъ считалъ почему-то нужнымъ „прямолинейно ѣхать во-свояси", прибавилъ Троекуровъ смѣясь.

Сашенька успокоилась.

Завтракъ еще не кончился, когда пришли ее звать въ дѣтскую. Она поспѣшно встала и ушла.

Борисъ Васильевичъ остался вдвоемъ съ княжной.

— Съ Гришей Юшковымъ въ самомъ дѣлѣ, кажется, что-то случилось,—торопливо и по-французски, въ виду служившихъ за столомъ, заговорила она тотчасъ же:—онъ былъ нервенъ до-нельзя, отвѣчалъ странно, чуть не грубо на наши съ Сашенькой вопросы, и спѣшилъ уѣхать, будто кто преслѣдовалъ его. Я вамъ говорила... о моихъ подозрѣніяхъ... Онъ проговорился намъ, что еще вчера изъ *Угловъ* уѣхалъ въ городъ. Какъ же могъ онъ миновать насъ, когда дорога оттуда прямо на Всесвятское? Видимо, что онъ свернулъ куда-нибудь, на свиданіе съ *нимъ*... И это письмо теперь отъ *его* отца... Гриша говоритъ, что былъ въ почтовой конторѣ и что ему тамъ дали нашу почту, и въ это время подошелъ къ нему бывшій тамъ „незнакомый" ему господинъ, который оказался Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и просилъ его „взять кстати" письмо къ вамъ. Но все это очень странно. Я боюсь, что бѣдный мальчикъ попалъ совсѣмъ въ *его* сѣти и не знаетъ теперь, какъ вывернуться.

— Вѣроятно, проговорилъ сквозь зубы Троекуровъ, хмурясь и щипля озабоченно усъ.

Прошла минута молчанія.

— Вы не имѣете о *немъ* извѣстій? начала тихо, чтобы не сказать робко, Кира.

— Н-нѣтъ! не сейчасъ отвѣтилъ онъ.

— Онъ не... являлся? еще тише спросила она.

Троекуровъ поднялъ на нее глаза:

— Вы точно боитесь его! сказалъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ.

— Я не за себя боюсь, проговорила она уже чуть слышнымъ голосомъ и встала съ мѣста:—я не простила бы себѣ никогда, если бы...

Она не договорила и направилась къ двери.

— Кира! чуть не сорвалось съ губъ Троекурова. Но онъ сдержался, кинулъ салфетку и вышелъ въ другія двери на свою половину.

Къ нему пришелъ письмоводитель. Онъ принялъ отъ него бумаги, отослалъ его и погрузился въ дѣло съ какимъ-то ражемъ.

Онъ сидѣлъ за нимъ часа уже два у длиннаго стола въ библіотекѣ, которая посвящена была имъ служебнымъ занятіямъ, и къ которой примыкала прихожая съ никогда не запиравшеюся дверью на дворъ, откуда безпрепятственно могъ входить всякій, имѣвшій нужду до Бориса Васильевича по его посреднической должности. Дежурный тамъ слуга обязанъ былъ во всякое время немедленно докладывать ему о пришедшемъ.

— Писарь Никольской волости, доложилъ онъ теперь, входя въ библіотеку.

— Зови!

Вошелъ молодой, шустрый малый изъ бывшихъ кантонистовъ, извѣстный Троекурову своею бойкостью, и къ которому онъ вслѣдствіе этого относился обыкновенно строже, чѣмъ къ другимъ, держа постоянно въ мысли не допускать по возможности вліянія писарей въ крестьянскихъ дѣлахъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ сухо:—по своей надобности или по дѣлу?

— Отъ старшины Аксентія Якимыча присланъ, поспѣшилъ отвѣтить тотъ, зная въ свою очередь, что „посредникъ насчетъ *соблюденія начальства* строгъ".

— Съ чѣмъ?

Писарь переступилъ съ ноги на ногу:

— У Блиновскихъ крестьянъ конфузъ вышелъ, ваше выскородіе, промямлилъ онъ, вертя шапку обѣими руками и глядя въ то же время прямо въ глаза посреднику.

— Что такое?

— Насчетъ этихъ самыхъ луговъ, изволите знать, по которымъ у нихъ съ помѣщикомъ несогласіе.

— Губернское присутствіе отказало крестьянамъ въ ихъ претензіи, поспѣшно заявилъ Троекуровъ,—уставная грамата будетъ введена у нихъ обязательно, на основаніи подлежащей статьи Положенія. Она у меня уже написана. Скажи старшинѣ, чтобы повѣстилъ народъ и помѣщика: я самъ буду къ нимъ на мѣсто завтра утромъ въ восемь часовъ.

— Такъ вотъ-съ насчетъ эвтого самого какъ изволите приказать, заговорилъ опять писарь,—потому какъ еще граматы по сейчасъ въ видимости не имѣется, а помѣщикъ уже сдалъ эти самые луга купцу Середкину, который нагналъ туда народу и принялся съ сегодняшняго же дня косить...

Краска кинулась въ лицо Бориса Васильевича; онъ понялъ, что Блиновъ, не ожидая введенія уставной граматы, счелъ себя въ правѣ сдать теперь же Крусановскіе круги въ кортому, на основаніи переданнаго ему Ашанинымъ его, Троекурова, частнаго сообщенія о рѣшеніи губернскаго присутствія. Онъ очень взволновался, признавая, что всякій могущій въ дѣйствительности произойти отъ этого „конфузъ" ляжетъ теперь на его совѣсть.

— Что же, крестьяне къ старшинѣ приходили съ этимъ? обрывисто спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ... только не всѣ, а самая малая, можно сказать, часть стариковъ, ваше выскородіе, потому собственно

остальные, безъ спроса волостнаго правленія, а своевольно, поднявшись всей деревней, съ косами да вилами побѣгли туда...

— Въ луга? не далъ ему договорить Троекуровъ.

— Такъ точно; Середкинскихъ косарей ни за что не пущать порѣшили.

Борисъ Васильевичъ вскочилъ, подбѣжалъ ко двери прихожей:

— Четверку рыжихъ мнѣ подъ коляску, мигомъ! крикнулъ онъ слугѣ;—ты поѣдешь со мной, сказалъ онъ писарю.

Черезъ четверть часа они мчались къ Окѣ. Четверкой правилъ Скоробогатовъ; „рыжіе“ были молодые, еще не совсѣмъ выѣзженные и горячіе кони, которыхъ онъ пока никому кромѣ себя не довѣрялъ. Рядомъ съ нимъ на козлахъ сидѣлъ молодой Никольскій писарь, замирая отъ удовольствія и страха быстрой до одуренія ѣзды...

Вотъ и луга. До самаго края горизонта тянется зеленый съ пестрымъ по немъ разводомъ цвѣтовъ коверъ высокой травы; по краю его живою бахромой колышутся сѣрѣющіе камыши надъ синею гладью рѣки. Въ воздухѣ съ пронзительнымъ гоготомъ рѣютъ растерянными кругами стаи птицъ, испуганныя людскими криками, раздающимися теперь среди этого, еще вчера пустыннаго и безмолвнаго приволья ихъ... Издалека доносятся эти крики до Троекурова и его спутниковъ. Онъ приказываетъ прямо править на нихъ...

Ужь ясно отличаетъ онъ огромную толпу, скучившуюся на одномъ пунктѣ этого широкаго луговаго пространства. „Крусановскіе круги“, говоритъ ему, оборачиваясь съ козелъ, писарь съ поблѣднѣвшимъ лицомъ,—„народъ ишь какъ бѣгомъ туда претъ“...

Дѣйствительно, съ сосѣднихъ, ближайшихъ и дальнихъ десятинъ, оставляя ряды свои недокошенными, несется туда „народъ“: косцы въ бѣлыхъ рубахахъ, побрякивая подвязанными къ поясу брусницами, съ блестящею косой за плечомъ, бабы въ яркихъ паневахъ, съ граблями въ рукѣ. На всѣхъ лицахъ выраженіе жаднаго любопытства, — на половину тревога, на половину какое-то плотоядное нетерпѣніе скорѣйшаго зрѣлища и участія въ томъ чемъ-то, что совершается тамъ.

На Крусановскихъ кругахъ собралась толпа человѣкъ въ шестьсотъ. Точнѣе, это были двѣ неравномѣрныя числомъ, но равно возбужденныя толпы, наступавшія другъ на друга, безпощадно топча ступнями длинные ряды свѣжескошенной травы. Гулъ криковъ, ругани и угрозъ несся далеко кругомъ, оглушительный и непонятный. Мускулистые, огромные, красные кулаки, съ угловатымъ движеніемъ расходившихся локтей, то-и-дѣло взмахивались въ воздухѣ, потрясая косовищами и кольями. Свалка шла *во всю*...

— При прямо на нихъ, да смотри осторожнѣй, не задавить кого! крикнулъ Борисъ Васильевичъ.

— Берегись, берегись! голосилъ Скоробогатовъ, сворачивая разомъ рыжихъ съ дороги на задніе ряды ближайшей къ нимъ и многочисленнѣйшей толпы.

Троекуровъ поднялся на ноги въ коляскѣ, обозрѣвая быстрымъ окомъ то, что происходило впереди.

Эту ближайшую къ нимъ толпу составляли, понялъ онъ тотчасъ, аборигены, такъ сказать, луговъ, крестьяне, искони косившіе на нихъ,—и въ первой линіи очевидно стояли Блиновскіе, отстаивавшіе „*свою* траву“ противъ косцовъ, „нагнанныхъ“ *сюда* купцомъ Середкинымъ; къ нимъ примыкала масса сочувствующихъ,—„сосѣдей“, сбѣжавшихся на гамъ спора. Эти посторонніе галдѣли и ругались съ неменьшимъ азартомъ, чѣмъ сами заинтересованные въ дѣлѣ, и напирали на нихъ сзади во всю грудь, поощряя ихъ крикомъ и угрозами, и несомнѣнною, казалось, готовностью принять вотъ-вотъ сейчасъ, вмѣстѣ съ ними, ради ужь одного удовольствія драки, въ колья и косы. Противная сторона, Середкинскіе косцы, въ пятеро меньшая числомъ, но видимо подбодренная виномъ, держалась стойко, не уступая ни на шагъ валившему на нее валомъ врагу...

— Берегись, берегись! хрипѣлъ наѣзжая Скоробогатовъ.

Горячій паръ лошадиныхъ ноздрей билъ уже по затылкамъ ближайшихъ; нежданный грозный голосъ звучалъ надъ самымъ ихъ ухомъ... Головы изумленно, испуганно обернулись; туловища инстинктивно подались, метнулись въ сторону, сообщая то же впечатлѣніе нежданности и испуга изъ рядовъ

въ ряды. Сплошная стѣна ихъ внезапно дрогнула, раздалась, отбѣжала, растерянно озираясь на этихъ взмыленныхъ коней, на правившаго ими скуластаго „чорта“, на „*матероваго* барина“, такъ рѣшительно грозившаго имъ взглядомъ съ высоты своего сидѣнья,—и коляска Троекурова, перерѣзавъ продольно обѣ линіи враждующихъ, круто завернула назадъ и остановилась дышломъ насупротивъ сбившейся, перемѣшавшейся какъ горохъ въ мѣшкѣ и оробѣло смолкшей теперь разомъ толпы.

— Что за шумъ, что у васъ тутъ творится?

Нестройное, непонятное галдѣніе поднялось опять въ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Молчать! И Троекуровъ еще разъ выросъ во весь ростъ въ своей коляскѣ. — Кто тутъ Блиновскіе? Выходи впередъ! Остальные назадъ... Назадъ, говорю! еще громче крикнулъ онъ, сверкнувъ глазами.

Народъ отшатнулся, и человѣкъ полтораста Блиновскихъ крестьянъ, не то угрюмо, не то робко оглядываясь и смыкаясь кучей, пододвинулись къ коляскѣ.

— Ладно! Проходи отъ меня на правую руку... Я съ вами сейчасъ потолкую, медленно и значительно проговорилъ Борисъ Васильевичъ, пропустивъ ихъ мимо себя. И, обернувшись къ остальнымъ, надвигавшимся къ нему опять съ противоположной стороны:

— На эти круги сегодня утромъ явились косцы отъ купца Середкина, взявшаго ихъ въ аренду у помѣщика. Такъ было дѣло?

— Такъ точно-съ изволите говорить, вашеско...

И словно изъ-подъ земли выпрянулъ предъ Троекуровымъ вертлявый парень съ разбѣгающимися во всѣ стороны глазками и вострымъ носомъ, стриженый въ скобку, — прикащикъ купца Середкина.

Ужасно спѣша и бойко потряхивая маслистыми волосами, онъ не то плачущимъ, не то язвительнымъ тономъ началъ объяснять, что, прибывъ раннимъ утромъ съ нанятымъ его хозяиномъ народомъ, они безпрепятственно косили до полудня, но что тутъ „съ дрекольемъ и всякимъ оружіемъ набѣжали

на нихъ *неизвѣстные мужики*“ и „произвели *страженье*“, причемъ двумъ изъ его косарей „прошибли голову до мозговъ“, а троимъ „ноги отбили до безчувствія даже...“

— Ври больше, аспидъ! шумно прервали его изъ среды Блиновскихъ.—Ишь расписываетъ, язва! Самъ онъ, ваше благородіе, народъ свой, разбойниковъ, противу насъ въ дреколья пущалъ. Водкой поилъ, чтобы силой, значитъ, всей на насъ... Кабы не они, рази-бъ мы стали! Аспидъ, кровопивецъ, Бога на тебѣ нѣтъ!

— Гдѣ они, твои люди? крикнулъ на прикащика Троекуровъ,—выводи!...

Выступило человѣкъ шестьдесять всякихъ городскихъ бездомовниковъ, отставныхъ солдатъ и мѣщанъ.

— Бери ихъ въ сторону, влѣво! А вамъ, строго выговорилъ посредникъ, обращаясь къ массѣ глазѣвшихъ на происходящее постороннихъ зрителей,—видно своего дѣла нѣтъ? По мѣстамъ сейчасъ! Живо!...

Шляпы машинально, какъ бы сами собой, скинулись съ головъ, и любопытствующіе сосѣди съ прощальнымъ поклономъ и смущеннымъ почесываніемъ затылковъ потянулись во всѣ стороны. Только не очень большая кучка людей, въ томъ числѣ уже замѣченный Троекуровымъ, чѣмъ-то видно весьма озабоченный и какъ-то странно шмыгавшій среди рядовъ бородатый малый въ накидномъ армякѣ, съ низко нахлобученною на глаза шляпой и лицомъ широко подвязаннымъ пестрядевымъ платкомъ, какъ бы отъ флюса, отойдя шаговъ на пятьдесять, остановился, зорко поглядывая съ этого разстоянія на мѣсто описываемаго нами дѣйствія.

Троекуровъ вышелъ изъ коляски и медленнымъ шагомъ подошелъ къ Блиновскимъ крестьянамъ. Скоробогатовъ за нимъ проворно соскочилъ съ козелъ и, передавъ вожжи сидѣвшему подлѣ него писарю, побѣжалъ къ лошадямъ выправить съѣхавшую шлею на крупѣ праваго дышловаго.

— Что же это вы, разбойничать вздумали? началъ неспѣшно Троекуровъ, поводя глазами по взъерошеннымъ бородамъ, порваннымъ рубахамъ и кровянымъ царапинамъ на лицахъ стоявшаго предъ нимъ въ смущеніи народа.

Онъ не успѣлъ договорить, какъ къ нимъ съ громомъ колокольчика подъѣхала тройка подъ тарантасомъ, и изъ него проворно выскочили исправникъ Факирскій и спутникъ его, подполковникъ Блиновъ. Вслѣдъ за ними въ телѣжкѣ, на добромъ, сытомъ иноходцѣ, катилъ рослый и дородный купчина въ долгополомъ кафтанѣ и цилиндрѣ изъ темной соломы съ подбитыми зеленою тафтой широкими полями, и съ лицомъ краснымъ какъ брусника, не то отъ зелена-вина, не то отъ пробиравшаго его волненія. Это былъ самъ Середкинъ.

— Борисъ Васильевичъ, заговорилъ торопливымъ и заискивающимъ голосомъ Блиновъ, выскакивая изъ тарантаса и подбѣгая къ нему съ приложенною къ козырьку рукой, между тѣмъ какъ глаза его съ прорывавшимся въ нихъ помимо его воли выраженіемъ злости направлялись на стоявшую предъ нимъ толпу крестьянъ:—я узналъ сейчасъ, что эти молодцы своевольничаютъ на моей землѣ...

Онъ оборвалъ вдругъ предъ холоднымъ, явно для него не сочувственнымъ взглядомъ, съ которымъ обернулся на него Троекуровъ, слегка покраснѣлъ и нервно дернулъ плечомъ.

Медленно подвигавшійся за нимъ исправникъ холодно въ свою очередь поклонился на-ходу посреднику и молча, съ озабоченнымъ видомъ, сталъ отъ него нѣсколько въ сторону.

Крестьяне, понуря голову, пугливо выглядывали изподлобья на съѣхавшійся въ ихъ представленіи „*рѣшать* ихъ“ цѣлый синклитъ „начальства“.

Троекуровъ обратился къ нимъ опять, хмурясь и съ досадливо моргающими вѣками (присутствіе тутъ полицейской власти было ему очень не по сердцу):

— И я, и мировой съѣздъ, началъ онъ официальнымъ тономъ, не упоминая уже ни словомъ о фактѣ „разбойничанья“,— объясняли вамъ не разъ, что ваша претензія на здѣшніе луга не законна, что все, что̀ положено вамъ закономъ, вы получили и ни на что̀ болѣе права не имѣете. Вы намъ не повѣрили, послали *ходоковъ* жаловаться на съѣздъ въ губернское крестьянское присутствіе. Вамъ отказано и тамъ, протянулъ онъ напирая, — чрезъ вашихъ же ходоковъ вы должны уже знать это...

— Ничего эвтого мы не знаемъ, батюшка, ваше бла... заголосили, прерывая его, въ толпѣ,—а какъ извѣстно, что мы, значитъ, завсегда при прежнемъ баринѣ. Царство ему Небесное, траву въ здѣшнемъ мѣстѣ косили... Какіе были допрежъ того порядки, такъ полагали, чтобы безъ перемѣны... А мы ничего, ваше сіятельство, батюшка, прочаго не знаемъ...

Троекуровъ возвысилъ голосъ:

— Не знаете, такъ я вамъ говорю; а чтобы вы помнили сегодняшнее, я на всѣхъ здѣсь участвовавшихъ самовольниковъ налагаю штрафъ... Завтра пріѣду къ вамъ въ деревню и разберу... Ну, а теперь довольно покуражились, маршъ по домамъ сейчасъ!..

Толпа заколебалась, двинулась съ мѣста... Послышались голоса:

— Какъ милости вашей угодно будетъ... Что-жь, мы не супротивники, коли штрафъ положите, мы завсегда готовы, а не то что... А только, какъ по-Божески оченно намъ обидно, потому купцу отдали, а намъ и тяпнуть негдѣ; вовсе, значитъ, безъ травушки пропадать надоть со скотинкой...

„Обидно-то, обидно, спора нѣтъ“, подумалъ Троекуровъ, чуть съ ненавистью поводя взглядомъ на подошедшаго тѣмъ временемъ и осторожно ставшаго за спиной Блинова тучнаго купца Середкина, на багровомъ и сдержанно улыбавшемся лицѣ котораго онъ читалъ торжество, всего его коробившее внутренно.

— Сами виноваты, сказалъ онъ громко,—помѣщикъ предлагалъ вамъ свои круги за ту же аренду, какую ему даетъ купецъ, предпочтеніе вамъ оказывалъ, вы не согласны были...

— Помилуйте, кормилецъ, ваше с... мы завсегда согласны, а только какъ намъ по той цѣнѣ не въ моготу взяться; мы съ нашимъ удовольствіемъ, галдѣли крестьяне,—ежели въ годы и чтобы цѣна была настоящая...

— Ну, вотъ вамъ владѣлецъ на-лицо, просите его: можетъ быть, онъ согласится сдѣлать вамъ уступку, молвилъ Борисъ Васильевичъ, кивая на Блинова и отходя нѣсколько шаговъ назадъ, съ тѣмъ, чтобы предоставить тому полную свободу столковаться съ ними.

Но Блиновъ не понялъ, да и нисколько не намѣренъ былъ воспользоваться этимъ. Онъ съ натянутымъ лицомъ и выпятившеюся впередъ грудью обернулся на посредника:

— Извините меня, Борисъ Васильевичъ, но я съ этими... молодцами, презрительно уронилъ онъ,—ни въ какіе разговоры вступать не намѣренъ... Тѣмъ болѣе-съ, что на аренду принадлежащихъ мнѣ луговъ я уже заключилъ надлежащее условіе съ господиномъ Середкинымъ и отъ него отступаться не имѣю права, да и не желаю.

У Троекурова задрожали губы. Но онъ сдержался и, продолжая отходить далѣе отъ крестьянской толпы, пригласилъ движеніемъ руки Блинова и исправника слѣдовать за нимъ. Они какъ бы противъ воли повиновались. За ними, тяжело переводя дыханіе и крестя свой то-и-дѣло икавшій ротъ, поплелся Середкинъ, норовя все также держаться отъ „господъ“ на нѣкоторой благородной дистанціи.

— А позвольте васъ спросить, началъ Троекуровъ, останавливаясь на разстояніи, съ котораго голосъ его не могъ быть слышимъ крестьянами,—на какомъ законномъ основаніи заключили вы условіе съ господиномъ Середкинымъ?

Блиновъ озабоченно взглянулъ ему въ лицо:

— Какъ на какомъ-съ? Да не вы-ли сами изволили передать двоюродному брату моему Ашанину, для сообщенія мнѣ, о рѣшеніи крестьянскимъ присутствіемъ спора по этимъ лугамъ въ мою пользу?

— Да-съ, я оказалъ вамъ эту любезность, отрѣзалъ Троекуровъ,—но вамъ, кажется, должно быть извѣстно, что частное сообщеніе не есть формальный документъ, въ силу котораго можно заключать тѣ или другія сдѣлки... Вы на мое желаніе сдѣлать вамъ пріятное отвѣтили... дѣйствіемъ, которое компрометтируетъ не только васъ, но и меня... и вызвало вотъ что-съ! И онъ быстрымъ кивкомъ указалъ черезъ плечо на толпу.—И они въ сущности совершенно правы, продолжалъ онъ съ возрастающею горячностью:—круги эти состоятъ въ спорѣ, пока по деревнѣ Блинамъ формально не введена уставная грамота, и до тѣхъ поръ ни они, ни вы не въ правѣ скосить тутъ былинки... Я имъ для острастки, понимаете-ли, въ

предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ, обѣщалъ оштрафовать ихъ за своевольство—и, разумѣется, не наложу-съ, потому что не они своевольничали въ настоящемъ случаѣ, а вы-съ, съ господиномъ Середкинымъ!

Блиновъ опѣшилъ и въ первую минуту не нашелъ слова въ отвѣтъ. Купецъ поспѣшно скинулъ свой соломенный на темномъ подбоѣ цилиндръ.

— Это, ваше высокородіе, захрипѣлъ онъ, отдувая и отирая платкомъ свои отвислыя и запотѣвшія щеки,—это, собственно все единственно, потому какъ господинъ полковникъ натурально соблюдая свои интересы...

Троекуровъ, не дослушавъ и повернувшись къ нему спиной, обратился къ Блинову (онъ старался теперь говорить какъ можно спокойнѣе):

— Если хотите послушаться добраго совѣта, поладьте съ *ними*. Ваше право на эти луга неотъемлемо и, какъ вы знаете, я твердо стоялъ за него. Но имъ дѣйствительно негдѣ взять травы, если вы круги ваши отдадите въ руки посторонняго. Въ настоящую пору, когда имъ въ претензіи ихъ во всѣхъ инстанціяхъ отказали, я не сомнѣваюсь, что они согласятся на условія, какія вы имъ предложите... Это будетъ, повѣрьте, гораздо согласнѣе съ вашими дѣйствительными интересами, да и человѣчнѣе, наконецъ, сорвалось въ заключеніе у него съ языка.

И онъ, щурясь, недовольный собою за это, повелъ глазами въ сторону.

Блиновъ вспыхнулъ.

— Позвольте мнѣ, Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ, вѣско отчеканивая свои слова,—сослаться на васъ же, что съ моей стороны употреблены были всѣ усилія для возможнаго соглашенія съ *этими людьми*. Они ни на что не соглашались и заставили меня погубить полгода времени на очень тяжкія для меня, признаюсь вамъ, препирательства съ невѣжествомъ ихъ и упорствомъ: чего же еще въ правѣ требовать они отъ меня?... Принципъ собственности, конечно, примолвилъ онъ не то игриво, не то внушительно,—состоитъ въ настоящій моментъ въ эпохѣ, такъ сказать, кризиса, изъ котораго онъ,

весьма можетъ быть, не выйдетъ живымъ, какъ говорится. Но, пока онъ существуетъ въ положительномъ законѣ, ему приходится подчиняться поневолѣ (Блиновъ даже плечи приподнялъ, какъ бы душевно сожалѣя о томъ, что ему лично приходится подчиняться такому принципу).—Вы мнѣ позволите поэтому оставить за собою полную свободу дѣйствій относительно людей, не заслуживающихъ, по внутреннему моему убѣжденію, ничего лишняго противу того, что̀ мной уступлено имъ на законномъ основаніи.

Онъ какъ-то разомъ смолкъ, смущенный опять и видимо раздосадованный выраженіемъ лица Троекурова, который, пожевывая усъ и словно съ любопытствомъ изучая своего собесѣдника, глядѣлъ ему пристально въ глаза.

— Это слово настоящее, что̀ господинъ полковникъ сейчасъ сказали, заговорилъ въ свою очередь Середкинъ, глядя искательно на Бориса Васильевича,—что у этого народа невѣжество и озорничество одно, повѣрьте чести, ваше высокородіе! Какъ я, къ примѣру, заключимши натурально съ господиномъ полковникомъ правильное условіе, послалъ своихъ косарей, а этотъ народъ не то что гнать, а даже до убивства... Извольте господина исправника спросить, сами видѣли, потому изъ городу выѣзжамши, а вамъ навстрѣчу везутъ двоихъ, и даже одинъ въ безчувственномъ видѣ, и собственно, можно сказать, сумнительно, чтобы живъ остался...

Троекуровъ, сумрачно сжавъ брови и какъ бы только теперь вспомнивъ, живо обернулся на представителя инстинктивно противной ему полицейской власти:

— Вы такимъ образомъ прибыли сюда произвести уголовное дознаніе?

— Заявлено... Мой долгъ... тихимъ и невеселымъ голосомъ пролепетала на это „власть“.

„А, да ты вотъ какой!“ мелькнуло въ головѣ Бориса Васильевича, и онъ сочувственно взглянулъ на молодаго, недавно назначеннаго исправника, съ которымъ еще не имѣлъ случая встрѣчаться.

— И что̀ же потомъ, — судъ? обрывисто спросилъ онъ его.

— Если захотятъ довести...

Факирскій теперь въ свою очередь поднялъ на него глаза, и Троекуровъ ясно прочелъ въ нихъ, что онъ радъ бы былъ всей душой, чтобы не „доводили“.

Середкинъ, повидимому, прочелъ то же въ этихъ глазахъ, но замѣтно озлился:

— А то какъ же, ваше благородіе, съ запрыгавшими въ азартѣ щеками воскликнулъ онъ,—спущать что-ль имъ, сволочи, разбойникамъ?..

Троекуровъ смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ:

— Это ваше дѣло, проговорилъ онъ сквозь зубы, — а въ луга я васъ все-таки не пущу до введенія уставной грамоты, а грамоту я препровожу для предварительнаго разсмотрѣнія въ мировой съѣздъ, а тамъ она, надѣюсь, пролежитъ у насъ до конца сентября. Можете тогда высылать сюда вашихъ косарей!...

Жирный купецъ отъ неожиданности и испуга даже качнулся на толстыхъ ногахъ своихъ. Блиновъ съ измѣнившимся лицомъ выступилъ впередъ:

— Позвольте однако, господинъ посредникъ, вѣдь это... извините меня, это уже, какъ сказать, произволъ!

— Жалуйтесь на меня, тамъ видно будетъ...

— Троекуровъ чуть-чуть приподнялъ свою мягкую шляпу, кивнулъ и, не глядя уже болѣе на него, ни на его оторопѣлаго „арендателя“, быстро направился къ неразошедшейся еще толпѣ...

Онъ сразу замѣтилъ, что тамъ теперь происходило что-то новое. Пока онъ переговаривался съ Блиновымъ и Середкинымъ, къ Блиновскимъ крестьянамъ мало-по-малу подтягивалась, смѣшиваясь съ ними, та небольшая группа изъ числа разогнанныхъ Троекуровымъ постороннихъ лицъ, которая за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, отдалившись на нѣкоторое разстояніе, остановилась тамъ, наблюдая и разсуждая о происходящемъ. Теперь все это вмѣстѣ замѣтно волновалось. Борисъ Васильевичъ сощурился на-ходу, пристально взглядываясь въ эту какъ-то судорожно теперь двигавшуюся и раскидывавшую руками толпу.

Въ заднихъ рядахъ такъ и шмыгала замѣченная имъ еще ранѣе фигура бородатаго парня, подвязаннаго платкомъ подъ подбородокъ...

— Ну, что̀ еще? строго уставляясь на нихъ и подходя къ стоявшимъ впереди, громко спросилъ Троекуровъ.

Говоръ не смолкъ, а перешелъ въ торопливое общее гудѣніе. Сплошная масса туловищъ колыхнулась, словно зыбь какая пробѣжала по ней, раздалась, выпихивая кого-то изъ среды себя, сомкнулась опять...

— Ну чиво, спрашиваетъ, такъ говори! поднялся слышный шопотъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ:—все одно, намъ безъ травы не жить... Не съѣстъ, чего робѣть-то!...

— Аль барскаго вида испугался? хихикнулъ кто-то въ заднихъ рядахъ, но тутъ же оборвалъ за поднявшимся общимъ шуканьемъ.

Выпихнутый впередъ оказался знакомый Борису Васильевичу, не старый еще мужикъ, Гаврило Петровъ, почитавшійся своими односельчанами великимъ умникомъ и грамотѣемъ, и, какъ это извѣстно было посреднику по предварительнымъ переговорамъ съ Блиновскими объ уставной грамотѣ, главный противникъ соглашенія ихъ съ помѣщикомъ. Онъ зналъ, кромѣ того, что за этимъ умникомъ орудовалъ Троженковъ, у котораго тотъ состоялъ на посылкахъ, факторомъ и вообще клеверетомъ.

— А, ты! молвилъ съ холодною презрительностью Троекуровъ, увидѣвъ его предъ собой видимо смущеннаго внутренно, но такъ же очевидно настраивавшаго себя на смѣлость,—такъ и слѣдовало ожидать! Ну, о чемъ у васъ опять, говори, коли выслали!.. Да шапку долой, во-первыхъ! крикнулъ онъ.

Гаврило Петровъ поспѣшно скинулъ шляпу. Ближніе къ нему крестьяне такъ же поспѣшно послѣдовали его примѣру.

Онъ уткнулся на мигъ глазами въ землю, кашлянулъ въ руку и, утеревъ затѣмъ ротъ рукавомъ новой ситцевой рубахи, началъ съ-оника:

— Какъ ежели, ваше всблагородіе, намъ насчетъ нашихъ круговъ въ губерніи дѣйствительно отказано, такъ все-жь по

закону слѣдствуетъ, что окромя насъ въ нынѣшнемъ, значитъ, лѣтѣ никому тутъ косить не можно.

Троекуровъ съ изумленіемъ вперилъ въ него глаза.

— Это еще что! съ чего ты взялъ?

Мужикъ ухмыльнулся съ замѣтнымъ на лицѣ самодовольствомъ:

— А какъ вашему всблагородію извѣстно, что *законъ обратной силы не имѣетъ*, отчетливо проговорилъ онъ явно заученную съ чужаго языка фразу.

Троекуровъ не могъ удержаться отъ улыбки:

— Къ чему же ты это сюда приплелъ?

— А къ тому ваше-с... что, къ примѣру, теперича сами вы намъ на плану показывали, все почитай барское яровое поле по нарѣзкѣ намъ, крестьянамъ, въ надѣлъ отходитъ, такъ, аль нѣтъ?

— Такъ!

— Хорошо-съ. Теперича на полѣ томъ, значитъ, овесъ посѣянъ. Чей онъ?

— Разумѣется, барскій!

— Такъ-съ! Барскій. Баринъ его, значитъ, скоситъ и въ гумно свое свезти велитъ?

— Конечно! нетерпѣливо, но невольно интересуясь тѣмъ, куда гнетъ деревенскій законникъ, сказалъ Борисъ Васильевичъ.

Гаврило Петровъ переступилъ съ ноги на ногу, утерся еще разъ рукавомъ рубахи и продолжалъ:

— Значитъ, поле намъ отмежено, а господинъ съ него овесъ собралъ, а круги отъ насъ отрѣзали, и онъ же, баринъ, съ нихъ траву возьметъ. Какъ это разсудить по правилу, вашесблагородіе? говорилъ онъ уже съ нѣкоторымъ шипѣніемъ, поощряемый одобрительными кивками и прорывавшимися возгласами сочувствія со стороны своихъ; — а мы такъ по закону мекаемъ эвто: ежели по уставной грамотѣ, такъ, значитъ, все эвто навпредки рази будетъ, съ осенней къ примѣру, по уборкѣ озимаго, скажемъ, посѣва, а дотоль чтобы все по старому: какъ барину, значитъ, съ поля овесъ въ свою

пользу, такъ и намъ травушку взять съ тѣхъ мѣстовъ, коими завсегда пользовались...

„Какова Троженковская казуистика", пронеслось въ головѣ Троекурова,—онъ начиналъ сердиться:

— Довольно! воскликнулъ онъ, перебивая расходившагося оратора, — ты очень хорошо понимаешь самъ, что плетешь ложь и вздоръ, и даже не свое плетешь... Довольно разговоровъ! Слушайте вы, обратился онъ къ толпѣ,— въ послѣдній разъ говорю я вамъ, и помните: этого теперь громомъ не отшибить, — Крусановскіе круги рѣшены на вѣчныя времена въ пользу помѣщика, и воленъ онъ ихъ отдавать въ аренду, кому ему угодно и на какихъ ему вздумается условіяхъ, съ той самой минуты, когда будетъ введена мной по вашей деревнѣ уставная грамота...

Между крестьянами послышался ропотъ.

— Не поддавайтесь ему, ребята! отчетливо визгнулъ въ заднихъ рядахъ чей-то разъяренный и не мужицкій голосъ,— это все обманъ одинъ. Вамъ царь приказалъ всю землю отдать, а баре обобрать васъ хотятъ...

Кровавые круги запрыгали въ глазахъ Троекурова. Онъ ринулся впередъ въ раздавшуюся мгновенно еще разъ предъ нимъ толпу, прямо на этотъ голосъ, на голосъ подвязаннаго малаго,—это былъ онъ, несомнѣнно онъ,—видъ котораго давно мозолилъ ему глаза.

Онъ уже настигалъ его, уже протягивалъ руку, чтобы схватить его за воротъ... Малый увернулся, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ назадъ и, размахнувшись дубоватою палкой, которую держалъ въ рукѣ, пустилъ ее изо-всей силы въ ноги Троекурова...

Она ударила его въ колѣнную кость ниже чашки. Онъ ухватился за нее, чувствуя, что падаетъ, и закусывая губу, чтобы не крикнуть отъ страшной боли...

Въ толпѣ поднялось смятеніе. Нѣсколько человѣкъ кинулись подымать „посредственника".

Ударившій, съ забѣгавшими какъ у зайца глазами, метнулся въ сторону...

— Я за вашу волю, ребята, за ваши права! крикнулъ онъ неестественнымъ, растерянным крикомъ.

Никто не отвѣтилъ на него. И не успѣлъ онъ открыть рта еще разъ, какъ предъ нимъ выросла скуластая, страшная выраженіемъ своимъ фигура Скоробогатова,—и желѣзные пальцы рванули его прямо за бороду...

Борода эта, вмѣстѣ съ обвязывавшимъ лицо платкомъ, остались въ этихъ пальцахъ... Шляпа какъ бы сама собой спрыгнула съ головы, волосы разлетѣлись, подхваченные вѣтромъ.

— Ваше высокоблагородіе! самый тотъ и есть! крикнулъ Скоробогатовъ, узнавая Иринарха Овцына.—Вяжи его, ребята! Кушакъ у кого есть?

Десятки рукъ, торопливо распоясавшись, потянулись къ нему съ кушаками.

— Ишь, діаволъ, вдарилъ какъ! Взялся отколь незнамо, бунтовщикъ!

— Бороду ишь подвязалъ! голосили крестьяне.—Вотъ тя подвяжутъ! Крути ему крѣпче руки, кавалеръ, чтобы чувствовалъ, значитъ!...

Скоробогатовъ стянулъ эти руки за спину ихъ владѣльца, связалъ ихъ двойнымъ узломъ кушака, и ткнулъ его въ шею съ неудержимымъ движеніемъ злости.

— Не трогать! досадливо крикнулъ Троекуровъ.

Его самого только-что подняли, и онъ, перемогая всею силой воли донимавшую его боль въ колѣнѣ, стоялъ теперь, опираясь на ту же, причинившую ему эту боль, палку Овцына, поднятую однимъ изъ крестьянъ по его приказанію.

Онъ пристально уперся взглядомъ въ страшно поблѣднѣвшее, но какъ бы еще сильнѣе озлившееся лицо Иринарха.

— Вы понимаете, проговорилъ онъ, — что тутъ уже не личные счеты. Я вамъ мутить крестьянъ дозволить не въ правѣ... Гдѣ господинъ исправникъ? обернулся онъ взглядомъ на окружающихъ.

Факирскій съ Блиновымъ бѣжали къ нему.

— Борисъ Васильевичъ, что̀ такое, что̀ случилось? съ искреннимъ участіемъ и тревогой спрашивалъ Блиновъ, между

тѣмъ какъ молодой исправникъ перепуганными глазами обводилъ лица толпившихся кругомъ крестьянъ со стоявшимъ между нихъ арестантомъ.

— Вотъ этотъ переодѣтый... чрезъ силу, неохотно отвѣчалъ Троекуровъ.— Спросите!... Крестьянъ явно подстрекали, понизилъ онъ голосъ, — и я, надѣюсь, полковникъ, разъ настоящій виновникъ теперь на-лицо, что вы не дадите хода сегодняшней здѣсь... свалкѣ и склоните на то же вашего купца... Его увѣчныхъ я бѣрусь удовлетворить.

— Помилуйте, прервалъ Блиновъ, смутившись вдругъ, — на что же... я самъ... Я, повѣрьте мнѣ, съ неменьшимъ, какъ вы, отвращеніемъ отношусь къ эксплуатаціи труда капиталомъ... и готовъ воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ... Но, Боже мой, прервалъ онъ себя, — вы ужасно страдаете, по лицу вашему видно. Вѣроятно у васъ кость зашиблена серіозно... Воды бы поскорѣй, бинтовку...

Но давно знакомый съ увѣчьями и ранами Скоробогатовъ уже бѣжалъ къ своему барину съ зачерпнутою имъ въ рѣкѣ ведеркой воды...

Троекурова посадили на траву... Кость у него оказалась переломленною.

Все переполошилось кругомъ.

— Костоправа нѣту-ль тутъ по близости? крикнулъ Скоробогатовъ, быстро вскакивая на ноги съ колѣнъ, на которыя опустился ощупывать ногу Троекурова.

— Костоправа?... Есть, братецъ ты мой, есть!... Во тутъ, съ полверсты будетъ, на Прирѣченскихъ, значитъ, кругахъ, отъ помѣщика Дѣвушкина народъ коситъ, такъ вы Флегона спросите, Ящера прозывается, онъ тутъ за прикащика отъ барина поставленъ надъ народомъ... Настоящій этто фершалъ, ученый... Сбѣгать что-ль надоть?

— Извольте, я могу для скорости съѣздить за эвтимъ человѣкомъ въ экипажѣ, предложилъ, тяжело переводя духъ отъ ходьбы и перепуга, купецъ Середкинъ, подошедшій тѣмъ временемъ къ мѣсту происшествія.

— Поѣзжайте скорѣе, поѣзжайте! суетился Блиновъ, торопя его.

Онъ взобрался въ свою телѣжку, посадилъ къ себѣ одного изъ крестьянъ, вызвавшагося указать ему „Флегона, фершала„, и быстро покатилъ на своемъ сытомъ иноходцѣ...

Въ пяти шагахъ отъ безмолвно, перемогая боль, сидѣвшаго на травѣ Троекурова, стоялъ связанный арестантъ съ выраженіемъ пойманнаго волка на лицѣ, хранившемъ еще свѣжіе слѣды полученнаго имъ за нѣсколько часовъ предъ этимъ оскорбленія, — оскорбленія, за которое „отмстилъ онъ теперь“... Но мщеніе это далеко не удовлетворяло его, далеко было не то, на что онъ разсчитывалъ во злобѣ своей. Этотъ ненавистный ему человѣкъ не былъ имъ униженъ, нанесенное ему увѣчье не смывало позорныхъ синяковъ, бороздившихъ его, Овцына, щеки. Оно, напротивъ, послужило на пользу этому человѣку, возбудивъ къ нему общее участіе, а къ нему, „отмстившему“, негодованіе и презрѣніе... Да, онъ не могъ не сознавать, не видѣть это: все въ эту минуту было занято имъ, этимъ „бариномъ“, суетилось около него, а его, „новаго человѣка“, революціонера, заявившаго себя сейчасъ дѣломъ, „пахнущимъ каторгой“, будто забыли за этою тревогой о *немъ:* успѣемъ-де еще тобой, ничтожествомъ, заняться... „Мужичье поганое“, говорилъ себѣ, обливаясь желчью, Иринархъ;—„я за волю вашу, за ваши права“, крикнулъ онъ имъ сейчасъ, и никто изъ нихъ не отозвался, не тронулся съ мѣста на этотъ крикъ, и всѣ они, „съ холопскою подлостью и страхомъ на лицахъ“, отрекаются отъ него и обзываютъ „бунтовщикомъ“, спасая себя и выдавая его... „Гдѣ буду я ночевать сегодня?“ пронеслось, со внезапною дрожью по спинѣ, въ головѣ Иринарха.

Онъ невольно обѣжалъ взглядомъ кругомъ... Уйти некуда, — со всѣхъ сторонъ все тѣ же враждебно-презрительныя лица... У него посинѣли губы...

Но вотъ къ нему подходитъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ, съ молодыми, мягкими чертами лица, которому владѣлецъ его силится видимо въ эту минуту придать какъ можно болѣе строгое выраженіе.

— Кто... ты? спрашиваетъ онъ его, замѣтно для Иринарха поколебавшись на мигъ сказать ему это „ты“ или *вы*.

— Андрей Ѳедоровъ, клинскій мѣщанинъ, отвѣчалъ дерзко Иринархъ, поводя глазами въ сторону Троекурова.

Но Борисъ Васильевичъ будто и не слышалъ, не повернулъ головы.

— Видъ имѣешь?

— Можете поглядѣть, проговорилъ Овцынъ,— возьмите у меня въ карманѣ.

Исправникъ вынулъ изъ кармана Овцына форменный, за печатью билетъ, прочелъ съ озабоченнымъ и недовѣрчивымъ видомъ:

— Занимаешься чѣмъ? обрывисто спросилъ онъ опять.

Иринархъ поглядѣлъ на него, помолчалъ...

— Не желаю отвѣчать, сказалъ онъ, сообразившись.

Факирскій нѣсколько озадаченно взглянулъ на него въ свою очередь и тутъ же, отвернувъ глаза, обратился къ толпѣ:

— Знаетъ его кто нибудь изъ васъ? Какъ онъ сюда попалъ?

— А лѣшій его знаетъ, жулика, отколь взялся! И видомъ не видывали допрежъ того... Мало-ль ихъ нонѣ наймоваться ходятъ на косовицу-то, поспѣшно отвѣчали мужики.

— Быдто такъ кажетъ, что встрѣлся онъ мнѣ севодни... съ помѣщикомъ тутъ съ однимъ, робко пролепеталъ одинъ голосъ (это былъ косарь, державшій утромъ лошадь Троекурова въ минуту расправы его съ Овцынымъ).

Но ему не дали продолжать:

— Ну, чего врать-то! Встрѣлся! Самъ видишь, шатунъ какой, аль можетъ бѣглый, а то „съ помѣщикомъ“. Станетъ съ нимъ помѣщикъ компанію вести! Молчи лучше! шукали на него, пугливо оглядываясь на „господъ“, крестьяне, изъ которыхъ многіе сами въ эту минуту узнавали Иринарха за лицо, которое случалось имъ видѣть именно въ „компаніи“ помѣщика Троженкова, сосѣда, постоянно проѣзжавшаго чрезъ ихъ деревню.

Подполковникъ Блиновъ, все время суетившійся у ноги Троекурова, быстро шагнулъ къ исправнику:

— Прикажите скорѣе взять этого молодца, да и въ острогъ, что-ли, прошепталъ онъ ему на ухо, кинувъ разсѣянный взглядъ

на отворачивавшагося отъ него Овцына,—а крестьянъ оставьте! Посредникъ очень наистаиваетъ, чтобы кончить все это миролюбиво; а насчетъ Середкина не безпокойтесь: онъ жаловаться не станетъ, я вамъ отвѣчаю.

— Я очень радъ, отвѣтилъ радостно Факирскій.—Сотскій! крикнулъ онъ оборачиваясь,—возьми арестанта!...

Телѣжка съ Середкинымъ и костоправомъ, котораго онъ нашелъ на кругахъ Дѣвушкина, подъѣзжала тѣмъ временемъ къ нимъ.

Все опять обратилось къ Троекурову.

„Фершалъ Флегонъ“ оказался дѣйствительно знающимъ свое дѣло. Онъ ловко и быстро вправилъ и соединилъ концы поломанной кости и, за неимѣніемъ лубковъ и холста, забинтовалъ голень покамѣстъ кушаками, взятыми у предлагавшихъ ихъ усердно крестьянъ.

— Ужь позволь, родимый, какимъ-то умиленнымъ голосомъ говорили теперь крестьяне Борису Васильевичу, — мы васъ въ экипажъ снесемъ.

Они подняли и донесли его до коляски, натащили въ нее и набили полупросохшей травы въ уровень съ сидѣньемъ, чтобы дать ему возможность держать ногу въ горизонтальномъ положеніи.

— Позвольте предложить вамъ, сказалъ ему Блиновъ, — вамъ до себя верстъ 15 ѣхать, моя же усадьба всего отсюда въ трехъ верстахъ, а отъ вашего пути крюку и полверсты не будетъ. У меня и лубки найдутся, и бинты нарѣжутъ; мы возьмемъ съ собой фельдшера, и вы по крайней мѣрѣ вернетесь домой *вправленный*, такъ сказать, по всѣмъ началамъ науки.

— Это точно! замѣтилъ на это одобрительно „Флегонъ“.

Троекуровъ подумалъ, что всю эту операцію лучше дѣйствительно продѣлать загодя у чужихъ и избѣжать такимъ образомъ лишнихъ „женскихъ аховъ и оховъ“, ждущихъ его дома, и согласился.

— Ну, спасибо, ребята, обратился онъ къ окружавшей его, любовно и искательно заглядывавшей ему въ глаза толпѣ,—и маршъ по домамъ сейчасъ! Надѣюсь, что на этотъ

разъ упрошу г. исправника и бывшаго вашего помѣщика простить вамъ ваше сегодняшнее... своевольство. Но если бы вамъ вздумалось начать что-нибудь подобное снова, помните, я вамъ не прощу!

Мужики кругомъ повалились ему въ ноги:

— Батюшка, милостивецъ... Дай тебѣ Пресвятая Богородица много лѣтъ здравствовать, а мы по всякому твоему слову, а не то, что... Мы единственно, какъ по нуждѣ своей, потому намъ тяпнуть негдѣ...

— На это опять же одинъ у меня отвѣтъ вамъ: обратитесь къ бывшему вашему помѣщику; онъ, я увѣренъ, сдѣлаетъ для васъ все, что̀ сочтетъ возможнымъ.

Блиновъ, съ выраженіемъ снисходительнаго достоинства на чуть-чуть улыбавшемся лицѣ, повелъ на нихъ взглядомъ въ свою очередь:

— Вернувшись домой, выберите изъ себя человѣкъ пять стариковъ и пришлите ко мнѣ на дворъ, мы потолкуемъ... Вы мнѣ позволите съ вами сѣсть, Борисъ Васильевичъ, поспѣшилъ онъ прибавить, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ имѣть предлогъ не обращать вниманія на благодарственные возгласы и торопливые въ поясъ поклоны, отвѣчавшіе на его слова.

И такъ же торопливо подобравъ свои косы и кафтаны, толпа радостно и шумно повалила теперь съ „круговъ“ на проѣзжую дорогу, по направленію своей деревни.

„Въ лузяхъ, лузяхъ... во зеленыихъ“...

зазвенѣлъ чей-то высокій хриплый фальцетъ, и къ пѣснѣ, чѣмъ далѣе тѣмъ звончѣе и дружнѣй, приставали грудные, мужественные голоса...

— Вы и своихъ-то ужь отправьте во-свояси, Аѳанасій Доримедонтовичъ, сказалъ съ невольною улыбкой Блиновъ, обращаясь къ уныло сидѣвшему въ своей телѣжкѣ, съ вожжами въ одной рукѣ и цвѣтнымъ платкомъ въ другой, купцу Середкину.

Толстый купецъ вздохнулъ, отеръ въ двадцатый разъ свое обливавшееся потомъ лицо и кликнулъ своего, стоявшаго среди его косарей съ подобною же унылостью на физіономіи,

востроносаго прикащика, для передачи ему соотвѣтствующаго приказанія.

— А вы ужь ко мнѣ милости просимъ, продолжалъ Блиновъ,—мы тамъ съ вами окончательно переговоримъ... И вы съ нами, Семенъ Петровичъ? обратился онъ къ Факирскому.

— Да вотъ-съ, насчетъ отправки арестанта распорядиться надо, отвѣтилъ озабоченно тотъ,—и допросъ-то собственно по формѣ снять съ него надо...

— А вы прикажите его свезти ко мнѣ, тамъ и допросите на досугѣ, чѣмъ вамъ для этого нарочно въ городъ ѣхать. А чтобы не убѣжалъ, я вашему сотскому на подмогу сторожа дамъ... Ну-съ, а теперь ѣхать, весело заключилъ онъ, влѣзая въ коляску Троекурова и осторожно усаживаясь подлѣ него, чтобы не дотронуться до его больной ноги.—Трогай!

XII.

Дантисты Базаровской безпардонной вольницы, Собакевичи и Ноздревы нигилизма... ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣли ничего общаго съ неоскорбительною и простодушною грубостью крестьянина, а очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома.

Герценъ. *Общій фондъ.*

Въ усадьбѣ Блинова „недоразумѣнія“, какъ выражался онъ, между нимъ и его бывшими крестьянами совершенно благополучно устроились. Крусановскіе круги, окончательно оставшіеся за нимъ, онъ согласился раздѣлить на двѣ арендныя статьи, по 40 десятинъ въ каждой, изъ которой одну взялъ Середкинъ, а другую онъ отдалъ въ 12-лѣтнее пользованіе крестьянъ, со сбавкой съ нихъ противъ Середкина по 10 рублей на кругъ. Послѣднее условіе положено было занести и въ уставную грамоту...

„Такимъ образомъ“, говорилъ Блиновъ, пожимая руки Борису Васильевичу и глядя на него умильно усмѣхающимися глазами,—„благодаря вашему, можно сказать, вполнѣ авторитетному на этихъ темныхъ дѣтей природы слову, немыслимое оказалось возможнымъ и невозможное становится дѣйствительностью“...

Темныя дѣти природы въ свою очередь, получивъ отъ него по окончаніи переговоровъ красненькую на покупку соотвѣтствующаго числа ведеръ водки „грамоту вспрыснуть“, были въ самомъ счастливомъ настроеніи духа и оглашали

воздухъ благодарственными кликами, „потому какъ завсегда своихъ, Блиновыхъ, господъ за благодѣтелевъ почитали и, значитъ, и впредь настоящій у нихъ помѣщикъ есть“... и такъ далѣе.

Купецъ Середкинъ, чтобы не отстать отъ барскаго примѣра и для снисканія благорасположенія недавнихъ враговъ и будущихъ „сосѣдушекъ“ по Крусановскимъ кругамъ, заявилъ тутъ же, что онъ жертвуетъ со своей стороны четыре „ведерышка“ на угощеніе ихъ по окончаніи косовицы.

Восторгъ произвело это обѣщаніе невообразимый...

— Ну и пора! даже вздохнулъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ, сбрасывающій тяжелую ношу съ плечъ, Троекуровъ, когда этотъ народъ съ новыми пѣснями и ухорскимъ присвистомъ повалилъ наконецъ со двора, а за нимъ, усердно расклaниваясь на всѣ стороны, выѣхалъ и Середкинъ, со своимъ прикащикомъ за кучера.

Ему самому тѣмъ временемъ перебинтовали надлежащимъ образомъ и уложили въ лубки ногу... И нога эта, и возня съ крестьянами, и весь этотъ перемолъ лишнихъ словъ, потраченныхъ имъ на увѣщанія, соглашенія и угрозы, привели его въ нервное, раздраженное состояніе. Онъ велѣлъ подавать коляску и, отвѣтивъ рѣшительнымъ, нѣсколько даже нетерпѣливо выраженнымъ несогласіемъ на любезное настояніе хозяина позволить проводить его „на всякій случай“ до Всесвятскаго, поспѣшно простился съ нимъ и уѣхалъ.

— „Потемкинымъ вѣдь тоже глядитъ, баричъ!“ сказалъ себѣ подъ носъ Блиновъ, стоя на крыльцѣ, до котораго проводилъ его, и глядя прищурясь ему во слѣдъ...

И онъ презрительно усмѣхнулся, тотчасъ же сообразивъ, „какъ нелѣпы подобныя потемкинскія замашки при общемъ *нивеллирующемъ* духѣ нашего вѣка“ и насколько „міровоззрѣніе подобнаго барича ничтожно предъ трезвымъ взглядомъ просвѣтленнаго наукой реалиста-мыслителя“.

— Семенъ Петровичъ, отнесся онъ къ исправнику, стоявшему на дворѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца и занятому весьма, видимо, озабочивавшимъ его разговоромъ съ мужикомъ, сотскимъ, которому поручено было имъ привести

съ луговъ арестанта,—я умираю съ голоду, да и вы тоже, полагаю. Пожалуйте, у меня деньщикъ мастеръ битки готовить.

— Сейчасъ, сію минуту, торопливо и не оборачиваясь отвѣчалъ тотъ.

Блиновъ сидѣлъ уже за столомъ, предъ тарелкой окрошки, когда Факирскій, все такъ же озабоченно и морщась, вошелъ въ столовую и безъ словъ опустился на мѣсто насупротивъ его.

— Э, да вы туча-тучей! Что случилось? спросилъ хозяинъ.

Исправникъ повелъ на него вкось глазами и не то просительно, не то смущенно сказалъ:

— Васъ не затруднитъ, полковникъ, приказать послать отъ стола чего нибудь поѣсть этому... молодому человѣку?...

— Какому? вскликнулъ, не понимая въ первую минуту, Блиновъ.

— Котораго арестовалъ я... въ лугахъ... Я велѣлъ посадить его тутъ у васъ въ пустой кладовой...

— Да, да... Я прикажу... А что онъ за человѣкъ? Я его, признаться, и не видѣлъ-то хорошенько... Троекуровымъ этимъ заняты всѣ были...

— Человѣкъ повидимому развитой... какъ мы съ вами, пролепеталъ не сейчасъ исправникъ, продолжая не глядѣть на своего собесѣдника.

Тотъ понялъ съ перваго намека. Онъ быстро вскинулъ вверхъ голову и засіялъ взоромъ:

— Что вы говорите! Не бродяга, значитъ, не-мужикъ онъ?... Студентъ, а?... Онъ понизилъ голосъ до шопота:—съ соціальными цѣлями?... Я знаю, по Волгѣ идетъ теперь у нихъ пропаганда... Такъ это одинъ изъ такихъ, полагаете?

— Очень похоже, какъ бы противъ воли падали слова съ губъ Факирскаго;—мы съ вами прибѣжали на мѣсто, когда онъ уже былъ схваченъ... Кучеръ посредника, грубый, какъ всѣ эти люди, цапнулъ его прямо за бороду... борода оказалась фальшивою... И что очень странно, какъ я узналъ сейчасъ, и кучеръ этотъ, и его баринъ знаютъ, кто онъ... и не назвали. И, какъ оказывается далѣе, онъ, этотъ молодой

человѣкъ, проживаетъ уже нѣсколько времени въ здѣшней сторонѣ. Крестьяне, вы слышали, по врожденному въ нихъ страху къ намъ, полиціи, и къ суду, завѣряли хоромъ, что никогда не видали его, а въ дѣйствительности многіе и не разъ встрѣчались съ нимъ—одѣтъ онъ былъ не крестьяниномъ,—въ окрестностяхъ одной сосѣдней вамъ деревни, Быковѣ, гдѣ онъ, повидимому, и имѣлъ пристанище у тамошняго землевладѣльца Троженкова; знакомъ онъ вамъ?

— Нѣтъ, быстро и тономъ сожалѣнія отвѣчалъ хозяинъ,—не имѣлъ случая сойтись съ нимъ нигдѣ. Говорятъ, человѣкъ необыкновенно умный и вполнѣ прогрессивный!...

— Д-да-съ, иронически и, незамѣтно для себя, все далѣе и далѣе увлекаясь на откровенность, пропустилъ исправникъ,—онъ состоитъ даже у *насъ* подъ тайнымъ надзоромъ, какъ подозрѣваемый въ доставленіи корреспонденцій въ газету *Колоколъ*.

— Вотъ какъ! засмѣялся его собесѣдникъ;—и что же вы, по своей обязанности, должны въ извѣстные сроки доносить о немъ начальству?

— Что же мнѣ доносить? Писемъ онъ мнѣ своихъ не показываетъ, да и по почтѣ ихъ вѣроятно не посылаетъ. Такъ мнѣ, если-бъ я и расположенъ былъ къ инквизиторскому образу дѣйствій, нѣтъ и почвы на то... Впрочемъ и начальство, промолвилъ усмѣхаясь Факирскій,—надо отдать справедливость, нисколько не отличается фанатизмомъ по этой части.

— Что правда, то правда! вскликнулъ, потирая радостно руки, Блиновъ,—наши правящія сферы, вообще говоря, отличаются самою похвальною толерантностью. Нельзя-съ, противъ духа вѣка ничего вѣдь не подѣлаешь!... Хотя, промолвилъ онъ наставительно, лукаво подмигивая при этомъ,—начальство никогда не слѣдуетъ баловать хвалой, а держать его, напротивъ, всегда подъ страхомъ, что оно недостаточно либерально дѣйствуетъ. Въ этомъ настоящая политика людей движенія... Ну-съ, а что же вашъ... молодой человѣкъ? перебилъ онъ себя:—говорили вы съ нимъ?

— Немного успѣлъ, а говорилъ...

— Что-жь онъ?

— Онъ проголодался прежде всего... и выразилъ мнѣ даже это нѣсколько безцеремонно, добавилъ съ легкою гримасой Факирскій.

— Какъ такъ?

— Да просто: „дадутъ мнѣ, говоритъ, *жрать* или нѣтъ?“

— Ахъ, Боже мой, вскинулся вдругъ Блиновъ, какъ бы мгновенно испуганный неудовольствіемъ человѣка, способнаго такъ энергически выражать свои желанія,—да прикажите поскорѣй пригласить его сюда. Онъ съ нами и пообѣдаетъ... Деньщику я прикажу поставить всѣ блюда на столъ и убираться на кухню... а то, знаете, старо-солдатскія понятія: какъ, молъ, это господа съ *арестантомъ*... Ну, а тутъ мы на свобоодѣ, en trois, частнымъ образомъ...

— Д-да... Что же, такимъ манеромъ можно, послѣ легкаго колебанія согласился и исправникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ передней раздались тяжелые шаги, и въ отверстіе полураскрытыхъ половинокъ двери въ столовую просунулась голова мужика, сотскаго:

— Привелъ, ваше благородіе, доложилъ онъ какъ бы съ таинственностью, отыскавъ глазами исправника.

— Хорошо, давай его сюда!... А самъ можешь итти...

— Тамъ на кухнѣ тебя накормятъ, любезный, я приказалъ, поспѣшилъ прибавить со своей стороны хозяинъ.

— Много благодаримъ, ваше...

Низко нагнувшаяся за этими словами голова исчезла, и на мѣсто ея, широко откидывая дверь рукой, выступила знакомая намъ, бѣлобрысая и самоувѣренная фигура Иринарха Овцына въ красной кумачевой рубахѣ на выпускъ и нестрядевыхъ портахъ, всунутыхъ въ мужицкіе смазные сапоги. Обликъ его въ этомъ видѣ нисколько не отличался отъ наружности перваго попавшагося фабричнаго, но подполковнику Блинову стоило только взглянуть на него, чтобъ утвердиться въ предположеніи, что это „само-собой не рабочій, а нѣкто по всей вѣроятности очень *интересный*“...

— Запри за собой двери! крикнулъ онъ, глядя чрезъ голову вошедшаго сотскому, не успѣвшему еще уйти изъ передней.

Руки въ армякѣ поспѣшно выставились оттуда, потянули къ себѣ половинки и защелкнули ихъ.

Блиновъ привсталъ и поспѣшнымъ движеніемъ руки пригласилъ арестанта подойти къ столу. Онъ глядѣлъ на него во всѣ глаза съ явно сочувственнымъ, чуть не почтительнымъ любопытствомъ.

— Вы не обѣдали? спросилъ онъ, поощрительно улыбаясь, и, не ожидая отвѣта:—такъ не угодно-ли... безъ церемоніи; вотъ мѣсто!

Овцынъ, безо всякой уже дѣйствительно церемоніи, захватилъ стулъ по пути, подтащилъ его къ столу, опустился на него и, поднявъ со скатерти глубокую тарелку, потянулся съ нею безъ словъ къ хозяину за окрошкой.

Тотъ, все съ такою же поспѣшностью въ движеніяхъ, налилъ ему суповою ложкой до верху ея.

Иринархъ завладѣлъ большою горбушкой домашняго ситника и, жадно откусивъ отъ него, принялся хлебать изъ тарелки.

Хозяинъ и исправникъ, молча, съ жалостливымъ выраженіемъ на лицахъ, глядѣли на арестанта, какъ бы не рѣшаясь сами приняться за другое блюдо, пока онъ не кончитъ.

— *Это* теперь слѣдуетъ, а? произнесъ тотъ, отставляя опорожненную тарелку и тыкая пальцемъ на блюдо битковъ, стоявшее на противоположной сторонѣ стола.

Блиновъ пододвинулъ его къ нему.

— А вы, Семенъ Петровичъ? спросилъ онъ.

Факирскій улыбнулся своею мягкою улыбкой:

— Послѣ, послѣ!.. Дайте вотъ этому молодому человѣку утолить свой голооъ... я успѣю.

— Да-съ, это вы правильно сказали, хихикнулъ Иринархъ, наваливая себѣ на блюдо,—голодъ у меня во́лчій; отца роднаго сожралъ бы, кажется, въ эту минуту, не говоря дурнаго слова... Съ завтрака, раннимъ утромъ, какъ выпилъ стаканъ чаю, да яйца три въ крутую съѣлъ, ни маковой росинки во рту не было до сихъ поръ...

— Вы у господина Троженкова въ Быковѣ завтракали? спросилъ нежданно исправникъ.

Овцынъ кивнулъ машинально головой,—но вдругъ, опомнившись, обернулся на него злымъ и нахальнымъ взглядомъ:

— Съ чего-жь вы это взяли?

Факирскій слегла прижмурился:

— Имѣю основаніе полагать.

— А я какъ же вашъ вопросъ понимать долженъ? хихикнулъ опять Иринархъ, жуя во весь ротъ рубленое мясо битковъ:—для плезиру что-ль своего спрашиваете, или формальный мнѣ допросный пунктъ ставите?

Подполковникъ Блиновъ почелъ своимъ долгомъ хозяина предупредить дальнѣйшій „непріятный разговоръ“:

— Позвольте васъ увѣрить, что въ настоящую минуту, у *меня* за столомъ, ничего формальнаго быть не можетъ, и я настолько знаю Семена Петровича, что онъ никогда не рѣшится злоупотребить своимъ положеніемъ относительно васъ... Вы впрочемъ сами это замѣтить, кажется, можете, прибавилъ онъ съ видомъ достоинства.

Арестантъ повелъ на нихъ обоихъ снисходительными глазами:

— Что-жь, уронилъ онъ,—не знаю, что дальше, а пока вы кажетесь мнѣ довольно порядочными людьми.

Факирскій дернулъ безсознательно плечомъ и глянулъ изподлобья на Блинова, какъ бы говоря: „вѣдь эта аппробація и не къ мѣсту, пожалуй“!..

Блиновъ весело и самодовольно засмѣлся:

— А вѣдь это такъ, Семенъ Петровичъ? Вѣдь мы съ вами дѣйствительно „порядочные люди“... Я лишь сегодня имѣлъ случай съ вами познакомиться, но я достаточно опытенъ, чтобы распознать съ разу тотъ уровень развитія, на которомъ стоитъ та или другая натура... И я, конечно, не ошибусь, сказавъ, что вы человѣкъ *новыхъ* убѣжденій и умѣете цѣнить ихъ въ другихъ, подчеркнулъ онъ.

Факирскій склонилъ голову, покраснѣлъ слегка и какъ бы про себя:

— Новыхъ? повторилъ онъ:—не знаю, какъ сказать... Убѣжденія свои я вынесъ еще съ университетской скамьи.

— Студентъ бывшій? коротко промолвилъ Иринархъ, продолжая жевать и не глядя на него:—это хорошо!

— И вы тоже? обратился къ арестанту тономъ добродушнаго лукавства Блиновъ.

— Что „тоже“?

— Студентъ.

— Много знать будете — скоро состарѣетесь, отрѣзалъ тотъ.

Онъ вдругъ откинулся въ спинку своего стула, взглянулъ въ упоръ въ глаза хозяину и засмѣялся:

— А любопытно было бы знать вамъ, признайтесь, кто индивидуй сей, котораго вы, какъ „либералъ“ что-ли, или просто отъ скуки, пригласили сотрапезовать съ вами теперь; любопытно, а?

— Я у васъ тайнъ вашихъ не допытываю, съ невольною досадой и вспыхнувъ весь, проговорилъ ученый офицеръ.

Овцынъ, не перемѣняя тарелки, наложилъ на нее съ близъ стоявшаго блюда большой кусовъ индюшки и продолжалъ насмѣшливо:

— А я бы открылъ вамъ, право, открылъ... Да нельзя... А вы вотъ самого *его*, посредника, спросите, нежданно добавилъ онъ.

— Посредника? Бориса Васильевича Троекурова, то-есь? спросилъ Блиновъ, переглянувшись съ исправникомъ. — Онъ знаетъ, кто вы?

— Знаетъ, и *вамъ извѣстно*, что онъ это знаетъ, подчеркнулъ Овцынъ, перехватившій этотъ взглядъ, — только вамъ отъ этого не легче: онъ не скажетъ.

— Почему вы такъ положительно утверждаете?

— А *потому* что!... Попробуйте его спросить. Увидите!

— Какъ же это слѣдуетъ объяснить, можно васъ спросить? озадаченно проговорилъ Блиновъ, чрезвычайно заинтересованный.

— Какъ? А такъ, что ужь черезчуръ презрѣнія въ немъ много.

— Къ кому?

— Да ко всѣмъ, злобно прошипѣлъ Иринархъ:—къ нему

вотъ (онъ кивнулъ на исправника,), потому что онъ полиція; къ вамъ, потому что вы изъ-за лишнихъ ста рублей готовы съ мужикомъ до смерти тягаться; къ мужику—за то, что онъ плебей и сермяга; ко мнѣ...

— Къ вамъ же за что, къ вамъ? съ язвительною усмѣшкой подгонялъ его Блиновъ, серьезно уколотый тѣмъ, что сказано было Овцынымъ о мотивахъ презрѣнія Троекурова къ нему, Блинову.

— Ко мнѣ-съ... потому что я на него, магната и сердцеѣда, не со шпагой или пистолетомъ, а съ палкой вышелъ... Потому, судорожно кривя губы, добавилъ Овцынъ,—что большой баринъ этотъ разоблаченій моихъ боится и воображаетъ подкупить меня великодушіемъ... или доконать этимъ своимъ презрѣніемъ...

Слушатели его невольно переглянулись еще разъ. Какое-то болѣзненное ощущеніе сказалось на лицѣ Факирскаго: онъ понялъ, что рѣчь шла теперь о какой-то „семейной драмѣ“, и что, „какова бы она ни была“, и кто бы ни былъ самъ этотъ „молодой человѣкъ“, онъ поступаетъ „неблагородно“, намекая на нее при людяхъ постороннихъ.

— Изъ вашихъ словъ, холоднымъ тономъ сказалъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, — слѣдуетъ, кажется, заключить, что мотивъ, побудившій васъ нанести увѣчье посреднику Троекурову, есть просто чувство личной мести?...

Иринархъ быстро вскинулъ на него глаза:

— Ну-съ, это бабушка на двое сказала... Во-первыхъ-съ, я былъ на это вызванъ, коли ужь дѣло идетъ о „чувствахъ“, хотя бы уже просто чувствомъ самозащиты. Претъ на тебя прямо человѣкъ съ очевиднымъ намѣреніемъ насилія, тутъ ужь инстинктъ самый... Онъ не договорилъ и покраснѣлъ, мгновенно вспомнивъ встрѣчу свою утромъ съ Троекуровымъ, гдѣ „инстинктъ“ его сказался въ томъ, что онъ выронилъ палку изъ рукъ и закрылъ лишь ими свое исполосанное лицо... — Наконецъ тутъ могли дѣйствовать и другіе мотивы, уронилъ онъ съ губъ, злобно скривившихся опять отъ этого воспоминанія.

— Дѣйствительно, такъ же холодно сказалъ исправникъ,—

крестьяне показываютъ, что вы возбуждали ихъ противъ посредника и вообще помѣщиковъ, говорили имъ, что вся земля должна имъ принадлежать...

— Ну-съ, а вы-то какъ же? перебилъ его рѣзко арестантъ, подымая вилку вверхъ и покачиваясь на своемъ стулѣ, — вотъ, вы говорите, студентъ были, человѣкъ развитой, какъ же сами-то вы полагаете, кому должна принадлежать земля: тѣмъ-ли, кто обработываетъ ее и обливаетъ своимъ потомъ, или всякимъ родовитымъ тунеядцамъ-собственникамъ, эксплуататорамъ народа?

Факирскаго огорошилъ этотъ нежданный, поставленный ему ребромъ вопросъ. Отвѣтить на него утвердительно значило отрицаться ему ото всѣхъ тѣхъ идеаловъ будущаго „человѣческаго братства“, которымъ онъ оставался вѣренъ мечтательною мыслью съ университетской скамьи... Онъ, не находя отвѣта, только отвернулся и неопредѣленно пожалъ плечами.

Подполковника Блинова вопросъ будто испугалъ даже. Онъ почелъ необходимымъ какъ можно скорѣе заявить, что по отношенію къ нему лично не можетъ даже существовать никакого подобнаго вопроса:

— Въ самомъ принципѣ собственности лежитъ величайшее беззаконіе, произнесъ онъ съ высокомѣрною улыбкой, какъ бы уже по адресу кого-то воображаемаго, не раздѣляющаго съ нимъ такого убѣжденія, — это давно и неотразимо доказано Прудономъ и обратилось въ настоящую минуту въ аксіому соціологической науки. Дѣло заключается, по-моему, лишь въ большей или меньшей степени примѣнимости въ данную минуту новыхъ, реальныхъ началъ къ практикѣ жизни человѣческихъ обществъ, воспитанныхъ на вѣковой рутинѣ, унаслѣдованной отъ произвольныхъ воззрѣній римскаго права на владѣніе землей. Вѣдь съ этимъ все-таки приходится пока считаться...

— Да-съ, не давая ему продолжать, возразилъ Овцынъ,— какъ если самъ въ себѣ силишки не чувствуешь, такъ тутъ и начнешь гадать, какъ старая баба на картахъ: выйдетъ, не выйдетъ... Вы, видно, и Добролюбова-то никогда порядочно не читали? уже совсѣмъ презрительно уронилъ онъ.

— Я-съ? Я-съ не читалъ Добролюбова? въ силахъ, былъ только пропустить Блиновъ сквозь горло, задыхаясь отъ негодованія за такую обиду.

— А читали, хладнокровно вымолвилъ Иринархъ,— такъ вамъ тамъ напередъ и отвѣтъ написанъ.

— Какой отвѣтъ такой?...

— Очень простой: „Если, говоритъ онъ, общественныя отношенія не удовлетворяютъ стремленіямъ, *сознаваемымъ вами*“, подчеркнулъ Овцынъ,—„то, кажется, ясно, что требуется *коренное* измѣненіе этихъ отношеній. *Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть.* Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, право вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровавой враждѣ съ общественною неправдой“... Замѣтьте-съ, *кровавой!* мрачно повторилъ Овцынъ, подымая палецъ къ верху.—„И тогда, и *только тогда*“, прибавляетъ къ этому геніальный критикъ, „*можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ!*“...

Блиновъ опустилъ глаза; онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ: онъ проглядѣлъ или не помнилъ это мѣста у „геніальнаго критика“. *Такое* мѣсто!...

— Я это помню, вмѣшался въ разговоръ Факирскій, — но, при всемъ моемъ уваженіи къ цитуемому вами публицисту, я съ нимъ въ этомъ далеко не могу согласиться и имѣю въ этомъ случаѣ за себя исторію. Не „враждою и кровью“, а любовью и мирною проповѣдью восторжествовало Евангеліе надъ языческимъ міромъ.

— Ну-съ, а Коранъ-то какъ? Мечемъ и огнемъ! воскликнулъ мгновенно встрепенувшись Блиновъ, замѣтно ища въ выраженіи лица Овцына одобренія этому своему возраженію;— на исторію не ссылайтесь, Семенъ Петровичъ, осѣчку дадите!

Арестантъ повернулъ голову въ сторону исправника и снисходительно улыбнулся:

— Вы, я вижу-съ, все еще Жоржъ-Сандовскими идилліями изволите проклажаться? Meunier d'Angibaut и прочая...

Факирскій почувствовалъ себя въ свою очередь уколотымъ такимъ намекомъ на его отсталость:

— Къ чему тутъ Жоржъ-Сандъ, хмурясь возразилъ онъ,— возьмите хоть Базарова *Отцевъ и дѣтей:* онъ презираетъ старый порядокъ, да и протестуетъ противъ него всѣмъ складомъ мысли своей и дѣятельности. Это тоже проповѣдь, но „кроваваго“ я въ ней ничего не вижу.

— Ну что вашъ Базаровъ! Кисляй! отрѣзалъ Овцынъ.

— Базаровъ-съ! съ нѣкоторымъ даже ужасомъ воскликнули на это оба его собесѣдника.

— Извѣстно, постепеновѣцъ! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ... А время терять нечего, намъ не Базаровы нужны-съ теперь, а Инсаровы, понимаете, русскіе Инсаровы, люди, которые, кромѣ своей прямой задачи, ничего бы не видѣли и не допускали, безтрепетные люди, способные скинуть съ себя послѣднюю гниль старыхъ понятій, все то, говорилъ, окончательно расходившись Иринархъ, сверкая глазами,—все то, что тупое большинство называетъ „добромъ“, „справедливостью“, „культурой“, „свободой“ и такъ далѣе, всѣ эти давно отжившія бредни въ родѣ „чести“, „самолюбія“, „вѣжливости“, „состраданія“, „благодарности“, „великодушія“ (онъ захлебывался отъ словъ, притекавшихъ къ нему на языкъ.),— и знали бы только одно, что старый міръ весь безъ остатка подлежитъ ломкѣ и, не щадя ни своей, ни чужой жизни, шли бы на эту ломку, пуская для этого въ ходъ всѣ зависящія отъ нихъ средства... И народились уже эти люди, и уже дѣйствуютъ-съ, дѣлаютъ свое дѣло, и наступленіе *настоящаго* дня въ Россіи совсѣмъ не такъ неизмѣримо далеко, какъ вы, какъ вообще у насъ привыкли думать... Зарубите себѣ это на носу, господа! нахально и съ мрачно насупившимися бровями заключилъ Иринархъ и, взявъ тутъ же со стола лежавшій на немъ портсигаръ исправника, вынулъ изъ него папироску и закурилъ спичкой, шаркнувъ ее о салфетку.

Подполковникъ Блиновъ, не отрываясь и съ тайною завистью, глядѣлъ на него. „Вотъ она гдѣ, сила-то, вотъ они *настоящіе!*“ говорилъ онъ мысленно... Проговоренныя сейчасъ слова были ему не новы; слова эти печатно, съ дозво-

ленія цензуры, расходились въ тѣ дни по всей Россіи. Болѣе того, онъ зналъ лично тѣхъ, кѣмъ и у кого сочинялись они. Но только теперь получали они для него дѣйствительное значеніе. Изъ области кабинетныхъ теорій они перешли уже въ живое дѣло, чуялъ онъ,—„и изъ-за такого дѣла человѣкъ рискуетъ каторгой, и не думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о ней, и громогласно заявляетъ объ убѣжденіяхъ, которыя ведутъ его къ ней, и глубоко вѣритъ въ ихъ торжество... Да-съ, вотъ это сила, вотъ это дѣйствительно все перевернетъ!“ повторялъ онъ, сознавая внутренно себя самого „реально“ ничтожнымъ предъ этою дѣйствительно „реальною силой“...

Факирскій глубоко задумался... Онъ себя издавна почиталъ въ душѣ „соціалистомъ“; онъ питалъ благоговѣніе къ „Петрашевцамъ“ и въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ въ особый, тщательно припрятываемый, альбомъ портреты ихъ въ копіяхъ, которыя перерисовывалъ собственноручно, какъ только представлялся ему на это случай... Но никогда, никогда ни *они*, ни Бѣлинскій—вспомнилъ онъ „учителя“,—не согласились бы на „пропаганду мечемъ и огнемъ“, какъ выражается „этотъ полковникъ, цитующій и Прудона, и Коранъ, и которому нужна была угроза посредника, чтобы заставить его уступить сотню рублей на пользу не знающимъ „гдѣ тяпнуть“ крестьянамъ“...

— Вы знаете ***? спрашивалъ между тѣмъ хозяинъ арестанта, называя по имени и отчеству одного весьма извѣстнаго тогда сотрудника „толстаго“ петербургскаго журнала, пользовавшагося наибольшимъ распространеніемъ въ Россіи той эпохи.

Тотъ только плечомъ дернулъ, словно говоря: „еще спрашиваетъ“!

— А вы? сказалъ онъ.

— Знаю-съ. Онъ очень близокъ съ товарищемъ моимъ по заведенію, полковникомъ Окончиковымъ. *Сборникъ* вмѣстѣ издавали...

— Знаю-съ, протянулъ въ свою очередь Овцынъ и значительно улыбнулся, — *** въ крѣпости, какъ вамъ вѣроятно извѣстно.

— Д-да, вздохнулъ Блиновъ и развелъ руками;—такой человѣкъ, вождь, который такъ много могъ бы еще сказать!... И если вдругъ его въ Сибирь...

— Ничего-съ, вызволимъ! не давъ ему договорить, отрѣзалъ Иринархъ, — и полѣзъ за новымъ куревомъ въ портсигаръ исправника.

Трапеза давно кончилась; стемнѣло, и деньщикъ хозяина, старый, обросшій до глазъ волосами служивый, сердито каждый разъ оглядывая на-ходу спину „жулика“, сидѣвшаго за однимъ столомъ съ „господами“, убралъ посуду, принесъ двѣ зажженныя свѣчи въ старинныхъ высокихъ шандалахъ и замѣнилъ, по приказанію барина, выпитую бутылку вина бутылкой старой вишневки изъ, оставленнаго старикомъ Блиновымъ своему наслѣднику довольно порядочнаго погреба. Вишневка оказалась отличною; деньщикъ отосланъ былъ снова изъ комнаты, и разговоръ завязался опять.

Онъ перешелъ теперь на почву общихъ разсужденій, — столь любезныхъ вообще безпочвенной натурѣ такъ называемаго русскаго „интеллигента“.

Не обойденъ былъ ни одинъ изъ тѣхъ трескучихъ „вопросовъ“, о которыхъ въ тѣ дни бряцала во всѣ кимвалы свои русская журналистика... Ученый офицеръ-„академистъ“ и невѣдомый ему, но все болѣе становившійся для него „интереснымъ“ молодой человѣкъ оказались по большинству этихъ вопросовъ вполнѣ единомышленными „въ принципѣ“, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. О „теософической задачѣ“ *), о „почтенномъ тезисѣ“ (подъ этими выраженіями на языкѣ „новаго слова“ разумѣлось бытіе Бога и вѣра въ него,) упомянуто было лишь вскользь, такъ какъ объ этомъ и въ самомъ дѣлѣ стоило-ли много говорить! Подполковникъ Блиновъ вспомянулъ только кстати о „замѣчательномъ своею

*) Читателей, мало знакомыхъ съ публицистическою литературой тѣхъ годовъ, къ которымъ относится настоящій разсказъ, авторъ считаетъ нужнымъ предварить, что всѣ отмѣченныя въ настоящей главѣ вносными знаками выраженія и *положенія* съ буквальною точностью воспроизведены изъ подлинниковъ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, Соколова, Зайцева и др.

ограниченностью Вольтерѣ", вѣрившемъ въ этотъ „тезисъ"; а Иринархъ Овцынъ, комически воздѣвъ очи къ небу, возгласилъ: „Аллахъ есть Аллахъ, — какъ трогательно и похвально!"... Болѣе времени заняло разсужденіе о „добрѣ и злѣ" вообще и о „реальномъ" разумѣніи этихъ понятій. Вспомнили при этомъ остроумное опредѣленіе одного изъ апостоловъ ученія, разсуждавшаго такъ: „когда, говоритъ дикарь, я ворую жену у другихъ людей, — это добро, а когда у меня воруютъ,— это зло", — и признали совершенно правильнымъ выводимое изъ этого апостоломъ заключеніе, что „такого основнаго принципа долженъ держаться и *послѣдовательный* реалистъ". При этомъ рѣшено было, „что дѣйствія человѣка зависятъ единственно отъ его органическихъ условій и отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, по которымъ человѣкъ поступаетъ *непремѣнно* такъ, а не иначе". А слѣдовательно, торжественно выводилъ Овцынъ, — если человѣкъ поступалъ такъ потому, что не могъ поступать иначе, въ чемъ же его вина, гдѣ *преступленіе?*

— Еще бы, еще бы! продолжалъ далѣе выводъ его собесѣдникъ, захлебываясь отъ соревнованія, которое возбуждалъ въ немъ сильный полетъ мысли „молодаго человѣка":— *преступленія* вообще нѣтъ, а изъ этого совершенно уже очевидно, что и „всякій вообще судъ нелѣпъ!"...

— Само собой! апробовалъ Иринархъ.

Коснулись кстати и *воспитанія*, и положили, что „новымъ людямъ" необходимо „*поймать таракана*", то-есть овладѣть во что бы ни стало школой, „чтобы упрочить окончательно господство реальныхъ идей надъ обществомъ". Подполковникъ Блиновъ началъ было по этому поводу развивать свою программу „новой" школы, которую полагалъ устроить „по типу артельной мастерской, на началѣ самоуправленія со своею собственною юрисдикціей", но Овцынъ обозвалъ почему-то это „ерундой", и хотя со своей стороны не предъявилъ другой программы, но Блиновъ какъ-то самъ вдругъ сознался мысленно, что говорилъ дѣйствительно „ерунду", и тотчасъ же перешелъ на критику существующей школы, „основанной на началѣ слѣпаго авторитета, способнаго убить дѣя-

тельную силу въ самыхъ энергическихъ и гордыхъ натурахъ".

Иринархъ тутъ даже привскочилъ и замахалъ руками:

— Да-съ, то, что̀ преподается теперь тамъ, „одна профанація и проституція мысли"... Какой-нибудь „пошлякъ и мерзавецъ Цицеронъ", „блюдолизъ Гете" или нашъ „*маленькій* и *миленькій* господинъ Пушкинъ, *эта колоссальная неразвитость*",— вотъ „какими элукубраціями притупляютъ въ нынѣшней школѣ здоровый умъ юношества и усыпляютъ его человѣческое чувство"...

Московскій студентъ „Строгановскихъ временъ" неудержимо проснулся въ безмолвно и угрюмо внимавшемъ до тѣхъ поръ этому пренію исправникѣ. Онъ вскочилъ съ мѣста съ задрожавшими губами:

— Послушайте, господа, вѣдь всему же есть мѣра наконецъ! Пушкинъ, Пушкинъ—„колоссальная неразвитость"!... И голосъ замеръ у него въ горлѣ.

— Приговоръ ему вѣдь уже окончательно произнесенъ въ нашей литературѣ, что̀ же дѣлать, Семенъ Петровичъ! съ жалостивымъ снисхожденіемъ во взглядѣ, въ тонѣ голоса, обернулся къ нему хозяинъ,— безаппелляціонный приговоръ. Вы помните конечно? *).

Факирскій махнулъ рукой, круто повернулъ на каблукахъ и судорожно заходилъ вдоль и поперекъ комнаты.

А тѣ между тѣмъ перескочили быстрымъ махомъ отъ воспитанія и „миленькаго" Пушкина къ „женскому вопросу"... У обоихъ у нихъ даже глаза засверкали замѣтно ярче прежняго. Это былъ дѣйствительно вопросъ изъ вопросовъ, овладѣть окончательно которымъ для каждаго „настоящаго реалиста" представлялось даже гораздо важнѣе, чѣмъ „поймать

*) „*Легкомысленный вересификаторъ*, опутанный мелкими предразсудками, такъ-называемый великій поэтъ совершенно неспособенъ анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка и до того зарапортовался, что признаетъ „пружину чести". Хорошъ мущина, хорошъ общественный дѣятель!... Произведенія Пушкина оказываются *вѣрнѣйшимъ средствомъ притупить здоровый умъ и усыпить человѣческое чувство*. Воспитывать молодыхъ людей на Пушкинѣ значитъ готовить изъ нихъ трутней и сибаритовъ; у него колоссальная неразвитость" (Писаревъ).

таракана"—школу. Петербургскіе авторитеты „новаго слова" лихорадочно указывали на него своимъ адептамъ, какъ на главнѣйшую задачу, къ которой должны были они направлять свои усилія. Къ женщинамъ, предписывалось на страницахъ „прогрессивныхъ" журналовъ, долженъ быть непремѣнно приставленъ *развиватель*" („освободитель"-тожь). Для бо́льшаго успѣха развиванія собственно дѣвицъ „лучше всего *овдовѣть* имъ съ однимъ изъ пропагандистовъ женскихъ душъ", указывалъ самъ „*геніальный*" Добролюбовъ... Подполковникъ Блиновъ со своими глазами на выкатъ и богатырскими плечами имѣлъ полное основаніе почитать себя однимъ изъ удачливѣйшихъ такихъ „развивателей". Онъ могъ съ гордостью сосчитать уже не менѣе полудюжины требуемыхъ „женскихъ душъ", успѣвшихъ „провдовѣть" съ нимъ по всѣмъ правиламъ „новаго ученія". Иринархъ Овцынъ тотчасъ же инстинктивно почуялъ его превосходство надъ нимъ съ этой стороны и внутренно озлился!... Въ тонѣ, съ которымъ каждый изъ нихъ говорилъ теперь о предметѣ, чувствовались все сильнѣе диссонирующія ноты. Конечно, какъ и по предыдущимъ „вопросамъ", они не расходились „въ принципѣ" и отправлялись оба равно отъ извѣстнаго, „неоспоримаго" положенія, что „слѣдуетъ *измѣнить пошлый языкъ искусственной морали*, не считать паденіемъ, если женщина предается полному наслажденію любовью,"—и что „*бракъ*"—*вотъ дѣйствительное паденіе*, вотъ потеря нравственной чистоты и силы". Но затѣмъ являлись подробности, изъ этого положенія истекающія и требовавшія разрѣшенія, какъ-то, напримѣръ: слѣдуетъ-ли или нѣтъ „*регулировать* отношенія лицъ заключающихъ союзы на началѣ свободнаго выбора; имѣетъ-ли право та или другая изъ соединившихся на этомъ свободномъ основаніи сторонъ требовать себѣ отъ другой исключительной вѣрности"; можетъ-ли быть „вообще допущено *сознательнымъ реалистомъ* чувство ревности", и т. д., и т. д... Блиновъ относился ко всему этому съ какою-то пренебрежительною толерантностью, не допускалъ „лично" ни вѣрности, ни ревности, но и не отвергалъ „абсолютно" ихъ raison d'être, а доказывалъ, что отношенія половъ не терпятъ вообще ни регулированія, ни

контроля и должны быть вполнѣ предоставлены самой жизни, „съ ея законными непослѣдовательностями и уклоненіями отъ теоріи, какъ бы и ни правильна была сія послѣдня“. Говорилъ очевидно человѣкъ, равнодушный къ тому, какъ поставлено будетъ дѣло, такъ какъ по сущности его онъ при какой угодно постановкѣ увѣренъ въ ожидавшемъ его лично успѣхѣ. „Фатовство“ это какъ ножомъ рѣзало Иринарха при сознаніи имъ того страшнаго фіаско, которое самому ему пришлость потерпѣть въ попыткахъ „развиванія“ княжны Киры Кубенской. Онъ вдругъ желчно и рѣзко выступилъ противъ „верхоглядства“, обнаруживающагося, говорилъ онъ, въ словахъ его собесѣдника, и обозвалъ ихъ даже *гусарскимъ балагурствомъ*, непристойнымъ въ серьезныхъ дебатахъ. Блиновъ попробовалъ было возразить, но безпощадный оппонентъ такъ и срѣзалъ его, объявивъ, что онъ, Блиновъ, обращаетъ „ученіе реалистовъ“ въ проповѣдь обыкновеннаго „буржуазнаго разврата“, что ни въ какомъ случаѣ терпимо быть не можетъ, что, провозглашая „принципъ свободной любви“, реалисты не имѣли только въ виду возвратить „естественнымъ отношеніямъ половъ“ принадлежащую имъ по праву „функцію“ въ человѣческомъ обществѣ, но еще, и это главное, стремились послужить этимъ перевоспитанію самого общества на новыхъ реальныхъ началахъ...

— А знаете-ли вы-съ, шипѣлъ, кривя губы, Иринархъ,— что перевоспитаніе это должно прежде всего состоять въ полномъ и слѣпомъ подчиненіи высшимъ цѣлямъ „реальной истины“. Вы говорите о „законныхъ“ якобы „непослѣдовательностяхъ и уклоненіяхъ отъ теоріи“. Этого допустить нельзя-съ. Каждый, вступающій сознательно въ среду „реалистовъ“, къ тому или къ другому полу онъ принадлежитъ— все равно, долженъ заранѣе отказаться отъ своей субъективной воли и быть готовымъ безпрекословно и во всякое время пожертвовать своею личною склонностью, если того потребуютъ эти высшія цѣли. Поняли теперь-съ?

Это было ново даже для такого „прогрессиста“, какъ подполковникъ Блиновъ. Онъ пытался отозваться на это шуткой:

— Я, значитъ, напримѣръ, сошелся съ женщиной и вдругъ

мнѣ съ бухта-барахта скажутъ: „кинь ее!“ На что и кому можетъ быть это нужно?

— На что-съ? повторилъ съ злобнымъ блескомъ въ глазахъ Овцынъ: — а вообразите себѣ, что для торжества, или даже просто для пользы новыхъ идей нужно, напримѣръ, привлечь какое-нибудь очень вліятельное лицо, и это лицо можно подкупить только женщиною, а эта женщина та именно, съ которою вы сошлись. Слѣдуетъ-ли, или нѣтъ вамъ отказаться отъ вашей склонности къ ней, а ей оставить васъ и перейти къ тому вліятельному лицу, если только оба вы сознательные и послѣдовательные реалисты? Развѣ въ такомъ случаѣ это не прямой долгъ вашъ и ея?.. Позвольте, воскликнулъ онъ, останавливая жестомъ чаемое возраженіе,—вы поймите, что вѣдь это не тотъ „внѣшній, невѣдомо кѣмъ установленный принципъ долга и нравственности“, въ силу котораго какая-нибудь „тупица со звонкою пустотой черепа“, въ родѣ Татьяны господина Пушкина, жертвуетъ своимъ естественнымъ влеченіемъ ветхозавѣтной идеѣ „семейнаго курятника“, а *долгъ гражданскій*, единственный, который способенъ и долженъ признавать „настоящій реалистъ“.

Онъ смолкъ—и невольно подался тѣломъ назадъ...

— Это-съ... неожиданно, подскочивъ къ столу, за которымъ, не подымаясь съ обѣда, разсуждали наши собесѣдники, воскликнулъ Факирскій съ поблѣднѣвшимъ лицомъ,—это гнусная тираннія, и мерзость худшая изо всѣхъ!..

— А хотя бы и тираннія-съ! возразилъ Иринархъ, оправившись отъ перваго невольнаго чувства смущенія; — или вы полагаете, что для водворенія „реальной истины“ въ общественномъ устройствѣ намъ нужны западныя „говорильни“ *).

*) „Представьте себѣ смиренную корову, украшенную хорошимъ кавалерійскимъ сѣдломъ. Представьте себѣ, что она подражаетъ манерамъ кровнаго англійскаго скакуна, раздуваетъ ноздри, подымаетъ хвостъ коломъ и пробуетъ пуститься съ правой ноги галопомъ,—и вы получите нѣкоторое слабое понятіе о томъ неистощимомъ комизмѣ, которымъ переполнены всѣ слова, движенія и поступки добродѣтельнаго русскаго либерала, мечтающаго о европейской говорильнѣ“ (Писаревъ). „Немного теперь найдется такихъ ограниченныхъ людей, чтобы не только считать идеаломъ „великую“ англійскую конституцію и „славныя“ вольности, но даже чтобы не видѣть всѣхъ гнустностей, скрывающихся за ними“ (Зайцевъ).

Факирскій не отвѣтилъ и машинально повернулъ голову въ сторону входныхъ дверей, за которыми въ передней послышались въ эту минуту чьи-то тяжелые шаги.

— Кто тамъ? крикнулъ громко со своей стороны хозяинъ.

Дверь полуоткрылась и въ отверстіе просунулось бородатое лицо сотскаго.

— Что тебѣ нужно?

— Ничего-съ... Зашелъ вотъ насчетъ... *ихъ*, пробормоталъ сконфуженно тотъ, останавливаясь взглядомъ на арестантѣ, долгимъ отсутствіемъ котораго изъ-подъ его стражи онъ видимо обезпокоился, и котораго заставалъ теперь съ „цыгаркой“ въ зубахъ, развалившагося предъ „начальствомъ“; — какъ, значитъ, поздно, такъ гдѣ прикажете...

— Хорошо, тебѣ скажутъ... Погоди тамъ! не далъ ему кончить Блиновъ.

Мужикъ скрылся. „Господа“ молча переглянулись всѣ трое,—и тутъ же опустили вѣки.

Этотъ мужичій голосъ возвращалъ ихъ всѣхъ къ сознанію дѣйствительнаго положенія вещей.

Лицо Иринарха судорожно повело. Исправникъ поспѣшно вытащилъ часы изъ-подъ борта своего форменнаго сюртука и такъ и погрузился широко раскрывшимися глазами въ циферблатъ: стрѣлки заходили за полночь. Блиновъ, набравъ усиленно дыма изъ папироски, выпускалъ его изъ-подъ усовъ тонкою, длинною струйкой, какъ бы сосредоточившись весь на этомъ занятіи. Никто словно не рѣшался заговорить первый.

— Въ узилище ввергнуть меня опять отъявился? началъ наконецъ Иринархъ, насилуя себя снова на дерзконасмѣшливый тонъ, и, глядя въ то же время на исправника тревожно забѣгавшими глазами, кивнулъ затылкомъ на двери, за которыми скрылся сотскій.

— Что же-съ, время уже позднее... заговорилъ было Факирскій, морщась и видимо избѣгая этихъ допрашивавшихъ его глазъ.

— Семенъ Петровичъ, позвольте сюда на минуту!

И Блиновъ, захвативъ со стола шандалъ и указывая взгля-

домъ на сосѣднюю со столовой комнату, быстрымъ шагомъ направился къ ней.

Факирскій безотчетно послѣдовалъ за нимъ.

Они вошли въ бывшую гостиную старика Блинова, квадратную горницу, съ фамильными, какимъ-то богомазомъ писанными, портретами и дряхлою мебелью изъ корельской березы.

Хозяинъ, уведя гостя въ дальній уголъ, пригласилъ его жестомъ присѣсть и, поставивъ шандалъ на близь стоявшій столъ:

— Какъ вы думаете быть съ *нимъ?* шопотомъ спросилъ онъ.

— Какъ? озадаченно повторилъ исправникъ:—моя обязанность...

— Д-да... Завтра, значитъ, въ острогъ?

Факирскій безъ словъ приподнялъ только плечи.

— Послушайте, вскликнулъ вдругъ тотъ,—вѣдь это чортъ знаетъ что̀ однако!... Вы говорите „обязанность“... Я понимаю, вы занимаете казенную должность, получаете жалованье... Каждому буаръ-манже надо. Но вѣдь вы развитой человѣкъ, читали хорошія книги...

— Такъ что̀ же что читалъ? уныло поднимая глаза, промолвилъ исправникъ.

— А то-съ, что̀ вы знаете, какъ и я, что нельзя карать человѣка за убѣжденія...

Факирскій ёрзнулъ на стулѣ:

— Тутъ уже не убѣжденія, а фактъ... Вы сами знаете, что̀ произошло тамъ, на лугахъ...

— Знаю-съ, быстро возразилъ Блиновъ, спѣша воспользоваться доводомъ противника на пользу собственной своей аргументаціи,—и если сами вы ставите вопросъ на голую почву факта, такъ я позволю себѣ васъ спросить: кому будетъ отъ того легче, что этого молодого человѣка „ввергнутъ въ узилище“, какъ остроумно выражается онъ, засудятъ его, сошлютъ?.. Вѣдь одно изъ двухъ: или онъ будетъ подлежать отвѣтственности за возбужденіе крестьянъ противъ помѣщиковъ,—и тогда вамъ придется привлечь къ дѣлу и этихъ му-

жиковъ... съ которыми я только успѣлъ согласиться... а, слѣдовательно, ни отъ нихъ, ни отъ меня вамъ за это спасиба не будетъ. Или главный мотивъ долженъ состоять въ увѣчьи, понесенномъ отъ него Троекуровымъ: такъ вѣдь тутъ, протянулъ, значительно подмигивая, говорившій,—менѣе всего, кажется, будетъ вамъ благодаренъ тотъ, кто его понесъ... Мы не знаемъ, *кто* этотъ молодой человѣкъ, но какъ изъ его собственныхъ словъ, такъ и изъ страннаго умолчанія объ его имени со стороны Троекурова явно можно заключить то, что у нихъ есть какіе-то личные счеты... Двоюродный мой братъ Ашанинъ, котораго между прочимъ нѣтъ почему-то до сихъ поръ, примолвилъ онъ, вспомнивъ,—былъ не далѣе какъ вчера въ Троекуровскомъ Всесвятскомъ и разсказывалъ мнѣ, что тамъ находятся двѣ прелестныя дамы: сама жена Троекурова и двоюродная ея сестра, княжна какая-то... Вамъ, какъ юристу, извѣстна вѣроятно старая апоѳегма: „Ищите женщину!“ Одна изъ этихъ двухъ барынь, если не обѣ, держитъ ключъ этой загадки, не сомнѣваюсь, заключилъ, лукаво ухмыльнувшись, подполковникъ.

— У меня, сказалъ на это раздумчиво исправникъ,—есть показаніе одного крестьянина, бывшаго сегодня утромъ свидѣтелемъ, какъ Троекуровъ, встрѣтивъ *его* на дорогѣ съ Троженковымъ, заставилъ его выйти изъ экипажа и съѣздилъ тутъ же нагайкой по лицу... Вы замѣтили у него двѣ совсѣмъ еще свѣжія борозды?

— Вотъ оно что! Я все время глядѣлъ на эти рубцы и объяснялъ себѣ такъ, что онъ тамъ въ свалкѣ нарѣзался на что-нибудь... А это нашъ здѣшній лордъ собственными руками изволилъ... Что же это за феодализмъ, за плантаторство! восклицалъ Блиновъ, преувеличенно вскидывая плечами,—и, замѣтьте-съ, какая низость вмѣстѣ съ тѣмъ: насиліе надъ человѣкомъ, который, находясь, такъ сказать, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, не можетъ даже прибѣгнуть ни къ чьей защитѣ...

— Не нравится мнѣ этотъ господинъ, уронилъ какъ бы нехотя Факирскій, поведя головой по направленію столовой.

Блиновъ, все время стоявшій предъ нимъ, поспѣшно при-

тянулъ къ себѣ теперь ногой стулъ, опустился на него прямо противъ исправника и, притронувшись рукой къ его колѣну:

— Сила, почтеннѣйшій, сила! прошепталъ онъ вѣскимъ шопотомъ,—это одинъ изъ тѣхъ, кому принадлежитъ будущее, ближайшее будущее, я вамъ говорю! Вамъ, я понимаю, нѣсколько рѣзка можетъ казаться въ немъ эта... эта, такъ сказать, прямолинейность и смѣлость въ выводѣ идеи до самаго крайняго ея выраженія. Но что же дѣлать-съ! Нашъ подполковникъ развелъ широко руками и вздохнулъ вздохомъ, похожимъ на свистъ,—мы съ вами такъ прямолинейны быть не можемъ, мы люди связанные, носимъ оба царскую ливрею, принуждены постоянно къ поблажкамъ, къ уступкамъ безобразному порядку и предразсудкамъ существующаго строя общества. А они-съ, они порѣшили съ этимъ строемъ, они жертвуютъ собою на борьбу, на „кровавую“—вы слышали,—войну съ нимъ. Они, уже захлебывался Блиновъ,—они передовики, знаменосцы, миссіонеры, избранники, „соль земли-съ“!..

И онъ раскашлялся во всю грудь ото всего этого потока словъ, бѣшенымъ каскадомъ выливавшихся изъ нея.

Молча и печально внималъ имъ его собесѣдникъ. Нѣтъ, эти слова не убѣждали его, и вся его совѣсть, все, что состояло здороваго въ его разумѣ, протестовало теперь противъ нихъ. „Избранникъ“, „соль земли“,—этотъ нахалъ! „Сила“—эта дерзость мальчишескаго языка, эта проповѣдь варварскаго, *тупаго* разрушенія! Что же это за призраки, за ложь, за туманъ! Вся эта сила въ безсиліи тѣхъ, кто признаетъ ее, кто хочетъ признавать, кто юлитъ и раболѣпствуетъ предъ ней, какъ этотъ петербургскій военный академистъ... кто, какъ самъ онъ, Факирскій, лелѣялъ „мечтой“ торжество тѣхъ „идей“, которыхъ этотъ господинъ является теперь „крайнимъ выраженіемъ!“ Не самъ-ли онъ еще сегодня утромъ въ разговорѣ съ Ашанинымъ указывалъ на „идущую изъ Русскаго народа *силищу*“ въ лицѣ Базарова? Отчего же вдругъ теперь такое въ немъ сомнѣніе и отвращеніе къ ней? спрашивалъ онъ себя со внутреннею тоской... Онъ „непослѣдователенъ“, сознавался онъ; и ему становилось и жутко, и совѣстно, и

больно... Тотъ платоническій „соціализмъ“, которымъ тѣшилась смолоду его мысль,—кто же виноватъ, что онъ этого не допускалъ, не предвидѣлъ, не понялъ? — такъ вотъ *чѣмъ* долженъ онъ былъ разрѣшиться на русской, родной почвѣ, и чѣмъ звучитъ онъ въ устахъ этого „мальчишки, этого „нахала!“...

— Такъ какъ же вы полагаете, Семенъ Петровичъ? пробудилъ его отъ скорбнаго раздумья голосъ откашлявшагося наконецъ Блинова.

— Насчетъ чего? разсѣянно спросилъ онъ, подымая голову.

— Да насчетъ... нашего „молодаго человѣка?“ подчеркнулъ опять шопотомъ тотъ.

Исправникъ нахмурился.

— Могу вамъ повторить лишь то же, сухо проговорилъ онъ:—я долженъ исполнить свою обязанность.

— Это не современно, Семенъ Петровичъ! ухмыльнулся только на это ученый офицеръ.

— Почему „не современно?“ изумленно повторилъ Факирскій.

— Потому что это отжившія, не выдерживающія здравой критики понятія, а слѣдовательно, какъ прекрасно это замѣчено было въ одной статьѣ *Русскаго Слова*, „всякіе толки о нихъ суть праздной мысли раздраженіе“ *).

— Ну-съ, это какъ вамъ будетъ угодно! скалалъ подымаясь Факирскій...

Тотъ удержалъ его рукой:

— Это ваше послѣднее слово, значитъ? Вы человѣка хладнокровно, безчеловѣчно хотите подъ каторгу подвести изъ-за того въ сущности, что вамъ „не нравится“ то, что сами вы вызвали его высказать вамъ?

— Вы, не я, вызывали его на это! воскликнулъ, покраснѣвъ до ушей, молодой исправникъ.

---

*) „Никакое намѣреніе исполнять обязанности гражданина не выполнимо, потому что *никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ*, слѣдовательно всякіе толки о нихъ суть праздной мысли раздраженіе. *Убѣжденія, принципы, цивическая добродѣтель, все это нелѣпыя бредни*“ (Зайцевъ).

— Въ вашемъ присутствіи. Онъ будетъ имѣть полное право сказать, что мы съ вами устроили ему здѣсь полицейскую ловушку.

Факирскій опустился снова на стулъ:

— Что вы наконецъ отъ меня хотите? вскликнулъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Отпустите его!... Я вамъ уже говорилъ, никто не заинтересованъ въ его задержаніи... Онъ не останется въ вашемъ уѣздѣ, само собой...

— Не могу! уронилъ еле слышно исправникъ.

Блиновъ наклонился къ самому его уху:

— Такъ не мѣшайте ему уйти!

Тотъ растерянно только взглянулъ на него.

— Вы останетесь въ сторонѣ, я все беру на себя, торопливо объяснялъ Блиновъ;—велите сотскому отвести его опять въ кладовую, запереть и лечь у двери... Понимаете, у двери, а не съ нимъ въ кладовой... Да? утвердительно, не сомнѣваясь уже въ его согласіи, проговорилъ подполковникъ и кинулся съ мѣста въ столовую.

Факирскій махнулъ безпомощно рукой... „Вотъ оно, вотъ гдѣ сила ихъ!“ беззвучно лепетали его уста.

А Блиновъ между тѣмъ, подбѣжавъ къ сидѣвшему все на томъ же мѣстѣ Овцыну, который, видимо, возложивъ на него всѣ свои надежды, ждалъ его съ горящими тревогой глазами, быстро проговорилъ ему, направивъ въ свою очередь осторожный взглядъ на оставшуюся непритворенною дверь въ переднюю, гдѣ ожидалъ сотскій приказа „насчетъ арестанта“:

— Въ кладовой, въ хламѣ, найдете лѣстницу къ люку на чердакъ; тамъ слуховое окно на крышу; а оттуда по водосточной трубѣ сейчасъ же... Но уѣзжайте изъ этихъ мѣстъ, и вообще... осторожнѣй!...

— Миссія моя здѣсь кончена, я и такъ бы завтра удралъ, проговорилъ, пренебрежительно усмѣхнувшись, Иринархъ, обрѣтая за этими словами весь свой апломбъ.—А что трубы-то у васъ не проржавѣли?... А то вѣдь, пожалуй, свалишься, голову расши...

Онъ смолкъ на полусловѣ, замѣтивъ возвращающагося въ столовую исправника.

— Сотскій! быстро отходя отъ него, кликнулъ хозяинъ.

Деревенскій полиціантъ показался въ дверяхъ.

— Отведи арестанта на мѣсто! не глядя на него и покусывая себѣ губы до боли, сказалъ исправникъ. — И запри его накрѣпко! какимъ-то сдавленнымъ голосомъ добавилъ онъ чрезъ мигъ.

— Тамъ засовъ здоровый, не уйдетъ! игриво промолвилъ Блиновъ.—А ты спроси себѣ сѣна, да и уложись наружи у дверей, для предосторожности.

— Знамо, ваше благородіе, не убѣгъ чтобъ!... зѣвнулъ отвѣчая сотскій, давно уже умиравшій ото сна.

— Итакъ, честь имѣю кланяться, молвилъ Иринархъ, протягивая руку хозяину, и тутъ же, съ тою же пренебрежительною усмѣшкою, опустилъ ее, замѣтивъ смущеніе на лицѣ того и быстрый взглядъ, кинутый имъ въ объясненіе по адресу „мужика“.

И онъ вышелъ со своимъ приставникомъ.

Оставшись вдвоемъ съ гостемъ, хозяинъ обратился было къ нему съ какимъ-то шутливымъ замѣчаніемъ, но исправникъ, не отвѣчая на него, объяснилъ, что чувствуетъ себя очень усталымъ и проситъ указать комнату, начначенную ему для ночлега. Блиновъ съ шандаломъ въ рукѣ провелъ его туда. Они молча пожали руки другъ другу и простились... Но Факирскій очень долго не ложился на постланную ему на узкомъ старомъ диванѣ постель, и кружилъ по большой, мрачной, съ какимъ-то кислымъ запахомъ сырости и полыни комнатѣ, освѣщенной догоравшею свѣчей. Онъ чувствовалъ себя „скверно“, и губы его какъ бы механически повторяли опять: „да, онъ, я, всѣ... вотъ въ чемъ и откуда „сила“ *ихъ!*...

XIII.

Angst und Kummer, Reu' und Schmerz
Quälen dieses arme Herz.
Göthe. *Erwin und Elvire.*

Княжна Кира сидѣла у себя въ павильонѣ и, опершись блѣднымъ лбомъ на руку, внимательно читала надъ письменнымъ столомъ своимъ книгу, полученную ею въ даръ отъ католическаго прелата, женевскаго ея знакомца: *Le Christ devant le siècle* *), когда, съ разстроеннымъ лицомъ и запыхавшись отъ поспѣшной ходьбы, вошла къ ней Анфиса.

— Ваше сіятельство, начала она прерывающимся голосомъ, выраженіе котораго заставило княжну быстро и тревожно обернуть къ ней голову,— не потрудитесь-ли вы... Не знаю, какъ доложить Александрѣ Павловнѣ... чтобъ не испугать ихъ очень. Борисъ Васильичъ...

— Съ нимъ... несчастіе? прервала ее, вся замертвѣвъ, княжна, вскидываясь съ мѣста,—и тутъ же упираясь обѣими руками обо столъ: у нея подкашивались ноги.

— Дастъ Богъ, ничего-съ, поспѣшила успокоительно проговорить синеглазая женщина,— а только нога у нихъ перешиблена...

— Сломалъ?... Съ лошади?...

— Нѣтъ-съ... въ лугахъ тамъ бунтовать что-ли народъ вздумалъ, такъ Борисъ Васильичъ усмирять ихъ начали, а... переодѣтый тутъ, говорятъ, какой-то (Анфиса запнулась,)— дубиной въ нихъ шваркнулъ...

---

*) Сочиненіе научно-религіознаго содержанія, пользующееся большою извѣстностью въ католическомъ мірѣ.

Кира такъ и впилась въ нее глазами.

Анфиса поняла и—махнула рукой негодующимъ движеніемъ...

— Гдѣ же онъ... Борисъ Васильевичъ?

— Пріѣхали сейчасъ; приказали чернымъ дворомъ къ собственному ихъ крыльцу проѣхать, чтобъ Александра Павловна невзначай навстрѣчу имъ не вышли...

Но Кира уже не слушала: она неслась бѣгомъ чрезъ садъ на половину Троекурова.

Его только-что вынесли изъ коляски и усадили съ протянутою въ лубкѣ ногой на широкомъ диванѣ въ кабинетѣ. Камердинеръ его бережно и торопливо укладывалъ ему за спину подушки.

— Можно войти? послышался голосъ за дверью.

— Можно. Кто тамъ? спросилъ онъ, не узнавая ея въ первую минуту.

Глаза его блеснули, увидавъ Киру, встрѣтившись съ ея глазами, и тутъ же поникли. Ему стало вдругъ неловко, досадно на себя... на нее за эту тревогу, которую онъ прочелъ въ нихъ...

Она это отгадала въ свою очередь съ перваго взгляда, осилила восклицаніе, вырывавшееся у нея изъ груди:

— Саша еще ничего не знаетъ, проговорила она какъ могла спокойнѣе,— я хотѣла видѣть васъ прежде, чѣмъ сказать ей... Какъ вы себя чувствуете? Надо за докторомъ скорѣе въ городъ послать...

— Это безполезно, княжна, поспѣшно сказалъ онъ,—меня вправили совершенно удовлетворительно, ничего болѣе не нужно... Спасибо вамъ...

Ей вдругъ страшно захотѣлось заплакать... Но она еще разъ осилила себя.

— C'est affreux! пролепетала она по-французски, чтобы не быть понятою находившимся тутъ слугой.

— Ступай, спроси мнѣ чаю, отослалъ его Троекуровъ. И отвѣчая на ея слова:—Ce n'est que ridicule! возразилъ онъ, морщась. — Очень прошу васъ, княжна, предварите супругу мою, что трагическаго тутъ нѣтъ ничего.

— Скажите, вѣдь это *онъ?* молвила Кира зазвенѣвшимъ какъ натянутая струна голосомъ.

— Кто? спросилъ онъ, будто не понимая.

— Иринархъ... вы знаете...

— Почему вы думаете?

— Я знаю... чувствую. Онъ могъ васъ убить, и это изъ-за меня!...

И вдругъ неудержимо-безумно она пала на колѣни предъ нимъ, схватила его руку и прижалась къ ней лицомъ и устами...

— Кира!...

Слова замирали въ его горлѣ. Рука охватила ея голову, притягивая ее къ себѣ...

Она вдругъ вскочила, отбѣжала, блѣдная какъ смерть...

Съ порога раскрывшейся внезапно двери донесся до нея женскій голосъ, женскій крикъ.

Александра Павловна, зашедшая случайно въ гостиную за оставленнымъ ею тамъ какимъ-то рукодѣльемъ, встрѣтилась съ камердинеромъ мужа и узнала отъ него, что „баринъ пріѣхали“ и что „у нихъ зашиблена нога“. Она кинулась стремглавъ въ кабинетъ, вбѣжала, увидѣла его, его протянутую, уродливо толстую въ лубкѣ, голень, взвизгнула и, припавъ къ нему на диванъ, залилась дѣтскимъ, истерическимъ рыданіемъ...

Княжна повела растерянным взглядомъ на нее, на него и, словно ужаленная змѣей, вскинулась и бросилась вонъ изъ комнаты.

Два дня спустя пріѣхалъ къ Троекурову подполковникъ Блиновъ „благодарить и прощаться“. Онъ спѣшилъ теперь въ Петербургъ, гдѣ ему поручалась какая-то „важная работа“ въ военномъ министерствѣ, о чемъ онъ небрежно „кстати“ сообщилъ Борису Васильевичу... Тѣмъ же небрежнымъ тономъ передалъ онъ en passant и о томъ, что „арестованный въ Крусановскихъ лугахъ“ нашелъ возможность уйти изъ-подъ стражи и скрыться,—въ чемъ, впрочемъ, прибавлялъ онъ съ игривою усмѣшкой, онъ признаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ виноватымъ и

себя, Блинова, такъ какъ побѣгъ совершился у него изъ усадьбы, гдѣ арестанта посадили, по его указанію, на ночь въ пустую кладовую, не имѣвшую выхода, кромѣ двери, которая была зеперта желѣзнымъ засовомъ, и къ ней приставленъ былъ нарочито для наблюденія полицейскій сотскій. „Но онъ, само-собой, заснулъ и ничего не слышалъ; а тотъ между тѣмъ, благодаря лунному свѣту, отыскавъ въ кладовой, подъ валявшеюся тамъ всякою старою рухлядью, приставную лѣстницу, о существованіи которой я и не подозрѣвалъ“, молвилъ подполковникъ съ легкимъ вздохомъ и приподнялъ плечи, „къ люку на чердакъ, откуда вышелъ на крышу, а съ нея, какъ надо полагать, спустился внизъ по водосточной трубѣ... и бѣжалъ. Бѣдный нашъ исправникъ, прекрасный молодой человѣкъ, какъ вѣроятно изволили вы замѣтить, былъ приведенъ этимъ *акцидентомъ* въ совершеннѣйшее отчаяніе, — но я, каюсь, Борисъ Васильевичъ, успокоивалъ его тѣмъ, что лицо, которое болѣе всѣхъ въ правѣ сѣтовать на то, что такимъ образомъ можетъ остаться безнаказаннымъ злое дѣйствіе этого... буяна, то-есть именно вы, — что вы настолько, я убѣжденъ, великодушны, чтобы, такъ сказать, пренебречь этимъ“, поспѣшилъ все такъ же игриво, но съ замѣтною тревогой въ забѣгавшихъ глазахъ, заключить Блиновъ.

— Тутъ вопросъ, кажется, не въ моемъ великодушіи, а въ фактѣ, коротко отвѣтилъ ему на это Троекуровъ, съ холодною внимательностью глядя на него.

Ученый офицеръ смутился:

— Я совершенно съ вами согласенъ, пробормоталъ онъ,— но смѣю думать, Борисъ Васильевичъ, что вы со своей стороны не захотите повредить нашему молодому исправнику... за оплошность... въ которой и онъ, и я, повторяю, равно виноваты...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, медленно отчеканилъ Троекуровъ, не отрывая отъ него взгляда.

Блиновъ рѣшительно растерялся, но продолжать разговоръ на этотъ мотивъ не рѣшился, боясь скомпрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. Для него было совершенно ясно, что его собесѣдникъ не вѣрилъ „оплошности“

и угадывалъ не только истину, но и ту значительнѣйшую долю участія, которая въ настоящемъ случаѣ принадлежала ему, Блинову. Онъ возмущался противъ себя внутренно, но неудержимо опустилъ вѣки предъ этимъ пронзавшимъ его насквозь, „безпощаднымъ“ какимъ-то взглядомъ. „Богачъ, связи, желѣзный, видать, характеръ“, проносилось у него въ головѣ,—„захочетъ, навредитъ пожалуй такъ, что на всей карьерѣ отзовется“...

Раздражать такого человѣка не слѣдъ, вывелъ онъ логическое заключеніе изъ такихъ посылокъ и,—не пытаясь уже вывѣдать (къ чему его очень подмывало in foro interno въ эту минуту,): намѣренъ-ли „этотъ человѣкъ“ *вывести дѣйствительно исторію*, могущую навредить его, Блинова, карьерѣ, или, какъ говорилъ бѣжавшій арестантъ, слишкомъ онъ „презираетъ вся и все“, чтобы рѣшиться на это,—торопливо и еще разъ принимаясь за игривость, заговорилъ о другомъ:

— А двоюродный братецъ мой, Ашанинъ... Онъ имѣетъ, кажется, удовольствіе быть съ вами знакомымъ?...

— Да; онъ былъ у насъ на дняхъ и отсюда отправился къ вамъ, кажется...

— Точно такъ-съ, съ тѣмъ, чтобы прожить у меня съ недѣльку и потомъ уже вмѣстѣ ѣхать намъ въ Москву... А между тѣмъ исчезъ самымъ, можно сказать, неожиданнымъ манеромъ.

— Вотъ какъ! усмѣхнулся слегка Борисъ Васильевичъ.

Поощренный подполковникъ продолжалъ уже лукаво таинственнымъ шепоткомъ:

— И, какъ я подозрѣваю, изъ-за новаго амурнаго мотива. Въ нашемъ уѣздномъ городишкѣ проживаетъ въ эту минуту по какимъ-то дѣламъ одна прекрасная петербургская дама, княгиня Шастунова... Изволите вѣроятно знать?

Троекуровъ не отвѣчалъ.

Блиновъ заговорилъ опять, но уже нѣсколько заикаясь:

— Въ тотъ самый день, когда... приключился съ вами этотъ... несчастный случай, мы были съ нимъ у нея утромъ. Узнавъ тамъ отъ исправника о томъ... что происходитъ въ

Крусановскихъ кругахъ, я поскакалъ съ нимъ туда, а Ашанина оставилъ въ городѣ, съ тѣмъ, что онъ въ тотъ же вечеръ долженъ былъ вернуться ко мнѣ... Не тутъ-то было-съ: проказникъ ускакалъ въ Москву. Какъ, для чего? ничего не понимаю... Только сегодня-съ получаю вѣсть, что прелестная княгиня точно также укатила туда...

— Да-а? протянулъ Троекуровъ, замѣтно нахмурившись.

„Опять должно-быть въ просакъ попалъ!“ вскликнулъ мысленно нашъ подполковникъ, весь покраснѣвъ отъ досады и неодолимаго смущенія. „Чортъ ихъ дери, лучше убираться скорѣе!“

И черезъ пять минутъ онъ, съ фуражкой въ рукѣ, стоялъ предъ диваномъ увѣчнаго и расшаркивался, прощаясь съ нимъ, озабоченный теперь единственно тѣмъ, какъ бы покончить съ этимъ „опаснымъ“ и мудренымъ баричемъ“, и, отказавшись окончательно отъ надежды (съ нею онъ ѣхалъ къ нему,) увидать „его очаровательныхъ дамъ“, о которыхъ говорилъ Блинову Ашанинъ, и въ рукахъ которыхъ, какъ мы знаемъ, долженъ былъ, по его соображенію, „находиться ключъ всей тайны“...

Вечеромъ того же дня прискакалъ во Всесвятское Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, не велѣлъ докладывать о себѣ „барынямъ“ и прошелъ прямо на половину Бориса Васильевича, откуда только-что ушли онѣ въ столовую чай пить. Онъ былъ ужасно встревоженъ, зналъ ужь о побѣгѣ „мерзавца“, успѣлъ повидать исправника и задать ему „страшную распеканцію“ за „непозволительно-небрежное отношеніе къ службѣ“... „Самъ понимаетъ“, объяснялъ горячо старый морякъ: „опустилъ голову, стойтъ какъ листъ бумаги бѣлый; я, говоритъ, сегодня же подаю объ отчисленіи меня отъ должности“...—„Это само по себѣ, говорю, а молодца отыскать надо прежде; да успѣли ли вы личность его опредѣлить, что̀ за человѣкъ“.—„Паспортъ, говоритъ, у него, клинскій мѣщанинъ какой-то“... А я не вѣрю! Фальша, подложный видъ! Подвязанная борода,—это не мужицкое дѣло, это нѣчто иное... Вы какъ скажете, Борисъ Васильичъ? прервалъ онъ себя, лихорадочно допытывая его глазами.

— Ничего не скажу пока, не сейчасъ отвѣтилъ на это Троекуровъ,—и если не говорю вамъ, то, понимаете, должны быть у меня на это особыя причины. Повѣрьте мнѣ на слово, дорогой Павелъ Григорьевичъ, оставимъ это! Не настаивайте, чтобъ исправникъ отыскивалъ этого „мерзавца“. Онъ по всей вѣроятности теперь уже далеко, и тотъ потерялъ бы только напрасно время свое и труды. Главное, мы отъ него здѣсь избавились и, я полагаю, *навсегда*, подчеркнулъ онъ:—сочтемъ это за благо!

На лицѣ моряка выразилось величайшее изумленіе:

— Ну, на одно можете вы мнѣ отвѣтить: вы знаете, кто это такой?

— Можетъ быть...

— Что за притча! воскликнулъ Юшковъ и вдругъ ударилъ себя по лбу:

— Да! Ходятъ слухи какіе-то, будто вы этого самаго молодца отхлестали предъ тѣмъ нагайкой...

— Не знаю, пропустилъ сквозь зубы и прижмурясь Троекуровъ.

— Позвольте, позвольте! Утромъ, въ тотъ же день... вы ѣхали верхомъ... и встрѣтились съ Троженковымъ?...

— Павелъ Григорьевичъ, позвольте мнѣ вамъ не отвѣчать.

— Отчего же, вѣдь это...

Онъ оборвалъ и поблѣднѣлъ мгновенно.

— Троженковъ, промямлилъ онъ, перемѣняясь въ лицѣ,— у него жилъ студентъ одинъ... товарищъ Гриши; онъ видѣлся съ нимъ?... Это онъ, Борисъ Васильевичъ, онъ, прошу васъ сказать мнѣ!

Троекурова повело всего отъ этого мучительно зазвенѣвшаго теперь голоса:

— Ну, а если и онъ, такъ что-жь такое, съ чего же это вы, Павелъ Григорьевичъ?...

— Гриша, вы понимаете... Гриша! могъ только пролепетать тотъ.

— Ну да, понимаю, поспѣшилъ заговорить Троекуровъ:—

вамъ досадно... тяжело, что Гриша могъ знаться съ подобнымъ негодяемъ... Но вы сами знаете, что̀ значитъ товарищъ въ эти годы. Гриша съ нимъ видѣлся потому... потому уже просто, что не могъ же онъ запереть двери такому же, какъ онъ, знакомому ему студенту, пріѣхавшему къ нему... Но вѣдь между этимъ и тѣмъ... чего вы, кажется, боитесь, есть же еще огромное разстояніе.

Но Павелъ Григорьевичъ не слушалъ этихъ насилованныхъ оправданій сына:

— Его зовутъ Ѳедоровъ, говорилъ Гриша? спросилъ онъ коротко.

Борисъ Васильевичъ безъ словъ только посмотрѣлъ на него.

Старый морякъ понялъ; молніей блеснули глаза его изъ-подъ густаго кустарника бровей:

— Онъ солгалъ, значитъ! вырвалось у него угрожающимъ кликомъ,—солгалъ отцу?

Все тяжелѣе становилось положеніе Троекурова:

— Послушайте, другъ мой, пожалуйста не преувеличивайте... какъ преувеличиваетъ вѣроятно вашъ сынъ—быстро промолвилъ онъ, обрадовавшись пришедшему ему въ голову доводу,—то, что̀ представляется ему долгомъ его относительно того же товарища. Представьте себѣ, что тотъ разсказалъ ему какую-нибудь исторію, вслѣдствіе которой онъ обязанъ будтобы скрывать свою настоящую фамилію, и взялъ съ Гриши слово не открывать ея никому до поры до времени... Вы сами, на понятіяхъ строгой чести воспитанный человѣкъ, способны-ли были бы вы измѣнить этому слову, хотя бы для роднаго отца?

Этотъ, видимо натянутый, аргументъ поколебалъ тѣмъ не менѣе Павла Григорьевича; онъ самъ такъ радъ былъ бы обмануться въ своихъ предчувствіяхъ!...

— Вы полагаете это?... раздумчиво и тихо промолвилъ онъ, и складки на половину разошлись на его сморщенномъ лбу.—Да, Гриша честный малый... но этихъ-то и легче всего опутать, Борисъ Васильевичъ! скорбно вырвалось у него изъ

груди:—вы слышали въ послѣдній разъ, какую чушь онъ несъ о какомъ-то „буржуазномъ заѣданіи“, объ эксплуатаціи бѣднаго богатымъ, и такъ далѣе?

— Знаете что̀, сказалъ Троекуровъ,—пришлите его ко мнѣ на дняхъ. Онъ ко мнѣ расположенъ, и по годамъ ближе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ или къ дядѣ. Я потолкую съ нимъ и допытаюся, насколько тотъ негодяй могъ имѣть серьезно вредное вліяніе на него. А вы пока наблюдайте за нимъ издалека, не показывая ему и вида, что вы подозрѣваете его въ чемъ-нибудь. Въ противномъ случаѣ онъ съежится, уединяться станетъ, чуждаться васъ...

— Да, да, закивалъ одобрительно Юшковъ, — ужь это чего хуже!... Я не страшилищемъ, я... другомъ хотѣлъ ему быть всегда... И вдругъ какой-нибудь... Скверныя времена начинаются, Борисъ Васильичъ! воскликнулъ онъ, не договоривъ предыдущаго;—читаешь вотъ иной разъ, что̀ теперь въ журналахъ пишется, отвратительно! Проповѣдь какая-то безумная... Ну-съ, а теперь пойду къ вашимъ барынямъ чай пить съ ромомъ, заключилъ старый морякъ, съ видимымъ надъ собой усиліемъ переходя на веселый тонъ.

Послѣ чаю онъ тотчасъ уѣхалъ...

Жизнь во Всесвятскомъ приняла по наружности свое обычное, мирное теченіе... Но она была, увы, уже несомнѣнно возмущена внутри,—и это чувствовалось теперь каждымъ изъ трехъ участвовавшихъ въ ней лицъ. Словно какая-то зловѣщая птица пролетѣла между ними, задѣвъ каждаго изъ нихъ своимъ темнымъ крыломъ... Болѣе всѣхъ сказывалось это въ душевномъ сознаніи Александры Павловны Троекуровой,—и тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе способна она была дать себѣ отчетъ въ томъ чемъ-то неосязаемомъ, что̀ теперь какъ бы ходило кругомъ нея и ткало незримую сѣть на гибель ея, столь еще недавно безмятежнаго, безконечнаго, счастія. Мужъ былъ все также ласковъ, добръ, предупредителенъ къ ней,—но это было уже „не то, не то“, говорила она себѣ... даже не говорила, не рѣшилась себѣ сказать, но чуяла какимъ-то особымъ, глухо ноющимъ, какъ въ первыя минуты зубной боли, внутреннимъ нервомъ. Онъ также привѣтливо улыбался

и цѣловалъ ей руку, когда она входила въ его покой и припадала къ нему на диванъ, освѣдомляясь о „его ногѣ“,—но руку эту онъ не удерживалъ теперь подолгу въ своей, какъ бывало, но въ улыбкѣ его, но въ этомъ „все также миломъ“ морганіи его глазъ, направленныхъ на нее, недоставало того „незабвеннаго“, прежняго, выраженія нѣжной, „всю ее охватывавшей“ страсти... Къ тому же „эта тайна“, которую она угадывала, и которую „никто не хотѣлъ открыть ей“, относительно того, кто *дѣйствительно* тотъ „отвратительный человѣкъ, рѣшившійся нанести ударъ Борису!“ Она слышала отъ него, отъ мужа, что это былъ „дерзкій парень“, вздумавшій крикнуть крестьянамъ, что посредникъ ихъ обманываетъ, и что когда Троекуровъ кинулся схватить его, онъ пустилъ ему палку въ ноги,—„и все“. Но Александра Павловна въ тотъ же день узнала отъ няни, что это былъ „какой-то переодѣтый“ и что подвязанная борода его осталась въ рукахъ „конюшаго“ Скоробогатова,—и побѣжала снова къ мужу за новымъ объясненіемъ, но онъ „съ видимымъ нетерпѣніемъ и неохотой“ отвѣтилъ только: „можетъ быть, я не обратилъ вниманія“, и она болѣе не смѣла уже возобновлять съ нимъ рѣчи объ этомъ: такъ очевидно было для нея, что „это ему не пріятно“... А между тѣмъ для нея было ясно: „*если переодѣтый*,—значитъ, не *мужикъ*, значитъ, какой-то невѣдомый, опасный врагъ“... Узнавъ, что онъ „убѣжалъ“, она вся сомлѣла отъ ужаса: „онъ можетъ явиться опять, можетъ опять... Кто же этотъ врагъ, кто же онъ?“... И, что̀ хуже того, она догадывалась, имя его было извѣстно „Борису“... и не только ему, но и Кирѣ, но и ея собственной горничной Анфисѣ, женщинѣ, она знала, искренно преданной ей и которой она вполнѣ довѣряла. Она это прочла въ смущеніи, на мигъ пробѣжавшемъ по ихъ лицамъ, когда она въ первый разъ начала съ ними объ этомъ говорить, убѣдилась изъ того упорства, съ которымъ обѣ онѣ видимо отклоняли всякій дальнѣйшій разговоръ съ нею о предметѣ, такъ тревожно занимавшемъ ее. „Для чего-же скрываютъ отъ меня то, что̀ извѣстно всѣмъ другимъ?“ Десять разъ на день просился у нея этотъ вопросъ на языкъ, и готова она была, со стоявшимъ въ горлѣ рыда-

ніемъ, кинуть его прямо мужу, потребовать отъ него отвѣта, „рѣшительнаго“ отвѣта...

Но она, повторяемъ,—она не смѣла. Онъ и такъ, казалось ей, „не то не доволенъ, не то скучаетъ“ ею. Онъ не любитъ „постороннихъ разговоровъ, когда занятъ“. А занятъ онъ теперь весь день,—и все съ Кирой: она у него теперь „вмѣсто секретаря“... „Ахъ, эта Кира!“...

Ну да, Сашенька это знаетъ, *она* гораздо умнѣе, образованнѣе ея; „она все знаетъ“; она тамъ, въ Сибири, у отца, „пріучена всѣ дѣла вести“. А теперь письмоводитель Бориса Васильевича заболѣлъ, какъ нарочно, горячкой, и она, Кира, взялась исправлять его должность, распечатываетъ пакеты, и бумаги пишетъ, и „входящую какую-то ведетъ“... А вечеромъ газеты и журналы ему вслухъ читаетъ. *Онъ* теперь не можетъ обойтись безъ нея; онъ принужденъ день-деньской лежать съ протянутою ногой на своемъ диванѣ, а она распоряжается за него въ его кабинетѣ, какъ у себя въ комнатѣ: пишетъ за *его* столомъ, раскрываетъ *его* ящики, роется въ *его* бумагахъ... Конечно, сама она, Сашенька, всего этого не можетъ, да и некогда ей дѣлать: у нея двое дѣтей, она кормитъ, да и наконецъ весь домъ, „хозяйство“ на ея рукахъ... „А все же, все же это—ужасно!“...

Но княжна Кира со своей стороны не подавала ни малѣйшаго повода двоюродной сестрѣ своей къ ревности менѣе ребяческаго свойства (и та вполнѣ сознавала это въ спокойныя минуты, и мучилась этимъ сознаніемъ и, впадая въ другую крайность, относилась ко княжнѣ тогда съ преувеличенною, нѣсколько даже надоѣдливою, нѣжностію). Она дѣйствительно дѣлала у Троекурова „все это“, что̀ жена его почитала себя неспособною дѣлать: она была у него „за секретаря“, за лектрису... Но весь ея обликъ, весь ея обиходъ говорили въ то же время, что она исполняетъ все это единственно какъ долгъ, на который обязываютъ ее и родство, и немощность человѣка, подъ кровомъ котораго находила она пріютъ, и простое наконецъ желаніе какого-нибудь для себя занятія, дѣла... Тотъ „непостижимый“ (она это усиленно доказывала себѣ внутренно,) порывъ, кинувшій ее въ первую минуту къ его ногамъ, она

заставитъ *его* забыть его:—къ этому направлены были теперь вся мысль ея, вся ея воля. „Онъ и подумать не долженъ смѣть“... начинала и не договаривала она въ гордой душѣ своей... И тщетно допрашивали теперь блѣдные глаза ея досадливо и тревожно прижмуривавшіеся на нее глаза Троекурова; она даже не отворачивала ихъ, она глядѣла на него въ свою очередь, какъ бы спрашивая: „чего вамъ надо“? Она не искала, но и не избѣгала оставаться съ нимъ вдвоемъ: все равно, она была „увѣрена въ себѣ“. Вдвоемъ-ли, или при Сашенькѣ, — она одинаково умѣла отклонить всякій намекъ, всякій мотивъ къ разговору, чуждый дѣлу, которое „докладывала“, или прямому содержанію книги, которую читала она ему... „Вы чиновникъ, а не женщина, княжна!“ вырвалось у него неудержимо однажды подъ впечатлѣніемъ этой ея безучастности. Она не отвѣчала и только усмѣхнулась довольною, словно торжествующею улыбкой...

Онъ все это видѣлъ, замѣчалъ, — и недобрыя ощущенія вызвало это въ немъ. Старый человѣкъ пробуждался гдѣ-то въ его внутреннемъ *я*, съ былыми его привычками и жаждой борьбы и побѣды, съ грѣховностью и соблазнами прежнихъ, давно, казалось ему, отжитыхъ имъ помысловъ. Пригвожденный ко своему ложу, лишенный пространства, вольнаго воздуха, физическаго здороваго движенія, вся дѣятельность его разыгравшагося вновь воображенія сосредоточилась теперь на единственно доступномъ для него предметѣ развлеченія: на этомъ своеобразномъ женскомъ существѣ, съ ея *кровною* красотой и надменнымъ нравомъ, на „игрѣ“, которую, въ ея понятіяхъ, затѣяла она съ нимъ. „Она дразнитъ меня, вызываетъ на бой“, говорилъ онъ себѣ, покусывая задумчиво усы,— „ну, и посмотримъ!..“ Его иногда разбирала прямая злость противъ нея. „Такъ бы, кажется, схватилъ ее за руки, что кости захрустѣли бы и заставилъ бы тутъ же стать опять предъ собой на колѣни, какъ тогда!..“ А рядомъ съ этимъ онъ, какъ двадцатилѣтній юноша, упивался звукомъ ея голоса, безмолвнымъ глядѣніемъ на ея холодное, сосредоточенное, съ какимъ-то каждый разъ враждебнымъ къ нему выраженіемъ отрывавшееся отъ бумаги лицо,—и ничего прелестнѣе, думалъ

онъ, не зналъ онъ въ жизни этого лица и этого выраженія... „Ну, и посмотримъ!“ повторялъ онъ машинально внутри себя, — и какое-то жуткое, не то сладко-томительное, не то скребущее чувство охватывало все его существо.

Его начинала одолѣвать безсонница... Онъ не одинъ впрочемъ страдалъ ею. Тихій ангелъ сна и вовсе какъ бы отлетѣлъ отъ барскихъ покоевъ Всесвятскаго...

XIV.

'Tis melancholy, and a fearful sign
Of human frailty, folly, also crime
That love and marriage rarely can combine.
Byron. Don-Juan.

Другой... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
Евг. Онѣг. Глава третья.

— Борисъ, смотри, *кто* къ намъ пріѣхалъ, говорила Александра Павловна, входя часу въ одиннадцатомъ утра, послѣ завтрака, въ сопровожденіи гостя, въ кабинетъ мужа (нога его срослась и онъ уже ходилъ свободно).

— Сергѣй Михайловичъ! вскликнулъ онъ, болѣе учтиво впрочемъ, чѣмъ обрадованно, подымаясь съ дивана навстрѣчу входившему,—добро пожаловать! Откуда вы? Изъ города?

— Нѣтъ; я былъ въ деревнѣ, потомъ ѣздилъ дней на десять въ Москву повидаться съ Бековичемъ, отвѣтилъ Гундуровъ. И, поздоровавшись съ нимъ: — Здравствуйте, княжна, сказалъ онъ, оборачиваясь къ столу, за которымъ сидѣла Кира съ перомъ въ рукѣ, и протягивая ей руку. Троекурову показалось, что глаза его какъ-то особенно радостно загорѣлись при этомъ.

— Здравствуйте, очень рада васъ видѣть, промолвила она съ привѣтливою улыбкой.—Что князь подѣлываетъ?..

— Онъ также на нѣсколько дней пріѣзжалъ свидѣться со мною въ Москву изъ своей мѣстности, гдѣ также *посредничаетъ*, какъ Борисъ Васильевичъ вотъ...

— Все такъ же остеръ и насмѣшливъ? съ новою улыбкой спросила она.

— Д-да, не сейчасъ и нѣсколько сквозь зубы произнесъ Гундуровъ, усаживаясь въ кресло, на которое указывала ему хозяйка:—вы знаете текстъ, примолвилъ онъ чрезъ мигъ,— на памятникѣ Гоголя: *Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся?..*

Троекуровъ взглянулъ на него, покусывая губу:

— А что, иронически проронилъ онъ: — медовый мѣсяцъ вашихъ *коммиссіонныхъ* иллюзій уже пережитъ, какъ видно?

Гундуровъ повелъ на него недовольнымъ взглядомъ. Но онъ уважалъ своего собесѣдника и привыкъ спорить съ нимъ съ первыхъ же словъ каждый разъ, какъ имъ случалось встрѣтиться; онъ счелъ нужнымъ теперь, хотя какъ бы нѣсколько противъ воли, отвѣтить на то, что принялъ онъ со стороны того, какъ вызовъ на новое преніе:

— Не знаю, про какія „иллюзіи“ вы говорите. Мы въ „коммиссіяхъ“ видѣли предъ собой одну задачу: освободить народъ отъ рабства и поставить его на ноги,— а что затѣмъ водворится рай на землѣ Русской, такою ребяческою мечтой, повѣрьте мнѣ, никто изъ насъ себя не тѣшилъ... Задачи своей мы достигли: *Положеніе 19 февраля* сдѣлало свое дѣло. Народъ поднялся, преобразился. Видъ его, походка, рѣчь, все измѣнилось въ немъ,—вы съ этимъ, надѣюсь, спорить не станете?... Это *добыто*, это уже не отымется, а это главное. Въ разсчетѣ съ высшимъ сословіемъ, съ бывшими ихъ помѣщиками, крестьяне совершаютъ теперь свое гражданское воспитаніе. Мы, мы точильный камень, о который отшлифовывается, выостряется теперь народъ нашъ...

— Покорнѣйше благодаримъ! прервалъ его насмѣшливый взглядъ Троекурова.

Онъ невольно усмѣхнулся:

— Я не спорю: эта роль можетъ часто казаться намъ не особенно пріятною...

— Вы это признаете?

Гундуровъ пожалъ плечами:

— Что же дѣлать!...

— Да, это легко говорить, Сергѣй Михайловичъ, вскликнула, вся вспыхнувъ, Александра Павловна,—а вотъ какъ если *изъ-за этого* ему (она кивнула на мужа,) ногу перешибли...

— Какъ ногу? Что̀ такое?... Я ничего не слышалъ...

— Тамъ... случай одинъ.-Не интересно! досадливо взглянувъ на жену, заспѣшилъ отвѣчать Троекуровъ на вопросъ и изумленное выраженіе лица своего гостя:—какъ-нибудь потомъ сообщу вамъ... А теперь позвольте отъ васъ самихъ позаимствовать новостей свѣжихъ, это гораздо занимательнѣе... Что̀ въ Петербургѣ дѣлается, что̀ ваши друзья?... Линютинъ все за границей?

Вопросъ, повидимому, пришелся по сердцу Гундурову; лицо его на мигъ освѣтилось какъ бы радостною улыбкой:

— Да, онъ пробылъ часть зимы въ Римѣ, отъ котораго былъ въ восторгѣ, погрузился тамъ въ классиковъ и называлъ въ своихъ письмахъ „настоящимъ варварствомъ“ наше русское равнодушіе къ нимъ *). Потомъ былъ въ Парижѣ, теперь на водахъ въ Германіи...

— А о возвращеніи его въ Россію нѣтъ рѣчи?

— То-есть, *къ дѣлу*, хотите вы сказать?

— Само собою.

— Во всякомъ случаѣ не скоро, полагаю... Крупенъ слишкомъ онъ, выше требуемой въ настоящую минуту мѣрки, объяснилъ Сергѣй Михайловичъ съ презрительнымъ движеніемъ губъ;—вы видите, *кѣмъ* и что̀ дѣлается у насъ теперь...

— Стараюсь, признаться вамъ, какъ можно менѣе *видѣть*, сказалъ на это Троекуровъ, помаргивая нервно глазами,—спокойнѣе какъ будто!...

Гундуровъ обернулся ко княжнѣ. Онъ слегка улыбнулся, словно говоря: „Такъ что-жь объ этомъ и толковать!“... Но внимательно устремленные на него глаза дѣвушки какъ бы говорили въ свою очередь: „Продолжайте, пожалуйста, меня очень интересуетъ!“

Онъ помолчалъ чуточку, сосредоточиваясь, по привычкѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію своей мысли, и началъ затѣмъ неспѣшно, съ замѣтно желчнымъ оттѣнкомъ въ интонаціи:

---

*) См. *Un homme d'état Russe*, par Leroy-Beaulieu (*Revue des deux Mondes*, 1880, 15 octobre).

— Прежняя самоувѣренность, служившая — какъ ни нелѣпа она была,—нѣкоторою замѣной *дѣйствительной* энергіи, исчезла теперь безъ возврата. Старые правительственные пріемы отброшены, но жизнь ничего не создала поставить на мѣсто ихъ. Положеніе въ настоящую минуту представляется въ такомъ видѣ: наверху нестерпимый зудъ законодательствовать во что бы ни стало, при безпримѣрномъ, неслыханномъ недостаткѣ даровитостей, государственныхъ талантовъ; со стороны общества—вялость, хроническая лѣнь, отсутствіе всякой иниціативы, съ желаніемъ, каждый день все болѣе рѣзко высказывающимся, дразнить безнаказанно правительство...

— Qui le laisse faire, саркастически ввернулъ Троекуровъ,—съ благодушіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Собесѣдникъ его одобрительно кивнулъ и продолжалъ:

— Какъ за двѣсти лѣтъ до этого, такъ и теперь во всей землѣ русской только двѣ живыя силы: личная власть наверху, и сельская община на противоположномъ концѣ. Но эти двѣ силы отдѣлены другъ отъ друга промежуточными слоями. Эта же нелѣпая промежуточная *среда*, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ цѣплявшаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подыматься на дыбы подъ рукою этой своей настоящей, своей *единственной* опоры. Возьмите дворянскія собранія, университеты, печать; вы знаете, что все это творитъ теперь... Весь этотъ безсмысленный крикъ и пугаетъ правительство, и возбуждаетъ массы. Правительство дѣлаетъ уступку за уступкой, безо всякой пользы для общества, которое дразнитъ его единственно для удовольствія дразнить...

— Совершенныя дѣти! пролепетала Александра Павловна, съ видимымъ сочувствіемъ внимавшая этимъ словамъ.

— Но долго такъ итти не можетъ, говорилъ все оживленнѣе Гундуровъ: — въ противномъ случаѣ нельзя было бы избѣгнуть тѣснѣйшаго соединенія двухъ оконечностей, верховной власти и низшаго слоя народа, а тогда уже все, что находится въ срединѣ, было бы раздавлено, разгромлено... А въ этой серединѣ вся грамотная Россія, вся наша культура... *)

*) Ibid. стр. 858.

— Славное будущее ждетъ насъ, нечего сказать! сорвалось съ губъ Бориса Васильевича.

Александра Павловна даже вскрикнула:

— Это ужасно, что вы говорите, Сергѣй Михайловичъ!.. Борисъ, знаешь что: уѣдемъ скорѣй за границу, а то съ нами, Богъ знаетъ, что еще сдѣлаютъ здѣсь...

Невольная улыбка пробѣжала по всѣмъ устамъ. Гундуровъ смолкъ. Троекуровъ, закусивъ кончикъ уса, поднялся съ мѣста и прошелъ къ двери, отворенной въ садъ; онъ остановился у нея, вперивъ прижмуренные глаза въ верхушку ближайшей къ террасѣ липы.

Его *поводило* внутренно и отъ „наивности“ жены, и еще болѣе отъ нерѣшеннаго въ головѣ его вопроса: *какое* впечатлѣніе производилъ „этотъ краснобай изъ славянофиловъ“ на княжну Киру? Онъ тамъ, со своего мѣста на диванѣ, не видалъ ея лица. Она какъ сидѣла за письменнымъ столомъ, такъ и осталась, — и только, когда онъ, „ce beau parleur“, началъ говорить, обратилась къ нему въ полоборота и, опершись локтемъ о столъ, закрыла „нарочно“—злобно говорилъ себѣ Троекуровъ,—весь профиль своими раскинувшимися по лицу длинными, блѣдными пальцами... „И не отымала ихъ все время... а изъ-за нихъ вся, и взглядомъ и слухомъ, прикована была, очевидно, къ его рѣчамъ... Что-жь, отлично! Не даромъ же гудѣла два года сряду эта демократическая шарманка на потѣху петербургскихъ дворцовъ: обрадовалась знакомымъ пѣснямъ“...

„Мерзость и ложь!“ сказалъ себѣ вдругъ Троекуровъ и почувствовалъ, что все лицо его покрылось краской отъ этого внутренняго сознанія: — „вѣдь если-бъ я выговорилъ громко то, что лѣзло мнѣ теперь въ голову, меня мало было бы высѣчь“...

Онъ провелъ рукой по лицу и, приведя себя, какъ выражался онъ мысленно, „въ порядокъ“, направился опять въ сторону гостя.

Но тѣмъ уже овладѣла хозяйка. Бесѣда съ *политической* почвы перешла на свѣтскій, вѣрнѣе, на интимный разговоръ, такъ какъ Александра Павловна главнымъ образомъ допра-

шивала Гундурова о томъ, какъ ему живется въ губернскомъ городѣ и не скучаетъ-ли онъ слишкомъ „одинъ, и кого онъ видитъ, и есть-ли тамъ „женское общество et des jeunes filles jolies et bien élevées?“ И что̀ не мало удивляло Троекурова, этотъ угрюмый „Славянофилъ“, такъ безотрадно только-что относившійся „о положеніи дѣлъ въ Россіи“, находилъ повидимому удовольствіе въ такомъ „пустомъ“ разговорѣ, добродушно и весело отвѣчалъ на вопросы, признавался, что скучаетъ иногда „до лютаго бѣшенства“, и, къ замѣтному и неожиданному удовольствію своихъ собесѣдницъ, рисовалъ весьма забавные очерки всякихъ провинціальныхъ типовъ. Что̀ касается „губернскаго прекраснаго пола“, говорилъ Гундуровъ, то ему извѣстно только то, что онѣ въ полномъ составѣ своемъ, дамы и дѣвицы, повально влюблены въ недавно назначеннаго новаго губернатора изъ правовѣдовъ, еще молодаго и бойкаго, а главное „*ужасно* либеральнаго“ человѣка, мужа безобразной и глупой какъ индюшка жены, къ которой „ces dames“ съѣзжаются по вечерамъ „на чтеніе *Полярной звѣзды* и *Колокола* Герцена en petit comité“...

— Куда васъ, какъ видно, не приглашаютъ? спрашивала со смѣхомъ княжна Кира.

— Нѣтъ, княжна, отвѣтилъ онъ комически жалобнымъ тономъ: — его превосходительство изволитъ производить эти чтенія самолично и находитъ, что къ такой чести можетъ быть допущенъ лишь одинъ auditoire féminin.

— И вамъ, за этимъ auditoire, никого уже не остается на долю? продолжала она тѣмъ же шутливымъ тономъ.

— Есть двѣ, три богомольныя и притомъ глухія старушки, которыхъ тоже туда не приглашаютъ; я къ нимъ и ѣзжу утѣшаться...

— Вотъ какой вы добродѣтельный! расхохоталась Сашенька.

У нея было очень хорошо на душѣ въ эту минуту. Веселое расположеніе гостя, вниманіе, видимо, оказываемое ему Кирой, — все это было какъ разъ на руку ей, вызывало въ ней новыя надежды на то, что̀ призывала она въ послѣднее время болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, всѣми завѣтными мечта-

ніями своими... „Ахъ, если-бъ оно могло сегодня, сегодня же кончиться!“ проносилось у нея въ мысли какими-то лучезарными взрывами: „онъ никогда еще не былъ такъ любимецъ какъ нынче, а она si pleine d'attentions къ нему... И вѣдь они созданы, созданы другъ для друга. Я не понимаю даже, какъ это давно, еще въ Петербургѣ, не сдѣлалось?... Правду говорятъ, что мущины такъ глупы!“

Гундуровъ, со своей стороны, находился подъ нежданнымъ приливомъ необычнаго ему добраго настроенія духа. Горечь долгихъ, одинокихъ помысловъ и недавнихъ задушевно скорбныхъ бесѣдъ съ друзьями въ Москвѣ, — горечь о судьбахъ страстно любимой родины, сказавшаяся сейчасъ въ его словахъ Троекурову,—словно вся вылилась вдругъ изъ души его за этими словами. Наставала какая-то временная реакція, какой-то *отпускъ* болѣзненно-натянутыхъ нервовъ. Хотѣлось *передышаться*, отдохнуть, отдаться хоть на мгновеніе личной, субъективной жизни, забывая всякую злобу дня и вѣчную заботу „*о томъ, объ общемъ*“... Онъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха поглядывалъ даже теперь отъ времени до времени на Бориса Васильевича,—не вздумалъ бы тотъ опять вызывать его на споръ о „матеріяхъ важныхъ“. Ему именно нужны были въ эту минуту эти „немудреныя рѣчи“, это женское „безо всякой логики перескакиваніе съ предмета на предметъ“, эти дружески насмѣшливыя улыбки на женскихъ, молодыхъ и красивыхъ лицахъ. Болѣе того: на княжну онъ смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ, еще имъ не испытаннымъ къ ней чувствомъ; онъ какъ-то несказанно благодаренъ былъ ей за то, что она была теперь „просто женщина“, какою онъ ея еще не зналъ, что она видимо не озабочена никакими „вопросами“ и не разспрашиваетъ его ни о чемъ подобномъ, какъ бывало это въ Петербургѣ, во дворцѣ на Михайловской площади, а просто весела и шутитъ, — и говорилъ себѣ, что мысленно это по истинѣ „гораздо лучше ей пристало, чѣмъ то, прежнее“...

Княжна будто отгадывала это новое впечатлѣніе, производимое ею на него, и словно желала еще усилить его. Если-бъ онъ хотѣлъ быть болѣе наблюдателенъ, онъ замѣтилъ бы то

лихорадочное возбужденіе, съ какимъ старалась она держаться принятаго ею тона полу-небрежной, полу-задирающей шутки, и попытался бы, можетъ быть, объяснить себѣ причины такого, столь мало похожаго на ея обычаи вообще, образа обхожденія... Но Гундуровъ переживалъ лишь ощущеніе нежданной, „хорошей“ минуты, очень радъ былъ ему, но не спрашивалъ себя, *чему* именно обязанъ онъ былъ имъ.

Все видѣлъ, все замѣчалъ Троекуровъ и, давно искушенный въ дѣлѣ „женской стратегіи“, все способенъ былъ угадать онъ. Но нѣтъ, какъ извѣстно, опытности, которая не ступевалась бы предъ страстью, не осталась бы обезпамятѣвшею предъ нею въ тѣ самыя минуты, когда наиболѣе важны для человѣка воспоминанія о ея поученіяхъ... Троекуровъ видѣлъ „игру“ княжны, чуялъ неискренность ея „судорожной веселости“, но все равно: всѣ фибры его существа болѣзненно натягивались и коробились отъ того, что явнымъ предметомъ и мотивомъ этой игры, этой веселости былъ все этотъ же „Славянофилъ“, который, казалось ему, глядитъ на нее теперь все болѣе и болѣе разгорающимися глазами и млѣетъ самъ „подъ огнемъ ея *до неприличія вызывающихъ* его глазъ“... „Вздоръ, она его не любитъ!“ восклицалъ онъ мысленно чрезъ мигъ, и чрезъ мигъ опять словно весь съеживался внутренно отъ внезапно налетавшей къ нему мысли, что „это ничего не значитъ“, что она преспокойно могла наконецъ убѣдить себя въ необходимости закончить безъ дальнѣйшихъ затѣй прозаическимъ замужствомъ *свои идеальныя исканія несуществующей правды*, и что на это наталкиваетъ ее все и вся кругомъ“... Стоитъ ей только поглядѣть на мою Александру Павловну, чтобъ уже почувствовать себя всю „заквашенною въ тѣстѣ и коринкѣ семейнаго кренделя“, говорилъ себѣ Троекуровъ, иронически, чуть не злобно косясь на бѣдную Сашеньку, которая, вся сіяющая, глядѣла въ свою очередь на кузину и на ея воображаемаго „претендателя“ любовно ободряющимъ взглядомъ: „Ну, вотъ-молъ, и чудесно! Еще, еще немножко—и все такъ отлично выйдетъ; и *вы* будете счастливы, и *моему* счастію ничего уже грозить не будетъ...“

Троекуровъ не видѣлъ конца этому „испытанію“. Онъ на-

столько осиливалъ себя, что ничто въ его наружности не изобличало мутившаго его внутренняго чувства. Глаза его спокойно глядѣли на собесѣдниковъ, по губамъ пробѣгала какъ бы поощрительная улыбка ихъ рѣчамъ... Онъ вмѣшался въ разговоръ, впадая въ общій, шутливый тонъ его, — и вскорѣ овладѣлъ имъ совсѣмъ. Но насмѣшливость его стала вскорѣ принимать, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, язвительный характеръ; его замѣчанія и отзывы о людяхъ и дѣлахъ ихъ становились все рѣзче и суровѣе...

— Ты ужасно золъ сегодня, Борисъ! невольнымъ упрекомъ сорвалось съ устъ Сашеньки подъ впечатлѣніемъ его инстинктивно пугавшихъ ее сарказмовъ.

— Не злы въ нашъ вѣкъ однѣ овцы и новоназначенные министры... да и то, пожалуй, эти лишь въ первый день ихъ назначенія, возразилъ онъ, нервно заморгавъ глазами.

Гундуровъ засмѣялся.

— Прибавьте: и *счастливые* люди! промолвила Кира съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ въ выраженіи.

— Вотъ это правда! быстро и негромко одобрила Александра Павловна, — и такъ и впилась взглядомъ въ лицо мужа.

Онъ обернулся на нее съ улыбкой, которой тщился придать какъ можно болѣе мягкое выраженіе:

— Если вы съ княжною хотите мнѣ этимъ сказать, что на мнѣ лежитъ обязанность овечьей кротости въ силу моего званія „счастливаго человѣка“, подчеркнулъ онъ, — то мнѣ само собою остается только согласиться и замолчать... Замолчать, повторилъ Троекуровъ, мгновенно обращаясь въ сторону гостя,—и пожелать лишь развѣ тѣхъ же условій *счастія* другу нашему, Сергѣю Михайловичу.

Гундуровъ не то удивленно, не то уныло поднялъ на него глаза въ свою очередь:

— Я давно отвыкъ думать о личномъ счастьѣ, выговорилъ онъ какъ бы противъ воли.

— А *общаго* имѣется въ настоящую минуту въ наличности менѣе чѣмъ когда-нибудь, иронически сказалъ на это Троекуровъ:—какъ же быть тогда?...

— Очень просто, Сергѣй Михайловичъ, пылко выговорила Сашенька, участливо глядя на него:—забыть вашу вѣчную *политику*, ваши *государственныя дѣла*, а вспомнить, что вы тоже *человѣкъ*, имѣете тоже право, какъ всѣ, на то, что̀ Богъ даетъ намъ въ жизни,—на семью, на дѣтей, на тихое и мирное житіе, какъ говоритъ Церковь... и что это даже долгъ вашъ, какъ христіанина, примолвила она, вся покраснѣвъ, и быстро поднялась съ мѣста. — Съ Борисомъ не стоитъ говорить сегодня, засмѣялась она полуискренно, полусмущенно,— у него это лежанье съ ногой—вы понимаете, какая это скука!—совсѣмъ характеръ испортило; я его не узнаю просто... Пойдемте въ садъ, я покажу вамъ мои roses grimpantes, прелесть! вы увидите... et je vous sermonnerai en chemin...

— Сдѣлайте милость, весело отвѣчалъ Гундуровъ, — сегодня я чувствую себя особенно воспріимчивымъ къ женской проповѣди... Но съ условіемъ, чтобъ я въ случаѣ нужды имѣлъ право защищать теоріи вашего мужа.

— Избалованъ онъ слишкомъ! вырвалось опять у Александры Павловны. И она тутъ же полными любви и тревоги глазами повела въ сторону мужа, какъ бы прося у него извиненія.

Онъ улыбался своею обычною, небрежною улыбкой...

— Такъ идемте же, идемъ!... Кира, ты съ нами?

— Я сейчасъ, отвѣтила княжна, — только вотъ одну бумагу докончу, перепищикъ давно дожидается...

— Вы знаете, что Кира исправляетъ у Бориса должность письмоводителя? молвила Сашенька, смѣясь и выходя съ гостемъ въ садъ.

Троекуровъ довелъ ихъ до первой аллеи и вернулся въ кабинетъ...

Княжна сидѣла за его письменнымъ столомъ и, низко опустивъ голову надъ бумагой, дописывала какое-то составленное ею циркулярное предписаніе волостнымъ правленіямъ.

Онъ прошелъ позади ея кресла, остановился на мигъ, заглядывая машинально сверху, черезъ ея плечо, на ея писанье... и тутъ же поспѣшно отодвинулся, шагнулъ къ своему дивану и опустился разомъ въ какомъ-то изнеможеніи... Видъ ея

тонкой, нѣжной до прозрачности шеи, съ безчисленными колечками волосковъ, кудрявившихся на ея затылкѣ, кинулся ему какъ вино въ голову... Онъ судорожно прижалъ руку къ вѣкамъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ изгнать изъ мысли неодолимое искушеніе...

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Она дописала, перечла, оглянулась и, поднявшись съ мѣста, подошла къ дивану со своимъ *отпускомъ* въ рукѣ:

— Прочтите, хорошо-ли такъ?...

Рука ея мгновенно опустилась... Не принимая протянутаго ею листа, недвижно и безмолвно глядѣлъ на нее во всѣ глаза Троекуровъ... И что̀ говорили они ей теперь!...

Никогда еще въ жизни не билось у нея сердце такъ, какъ забилось оно въ груди ея въ эту мунуту.

— Что̀ же... не нужно? пролепетала она, стараясь одолѣть себя и отворачиваясь взглядомъ отъ этихъ глазъ, — отъ этихъ прожигавшихъ ее глазъ...

Онъ... онъ уже не владѣлъ собою.

— Скажите мнѣ одно, зашепталъ онъ въ свою очередь путавшимся отъ волненія языкомъ:—вы рѣшились? Да?

— „Рѣшилась“? повторила она,—на что̀?

— Вы знаете... Не даромъ же вы... Я никогда еще не видалъ васъ *такою*... И *его* также. Вы этого хотѣли, да? Съ какою цѣлью? Вы всю жизнь презирали кокетство, и вдругъ такъ, здорово живешь, стали бы это продѣлывать!... Нѣтъ, признайтесь, вы послушались ея... моей супруги; она увѣрила васъ, что „такъ надо“, что счастіе и правда только въ *этомъ*, что само небо посылаетъ вамъ этого человѣка...

— Не она одна, молвила неудержимо Кира, — сами вы давно-ли говорили мнѣ то же?

— Я?... Я говорилъ, да, вспомнилъ онъ,—говорилъ, когда...

— И хорошо дѣлали, перебила она его:—*вашъ долгъ* былъ такъ говорить мнѣ на случай, что „этотъ человѣкъ“ дѣйствительно думаетъ обо мнѣ...

Онъ въ свою очередь не далъ ей договорить:

— Если въ васъ было тогда еще сомнѣніе на этотъ счетъ, пропустилъ онъ сквозь стиснувшіеся зубы, — то сегодня вы,

кажется, имѣете полное право его отложить. „Суровый Славянинъ“ очевидно сдается на всѣхъ пунктахъ: онъ объявилъ громогласно сейчасъ, что чувствуетъ себя готовымъ *воспринять* обѣщанную ему „проповѣдь“... А проповѣдь Александры Павловны извѣстно *куда* бьетъ!..

Надменно и горько въ то же время зазвучалъ голосъ княжны:

— А если-бъ это бы и такъ, если-бъ *онъ* дѣйствительно имѣлъ намѣреніе... а я бы „рѣшилась“, что бы вы могли сказать на это?

Глаза его загорѣлись какъ два пылающіе угля.

— Что? вскликнулъ онъ, задыхаясь; — вы не видите что? Не видите, что я не хочу... не могу отдать васъ никому... что я люблю васъ безумно...

Вся кровь мгновенно кинулась въ голову Киры,—и такъ же мгновенно отхлынула; мраморно-блѣдная, вскинула она свои зеленые глаза на Троекурова и, какъ привороженная, не была уже въ состояніи оторвать ихъ отъ него.

Слово было сказано, сомнѣній не оставалось, — онъ любилъ ее... Все минувшее,—страхъ, предчувствія, борьба, которую она въ теченіе всего этого времени вела со своимъ собственнымъ чувствомъ, весь этотъ пріемъ холодности и равнодушія, чтобы заставить его забыть мгновенный порывъ неодолимой нѣжности, — все это разлеталось какъ дымъ предъ этимъ словомъ. Онъ любитъ ее, *любитъ*!.. Вотъ она жизнь... вотъ настоящія, какъ говоритъ онъ, „счастіе и правда“!.. Да, это, *это*,—и ничто другое на свѣтѣ!..

Но съ тѣмъ же гордымъ выраженіемъ откинулась чрезъ мигъ голова ея назадъ; тонкія ноздри затрепетали и расширились, словно вызывая на бой какую-то невидимую силу...

— Знаете-ли вы, медленно произнесла она, — на что вы идете, говоря мнѣ то, что вы сказали?

Онъ отвѣтилъ ей взглядомъ, горѣвшимъ какою-то беззавѣтно страстною отвагой.

— На все! промолвилъ онъ коротко.

Она вздрогнула.

— Вы губите жизнь... и не одну, добавила она чуть слышно.

— По тому, *чѣмъ* я жертвую, судите о томъ, *что* вы для меня!...

Онъ схватилъ ея руки и, притянувъ къ себѣ, прижался пылающимъ лицомъ къ ея ладонямъ, покрывая ихъ безконечными поцѣлуями...

Голова ея безвольно наклонилась... Она коснулась его лба оледенѣлыми губами... и вдругъ вырвалась и отбѣжала.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я завтра же уѣду отсюда!..

Онъ кинулся къ ней, охватилъ ея станъ, прижалъ его до боли къ груди:

— Безъ меня ни за версту, прошепталъ онъ замирающимъ голосомъ, — со мною туда, гдѣ никто въ мірѣ насъ не отыщетъ!

— Оставьте меня... Оставь! Идутъ!.. могла только выговорить она...

XV.

Candor dat viribus alas.

Шумъ чьихъ-то шаговъ доносился дѣйствительно изъ сосѣдней съ кабинетомъ библіотеки.

Княжна — подъ нею, казалось ей, дрожала земля, — едва успѣла дотащиться до прежняго мѣста, упала въ кресло предъ письменнымъ столомъ и, опершись о него локтями, уронила голову на сложенныя руки...

Дверь отворилась.

— Василій Григорьевичъ Юшковъ, доложилъ входя слуга.

И за докладомъ, не ожидая зова, вбѣжалъ,—ворвался старикъ-смотритель. На немъ, какъ говорится, лица не было. Сѣдые всклокоченные волосы разлетались во всѣ стороны, изъподъ опухшихъ, красныхъ вѣкъ большіе голубые глаза его блуждали, какъ у безумнаго, грудь вся колыхалась отъ дыханія, не находившаго словно себѣ выхода сквозь судорожно-спертое горло...

Только-что самъ успѣвшій овладѣть собою, Троекуровъ былъ пораженъ этимъ видомъ.

— Василій Григорьевичъ, что̀ съ вами? вскликнулъ онъ, поспѣшно идя къ нему навстрѣчу и высылая знакомъ слугу изъ комнаты.

— Я... я къ вамъ... какъ къ спасителю... могъ только выговорить тотъ, сгинаясь весь, какъ человѣкъ, готовый упасть.

Борисъ Васильевичъ подхватилъ его подъ мышки, подвелъ къ дивану, опустилъ его:

— Успокойтесь, ради Бога... Воды, вина не хотите-ли?... Онъ протянулъ руку къ колокольчику.

— Я сейчасъ принесу, молвила Кира, пробужденная какъ ото сна изъ своего оцѣпенѣнія отчаяніемъ, сказавшимся въ этомъ голосѣ,—тутъ лишнихъ не нужно...

— Ахъ, ваше сіятельство, княжна, пролепеталъ старикъ,—извините, я васъ не видѣлъ...

Но она уже вышла изъ кабинета и вернулась чрезъ мигъ со стаканомъ воды и флакономъ флердоранжа.

Онъ выпилъ, отдышался нѣсколько... Она приняла у него стаканъ...

— Несчастіе?... У Павла Григорьевича? спрашивалъ его между тѣмъ невольнымъ шопотомъ Троекуровъ.

Онъ качнулъ утвердительно головой, приподымаясь въ то же время, по неизмѣнной привычкѣ почтительности, чтобъ отвѣсить княжнѣ благодарственный поклонъ.

— Вы отъ него?

— Изъ города.

— Дали вамъ знать?...

— Тамъ узналъ-съ... въ городѣ...

— Что? Что именно? Говорите, Василій Григорьевичъ!... Присутствіе Киры Никитичны васъ не стѣсняетъ, надѣюсь?

— Помилуйте, вскликнулъ старикъ;—я знаю, какъ *онѣ* ко всей семьѣ нашей благорасположены... Да и вѣдь ни отъ кого въ скорости скрыть нельзя будетъ, промолвилъ онъ съ громкимъ, вырвавшимся у него вдругъ всхлипываньемъ.

— Что же случилось? торопилъ его Троекуровъ.

— Гриша нашъ, Гриша...

Онъ не былъ въ состояніи продолжать...

— Гриша? повторила Кира, поднимая невольно глаза на Троекурова.

Онъ понялъ.

— Попался? такъ и вырвалось у него.

Смотритель схватилъ его обѣими руками за локоть, нагнулся къ самому его уху и прошепталъ:

— Да въ чемъ-съ! Въ го-су-дар-ственномъ преступленіи, въ распространеніи возмутительныхъ прокламацій... Господи!— перебилъ онъ себя, закрывая глаза дрожавшими ладонями,— представьте себѣ, что это съ отцомъ его, съ братомъ Пашей,

будетъ... Вѣдь единственный сынъ... обожаемый, можно сказать!... Вотъ я къ вамъ прямо, Борисъ Васильевичъ, какъ.. какъ къ единственному спасителю... Пашѣ-то, по крайней мѣрѣ, брату Павлу Григорьевичу, какъ бы умягчить этотъ ударъ...

И онъ разрыдался какъ ребенокъ.

Троекуровъ взялъ его за обѣ руки и участливо пожалъ ихъ.

— Вы знаете, что все, что отъ меня зависитъ, будетъ сдѣлано. Но передайте мнѣ подробно, что вамъ извѣстно обо всемъ этомъ? Гдѣ Гриша, во-первыхъ?.. Я просилъ давно Павла Григорьевича послать его ко мнѣ. Я имѣлъ еще тогда основаніе опасаться за него, вслѣдствіе одного обстоятельства... Братъ вашъ обѣщалъ, но Гриша не былъ; все же это время, какъ вы знаете, я лежалъ съ ногой... а Павелъ Григорьевичъ писалъ мнѣ, что тоже не двигается, подагра. Такъ мы съ нимъ болѣе мѣсяца не видались... Судя по вашимъ словамъ, онъ еще не знаетъ о томъ, что случилось?

— Съ этимъ вотъ ѣду къ нему... И ума ужь не приложу, какъ и приступиться будетъ... объяснялъ, разводя руками, совершенно растерянный Василій Григорьевичъ.—А Гриша пятая ужь недѣля какъ съ матерью къ бабушкѣ уѣхалъ, къ ея матери то-есть, да и застряли они тамъ, такъ какъ старушка очень больна была. Оттого и у васъ не былъ. А я съ братомъ прожилъ въ Углахъ до конца ваканта. Подагра у него дѣйствительно разыгралась, вставать не могъ, скучалъ очень... особенно вотъ безъ него-то, безъ сына... Пятнадцатаго числа августа, къ открытію ученія, я по своей должности долженъ былъ въ городъ вернуться. На прошлой недѣлѣ это было... и дошло тутъ до меня, что къ намъ въ городъ изъ губерніи жандармъ пріѣхалъ, и слѣдствіе идетъ по почтовой конторѣ: отправлены были чрезъ нее въ разные города экземпляры возмутительныхъ прокламацій, и—что подозрѣвается одинъ молодой человѣкъ... Оказалось—Гриша! вскрикнулъ старикъ съ новымъ порывомъ отчаянія.

— Вы какъ же узнали?

— Учитель одинъ мой, преданный человѣкъ, прослышалъ

какъ-то, забѣжалъ сегодня утромъ... Я повѣрить не хотѣлъ спервоначала... Сами понимаете: такого отца... героя сынъ,— и на такое дѣло пойти... противъ правительства!... Господи!... Къ исправнику нашему кинулся, онъ человѣкъ хорошій, молодой, еще студентомъ его помню. „Ради Бога, говорю, скажите, вотъ что мнѣ передавали... ошибки нѣтъ-ли тутъ какой?...“ А онъ, гляжу, и самъ не свой, блѣдный весь сидитъ, губы кусаетъ: „Я, говоритъ, изъ этой проклятой должности вонъ прошусь, мѣсяцъ какъ ужь подалъ; отчисленія еще не вышло, а вотъ пока, говоритъ, приходится горчайшее изъ этой чаши пить... Вашъ племянникъ, говоритъ, дѣйствительно уличается многими свидѣтельскими показаніями въ сдачѣ на почту писемъ съ этими прокламаціями, и я получилъ предписаніе вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, присланнымъ по этому дѣлу, произвести обыскъ въ мѣстѣ его жительства, въ усадьбѣ нашего почтеннаго Павла Григорьевича, и арестовать его“... Я завылъ просто, обмеръ... „Да не можетъ же это быть! говорю,—юноша благовоспитанный, кроткій... „Увлеченъ былъ, надо думать“, отвѣчаетъ онъ мнѣ на это сквозь зубы.—Кѣмъ? хотѣлъ спросить,—и вдругъ вспомнилъ: студентъ тутъ одинъ по сосѣдству проживалъ, пріѣзжалъ къ нему, и Гриша ѣздилъ... Да вы знаете, Борисъ Васильевичъ, перебилъ онъ опять себя, тревожно при этомъ вскинувъ глаза на княжну, безмолвно, съ широко раскрывшимися вѣками внимавшую его разсказу.

— Знаю, знаю, поспѣшилъ сказать Троекуровъ, очевидно не желая останавливаться на этомъ пунктѣ.

— Вспомнилъ я тутъ, скорбно покачивая сѣдою головой, продолжалъ смотритель,—что съ того самаго времени неузнаваемъ сталъ нашъ Гриша... Сужденія такія рѣзкія, странныя... Онъ вздохнулъ и махнулъ рукой:—о нашихъ чистыхъ старыхъ идеалахъ я ужь не говорю-съ: выкинуло ихъ давно изъ окошка съ поруганіями и смѣхомъ новое поколѣніе. На Бѣлинскаго сначала молились, вольнолюбивое направленіе пошло; да, по крайности, искренній, горячій культъ искусства чувствовался въ человѣкѣ!... А теперь, я вотъ слѣжу за журналами, такъ вѣдь это куда же ведутъ! И отпору ни съ ка-

кой стороны... Съ дозволенія правительства проповѣдуется! Огуломъ-съ всю эту злополучную молодежь въ пропасть толкаютъ... А роднымъ-то, а отцамъ каково видѣть это, понимать, и безсильными, безоружными себя чувствовать супротивъ общаго потока!... Вотъ-съ, какого еще лучше примѣра, какого руководства нужно для молодаго человѣка, какъ братъ мой Паша! Только гордиться такимъ отцомъ, благоговѣть предъ нимъ... И вѣдь любилъ его всегда мальчикъ, горячо любилъ, знаю я!... И вдругъ стоило побыть ему въ университетѣ, да явился какой-то проходимецъ, проповѣдникъ всякой злобы и лжи,—такъ я понимаю,—и вся эта нѣжность къ родителю, довѣріе, все это летитъ прахомъ, сынъ видимо начинаетъ чуждаться отца, сидитъ, запершись въ своей комнатѣ, таится... Вѣдь это Паша замѣчалъ все. Ничего не говоритъ, а только взглянетъ на меня иной разъ... Чѣмъ же я могъ тутъ пособить? Попробовалъ я было заговорить съ Гришей наединѣ: „Огорчаешь ты, молъ, очень отца своимъ унынiемъ.“ Такъ онъ меня даже сразу оборвалъ: „Вы, говоритъ, извѣстно, дядя, старый романтикъ, чувствительныя слова любите произносить, никакого у меня „унынія“ нѣту, а просто скучно“... Я, признаюсь вамъ, послѣ этого даже радъ былъ, что онъ уѣхалъ съ матерью.—бабушка очень желала видѣть его,—„авось, думаю, провѣтрится“... А это, какъ понимаю я теперь, раскаяніе мучило его, бѣдняжку, страхъ... Вѣдь за такое его преступленіе покойный государь—да въ ту пору это даже въ умѣ никто бы держать не смѣлъ!—приказалъ бы его на Кавказъ солдатомъ, безъ выслуги. А нынче и того хуже, пожалуй, задрожавшимъ голосомъ вскрикнулъ старикъ, впиваясь глазами въ лицо Бориса Васильевича,—судить будутъ, въ Сибирь на каторгу порѣшатъ...

— Ну ужь и „въ Сибирь“! качнулъ вверхъ головой Троекуровъ.—Вы говорите, что сегодня долженъ быть произведенъ обыскъ въ Углахъ?

— Сегодня.

— Такъ вѣдь Гриши же они тамъ не найдутъ: онъ, говорите вы, съ матерью у бабушки.

— Дома! Они непремѣнно должны были вернуться къ

его, Гриши, рожденію. Ему, представьте себѣ эту насмѣшку судьбы, завтра гражданское совершеннолѣтіе минетъ, двадцать одинъ годъ...

— Ахъ, Господи! вскинулся опять старикъ, — время-то, время бѣжитъ, а я... Я вѣдь къ вамъ пріѣхалъ съ чѣмъ... Какъ онъ это передалъ мнѣ, исправникъ-то: „ради Бога, говорю ему, дайте мнѣ хоть предварить брата, а то вѣдь страшно подумать, какъ если вы такъ вдругъ, съ жандармомъ, нагрянете къ нему". Онъ на это тотчасъ же согласился: „Поѣзжайте, говоритъ, сейчасъ, а я вамъ обѣщаю, что я его, жандарма то-есть, удержу часа на два; у васъ такимъ образомъ все это время впереди будетъ". Я сейчасъ же ямщика нанялъ до вашего Всесвятскаго. Вы, думаю, во всякомъ случаѣ не откажете мнѣ въ лошадяхъ и экипажѣ скорѣе доѣхать до Угловъ... А кромѣ того, прибавилъ онъ, и его большіе голубые глаза съ выраженіемъ страстной мольбы устремились еще разъ на его собесѣдника,—если только состояніе вашего здоровья позволитъ это вамъ, не откажитесь сами...

— Ѣхать съ вами? договорилъ за него Троекуровъ... И глаза его безотчетно обернулись въ сторону Киры.

Лицо ея мгновенно заалѣло, но выраженіе его прямо сказало ему: „не обо мнѣ теперь думать"...

Онъ всталъ, дернулъ за снурокъ колокольчика:

— Сказать Скоробогатову, приказалъ онъ вошедшему слугѣ:—четверку подъ старую коляску; я ѣду сейчасъ въ Углы.

— Борисъ Васильевичъ, голубчикъ! вскликнулъ старикъ, кидаясь обнимать его,—отъ сердца хоть капелечку отлегло...

Тотъ пожалъ ему руку:

— А теперь надо будетъ предварить жену и гостя... У насъ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, объяснилъ онъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ! повторилъ смотритель, чуть-чуть вздрогнувъ и поспѣшно проводя рукой по лицу; — не видалъ я его съ самой смерти ангела моего, княжны, прошепталъ онъ.

— Ахъ да: вѣдь весь этотъ романъ его вамъ близко извѣс-

тенъ? быстро промолвилъ Троекуровъ. И глаза его еще разъ обернулись на Киру.

Она встала и, не отвѣчая на его взглядъ, направилась къ двери, ведшей изъ кабинета въ пріемные покои дома.

Въ ту же минуту на порогѣ двери, открытой въ садъ, показалась Александра Павловна въ сопровожденіи спутника своего по прогулкѣ.

Она вся сіяла: она довела Гундурова „тонкимъ разговоромъ“ до признанія, что „одинокая жизнь ему въ тягость“, къ чему онъ прибавилъ однако, что „перемѣнять ее на другую поздно“; но это послѣднее, разсуждала она, „чистѣйшій, разумѣется, вздоръ и говорится всегда мущинами въ такихъ случаяхъ“, и что на это „никакого не надо обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ непремѣнно пріѣхать опять во Всесвятское чрезъ недѣлю, и *уже на нѣсколько дней*“...

— Кира, крикнула она еще изъ дверей, замѣтивъ, что та уходитъ,—куда же ты? Мы тебя тамъ все поджидали въ цвѣтникѣ...

— Я сейчасъ приду, голова разболѣлась, проговорила княжна, исчезая. Ее точно остреемъ иглы кольнулъ звукъ этого, *ея*, голоса...

— Василій Григорьевичъ, здравствуйте! молвила между тѣмъ Сашенька, замѣтивъ старика и поспѣшно, съ ласковою улыбкой, идя къ нему, протянувъ руку:—вы изъ Угловъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ей за него мужъ;—мы сейчасъ туда ѣдемъ съ Василіемъ Григорьевичемъ.

Она такъ и вскрикнула:

— Ты ѣдешь, Борисъ! Ты только третій день сталъ ходить...

— Я и не пойду, а поѣду, возразилъ онъ съ короткою усмѣшкой.

— Доброе дѣло сдѣлать, Александра Павловна, примолвилъ старикъ-смотритель съ глубокимъ вздохомъ и такимъ же поклономъ; — не препятствуйте, а Борисъ Васильевичъ, надѣюсь, и доѣдетъ, и вернется къ вамъ совершенно цѣлъ и невредимъ.

— Развѣ я могу... препятствовать? озадаченно проговорила она,—но... развѣ это такъ необходимо сегодня же?

Троекуровъ сжалъ брови:

— Видно такъ, коли мы ѣдемъ... Я все тебѣ разскажу по возвращеніи, добавилъ онъ мягче и стараясь улыбнуться.

— А теперь мнѣ остается только просить извиненія у дорогаго гостя, обратился онъ къ Гундурову; — вы, я не сомнѣваюсь, поймете, что я рѣшаюсь такъ безцеремонно покинуть васъ не изъ неучтивости...

— Полноте! сказалъ тотъ; — я и самъ долженъ ѣхать...

— А я васъ не пущу! вскликнула рѣшительнымъ тономъ молодая хозяйка, — вы должны остаться съ нами обѣдать... Ахъ, Боже мой, вспомнила она вдругъ,—вы знакомы, messieurs? Василій Григорьевичъ Юшковъ, Сергѣй Михайловичъ...

— Сергѣй Михайловичъ не помнитъ меня, не далъ ей досказать смотритель, печально вскидывая глаза на того, съ чьимъ именемъ на устахъ отошла предъ нимъ въ вѣчность его „ангелъ-княжна“ *), кому на другой день по ея смерти онъ передавалъ ея послѣднія слова...

Тотъ пристально взглянулъ на него, узналъ — и, къ нѣкоторому ужасу Александры Павловны, весь перемѣнился въ лицѣ. Прошлое, это залегшее такъ глубоко въ душѣ его прошлое, проснулось въ немъ вдругъ съ новою, мучительною силой...

— Да, мы давно не видались, давно! проговорилъ онъ чрезъ силу, протягивая руку старику и слабымъ движеніемъ пальцевъ отвѣчая на крѣпкое рукопожатіе того.

Онъ отвелъ тутъ же отъ него глаза и остановилъ ихъ на молодой женщинѣ:

— Вы извините меня, Александра Павловна, сказалъ онъ какъ-то особенно спѣша теперь,—я никакъ не могу остаться у васъ обѣдать... Очень пріятно, но не могу, рѣшительно... Я далъ знать въ деревню, что буду къ обѣду, и меня тамъ ждутъ... Извините!...

— Богъ съ вами, если такъ, вздохнула она,—но надѣюсь,

*) *Четверть вѣка назадъ*. Глава предпослѣдняя.

что вы не забудете вашего обѣщанія чрезъ недѣлю—помните, никакъ не позднѣе,—быть опять у насъ?

— Нѣтъ, конечно... я постараюсь, промямлилъ онъ, отыскивая глазами свою шляпу.

— Очень не любезно, очень, заключила Александра Павловна, полуулыбаясь, полувздыхая, — что вы оставляете насъ съ Кирой обѣдать вдвоемъ...

XVI.

Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ прекрасному пощады.
Батюшковъ.

О, Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!
Сумароковъ.

Спутники молчали всю дорогу... Старикъ-смотритель, прижавшись къ уголку коляски, то глядѣлъ оттуда растерянными, ничего не зрѣвшими глазами на мимо бѣжавшіе нивы и лѣса, то вскидывалъ ихъ и подолгу не отрывалъ отъ неба, шевеля неслышно своими поблеклыми старческими губами... Иные помыслы, иныя ощущенія уносили Троекурова. Воздухъ, солнце, игра тѣней, это *мчаніе* въ экипажѣ послѣ шестинедѣльной неподвижности, и *то*, то, что̀ сейчасъ произошло у него въ кабинетѣ, „предъ тѣмъ какъ этотъ бѣдный старикъ ворвался къ нему“,—все это охватывало его, опьяняло какимъ-то блаженнымъ дурманомъ. Онъ „жилъ“, жилъ опять „всею полнотою жизни“, сказывалось ему, жилъ „будто въ первый разъ“... Онъ совершенно забылъ, куда, къ кому, зачѣмъ онъ ѣдетъ: несутъ его кони, одуваетъ вѣтеръ разгоряченное лицо, бѣлѣютъ въ рядахъ сосенъ стволы березъ подъ полуденными лучами... а впереди, впереди!... Онъ не договаривалъ и нервно, до боли закусывалъ усъ свой, въ какомъ-то алчномъ предвкушеніи того, „что̀ ждетъ“ его. „Она сдалась“,— и онъ безотчетно улыбался, — „гордая, упрямая... Да, я ошибался: это была не *игра*, а вотъ эти самыя упрямство и гордость... По-

бороть себя хотѣла, шесть недѣль выдержала, томила и томилась... и вотъ!“... „Знаете-ли, куда вы идете, говоря мнѣ это?“ повторялъ онъ ея слова: какая другая женщина поставила бы *такъ* этотъ вопросъ? Изъ орлиной породы она, съ нею компромиссовъ быть не можетъ... А эти зеленые глаза, дѣвственно-страстные, что̀ обѣщаютъ они... Я найму въ Венеціи palazzo на Canale Grande и съ нею тамъ...

— Углы! пробудилъ его словно испуганный возгласъ сосѣда.

Онъ оглянулся на него чуть не сердито. Старикъ, весь блѣдный, торопливо и учащенно крестилъ себѣ грудь дрожащими пальцами... Они пріѣхали.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ не ждалъ гостей. Предъ отъѣздомъ брата изъ Угловъ тотъ, чуть не плача, выражалъ ему свое сожалѣніе, что занятія его по училищу никакъ не позволятъ ему пріѣхать ко дню рожденія Гриши. А Бориса Васильевича Троекурова онъ предполагалъ не совсѣмъ еще оправившимся.

Онъ поэтому настолько же удивился ихъ пріѣзду, насколько и обрадовался.

— Вотъ ужь могу сказать, пріятный сюрпризъ! вскликнулъ онъ, съ подергиваніемъ боли на лицѣ, подымаясь изъ своего глубокаго вольтера и ступая на обутую въ бархатный сапогъ ногу, навстрѣчу имъ (они прямо прошли въ его кабинетъ). Вы ужь молодцомъ, Борисъ Васильичъ, поздравляю, а мнѣ вотъ, какъ видите, еще не даетъ ходить проклятая подагра... Здравствуй, Василій, таки прикатилъ сегодня, старый, спасибо тебѣ! протягивая руку и любовно поведя взглядомъ на брата, промолвилъ онъ и тутъ же тревожно вскликнулъ:— Да что̀ съ тобою, боленъ?

Бѣдный смотритель поднялъ на него мучительно-умоляющій взглядъ:

— Нѣтъ, Паша, нѣтъ, я ничего... я собственно...

— Какое „ничего!“ Лица на тебѣ нѣтъ. Боленъ, говорю, или... случилось что-нибудь?...

— Дѣйствительно, Паша, одно обстоятельство есть... Ты не смотри на меня, Паша, пожалуйста, вскликнулъ вдругъ

старикъ: — я... Натура ужь у меня такая... бабья... ничего сдержать въ себѣ не умѣетъ...

Онъ не договорилъ и быстро отошелъ къ окну, глотая душившія его слезы.

Павелъ Григорьевичъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ, сжалъ свои нависшія брови и, опустившись снова въ кресло, обратился къ Троекурову.

— Что̀ съ нимъ?... Что̀ такое? какъ бы поправился онъ:— вы знаете?

Тотъ обернулся къ двери:

— Запереть можно?

— Можно, конечно... А что̀?

— Чтобы кто-нибудь... изъ *вашихъ*, подчеркнулъ онъ,—не вошелъ. Поговорить надо.

— Жены еще нѣтъ; она вечеромъ только пріѣдетъ. Удержала ее мать больная. А Гришу прислала мнѣ сюда вчера... Онъ сейчасъ у меня сидѣлъ, пошелъ на озеро погулять...

Борисъ Васильевичъ одобрительно качнулъ головой.

— О немъ именно и рѣчь пойдетъ, сказалъ онъ.

Судорога пробѣжала по лицу моряка. Глаза его такъ и впились въ говорившаго.

— О Гришѣ? повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Да! вѣско уронилъ тотъ.

— Говорите... что̀ бы тамъ ни было! вырвалось нежданно для него самого у Павла Григорьевича.

— Вы помните нашъ разговоръ съ вами, когда вы въ послѣдній разъ были у меня... послѣ случая со мною... о томъ переодѣтомъ негодяѣ?

— Да, да... котораго Гриша называлъ мнѣ *Ѳедоровымъ*, мрачно прошепталъ Юшковъ.

— Настоящая его фамилія — Овцынъ; онъ двоюродный братъ моей жены, давно потерянный человѣкъ... Пока, объяснилъ Троекуровъ въ отвѣтъ на изумленіе, сказавшееся за этими словами его въ глазахъ обоихъ братьевъ, — пока шло только дѣло обо мнѣ, я считалъ безполезнымъ называть вамъ его... Я узналъ, что онъ въ нашихъ мѣстахъ въ тотъ самый вечеръ, когда, помните, былъ у васъ, возвращаясь изъ города,

и велѣлъ ему сказать, что если онъ немедленно не скроется отсюда, я съ нимъ распоряжусь по-свойски... Я его, дѣйствительно, встрѣтилъ чрезъ день послѣ этого въ компаніи Троженкова и избилъ плетью,—имѣлъ на то основаніе... Жалѣю объ одномъ теперь, что не положилъ на мѣстѣ, съ безпощадно сверкнувшими глазами отчеканилъ бывшій Кавказецъ;— настаетъ такое, повидимому, время, что охранять себя... и *своихъ*, честнымъ людямъ придется не иначе, какъ собственноручною расправой!... Вы знаете, что произошло затѣмъ: маскарадъ, подстреканіе крестьянъ къ бунту... Молодца схватили на мѣстѣ преступленія, — и въ ту же ночь выпустили, или скрыться дали... Того и слѣдовало ожидать: нынче, какъ извѣстно, преступныхъ людей нѣтъ,— существуютъ „убѣжденія“, или „аффекты“; за то и за другое, разумѣется, „нечестно“ подводить людей подъ кару,— и такого разумѣнія своего долга считаетъ нужнымъ держаться теперь каждый состоящій на службѣ просвѣтившагося Россійскаго правительства... Ну, и прелестно! Отпустили „убѣжденнаго“ молодца; наша сторона, по крайней мѣрѣ, избавлена отъ него. Таково было мое разсужденіе; я вамъ въ этомъ смыслѣ и говорилъ тогда, думая именно о вашемъ Гришѣ, о томъ скверномъ вліяніи, какое могъ имѣть на него этотъ мерзавецъ...

Троекуровъ говорилъ короткими, обрывистыми фразами, отдаваясь невольно захватывавшему его чувству негодованія, и замолчалъ на полусловѣ, проводя себѣ въ смущеніи рукою по лицу: оставалось сказать „настоящее“, поразить ударомъ этого почтеннаго, глубоко уважаемаго имъ человѣка, который, согнувшись въ своемъ креслѣ и машинально подергивая правою цѣлою рукой пустой рукавъ отрѣзанной лѣвой, глядѣлъ на него, не отрываясь, нетерпѣливо и тревожно...

Старикъ-смотритель неслышными шагами подошелъ тѣмъ временемъ къ нимъ и, опустивъ сложенныя руки, съ замиравшимъ дыханіемъ, не отводилъ въ свою очередь отъ брата своихъ голубыхъ, словно туманомъ подернутыхъ теперь глазъ.

— Вы успокоивали меня тогда, Борисъ Васильевичъ, тихо произнесъ младшій Юшковъ.

— Если это упрекъ, ласковымъ тономъ замѣтилъ Троекуровъ,—то я заслуживаю его только въ томъ отношеніи, что не догадался тогда же, что зло... уже было сдѣлано.

Павелъ Григорьевичъ весь выпрямился:

— „*Сдѣлано?*“ Что? Не томите!

Братъ его кинулся къ нему:

— Паша, голубчикъ, залепеталъ онъ,—ты сильный человѣкъ... ты тысячу смертей, можно сказать, на своему вѣку видывалъ и глядѣлъ имъ бодро въ глаза... Такъ ты ужь и теперь... мужайся! Тяжело, голубчикъ, тяжело, да что же дѣлать!... Сынъ твой... Вѣдь подумай: молодость, довѣрчивость излишняя...

— Что онъ сдѣлалъ? гнѣвно прервалъ его тотъ, ударяя кулакомъ по ручкѣ своего кресла.

— Его обвиняютъ въ разсылкѣ по почтѣ конвертовъ съ революціонными прокламаціями, почелъ нужнымъ вмѣшаться опять Троекуровъ.

— Съ революціонными прокламаціями... Гриша?... Не можетъ быть! вскликнулъ Павелъ Григорьевичъ, откидывая голову назадъ.

Борисъ Васильевичъ приподнялъ печально плечи:

— Пусть братъ вашъ разскажетъ вамъ, что знаетъ!...

Смотритель, страшно путаясь и испуганнымъ взглядомъ слѣдя за выраженіемъ лица брата, принялся сообщать ему все, что было передано самому ему исправникомъ.

Тотъ не прерывалъ его ни единымъ словомъ. Онъ словно замеръ весь; только лобъ его и щеки становились съ каждымъ мгновеніемъ все блѣднѣе и блѣднѣй.

— „Обыскъ“, повторилъ онъ чуть внятно, дослушавъ до конца,—въ моемъ домѣ... у моего сына!...

— Павелъ Григорьевичъ, сказалъ Троекуровъ,—я пойду, съ нимъ переговорю... съ Гришей...

— Съ государственнымъ преступникомъ! захохоталъ старый морякъ прорвавшимся у него неудержимо истерическимъ смѣхомъ, — и смолкъ тутъ же, устремивъ глаза на отворившуюся прямо противъ него дверь, въ которую, въ свѣжемъ

лѣтнемъ костюмѣ, съ соломенною шляпой въ рукѣ, юный и миловидный, какъ дѣвочка, входилъ въ эту минуту его сынъ.

— Борисъ Васильевичъ, еще съ порога заговорилъ онъ,— вообразите, что я съ озера—вѣдь не близко!—узналъ по звуку колесъ вашу старую коляску...

Онъ быстро направился къ нему, заранѣе протягивая руку... И вдругъ инстинктивно задержалъ шаги, окинулъ торопливымъ взглядомъ лица безмолвныхъ присутствующихъ, — и побѣлѣлъ какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ все понялъ.

Троекурову стало ужасно жаль его:

— Гриша... началъ было онъ.

— Нѣтъ, ужь вы позвольте отцу съ нимъ поговорить сначала! перебилъ его Павелъ Григорьевичъ. И онъ энергическимъ движеніемъ руки указалъ сыну стать предъ нимъ.

Молодой человѣкъ повиновался, подвинулся; глаза его опустились въ землю, словно повинуясь какой-то внѣшней, неодолимой силѣ.

Отецъ уставился на него, губы его зашевелились... но долго не былъ онъ въ состояніи произнести слова.

— Сейчасъ, началъ онъ наконецъ,—пріѣдетъ сюда полиція, жандармы... производить обыскъ, арестовать тебя... Ты знаешь за что?.. Надѣюсь, вскликнулъ онъ, предупреждая отвѣтъ сына,—что ты по крайней мѣрѣ лгать не станешь мнѣ!..

— Я лгать не стану, промолвилъ Гриша, поднявъ глаза, и обвелъ ими кругомъ себя, ни на комъ не останавливаясь. Слабый румянецъ выступилъ на его лицѣ, онъ видимо бодрился:—я за поступки свои отвѣтчикъ!

— За какіе „поступки“? За безуміе, за неслыханное дурачество! Тебя подучили разослать по почтѣ какія-то возмутительныя воззванія... И ты это взялъ на себя, взялъ сыграть шута... чтобы поплатиться за это Сибирью!..

Упрекъ задѣвалъ молодаго человѣка за самое больное мѣсто,—за его самолюбіе; онъ весь вспыхнулъ теперь.

— Для кого „шута“, для кого чего нибудь получше, пожалуй! возразилъ онъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ ироніи въ тонѣ:—это вопросъ стараго и новаго поколѣнія... Мы не поймемъ другъ друга, батюшка!

— Что же мнѣ понимать-то, не потрудишься-ли объяснить, вскликнулъ Павелъ Григорьевичъ:—то-ли, что ты уже не по легкомыслію, а съ полнымъ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ, что такъ тебѣ и слѣдуетъ, записался въ бунтовщики, во враги общественнаго порядка и правительства?..

Гриша приподнялъ плечи:

— Ни вашъ „порядокъ“, ни ваше „правительство“ мы, молодое поколѣніе, уважать не можемъ, и стремимся... къ ихъ упраздненію, договорилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Нестерпимою болью и гнѣвомъ засверкали глаза отставнаго Севастопольца. Онъ ухватился за кресло, какъ бы съ тѣмъ, чтобы подняться, чтобы кинуться на сына... и упалъ опять, безсильный и дрожащій...

— Что же, застоналъ его голосъ, такъ мы для того *тамъ* одиннадцать мѣсяцевъ умирали каждый день за Русскую землю и ея Царя, чтобы вы, вы... наши дѣти...

Горло свело ему судорогой, онъ говорить не могъ...

— Паша, голубчикъ! ринулся къ нему старикъ-братъ, отчаянно простирая къ нему руки.

Троекуровъ схватилъ Гришу за руку и потянулъ его къ окну.

— Вы безумецъ, Гриша, строго заговорилъ онъ, — и что хуже, извините, — просты не по лѣтамъ! Вы въ дѣйствительности такой-же революціонеръ, какъ я,—иначе вы были бы чудовище, а не сынъ вотъ этого человѣка, предъ которымъ каждый порядочный человѣкъ въ Россіи почтительно шапку скинетъ... И вы убиваете его, губите самого себя изъ-за чего? изъ-за бездѣльника, который натравилъ васъ, а самъ удралъ, оставивъ васъ на жертву!.. Вѣдь вы должны же знать, что онъ скрылся... ему дали уйти,—а вы поплатитесь! Развѣ отецъ вашъ не правъ, развѣ не играете вы въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ роль шута?.. Вы хоть бы объ этомъ серьезно подумали, если сердце успѣли вы свое испортить уже настолько, чтобы не понимать, какою цѣной заплатятъ за это ваши родители!..

Еслибы Гриша имѣлъ даръ ясновидѣнія и могъ прочесть то, что сказывалось въ мысли Троекурова не далѣе какъ часъ тому назадъ, онъ имѣлъ бы возможность спросить его въ эту

минуту въ свою очередь: какою цѣной и кѣмъ должно было быть заплачено „безуміе“ самого проповѣдника?..

Но у бѣднаго юноши не было и этого аргумента въ запасѣ. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ „поступкомъ“ и сознавалъ съ глубокимъ внутреннимъ смятеніемъ, что ему нечѣмъ, нечѣмъ серіозно оправдать его... Слова Бориса Васильевича разбивали какъ-то сразу въ прахъ весь его напускной задоръ. Какой онъ въ самомъ дѣлѣ революціонеръ? Есть-ли въ немъ тотъ огонь и мужество, есть-ли та *злость*, какіе нужны для этого? Вотъ онъ „раскисъ уже совсѣмъ“, не смѣетъ обернуться на старика-отца, и сердце невыносимо ноетъ, и слезы такъ-таки сейчасъ, кажется, и брызнутъ изъ глазъ. А „тотъ“ вовлекъ его, сгубилъ и—скрылся, не почтя даже нужнымъ извѣстить его о себѣ, справиться и о его участи. Онъ „преслѣдуетъ свое дѣло“ и пренебрегаетъ тѣми, кто служилъ ему безсловеснымъ орудіемъ, послушною, жалкою игрушкой... Да, это такъ, онъ, Григорій Юшковъ, — „шутъ“, надъ которымъ смѣется теперь этотъ же человѣкъ, за котораго приходится ему „расплачиваться“... И какъ онъ могъ такъ слѣпо отдаться ему въ руки, давно-ли онъ его знаетъ?.. Онъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, незадолго до экзаменовъ, въ одномъ студенческомъ кружкѣ, съ которымъ водился Гриша. Его звали тамъ Ѳедоровымъ, и Гриша только позднѣе узналъ, что это не была его настоящая фамилія, и что онъ „скрывается отъ полиціи“, для чего даже носитъ парикъ темнѣе собственныхъ волосъ... Студенты кружка, почти всѣ первокурсники, благоговѣли предъ нимъ, какъ предъ человѣкомъ, „бывшимъ въ Лондонѣ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ самимъ Александромъ Ивановичемъ“, къ которому — передавали они шопотомъ другъ другу,—„онъ былъ посылаемъ даже для особыхъ переговоровъ отъ редакціи „*Современника*“, и съ восторженнымъ сочувствіемъ заслушивались его „прогрессивныхъ“ рѣчей... Гриша, слывшій въ университетѣ „красною дѣвицей“ и „аристократомъ“, былъ особенно польщенъ тѣмъ, что столь „хорошо поставленное въ *либеральномъ лагерѣ*“ и авторитетное среди его товарищей лицо, обратило на него съ перваго раза особое вниманіе и заявило даже, что желаетъ

„спеціально заняться его развитіемъ“. Нашъ юноша получилъ дѣйствительно отъ этого наставника указаніе на „нѣкоторыя необходимыя“ для такого его „развитія“ книги, въ которыя „слѣдовало ему *вникнуть*“. Первымъ нумеромъ стояло извѣстное *Kraft und Stoff* Бюхнера, которое Гриша, знавшій хорошо по-нѣмецки и одаренный отличною памятью, одолѣлъ весьма быстро и такъ, что на ближайшемъ послѣ этого сборищѣ кружка могъ цитовать наизусть цѣлыя страницы изъ этого сочиненія, выводя изъ нихъ уже самыя рѣшительныя заключенія о необходимости „*покончить* со всякимъ ѳеогоническимъ началомъ“. Овцынъ ударилъ его за это поощрительно по плечу и многозначительно проговорилъ: „Будетъ прокъ“! вслѣдъ за чѣмъ товарищи принялись даже апплодировать Гришѣ... Затѣмъ наступили экзамены, и собранія прекратились; но предъ самымъ отъѣздомъ Гриши домой къ нему нежданно явился Овцынъ „сообщить ему“, что самъ онъ имѣетъ намѣреніе „для нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей“ побывать лѣтомъ въ его, Юшкова, мѣстахъ, и потому проситъ дать ему свой тамошній адресъ и „ждать его посѣщенія“, причемъ уже съ таинственнымъ видомъ передалъ, что „нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ его быть осторожнымъ“, а потому онъ желаетъ, чтобъ Юшковъ хранилъ ихъ отношенія въ тайнѣ „отъ своихъ домочадцевъ и ото всякаго вообще провинціальнаго старья, какого тамъ, надо думать, вдосталь“, и заключилъ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, будетъ имѣть надобность обратиться къ нему для содѣйствія этимъ своимъ „нѣкоторымъ цѣлямъ“. — „Какія же это такія цѣли“? спросилъ озадаченно Гриша.— „Само собою не личныя, а для общаго блага“! высокомѣрно отрѣзалъ на это Овцынъ, но болѣе обстоятельное объясненіе отложилъ до ихъ встрѣчи „*тамъ*“.

„И вотъ онъ пріѣхалъ—и въ три свиданія *обработалъ* меня!“ говорилъ себѣ теперь Гриша съ мучительною тоской, съ невыносимымъ чувствомъ стыда...

Печально и участливо глядѣлъ на него Троекуровъ: онъ угадывалъ, что происходило въ этой слабовольной молодой душѣ.

— Послушайте, сказалъ онъ, — вы слышали, сейчасъ у

васъ обыскъ будетъ; надо уничтожить все, что можетъ быть компрометтирующаго въ вашихъ бумагахъ.

— У меня ничего нѣтъ, пролепеталъ на это юноша.

— Не осталось экземпляровъ тѣхъ... прокламацій вашихъ?

— Ихъ у меня здѣсь никогда и не было...

Борисъ Васильевичъ воззрился ему въ лицо съ невольнымъ недовѣріемъ.

— Не было, повторилъ тихо Гриша:—у отца подъ кровлею... я не хотѣлъ...

— Вы писали адресы у этого негодяя... у Троженкова?

Гриша не отвѣчалъ.

— И ничего больше нѣтъ?

— Были запрещенные стихи, я ихъ сжегъ.

— Давно?

— Тогда же...

— Пойдемте однако въ вашу комнату; посмотрѣть хорошенько не мѣшаетъ... къ мелочамъ могутъ придраться...

Но въ это самое время подъ окнами комнаты послышался лошадиный топотъ, и мимо ихъ ко крыльцу промчался дорожный тарантасъ, съ двумя сидѣвшими въ немъ господами въ форменныхъ фуражкахъ.

— Они! глухимъ крикомъ вскрикнулъ, оборачиваясь, старикъ-смотритель, все время возившійся около брата.

— Пойди, проси ихъ! выговорилъ спокойнымъ голосомъ Павелъ Григорьевичъ, запахивая полы длиннаго халата, въ который былъ онъ облеченъ по случаю нездоровья, и выпрямляясь на своемъ сидѣньи.

Гриша въ свою очередь вскинулъ вверхъ голову; глаза его глядѣли гордо и твердо.

„Хорошо“! сказалъ себѣ Троекуровъ, зорко наблюдавшій за нимъ...

Вошли въ сопровожденіи старшаго Юшкова исправникъ Факирскій и жандармскій капитанъ въ голубомъ мундирѣ, весьма благообразной и какой-то невинно строгой наружности молодой человѣкъ (онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ первыхъ полковъ гвардіи и промѣнялъ его на жандармскую долж-

ность, „по страсти, говорилъ онъ, къ слѣдственной дѣятельности“).

Факирскій былъ теменъ, какъ туча. Онъ, вступивъ въ комнату, поспѣшно обвелъ однимъ общимъ поклономъ всѣхъ присутствующихъ, замѣтно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Павломъ Григорьевичемъ, и, пропустивъ впередъ офицера, словно заслонился весь имъ.

— Хозяинъ? шепоткомъ, обернувшись къ нему въ полоборота, спросилъ его тотъ, и на утвердительный знакъ его подошелъ къ креслу съ почтительнымъ и вполнѣ свѣтскимъ наклоненіемъ головы.

— Покорнѣйше прошу васъ извинить... началъ было онъ; но Павелъ Григорьевичъ не далъ ему продолжать. Онъ отдалъ ему учтиво поклонъ и заговорилъ самъ:

— Пріѣздъ вашъ ко мнѣ не требуетъ объясненій!.. онъ говоритъ самъ за себя. Тотъ, кому я, по всей вѣроятности, обязанъ честью видѣть васъ у себя въ домѣ, здѣсь, налицо (онъ, не глядя на сына, кивнулъ головой въ его сторону):— а потому, если вамъ угодно, вы можете сейчасъ же приступить къ вашему дѣлу.

Благообразнаго голубаго офицера передернуло. Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, но все также свѣтски наклонилъ еще разъ голову, прищурился слегка на Гришу и, шагнувъ къ отошедшему нѣсколько въ сторону исправнику:

— Этотъ самый молодой человѣкъ? спросилъ онъ его на ухо.

— Онъ! не могъ удержать вздоха Факирскій.

— Гриша, промолвилъ громко Троекуровъ,—пройдемте съ этими господами въ вашу комнату... Пожалуйте, господа! пригласилъ онъ рукой слѣдовать за молодымъ человѣкомъ, немедленно двинувшимся вслѣдъ за его словами къ двери.

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, нашъ здѣшній мировой посредникъ и крупный землевладѣлецъ, счелъ нужнымъ объяснить Факирскій, наклонясь въ свою очередь къ уху офицера.

Тотъ повелъ только головой и слегка покраснѣлъ. Онъ помнилъ Троекурова еще съ поры своего юнкерства въ пол-

ку, въ которомъ и тотъ служилъ еще тогда, но „ни ему, ни мнѣ не особенно пріятно возобновлять теперь знакомство“, основательно разсудилъ онъ.

— Паша, что же это будетъ? вскликнулъ неудержимо, вскидывая руки вверхъ, старикъ-смотритель, оставшись вдвоемъ въ комнанѣ съ братомъ.

Морякъ не отвѣчалъ; только грозныя брови его судорожно дрогнули надъ сверкнувшими на мигъ глазами...

XVII.

... Portavimus umbram
Imperii...
Sidonii Apollinarii carmina.

Какъ другъ обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.
Пушкинъ.

Это ваше именно помѣщеніе? спрашивалъ Гришу жандармскій капитанъ, оглядывая свѣтлую, уютную комнату, въ которую вошли они, и въ которой все, отъ свѣжихъ ситцевыхъ занавѣсей и до бездѣлушекъ, разставленныхъ на столахъ и этажеркахъ, носило слѣды заботливой руки, руки матери, любовно уготовлявшей этотъ „уголокъ“ къ пріѣзду дорогаго дѣтища.

— Да, это кабинетъ мой, а тутъ рядомъ маленькая комната, моя спальня.

Тотъ заглянулъ въ спальню, потянулъ кончикъ уса и спросилъ опять:

— Тутъ у васъ все *ваше:* книги, бумаги?...

— Да. Книги въ шкафу, бумаги здѣсь вотъ!

И Гриша нервнымъ движеніемъ дернулъ за ключъ и вытащилъ на половину большой ящикъ письменнаго стола съ мирно почивавшими тамъ тетрадями университетскихъ лекцій.

Голубой офицеръ деликатною рукой потащилъ къ себѣ одну изъ нихъ:

— Это ваша рука? мягчайшимъ тономъ проронилъ онъ.

— Нѣтъ, усмѣхнулся невольно студентъ,—это литографи-

рованныя записки... А вотъ это я строчилъ, примолвилъ онъ, подавая ему съ тою же усмѣшкой исписанный листъ.

— Позвольте посмотрѣть!...

Онъ взялъ этотъ листъ—отрывокъ изъ какого-то конспекта по энциклопедіи правовѣдѣнія,—отошелъ съ нимъ къ окну, пригласивъ глазами исправника туда же, и, обернувшись спиной къ молодому человѣку и Борису Васильевичу, который, усѣвшись на диванъ, внимательно слѣдилъ за происходившимъ, запустилъ руку за бортъ сюртука, вытащилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него какой-то почтовый конвертъ и показалъ его Факирскому... Головы ихъ на нѣсколько мгновеній низко наклонились надъ обоими „письменными документами“, очевидно сличая ихъ.

— Несомнѣнно! прошепталъ голубой..

Исправникъ только насупился.

Тотъ вернулся къ Гришѣ.

— Вы изволили сказать, что это ваша рука? сказалъ онъ, показывая ему на конспектъ.

— Моя.

— А эту вы не признаете? И онъ, осторожно и крѣпко придерживая двумя пальцами конвертъ за верхъ его, поднесъ начертанный на немъ адресъ подъ глаза Гриши.

Гриша началъ громко:

„Его превосходительству, господину пензенскому губер...“ Онъ не дочелъ, поднялъ глаза—словно какая-то змѣйка пробѣжала по его лицу,—и твердо выговорилъ:

— Это тоже я писалъ.

Факирскій, съ замѣтною озабоченностью въ лицѣ ожидавшій его отвѣта, болѣзненно поморщился и быстро отвернулся къ окну. Троекуровъ такъ и впился въ юношу...

Жандармскій капитанъ осторожно вынулъ изъ конверта листокъ въ осьмушку тонкой, отпечатанной убористымъ шрифтомъ бумаги, по всѣмъ признакамъ заграничнаго происхожденія:

— Вамъ было извѣстно, спросилъ онъ, и глаза его въ свою очередь блеснули какъ бы невольнымъ участіемъ къ допрашиваемому,—о содержаніи того, что заключалось какъ

подъ этою обложкой, такъ и подо многими другими такими же съ адресами на нихъ вашей же руки и вами же лично сданными въ ***ской почтовой конторѣ, какъ показываютъ очевидцы?...

Гриша не успѣлъ отвѣтить.

— А если это ему извѣстно не было? воскликнулъ вдругъ Троекуровъ, вскакивая со своего мѣста:—если онъ просто по добродушію... или легкомыслію, если хотите, согласился надписать на готовыхъ запечатанныхъ конвертахъ адресы всякихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, по списку данному ему тѣмъ, кому нужно было разослать эти прокламаціи?... Вѣдь прокламаціи это были? Всѣмъ извѣстно, что ихъ разбрасывали въ Петербургѣ, на Волгѣ... Одинъ изъ такихъ экземпляровъ вѣроятно и у васъ тутъ? указалъ онъ на листокъ, который голубой офицеръ, какъ бы внезапно испугавшись этихъ словъ, поспѣшилъ тутъ же вложить снова въ обложку... „Вотъ тебѣ исходъ, пользуйся!“ говорили въ то же время глаза Бориса Васильевича Гришѣ, все также не отрываясь отъ него.

— Въ такомъ случаѣ, съ живостью молвилъ капитанъ,— не потрудится-ли господинъ Юшковъ назвать то лицо, по просьбѣ котораго надписаны имъ адресы на этихъ обложкахъ?

Троекуровъ еще разъ не далъ юношѣ произнести слова:

— Капитанъ, вы должны понимать, какъ трудно *порядочному* молодому человѣку, подчеркнулъ онъ,— выдавать кого-бы то ни было... Вопросъ этотъ къ тому же, кажется, безполезенъ. По имѣющимся, какъ мнѣ извѣстно, въ вашемъ вѣдомствѣ свѣдѣніямъ, сами вы должны догадываться, если и не знаете достовѣрно, кто могъ быть „лицо“, о которомъ вы спрашиваете.

Фанатикъ „по слѣдственной части“ весь превратился самъ теперь въ вопросительный знакъ.

— О комъ это вы изволите говорить?

Троекуровъ поглядѣлъ ему въ глаза:

— Позвольте-съ, мы здѣсь не въ прядки играемъ! Вы не можете не знать, что въ здѣшней мѣстности, именно въ то

время, когда сданы были на почту эти прокламаціи, проживалъ нѣкто, одинъ изъ нынѣшнихъ *агитаторовъ* что-ли,—какъ ихъ назвать! — давно извѣстный вашему вѣдомству, которое, какъ это мнѣ, повторяю, *лично извѣстно*, и разыскивало его *формально*, иронически добавилъ онъ.

Благообразный офицеръ съ тѣмъ же недоумѣвающимъ видомъ пожалъ плечомъ.

— Рѣшительно не понимаю-съ!..

— Такъ я вамъ прямо назову его, отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ, — его все сильнѣе разбирала желчь: — зовутъ его Овцынымъ; бывшій студентъ Петербургскаго университета; эмигрировавшій за границу и вернувшійся оттуда подъ чужимъ именемъ; подозрѣваемый въ участіи въ петербургскихъ пожарахъ...

Капитанъ закивалъ теперь утвердительно головой:

— Это совершенно такъ-съ: называемый вами господинъ дѣйствительно разыскивается... И онъ какъ бы невольно прибавилъ своимъ свѣтски-любезнымъ тономъ и съ легкою усмѣшкой: — мнѣ остается только удивиться, откуда вамъ вѣдомы наши тайны.

— А я, возразилъ съ такою же усмѣшкой его собесѣдникъ,—удивляюсь тому, что вы вѣрите еще въ эти „тайны“. Въ русскихъ управленіяхъ *наисекретнѣйшая* бумага извѣстна тѣмъ, отъ кого скрываютъ ея содержаніе, прежде еще, чѣмъ она подписана.

Капитанъ повелъ губами не то недовѣрчиво, не то кисло:

— Такое утвержденіе, мнѣ кажется, нѣсколько преувеличено... Что же касается даннаго случая, торопливо перебилъ онъ себя, — относительно личности, которую вы сейчасъ назвали, то считаю долгомъ завѣрить васъ, что ея въ здѣшней мѣстности и не было вовсе...

— И „вовсе“ даже? не могъ удержаться отъ смѣха Борисъ Васильевичъ:—таковы ваши свѣдѣнія?

— У насъ въ центральномъ управленіи имѣются объ этомъ самыя положительныя данныя, утвердительно и нѣсколько обиженный этимъ смѣхомъ промолвилъ тотъ.

Троекуровъ еще разъ воззрился ему прямо въ лицо: оно дышало самою несомнѣнною, младенческою искренностью.

„О sancta simplicitas въ лазоревомъ мундирѣ, подумалъ онъ: покойся безмятежно на иждивеніи благодушнаго отечества, а хранить его предоставь ужь единому Господу Богу!“...

— А я вамъ вотъ что̀ скажу-съ, громко выговорилъ онъ:—можете донести вашему начальству, что, если-бъ это понадобилось, я, не говоря уже о моемъ собственномъ, соберу еще сколько угодно показаній свидѣтелей о пребываніи этого негодяя здѣсь, и притомъ самыхъ подробныхъ:—и когда, и гдѣ, и что̀...

Глаза его остановились на мигъ на мрачно внимавшемъ этому разговору исправникѣ,—и тутъ же отвернулись. Онъ замолчалъ.

Но слова его видимо произвели вѣское впечатлѣніе на нашего капитана. Прирожденная его чертамъ строгость перешла даже теперь въ нѣкоторый оттѣнокъ грозности,—все также впрочемъ „невинной“.

— Я не смѣю не довѣрять вашимъ словамъ, раздумчиво и протяжно произнесъ онъ. И, обращаясь къ Гришѣ:

— Вы подтверждаете *ихъ* показаніе?

— Какое? какъ со сна спросилъ тотъ. Онъ стоялъ, глубоко погрузясь въ свою тяжелую внутреннюю думу.

— Относительно пребыванія здѣсь бывшаго студента Овцына, а также и того, что вы, по его просьбѣ, и не зная, что̀ содержится въ изготовленныхъ и запечатанныхъ имъ заранѣе конвертахъ, надписали на нихъ адресы по списку, полученному вами отъ него же?

Потупленные до сихъ поръ глаза Гриши вскинулись на вопрошавшаго:

— Я никакого Овцына не знаю.

— Онъ называлъ себя здѣсь *Ѳедоровымъ*, замѣтилъ на это Борисъ Васильевичъ.

— Онъ и въ Петербургѣ, какъ намъ извѣстно, проживалъ подъ этою фамиліей, подтвердилъ капитанъ,—такъ, значитъ *Ѳедорова*, все равно-съ, обратился онъ снова къ молодому Юшкову.

— Я и Ѳедорова не знаю, рѣзко отвѣтилъ тотъ.

Троекуровъ вспыхнулъ весь, шагнулъ къ нему:

— Гриша, вскрикнулъ онъ,—знаете-ли вы, что говорите? Ваше отрицаніе—вѣдь это, значитъ, я солгалъ!...

Юноша съ задрожавшими губами обернулся на него:

— Вы хотите меня спасти, Борисъ Васильевичъ, залепеталъ онъ чрезъ силу,—спасибо вамъ... но... я... не могу принять... Ни Овцына, ни Ѳедорова, никого я не знаю, крикнулъ онъ внезапно визгливымъ крикомъ, давясь, чтобы не разрыдаться рыданіемъ, — я одинъ, безъ ничьей просьбы, одинъ дѣйствовалъ... Я не мальчишка и не хочу, чтобы меня спасали... И дѣлайте со мною, что хотите!...

— Сдѣлайте милость, успокойтесь!—поспѣшно заговорилъ благообразный офицеръ, очень смутившійся этимъ „припадкомъ“:—на меня возложена обязанность разъяснить обстоятельства дѣла... Но повѣрьте, что въ господинѣ шефѣ жандармовъ вы найдете полную снисходительность... къ увлеченіямъ молодости...

— Садитесь, Гриша, и выпейте воды, прервалъ его Троекуровъ, строго взглянувъ на своего молодаго пріятеля,—вы слишкомъ волнуетесь!

Гриша разомъ осилилъ себя, прошелся по комнатѣ, сѣлъ и закурилъ папироску: „безъ воды, молъ, обойдемся...“

Исправникъ Факирскій нежданно подошелъ къ товарищу своему по *дознанію*:

— Позвольте мнѣ подтвердить показаніе Бориса Васильевича насчетъ бытности здѣсь этого... Овцына или Ѳедорова, началъ онъ рѣшительнымъ, словно вызывающимъ, тономъ:—въ тѣхъ же приблизительно числахъ, когда сданы были господиномъ Юшковымъ на почту эти конверты съ прокламаціями, арестованъ былъ мною на сѣнокосѣ, при свалкѣ крестьянъ, вслѣдствіе тамъ одного спора о владѣніи лугами, неизвѣстный молодой человѣкъ въ крестьянской одеждѣ и, какъ оказалось, съ накладною бородой, возбуждавшій крестьянъ противъ рѣшенія господина мироваго посредника, причемъ онъ нанесъ тутъ же ему, Борису Васильевичу, увѣчье, швырнувъ ему дубиной въ колѣно... У него находился паспортъ на имя

какого-то клинскаго мѣщанина, очевидно фальшивый. Изъ его пріемовъ, наружности и того, какъ отвѣчалъ онъ, я почитаю себя въ полномъ правѣ заключить теперь, что этотъ неизвѣстный ни кто иной былъ какъ упомянутый Овцынъ... До отправленія его въ острогъ я велѣлъ тогда, послѣ происшествія, привести его для допроса въ одну усадьбу, въ которой самъ я ночевалъ въ тотъ разъ, и запереть тамъ подъ стражей до утра...

Голосъ его оборвался... Онъ передохнулъ и продолжалъ, хмурясь и кусая себѣ губы:

— Господинъ этотъ ушелъ изъ-подъ стражи тогда же, ночью... Я признаю себя вполнѣ виновнымъ въ этомъ, рапортовалъ въ этомъ смыслѣ начальнику губерніи, прося о немедленномъ отчисленіи меня отъ должности исправника, къ которой признаю себя рѣшительно неспособнымъ... и готовъ нести всякую отвѣтственность за... небрежное отношѣніе мое къ обязанности моей въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ онъ, глядя блестящими глазами на Троекурова.

Благообразный жандармскій офицеръ съ изумленіемъ глядѣлъ въ свою очередь на его возбужденный видъ:

— Я объ этомъ, само собою, доложу нашему начальнику штаба. Свидѣтельства ваше и *ихнее*, указывая на Бориса Васильевича, молвилъ онъ значительно,—весьма важны, такъ какъ князь, шефъ нашъ, особенно интересуется дѣломъ этихъ прокламацій... А изъ округа пишутъ намъ, что Овцынъ не бывалъ ни въ одной изъ этихъ губерній,—весьма странно! пропустилъ онъ сквозь зубы. И, спохватившись вдругъ:—А теперь ужь позвольте, обратился онъ къ молодому Юшкову, съ новымъ выраженіемъ строгости на лицѣ, нѣсколько умѣряемой учтивымъ вздохомъ,—позвольте приступить уже собственно къ исполненію возложеннаго на меня порученія.

— Пожалуйста! произнесъ Гриша, иронически улыбаясь.

— Мнѣ необходимо нѣсколько... внимательно пересмотрѣть ваши бумаги.

— У меня ничего не заперто; смотрите, гдѣ и что вамъ угодно!

Начался *обыскъ*. Голубой офицеръ съ необыкновенною

добросовѣстностью относился къ своему дѣлу: онъ перешарилъ всѣ шкафы и ящики въ кабинетѣ и спальнѣ, перерылъ всѣ книги, перелистовалъ всѣ до одной страницы неповинныхъ лекцій студента, отложилъ въ одну отдѣльную кучку всѣ письма, записки, каждый лоскутокъ, представлявшій подобіе клочка отъ разорванной переписки... Но все это, по тщательной разсортировкѣ и внимательномъ прочтеніи, оказалось самаго безупречнаго свойства: письма родителей или счеты сапожника и портнаго... Оставалась корзина подъ столомъ для хлама. Онъ вывернулъ весь этотъ хламъ на полъ... и не даромъ. Въ немъ нашлась узковатая полоска грубой писчей бумаги, изъ которой, судя по свойству сохранившихся на ней складокъ, былъ очевидно, до или послѣ полученія ея, сложенъ *пятушокъ* и затѣмъ, на половину порванный, кинутъ въ корзину. Сложивъ разъединенныя сторонки полоски, капитанъ, пригласивъ быстрымъ взглядомъ исправника читать вмѣстѣ съ нимъ, разобралъ слѣдующія писанныя по длинѣ ея строки:

„Видно, васъ дома въ уздѣ держатъ, не отъявились сегодня по уговору въ Быковскій лѣсъ. Урвитесь отъ церберовъ хотя завтра, въ 2 часа,—дѣло нужное, а мнѣ улетучиваться скоро. *Θед*“.

Улыбка удовольствія скользнула подъ усами капитана.

— Вы изволите утверждать, поднялъ онъ глаза на Гришу, протягивая ему вмѣстѣ съ этимъ свою находку и все также крѣпко придерживая ее двумя пальцами,—что не знакомы ни съ господиномъ Овцынымъ, ни съ *Θедоровымъ*, подчеркнулъ онъ:—а чья эта подпись, не признаете-ли?

Юноша взглянулъ на нее, поморщился и молча отвернулся... Что̀ пытки, что̀ униженія переиспыталъ онъ, пока „этотъ учтивый господинъ“ обшаривалъ и переворачивалъ вверхъ дномъ его „бѣдный уголокъ!“...

— А что̀ тамъ? тревожно выговорилъ Троекуровъ, подходя къ капитану.

— Полюбопытствуйте! сказалъ любезно тотъ, приподымая ему къ глазамъ записку, но не выпуская ея изъ рукъ попрежнему:—прямое подтвержденіе вашего показанія...

Капитанъ вложилъ *документъ* въ добытую имъ изъ бу-

мажника обложку, зажегъ спичкою свѣчу и, запечатавъ пакетъ кусочкомъ сургуча, валявшимся на столѣ, надписалъ на немъ нѣсколько словъ,—и аккуратно сунулъ его въ тотъ же бумажникъ, рядомъ съ конвертомъ съ прокламаціей.

Настала затѣмъ минута общаго, натянутаго молчанія.

Благообразный офицеръ обвелъ глазами кругомъ комнаты и остановилъ ихъ на исправникѣ, который, все съ тѣмъ же сумрачно возбужденнымъ выраженіемъ лица, стоялъ, опершись рукою о спинку кресла, и барабанилъ нервно по ней пальцами.

— Здѣсь, какъ бы не совсѣмъ твердо произнесъ онъ, — рѣшительно, кажется, все осмотрѣно?...

Факирскій передернулъ судорожно плечами, словно говоря „а тебѣ чего еще нужно?“

— Развѣ... въ другихъ комнатахъ? молвилъ тотъ съ тѣмъ же нетвердымъ оттѣнкомъ въ звукѣ голоса.

— Въ какихъ же это? рѣзко устремляя на него свои стальные глаза, воскликнулъ Троекуровъ.—Ужь не намѣрены ли вы распространить обыскъ вашъ на бумаги самого Павла Григорьевича Юшкова?

„А почему бы нѣтъ?“ промелькнуло въ отвѣтъ въ глазахъ капитана. Но врожденное чувство порядочности, да и точный смыслъ его инструкціи восторжествовали надъ „страстью къ слѣдственной дѣятельности“. Онъ чуть-чуть покраснѣлъ и затеребилъ себя за кончикъ уса съ озабоченнымъ видомъ.

— Въ такомъ случаѣ, слегка заикаясь и поводя съ замѣтнымъ смущеніемъ глаза на Гришу, промолвилъ онъ, — мнѣ остается просить васъ... собираться въ путь. Мнѣ предписано доставить васъ... безъ промедленія... въ Петербургъ.

— Я готовъ! громко и спокойно проговорилъ студентъ, глядя не на него, а на Троекурова: „ты-молъ посмотришь, стану-ли я *волноваться* теперь!“

— Вы хотите... сейчасъ? воскликнулъ въ первую минуту тотъ: — его мать пріѣзжаетъ сегодня вечеромъ, дайте имъ проститься....

Гриша прервалъ его; лицо его поблѣднѣло какъ полотно:

— Нѣтъ, не надо, Борисъ Васильевичъ, ради Бога! Пусть сейчасъ ужь, сейчасъ и кончено!...

— Я не смѣю, возразилъ со своей стороны голубой офицеръ: — мнѣ предписано быть съ *ними* въ Петербургѣ 27-го числа, а сегодня 25-е; мы едва успѣемъ завтра въ Москву къ вечернему поѣзду.

„И то, подумалъ Троекуровъ, она поскачетъ за сыномъ въ Петербургъ, дадутъ ей тамъ съ нимъ свиданіе и не одно; а тутъ такое оранье пойдетъ, что и ни сыну, ни отцу духомъ не выдержать".

— Вотъ что, если такъ, сказалъ онъ громко, — я пошлю вамъ сейчасъ кого-нибудь уложить вашъ чемоданъ, какъ бы чтобъ ѣхать къ намъ, во Всесвятское, на нѣсколько дней, а отсюда мы отправимся съ вами въ моей колескѣ... Вы позволите, капитанъ? Мы избѣгнемъ такимъ образомъ суматохи въ домѣ, толковъ между прислугой. А плѣнникъ вашъ не уйдетъ, примолвилъ онъ съ насилованною улыбкой:—вы съ господиномъ исправникомъ поѣдете впереди, или сзади насъ; не доѣзжая до Всесвятскаго, онъ къ вамъ пересядетъ.

— Извольте-съ! согласился подумавъ голубой офицеръ.

— Борисъ Васильевичъ вышелъ изъ комнаты, послалъ встрѣтившагося ему слугу къ Гришѣ, а самъ направился въ кабинетъ.

Старики-братья сидѣли тамъ рядомъ другъ съ другомъ въ глубокомъ и скорбномъ молчаніи. Слова приходили и тутъ же замирали на ихъ устахъ... Палъ громъ и все спалилъ, все разрушилъ,—о чемъ же тутъ въ самомъ дѣлѣ говорить?... „Лишь бы Паша, Паша *вынесъ* это!" стояло гвоздемъ въ головѣ смотрителя. „Сынъ... единственный, одна была надежда, сынъ—преступникъ!... И чѣмъ же я теперь мать его утѣшу?" тупымъ, безпощаднымъ ножомъ рѣзало по сердцу Павла Григорьевича: — „вернулся я живымъ изъ *того* ада, для чего? — чтобы до этого дожить!"

— Ну что? глухо вырвалось у смотрителя при видѣ входившаго Троекурова.

— Ничего не нашли, кромѣ записки... отъ того мерзавца:

приглашаетъ его на свиданіе съ нимъ въ лѣсъ для „нужнаго дѣла“. Вздоръ въ сущности...

— А самъ какъ себя держитъ? словно помимо воли и не глядя на него, спросилъ морякъ.

— Ничего. Волновался было; утихъ. Объявилъ, само собою, что никакого Овцына, ниже Ѳедорова не знаетъ. А я прямо показалъ на негодяя... Вообразите, что они въ Петербургѣ не знаютъ даже, что онъ былъ здѣсь, а въ Москвѣ жандармскій же полковникъ предварилъ объ этомъ отца его, стараго дурака, дядю моей жены, чтобы тотъ посовѣтовалъ сыну скрыться, пока онъ, жандармъ, будетъ дѣлать распоряженіе о его поимкѣ. Не знаю ужь, что̀ это: пошлость, или измѣна, если не то и не другое вмѣстѣ?... Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, Гришѣ большой бѣды не ждать. Отнесутъ къ „увлеченію молодости“, какъ говорилъ вотъ сейчасъ ему этотъ разлюбезный офицеръ...

— Мы въ молодости, прервалъ его голосомъ полнымъ жгучей горечи Павелъ Григорьевичъ,—мы честью Россіи увлекались; а онъ, вы слышали сейчасъ, и вовсе „упразднить“ ее желаетъ.

— Борисъ Васильевичъ пожалъ плечами:

— Слова пустыя!

— Слова? А за ними что̀? Ни совѣсти, ни любви, ни вѣры въ святое!... Пустота безъисходная!

— У вашего сына все это напускное, сказалъ Троекуровъ, — временная дань нелѣпому времени; съ него все это очень скоро соскочитъ...

— Тряпичныя душонки! перебилъ его еще разъ морякъ;— вы говорите: „скоро соскочитъ“. Утѣшили, думаете? Намъ желѣзныя воли на добро нужны теперь, а ихъ у насъ, видно, только на гибель свою и чужую хватаетъ...

Старшій Юшковъ поспѣшно заговорилъ свое:

— Паша, ты только мучаешься безконечно! Спроси лучше Бориса Васильевича, какъ лучше поступить теперь, чтобы спасти Гришу? Если бы ты написалъ, напримѣръ, прямо въ руки Государю, неужели бы онъ, при своей добротѣ и зная твои заслуги, отказалъ тебѣ?

— Ни единой строчки не напишу, сурово оборвалъ его братъ: — царь не откажетъ, да я не хочу! Писать ему, службой моею бывшею постыдно похваляться предъ нимъ, — для чего? Чтобъ онъ мнѣ отдалъ безнаказаннымъ преступнаго мальчишку потому единственно, что онъ сынъ мой? Такъ мнѣ такого и даромъ не нужно! Если онъ въ отцовскомъ домѣ не выучился до сихъ поръ мыслить здраво и чувствовать честно, по-русски и по-христіански чувствовать, — такъ пусть въ иной школѣ, въ ссылкѣ да въ нуждѣ этому научится. А не въ прокъ ему и это пойдетъ, намъ уже не видаться съ нимъ въ жизни, — Богъ далъ, Богъ взялъ, да будетъ Его воля святая!

— Его увозятъ сейчасъ, Павелъ Григорьевичъ, проговорилъ морщась Троекуровъ.

Смотритель схватилъ себя обѣими руками за голову:

— Увозятъ! Ты слышишь, Паша, нашего Гришу увозятъ!.. Ты его хоть на муку-то на эту благослови!

Бѣдный отецъ повелъ на него помутившимися глазами:

— Увозятъ, безсознательно повторялъ онъ, — что-жь... мы знали... И вдругъ съ неудержимымъ порывомъ: — А они всѣ тамъ, властители наши, что они дѣлаютъ, застоналъ онъ, — за что они даютъ губить нашихъ дѣтей! Все изъ рукъ повыпустили, безпомощно глядятъ, какъ отравляютъ цѣлое поколѣніе... Петрово наставленіе забыли: „дадеся бо имъ власть въ созиданіе, а не разрушеніе!!..“ *)

Дверь въ эту минуту отворилась, и на порогѣ ея, блѣдный, съ судорожнымъ усиліемъ казаться спокойнымъ, показался Гриша. Въ просвѣтѣ за нимъ мелькнула на мигъ фигура въ голубомъ форменномъ сюртукѣ (рачительный офицеръ „на всякій случай“ счелъ нужнымъ провести самъ чрезъ покои неизвѣстнаго ему дома своего арестанта до кабинета его отца,) и тутъ же скрылась.

Въ комнатѣ водворилось мгновенно мертвенное молчаніе. Изъ-подъ насупившихся бровей глаза Павла Григорьевича лихорадочно устремились на сына; грудь его учащенно подымалась и осѣдала подъ заходившею тканью халата...

---

*) Указъ Петра I объ уничтоженіи патріаршества.

Гриша подошелъ къ самому креслу его:

— Я пришелъ проститься съ вами, папа, прошепталъ онъ, осиливая дрожавшіе звуки своего голоса.

Тотъ глядѣлъ ему уже прямо въ глаза съ выраженіемъ невыносимой тоски...

— Что же я теперь матери твоей скажу? былъ онъ только въ силахъ выговорить сквозь запекшіяся губы.

Колѣни юноши такъ и подогнулись подъ нимъ; онъ нагнулся и палъ къ ногамъ отца, головою ему на грудь.

— Простите меня, папа, простите! прорвалось у него истерическимъ воплемъ...

Мускулистыя руки стараго Севастопольца охватили какъ обручемъ эту молодую бѣлокурую голову, словно съ тѣмъ, чтобы не выпустить, не отдать ее никому на свѣтѣ... и тутъ же разомкнулись и пали безвластно на его колѣни...

—. Казнись напередъ предъ закономъ и Государемъ, пусть они тебя помилуютъ! съ какимъ-то сверхчеловѣческимъ усиліемъ проговорилъ онъ:—ступай!..

— На томъ и стоять будетъ, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ! торопливымъ и прерывающимся шепоткомъ говорилъ четверть часа послѣ этого старшій Юшковъ, выходя съ Троекуровымъ на крыльцо, къ которому поданы были экипажи уѣзжающихъ. — Я его знаю: „желѣзная воля“, вотъ какъ самъ говоритъ, такъ это у него именно! Истомится весь, исчахнетъ самъ, а какъ сказалъ, такъ и не отступится.

— Все равно, мать пріѣдетъ, прошеніе подастъ, отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— И ее не пуститъ, повѣрьте! „Пусть какъ законъ“, скажетъ... А Гришу засудятъ между тѣмъ: благородный онъ сердцемъ какъ отецъ — на себя все будетъ принимать, запутается... Если и не въ Сибирь, такъ въ дальнюю губернію сошлютъ, не дадутъ въ университетѣ курсъ кончить...

Борисъ Васильевичъ раздумчиво поглядѣлъ на него, прищурился:

— Ну такъ вотъ что, обрывисто уронилъ онъ:—я поѣду въ Петербургъ. У меня тамъ старыя отношенія... Перепортить все будущее молодаго человѣка, дѣйствительно, не трудно...

— Голубчикъ, благодѣтель! вскликнулъ, весь просіявъ, старикъ-смотритель, схватывая его руку обѣими руками и прижимая ее къ сердцу.

— Полноте, Василій Григорьевичъ, оставьте!... Вотъ и племянникъ вашъ идетъ со своимъ ангеломъ-хранителемъ, насмѣшливо добавилъ Троекуровъ, кивая на выходившаго изъ сѣней въ сопровожденіи жандармскаго капитана Гришу: — ступайте, скажите ему: „до свиданія, до близкаго!“

— Вашими бы устами медъ пить, Борисъ Васильевичъ!

И старикъ кинулся къ племяннику:..

XVIII.

Mit der Dummheit kämpfen selbst die Götter vergebens.

Schiller.

Въ верстѣ отъ Всесвятскаго экипажи остановились, такъ какъ по уговору „арестантъ“ изъ коляски Бориса Васильевича долженъ былъ пересѣсть здѣсь въ тарантасъ исправника и его спутника. Прощаясь съ нимъ предъ тѣмъ и дружески пожимая его холодную руку, Троекуровъ сказалъ ему:

— Ну, Гриша, до скораго свиданія, надѣюсь, а пока вотъ вамъ добрый совѣтъ. *Вывертываться* не въ вашей натурѣ... да оно и не красиво въ сущности, промолвилъ онъ скороговоркой:— ведите же себя *тамъ* такъ, какъ прилично сыну вашего отца. Помните его слова: „Пусть простятъ тебя прежде законъ и Государь“. Руководствуйтесь этимъ: откровенное, полное сознаніе! Вы не можете не видѣть, что поступали безсмысленно: вашихъ непрошеныхъ благодѣтелей народа этотъ же народъ разорветъ въ клочки при первомъ подозрѣніи, что они „противъ Царя бунтуютъ“. Народъ имъ не обмануть, какъ обманывалъ васъ этотъ негодяй... Вы отрицали сейчасъ ваше знакомство съ нимъ: это нелѣпое донъ-кихотство! Не вы, я его *выдалъ;* можете поэтому быть съ этой стороны совершенно спокойнымъ. Вамъ теперь *тамъ* никто и не повѣритъ, что прокламаціи получены вами не отъ него. А если бы вамъ удалось и разувѣрить *ихъ* въ этомъ, то вышло бы вотъ что: стали бы заподозривать и привлекать другихъ, невинныхъ. Этого-ли вы желаете? строго спросилъ Борисъ Васильевичъ...

и улыбнулся чрезъ мигъ какъ бы невольно прорвавшеюся, ироническою улыбкой. — А въ заключеніе, милый мой, примите къ свѣдѣнію, что васъ *тамъ* ждутъ не волки, а овцы, наряженныя въ волчьи шкуры... и очень даже неловко себя чувствующія въ этой роли волковъ, договорилъ онъ сквозь зубы. — Вы, можетъ быть, Сильвіо Пеллико читали, воображаете себѣ какой-нибудь Шпильбергъ или Кёнигштейнъ, съ желѣзными затворами, цѣпями въ стѣнахъ и всякими романическими пытками? Разочаруйтесь, юноша: васъ будутъ укладывать спать на пружинномъ матрацѣ, кормить отлично и угощать такими же отличными сигарами, если вы ихъ курите...

— Борисъ Васильевичъ, прервалъ его Гриша, весь покраснѣвъ,—вы меня ужасно презираете!

— Это почему?

— Вы утѣшаете меня, будто малаго ребенка.

Тотъ засмѣялся:

— Ни то и ни другое. Не утѣшаю, такъ какъ говорю чистѣйшую правду о необыкновенной „гуманности“ (такъ вѣдь это у васъ поновому говорится?), которая ждетъ васъ тамъ, гдѣ пожалуй менѣе всего ожидать слѣдовало бы. А презирать васъ за что? Развѣ больныхъ презираютъ? А вы... вы сынъ вашего времени и не ушли отъ его болѣзни... Э, да что тутъ говорить! къ удивленію молодаго человѣка вскликнулъ нежданно Троекуровъ, нервно заморгавъ, какъ бы отъ ощущенія внезапной, внутренней боли:—развѣ у каждаго поколѣнія, у насъ, не было, нѣтъ своей болѣзни!... Хорошо, если, какъ у васъ, не продолжительна она и пройдетъ безъ слѣда...

Онъ такъ же нежданно оборвалъ и замолкъ, отвернувшись отъ своего спутника.

— Ну, прощайте, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, оправившись вдругъ, — васъ эти господа ждутъ... вотъ и исправникъ идетъ за вами... Прощайте, и еще разъ: кайтесь откровенно, какъ это велитъ вамъ собственное сердце ваше, я знаю...

Гриша, глотая слезы, крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ.

— Успокойте отца... Я только за него боюсь! прошепталъ онъ ему на ухо и, стремительно выскочивъ изъ коляски, побѣжалъ къ тарантасу.

Исправникъ между тѣмъ подошелъ къ Троекурову:

— Вы обо мнѣ дурно судите, Борисъ Васильевичъ, началъ онъ, съ видимо надуманною рѣшительностью и вмѣстѣ съ неодолимымъ смущеніемъ, — и имѣете на это основаніе, признаю... Но повѣрьте, если-бъ я могъ предвидѣть... Сбитые мы всѣ съ толку люди, чувствую! вырвалось у него вдругъ стенящимъ звукомъ изъ груди, и онъ какъ бы еще болѣе сконфузился.—Прошу извиненія...

Онъ торопливо поднесъ руку къ фуражкѣ и, замѣтно избѣгая подать свою или принять руку собесѣдника, также поспѣшно наклонилъ голову, повернулся и почти бѣгомъ направился обратно къ своему экипажу.

— „Сбитые съ толку люди“, повторилъ про себя Троекуровъ, задумчиво глядя ему вслѣдъ, — „да... „одержимые“ вспомнилось ему вдругъ *словцо* маленькой, „полуюродивой“, какъ почиталъ онъ ее, пріятельницы жены его, Лизаветы Ивановны Срѣтенской, переданное ему однажды Сашенькой и поразившее его тогда, — „одержимые“, да, всѣ... всѣ мы... И странно: онъ, этотъ какой-то фантазеръ въ полицейскомъ мундирѣ, онъ мнѣ въ сущности сказалъ то же самое, что я за минуту предъ этимъ говорилъ Гришѣ“...—Онъ усиленно заморгалъ опять прищуренными глазами...—„Да, только источникъ и свойства болѣзни иныя“, словно въ утѣшеніе себѣ сказалъ онъ чрезъ мигъ, какъ-то неопредѣленно улыбаясь.

Онъ откинулся въ уголъ коляски и нетерпѣливо крикнулъ кучеру:

— Ну, пошелъ!...

Лошади помчали.

Звонъ колокола, слышный на весь домъ, возвѣщалъ обѣденный часъ, когда Троекуровъ входилъ въ свои покои.

— У барыни гости, доложилъ ему въ уборной камердинеръ, подавая ему переодѣться.

— Кто такіе?

— Госпожа княгиня Шастунова и господинъ Моховъ, чиновникъ изъ губерніи... Да съ княгиней еще одно духовное лицо прибыло, добавилъ, чуть-чуть усмѣхаясь, камердинеръ, еще молодой, франтоватый и лукавый малый.

— Какое духовное лицо? спросилъ Троекуровъ, взглянувъ на него строгими глазами.

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ тотъ, принимая немедленно почтительнѣйшій и даже съ оттѣнкомъ дураковатости видъ:—священникъ ихній, полагать должно такъ.

Борисъ Васильевичъ вымылся, перемѣнилъ бѣлье и костюмъ и, съ едва скрываемою на лицѣ досадой на предвидѣвшуюся имъ „адскую скуку“, прошелъ въ столовую.

Хозяйка съ гостями стояли тамъ еще у стола съ закуской.

— А, вотъ и мужъ мой! воскликнула радостно Александра Павловна, завидя его: — я совсѣмъ не ждала тебя къ обѣду, Борисъ, думала, что ты тамъ, у Юшковыхъ, останешься... Что у нихъ? говорила она, пока онъ раскланивался и пожималъ коротенькіе, все также унизанные брилліантовыми перстнями, пальцы Аглаи Константиновны.—Ты, надѣюсь, monsieur Мохова помнишь? спохватилась она, обертываясь въ сторону молодаго чиновника. Розовыя ея щеки заалѣли при этомъ уже совсѣмъ пунцовымъ колеромъ, и она тутъ же отвернулась.

— Очень радъ, учтиво произнесъ хозяинъ, пожимая руку гостя, покраснѣвшаго въ свою очередь какъ піонъ при сей вѣрной оказіи (онъ былъ все такъ же застѣнчивъ и горѣлъ все тѣмъ же пыломъ юношеской страсти къ той же Сашенькѣ)...

— Permettez moi, cher monsieur Троекуровъ, возгласила въ то же время княгиня своимъ пѣвучимъ голосомъ,—de vous présenter mon aumônier, le père Парѳенъ... Il est très comme il faut pour un prêtre, добавила она уже шепоткомъ и значительно помахивая головой,—c'est pourquoi je me suis permis de l'amener avec moi chez vous.

„Духовное лицо“, котораго просвѣщенная Аглая Константиновна представляла подъ затѣйливымъ названіемъ своего „aumônier“, былъ рослый, широкоплечій и курносый господинъ лѣтъ тридцати, изъ того типа людей, которыхъ зовутъ „бѣлыми неграми“, гораздо короче остриженный, чѣмъ это вообще полагается въ священническомъ санѣ, съ подстриженною же свѣтлорусою бородкой и въ щеголеватой, тонкаго темнозеле-

наго сукна рясѣ, изъ-подъ широкихъ рукавовъ которой выставлялись рукава шелковаго подрясника цвѣта pensée, а у самыхъ кистей рукъ блестѣли оправленныя въ золото аметистовыя запонки на выдернутыхъ, замѣтно, съ особеннымъ тщаніемъ впередъ рукавчикахъ сорочки безукоризненной бѣлизны; такая же бѣлая линія откладныхъ, *по-свѣтски* скроенныхъ воротничковъ, застегнутыхъ такою же аметистовою запонкой, виднѣлась надъ совершенно низкимъ воротомъ рясы. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ тонкій носовой платокъ съ какимъ-то голубенькимъ по бортамъ его рисункомъ и небрежно обмахивалъ имъ свое черство-бурое лицо, въ ожиданіи, когда кончитъ говорить его патронесса, не то снисходительно, не то скучливо ухмыляясь крупными непріятными губами.

— Трор „comme il faut“ даже, подумала Александра Павловна, мелькомъ взглянувъ на него и избѣгая въ то же время его, какъ успѣла ужь она замѣтить, самоувѣреннаго, чтобы не сказать дерзкаго, взгляда.

— Парѳеній Виссаріоновичъ Лебедкинъ, отчеканилъ онъ самъ густымъ грудным баритономъ вслѣдъ за представленіемъ княгини, развязно кланяясь и первый протягивая свою правую руку навстрѣчу чаемой руки хозяина.

Тотъ какъ бы не замѣтилъ ея и, не подавая своей, указалъ ею на столъ, за который ужь усаживались дамы:

— Милости просимъ, супъ поданъ, сказалъ онъ ему коротко и сухо.

Развязный „automôniet“ нѣсколько опѣшилъ, опустился на стулъ подлѣ Мохова и, развернувъ свою салфетку, презрительно повелъ губами.

Троекуровъ сѣлъ въ свою очередь подлѣ гостьи. Глаза его мгновенно и безпокойно обѣжали кругомъ стола.

— Киры не будетъ! поспѣшно выговорила Сашенька, угадывая, кого искали эти глаза: — у нея, у бѣдной, ужасно голова разболѣлась, она легла даже...

— Mais je la verrai, j'espère? запѣла княгиня:—вы знаете, она всегда была ma grande favorite. У нея un je ne sais quoi, которое мнѣ ужасно напоминаетъ ma pauvre Lina défunte. Она вздохнула, повела глазами вверхъ и, не перемѣняя

интонаціи: — А какъ вамъ не стыдно, chère madame Troekouroff, что вы до сихъ поръ не видѣли моей церкви, которую я устроила en sa mémoire... Тамъ прежде театръ былъ въ этомъ флигелѣ, et pauvre Lina y a même joué le role d'Ophélie dans une pièce de Shakespeare, и вотъ тутъ теперь я сдѣлала церковь... Хотя это и mon oeuvre, но я должна сказать que c'est vraiment charmant... Она еще разъ вздохнула и сообщила уже таинственно:—cela m'a coûté les yeux de la tête, plus de cinquante mille, но за то c'est un vrai bijou, je vous assure; спросите отца Парѳена.

— Храмикъ веселенькій вышелъ, дѣйствительно! одобрительно проронилъ тотъ, щурясь на молодую хозяйку, съ которою сидѣвшій подлѣ нея Моховъ болѣзненно жаждалъ начать разговоръ и все не рѣшался.

— „Веселенькій"? саркастично повторилъ Троекуровъ (отсутствіе княжны дразнило его и подымало ему всю желчь въ груди,):—оригинальный эпитетъ, хотя бы и для „храмика"!

Отецъ Парѳенъ завернулъ подкладкой вверхъ рукавъ своей рясы, взялъ тремя пальцами налитую ему дворецкимъ рюмку лафита, причемъ мизинецъ, съ какимъ-то на немъ женскимъ перстенькомъ, изящно оттянулъ въ бокъ, выпилъ ее залпомъ и, ставя рюмку на прежнее мѣсто:

— По духу времени и характеръ постройки соотвѣтствующій, проговорилъ онъ на манеръ сентенціи и невозмутимо вытеръ себѣ губы салфеткой.

— Вотъ какъ! громко уже засмѣялся Борисъ Васильевичъ, съ любопытствомъ глядя на этотъ, еще не встрѣчавшійся ему, экземпляръ *современнаго* „духовнаго лица".

— *Чело-ве-чественно* должно быть, тѣмъ же вѣскимъ тономъ отлилъ тотъ,—потому что времена мрачнаго мистицизма отошли нынѣ абсолютно во тьму вѣчности, и живъ и бодръ единственно свободный разумъ человѣческій, такъ чтобъ такъ и говорило, по возможности, подмигнулъ даже онъ при этомъ.

— О Творцѣ, о Богѣ долженъ говорить храмъ Божій! воскликнула вся взволнованная Сашенька.

— Конечно, какъ бы уступая ей изъ любезности, отвѣтилъ онъ, проводя себѣ рукой по бородѣ и ухмыляясь опять своею,

„противною“ ей, усмѣшкою:—для массы невѣжественнаго народа соотвѣтственный сему представленію внѣшній видъ благопотребенъ и даже, до умственнаго просвѣтленія ея, въ нѣкоторомъ смыслѣ неизбѣженъ есть... Иное совсѣмъ дѣло, сударыня, для организма, способнаго критически смыслить. Какъ это *настоящимъ образомъ* разумѣть, подчеркнулъ онъ,—вопросъ большой! Потому что слово *Богъ*—понятіе, такъ сказать, пространственное, растяжимое даже до чрезвычайности... Сами вы, полагаю, не безъизвѣстны, что современная наука, къ примѣру, никакого прежняго приниманія *на вѣру* не допускаетъ, и слѣдственно развитая человѣческая личность...

Но устремившіеся на него теперь глаза молодой женщины выражали такое негодованіе и ужасъ, что онъ, какъ бы нѣсколько испуганно, оборвалъ на полусловѣ свою проповѣдь и, для „контенанса“, потянулся рукою къ кружкѣ за квасомъ, стоявшимъ предъ нимъ на столѣ.

А Аглая Константиновна тѣмъ временемъ, указывая на него глазами, шептала своему сосѣду:

— Très instruit! On peut parler de tout avec lui.

И тутъ же, принимая еще разъ свой таинственный видъ:

— Je le paye très cher, mille deux cents par an, sans compter les cadeaux. Il m'a été recommandé par madame Bazine, née Savatief—vous savez, cette dame si influente à Saint-Pétersbourg.

„Она, дѣйствительно, *колоссальная*!“—сказалъ себѣ Троекуровъ, глядя на нее невольно тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на рѣдкостное животное...

— А вы въ наши страны надолго? обратился Троекуровъ любезно къ сидѣвшему противъ него Мохову.

— У меня порученіе въ вашемъ уѣздномъ городѣ, заспѣшилъ отвѣтить тотъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ... Я бы, конечно, не позволилъ себѣ... такъ, отъ себя, явиться къ...

Онъ запнулся, словно зацѣпился за бревно на пути, и не продолжалъ, но внимательно глядѣвшій на него Троекуровъ понялъ изъ выраженія его вдругъ смутившагося лица, что за этимъ скрывалось что-то, что онъ выговорить вслухъ считалъ почему-то неудобнымъ.

— Очень радъ, напротивъ, очень радъ! сказалъ онъ ему, все такъ же любезно и поощрительно улыбаясь.

Моховъ опустилъ глаза и наклонилъ благодарно голову.

— Et moi, vous savez, я отъ васъ прямо въ Москву ѣду! громко и тяжело вздохнула вдругъ Аглая Константиновна.

— Да-а? протянула Сашенька: — въ деревнѣ такъ еще хорошо въ эту пору...

— N'est-ce pas? И она вздохнула опять:—я никогда и не возвращаюсь изъ моего Сицкаго avant la mi-octobre... И вотъ *она* заставляетъ меня теперь тащиться въ городъ *par* cette chaleur и для такихъ... непріятныхъ объясненій...

— Кто это? невольно спросилось Александрою Павловной.

— Mais vous savez, эта женщина, cette ex-Olga Akouline, que mon fils Basile a fait la bêtise d'épouser et qui est si indigne du nom qu'il lui a donné... И она теперь все грозитъ, что будетъ на меня жаловаться à Sa Majesté l'Empereur pour un argent que je ne lui ai jamais pris, примолвила она, изображая движеніемъ губъ настолько же гадливости, насколько и презрительности къ такой невѣроятной претензіи:—и здѣшній предводитель, un monsieur que je ne connais pas, былъ у меня и говорилъ, что если я не кончу съ нею à l'amiable, онъ напишетъ объ этомъ губернатору, чтобы тотъ *довелъ до свѣдѣнія*, il m'a dit cela littéralement, c'est à dire, un доносъ на меня à Sa Majesté,—figurez vous cela!...

Троекуровъ чуть не злыми глазами взглянулъ на нее (она была ему еще болѣе гадка, чѣмъ смѣшна,):

— И напишетъ непремѣнно: это его долгъ! подтвердилъ онъ.

Аглая вся поблѣднѣла даже подъ своими румянами. Она растерянно подняла глаза на Бориса Васильевича и, не выдержавъ „l'horrible expression de sa physionomie“ (такъ выразилась она мысленно,), обратила ихъ тутъ же на молодую хозяйку:

— Et voilà comment sont les hommes, chère madame Troekouroff! полуплача, полуигриво проговорила она:—и все это потому, что она une jolie femme... Elle ne le sera pas longtemps! совершенно нежданно вскликнула она чрезъ мигъ.

— Почему вы думаете? съ удивленіемъ спросила Сашенька:—она еще совсѣмъ не такъ стара...

— Она очень больна, я узнала вчера, elle a fait une fausse couche très malheureuse, à la suite d'une chûte...

И, еще нежданнѣе, княгиня поспѣшно вытащила платокъ изъ кармана и принялась плакать уже самымъ жестокимъ образомъ.

Молодая женщина даже испугалась:

— Княгиня, успокойтесь,—дастъ Богъ, все благополучно пройдетъ...

— Vous ne savez pas, не слушая продолжала разливаться та,—c'était mon seul espoir, что у нея родится сынъ, потому, вы знаете, mon propre fils Basile est un расточитель et il a été exilé pour cela en Asie, по моей просьбѣ, par Sa Majesté, et comme cela у меня былъ бы un petit-fils, и онъ былъ бы par mon testament мой héritier unique, а Базилю я назначила бы пенсію pour qu'il ne meure pas de faim... И ей тоже я хотѣла пенсію давать, чтобы она могла жить прилично, comme mère d'un prince Шастуновъ... Но она ни на что не хотѣла согласиться, и уѣхала въ Москву, и, Богъ знаетъ, какую вела тамъ жизнь pour une femme mariée, вѣчно съ этимъ écervelé, Ашанинымъ, qui la compromettait encore comme demoiselle, а теперь, comme exprès, взяла и сдѣлала une fausse couche qui tue toutes mes espérances en germe, je puis dire.

— Какъ это случилось, вы знаете? обрывисто спросилъ Борисъ Васильевичъ:

— Il paraît, что она, все съ тѣмъ же mauvais sujet d'Achanine, поѣхала въ коляскѣ въ Петровскій паркъ, и тамъ пьяный кучеръ наѣхалъ на что-то и вывернулъ ихъ. Elle a perdu connaissance sur place, и думали, что она убита. Il s'est trouvé que non, но въ тотъ же вечеръ съ ней *это* случилось, et après cela s'est déclarée une fièvre très dangereuse, dit-on... И теперь, vous comprenez, si *elle* doit mourir, говорила Аглая уже съ видимою тревогой въ чертахъ,—у нея могутъ найтись наслѣдники какіе-нибудь, qui voudront faire du chantage avec moi насчетъ этихъ... денегъ, которыя она теперь требуетъ отъ меня...

— Непремѣнно! съ короткимъ злорадным смѣхомъ подтвердилъ Троекуровъ, отсылая рукою блюдо, которое подавалъ ему въ эту минуту офиціантъ (онъ ничего не былъ въ состояніи ѣсть, и Сашенька съ безпокойствомъ замѣчала это).

— Vous croyez aussi? протянула княгиня, съ новымъ испугомъ вперяя ему въ лицо свои круглыя зѣницы. И вдругъ улыбнулась какъ-бы противъ воли и какъ-бы вспомнивъ нѣкое соображеніе, при которомъ въ ея сужденіи и собственныя ея опасенія, и „пуганія“ ея другими (она не сомнѣвалась, что „ce méchant monsieur Троекуровъ“ нарочно, и даже съ особеннымъ удовольствіемъ, пугаетъ ее,) должны будутъ оказаться самою пустою химерой:

— Mais, vous savez, quand une personne se meurt, elle est toujours disposée à se réconcilier avec ses proches. Когда я узнала, что *она* dans cet état, я сейчасъ же рѣшилась ѣхать въ Москву pour la voir и уговорить ее d'abandonner ses prétentions, а я de mon côté все ей прощу, Богъ съ ней, qu'elle meure tranquille!.. И я нарочно для этого, домолвила она, покачивая головой съ такимъ видомъ, будто разумѣла этимъ что-то не то очень жалкое, не то чрезвычайно глубокомысленное, — взяла съ собою le père Парѳенъ pour qu'il lui parle de religion.

Троекуровъ не выдержалъ: его пронялъ неудержимый, судорожный хохотъ...

Княгиня даже привскочила на своемъ стулѣ:

— De quoi riez vous si fort, monsieur Троекуровъ?

— Вашей изобрѣтательности, княгиня, вашей изобрѣтательности! Заставить „религію“ служить практическимъ цѣлямъ,—это выходитъ у васъ такъ остроумно и тонко, что хоть любому святому отцу іезуиту будетъ въ-пору!..

— N'est-ce pas? воскликнула Аглая, совершенно успокоенная и совершенно довольная.

— Несомнѣнно!...

Глаза Бориса Васильевича встрѣтились нечаянно въ этотъ мигъ съ глазами отца Парѳена... Онъ не продолжалъ.

Развязный „automnier“ видимо наслаждался его бесѣдой съ умною княгиней; онъ небрежно поигрывалъ своимъ ножемъ

и глядѣлъ на говорившаго поощрительнымъ взглядомъ, словно говоря: „А ну-ка, поддай ей еще горяченькаго, мнѣ на потѣху“.

„Кто изъ нихъ мерзѣе, право, не знаю“, подумалъ Троекуровъ, съ едва скрываемою гадливостью отворачивая отъ него лицо...

А у молодой жены его негодовало сердце на „безсердечную, *гадкую* жадность *этой женщины*“ такъ, что она не въ силахъ была не выразить этого:

— Вы обѣщаетесь простить ей, княгиня, проговорила она возбужденнымъ голосомъ,—это очень хорошо, если *она* предъ вами виновата... Но *она* была у меня и разсказывала, что пріѣзжала къ вамъ въ Сицкое, и вы *ее* къ себѣ на дворъ не пустили, жену вашего сына... И она теперь, бѣдная, говорите вы, можетъ быть, умретъ... Развѣ это не останется на вашей совѣсти?...

Аглая ужасно разобидѣлась:

— Я никогда не ожидала, chère madame Troekourof, захныкала она сразу,—что вы мнѣ въ вашемъ домѣ будете говорить des choses aussi épouvantables!—Cette femme a suborné mon fils Basile, когда онъ, avec son nom et la fortune qu'il devait tenir de moi, могъ сдѣлать le plus beau parti de Saint-Pétersbourg... Я ѣздила сама въ Петербургъ, и мнѣ тамъ говорили, on m'a proposé même... une demoiselle Savatief, très belle; у нея мать née princesse Mordovtsof, et puis une famille trés influente, surtout la soeur, madame Basine: она со всѣми министрами première amie, и Basile par cette alliance былъ бы сдѣланъ aide de camp de Sa Majesté при первомъ случаѣ... А вмѣсто этого il est en Asie!... И я за это должна еще, можетъ быть, d'après vous, demander pardon à cette affreuse femme?..

Сашенька молчала; она только поперемѣнно то блѣднѣла, то краснѣла, и все тошнѣе, и все гаже становилось у нея на сердцѣ.

Отвѣтилъ за нее мужъ:

— Княгиня, самымъ серьезнымъ тономъ началъ онъ, — будемъ надѣяться, что смерть, Богъ дастъ, избавитъ васъ отъ

этой affreuse femme; Basile votre fils станетъ тогда снова à prendre, вернется „изъ Азіи“,—и вы будете имѣть полную возможность женить его на mademoiselle Savatief, у которой сестра „première amie de tous les ministres“, и произведетъ его, я не сомнѣваюсь, не только во флигель-адъютанты, а хоть... въ егермейстеры, если это ей съ вами вздумается. Такимъ образомъ вы остаетесь въ чистомъ выигрышѣ, — на что же вамъ жаловаться?..

Александра Павловна, все также внутренно волнуясь, подняла на мужа глаза, полные упрека. Но онъ былъ правъ въ своемъ разсчетѣ: его рѣчь не только не возбудила новой бури въ опечаленномъ существѣ княгини Аглаи Константиновны, но разсѣяла въ ней и прежнія тучи. Она взглянула въ лицо Бориса Васильевича долгимъ и лукавѣйшимъ, въ намѣреніи ея, взглядомъ:

— Vous êtes, je vois, un homme de beaucoup d'esprit, monsieur Троекуровъ! рѣшила она нежданно, какъ бы осѣненная внезапнымъ вдохновеніемъ, и окончательно просіяла.

Послѣ обѣда общество перешло въ гостиную. Вслѣдъ за кофеемъ и ликерами камердинеръ Бориса Васильевича принесъ ящикъ сигаръ.

— Кому угодно, господа? предложилъ хозяинъ.

Моховъ отказался. Отецъ Парѳенъ, заворотивъ опять вверхъ подкладку рукава, погрузилъ немедля пальцы въ ящикъ, вытащилъ сигару и поднесъ ее къ ноздрямъ съ видомъ знатока:

— *Лосъ Амигосъ?*

— Кажется... Самъ я не курю сигаръ. Говорятъ, хорошія.

— Вижу, и цѣню!... Цѣню вообще все *хорошее*, подчеркнулъ тотъ и пріятно осклабился при этомъ.

Троекуровъ только глазами моргнулъ.

— Имѣлъ случай курить превосходнѣйшія этого самаго сорта въ С.-Петербургѣ, продолжалъ „automnier“, закуривая и набирая дыму полонъ ротъ,—у одного благопріятеля моего, и даже родственника, тайнаго совѣтника Катапултова... Изволите его знать?

— Не знаю.

— Директоръ одного изъ важнѣйшихъ департаментовъ го-

сударственной администраціи; орденъ Бѣлаго Орла въ нынѣшнемъ году получилъ, какъ читалъ я въ *Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ*,—синюю ленту... Личность вполнѣ развитая и либеральная, слѣдитъ постоянно за наукой и соціальнымъ движеніемъ народныхъ сословій Европы... Впрочемъ, перебилъ онъ себя и значительно взглянулъ на своего собесѣдника, какъ бы приглашая его обратить особое вниманіе на то, что̀ онъ намѣревался сказать ему, — духъ свободной критики въ послѣднее время принялъ самый широкій объемъ и въ нашей литературѣ, какъ изволили вы вѣроятно сами замѣтить?

— Непроходимую безтолочь я замѣтилъ, это такъ! досадливо сорвалось на это съ губъ Троекурова. *Современный* экземпляръ русскаго „духовнаго лица“ былъ ему рѣшительно противенъ.

„Востеръ на языкъ дѣйствительно, а мозги слабы... Извѣстно,—дворянскіе!“ заключилъ про себя въ свою очередь тотъ и снисходительно ухмыльнулся:

— Конечно, если не вникать, такъ сказать, между строкъ... Нѣкоторая привычка требуется... Здѣсь впрочемъ и слѣдить за журналами нельзя настоящимъ образомъ... Онъ вдругъ нагнулся къ уху Бориса Васильевича и шепнулъ ему:—Моя-то сіятельная, само собою, въ литературѣ ни бельмеса; самъ же я затрудняюсь выписывать, ибо и мѣсто самое у нея взялъ, такъ сказать, *анъ атанданъ*,—счелъ онъ нужнымъ отпустить quasi по-французски,— въ ожиданіи обѣщанной мнѣ вакансіи въ одномъ изъ санктъ-петербургскихъ дворцовъ...

Борисъ Васильевичъ, не слушая его, всталъ и предложилъ Мохову пройти съ нимъ въ кабинетъ.

Но въ то же время княгиня Аглая Константиновна заявила желаніе проститься съ хозяевами и ѣхать, чтобы добраться до шоссе засвѣтло. Ея не удерживали... Она впрочемъ этимъ нисколько не обидѣлась, вспомнивъ приглашеніе на срокъ въ извѣстномъ Шипмаунткаслѣ и что „cela se fait toujours comme cela chez les gens *bien*“, нѣжно обняла Александру Павловну, причемъ заявила, что она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ бываетъ во Всесвятскомъ, „parce que

votre maison est si bien tenue“, пожала руку ея мужа съ улыбкой, имѣвшею изобразить еще разъ нѣкое лукавство, и поплыла затѣмъ въ отведенную ей комнату переодѣться изъ своего визитнаго въ дорожное платье.

За нею поднялся и ея „automnier“.

Троекуровъ раскланялся съ нимъ, опять не подавая ему руки. Благочестивая Сашенька со своей стороны никакъ не рѣшилась, прощаясь, подойти къ нему подъ благословеніе, и, поклонившись ему учтиво короткимъ поклономъ, побѣжала провожать свою гостью.

Увы, для отца Парѳена уже не оставалось теперь сомнѣній: эти „аристократишки“ видѣли въ немъ все того же, прежняго „попа“, „кутейника“, которыхъ они привыкли „третировать анъ каналь“; они не поняли, что предъ ними предстоялъ „человѣкъ *новыхъ взглядовъ и образованія, понимающій приличіе* не хуже, чѣмъ они“, какъ они моющій себѣ руки французскимъ мыломъ и мѣняющій рубашку каждый день... „Прохвосты, бѣлая кость!“ шепталъ онъ.

Хозяинъ и Моховъ остались въ ней одни.

XIX.

Qui trompe-t-on ici?
Beaumarchais. *Le mariage de Figaro.*

Welche Tollheit, welcher Unsinn
Hat den Kopf dir eingenommen?
Göthe. *Scherz, List und Rache.*

Молодой чиновникъ быстро окинулъ глазами кругомъ себя и съ новою краской на лицѣ (онъ, къ немалому своему страданію, никогда не въ силахъ былъ превозмочь на первыхъ порахъ врожденную ему робость,) наклонился къ Троекурову:

— У меня къ вамъ... маленькое порученіе отъ господина начальника губерніи, Борисъ Васильевичъ, торопливо проговорилъ онъ, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами.

— Что̀ такое? спросилъ тотъ безъ малѣйшаго оттѣнка изумленія въ голосѣ.

Это какъ бы еще болѣе усиливало робость его собесѣдника:

— Порученіе не совсѣмъ обыкновенное, забормоталъ онъ,— и совершенно... келейное... Его превосходительство получилъ изъ Петербурга запросъ по... по одному обстоятельству... на который требуется обстоятельное... разъясненіе... И прежде чѣмъ истребовать отъ... уѣздной полиціи, онъ желалъ получить его... отъ васъ самихъ. Узнавъ, что я имѣю честь быть нѣсколько съ вами знакомымъ, онъ поручилъ мнѣ просить васъ... такъ сказать, частнымъ образомъ...

— Сдѣлайте милость!... Какое же это „разъясненіе?“ По какому-нибудь недоразумѣнію въ моемъ участкѣ?

— Да-съ, отчасти... Но при этомъ еще одинъ... личный поступокъ вашъ...

— „Личный мой поступокъ?“ громко засмѣялся Троекуровъ, — вотъ какъ! И вашъ губернаторъ требуетъ отъ меня „разъясненія“ по этому поводу? Интересно! Что дальше?...

Моховъ поспѣшно сунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ изъ него конвертъ, а изъ конверта тщательно сложенный нумеръ *Колокола:*

— Начальникъ губерніи... проситъ васъ прочесть, вымолвилъ онъ съ видимымъ усиліемъ.

Борисъ Васильевичъ взялъ нѣсколько недоумѣло листокъ, но, не развертывая еще его:

— Это что же? спросилъ онъ.

— Тамъ именно... изложено... не договорилъ Моховъ, подымая на него и тотчасъ же опуская вѣки.

— А! О моемъ „поступкѣ?“... Виноватъ, я никакъ не могъ понять сначала... „Разъясненіе“, слѣдовательно, требуется отъ меня по докладу господина Герцена? Оригинально во всякомъ случаѣ... Въ чемъ же дѣло?

— Вотъ тутъ-съ... на послѣдней страницѣ, въ рубрикѣ: *Правда-ли?...*

— А, да!...

И Троекуровъ началъ громко читать:

„*Правда-ли*, что въ *** скомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ состоялось на дняхъ рѣшеніе, по которому у крестьянъ *** скаго уѣзда, деревни Блиновъ, вопреки прямымъ статьямъ Положенія 19 февраля и чувству самой простой справедливости, выключены изъ надѣла и отмежеваны въ пользу бывшаго помѣщика луговыя угодья по Окѣ, которыми крестьяне эти искони пользовались, и что состоялся такой Шемякинъ судъ чрезъ давленіе, производимое на членовъ присутствія нѣкіимъ Троекуровымъ, мѣстнымъ феодаломъ изъ бывшихъ кавказскихъ наѣздниковъ, которому въ недобрый часъ вздумалось промѣнять дешевые лавры военнаго каріериста на цѣпь мироваго посредника? Чего же смотритъ г. Гундуровъ, состоящій въ числѣ этихъ членовъ? А еще адвокатъ ex professo крестьянскихъ интересовъ, которые онъ въ свое время и защищалъ, законодательствуя въ крестьянскихъ коммиссіяхъ! Но, какъ видно, съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ

отъ словъ къ дѣлу, онъ, какъ истый московскій мудрецъ, тотчасъ и почувствовалъ умаленіе „энергіи?“

„*Правда-ли*, что тотъ же *Кабардинецъ удалой*, облеченный въ цѣпь *мироваго* посредника, хлещетъ нагайкой по лицу встрѣчныхъ ему по дорогѣ съ безцеремонностью, а, что̀ хуже всего, съ безнаказанностью, немыслимыми даже въ Большой Чечнѣ? Когда же перестанутъ эти Чингисхановскія отрыжки заражать своею вонью воздухъ *освобожденной* Россіи?“

Онъ кончилъ и улыбнулся. „И хотя-бъ одинъ мускулъ дрогнулъ въ его лицѣ!“ подумалъ Моховъ, украдкою слѣдившій все время за выраженіемъ его физіономіи.

— Очень остроумно, сказалъ онъ:—и налгано даже только на половину.

Моховъ такъ и уставился на него:

— Вы признаете?...

— Что̀ именно „признаю?“

— Приводимый здѣсь... фактъ.

— Ихъ два. Первый относится къ рѣшенію дѣла по спору о луговомъ надѣлѣ Блиновскихъ крестьянъ съ ихъ бывшимъ помѣщикомъ. Онъ изложенъ здѣсь совершенно согласно истинѣ, и вашъ губернаторъ вмѣсто того, чтобъ утруждать васъ посылкою ко мнѣ за „разъясненіемъ“, могъ бы самымъ простѣйшимъ образомъ провѣрить его самъ, вытребовавъ подлинное по этому дѣлу постановленіе губернскаго присутствія, котораго онъ же состоитъ предсѣдателемъ. Онъ увидѣлъ бы, во-первыхъ, подъ нимъ подпись своего предмѣстника и познакомился бы съ доводами, послужившими основаніемъ состоявшемуся рѣшенію... А затѣмъ, съ невольною ироніей примолвилъ Троекуровъ, — осталось бы ему только разсудить: насколько я могу производить „давленіе“ на такихъ высокопочтенныхъ лицъ, какъ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ и Никаноръ Ильичъ Ранцовъ.

— Начальникъ губерніи, поспѣшилъ сказать молодой чиновникъ, — и интересуется главнымъ образомъ слѣдующимъ сообщеніемъ, относительно...

— Относительно „Чингисхановскихъ отрыжекъ?“ засмѣялся съ гадливымъ движеніемъ губъ Борисъ Васильевичъ:—можете

на этотъ счетъ передать ему слѣдующее: собственноручная расправа *вообще* не входитъ въ мои привычки, и то, что̀ чи-тается здѣсь во множественномъ числѣ,—онъ кивнулъ на ли-стокъ и кинулъ его на близъ стоящій столикъ, — расписано вѣроятно для красоты слога. Но одного молодца, съ кото-рымъ, прибавлю, я встрѣтился не случайно, а котораго *искалъ* встрѣтить, я дѣйствительно, какъ сказано, „отхлесталъ по лицу нагайкой“ *собственноручно*... и весьма даже жалѣю, что не-достаточно... Такъ и передайте вашему начальнику! заклю-чилъ онъ съ судорожно заморгавшими глазами и поблѣднѣв-шимъ лицомъ.

Моховъ смущенно ерзнулъ на своемъ стулѣ.

— Я, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ, вполнѣ убѣжденъ... Но такъ какъ изъ Петербурга получена, между нами, секрет-ная бумага съ запросомъ относительно... этой самой замѣтки *Колокола*, то господину губернатору весьма было бы жела-тельно имѣть обстоятельныя свѣдѣнія...

— О томъ, съ кѣмъ и какъ дозволилъ я себѣ поступить по-„Чингисхановски?“ договорилъ за него его собесѣдникъ:— ну, такъ скажите ему, что осносительно *сего* ему слѣдовало послать васъ не ко мнѣ, а къ корреспонденту *Колокола*, сообщившему отсюда объ этомъ Герцену; онъ бы вамъ все это „разъяснилъ“ отлично, если-бъ этого отъ него *серьезно* потребовали.

— Къ какому корреспонденту? открывая большіе глаза, воскликнулъ молодой человѣкъ.

— А вашъ начальникъ не счелъ нужнымъ сообщить вамъ его имя?

— Онъ и самъ его не знаетъ, даю вамъ въ томъ чест-ное мое слово, Борисъ Васильевичъ!

— Въ такомъ случаѣ пусть справится потщательнѣе въ своей канцеляріи, а не найдетъ, пусть спроситъ самихъ тѣхъ, отъ кого получилъ „запросъ“. Они тамъ *знаютъ*, можете ему это сказать отъ меня. А затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ „разъясненій“ я давать не намѣренъ, не почитая господина Герцена и его сотрудниковъ ни прокурорами, ни судьями моихъ поступковъ, и мнѣ остается только сожалѣть, что вашъ

губернаторъ повидимому (да и онъ-ли одинъ!) смотритъ на вещи иначе... А теперь довольно! сказалъ Троекуровъ, вставая и ласково притрогиваясь къ плечу молодаго человѣка,—пойдемте пройтись въ садъ...

Но тотъ чувствовалъ себя такъ неловко, что сталъ молить, вмѣсто прогулки, совсѣмъ отпустить его, объясняя, что ему необходимо нужно быть сегодня же въ городѣ, повидаться съ исправникомъ, который настоятельно просилъ „господина начальника губерніи“ уволить его отъ должности, между тѣмъ какъ „его превосходительство“ очень желаетъ удержать его, „какъ университетскаго“ и т. д. Появленіе вернувшейся въ эту минуту въ гостиную Александры Павловны какъ бы еще усилило его замѣшательство: ему показалось, что она, входя, слегка поморщилась и повела на него досадливымъ взглядомъ, разсчитывая застать мужа одного (онъ не ошибался). Удержать его не было уже никакой возможности, но хозяинъ и тутъ же присоединившаяся къ нему Сашенька успѣли обязать его словомъ „не забывать ихъ“ и вернуться во Всесвятское на обратномъ пути. Моховъ раскланялся, чуть не плача отъ тоски и досады на себя, и уѣхалъ.

— Я сейчасъ была у Киры, Борисъ, заговорила молодая женщина, какъ только они остались одни:—ей лучше, но она просила меня оставить ее одну: ей спать захотѣлось... Какъ я рада, что ты вернулся къ обѣду, перебила она себя, — я бы не знала, что̀ дѣлать одна съ этою княгиней и этимъ священникомъ—не священникомъ, котораго она привезла съ собою. Quel monstre de femme, не правда-ли? Я просто вся дрожала, когда она говорила объ этой несчастной своей belle-fille .. А ты, Борисъ, да, зачѣмъ ты ѣздилъ къ Юшковымъ и какое тамъ „доброе дѣло“ долженъ былъ ты сдѣлать, какъ говорилъ старичекъ, Павелъ Григорьичъ?...

Троекуровъ молча, закусивъ усъ, глядѣлъ на жену изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ и думалъ, слушая ее, свою невеселую думу: „Третій годъ замужемъ, а все та же *дѣвочка*, наивная, добренькая, и *добрѣющая* съ каждымъ днемъ, добавилъ онъ мысленно съ кислою усмѣшкой,—и ничего au delà, ничего!... Нѣтъ, я не виноватъ, такъ нельзя дальше, нельзя!...

Я думалъ войти въ заливъ, въ тихую пристань, но въ заливъ бьетъ съ моря живая волна, а это, это болотное озеро, засасывающее все, что у меня еще осталось молодости... А я жить хочу!"...

— Что съ тобою, Борисъ? спрашивала его между тѣмъ тревожно Сашенька:—ты не отвѣчаешь мнѣ...

— Виноватъ, я не разслышалъ... Ты такъ быстро перескакиваешь вѣчно съ предмета на предметъ... О чемъ ты теперь начала?

Она повторила съ еще большею послѣ этихъ словъ тревогой въ большихъ, устремившихся на него глазахъ.

Онъ помолчалъ, какъ бы собирая разбросавшіяся мысли...

— Гришу жандармы въ Петербургѣ увезли, сказалъ онъ, прищурившись на открытыя двери въ садъ.

Она испуганно всплеснула руками:

— Творецъ небесный! за что?

Онъ объяснилъ.

Александра Павловна слушала его съ лихорадочнымъ вниманіемъ...

— Это не онъ выдумалъ! пылко воскликнула она, когда мужъ кончилъ:—такой хорошій, благородный мальчикъ, сынъ такихъ родителей... и вдругъ противъ Государя: я никогда не повѣрю! его подучили...

— Само собой!

— Кто же, кто, знаютъ это?

Мужъ обернулся вдругъ на нее съ какою-то „ужасною", показалось ей, усмѣшкой:

— Не кто иной, протянулъ онъ,—какъ двоюродный нашъ братецъ съ вами, Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ.

Сашенька какъ стояла, такъ и упала въ кресло; ноги у нея подкосились.

— Иринархъ! едва въ состояніи была она проговорить:—развѣ онъ былъ въ нашихъ мѣстахъ?

— Осчастливилъ, засмѣялся Троекуровъ:—Гришу Юшкова крѣпостью, меня переломомъ ноги.

— Такъ это онъ... не договорила она и вся вдругъ выпрямилась и вздрогнула.—Отчего же ты это отъ меня скры-

валъ до сихъ поръ, говорилъ, что не знаешь, не замѣтилъ будто, кто въ тебя кинулъ палкой тогда?... Если это былъ секретъ, и ты не хотѣлъ его выдавать, такъ зачѣмъ же ты повѣрилъ это Кирѣ, а не мнѣ, женѣ твоей? спрашивала она съ засверкавшими глазами.

— Вмѣсто упрековъ вы должны были бы, кажется, быть благодарны мнѣ за это, холоднымъ тономъ возразилъ онъ ей: — я скрывалъ отъ васъ его имя, пока могъ, потому, во-первыхъ, что узнать о прелестныхъ дѣяніяхъ этого вашего близкаго роднаго ие могло и не можетъ, полагаю, доставить вамъ особенное удовольствіе. А, во-вторыхъ, потому, что то, что̀ можно повѣрить во всякое время княжнѣ, вамъ сказать можно только въ случаѣ, когда, какъ теперь, человѣкъ къ этому принужденъ... потому что она—не вы...

— Не я, глухо повторила молодая женщина.

— Нѣтъ, рѣзко подтвердилъ онъ,—потому, что она умѣетъ владѣть собою, а вы только волноваться, какъ малое дитя.

— Борисъ, — и Сашенька разомъ залилась слезами, — за что̀ ты такой жестокій! Я вѣдь не виновата, что Иринархъ мнѣ двоюродный братъ!..

— Слезы, такъ, этого не доставало! пропустилъ онъ сквозь зубы, поднимаясь съ мѣста, не глядя на нее и становясь тѣмъ злѣе, чѣмъ менѣе чувствовалъ себя правымъ предъ ней:—и кто васъ думаетъ въ этомъ упрекать!..

Онъ прошелся раза два вдоль длинной гостиной,—она продолжала тихо, тихо плакать, зажавъ платкомъ глаза,—и подошелъ опять къ ней, къ ея креслу:

— Я ѣду завтра въ Петербургъ, словно уронилъ онъ сверху внизъ.

— Ѣдешь? вскрикнула она, мгновенно вскидывая на него вѣки и блѣднѣя.

— Въ Петербургъ, завтра, повторилъ онъ, отчеканивая: „я-молъ рѣшилъ и возраженій не допускаю“.

Она поняла:

— Надолго? спросила она только.

— Не знаю. Надо Гришу выпутать... Я обѣщалъ.

У нея будто камень съ плечъ свалился; слезы испарились, на щекахъ опять заигралъ румянецъ.

— Да, для этого! такъ и вырвалось у нея изъ груди: — что же, Борисъ, поѣзжай, это, конечно, „хорошее дѣло!“...

Онъ хотѣлъ что-то сказать на это и... и не рѣшился...

Она вскочила съ мѣста, быстро продернула руку свою подъ его локоть, прижалась головой къ плечу и прошептала:

— Милый, но, Бога ради, только не сердись на меня!

— Опять ребяческія выходки! угрюмо проговорилъ онъ на это, стараясь высвободиться.

Но она его держала крѣпко:

— Въ послѣдній разъ, милый, и больше никогда, клянусь тебѣ! Ты мнѣ только на одинъ вопросъ отвѣть!

— Что такое?

Она всѣмъ взглядомъ, глубоко допытывающимся взглядомъ, погрузилась ему въ глаза:

— Скажи мнѣ, за *что именно* такъ возненавидѣлъ тебя Иринархъ, что рѣшился *это* сдѣлать?

Онъ въ свою очередь теперь тревожно и пытливо взглянулъ ей въ лице:

— Переломить мнѣ ногу? хмурясь и нетерпѣливо произнесъ онъ:—ты, вѣдь, слышала, какъ это произошло тамъ, въ лугахъ... Ну, это онъ былъ, переодѣтый мужикомъ, и крикнулъ крестьянамъ, чтобы не вѣрили мнѣ. Я кинулся схватить его, а онъ, защищаясь, швырнулъ въ меня палкой... Очень просто!..

— И только? спросила Сашенька, все также не отрываясь отъ него.

— Что „только“?

— Ты думаешь, что онъ только „защищаясь“... И не имѣлъ никакой *другой* причины?

Троекуровъ заговорилъ вдругъ съ поспѣшностью, далеко не обычною ему:

— Само собою, прежде всего ненависть, которую всѣ подобные ему déclassés, неспособные серьезнымъ и упорнымъ трудомъ выбиться изъ ничтожества, чувствуютъ къ людямъ

имущимъ, занимающимъ въ обществѣ „привилегированное“, какъ говорятъ они, положеніе...

— Да, понимаю, утвердительно кивнула она: — но, кромѣ того...

Она какъ бы замялась, примолкла на мигъ и подняла затѣмъ голову со внезапною рѣшимостью:

— Ты знаешь, что онъ былъ влюбленъ въ Киру еще тогда, въ Москвѣ, когда ты былъ мой женихъ, а потомъ преслѣдовалъ ее de son amour, когда они оба жили въ Петербургѣ... Ты помнишь, у нея тогда была горничной моя Анфиса, и я ее взяла къ себѣ, когда Кира уѣхала отъ насъ за границу послѣ смерти maman... Такъ она мнѣ разсказывала, что Иринархъ—онъ нехорошій человѣкъ, я знаю,—Богъ знаетъ, что̀ говорилъ и предлагалъ Кирѣ, такъ что она приказала наконецъ не пускать его къ себѣ, и онъ потомъ всего одинъ разъ приходилъ къ ней и приносилъ бумаги, которыя онѣ сожгли потомъ, ты знаешь...

— Знаю. Такъ что̀ же? прервалъ ее мужъ, успѣвшій, пока она говорила, „привести въ порядокъ“ свою „внѣшность“, какъ выражался онъ мысленно.

Сашенька слегка смутилась предъ полнымъ спокойствіемъ его тона...

— Нѣтъ... я думала... Я думала, повторила она не совсѣмъ твердо, — что онъ пріѣзжалъ теперь сюда не для того, чтобы бунтовать крестьянъ (это ужь такъ глупо!), а чтобы какъ нибудь увидѣться съ Кирой... И когда онъ понялъ вѣрно, что ты никогда не позволишь ему этого... то-есть, быть у насъ, то онъ вотъ тогда, со злости...

— Что̀-жь, это вамъ опять ваша Анфиса сообщила? неудержимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Онъ высвободилъ наконецъ свой локоть изъ-подъ ея руки, отошелъ и опустился въ кресло, закинувъ голову за его спинку.

— Ни слова, напротивъ, живо возразила Александра Павловна:—я чувствовала, что она знаетъ, *кто* былъ этотъ *переодѣтый*, но она ни за что̀ не хотѣла мнѣ сказать... И это самое, примолвила какъ бы невольно молодая женщина,—что

все отъ меня скрывали, это и дало мнѣ понять, что Кира должна играть тутъ непремѣнно главную роль...

— Что значитъ: „главную роль“? воскликнулъ онъ вдругъ раздраженнымъ голосомъ:—вѣдь только семилѣтнему младенцу въ пору разсуждать такъ, какъ вы! Если, по вашимъ же соображеніямъ, двоюродный вашъ братецъ явился сюда единственно, чтобы добиться свиданія съ княжною, которая „еще въ Петербургѣ не велѣла его пускать къ себѣ“, то слѣдовало, или нѣтъ, мнѣ, обязательному защитнику ея, пока она въ моемъ домѣ, оградить ее всѣми имѣющимися у меня въ рукахъ способами отъ наглости этого негодяя? Вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ въ чемъ *главное*, понимаете-ли вы? уже кричалъ онъ.

— Борисъ, пролепетала она растерянно,—я развѣ говорю противъ этого?..

Но его уносила волна внезапной, неодолимой, бѣшеной ярости:

— Что же это за допросъ, *подходы* какіе-то?.. Что вамъ нужно отъ меня!.. Такъ вѣдь жить не возможно!..

Онъ будто проснулся такъ же внезапно, вскинулъ голову, шагнулъ къ стѣнѣ и судорожно дернулъ за снурокъ колокольчика:

— Лошадь мнѣ сейчасъ подъ верхъ, Карабаха! крикнулъ онъ вошедшему слугѣ и быстрыми шагами направился къ своему кабинету.

Сашенька, со сжатыми до боли пальцами сложившихся рукъ, только глядѣла на него, вся замертвѣвъ...

XX.

Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.
Полонскій.

Doch alles, was dazu mich trieb,
Ach, war so gut, ach, war so lieb!
Faust.

Чрезъ четверть часа Троекуровъ мчался, какъ говорится, куда глаза глядятъ, на своемъ Карабахѣ, мимо только-что убранныхъ полей, деревень и перелѣсковъ, пытаясь „заморить“ этою бѣшеною скачкой свою бунтующую кровь. Это удавалось ему въ былые годы, когда такъ же, какъ теперь, „не слушало сердце разсудка“, и страсть, и гнѣвъ, и неудовлетворенныя желанія раздирали ему душу... Далеки были ужь отъ него эти годы, и давно, казалось ему, вынырнулъ онъ навсегда на надежный берегъ изъ ихъ мятежнаго водоворота. Но нѣтъ, онъ сознавалъ: вотъ она опять эта неодолимая, обаяющая сила зла, волшебное марево незаконнаго, краткаго какъ сонъ, но неотразимо манящаго счастія... „И онъ возьметъ его, возьметъ, а тамъ будь что̀ будетъ!“ проносилось у него въ головѣ, словно припѣвъ какой-то вдругъ вспомнившейся прежней, завѣтной когда-то пѣсни.

Солнце заходило, словно млѣя среди пурпуровыхъ облаковъ. День миновалъ... И впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого дня, всплывали и толкались назойливою толпой въ его раздраженной мысли: какой-то сверкающій лучъ на фонѣ чего-то скорбнаго, безсмысленнаго и раздражающаго... Доктринеръ-славя-

нофилъ *съ рыбьей кровью* и безнадежными рѣчами; невмѣняемый, безвольный юноша, расплачивающійся за отпущеннаго на всѣ четыре стороны виновнаго негодяя; старческое горе, вопіющее къ попустителямъ сыновней заразы и гибели; соціалистъ въ полицейскомъ мундирѣ, и атеистъ въ священнической рясѣ; эмигрантъ, признанный закономъ „навсегда изгнаннымъ изъ предѣловъ отечества“, и терроризирующій въ то же время изъ-за моря весь сонмъ правительственныхъ властей... И ничего другаго кругомъ, кромѣ этого шутовства, и безтолочи, и торжества пошлости и безсилія... „Развѣ можно жить въ такой странѣ!“ вырывалось лихорадочнымъ кликомъ изъ его груди... И въ воображеніи его мгновенно выросталъ мраморный фасадъ венеціанскаго дворца съ широкими ступенями, купающимися въ зеленой глади канала, безлунная ночь и крупныя звѣзды итальянскаго неба, черный остовъ гондолы, и съ нимъ *она* подъ кружевною мантильей, гордая и таинственная, какъ эта ночь, какъ этотъ утопающій въ молчаніи и сумракѣ городъ... „За что ты такъ жестокъ, Борисъ!“ звучалъ такъ же мгновенно, словно подъ самымъ ухомъ его, молящій и плачущій какъ у ребенка голосъ... Онъ вздрагивалъ и прижмуривался, и чрезъ мигъ опять улыбался какою-то вызывающею улыбкой. Ну да, онъ жестокъ, что же дѣлать съ этимъ! Онъ сейчасъ вотъ искалъ предлога къ ссорѣ, „какъ какой-нибудь пьяный сапожникъ“, и этого, онъ знаетъ, никогда ему не проститъ его же совѣсть. Ну и что же? Совѣсть, людское уваженіе, жизнь,—стоитъ-ли говорить объ этомъ теперь!.. Онъ же вѣдь сказалъ ей сегодня утромъ, чтобъ она оцѣнила его страсть по той жертвѣ, которую онъ ей приноситъ...

Надо всѣмъ этимъ стояло у него одно: увидѣть ее... Онъ понималъ: послѣ того, что произошло между ними утромъ, она не была въ состояніи сохранить свое обычное спокойство; ей надо было остаться одной съ самою собой, *разобраться* среди своихъ ощущеній, „ей не хотѣлось никого видѣть, особенно“... Онъ не договаривалъ и судорожно щурился опять, и погонялъ своего ужь и такъ взмыленнаго коня. Но онъ увидитъ, ему необходимо видѣть ее, и сегодня же. Надо „покончить“. Ни *она*, ни онъ не способны на лицемѣріе, на унизительный,

мелкій обманъ. Онъ объявилъ... *Александръ Павловичъ* (онъ съ какимъ-то усиліемъ выговорилъ мысленно это имя и отчество), что уѣдетъ завтра, и онъ уѣдетъ... *Она* тоже, она не можетъ, не захочетъ остаться... Она и ни въ какомъ случаѣ не осталась бы послѣ *того*, она ушла бы *отъ него*, если не уйдетъ *съ нимъ*... Необходимо уговориться, найти для нея предлогъ уѣхать немедля отсюда... Они съѣдутся въ Москвѣ, а оттуда прямо... *Сюда* онъ напишетъ... Ну, да тамъ видно будетъ!" отгоняя докучную заботу, прервалъ онъ себя тутъ же...

Было уже поздно, когда онъ возвращался домой. Мѣсяцъ стоялъ въ послѣдней четверти; ущемленный серпъ его выплывалъ изъ-за бѣлыхъ, пушистыхъ тучекъ и палевымъ мерцаніемъ своимъ слабо свѣтилъ надъ верхушками стариннаго сада Всесвятскаго... Троекуровъ, не доѣзжая до воротъ усадьбы, остановился и, послѣ минутнаго размышленія, круто повернулъ съ дороги вправо лугомъ, мимо садовой ограды, къ рѣчкѣ, протекавшей чрезъ этотъ же садъ, переѣхалъ ее здѣсь въ бродъ и, обогнувъ тянувшееся по другому ея берегу продолженіе ограды, очутился на задахъ сада, выходившихъ въ поле у калитки, чрезъ которую, съ такою, какъ и онъ теперь цѣлью, проникалъ сюда, если помнитъ читатель, Иринархъ Овцынъ.

Онъ разсчитывалъ, что эта отомкнутая тогда, по его приказанію, калитка такъ и оставалась, по русской небрежности, не замкнутою съ тѣхъ поръ.

Онъ соскочилъ съ Карабаха, закинулъ узду его за одно изъ бревенъ частокола и толкнулъ дверцу ногой.

Онъ не ошибся: она тотчасъ же подалась и откинулась, слегка визгнувъ на ржавой петлѣ... Онъ вошелъ...

Надо было пробраться къ *ея* павильйону и не быть замѣченнымъ, не встрѣтиться ни съ кѣмъ... „Но съ кѣмъ же?" успокоивалъ онъ себя: „все въ домѣ улеглось въ этотъ часъ"... А она не спитъ, онъ былъ увѣренъ...

Онъ подвигался осторожно, стараясь не скрипѣть сапогами по песку аллей, „будто воръ въ собственномъ своемъ владѣніи", съ невольною усмѣшкой говорилъ онъ себѣ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что поднявшійся въ эту минуту вѣ-

теръ заглушалъ „и совсѣмъ“ шелестомъ листьевъ „подозрительный“ шумъ его шаговъ.

Онъ вдругъ остановился... Прямо предъ нимъ, на легкомъ чугунномъ мостикѣ съ прорѣзными перилами, еще неясно, но уже несомнѣнно для него, вырисовывался подъ блѣднымъ сіяніемъ, падавшимъ съ неба, женскій обликъ съ окутанною чѣмъ-то бѣлымъ головой... Это была *она!* „Развѣ могъ онъ ея не узнать?“...

Она стояла на этомъ мостикѣ, уложившись обоими локтями на перила, и недвижно глядѣла внизъ, въ бѣжавшія подъ нимъ струи свѣтлой и глубокой рѣки, въ которыхъ дрожало, словно качаясь, золотое отраженіе мѣсяца...

Троекуровъ однимъ прыжкомъ очутился теперь на чугунныхъ плитахъ рядомъ съ нею.

— Кира! прошепталъ онъ, замирая отъ волненія: — вы здѣсь?...

Она неспѣшно отдѣлилась отъ перилъ:

— Вы не ожидали? какъ бы насмѣшливо промолвила она, глядя на него недвижимыми, холодными глазами.

— Не здѣсь, дѣйствительно: я думалъ, вы у себя въ павильонѣ, я шелъ къ вамъ...

— Знаю, отвѣтила она мгновенно упавшимъ голосомъ.

Она судорожнымъ движеніемъ подняла руку ко лбу, откидывая къ затылку накинутый на голову тюлевый шарфъ, словно жгла ее прозрачная его ткань; ея напускное безстрастіе исчезло разомъ, будто туманъ, разсѣянный бурей.

— Я тутъ вотъ уже два часа гляжу въ эту воду и спрашиваю себя: не лучше-ли было бы лежать мнѣ тамъ... на днѣ... Нѣтъ, не то! нежданно прервала себя она вдругъ, — это жалкія, глупыя слова; совсѣмъ не то!...

Она такъ же нежданно засмѣялась:

— Что же, довольны вы теперь? Вы добивались, довели до этого... Ну вотъ я съ вами здѣсь, одна, ночью... Что же дальше будетъ?

Онъ захватилъ ея холодныя какъ ледъ руки, сжимая ихъ до боли:

— Мы уѣдемъ, забывъ весь міръ другъ для друга...

— Безъ сожалѣнія, безъ раскаянія? съ какою-то словно безотчетною тревогой вырвалось у нея изъ груди.

— Я не раскаиваюсь никогда и люблю васъ, о чемъ же толковать! нетерпѣливо возразилъ онъ.

— Да, у васъ своя философія; я помню, вы говорили: будутъ всегда счастливые и обездоленные, и всегда счастье однихъ будетъ въ прямой зависимости отъ несчастія другихъ... Она прервала себя еще разъ:—Я иного ждала въ жизни, вы знаете... *Я общаго добра* искала, я думала, что мнѣ самой можно будетъ отдать себя на *большое* дѣло... Вы знаете, въ Петербургѣ... И вы же тогда первый на балѣ... И все рушилось, всѣ надежды, въ смѣхъ превратилось все это...

— Вы не того искали, поспѣшилъ онъ сказать.

— Не того, да, такъ оказывается... Что же теперь, лучше?... Вѣдь я люблю васъ, вы это умѣли сдѣлать! съ отчаяніемъ, чуть не со злостью воскликнула она:—люблю съ того самаго дня, когда вы пріѣхали ея женихомъ... Не понимала еще, а уже любила. Помните, когда вы меня отговаривали ѣхать въ Петербургъ,— я тутъ поняла въ первый разъ; а до тѣхъ поръ, казалось мнѣ, я васъ ненавидѣла... и презирала даже; да да, я все скажу теперь,— презирала... за вашъ выборъ... А теперь подумайте, проговорила она съ ужасомъ:— вѣдь я *ворую* васъ у *нея!*...

Его кольнуло словно остреемъ ножа. Но онъ осилилъ себя:

— А развѣ любовь моя, по-вашему, не стоитъ преступленія? налаживая себя на шутливый тонъ, сказалъ онъ.

— Вы смѣетесь! болѣзненно промолвила она:—вы безжалостный: вы могли, когда *она* такъ настоятельно звала меня сюда изъ Женевы, вы *должны* были сказать *ей*, что вы не хотите... Но вамъ нужна была эта побѣда надъ моею волей, этотъ стыдъ мой...

— Стыдъ! вскликнулъ Троекуровъ, захватывая властно обѣ руки ея и сжимая ихъ до боли въ своихъ пылавшихъ ладоняхъ: — я не ждалъ такого слова изъ вашихъ гордыхъ устъ! Не стыда вашего, счастія нужно мнѣ было отъ васъ, счастія, которое однѣ вы способны дать мнѣ... Вы хотѣли „большаго“, *общаго*, хотѣли *человѣчеству* служить. Я зналъ,

что васъ ждетъ; я первый, дѣйствительно, плеснулъ въ васъ струею холодной воды. Не тотъ вѣкъ, когда женщины, какъ вы, правили судьбами народовъ, когда за ними бѣжали восторженныя толпы; не та страна, гдѣ бы нуженъ былъ теперь энтузіазмъ, свѣтлый умъ, чистыя стремленія, — вы слышали, что еще сегодня утромъ говорилъ Гундуровъ... Тошно глядѣть, тошно жить съ этими теперешними... Вы сами видѣли близко, убѣдились; вы ушли и отреклись... И что же, кончить на этомъ? Вамъ, съ тѣмъ сокровищемъ даровъ, что лежитъ у васъ въ груди, отойти отъ жизни, не испытавъ счастія, не даровавъ его другому?...

— „Счастія", повторила она какъ во снѣ, — да, хоть на часъ, на мигъ, *счастія!* Я его никогда не знала!...

Онъ весь горѣлъ; руки его выпустили ея руки и потянулись къ ней:

— Кира!...

— А *она*, Борисъ Васильевичъ, а *она?*...

— Вы о томъ же опять! отвѣчалъ онъ съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ:—къ чему? Вы сами знаете:

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань...

Вы сейчасъ о моей „философіи" говорили; не философія это, а простой человѣческій смыслъ. *Тамъ* любви больше нѣтъ... съ моей по крайней мѣрѣ стороны. Я люблю васъ, и безъ васъ не понимаю болѣе жизни, шепталъ онъ со страстнымъ увлеченіемъ, — и вы, вы сейчасъ признались, вы тоже любите... И послѣ этого что же: притворяться, обманывать, отказаться отъ васъ? Да за кого же вы меня принимаете!...

Глаза его засверкали какимъ-то неумолимымъ огнемъ.

— Я *не нынѣшній*, я, хорошо-ли, дурно-ли, зналъ, что дѣлалъ, всегда, и ни предъ чѣмъ въ свѣтѣ не отступалъ никогда... Я знаю, что вы мнѣ можете сказать, поторопился онъ добавить, въ чаяніи ожидаемаго возраженія: — долгъ, дѣти, „гублю жизнь",—вы это даже выраженіе употребили уже сегодня утромъ,—все я знаю... А слышали вы, что еще не та-

кія преступленія совершались въ мірѣ и что для нихъ было только одно объясненіе: человѣкъ любилъ... Слышали?

Она вздрогнула только, не находя въ первую минуту отвѣта на эти пламенныя, прожигавшія всю ее самоё слова...

Онъ продолжалъ:

— Эти преступники, Кира, стояли выше того *зла*, которое дѣлали они, и переступали чрезъ препятствія, не задумываясь, „безъ сожалѣнія, ни раскаянія", потому что есть нѣчто выше всѣхъ кодексовъ нравственности въ мірѣ,—это *правда любви!*...

Она вдругъ подняла голову; зеленые глаза ея сверкнули фосфорическимъ блескомъ въ полумракѣ ночи.

— Помните же, Борисъ Васильевичъ, строго, словно повелительно проговорила она,—вы пригласили меня итти сообща съ вами *на преступленіе!*

— И вы пойдете? И онъ еще разъ схватилъ ея руки...

Что-то беззавѣтно отчаянное пронеслось въ ея едва слышномъ отвѣтѣ:

— Пойду!...

Оба замолкли теперь, но если бы не шелестъ вѣтра въ листвѣ, не ропотъ струй, плескавшихся о берегъ, можно было бы слышать, какъ тяжело дышала грудь и стучала кровь въ сердцахъ у обоихъ.

— Я ѣду завтра въ Петербургъ, началъ онъ первый,—и... и въ домѣ, промолвилъ онъ, избѣгая называть жену,—объ этомъ уже извѣстно.

— Въ Петербургъ? какъ бы съ испугомъ воскликнула она.

— Да. Онъ объяснилъ ей причину.—И какъ только добьюсь, чтобъ этого бѣднаго юшошу отпустили, вернусь въ Москву... Вы вѣдь собирались туда на дняхъ. Не правда-ли?

— Да, проговорила она съ усиліемъ:—тамъ въ Лукояновскомъ домѣ сложены въ подвалы ящики съ библіотекой и мюнцкабинетомъ батюшки, а Сережа, говорятъ, продаетъ этотъ домъ; я хотѣла перевезти ихъ куда-нибудь...

— На Покровку перевезете, промолвилъ быстро Троекуровъ,—въ Остроженковскій домъ, въ который, вы знаете, я еще не входилъ съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдовалъ имъ... Я

велю приготовить теперь его для вашего пріѣзда. А когда я вернусь... онъ понизилъ голосъ, осторожно, чуть не робко обнялъ ея станъ рукой:—мы уѣдемъ прямо изъ Москвы, хотите, постаринному: въ собственной каретѣ, на почтовыхъ? Вѣдь это во сто разъ лучше при нашихъ условіяхъ, чѣмъ пароходъ или желѣзная дорога съ ея пошлою толпой...

Она не отвѣчала и только неудержимо сама прижалась къ нему... И тутъ же вскинулась какъ испуганная птица, быстро сбѣжала съ мостика и исчезла въ темени ближней аллеи.

Онъ въ первую минуту чуть было не кинулся за нею... но пріудержался, улыбнулся блаженною улыбкой и неспѣшными шагами направился назадъ къ калиткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ въѣзжалъ на Карабахѣ въ ворота своей усадьбы и кидалъ узду его на руки поджидавшаго его у крыльца, по обыкновенію, Скоробогатаго.

Въ это же время изъ-за густаго куста бузины, расположеннаго у самаго моста, вылѣзла какая-то фигура въ темномъ пальто и такой же фуражкѣ, изъ подъ козырька которой выглядывали сквозь синія стекла очковъ маленькіе и злобные глазки, осторожно озираясь во всѣ стороны.

— *А, нехай іого бисъ*! привычною въ устахъ его бранью ругнулся владѣлецъ этихъ глазокъ и очковъ, убѣдившись, что никто его не видитъ и не слышитъ, и разминая ноги съ очевиднымъ наслажденіемъ:—ажь до смерти заморился въ этомъ кустѣ прдклятомъ. Какъ влѣзъ, такъ и просидѣлъ тамъ часа два, мало, не шевелючись. *Одна* пришла сначала, я и схова́лся, а тутъ и *самъ*... Думаю, не дай Боже, чихну, али чтò, а онъ вдругъ догадается, да туда носомъ... Убилъ бы тутъ прямо, вѣрно говорю, на мѣстѣ-бъ положилъ, потому, извѣстно, магнатъ, *лыцарь*; такъ изъ-за чести *дамы* на все они готовы...

Онъ вдругъ засмѣялся сквернымъ, подловатымъ смѣхомъ.

— Услыхалъ я за то-жь!... Того услыхалъ, что пятьдесятъ тысячъ за тотъ услухъ взять мало... Только повести жь-это

дуже гарно треба, сказалъ онъ себѣ чрезъ мигъ, впадая въ размышленіе... — А не возьмешь *тѣхъ грошей*, рѣшилъ онъ въ заключеніе,—такъ ужь по крайности глотку его магнатскую заткну ему насчетъ *Колокола* и прочаго... А какъ еще сей самый романъ передать въ журналъ какой, такъ они тамъ въ Петербургѣ такъ его размалюютъ, что будетъ онъ помнить ихъ до самой смерти. Пробралъ ужь его на всю имперію Герценъ съ моего писанья, такъ вотъ мы ему еще феферу закатимъ! злобно засмѣялся онъ опять и оглядываясь:—Ѳедьку-бъ мнѣ только теперь съ отвѣтомъ дождаться... А боялся-жь я, чтобъ онъ тутъ какъ разъ не вернулся, когда *они* на мосту-то амурились себѣ. Отъ-то-бъ штука еще вышла занятная!...

— Степанъ Акимычъ! раздался невдалекѣ отъ него осторожный шопотъ,—я тутъ!

Тотъ даже вздрогнулъ:

— А чтобъ тебя!... Ну, отвѣтъ принесъ?

Ѳедька тяжело перевелъ дыханіе:

— А я сейчасъ, Степанъ Акимычъ, самую сейчасъ барышню встрѣтилъ, княжну! Страсти! Издалечка-то только бѣлое видать, а этто у нихъ на головѣ косынка значитъ, а я какъ спужаюсь! Кикимора какая, думаю, али лѣшій... За дерево прижался, ни живъ, ни мертвъ, тоись... А онѣ по аллейкѣ какъ разъ мимо того самаго мѣста моего прошли. Я ихъ тутъ и призналъ. Ничего себѣ, идутъ ровно, а я тутъ сичасъ по травушкѣ, по травушкѣ, — по песку-то, знаете, ужь и опасно показалось, чтобы не услыхали, — и къ вамъ сюдатка.

— Я тебя про отвѣтъ спрашиваю! прервалъ его нетерпѣливый возгласъ его собесѣдника: — Анфису Дмитріевну видѣлъ?

Ѳедька рукою махнулъ:

— Ни въ жисть! Потому приказъ теперича строгій отданъ, чтобы меня къ нимъ ни за что не пущать.

— Ну, а письмо? Передано оно ей? спросилъ господинъ въ очкахъ, котораго, смѣемъ думать, уже узналъ читатель.

— Извольте получить въ сохранности; какъ отдали, такъ и назадъ принесъ вамъ.

— Не приняла?

— Ни въ жисть! Потому опосля того, какъ, помните, накрылъ насъ съ ними на селѣ самъ, значитъ, баринъ ихній, когда я имъ относилъ письмо-то эвто самое ко княжнѣ отъ Аринарха Ѳедоровича, онѣ съ тѣхъ поръ опасаться стали.

— Почему-жь ты это знаешь, коли не видалъ ея?

— А чрезъ Егорку, подкухмистера знаю, хихикнулъ Ѳедька,—потому онъ мнѣ изъ пріятелевъ.

— Что-жь онъ сказалъ тебѣ?

— А эвто самое, значитъ, и сказалъ, что меня завсегда оттелева велѣно въ шею гнать.

— Дуракъ! гнѣвно сорвалось съ устъ Степана Акимыча.

Ѳедька только ухмыльнулся опять на это и, значительно помолчавъ:

— Анфиса Дмитревна, сказалъ онъ,—безпремѣнно завтра въ церковь на село пойдутъ, потому у нихъ въ эвтотъ самый день предъ Успеніемъ память по мужѣ по покойномъ.

— Отъ кого это ты узналъ?

— Самъ знаю, потому какъ служимши съ ними у Елпидифора Павлыча, Царство имъ Небесное, такъ я завсегда помню, что они въ эвтотъ самый день заупокойную по мужу служатъ.

— Ну, рѣшилъ, подумавъ, Троженковъ,—и до хаты пора теперь, маршъ!...

Они выбрались изъ сада и прошли межою поля къ селу, гдѣ у одного знакомаго ему крестьянина оставилъ Троженковъ телѣжку свою и лошадь.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Eh, eh, vous ignorez, ma fille, tout ce que l'on peut faire en ce monde sans être pendu.

O. Feuillet. *Rédemtion.*

Зачѣмъ же такія пустословныя мечтанія о низкости нашихъ чувствъ?

Островскій. *Женитьба Бальзаминова.*

По межкѣ, мимо сжатаго ржанаго поля, шла изъ села Всесвятскаго къ усадьбѣ старая наша знакомая, Анфиса, довѣренная горничная Александры Павловны Троекуровой.

Солнце стояло высоко и припекало довольно сильно. Синеглазая женщина, защищаясь отъ него платкомъ, который держала надъ глазами въ видѣ зонтика, спѣшила добраться до лѣсочка, входившаго въ черту крестьянскаго надѣла, а потому уже на половину срубленнаго, но въ которомъ все же оставалась еще кое-какая тѣнь.

Она шла, глядя себѣ подъ ноги и не замѣчая, что на ту же тропинку свернулъ изъ села вслѣдъ за нею и видимо нагонялъ ее теперь человѣкъ, котораго менѣе всего чаяла и желала она видѣть изо всѣхъ, съ кѣмъ случалось ей встрѣтиться въ жизни.

Она вошла уже въ холодокъ, подъ тѣнь какихъ-то уцѣлѣвшихъ ветелъ по близости рѣки и, остановившись передышаться, утирала свое вспотѣвшее, слегка загорѣлое лицо, когда услышала за спиной своею его голосъ:

— Мое высокопочитаніе, Анфиса Дмитріевна!

Ее словно ожгло всю: она сразу узнала льстиво-лукавые, заискивающіе звуки этого голоса.

— И вамъ того же, Степанъ Акимычъ, вымолвила она сквозь зубы, оборачиваясь и брезгливо окидывая его взглядомъ.

Онъ, какъ говорится, нисколько не потерялъ *контенанса* отъ того нескрываемаго отвращенія, которое читалъ на этомъ, такъ близко знакомомъ ему когда-то и всё такъ-же красивомъ, лицѣ.

— Недалекіе сосѣди, осклабился онъ, — а увидать васъ въ первый еще разъ Богъ далъ!

— И не для чего вовсе, такъ и отрѣзала она на это: — счастливо оставаться! И тронулась поспѣшно съ мѣста.

— Погодите трошечки, Анфиса Дмитріевна; можетъ и пожалѣли бы потомъ, произнесъ онъ какимъ-то вѣскимъ тономъ, заставившимъ ее безотчетно остановиться.

— О чемъ дѣло? спросила она хмурясь.

— А что ужь очень гордыя вы сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ подъ магнатскимъ кровомъ поселилися, хихикнулъ Троженковъ, кивая на виднѣвшуюся сквозь рѣдину лѣсную усадьбу Троекуровыхъ.

— И опять-таки вамъ до этого дѣла нѣтъ, сказала она, и разговаривать намъ съ вами нечего. Вамъ направо, мнѣ налѣво,—прощайте!

— А *самъ*, панъ вашъ большой, уѣхалъ? крикнулъ онъ ей нежданно въ догонку.

— Уѣхалъ, уронила она на-ходу.

— И княжна ваша за нимъ? прошипѣлъ онъ, не трогаясь съ мѣста, зная, что этотъ вопросъ и тонъ его заставятъ ее остановиться еще разъ.

Онъ не ошибся: она быстро обернулась, вперивъ въ него изумленные глаза.

— Съ чего вы это взяли? Княжна дома и никуда не собираются.

— Не объявила еще? захихикалъ онъ опять.

— Что объявить-то?

— А вотъ объ этомъ, объ самомъ, когда желаете, могу съ вами разговоръ имѣть. Потому какъ вы очень ко всему тому панству привязанность имѣете, такъ вамъ это очень полезно и можетъ даже къ интересу вашему послужить.

— Мнѣ „интересу“ никакого не надо, возразила Анфиса съ гадливымъ движеніемъ губъ, — а вы что это такое неподходящее плетете, вотъ это мнѣ удивительно.

— Эхъ, Анфиса Дмитріевна, заговорилъ онъ опять, словно весь разсыпаясь въ сахаръ,—кабы не такія горячія вы были и людей по настоящему понимали, можетъ и не такъ встрѣтились бы мы съ вами... да и не слугою жили бы вы теперь, а сами-бъ себѣ госпожей, промолвилъ онъ уже шепоткомъ, наклоняясь къ ней какимъ-то внезапнымъ, змѣевиднымъ движеніемъ своей длинной и узкой шеи.

Она торопливо откинулась отъ него головою назадъ:

— Какою еще тамъ госпожей? что это вы мнѣ несуразное мелете, Степанъ Акимычъ?

Но онъ продолжалъ, будто не слышалъ:

— Какъ если вы *тогда* мнѣніе свое обо мнѣ перемѣнили, когда я дѣйствительно ни за собой, ни впереди не видѣлъ ничего, что голытьба одна могла ждать насъ тогда съ вами, такъ можетъ я теперь, съ перемѣною, какъ знаете, моихъ обстоятельствъ, желаю доказать... чувство мое къ вамъ, что вы можетъ, позабыли, а я никогда забыть не могу...

Вся кровь прилила къ ней въ голову; языкъ ея готовъ былъ разразиться безпощаднымъ, поражающимъ словомъ... Но она сдержалась: ей захотѣлось „испытать, до чего еще низокъ этотъ человѣкъ“.

— Какъ же понимать надо, что вы теперича говорите, Степанъ Акимычъ? спросила она, насколько могла, спокойно:— замужъ что-ли опять желаете меня взять?

— И возьму, *рыбко мое*, возьму! прошепталъ онъ, простирая руки съ видимымъ намѣреніемъ обнять ее.

Она отшвырнула ихъ отъ себя.

— До свадьбы далеко!.. И тутъ же, сдержавшись опять:

— И скажите, съ чего это вы вдругъ, Степанъ Акимычъ? Два года, почитай, по сосѣдству жили, не видавшись, и какъ изъ ружья вдругъ сегодня выстрѣлили? Я и сообразить даже не могу. Потому и сами говорите, я какъ была„ слуга", такъ и осталася, а вы теперича съ имѣніемъ господинъ, богатый, можете помѣщицу какую нибудь, дворянку за себя взять. А у меня, сами знаете, какой былъ даже капиталецъ, такъ и тотъ добрый человѣкъ одинъ взялъ да и не отдаетъ. Такъ какая вамъ отъ меня въ сей часъ прибыль будетъ?

— Голѳвонька умная лучше грѳшей, Анфиса Дмитріевна. Это для меня самое главное, о!... Какъ если хотите, такъ я вамъ откровенно буду все говорить.

Она повела на него косымъ взглядомъ:

— Любопытно узнать.

— Панъ вашъ великій, Борисъ Васильевичъ, для чего въ Петербургъ поѣхалъ, знаете? началъ Троженковъ.

— Ихнее это дѣло, а мнѣ почемъ знать?! отвѣтила уклончиво Анфиса.

— О, неправду говорите, по глазамъ вижу! воскликнулъ онъ:—а что предводительскаго сына, студента, жандармы сцапали, слышали?

— Можетъ, и слышала, такъ чтѳ-жь изъ этого?

— А что все то вышло чрезъ того самаго человѣка, который вашей княжнѣ письма посылалъ, — можетъ, тоже не знаете?

— Который у васъ жилъ и чрезъ вашего Ѳедьку, негодника, орудовалъ? возразила она негодующимъ тономъ.

— А чтѳ-жь что жилъ! хихикнулъ насилованно ея собесѣдникъ:—я почемъ про него могъ знать? Пріѣхалъ ко мнѣ человѣкъ съ письмомъ рекомендательнымъ отъ учителя одного, знакомаго моего: студентъ, пишетъ, ищетъ на лѣто уроковъ, не могу-ль къ кому помѣстить, языки знаетъ. А я завсегда желалъ практику французскаго языка для себя собственно имѣть. Вижу, можетъ онъ на то годиться. Такъ и оставилъ его у себя жить на кондиціи... А что онъ кому

письма писалъ, такъ то дѣло его, а не мое. И какія еще глупости началъ дѣлать сей человѣкъ, опять я за то отвѣчать не могу... Такъ даже скажу вамъ, что коли бы не забрали его тамъ, въ лугахъ, переодѣтаго, заключилъ Троженковъ съ презрительнымъ подергиваніемъ губъ, — я бы его самъ въ шею погналъ отъ себя, потому лядащій!

„Ври больше!“ думала, слушая, Анфиса, стараясь не глядѣть на него.

— А вашъ Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ снова нѣсколько уже взволнованнымъ голосомъ,—въ отвѣтѣ меня за этого самаго человѣка почитаетъ... я добре знаю! примолвилъ онъ поспѣшно, какъ бы ожидая возраженія съ ея стороны; но она молчала.—Онъ для того самаго и въ Петербургъ поѣхалъ, добавилъ онъ,—былъ я вчера въ городѣ, отъ добрыхъ людей узналъ: поѣхалъ онъ затѣмъ, первое, Юшкова этого, предводительскаго сынка, отъ тѣхъ голубыхъ волковъ выцарапать, что сцапали его; а съ усердія своего большаго и донесетъ притомъ на меня, какъ на пристанодержателя и соучастника лицъ, злоумышляющихъ на правительство.

— А коли вы, говорите, ничего за собой не знаете, такъ вамъ чего бояться? молвила она на это съ едва скрываемою насмѣшливостью въ интонаціи.

Онъ качнулъ головой.

— *Захочутъ*, до всего придраться могутъ... Хошь и пощипали перья довольно въ настоящее время изъ хвостовъ изъ ихнихъ, а все-жь *дуже ще* сильны они, паны наши, противъ темнаго человѣка... Зачнетъ онъ тамъ, въ Петербургѣ, костить меня и доказывать, такъ и того ждать можно, что безъ суда, административнымъ порядкомъ, съ мѣста жительства въ дальнія губерніи сошлютъ, о! И голосъ его уже замѣтно дрогнулъ.

Анфиса усмѣхнулась опять:

— Вы и тамъ не пропадете, Степанъ Акимычъ, вы паутиночку свою на всякомъ мѣстѣ соткете...

— Я не желаю того вовсе! воскликнулъ онъ досадливо:— какъ на своемъ огородѣ сѣлъ, такъ и сидѣть хочу!... Я по этому самому и писалъ вамъ вчера записку, — потому, если

вы согласны будете *на мое*, подчеркнулъ онъ, — мы съ вами все панство это, о какъ замолоть можемъ! договорилъ онъ съ соотвѣтствующимъ жестомъ, будто вертя ручку кофейной мельницы.

Любопытство превозмогло у нея и на сей разъ надъ враждебнымъ чувствомъ, которое все сильнѣе подымалось въ ней противъ „этого низкаго человѣка“:

— А что-жь, по-вашему, спросила она, — требуется для эвтого самаго?

— Онъ пододвинулся къ ней опять и быстро зашепталъ:

— А, первое, какъ мнѣ извѣстно, что эта княжна ваша довѣренною своею особой васъ почитаетъ, такъ чтобъ она ему сейчасъ въ Петербургъ отписала, чтобы никакого доноса онъ противъ меня не учинялъ, потому вы за меня ручаетесь, и что я хочу васъ замужъ взять...

„Что это онъ о княжнѣ все?“ тревожно сказала себѣ Анфиса, и громко:

— Это, то-есть, чтобы Борису Васильичу написать... Такъ для чего-жь тутъ княжну путать, когда у нихъ ближе есть особа, жена законная, Александра Павловна, и я даже вовсе теперь не у княжны, а у нихъ нахожусь въ услуженіи?

Скверною усмѣшкой ухмыльнулся на это Троженковъ:

— Потому противъ законной *незаконная* не въ примѣръ чувствительнѣе на него подѣйствовать можетъ.

Ее внезапно всю прорвало отъ этихъ словъ; сдерживаться уже не доставало у нея силы:

— Врете вы, подлый человѣкъ! вскрикнула она съ запылавшимъ лицомъ, съ задрожавшею челюстью: — слова ваши ядъ одинъ, какъ у змѣи подколодной! Врете вы со злости вашей неисходной на благодѣтеля своего, что изъ писаришки негоднаго помѣщикомъ богатымъ васъ сдѣлалъ, шестьдесять тысячъ, во какой кушъ, отвалилъ вамъ, за что? Изъ-за одного великодушія своего безконечнаго, потому по дѣламъ вашимъ не то, что деньги вамъ давать, а за рѣшеткой сидѣть вамъ давно бы слѣдовало!...

Троженковъ позеленѣлъ и затрясся отъ злости:

— „Благодѣтель!“ Что вы мнѣ все *благодѣтелями* въ глаза

тычете? То хапугу того своего полицейскаго подъ носъ совали, что долженъ я былъ, по вашему, уважать его, то этого опять теперь *барина* вашего великаго... Шестьдесятъ тысячъ далъ! „Кушъ!“ А того не знаете, что, какъ бы не тѣ законы прóклятые, что завели люди, я-бъ самъ на его мѣстѣ сидѣлъ, какъ отца своего сынъ первородный!... „Дѣла мои“, говорите. А его „дѣла“ какія, знаете про то?

Онъ расхохотался вдругъ острымъ, пронзительнымъ смѣхомъ и, какъ бы сорвавъ этимъ сердце, заговорилъ нежданно инымъ, почти спокойнымъ тономъ:

— А вотъ какъ чрезъ дней нѣсколько сія княжна самая скажетъ ей, Троекурихѣ вашей, что ей въ Москву непремѣнно ѣхать треба, книжки какія-сь тамъ изъ одного дома въ другой перевозить, такъ вы тутъ и навяжите себѣ узелокъ на память!

Анфиса насторожила уши: она вспомнила, что княжна при ней однажды говорила объ этомъ своемъ намѣреніи Александрѣ Павловнѣ по поводу извѣстія о продажѣ дома Лукояновыхъ на Арбатѣ. Но почему могъ *онъ* это знать?

— Ну, а если онѣ и поѣдутъ, возразила она спокойно,— такъ что-жь изъ того?

— А поѣдетъ она и остановится на Покровкѣ въ томъ самомъ батьки моего роднаго, Акима Ивановича Остроженка, домѣ, въ который до сихъ поръ Троекуровъ вашъ и ногою вступить не смѣлъ, потому знаетъ, что его тамъ съ матерью ежедень какъ Мазепу проклинали. А онъ ей теперь тотъ домъ къ пріѣзду приготовить велитъ, и будетъ она тамъ ожидать его, пока онъ изъ Петербурга не вернется, а какъ только въ Москву назадъ, сейчасъ заберетъ онъ ее, княжну вашу, да и за границу съ нею прямо въ каретѣ, потому, говоритъ, „если по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, такъ люди тамъ слишкомъ любопытные могутъ встрѣться“... Вотъ вы и узнаете тогда, какія *его* „дѣла“, магната сего, Анфиса Дмитріевна!...

Она почуяла,—это было уже не „вранье“, это было слишкомъ опредѣлительно и вѣско...

— Откуда вы знаете... кто вамъ сказалъ? была она только въ состояніи выговорить.

Онъ молчалъ, наслаждаясь одержаннымъ надъ нею торжествомъ,—прочла она въ его лукавыхъ чертахъ. Ей стало нестерпимо жутко:

— Говорите-жь, Змѣй-Горынычъ! воскликнула она, наступая на него.

Онъ подался назадъ, закачалъ медлительно головой и вздохнулъ:

— Какъ если-бъ понимали вы въ свою выгоду, Анфиса Дмитріевна, такъ не то чтобы ругать меня теперь, а пошли бы вы со мною, какъ я вѣчно вамъ преданъ и желаю, чтобы навсегда намъ вмѣстѣ жить; пошли-бъ, говорю, со мною рука въ руку на бо-га-тое дѣло! протянулъ онъ, обнимая ее всю алчнымъ и соблазняющимъ взглядомъ...

Искры запрыгали у нея въ глазахъ:

— Чтобъ я съ тобой пошла на...

Она не договорила, глянула въ непроницаемую синь его очковъ раскрывавшимися во всю ихъ ширину зрачками,—и плюнула ему въ самое лицо:

— Пропадай ты пропадомъ, анаѳема!...

И, вскинувшись съ мѣста, побѣжала стремглавъ по тропинкѣ, выходившей на дорогу къ усадьбѣ.

Троженковъ вынулъ платокъ, обтерся:

— *Ну, и побачимо!* проговорилъ онъ ей во слѣдъ, весь трясясь и зеленый отъ коверкавшей его злобы.

II.

Oh, Love, what is it in this world of ours
Which makes it fatal to be loved?
Byron. *Don Juan.*

Александра Павловна проплакала весь вечеръ, запершись въ своей спальнѣ, послѣ сдѣланной ей мужемъ сцены, поводъ къ которой она никакъ не въ состояніи была объяснить себѣ иначе, какъ болѣзненнымъ раздраженіемъ послѣ бывшаго съ нимъ случая съ ногою и долгаго вслѣдствіе того заключенія его въ комнатѣ. Она печалилась поэтому столько же о немъ, сколько и о себѣ, о томъ, что „вотъ еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ женаты они, вышла у нихъ ссора, и *изъ-за чего!*“... Но обиднѣе, но язвительнѣе всего было для нея то, что онъ „такъ *жестоко* ставитъ Киру выше нея“, указываетъ ей въ примѣръ „сдержанность“ княжны, а ее зоветъ „малымъ ребенкомъ“...

Она долго не могла успокоиться. Но наконецъ мысль, что это можетъ отозваться на ея молокѣ, слѣдовательно на здоровьѣ „Васи“, осушила ея слезы. Она рѣшила „встряхнуться“ и „доказать *ему*, что и она сумѣетъ быть *сдержанною* всегда, *когда надо*“.

Случай къ этому не замедлилъ представиться ей. Проснувшись на другой день въ обычный часъ, она узнала отъ Анфисы, что „барину готовы лошади и что *они* уѣзжаютъ тотчасъ послѣ перваго завтрака“... Она за своею вчерашнею печалью какъ-то совсѣмъ забыла объ этомъ отъѣздѣ, о которомъ онъ говорилъ ей, и въ первую минуту вся даже пере-

мѣнилась въ лицѣ при такой вѣсти. Но она заставила себя улыбнуться и, сказавъ Анфисѣ въ отвѣтъ: „да, я знаю“, приступила поспѣшно къ своему туалету.

Она вошла въ столовую, гдѣ застала уже мужа съ выраженіемъ лица, имѣвшимъ, въ ея намѣреніи, сказать ему съ перваго раза: „я все забыла и, надѣюсь, все у насъ попрежнему“, подала ему руку, которую онъ, по давно заведенной у нихъ привычкѣ, поцѣловалъ въ ладонь, и сѣла на свое мѣсто.

Они были вдвоемъ (княжна по утрамъ пила у себя молоко и не выходила обыкновенно ранѣе втораго завтрака въ полдень). Онъ молча, не подымая глазъ и какъ бы насилуя себя, подносилъ ко рту кончикомъ вилки, лежавшей у него на тарелкѣ, картофель à la maitre d'hotel.

— Ты сейчасъ ѣдешь, Борисъ, мнѣ сказали? спросила она чуть не равнодушнымъ тономъ (какъ старалась она попасть въ этотъ тонъ!).

— Да... А что? спросилъ онъ чрезъ мигъ въ свою очередь.

— Нѣтъ, ничего, пролепетала Сашенька.—И скоро назадъ думаешь? Голосъ ея дрогнулъ помимо воли, дѣлая этотъ новый вопросъ.

— Не знаю... Будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; можетъ быть, и...

Онъ не договорилъ... какъ бы не рѣшился договорить и, поднявъ голову, уставился на нее пристальнымъ, страннымъ взглядомъ, отъ котораго у нея вдругъ похолодѣли руки.

— Pourquoi me regardez vous ainsi, Boris? сказала она по-французски, въ виду стоявшихъ за столомъ слугъ, со слабою улыбкой на встревоженномъ лицѣ.

Онъ словно проснулся, провелъ обычнымъ ему движеніемъ рукой по глазамъ и съ такою же, насилованною, улыбкой:

— Я въ Москвѣ отыщу этого разгильдяя Николая Иваныча (это былъ ихъ домашній докторъ, уѣхавшій по своимъ дѣламъ въ Москву на нѣсколько дней и второй уже мѣсяцъ не возвращавшійся оттуда,) и сейчасъ же погоню сюда, а не согласенъ будетъ, найду другаго и пришлю, проговорилъ онъ обрывисто, опуская опять глаза свои въ тарелку.

Александра Павловна хотѣла что-то сказать на это,— не сказала, подавила вздохъ и принялась кушать, словно давясь каждымъ проглоченнымъ ею кускомъ.

Они кончили, встали... Онъ направился въ свои покои. Она пошла за нимъ.

— Борисъ, робкимъ, молящимъ голосомъ произнесла она, очутясь съ нимъ одна въ сосѣдней со столовою комнатѣ и чуть-чуть притрогиваясь пальцами къ его рукѣ,— скажи, милый, ты на меня не сердишься?

Онъ нежданно, быстро обернулся на нее, охватилъ рукою ея голову, прижался губами къ ея лбу:

— Сердиться... за что? Бѣдная! вырвалось у него изъ груди... И такъ же быстро, такъ же нежданно отодвинулъ ее отъ себя и торопливо двинулся впередъ.

Она растерянно, съ туманомъ въ глазахъ, съ чувствомъ, какъ будто сердце готово разорваться пополамъ, крикнула ему, сама не зная, какія слова вылетали изъ ея устъ:

— Дѣти въ саду, Борисъ!...

— Хорошо, я сейчасъ пройду съ ними проститься, отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь...

Чрезъ четверть часа онъ въ дорожномъ костюмѣ выходилъ на крыльцо, къ которому подана была его коляска. Многочисленный персоналъ домашней прислуги счелъ нужнымъ сбѣжаться міромъ „провожать барина“.

Его это видимо коробило: онъ морщился и торопился.

Сашенька едва держалась на ногахъ, но бодрилась, насколько хватало у нея на это силъ. „Я должна, я буду *сдержанна*“, повторяла она себѣ со страстнымъ упорствомъ...

— А Кира-же гдѣ? вспомнила она вдругъ:— ты не простился съ нею, Борисъ?... Я пошлю ей сказать...

Онъ повелъ нетерпѣливо плечомъ:

— Не нужно, къ чему безпокоить!... Не надолго же... какимъ-то „загадочнымъ“, пролетѣло въ мысли Сашеньки, тономъ уронилъ онъ, не договоривъ.—Ну, прощайте!...

Она упала ему на грудь, задыхаясь отъ слезъ, приливавшихъ къ ея горлу, къ ея воспаленнымъ зѣницамъ.

— Да хранитъ васъ всѣхъ Богъ! зазвенѣлъ, словно обры-

ваясь отъ какой-то внутренней муки, показалось ей, голосъ мужа въ ея ушахъ.

Она разомкнула руки...

— Прощай! донесся до нея этотъ голосъ еще разъ. Троекуровъ сидѣлъ уже въ коляскѣ и заворачивалъ ноги свои пледомъ.

„Не уѣзжай, останься, страшно мнѣ!“ чуть-чуть не крикнула она, отчаянно порываясь съ мѣста...

Но Скоробогатовъ, съ ухорски нахлобученнымъ по-надъ самые глаза *гречневикомъ*, поднялъ натянутыя вожжи, ухнулъ, и коляска, весело гремя и покачиваясь, понеслась со двора во всю прыть запряженной подъ нее, подобранной, рысистой четверки.

Былъ часъ восьмой на исходѣ вечера, когда, нѣсколько усталый отъ дороги и проголодавшійся, Троекуровъ въѣзжалъ въ Москву. На улицахъ уже горѣли фонари. Онъ велѣлъ везти себя въ Газетный переулокъ, въ гостиницу Шевріе.

Онъ всегда тамъ останавливался въ недолгія побывки свои въ Бѣлокаменной, куда призывали его отъ времени до времени изъ Всесвятскаго дѣла его по сахарному заводу. Знакомые слуги кинулись стремглавъ съ крыльца высаживать его изъ коляски.

— Есть нумеръ во дворѣ? спросилъ онъ.

— Одна комната, ваше сіятельство; большіе нумера заняты. На улицу пожалуйте, тамъ свободно.

— Не люблю я эти нумера на улицу, пробормоталъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь нѣсколько нехотя по ступенькамъ.—А кто тамъ, на дворѣ? спросилъ онъ машинально.

Молодой Татаринъ, бѣжавшій предъ нимъ указать свободный покой, остановился, оборачивая къ нему свою бритую, съ лоснящимся всходомъ новыхъ, сине-черныхъ волосъ, голову, и принялся докладывать отчетливо и мѣрно:

— Генералъ Одувайчиковъ съ супругою, ваше сіятельство, вчера только изъ Петербурга пріѣхамши; банкиръ тутъ еще одинъ изъ Варшавы, тоже недавно прибыли. Это вверху-съ, а внизу, въ отдѣльномъ нумерѣ, гдѣ вы изволите за-

всегда останавливаться, княгиня Шастунова, второй мѣсяцъ живутъ... Оченно больныя онѣ, домолвилъ онъ, принимая почему-то при этомъ таинственный видъ.

— Княгиня Шастунова? повторилъ безотчетно пріѣзжій:— молодая?

— Такъ точно: *молодыя дамы*, подтвердилъ тотъ во множественномъ числѣ отъ избытка почтительности.

— Есть кто-нибудь при ней? уронилъ прижмуриваясь Троекуровъ.

— Какже-съ; особа тутъ при нихъ безотлучна одна, окромѣ того докторъ... Второй разъ сегодня пріѣзжали, объяснялъ Татаринъ: — въ самую даже эту минуту кушаютъ у насъ въ ресторанѣ съ Владиміромъ Петровичемъ, съ господиномъ Ашанинымъ...

— Ну, и я къ нимъ пойду... А ты возьми тамъ нумеръ и разложись! обратился Борисъ Васильевичъ къ своему, соскочившему съ козелъ и суетившемуся около задняго сундука, камердинеру.

— Слушаю-съ!...

— Гдѣ они обѣдаютъ? Проведи.

Онъ вошелъ въ ресторанъ. Татаринъ, все такъ же усердствуя, широко откинулъ предъ нимъ дверь отдѣльной комнаты.

Они только-что отобѣдали. Докторъ, не старый человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и съ отрощеннымъ уже порядочно брюшкомъ, стоялъ посреди комнаты со шляпой въ рукѣ. Ашанинъ, держа его за пуговицу, передавалъ ему что-то торопливо и озабоченно.

— Борисъ Васильевичъ! Вы только-что пріѣхали? воскликнулъ онъ, со мгновенно пробѣжавшимъ по лицу его смущеніемъ, кидаясь къ нему съ протянутою рукой.

— Да... И сейчасъ узналъ, что наша знакомая,—я впрочемъ это еще раньше слышалъ отъ ея свекрови,—очень больна... И, въ самомъ дѣлѣ, опасно? добавилъ Троекуровъ, учтиво поклонившись доктору и вопросительно глядя на него.

— Плоха-съ, плоха, что̀ дѣлать! отвѣтилъ тотъ, отдавая поклонъ, и широко развелъ руками.

— Неужели такъ, что...

— Богъ великъ, будемъ надѣяться! не далъ ему кончить московскій эскулапъ, съ видомъ человѣка, которому все это смертельно надоѣло и хочется скорѣе уѣхать домой на боковую, отославъ всякія иныя заботы къ чорту.—Честь имѣю кланяться!..

И онъ исчезъ.

— Ну, разсказывайте: что вы *съ нею* сдѣлали? обратился Борисъ Васильевичъ къ Ашанину, опускаясь въ кресло, между тѣмъ какъ слуга поспѣшно убиралъ со стола приборы и накрывалъ его свѣжею скатертью.

— Вы еще не обѣдали; будете? спросилъ вмѣсто отвѣта тотъ.

— Да, и очень хотѣлъ бы потолковать съ вами, если только не противенъ вамъ будетъ запахъ кушанья, отобѣдавъ сами...

— Ничего... Я самъ такъ радъ случаю видѣть васъ и разсказать все... Дайте ему уйти только! молвилъ красавецъ, кивая на офиціанта.

Онъ началъ, едва тотъ ушелъ. Троекуровъ приказалъ не входить съ блюдами, пока онъ не позвонитъ.

— Не знаю, что вы думаете, Боритъ Васильевичъ, а я не виноватъ, ей-Богу! говорилъ московскій Донъ-Жуанъ съ тѣмъ комичнымъ добродушіемъ, которое входило въ самую сущность его натуры и не покидало его въ самыя патетическія минуты жизни:—Какъ пріѣхалъ я тогда къ ней отъ васъ въ городъ, не смущалъ ее нисколько, даже напротивъ могу сказать; помня ваши наставленія, молитвой отъ соблазна отмаливался, глаза отворачивалъ, повѣрьте слову!.. Порученіе ваше исполнилъ въ точности: сообщилъ ей, что нашелъ въ Москвѣ кредитъ до окончанія дѣла ея со свекровью,—и васъ не назвалъ,—такъ и до сихъ поръ не знаетъ, отъ кого привозилъ я ей деньги здѣсь.... Только какъ лишь узнала она, что можетъ вырваться изъ той трущобы,—вѣдь она умирала тамъ съ тоски, Борисъ Васильевичъ!—такъ сейчасъ...

— Такъ сейчасъ, досказалъ за него Троекуровъ съ легкою усмѣшкой,—въ тотъ же вечеръ и покатила она съ вами сюда?...

— Не такъ это, не такъ! Она сутками безъ малаго послѣ меня выѣхала. А я, точно, въ тотъ же вечеръ поскакалъ взять ей тутъ нумеръ у Шевріе, да и въ контору къ вамъ успѣть съѣздить, потому она à la lettre съ трехрублевою бумажкой въ Москву пріѣхала.

— Ну-съ, а *здѣсь?* протянулъ его собесѣдникъ, пристально глядя ему въ глаза.

Плутовскіе глаза красавца, словно перепуганные мышенки, такъ и забѣгали во всѣ стороны:

— И здѣсь ничего, Борисъ Васильевичъ, пролепеталъ онъ съ такою интонаціей невинности въ звукѣ голоса, что тотъ разразился невольнымъ смѣхомъ.

Ашанинъ сложилъ на животѣ руки и установился на Троекурова съ самымъ жалостнымъ выраженіемъ въ чертахъ: „не стыдно-ль, молъ, такъ смѣяться моей истиннѣйшей правдѣ?“

— Послушайте, Владиміръ Петровичъ, вы понимаете, что я ей, какъ говорится, *ни братъ, ни сватъ*, и вызывать васъ изъ-за нея къ барьеру не намѣренъ... Дѣло только въ томъ, что, какъ я предвидѣлъ, свекровь ея, этотъ обелискъ злой глупости, знаетъ, что вы „не разставались съ *нею*“, и находитъ въ этомъ новый предлогъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, усиленно заморгавъ вѣками, съ явною досадой на себя:

— Но это вздоръ, и не объ этомъ теперь... Вашъ докторъ улетучился такъ быстро, что я все-таки яснаго понятія не успѣлъ себѣ составить о *ея* дѣйствительномъ положеніи. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ скверно?... Эта Аглая говоритъ, что *она* поѣхала съ вами въ паркъ и васъ тамъ вывалили изъ коляски, вслѣдствіе чего произошла у нея une fausse couche...

— Опять не такъ! прервалъ его Ашанинъ:—я съ *нею* не былъ, а былъ при этомъ. Я съ нею никогда въ экипажѣ вмѣстѣ не ѣзжалъ... развѣ какъ-нибудь ночью, когда не рискуешь никого встрѣтить, вспомнилъ онъ и опустилъ глаза съ видомъ пристыженной дѣвочки:—потому что она очень любила эти прогулки „à la lueur des étoiles“ и всегда вспоминала ваши съ нею, Борисъ Васильевичъ, въ Петербургѣ, зимою въ трой-

кѣ, счелъ онъ нужнымъ объяснить все тѣмъ же своимъ невозмутимо-невиннымъ тономъ.—Такъ и въ этотъ разъ было. Она ѣздила кататься по вечерамъ въ паркъ, останавливаясь у музыки, и всѣ къ ней подходили, не одинъ я... Въ тотъ вечеръ стояла погода самая каникулярная, душно было, смерть! Она позабыла вѣеръ свой дома и проситъ меня—коляска ея ѣдетъ шагомъ по шоссе, а я съ Шйгаревымъ идемъ рядомъ по дорожкѣ, разговаривая съ нею, смѣемся,—проситъ она меня сорвать ей вѣтку, отмахиваться отъ комаровъ. Я къ кусту сирени, сломилъ пребольшущую, несу ей и помахиваю... И отъ этого-ль, или кучеръ ея ужь очень пьянъ былъ, вожжи выпустилъ, но въ эту самую минуту лошади разомъ приняли, понесли... Мы со всѣхъ ногъ кинулись съ Шйгаревымъ за ними... Только коляска за столбикъ, колесо пополамъ; видимъ, летитъ съ козелъ кучеръ... Ужасно, Борисъ Васильевичъ, я до сихъ поръ вспомнить не могу! воскликнулъ Ашанинъ съ поблѣднѣвшимъ внезапно лицомъ...—Ее выкинуло на траву... Она лежала безъ чувствъ, когда мы добѣжали. „Ну, на мѣстѣ!“ помню, вскликнулъ Шйгаревъ... Оказалось, нѣтъ, и даже никакого перелома нигдѣ. Пришла въ чувство, даже довольно скоро... У Шйгарева была, къ счастію, карета, въ которой мы ее сюда къ ней и привезли... Едва пріѣхала, тутъ *это* съ нею и случилось... Доктора насилу добились, часа три прошло, пока отыскали, а за это время, повидимому, крови она потеряла страхъ!

— Какъ давно этому? спросилъ Троекуровъ.

— Сегодня пятый день; въ прошлый вторникъ случилось... Въ среду, въ четвергъ даже доктора сохраняли полную надежду, и сама она была необыкновенно бодра. Вы помните Лизавету Ивановну Срѣтенскую, пріятельницу Александры Павловны? Это маленькое существо во плоти угодница Божія... Я ее на другой же день привезъ къ *ней* и водворилъ; такъ она у нея и днюетъ, и ночуетъ, безотлучно, какъ сестра родная... Только самоё-то вы ее знаете: нѣтъ власти способной укротить ее, когда что-нибудь ей въ голову втемяшется. Въ пятницу показалось ей, стало ей настолько легче, что она ни за что не хотѣла оставаться въ постели: „скучно“-молъ, и

какъ ни упрашивала, ни молила Лизавета Ивановна, встала, одѣлась, прошлась по комнатѣ,—ну, и повалилась тутъ же... Пріѣхалъ этотъ Кругликовъ,—онъ спеціалистъ-акушеръ, — и объявилъ: „родильная лихорадка“... А вы знаете, что̀ говоритъ это слово!..

— Вы бывали и видѣли ее всѣ эти дни?

— Я здѣсь, въ гостиницѣ, на всякій случай комнатку взялъ, молвилъ Ашанинъ, словно извиняясь, — вѣдь никого у нея тутъ... близкаго нѣтъ. Видаю ее, когда докторъ позволитъ...

— Въ памяти она?

— Въ полной. Истощена только ужасно.

— Опасность сознаетъ?

Ашанинъ помолчалъ. На длинныхъ рѣсницахъ его повисли слезы, какъ-бы вызванныя какимъ-то внезапнымъ, острымъ ощущеніемъ печали.

— Она завѣщаніе свое написала и мужа своего... перваго, то-есть,—Ранцова, къ себѣ вызвала, выговорилъ онъ вполголоса.

— Да? съ невольнымъ любопытствомъ спросилъ Троекуровъ.—Она вамъ говорила?

— Вчера утромъ велѣла она меня позвать... На одѣялѣ у нея лежало запечатанное письмо, которое просила она меня взять и отправить немедленно по эстафетѣ въ ***, „Никанору Ильичу Ранцову“, проговорила она отчетливо и какъ бы строго глядя на меня въ всѣ глаза. А глаза у нея отъ худобы и лихорадки никогда еще такіе огромные и блестящіе не бывали... У нея теперь какая-то удивительная, особенная красота, Борисъ Васильевичъ!..

— И, вы думаете, она вызываетъ его къ себѣ этимъ письмомъ?

— Знаю навѣрное. Лизавета Ивановна, писавшая подъ ея диктовку, сочла нужнымъ передать мнѣ объ этомъ, чтобы переговорить съ докторомъ: возможно-ли будетъ допустить это свиданіе при ея крайней слабости... Въ письмѣ пять словъ всего: „желаю проститься съ вами предъ смертью“; подпись и адресъ.

Онъ замолкъ. Троекуровъ отпихнулъ отъ себя недоѣденную тарелку съ ростбифомъ:

— До *** полтораста верстъ. Ранцовъ могъ получить эстафету вчера ночью или рано утромъ сегодня и, безъ всякаго сомнѣнія, сейчасъ же выѣхалъ. Онъ можетъ, слѣдовательно, быть сюда еще сегодня.

— Я такъ и разсчитывалъ, кивнулъ утвердительно Ашанинъ,—и, признаюсь вамъ,ни минуты покоя не даетъ мнѣ это ожиданіе его... Вы меня и застали *здѣсь* въ этотъ поздній для обѣда часъ, потому что я все поджидалъ Кругликова и мнѣнія его насчетъ этого свиданія... которое очевидно такъ страшно должно подѣйствовать на нее.

— Что-жъ онъ сказалъ, вашъ Кругликовъ?

— Онъ говоритъ, что... теперь все равно, отвертываясь и надорваннымъ голосомъ отвѣтилъ красавецъ.

Въ дверь комнаты послышался стукъ чьей-то руки.

— Кто тамъ?

Въ прощели показалась сине-черная голова слуги-татарина.

— Пришла отъ княгини изъ 10 нумера горничная, просятъ васъ къ нимъ, обратился онъ къ Ашанину.

Тотъ вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ.

III.

Sieh mich, Heil'ger, wie ich bin,
Eine arme Sünderin!
Göthe. *Erwin und Elmire.*

Ашанинъ былъ правъ: она была хороша теперь „особенною“, измѣнившею весь характеръ ея наружности, красотой. Обшитый кружевомъ ночной чепчикъ, съ большимъ кисейнымъ бантомъ подъ подбородкомъ, обрамлялъ ея удлиннившееся прозрачно-бѣлое какъ алебастровая ваза и странно-кротко улыбавшееся теперь лицо. Затылокъ покоился на высоко взбитыхъ, одѣтыхъ въ свѣжія батистовыя наволочки, подушкахъ. Изъ рукавовъ такой же батистовой кофточки, закрывавшихъ своими кружевами руки ея до кисти, выступали тонкіе пальцы и на поверхности покрывавшаго ее блѣдно-розоваго шелковаго подъ кисеей одѣяла (погода стояла душная, всѣ окна были открыты,) перебирали свои, еле уже державшіяся на нихъ, кольца... И ото всей этой изящной и ослѣпительной бѣлизны, въ которой утопала она, отдѣлялись лишь рѣзкимъ пятномъ выбивавшіяся изъ-подъ ея чепца густыя пряди распущенныхъ волосъ, да два огромные темно-вишневые глаза горѣли какимъ-то звѣзднымъ, ослѣпительнымъ и зловѣщимъ въ своемъ блескѣ пламенемъ.

За ширмами, приставленными къ ея кровати со стороны оконъ, стояла большая зажженная лампа; подлѣ нея на столикѣ поставлены были свѣчи подъ абажуромъ. „Я хочу свѣта, свѣта *до конца!*“ говорила она на всѣ увѣщанія Лизаветы Ивановны.

На томъ же столикѣ стоялъ бокалъ, откупоренная бутылка шампанскаго въ серебряномъ холодильникѣ и большой букетъ бѣлыхъ розъ въ фарфоровомъ кувшинчикѣ. Затѣмъ ни стклянки, ни аптекарской коробочки во всей комнатѣ, — ничего обычнаго въ покоѣ больнаго. Она не терпѣла этого и приказывала „убирать съ глазъ“ послѣ каждаго пріема лѣкарства.

Маленькая особа сидѣла подлѣ нея въ креслѣ и тоже улыбалась, улыбалась своею обычною, робкою, безконечно жалостливою и безконечно любящею улыбкой, въ отвѣтъ на что-то „смѣшное“, только-что сказанное больною.

— Владиміръ Петровичъ, тихо доложила она, увидѣвъ съ мѣста остановившагося осторожно въ дверяхъ Ашанина.

— Владиміръ Петровичъ, повторила громко та,—войдите, можно!

Онъ выступилъ изъ-за ширмъ.

Она закивала ему.

— Ну, здравствуйте!... Видите, j'ai fait ma toilette для *его* пріѣзда. Вѣдь *онъ* непремѣнно сегодня пріѣдетъ, я знаю... Вы послали ему эстафету? тревожно перебила себя она вдругъ.

— Вчера же; я вамъ говорилъ, княгиня...

— Ахъ, пожалуйста, не называйте меня „княгиней“, мнѣ это гадко теперь!... Вотъ я Лизавету Ивановну отучила...

Она повернула съ усиліемъ голову въ сторону столика, стоявшаго подлѣ:

— Хотите шампанскаго?

— Спасибо, нѣтъ! сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на незамѣченную имъ до этой минуты бутылку.

— Нѣтъ, пожалуйста! И я съ вами выпью... Par ordonnance, не бойтесь: докторъ предписалъ... Они всегда даютъ это, примолвила она засмѣявшись,—когда весь ихъ собственный репертуаръ средствъ истощенъ... Нѣтъ, впрочемъ, еще *то*, послѣднее... Принесли изъ аптеки мускусъ, Лизавета Ивановна? J'en suis là! примолвила она веселымъ тономъ.

Лизавета Ивановна повела утвердительно головой.

— Вы дадите его мнѣ, когда *онъ* пріѣдетъ, а пока мы съ

Владиміромъ Петровичемъ выпьемъ du Sillery mousseux... За *прежнее*... Дайте ему стаканъ, вотъ, и налейте намъ!...

Маленькая особа подошла къ ней, приподняла ей голову и поднесла ко рту полуполный бокалъ. Она ухватилась сама за него рукою:

— Чокнемся, Владиміръ Петровичъ, подите сюда! За нашу молодость!...

Онъ подбѣжалъ, притронулся стекломъ къ стеклу.

Она выпила, прижмурилась на мигъ и откинулась назадъ въ свои подушки:

— Хорошо, живитъ!... Я всегда его любила, шампанское...

Онъ стоялъ теперь со своимъ стаканомъ у самой ея постели и глядѣлъ на нее, стараясь улыбаться, не выдать на лицѣ то, что̀ нестерпимо ныло у него на сердцѣ.

Но она не обманывалась:

— Не похожа я теперь на ту, которая чокалась такъ съ вами въ первый разъ... помните, въ Сицкомъ, послѣ *Гамлета?*... Ахъ, какъ это далеко уже! тяжело вздохнула она:— да, молодость... и вотъ, конецъ... Courte, mais bonne,—я вамъ всегда говорила, такъ и вышло...

— Ольга Елпидифоровна, ангелъ мой, воскликнула плачущимъ голосомъ Лизавета Ивановна, — что это вы себя не жалѣете и другихъ мучаете! Сказано вамъ беречь себя, много не разговаривать...

— А договорить когда успѣю?... Не долго вѣдь осталось! возразила она съ новою усмѣшкой: — Я позвала его проститься... Вѣдь вамъ нужно будетъ сейчасъ уйти, Владиміръ Петровичъ: *онъ* не долженъ васъ видѣть... Я прошу васъ скрыться отъ него, не показываться ему на глаза ни *до*, ни *послѣ*, добавила она, подчеркивая... Вы не поймете этого, милая Лизавета Ивановна, нежданно обернулась она на нее съ дрожавшими на вѣкахъ слезами, — вы агнецъ чистый, а я...

Она подняла руку къ лицу, закрылась ею на мгновеніе, уронила ее опять на одѣяло...

— Поцѣлуйте... въ послѣдній разъ, прошептала она чуть

слышно, указывая на нее глазами Ашанину,—и уходите потомъ!

— Ольга! былъ онъ только въ состояніи выговорить сквозь спиравшееся отъ судороги горло, прижимаясь губами къ этой рукѣ и не имѣя силы оторваться отъ нея.

— Помолись обо мнѣ, когда все будетъ кончено, зашептала она вновь надъ самымъ его ухомъ,—и не жалѣй!... Мнѣ не жаль; я пѣла, помнишь, „намъ жизнь для радости дана“. Радости сгинули; впереди одна скука ждала бы... Нѣтъ, не хочу!... Какъ это, у Пушкина, кажется?

...Простимся-жь дружно,
О, юность легкая моя!

Простимся! Ты... ты долго еще будешь молодъ, долго...

Она вдругъ вспомнила будто, дрогнула, вскинулась.

— Довольно... довольно... Уходите!...

— Я еще увижу васъ, хочу видѣть!... воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

Ее словно приподняло всю гальваническимъ токомъ; она строго вперила въ него свои огромные, сверкавшіе какъ звѣзды глаза:

— Развѣ я вамъ не говорила, развѣ не чувствуете вы: если есть на насъ обоихъ грѣхъ настоящій, такъ это предъ *этимъ* человѣкомъ!

— Владиміръ Петровичъ, голубчикъ, уходите Бога для! замолила Лизавета Ивановна.

Она его чуть не насильно выпроводила изъ-за ширмъ.

Оттуда донесся до него чрезъ мигъ голосъ больной, тотъ прежній, проницающій и смѣющійся голосъ...

— Одно вамъ дозволяется: если онъ забудетъ, — онъ будетъ *убитъ*, я знаю, и можетъ не вспомнить, — чтобъ я вся была покрыта цвѣтами въ гробу, слышите! Но сдѣлайте все же непремѣнно такъ, чтобъ онъ никакъ не зналъ, что это отъ васъ.

Ашанинъ схватился за голову и выбѣжалъ какъ сумасшедшій изъ комнаты...

— Вы, можетъ, заснете теперь, анделъ мой? убаюкиваю-

щимъ тономъ пропѣла маленькая особа, подходя поспѣшно къ постели и любовно глядя на лежавшую.

Та ласково кивнула ей:

— Да, какъ будто клонитъ... Милая, дайте мнѣ сюда зеркало изъ несессера!

Лизавета Ивановна достала его и поднесла къ ней подъ свѣтъ, падавшій изъ-подъ абажура.

— Я говорила Амаліи, чтобъ она мнѣ другой чепчикъ дала; нѣтъ, всегда упрямится! досадливо проговорила она, жадно вглядываясь въ отраженіе свое въ зеркалѣ.—И съ такимъ лицомъ жить! вырвалось у нея вдругъ и, отстраняя его безсильнымъ движеніемъ руки, она закатила голову въ подушки, болѣзненно прижмуривая вѣки...

Прошло нѣсколько минутъ.

— Вы не забудете, заговорила она снова, не открывая глазъ,—вы не забудете дать мнѣ мускусъ, когда *онъ* пріѣдетъ...

Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ...

Откуда это, Лизавета Ивановна, не знаете?... Какой вздоръ!.. Оба такъ скверно пахнутъ...

„Бредить начала, бѣдняжечка“, подумала та, притаивая дыханіе... Но она не бредила, она засыпала...

Ашанинъ тѣмъ временемъ сидѣлъ въ нумерѣ, въ которомъ только-что водворился Борисъ Васильевичъ, и, весь еще блѣдный отъ пережитыхъ ощущеній, передавалъ ему о происшедшемъ съ невольными умалчиваніями и задержками голоса. Но тотъ угадывалъ, что̀ не рѣшался досказывать опечаленный московскій Донъ-Жуанъ.

— Да, *онъ* отличный человѣкъ, я его знаю и высоко цѣню, и видъ вашъ напомнилъ бы ему *вѣроятно*, подчеркнулъ Троекуровъ,—что-либо очень для него тяжелое. Вамъ поэтому слѣдуетъ, кажется, въ точности исполнить *ея* волю... *послѣднюю волю*, Владиміръ Петровичъ, и не показываться на глаза этому хорошему человѣку.

— А вы покажетесь? подымая голову и глядя ему въ глаза своими блестящими глазами, спросилъ его неожиданно тотъ.

По чертамъ Троекурова пробѣжало невольное смущеніе, которое онъ тутъ же постарался скрыть подъ насилованною улыбкой:

— Что же, отвѣтилъ онъ, глядя въ свою очередь въ лицо своему собесѣднику съ притворнымъ изумленіемъ,—я не имѣю причинъ, какъ вы... Я даже очень буду радъ видѣть Ранцова...

„Да... Не попался, не воръ“, пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ замолкъ.

Та же мысль, повидимому, овладѣла теперь Троекуровымъ. Брови его усиленно сжались; заморгавшіе глаза устремились на какую-то точку въ углу комнаты и не отрывались отъ нея... Ему было вообще тяжело; онъ чувствовалъ себя крайне нервнымъ, руки и ноги его поводило тѣмъ раздражающимъ физическимъ ощущеніемъ, которое въ простонародіи зовутъ „тосковаціемъ“...

Ашанинъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста:

— Дѣлать нечего: пойти расплатиться, и домой... Я тутъ близко живу, люди знаютъ—гдѣ. Если бы паче чаянія я оказался на что-нибудь нуженъ,—пошлите мнѣ сказать!

Тотъ быстро обернулся на него:

— Куда вы? рано еще! остановилъ онъ его (ему всего менѣе желалось остаться одному въ эту минуту):—посидите!.. Знаете что, душно! Спросимъ крюшонъ и.. поболтаемъ...

Имъ принесли бѣлаго вина, лимоновъ, сахару, большую стеклянную кружку... Они присѣли съ питьемъ къ растворенному окну.

Ночь уже отрясала свои маки надъ безмолвствовавшею Москвой. Изрѣдка, съ Тверской или Дмитровки, доносилось дребезжаніе извощичьихъ дрожекъ или гулъ опрометью несущейся коляски какого-нибудь купеческаго сынка, проживающаго *тятенькинъ капиталъ* съ Цыганками и *дебоширами* своей масти во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ матушки-Бѣлокаменной и ея окрестностей. Насупротивъ ихъ, изъ-за крыши Корсаковскаго дома, лѣзла большая черная туча, за-

рывая въ своихъ влажныхъ клубахъ узкій золотой серпъ выплывшаго было мѣсяца.

Они заговорили. Вѣрнѣе, заговорилъ Троекуровъ: ему хотѣлось этихъ звуковъ собственнаго голоса, „болтовни“, отвлекавшей его механическимъ процессомъ выбрасыванія словъ наружу отъ того, что̀ копошилось внутри его и не давало ему забыться иначе... Онъ началъ о Кавказѣ, о былыхъ походахъ по неприступнымъ высотамъ его и стремнинамъ, съ желѣзными людьми, которыхъ зовутъ *русскимъ солдатомъ*, о „Кабардинцахъ удалыхъ“... Ему какъ-то особенно просились на память теперь воспоминанія о томъ краѣ,— воспоминанія „воли дикой“, беззавѣтной игры „въ банкъ на жизнь или смерть“, жизни „*безъ сожалѣній* и *бѣзъ удержу*“, говорилъ онъ... Онъ достигъ своего, увлекся ими самъ; разсказы его становились все оживленнѣе, все блестящѣ. Ашанинъ со своею впечатлительною натурой слушалъ его, весь замирая отъ сочувствія и любопытства.

Было уже далеко за полночь: они опорожняли третій крюшонъ... Но вотъ со стороны Дмитровки раздался грохотъ все ближе и ближе подъѣзжавшаго экипажа. Вотъ онъ завернулъ въ Газетный переулокъ; тусклый свѣтъ фонаря озарилъ на мигъ его неказистый, тарантасный кузовъ, сидящаго въ немъ „пассажира“ въ шинели и фуражкѣ... Ямщикъ затпрукалъ; лошади остановились у подъѣзда гостинницы...

— Это *онъ!* какъ бы само собою вырвалось изъ груди Ашанина восклицаніе, прерывая Троекурова на полусловѣ.

Оба безотчетно потянулись головами за окно.

Пріѣзжій выскакивалъ изъ тарантаса и окликалъ дремавшаго у воротъ дворника.

— Нумеръ есть? спрашивалъ онъ негромко и дрожавшимъ, показалось имъ, голосомъ.

— Должно̀ есть... Сейчасъ *выдутъ* вотъ, отозвался тотъ, ежась съ просонковъ въ своемъ тулупѣ, и, взбѣжавъ на ступеньки крыльца, дернулъ за колокольчикъ.

Выскочилъ тотъ же неусыпный слуга Татаринъ съ синечернымъ всходомъ волосъ.

— Пожалуйте-съ! Нумерокъ небольшой требуется? спро-

силъ онъ нѣсколько небрежно въ виду скромной колесницы, стоявшей у подъѣзда.

— Все равно!... Княгиня Шастунова, Ольга Елпидифоровна здѣсь стоитъ? послышался опять обрывавшійся на каждомъ словѣ голосъ. Пріѣхавшій стоялъ на нижней ступени крыльца, какъ бы не рѣшаясь подняться выше.

Сверху, незримые въ темени отученной ночи, собесѣдники наши прислушивались къ разговору съ напряженнымъ, захватывающимъ вниманіемъ.

— Во дворѣ, въ десятомъ нумерѣ, проговорилъ скороговоркой Татаринъ.—Пожалуйте-съ! повторилъ онъ съ явнымъ уже нетерпѣніемъ.

Тотъ поднялся на площадку и тѣмъ же обрывавшимся голосомъ:

— Что она? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, больныя лежатъ...

Пріѣзжій словно нырнулъ теперь въ распахнутую дверь сѣней...

Шаги его чрезъ нѣсколько минутъ раздались по корридору. Онъ проходилъ въ сопровожденіи Татарина мимо двери Троекурова. Сосѣдняя дверь отворилась...

— Рядомъ со мною! шепнулъ Борисъ Васильевичъ на ухо Ашанину:—шш...

До нихъ явственно доносились слова *его:*

— На вотъ тебѣ, любезный; сходи ты сейчасъ въ тотъ нумеръ... Осторожно только, смотри, не дай Богъ шуму, не напугать!... Кто при больной тамъ, знаешь?

— Горничная ихняя, и компаньонка еще, стало быть, маленькая такая персона, безотлучно при нихъ находятся, ваше сіятельство! подобострастно послѣ подачки расписывалъ теперь Татаринъ.

— Ну, такъ вѣроятно которая нибудь изъ нихъ не спитъ. Ты постарайся увидѣть ее и скажи, что тотъ, за которымъ посылала... княгиня, пріѣхалъ... Я, то-есть, онѣ знаютъ... И чтобъ онѣ ей доложили... когда можно будетъ... А что я усердно прошу, понялъ? прошу, ради Бога, чтобъ, если можно горничная эта... Амаліей ее зовутъ?...

— Не могу знать, ваше сіятельство, а только что изъ Нѣмокъ, это вѣрно...

— Ну да, да!... Такъ вотъ чтобъ она сейчасъ зашла ко мнѣ. Очень узнать желаютъ, скажи, скорѣе про здоровье... княгини. Понялъ?...

— Понялъ, ваше сіятельство; сею минутою сбѣгаю...

Онъ быстро замахалъ по корридору своею плывущею и мягкою походкой. Пріѣзжій вошелъ въ свой нумеръ. Скрипъ его сапоговъ слышался сквозь стѣну: онъ, очевидно, лихорадочно метался по комнатѣ отъ одного угла къ другому и назадъ.

Словно прикованные, не шевелясь, не раскрывая рта, прислушивались Ашанинъ и Троекуровъ...

Прошло такъ минутъ двадцать. Шаги послышались опять: Татаринъ бѣжалъ назадъ.

Пріѣзжій выскочилъ въ корридоръ ему навстрѣчу.

— Ну что?...

— Горничную ихнюю видѣлъ, ваше сіятельство, запыхавшись докладывалъ тотъ:—„Я, говоритъ, раздѣвшись теперь и не могу никакъ иттить; а княгиня, скажи, *нездорова есть* и при ней сидитъ *Лисафетъ Ифановна*“... Злющая она очень, ваше сіятельство, самая нѣмка эфта! заключилъ морщась Татаринъ, котораго дѣйствительно раздраженная со сна Амалія только-что наградила плюхой за причиненное ей безпокойство.

— И ничего больше? вскликнулъ болѣзненно допрашивавшій.

— И того насилу-то добился отъ нихъ, ваше сіятельство!..

— Хорошо; послѣ продолжительной паузы промолвилъ *онъ*:—если... оттуда пришлютъ ко мнѣ съ чѣмъ... ты сейчасъ же бѣги мнѣ сказать... Понялъ? Сейчасъ же!

— Какъ не понять, ваше... А теперь ничего больше не требуется?

— Ничего!..

Онъ вернулся въ комнату; замокъ двери его щелкнулъ, притворяясь. Послышался стукъ отодвинутаго кресла (онъ кинулся въ него очевидно), и все замолкло затѣмъ.

Троекуровъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ спать не хочется? негромко спросилъ онъ.

— Какое спанье! Я всю ночь не засну теперь, возразилъ съ какимъ-то невольнымъ вздрагиваніемъ Ашанинъ.

— И я тоже... вѣроятно. Хотите, пойдемъ слоняться по какому-нибудь бульвару? Зазвѣздило, кажется, и свѣжѣе будто стало...

— Пойдемте!...

Солнце давно уже встало, когда вернулся къ себѣ въ гостиницу Борисъ Васильевичъ. Онъ раздѣлся и легъ, но заснуть все-таки не могъ. Сосѣдъ его не спалъ, и немолчный гулъ его шаговъ за стѣною надрывающимъ, нестерпимымъ звукомъ отзывался въ ушахъ Троекурова...

IV.

Sieh mich vor dir unverstellt,
Herr, die sündigste der Welt!
Göthe. *Ibid.*

Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe?
V. Hugo.

Онъ заснулъ часу въ восьмомъ и проснулся черезъ часъ. Изъ-за стѣны не долетало теперь ни единаго звука.

„Позвали наконецъ къ ней бѣднягу... на новую мýку“, сообразилъ съ невольнымъ вздохомъ Троекуровъ.

Вошелъ его камердинеръ съ платьемъ. Онъ совершилъ свой туалетъ, выпилъ наскоро стаканъ чаю и, приказавъ нанять ему на день коляску и отправить ее на Покровку ожидать его у воротъ дома, гдѣ помѣщалась его московская контора, самъ отправился туда пѣшкомъ.

Сосѣдъ его тѣмъ временемъ, желтый и едва державшійся на ногахъ отъ безсонницы и душевнаго волненія, стоялъ дѣйствительно въ сѣнцахъ у нумера, занимаемаго во дворѣ княгинею Ольгою Елпидифоровною Шастуновой, и переговаривался съ выбѣжавшею оттуда встрѣчать его Лизаветою Ивановною Срѣтенскою.

Она передала ему, что больная ожидала его еще вчера вечеромъ, и „неожиданно такъ и заснула ожидаючи, и почивала покойно до самаго утра, а, проснувшись въ началѣ седьмаго, спросила первымъ дѣломъ, пріѣхалъ-ли онъ, и какъ узнала, что пріѣхалъ, всю даже въ краску кинуло ее, *сердечную*, отъ радости“...

— Я хотѣла тотчасъ же послать за вами, объясняла далѣе Лизавета Ивановна, жалостливо и нѣжно заглядывая въ измученное лицо слушавшаго ее,—только она подождать просила, „привести себя, говоритъ, въ порядокъ со сна“... Она еще вчера въ ожиданіи васъ „туалетъ сдѣлала“. Ну, а за ночь смялось крошечку, такъ опять заново, чепчичекъ новый и прочее... Какъ если скажемъ *суетность*, примолвила маленькая особа робко и какъ бы извиняясь, — такъ вѣдь то̀ подумать: красавица вѣкъ была, привычку себѣ сдѣлала...

— Да еще какая, царица была! воскликнулъ, не давая ей кончить, и, схвативъ ея руки, жалъ ихъ до крику ея собесѣдникъ въ неудержимомъ порывѣ.

— Та̀къ, та̀къ, милый человѣкъ, подтвердила Лизавета Ивановна, невольно морщась отъ боли:—два года тому назадъ, помню, какъ увидѣла я ее въ первый разъ... У благодѣтельницы моей покойной, у Марьи Яковлевны у Лукояновой, вечеромъ разъ, изъ Петербурга онѣ въ тотъ день вмѣстѣ пріѣхали, такъ какъ вошла она, я просто ахнула... И не видывала такой...

— А очень перемѣнилась она теперь, а?... очень? перебилъ онъ ее еще разъ обрывающимся голосомъ.

— Сами знаете, залепетала та, смущенно отворачиваясь отъ него, чтобы не видѣть его „жалкихъ глазъ“,—отъ недуга кто-жь не перемѣнится!... А только что хоть и другая, какою прежде была, а все-жь красота! На чей глазъ вѣдь, анделъ мой, молвила уже шопотомъ маленькая особа, слегка притрогиваясь пальцами къ его рукаву и кивая ему головой съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, — а Господу нашему съ неба, такъ я думаю, даже гораздо пріятнѣе глядѣть на нее въ теперешнемъ видѣ ея, чѣмъ въ прежнемъ, потому *блаженни страждающіе* сказано...

Онъ сожмурился, подавилъ вздохъ:

— Такъ можно къ ней теперь? проговорилъ онъ съ усиліемъ.

— Можно, тепереча можно...

Лизавета Ивановна усмѣхнулась унылою улыбкой:

— Веля̀ла занавѣси спустить, лампы и свѣчи опять за-

жечь у себя въ спальной. „При дневномъ свѣтѣ, говоритъ, я его испугаю“, и даже что вздумала: „я бы говоритъ, готова была подрумяниться на этотъ случай, да у меня этого снадобья никогда и въ заводѣ не было; пусть же, говоритъ, такъ и до послѣдняго“...

Она словно проглотила конецъ своей фразы, быстро отворила дверь нумера и вошла, приглашая его движеніемъ глазъ слѣдовать за нею.

У входа въ спальную она остановила его такимъ же движеніемъ, а сама прошла за ширмы, своею легкою, какъ у пташки, поступью.

Онъ поднесъ безотчетно руку къ сердцу; оно билось у него невыносимо...

Больная ждала. Ея вишневые, горѣвшіе какимъ-то воскресшимъ блескомъ жизни, глаза (она за четверть часа предъ этимъ приняла пріемъ мускуса,) вопросительно устремились на Лизавету Ивановну.

Та отвѣчала утвердительно наклономъ головы.

Ольга Елпидифоровна опустила на мигъ рѣсницы, вздохнула долгимъ вздохомъ, какъ бы набираясь воздуха, уперлась сильнѣе затылкомъ въ подушку и, сомкнувъ руки на одѣялѣ, произнесла твердымъ, слышнымъ голосомъ.

— Никсъ, пойдите сюда!

Онъ показался, увидѣлъ ее, обогнулъ шатаясь уголъ кровати и, какъ былъ, повалился на колѣни, головою въ одѣяло, прижимаясь устами къ этимъ блѣднымъ рукамъ съ неудержимымъ рыданіемъ...

Лизавета Ивановна кинулась въ испугѣ къ постели.

— Ничего, ничего, остановила ее больная, кусая себѣ губы, чтобы не разрыдаться въ свою очередь,—я этого ждала... Пусть выплачется... И оставьте меня съ нимъ, милая!...

Они остались одни. Она высвободила одну изъ своихъ рукъ изъ-подъ губъ его и положила ему на голову, проведя слабыми пальцами по его волосамъ. Онъ „выплакивался“, замирая отъ горя... и отъ счастья подъ прикосновеніемъ этой онѣмѣлой руки.

— Никсъ, ты простилъ меня? послышался надъ нимъ шопотъ ея дрожавшаго голоса.

Онъ поднялъ глаза и, не вставая съ колѣнъ, взглянулъ съ безконечною мукой въ чертахъ въ это дорогое, въ это едва узнаваемое лицо.

— Простить! повторилъ онъ, — да развѣ я когда... Я единственно о вашемъ счастіи, какъ *вамъ* лучше... И лишь бы вамъ теперь поскорѣе выздоровѣть, безсвязно бормоталъ онъ, осторожно забирая холодныя какъ ледъ руки ея въ свои, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ отогрѣть ихъ всею своею кровью, всею теплотой своего собственнаго существа.

Она глядѣла на него, и горькая усмѣшка заиграла на ея опавшихъ губахъ:

— Къ чему вамъ этого желать, Божья душа? проговорила она съ какимъ-то страдальчески-презрительнымъ выраженіемъ:—не узнали вы развѣ меня до сихъ поръ? Не знаете, какова я?... Вѣдь не умѣла я васъ любить... и такъ не смогла бы и потомъ. Я себя не обманываю, я такая... Выздоровѣй я, я опять начала бы... сумасшествовать... А теперь... предъ концомъ, я одного тебя хочу видѣть тутъ... Я никому не сдѣлала зла въ жизни, я виновата предъ тобою однимъ, Никсъ, я тебя... я *душу твою* поберечь не хотѣла... Такъ хоть теперь, въ послѣдніе часы, чтобъ я твоя была... безраздѣльно...

— Да что-жь это, вскрикнулъ онъ отчаяннымъ воплемъ, вскакивая на ноги, — развѣ въ Москвѣ докторовъ нѣтъ, средствъ нѣтъ вылѣчить тебя!... Я сейчасъ съѣзжу...

Она заметалась головою по подушкѣ. „Ахъ, не понимаетъ онъ меня, не понимаетъ!“ тоскливо говорила она, болѣзненно сожмуривая вѣки.

Ранцовъ замеръ на мѣстѣ, какъ вкопаный.

Голова обернулась въ его сторону; глаза раскрылись:

— Средствъ *нѣтъ*, и сама я... не хочу, понимаете? Такъ лучше! Прежняго не вернешь, а впереди что? Вѣдь я замужемъ, я жена этого... кривоносаго... котораго я презираю болѣе всего на свѣтѣ... Что же? Оставаться такъ, или опять разводъ и вернуться къ вамъ, къ прежнему?... Она вдругъ громко, почти весело разсмѣялась:—Это было бы ужь очень

оригинально, Никсенька... вѣдь самого тебя, бѣднаго, подняли бы всѣ тогда на смѣхъ... А я не хочу этого, пусть ни малѣйшаго брызга на тебѣ не будетъ, мнѣ это сладко думать... Меня въ жизни любили истинно только два человѣка,—и оба такіе же чистые: мой милый графъ и ты... Онъ умеръ, а я, безумная, изъ легкомыслія, изъ тщеславія согласилась пойти за этого...

Она расплакалась, не договоривъ, мгновенными, дѣтскими слезами:

— Онъ со своею маменькой обобрали меня, вы знаете, продолжала она, такъ же мгновенно переставая плакать, — у меня ничего не осталось, когда я вернулась въ Россію,—онъ все взялъ на уплату долговъ своихъ и любовницъ... Я здѣсь жила все время въ долгъ... Тамъ, въ городѣ, Факирскій приносилъ мнѣ двѣ тысячи „отъ неизвѣстнаго“. Но я знала, что это отъ васъ было, и не хотѣла принять изъ гордости... изъ глупой гордости: меня оскорбляло тогда это великодушіе. Я предпочла принять отъ чужаго. Онъ тоже хотѣлъ остаться *неизвѣстнымъ*... Но я догадалась, кто онъ, и ты ему уплатишь, Никсъ, изъ моихъ денегъ, когда получишь... Это Троекуровъ,—вы его знаете?

— Знаю, хорошій человѣкъ, машинально примолвилъ онъ.

Она взглянула на него съ новою, странною усмѣшкой:

— Да... порядочный во всякомъ случаѣ, словно сронила она съ губъ.—У меня въ бюварѣ, начала она поспѣшно затѣмъ, — Лизавета Ивановна знаетъ, завѣщаніе мое лежитъ... формальное: нотаріусъ былъ, и все какъ слѣдуетъ... Я вамъ все оставляю, Никсъ... Богъ не хотѣлъ, и я благословляю Его за это, чтобъ я родила на свѣтъ отъ *него*... отродье... Съ *ними* у меня теперь все порвано, я все вамъ оставляю... Вамъ не нужно, но я знаю, вы употребите ихъ на добро людямъ...

Она замолкла, тяжело дыша...

— Ольга, Олечка, заговорилъ онъ, перемогая, насколько могъ, свои терзанія, — довольно говорить, вамъ вредно... успѣете!...

— Нѣтъ, дайте досказать, пока есть сила... Поклянитесь мнѣ, Никсъ, что все исполните, о чемъ я прошу васъ!

Онъ поднялъ руку, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ:

— Христомъ моимъ клянусь и... и тѣмъ, какъ я любилъ тебя всегда, Олечка! произнесъ онъ сквозь новое, душившее его рыданіе.

Она будто просіяла вся:

— Ну вотъ и хорошо! Слушайте: въ томъ же бюварѣ вы найдете готовое, подписанное письмо мое къ Государю, которымъ я прошу Его велѣть разсмотрѣть мое дѣло съ *нею*, съ этою Аглаей, и удостовѣреніе отъ посольства нашего въ Парижѣ, — я его только наканунѣ этого случая со мною получила оттуда, — что долги *его* тамъ уплачены были мною изъ собственнаго моего капитала... Я говорила здѣсь съ юристами: они сказали, что по этому документу *она* должна будетъ *все* заплатить... И я умоляю васъ, Никсъ, возьмите съ нея все, все до копѣйки! Я ее и ея сынка... я ненавижу ихъ!

Онъ сжалъ лихорадочно ея руки, которыя все такъ же держалъ въ своихъ:

— Я все исполню, а вы... Прости имъ, Оленька! зашепталъ онъ, наклонясь къ ней,—Богъ намъ велѣлъ прощать!

Темнымъ пламенемъ блеснули глаза ея; раздражительно зазвучалъ ея голосъ:

— Никогда! Умру съ этимъ грѣхомъ на совѣсти, а простить не могу!... Я всю жизнь свою пуще всего ненавидѣла глупость, а тутъ еще къ ней подлость и злость... Пусть ждетъ меня за это наказаніе, а я проклинаю и *ее*, и *его*, и тотъ день, когда я, безстыдная, согласилась быть *его* женою!

Онъ не прерывалъ ея, онъ только, словно умоляя, продолжалъ сжимать ея руки и глядѣлъ на нее съ неизъяснимою тоской...

Она затихла. Слабый румянецъ, вызванный мгновеннымъ возбужденіемъ гнѣва на ея впалыхъ щекахъ, смѣнила прежняя блѣдность; на опущенныхъ рѣсницахъ задрожали еще разъ слезы:

— А теперь послѣднее, заговорила она еле слышно: — когда... когда придетъ конецъ, Никсъ, ты перекрести меня... и закрой глаза!... Чтобы никто, какъ ты, слышите?...

Онъ наклонилъ лишь голову безпомощно, безнадежно... Въ

дверяхъ за ширмами послышался тихій спросъ Лизаветы Ивановны:

— Войти можно?

— Можно, милая; что вамъ? отвѣтила сама больная.

На кроткомъ лицѣ маленькой особы читалась крайняя озабоченность: она входила очевидно съ какою-то вѣстью, добрый пріемъ которой представлялся для нея сомнительнымъ.

Ранцовъ обернулся на нее:

— Докторъ? поспѣшно спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще его, отвѣтила она, подымая на него на мигъ какъ бы укоряющіе глаза, и тутъ же направила ихъ на больную: — воля ваша, анделъ мой, а пущать я къ вамъ не рѣшилась... вы и такъ, глядите, устали ужасть!

— Кого это „пускать“?...

— Да княгиня тутъ пріѣхала... свекровь ваша, пролепетала та шепоткомъ, смущенно перебирая плечами, — узнала, говоритъ, въ деревнѣ, что вы заболѣвши и...

— Аглая! вскрикнула Ольга Елпидифоровна, приподымаясь на постели, будто двинутая какою-то незримою пружиной, съ засверкавшимъ молніею взглядомъ, съ судорожною дрожью, поводившею все ея еле дышавшее тѣло,—она здѣсь?... Вонъ ее гоните, вонъ!...

— Господи, застонала, кидаясь къ ней, Лизавета Ивановна, между тѣмъ какъ Ранцовъ охватывалъ ее за спину, не давая повалиться назадъ,—чтой-то съ вами, анделъ мой! Сказала вамъ: не пустила, не пущу!... Чего-жь это вы такъ вскинулись, голубонька моя!...

Но въ то же время изъ-за ширмъ выдвинулось широкое, мясистое, подрумяненное по самые глаза лицо въ шляпкѣ съ перьями и огненнаго цвѣта бантомъ подъ подбородкомъ, и жирный голосъ возопилъ плачущимъ тономъ:

— Ma chère Olga, c'est très mal que vous ne voulez pas me recevoir! Je suis venue exprès de la campagne, ayant appris que vous étiez malade, et je vous ai même amené mon aumônier, lé père Парѳенъ, pour vous parler religion...

— Амалія! кликнула отчаянно Лизавета Ивановна, — что же это вы, я вамъ говорила...

Бѣлобрысая Чухонка выскользнула изъ-за перьевъ Аглаи:

— S'ist nicht meine Schuld, я говорилъ княгинь: нельзя итти, а она самъ, съ силой, отпихнулъ мене и пришла...

Она подбѣжала къ постели, запустила руки за плечи своей барыни, заставляя этимъ Ранцова принять свои... Онъ отошелъ на шагъ, вперивъ грозно раскрывшіеся зрачки въ круглые глаза незваной гостьи.

Та тупо, обиженно и жалостно поводила ими кругомъ, какъ бы ища чьего-то содѣйствія или защиты...

— Вы меня на дворъ къ себѣ не пустили, заговорила, роняя слова черезъ силу, больная, — а теперь явились сами отравить мнѣ... послѣднія минуты... какъ сдѣлали это съ Линой... съ родною вашею... дочерью *). А я прошу васъ оставить меня... умереть спокойно...

— Pourquoi est-ce que vous m'offensez comme cela, Olga? захныкала немедля въ отвѣтъ Аглая:—je suis venue en qualité de belle-mère vous exhorter à faire votre paix avec Dieu et avec moi, et vous...

Она не успѣла договорить: Ольга Елпидифоровна задвигала слабо рукою, закатила глаза—и упала безъ чувствъ головою на плечо Амаліи.

Ранцовъ, не помня себя, шагнулъ ко княгинѣ съ задрожавшею челюстью:

— Я прошу васъ, зашепталъ онъ, наклоняясь къ ней подъ самую шляпку,—прошу уйти отсюда, сейчасъ, сію секунду!

— Ah, mon Dieu, визгнула она, — cet homme veut me battre! И, какъ испуганная утка, вынырнула съ этимъ визгомъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, высоко поднявъ ногу на ногу подъ шелковою рясой и проводя рукою по своимъ курчавымъ и припомаженнымъ волосамъ, позѣвывалъ на стулѣ, въ ожиданіи, когда позовутъ его къ больной „говорить о религіи", ея „aumônier le père Парѳенъ".

По шуму, достигавшему до него изъ спальной, онъ догадывался о какомъ-то происшедшемъ тамъ „смятеніи". Растрепанный видъ вылетѣвшей оттуда его патронессы далъ ему по-

*) *Четверть вѣка назадъ.* Глава предпослѣдняя.

нять, что „смятеніе“ это разрѣшилось собственно для ея особы нѣкоторымъ погромомъ.

Онъ приподнялся ей навстрѣчу.

— Они мнѣ сдѣлали тамъ une scène affreuse, батюшка, будьте свидѣтелемъ! застонала она дѣйствительно тутъ же, ухватываясь за его рукавъ:—un monsieur, котораго я не зна... Кажется, это *ея* мужъ, le прежній, съ которымъ она развелась, чтобы женить на себѣ Basile, mon fils... Онъ кинулся на меня съ кулаками... Будьте свидѣтелемъ, батюшка! Онъ не смѣетъ этого дѣлать: я княгиня Шастунова; мужъ мой, feu Michel, былъ посланникъ, тайный совѣтникъ и вдругъ, un monsieur Dieu sait qui смѣетъ меня выгонять... Я этого не позволяю, je demande justice! Мы съ вами сейчасъ, батюшка, поѣдемъ къ генералъ-губернатору... Очень жаль, что это уже болѣе не мой старый другъ, *графъ*... но все равно, и этотъ другой долженъ меня защитить dans mes droits. Вы ему скажете, какъ служитель du bon Dieu, что онъ долженъ приказать, чтобы меня непремѣнно пустили къ *ней* en qualité de belle-mère, и васъ тоже, котораго я нарочно привезла сюда, съ собою, чтобъ уговорить ее au nom du Christ помириться со мной et abandonner ses prétentions d'argent.

„Le père Парѳенъ“ даже испугался той роли, которую предназначало играть ему пламенное воображеніе умной женщины:

— Позвольте, княгиня, возразилъ онъ вѣскимъ тономъ, дождавшись передышки, воспослѣдовавшей наконецъ за излитымъ потокомъ словъ,— я полагаю, что представитель администраціи никакъ не рѣшится въ нынѣшнее время вмѣшиваться въ дѣло частнаго и даже чисто семейнаго характера; а что до моего „свидѣтельства“, то, согласитесь сами, какъ я собственно не присутствовалъ при вашемъ разговорѣ и даже не видѣлъ лица, причинившаго вамъ... непріятность...

Аглая озлилась:

— Я вижу, что вы un jacobin, отецъ Парѳенъ! воскликнула она, прерывая его:—я совсѣмъ другаго ждала отъ васъ...

Но вниманіе ея отвлечено было въ эту же минуту другимъ предметомъ тревоги: изъ спальной съ перекошеннымъ

лицомъ выбѣжала Лизавета Ивановна, пронеслась какъ пуля чрезъ комнату и исчезла за дверьми въ сѣни, оставивъ ихъ въ попыхахъ открытыми...

Глухой гулъ колесъ по настланной предъ окнами больной соломѣ донесся въ то же время до слуха княгини и ея собесѣдника, а вслѣдъ за нимъ громкій возгласъ маленькой особы, встрѣчавшей пріѣхавшаго на крыльцѣ:

— Ну, слава те Господи, а я ужь хотѣла за вами посылать, господинъ докторъ... Пожалуйте скорѣе, пожалуйте!.

— Что, плоха развѣ очень? обрывисто и нѣсколько встревоженно говорилъ мужской голосъ.

— Чувствъ лишилась... привести въ себя не можемъ...

— Мускусъ принимала?

— Приняла... да тутъ одно обстоятельство, бормотала растерянно маленькая особа, торопливо входя опять въ комнату.

Докторъ быстрыми, маленькими шажками несъ за нею свое пухлое брюшко и поправлялъ на-ходу золотыя очки свои съ озабоченною важностью на сморщенномъ челѣ.

Аглая Константиновна какъ увидѣла его, такъ и кинулась къ нему со всѣхъ ногъ:

— Вы лѣчите... эту даму? Позвольте узнать вашу фамилію...

— Мою?... Докторъ Кругляковъ... Онъ остановился въ изумленіи.

— Я васъ очень прошу, monsieur Крýгликовъ, перервала она тутъ же,— приказать, чтобъ меня пустили къ ней... потому что тутъ люди, которые хотятъ помѣшать этому,—и она язвительно покосилась на Лизавету Ивановну,—а я ея belle-mère, княгиня Шастунова, и мнѣ необходимо съ ней переговорить о дѣлахъ, потому что я вижу, qu'elle est en danger de mort и нельзя время терять...

Лизавета Ивановна всплеснула руками; всѣ ея щедушное тѣльце какъ бы съежилось и затряслось отъ ужаса; полные слезъ глаза съ неудержимымъ упрекомъ вскинулись на говорившую:

— Чтой-то вы хотите, княгиня! Ей, можетъ, голубушкѣ,

отъ разговора вашего и умирать теперь приходится, а вы опять... Пожалуйте, господинъ докторъ, пожалуйте скорѣе!...

И она юркнула въ спальную.

Аглая усиленно захлопала глазами, будто по лбу ея что-то треснуло. Но она не почитала еще себя разбитою:

— Elle dit des horreurs cette femme, захныкала она немедля, ловя за руку поспѣшавшаго за маленькою особой доктора, — вы ей не вѣрьте, je vous prie, c'est une intrigue contre moi.

— Позвольте, сударыня, позвольте, меня тамъ ждутъ! говорилъ онъ, вырываясь отъ нея.

— Un seul mot, monsieur Кругликовъ! Если моя belle-fille безнадежна уже такъ, какъ говоритъ эта женщина, то ей нужно les secours de la religion... ей нуженъ священникъ, и вы скажите имъ всѣмъ тамъ пожалуйста, что я нарочно привезла съ собою для этого mon aumônier, le père Парѳенъ, que voici...

— Это не мое дѣло, сударыня, перебилъ ее, теряя всякое терпѣніе, Кругляковъ и, высвободивъ свою руку и вбѣжавъ въ спальню, заперъ за собою дверь на обѣ половинки.

Она поглядѣла ему вслѣдъ, приподняла плечи и, со вздохомъ на всю комнату, опустила грузное тѣло свое на ближайшее кресло.

„Le père Парѳенъ", расчесывая пальцами свою подстриженную бородку, поглядывалъ на нее съ едва скрываемою ироніей на лицѣ: онъ видимо потѣшался ея суетой.

Она обернулась на него:

— Вы не забудете, батюшка, надѣюсь, что̀ вамъ нужно будетъ сказать *ей?* проговорила она, значительно помахивая головою:—и скажите ей еще, что une belle-mère это почти мать, и за то, что она такъ дурно приняла меня сегодня, ее ужасно накажутъ на томъ свѣтѣ!...

— Чертямъ-то рогатымъ мало кто вѣритъ въ нашъ образованный вѣкъ, княгиня, хихикнулъ на это отецъ Парѳенъ.

Ее совсѣмъ сбило съ толку такое неожиданное возраженіе.

— Отчего вы это говорите, батюшка? вскликнула она даже испуганно.—Когда кто умираетъ, ему всегда страшно.

Потому онъ знаетъ, что его сейчасъ тамъ будутъ судить. Этимъ вы, какъ отецъ духовный, и должны воспользоваться, чтобъ она эти, вы знаете, на которыя претендуетъ она, деньги отказала въ пользу Базиля, своего мужа.

„Le père Парѳенъ“ кашлянулъ, провелъ рукой по волосамъ и ухмыльнулся.

Дверь изъ спальной отворилась и изъ нея вышелъ докторъ въ сопровожденіи Ранцова.

— Хорошо, что добились, говорилъ онъ, самодовольнымъ движеніемъ передергивая очки на носу:—въ первую минуту, признаюсь, не надѣялся: пульса совсѣмъ не было... атрофія, думаю... Вывезло на этотъ разъ!

— И... и надолго-ли теперь? замирающимъ голосомъ спросилъ тотъ.

Кругляковъ развелъ руками:

— Вторую дозу муксуса приметъ, подбодрится... а тамъ...

Онъ глянулъ съ видимымъ участіемъ въ его исковерканное внутреннею мукой лицо:

— Вы родственникъ больной? спросилъ онъ, понижая голосъ.

Ранцовъ молча поглядѣлъ только на него въ свою очередь и отвернулся...

Докторъ повернулся на каблукахъ, отыскалъ кинутую имъ на окно шляпу и вынулъ часы:

— До свиданія, я заѣду черезъ часъ... Больной необходимо полное спокойствіе! проговорилъ онъ громко и какъ бы строго, оборачиваясь въ сторону княгини, внимательно прислушивавшейся со своего мѣста къ предыдущему разговору, и направился къ двери.

— Докторъ, окликнула его выбѣжавшая изъ спальной Лизавета Ивановна,—*она* священника желаетъ.

— Что же, доброе дѣло, оглянулся онъ,—только дайте сначала лѣкарству подѣйствовать: слаба слишкомъ въ эту минуту...

Аглая Константиновна вспрыгнула съ кресла, словно кукла изъ табакерки:

— Священникъ здѣсь!... Отецъ Парѳенъ, ступайте къ моей belle fille!...

Въ первую минуту никто не нашелъ, что сказать. Кругляковъ исчезъ за дверьми. Лизавета Ивановна растерянно устремила глаза на Ранцова. Онъ въ стою очередь, молча, повелъ на княгиню не то недоумѣвающимъ, не то досадливымъ взглядомъ.

„Aumônier встряхнулъ гривой и, выправляя свои аметистовыя запонки изъ-подъ рукавовъ подрясника, всталъ и направился къ спальной.

Лизавета Ивановна инстиктивно кинулась заслонить ему дорогу:

— Позвольте, батюшка, надо, слышали, погодить... да и приготовиться больной дать... Да съ вами и даровъ святыхъ нѣтъ, продолжала она, оглядывая отца Парѳена.—Къ великому таинству приступить она желаетъ, такъ какъ же такъ!

— Формальность исполнить всегда успѣемъ, а тутъ главное убѣдить больную покончить честно всѣ земные свои счеты, учительскимъ тономъ возразилъ онъ.

Она даже руками всплеснула:

— Кровь и тѣло Господни... Это вы „формальностью“ называете, батюшка! Что же это такое?

Онъ нѣсколько смутился:

— Назову *обрядомъ*, такъ какъ это, надо быть, болѣе знакомое вамъ понятіе, выговорилъ онъ нѣсколько иронически;— а тѣмъ не менѣе повторяю вамъ, сударыня, что разумное наставленіе особенно важно для умирающей...

— Certainement, поспѣшно вмѣшалась Аглая Константиновна, язвительно относясь къ маленькой особѣ,—надѣюсь, что батюшка лучше васъ знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать въ этихъ оказіяхъ!...

Но та ея не слушала. Она отбѣжала къ Ранцову, прижалась къ его плечу и зашептала:

— Не годится этотъ, анделъ мой, не годится!.. Съѣздите, милый человѣкъ, сейчасъ къ Николѣ на Грязяхъ; отецъ Василій тамъ, почтенный старецъ, пастырь настоящій... Вы только скажите, онъ меня знаетъ близко, пріѣдетъ сейчасъ...

Онъ ее, голубушку, дѣйствительно утѣшитъ, напутствуетъ и примиритъ... А этотъ таинство святое „формальностью“ называетъ, прости Господи!

— Сейчасъ съѣзжу... А если какъ она да безъ меня вздумаетъ ворваться къ *ней* опять? пріостановился тронувшійся было съ мѣста Никаноръ Ильичъ, указывая ей кивкомъ на Аглаю Константиновну, которая со своей стороны, наклонившись къ уху своего „automônier“, объясняла ему что-то, энергично размахивая руками.

— Это точно, закивала Лизавета Ивановна, вздыхая, — опять ее, голубушку, не дай Богъ! не пощадитъ эта барыня... И чтой-то это, Господи, за люди на свѣтѣ!.. Такъ вотъ что, анделъ мой: сама съѣзжу, неподалечку вѣдь, и привезу отца Василья, а вы ужь тутъ посторожите!..

Она скрылась.

Ранцовъ подошелъ къ двери спальной, осторожно притворилъ ее опять и сѣлъ на близъ стоявшій стулъ.

Аглая Константиновна оглянулась на него и, съеживъ губы кружечкомъ, въ знакъ полнѣйшаго къ нему презрѣнія, спросила съ самымъ надменнымъ и колкимъ видомъ, какой только нашелся въ арсеналѣ ея grands airs:

— Куда же ушла эта... *персона*, которая тутъ сейчасъ *распоряжалась*, и когда наконецъ *допустятъ* отца Парѳена къ моей *belle fille?*

— Она поѣхала за священникомъ... за знакомымъ больной, отвѣтилъ онъ тихо.

Аглая остолбенѣла на первыхъ порахъ, открыла ротъ и такъ и застыла. Языкъ отказывался выговорить словомъ весь тотъ накипь изумленія, испуга и злости, который приливалъ ей теперь къ горлу... Но вотъ еще мгновеніе, плотину прорвало и, вмѣстѣ съ потокомъ слезъ, полившихся полосатыми струями по ея румянамъ, понеслись *крылатыя рѣчи* съ ея судорожно-перекрившихся губъ:

— А, такъ вотъ какъ, c'est comme ça, это противъ меня интрига, un complot atroce!.. Вы съ этою женщиной, я не знаю васъ! Кто вы такіе и какъ вы смѣете дѣлать это противъ меня? Вы какой-то прежній мужъ, кажется, que person-

ne ne connaît, а я княгиня Шастунова, мой мужъ посланникъ былъ, изъ первыхъ фамилій dans l'Empire и mon fils Basile, il est en Asie et je le représente en ce moment ici, je suis la belle mère de la malade, и мнѣ никто, даже сенатъ, а не только вы, que je ne connais pas, не можетъ запретить, когда она en danger de mort, привести ей духовное лицо, чтобъ уговорить ее...

— Княгиня, подходя къ ней и сдерживаясь, насколько могъ, проговорилъ полушопотомъ Ранцовъ,—*она* можетъ услышать, вы ее чуть не уморили сейчасъ... Ей остается, можетъ быть, лишь нѣсколько часовъ жить... не кричите, умоляю васъ!..

Она замахала руками:

— Я не хочу съ вами говорить, je veux la voir!...

И она кинулась къ двери спальной.

Онъ схватилъ ее за руку, рванулъ назадъ и, блѣдный, какъ призракъ, съ безумнымъ гнѣвомъ въ глазахъ, проговорилъ сквозь стукавшіеся въ лихорадочномъ ознобѣ зубы:

— Еще шагъ и, какъ Богъ святъ, я васъ выкину вонъ изъ окна!...

— А-а! визгнула она что было мочи,—батюшки, спасите!..

V.

Tout est fini, la foule se disperse...
Béranger. *Sur le tombeau de Manuel.*

...Окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропалъ и слѣдъ.
Евг. Онѣгинъ. Гл. VI.

Троекуровъ не долго засидѣлся въ своей конторѣ; онъ потребовалъ приходо-расходный балансъ и увидѣлъ изъ него, что въ кассѣ имѣлось въ настоящую минуту свободныхъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ рублей, полученныхъ изъ его „малорусской экономіи“ за нѣсколько дней назадъ.

— Отвезите сегодня же эти деньги въ банкирскую контору Ахенбаха, приказалъ онъ,—и возьмите отъ нея двѣ тратты: одну въ двѣ тысячи рублей на Берлинъ, а остальныя на Парижъ... Мнѣ тамъ нужно будетъ нѣкоторыя закупки сдѣлать, добавилъ онъ, самъ не зная, для чего сказалось это имъ.

— Слушаю-съ, молвилъ конторщикъ:—на чьи адресы въ эти города послать прикажете?

Троекуровъ поморщился:

— Я самъ распоряжусь... Принесите ко мнѣ, въ гостинницу Шевріе, часу въ пятомъ; я тамъ буду обѣдать.

— Слушаю-съ... Тутъ-съ по вашему кредиту—конторщикъ развернулъ книгу,—господиномъ Ашанинымъ получено въ два пріема тысяча сто пятьдесятъ рублей...

— Хорошо! кивнулъ не глядя Борисъ Васильевичъ и всталъ съ мѣста.

— Сходите къ управляющему дома, какъ бы вспомнивъ вдругъ и небрежнымъ тономъ сказалъ онъ,—и скажите, чтобы все тамъ почистили и привели въ порядокъ... Наблюдите за этимъ сами и, когда будетъ готово, извѣстите тотчасъ же отъ себя письмомъ княжну Киру Никитишну Кубенскую во Всесвятскомъ... Она, можетъ, будетъ въ Москву и остановится тамъ...

Онъ двинулся и вспомнилъ опять:

— Не бывалъ у васъ тутъ докторъ нашъ, Николай Иванычъ Ѳирсовъ, и не знаете-ли, гдѣ онъ пропадаетъ здѣсь?

— Былъ-съ, за жалованьемъ приходилъ, и адресъ его конторѣ извѣстенъ.

— Такъ нельзя-ли его будетъ отыскать и прислать ко мнѣ?.. Только сегодня же, я завтра уѣду въ Петербургъ.

— Сегодня же исполню-съ! молвилъ конторщикъ, провожая патрона своего на крыльцо.

Нанятая Троекуровымъ коляска ждала его уже тутъ.

— Куда прикажете, ваше сіятельство? спросилъ знакомый ему кучеръ отъ извощика, радостно приподнимая только-что отпущенную ему хозяиномъ, „въ уваженіе хорошаго господина“, новехонькую шляпу.

— Домой къ Шевріе!..

Коляска подъѣзжала къ гостиницѣ, когда изъ воротъ ея вышла маленькая Лизавета Ивановна, быстро перебирая ножками и ища тревожно бѣглыми глазами ближайшаго извощика.

Троекуровъ узналъ ее, окликнулъ по имени.

Она обернулась, увидала, кинулась къ нему:

— Борисъ Васильичъ... Господи, вотъ не ждала, не чаяла!.. Одни вы здѣсь?

— Одинъ.

— А сокровище мое безцѣнное, анделъ небесный, Александра Павловна, что?

— Ничего, въ деревнѣ, здорова, поспѣшно отвѣтилъ онъ:— а вы куда же это бѣжите? еще поспѣшнѣе перемѣнилъ онъ разговоръ.

Она завздыхала, закачала головой:

— А я за священникомъ, Борисъ Васильевичъ, за отцомъ духовнымъ... Больная у меня тутъ одна, при смерти...

— Знаю, сказалъ онъ, княгиня Шастунова... Чтò, понизилъ онъ голосъ,—у нея тамъ теперь Ранцовъ... тотъ, за которымъ она посылала?..

— И про то знаете, анделъ мой? воскликнула она, утирая верхомъ руки проступившія у нея внезапно слезы:—тутъ, при ней теперь... Убивается... любитъ ее, видать, такъ, что душу сейчасъ за нее отдать готовъ... А тутъ ей еще покою не даютъ. Княгиня эта намазанная, свекровь ея, пріѣхала, ворвалась насильно, чуть не уморила ее на мѣстѣ...

— Успѣла? невольно вырвалось у Троекурова:—и священника своего притащила къ ней, а?

— Такъ, такъ, анделъ мой, все-то это вы знаете... И на особу духовную не похожъ даже вовсе, шарлатанъ какой-то, прости Господи!...

— Вы его не пустили къ больной?

— Нѣту, голубчикъ, нѣту! Вотъ за своимъ, за настоящимъ собралась... а сердце не на мѣстѣ, потому при ней одна Амалія осталась, а *ему-то* и войти къ ней нельзя, чтобы княгиня эта опять со своимъ попомъ стриженымъ не вскочила въ спальню... Батюшка, Борисъ Васильичъ, воскликнула вдругъ маленькая особа, — она васъ больше послушается, пошли бы вы выручать Бога для, ослободить, чтобы могъ онъ тутъ при постели ея на всякъ случай быть, пока я отца Василія привезу; вы всѣхъ знаете, а онъ тутъ одинъ, съ ума вѣдь собьешься...

— Я сейчасъ пойду, сказалъ Троекуровъ,—а вы садитесь въ мою коляску и поѣзжайте за вашимъ дѣломъ. Будьте покойны, примолвилъ онъ, усмѣхнувшись:—буянить я этой „намазанной“ не позволю.

— Ну и вотъ славно, ну и вотъ прекрасно, анделъ мой! говорила Лизавета Ивановна, крестясь и усаживаясь въ экипажъ. — Къ Николѣ, неподалечку, милый человѣкъ, закивала она всѣмъ своимъ сморщеннымъ личикомъ обернувшемуся на нее за приказаніемъ кучеру...

Борисъ Васильевичъ прошелъ черезъ дворъ и вошелъ въ

сѣнцы флигеля... Донесшійся до него въ эту минуту визгъ изъ покоя, въ который направлялся онъ, заставилъ его немедленно, поспѣшно распахнуть дверь.

Читателю уже извѣстно, какое зрѣлище предстояло ему увидѣть:

Ранцовъ стоялъ посреди комнаты съ перековерканнымъ лицомъ; Аглая Константиновна неистово махала руками, свалившись головой на плечо отца Парѳена...

Она разомъ смолкла при видѣ входившаго и вытаращила на него изумленные и уже нѣсколько испуганные глаза; она по первому кинутому имъ взгляду на нее почуяла, что явился ей не союзникъ, а врагъ...

Онъ быстро подошелъ къ Ранцову, протягивая ему руку:

— Я сейчасъ все узналъ отъ Лизаветы Ивановны, проговорилъ онъ вполголоса: — ступайте къ больной, Никаноръ Ильичъ, а барыню эту я отсюда выпровожу.

Тотъ встряхнулъ головой, вспыхнулъ, торопливо пожалъ пальцы Троекурова и исчезъ за дверями спальной.

— Позвольте васъ проводить до вашего экипажа, княгиня, молвилъ тутъ же, подступая къ ней съ подвернутымъ локтемъ, Борисъ Васильевичъ.

Она уперлась въ него своими круглыми глазами, вся растерянная...

— Et pourquoi est-ce que je dois m'en aller, monsieur Троекуровъ? забормотала она съѣхавшимъ уже на кринту внизъ голосомъ.

— Потому что кто-то здѣсь такъ кричалъ сейчасъ, изысканно отвѣчалъ онъ по-французски же, — что перепуганный хозяинъ гостинницы послалъ за полиціей, а я, при томъ уваженіи, которое внушаетъ мнѣ ваша особа, желаю избавить ее отъ допросовъ квартальнаго.

— Ah, mon Dieu, quelle horreur, un квартальный! вскрикнула она... и вдругъ одумалась: — Et si vous dites exprès, pour me tromper, monsieur Троекуровъ?

Но онъ уже держалъ руку ея подъ своимъ локтемъ и не выпускалъ ея:

— Пойдемте, княгиня. Есть такая русская пословица,

можетъ быть, слышали: „насильно милъ не будешь“, а тутъ къ тому же умираетъ женщина, и производить скандалъ въ такую минуту не совсѣмъ удобно... Пойдемте! заключилъ онъ, увлекая ее къ выходной двери.

— Но какой же скандалъ, monsieur Троекуровъ? окончательно разбитая этимъ рѣшительнымъ тономъ, этою *незадуманностью* поступка, пролепетала она плохо уже повиновавшимся ей отъ страха языкомъ,—я хотѣла только, чтобы le père Парѳенъ lui parle religion...

— Мнѣ очень жаль, перебилъ онъ ее,—что „le père Парѳенъ“ не подумалъ прежде всего поговорить „о религіи“ съ самою вами.

Она какъ рыба смолкла за этимъ наставленіемъ. Онъ довелъ ее до ея экипажа, посадилъ и низко раскланялся.

Сконфуженный въ свою очередь „père Парѳенъ“ торопливо скинулъ предъ нимъ шляпу, готовясь лѣзть за своею княгиней въ карету, въ которой съ ней и пріѣхалъ. Но на что былъ онъ ей теперь? Она хлопнула дверцей чуть не подъ носъ ему и крикнула въ окно кучеру: „домой!“... Automôtier такъ и остался посреди двора съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ.

Борисъ Васильевичъ счелъ нужнымъ „на всякій случай“ вернуться въ нумеръ больной. Онъ усѣлся въ пустой теперь передней комнатѣ, въ ожиданіи возвращенія Лизаветы Ивановны.

Дверь въ спальную была не совсѣмъ притворена, но никакого звука не слышалось оттуда. „Заснула“, подумалъ онъ...

Но она не спала... Открывъ глаза послѣ обморока, она всѣхъ узнала, слабо усмѣхнулась и попросила пить. Докторъ приказалъ дать ей опять шампанскаго и новый пріемъ мускуса черезъ десять минутъ. Это „подбодрило“ ее, какъ онъ и предсказывалъ: оконечности потеплѣли, чуть-чуть заалѣли щеки. „Ахъ, какъ теперь хорошо!“ выговорила она внятно, отыскала взглядомъ маленькую особу (Кругляковъ и Никаноръ Ильичъ вышли въ это время въ гостиную,) и поманила ее къ себѣ движеніемъ головы. Та быстро наклонилась къ ней. „Нельзя-ли священника... пока я въ силахъ“, прошептала она

ей на ухо съ какимъ-то замедленіемъ и дрожью въ голосѣ... „Сейчасъ, анделъ мой, сейчасъ!“ всклинулась и полетѣла Лизавета Ивановна. Она вздохнула и закрыла глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть оставшейся стоять надъ нею съ приторно подтянутыми губами, въ знакъ соболѣзнованія, Амаліи...

Донесшійся до нея крикъ Аглаи Константиновны заставилъ ее инстинктивно вздоргнуть, но вѣкъ она не подняла.

— Она все еще тутъ? равнодушно спросила она только.

— Immer da, подтвердила чухонская субретка, иронически осклабляясь...

Вошелъ Ранцовъ. Она слухомъ угадала его близость и какъ бы радостно улыбнулась ему, все также не открывая глазъ. Онъ сталъ у нея въ ногахъ, погрузясь взоромъ въ ея лицо... въ призракъ прежней „Оли“...

Амалія ушла за ширмы, къ окну. Онъ опять былъ одинъ съ нею въ этомъ освѣщенномъ какъ ночью покоѣ, между тѣмъ какъ солнечный свѣтъ, какъ бы смѣясь надъ ея предсмертною затѣей, нагло прорывался сверху въ отверстіе не плотно задернувшихся занавѣсей и пробѣгалъ змѣйкой въ углу противоположной стѣны надъ головою больной...

Она не спала; на нее нашло какое-то сознательное забытье, что-то между бдѣніемъ и грезою, сладкое и томящее. Ей не хотѣлось ни говорить, ни двигаться. Какъ тучки по небу, неустанно измѣняя свои очертанія, проносились предъ нею образы, силуэты, обрывки очерковъ и мыслей... Онъ читалъ это на этихъ обострившихся чертахъ, въ движеніи увядшихъ устъ, во вздрагиваніи длинныхъ рѣсницъ, падавшихъ какою-то траурною бахрамой на прозрачную блѣдность ея кожи... Зловѣще опущенные углы губъ приподымались на мигъ, будто пытаясь сложиться опять въ тѣ знакомыя ему, неотразимыя складки молодаго, счастливаго смѣха; по сжатымъ вѣкамъ словно пробѣгали какія-то мимолетныя радужныя тѣни; легкое шелковое одѣяло колыхалось слегка отъ учащеннаго дыханія легкихъ... Но еще мигъ—и чуть слышный вздохъ вылеталъ изъ груди, губы вытягивались въ строгую, непривѣтную линію, и изъ-подъ этихъ упорно сомкнутыхъ

вѣждъ готовы были, казалось ему, брызнуть жгучія, ядовитыя слезы...

Въ его головѣ стоялъ неотступно одинъ образъ, одно воспоминаніе. Жаркій лѣтній день; онъ, еще вчера *темный* армеецъ, сегодня нежданный богачъ, въѣзжаетъ въ городъ, подъ которымъ расположено наслѣдованное имъ имѣніе. Онъ тащится, трясясь на своей перекладной, по незнакомой, длинной улицѣ, сплошь залитой отвѣснымъ свѣтомъ полудня... И вотъ изъ окна свѣтлаго домика подъ зеленою крышей вытянулась чья-то женская, обнаженная по локоть, ослѣпительно бѣлая рука съ блестящими въ ней лезвеями длинныхъ, раскрытыхъ ножницъ,—вытянулась къ кусту пунцовыхъ розъ въ полномъ цвѣту, чуть-чуть качающихся на своихъ стебляхъ въ палисадникѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ окна,—и не можетъ дотянуться до нихъ. И все далѣе протягивается она, а за нею, вывѣшиваясь наружу до стана, схватившись другою рукой за задвижку рамы, появляется хохочущій, очаровательный обликъ темнорусой красавицы, свѣжей и пышной, какъ тѣ розы, до которыхъ не можетъ достать она своими ножницами... И съ той минуты *она* „взяла всего его, всю его жизнь“... „Оля, что же они сдѣлали съ тобой?“ мучительно шепталъ онъ про себя. Онъ о себѣ не думалъ, не думалъ, что, еслибъ „они“ не *сдѣлали* этого чего-то съ нею, она не вспомнила бы объ немъ въ эти послѣдніе часы, что, какъ признавалась сама она ему полчаса тому назадъ, она „никогда не *умѣла* его любить, не *смогла* бы и потомъ“... Да развѣ онъ когда нибудь, въ самыя горькія минуты, упрекалъ ее за это? Какъ говорилъ онъ графу Наташанцеву, онъ „насчетъ своей особы никогда не обманывался и всю жизнь свою мучился тѣмъ, что *не такого, какъ онъ*, мужа требовалось ей“...

Такъ, безмолвно, затаивъ дыханіе, не отводя отъ нея воспаленныхъ глазъ, простоялъ онъ надъ нею съ часъ времени... Онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія руки неслышно подошедшей къ нему Лизаветы Ивановны.

— Отецъ Василій тутъ, сообщила она ему на ухо.

Но въ то же время глаза больной внезапно и широко раскрылись:

— Просите отца духовнаго! громко выговорила она и закрыла ихъ опять.

— Душа-то, душа-то сама почуяла и взалкала, прошептала восторженно маленькая особа, схватывая Никанора Ильича за руку:—пойдемте, голубчикъ!..

Высокій, почтеннаго вида, со строгими глазами и тихою поступью, старикъ-священникъ вошелъ чрезъ минуту въ спальную. Лизавета Ивановна, выславъ Амалію, оставила его одного „съ умирающею“...

Ранцовъ, выйдя въ гостиную, повелъ унылымъ и какъ бы благодарнымъ взглядомъ на одиноко сидѣвшаго тамъ Троекурова, опустился въ кресло въ углу комнаты и, уложивъ локти въ колѣни и голову въ руки, затихъ весь, словно замеръ.

Лизавета Ивановна подошла къ окну, сложила руки и устремила взоръ въ горячо синѣвшее небо. Губы ея быстро и беззвучно зашевелились: онѣ, очевидно, шептали слова молитвы...

Такъ прошло довольно долго времени. Троекуровъ съ какимъ-то страннымъ, становившимся чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе тяжелымъ, чувствомъ ожиданія глядѣлъ прикованными къ ней глазами на запертую маленькою особой дверь спальни.

Но вотъ наконецъ тихо отворилась она, и изъ нея вышелъ старикъ-священникъ, осторожно ступая по протянутому чрезъ комнату къ сѣнямъ половику.

— Въ силахъ была, батюшка? кинулась тутъ же къ нему съ тревожнымъ вопросомъ Лизавета Ивановна.

— Вполнѣ, какъ бы напирая, медленно и вѣско произнесъ онъ въ полголоса, — а въ настоящую минуту видимо ослабла очень: одну оставить нельзя.

Она такъ и вылетѣла за дверь. Никаноръ Ильичъ шатаясь поспѣшилъ за нею.

Троекуровъ остался одинъ опять... На сердцѣ его ныла какая-то всего его охватившая теперь тоска. „За эту умирающую тутъ женщину“, вспоминалъ онъ, онъ „чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ лучшаго друга своей молодости, два лучшіе года этой молодости отдалъ онъ на любовь, на безумную любовь къ этой женщинѣ... а теперь его и *не тянетъ* взгля-

нуть на нее въ послѣдній разъ"... Но уходить онъ все-таки не рѣшался. „Надо дождаться *конца*", говорило ему что-то внутри его, чему онъ не повиноваться не могъ.

— Вотъ какъ сподобились, голубочка, тѣло Его и кровь принять, Спасителя Нашего, Господа, такъ и легче стало, вѣрно я говорю, анделъ мой? допрашивала тѣмъ временемъ причастившуюся маленькая Лизавета Ивановна ласкательнымъ шопотомъ, наклонившись къ самому лицу ея, по которому словно бѣжала какая-то слабая усмѣшка.

Она не отвѣчала. Глаза ея были закрыты. На нее будто опять нашло давишнее забытье. Одѣяло не шевелилось; только тонкая батистовая ткань ночной кофты еле замѣтно приподымалась и опускалась надъ грудью...

Лизавета Ивановна медленно опустилась на колѣни, приникнувъ ухомъ къ этому едва уже слышному дыханію... Ранцовъ, все также въ ногахъ кровати, судорожно ухватясь руками за ея дерево, тянулся чрезъ него всѣмъ тѣломъ, прислушиваясь въ свою очередь, съ стиснутыми до боли зубами, съ широко, безобразно раскрытыми и устремленными на нее зрачками... Слышно было лишь жужжаніе мухъ подъ невысокимъ потолкомъ, да глухой гулъ колесъ на улицѣ, врывавшійся вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ въ просвѣты занавѣси въ эту освѣщенную искусственнымъ вечернимъ свѣтомъ комнату...

Вдругъ она шевельнулась. Вѣки ея дрогнули, приподнялись...

— Ну, вотъ и жизнь прошла, послышались надрывающіе звуки:—на что?..

Тусклый, стеклянистый взглядъ ея поднялся на Ранцова:

— Никсъ, помните! донеслось до его слуха какъ бы откуда-то изъ невѣдомаго пространства...

Онъ глядѣлъ костенѣя въ эти загадочно и страшно остановившіеся на немъ глаза...

— Позвольте! раздался подлѣ Лизаветы Ивановны негромкій голосъ только-что вошедшаго доктора.

Онъ нажалъ пальцами пульсъ своей паціентки, вынулъ часы...

Лизавета Ивановна, не подымаясь съ колѣнъ, откинулась головою назадъ, прижавъ крестомъ руки къ груди.

— Что-о? какою-то неестественною бормотой прорвалось изъ горла Никанора Ильича.

Кругляковъ отпустилъ пальцы, положилъ часы въ карманъ и только головою качнулъ...

Троекуровъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ.

VI.

„Высшій либерализмъ“ и „высшій либералъ“, то-есть, либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ Россіи.

Достоевскій. *Бѣсы.*

Méfiez-vous des dégoûtés, ce sont presque toujours des impuissants.

Flaubert.

Въ какомъ-то странномъ, не то уныломъ, не то раздраженномъ состояніи духа, вышелъ Троекуровъ изъ вагона, въ которомъ провелъ безъ сна почти всю ночь. Онъ выѣхалъ изъ Москвы подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, болѣе тяжелымъ въ дѣйствительности, чѣмъ могъ бы онъ себѣ это представить въ воображеніи. Когда въ томъ нумерѣ отеля онъ, по приглашенію маленькой Лизаветы Ивановны, вошелъ въ комнату только-что отошедшей въ вѣчность, давно переставшей быть ему милою, женщины, его охватило вдругъ нежданнымъ ощущеніемъ чего-то подломившагося въ немъ самомъ. Въ дребезгахъ, почувствовалъ онъ, лежало предъ нимъ обезображенное чудовищною рукой смерти цѣлое прошедшее его, цѣлый міръ молодости, надъ которымъ неотразимою звѣздой сіяло это, едва узнаваемое имъ теперь женское существо, и невольно въ глубинѣ его внутренняго я подымался смутный вопросъ: не ушла ли безвозвратно на это прошедшее лучшая доля его жизненныхъ силъ, и найдетъ-ли онъ въ себѣ для новыхъ битвъ за права страсти то беззавѣтное и непреклонное мужество, съ которымъ онъ въ оны дни готовъ былъ вызывать небо на бой

изъ-за взгляда, изъ-за мимолетной улыбки этой женщины. Онъ тупымъ, словно незрячимъ, взглядомъ глядѣлъ не отрываясь въ ея недвижные глаза, между тѣмъ какъ на сердцѣ ныла у него неодолимая тоска, а въ мозгу неотвязно напрашивалась мелодія романса, когда-то пѣтаго ею:

„Придетъ пора, твой май отзеленѣетъ,
Угаснетъ блескъ агатовыхъ очей"... *)

пока дрожащая рука Ранцова, блѣднаго и изможденнаго, какъ сама усопшая, не закрыла ихъ, и самъ онъ съ глухимъ стономъ не повалился головой на ея подушку...

Троекуровъ въ продолженіе всего пути не могъ отдѣлаться ни отъ этого ощущенія, ни отъ надрывающаго звука, того единственнаго звука: „Оля", вырвавшагося въ ту минуту изъ груди Ранцова, когда онъ, закрывъ ихъ, приникъ губами къ оледенѣвшимъ вѣкамъ этихъ угаснувшихъ теперь навсегда „агатовыхъ очей"...

Видъ Петербурга,— лѣтняго, пустаго и тоскливаго, какъ канцелярское *отношеніе*,— издавна ему ненавистнаго Петербурга только подбавилъ желчи къ его дурному настроенію. На спросъ камердинѣра, нанявшаго ему карету и ожидавшаго у дверцы ея указанія, въ какую гостинницу ѣхать, онъ проговорилъ сквозь зубы: „Все равно" и, только отъѣхавъ уже довольно далеко по Невскому Проспекту, вспомнилъ и, опустивъ переднюю раму, приказалъ извощику везти себя къ Демуту.

Тамъ онъ первымъ дѣломъ потребовалъ коммиссіонера и съ нервнымъ помаргиваніемъ усталыхъ глазъ передалъ ему имена нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, которыхъ нужно ему было видѣть, приказывая съѣздить на извощикѣ узнать, гдѣ и въ какіе часы можно ихъ застать въ городѣ или на дачѣ, и привезти отвѣтъ немедля. Онъ какъ бы невольно торопилъ и торопился самъ. Этотъ городъ съ перваго раза налегалъ на него своею свинцовою тяжестью, и онъ, едва пріѣхавъ, думалъ только, какъ бы скорѣе покинуть его.

---

*) Переводъ Теплякова извѣстной пѣсни Беранже: *La bonne ueille.*

Расторопный коммиссіонеръ вернулся съ отвѣтомъ минутъ черезъ двадцать. Оказывалось на счастіе пріѣзжаго, что одно изъ нужныхъ ему лицъ, „генералъ“, какъ называлъ его коммиссіонеръ, Павановъ, находилось въ это утро въ городѣ, пріѣхавъ съ дачи для пріема просителей. Ему была подана карточка Бориса Васильевича, и онъ велѣлъ его къ себѣ просить безъ четверти въ часъ.

До назначеннаго срока не оставалось и получаса. Троекуровъ поспѣшилъ перемѣнить дорожный свой костюмъ на визитный и отправился.

„Генералъ“ Павановъ весьма сильно поднялся по іерархической лѣстницѣ со времени того блестящаго костюмированнаго вечера въ Михайловскомъ дворцѣ, на которомъ мы его встрѣтили, щеголяющаго изяществомъ своей элокуціи въ бесѣдѣ съ членомъ редакціонной крестьянской коммиссіи Линютинымъ. Онъ вполнѣ *парадно* занималъ ввѣренный ему большой постъ въ тогдашней администраціи, пользовался особенною милостью въ высшихъ сферахъ и почитался представителемъ „европейскаго начала“ и „умѣреннаго либерализма“ въ общемъ характерѣ государственной политики.

Троекуровъ зналъ его еще молодымъ человѣкомъ и состоялъ съ нимъ въ нѣкоторомъ родствѣ. Они впрочемъ давно потеряли другъ друга изъ вида, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ состояли на службѣ на противоположныхъ окраинахъ Имперіи. Рѣшеніе дѣла, по которому пріѣхалъ Борисъ Васильевичъ въ Петербургъ, не зависѣло отъ Паванова, но онъ занималъ настолько важное положеніе, что могъ, какъ говорится, „многое сдѣлать“, и *направить*, и поговорить, и повліять. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Троекуровъ и рѣшился поэтому прежде всего повидаться и посовѣтоваться съ нимъ, какъ-то инстинктивно отдаляя на второй планъ свиданіе съ графомъ Анисьевымъ, бывшимъ своимъ сослуживцемъ по полку, но съ которымъ еще тогда развело его совмѣстное ихъ исканіе любви все той же Ольги Елпидифоровны Ранцовой, во всей прелести молодости и красоты появившейся въ

ту пору на петербургскомъ горизонтѣ. Все это теперь уже потеряло всякій смыслъ, но на особую готовность Анисьева сдѣлать ему пріятное Борисъ Васильевичъ никакъ не разсчитывалъ.

Въ сѣняхъ большаго казеннаго дома, занимаемаго Павановымъ, облекалась въ пальто и шинели только-что вышедшая изъ пріемной сановника толпа лицъ въ мундирахъ всякаго шитья, класса и вида. Троекуровъ, невольно морщась отъ этой давно имъ невиданной петербургской „казенщины“, быстро поднялся, сторонясь отъ нея, по ступенямъ, и велѣлъ доложить о себѣ.

— Пожалуйте, поспѣшно проговорилъ стоявшій тутъ курьеръ съ бляхою, и побѣжалъ впередъ, шаркая ножками, съ ужасною торопливостью въ движеніяхъ и необыкновенною озабоченностью въ физіономіи.

— Salut, monsieur le grand propriétaire! возгласилъ самъ Павановъ, идя навстрѣчу пріѣзжему изъ глубины огромнаго кабинета, въ который введенъ былъ этотъ:— j'ai abrégé d'un quart d'heure mon пріемъ habituel, чтобъ имѣть возможность дать вамъ четверть часа предъ комитетомъ. La Russie est le pays des comités, comme vous le savez, — прибавилъ онъ съ величественною игривостью, — и у меня таковой собирается сегодня въ часъ пополудни... Немногочисленный впрочемъ на этотъ разъ и не обѣщающій, къ счастію, насколько я могу предвидѣть, затянуться до порога вѣчности. Prenez place, je vous prie!

Онъ былъ, *подомашнему*, въ короткой жакеткѣ, съ сигареткой въ зубахъ, но такъ же изященъ, сладкорѣчивъ и помпёзенъ, какъ если бы былъ облеченъ во всѣ свои регаліи (злые языки увѣряли, что онъ, обвязывая себѣ на ночь предъ зеркаломъ голову фуляромъ, посылалъ поцѣлуй своему отраженію въ стеклѣ и съ тою же помпёзностью произносилъ: „Monsieur l'homme d'état, j'ai bien l'honneur de vous souhaiter une bonne nuit“). Онъ глядѣлъ на Троекурова зоркимъ и нѣсколько безпокойнымъ взглядомъ, очевидно выискивая на лицѣ человѣка свѣжаго, не видавшаго еще его въ его гран-

дерахъ, то впечатлѣніе, какое производилъ на него всѣмъ этимъ своимъ офиціальнымъ изяществомъ.

Но тотъ только поклонился, сѣлъ и проговорилъ учтиво и холодно:

— Я буду вамъ очень благодаренъ за эту „четверть часа“.

Павановъ повелъ еще разъ на него глазами — и остался не совсѣмъ доволенъ повидимому этою благодарностью, лишенною всякаго *пыла*. Голосъ его зазвучалъ съ примѣсью нѣкоей уже какъ бы строгости въ выраженіи:

— Я тѣмъ болѣе желалъ имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, что еще очень недавно... en haut lieu,—промолвилъ онъ почтительно и таинственно,—мнѣ было говорено о васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ невозмутимо Троекуровъ: — чѣмъ я заслужилъ эту честь?

Сановникъ чуть-чуть усмѣхнулся и пожалъ плечами, но такъ, что весьма трудно было угадать, какой именно его мысли должно было отвѣчать это движеніе:

— Vous n'êtes pas, il me semble, dans les bonnes grâces de monsieur Hertzen, или, по крайней мѣрѣ, кореспондентовъ его въ вашей мѣстности? подчеркнулъ онъ.

— А, рѣчь все объ этомъ! засмѣялся уже самымъ откровеннымъ образомъ его собесѣдникъ:—вы поручили даже провѣрить ихъ сообщеніе обо мнѣ въ Лондонѣ?

Тотъ какъ бы нѣсколько смутился и поморщился:

— Вы введены въ заблужденіе, кажется, промямлилъ онъ.

— Это совершенно естественно впрочемъ: разъ было „говорено“, вы должны были навести объ этомъ справки, какъ бы въ успокоеніе его и не замѣчая его отрицанія, молвилъ Троекуровъ.—Дѣло идетъ, не такъ-ли, о томъ, что я, встрѣтившись съ однимъ господиномъ на дорогѣ, наказалъ его нагайкой по лицу?

Въ глазахъ Паванова выразилось какое-то тревожное недоумѣніе. Эта прямая, краткая, „n'allant pas par quatre chemins“, какъ говорятъ Французы, нисколько, очевидно, не обращающая вниманія на его офиціальное величіе, рѣчь была такъ мало въ обычаяхъ того міра, гдѣ игралъ онъ свою выдающу-

юся роль! Рѣчь эта шла притомъ изъ устъ человѣка *его* воспитанія, *его* круга, независимаго, очевидно, столько же по характеру своему, сколько по состоянію, котораго ни запугать поэтому, ни купить ничѣмъ нельзя. Разговоръ съ такимъ человѣкомъ выбивалъ нѣсколько нашего сановника изъ сѣдла.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ онъ съ примирительною какъ бы улыбкой,—угодно было передать это господину Герцену въ своемъ задорномъ, позволю себѣ назвать его, листкѣ.

— Передано совершенно вѣрно, промолвилъ Троекуровъ.

— Вы сами это подтверждаете?

— Я самъ.

— Vous m'avouerez que c'est pourtant violent! воскликнулъ Павановъ, вскидывая даже обѣ руки кверху.

— Это зависитъ... отъ нервовъ, сказалъ все съ тѣмъ же хладнокровіемъ Борисъ Васильевичъ;—а я попрошу васъ выслушать отъ меня эту исторію со всѣми объясняющими ее мотивами, и затѣмъ *буквально* передать ее туда, гдѣ интересовались ею, такъ какъ она можетъ служить лучшимъ обращикомъ того безпомощнаго положенія, въ которое ставитъ въ настоящую минуту всѣхъ людей порядка въ Россіи полное отсутствіе въ ней власти и системы въ управленіи.

Лицо сановника замѣтно удлиннилось и отучилось.

— Я васъ слушаю! вздохнулъ онъ, откидывая руку за спинку кресла и принимая живописную, не то скучающую, не то благоволяще-внимающую позу.

Троекуровъ со свойственною ему сжатостью и рѣзкою опредѣлительностью выраженія передалъ ему все, что̀ извѣстно читателю о подвигахъ Иринарха Овцына, о дерзкихъ письмахъ, адресованныхъ имъ „живущей въ его, Троекурова, домѣ молодой родственницѣ его жены“ (онъ не назвалъ ея по имени), о попыткѣ его возмутить крестьянъ и подговорѣ „бѣднаго юноши-студента, сына севастопольскаго героя Юшкова“, къ разсылкѣ возмутительныхъ прокламацій и пр., о томъ наконецъ „невѣроятномъ хаосѣ понятій и дѣйствій“, при которомъ завѣдомый агитаторъ находитъ себѣ сочувственниковъ, потворщиковъ и освободителей не только въ какихъ-нибудь *ученыхъ*

полковникахъ Блиновыхъ, но и въ тѣхъ самыхъ „чинахъ полиціи явной и тайной“, на прямой обязанности которыхъ „лежитъ огражденіе государства и общества отъ подобныхъ негодяевъ“...

Павановъ слушалъ его съ невольно возраставшимъ любопытствомъ и какъ бы съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ негодованію, прорывавшемуся въ словахъ Бориса Васильевича. Онъ утвердительно покачивалъ головой, приподымалъ плечи, не то уныло, не то презрительно ухмылялся и повздохивалъ: глаза его все поощрительнѣе и любезнѣе глядѣли на говорившаго.

— Живую картину нынѣшняго положенія вещей, заговорилъ онъ, едва тотъ кончилъ,—картину, которая такъ барельефно, если можно такъ выразиться, выступаетъ изъ вашего сенсаціоннаго разсказа, я уже давно рисовалъ себѣ мысленнымъ окомъ изъ тѣхъ офиціальныхъ, конечно безжизненныхъ, не одѣтыхъ, такъ сказать, въ плоть и кровь, но тѣмъ не менѣе заключающихъ въ себѣ извѣстную долю вѣрныхъ указаній, данныхъ, которыя получаются мною изъ провинцій. Картина несомнѣнно печальная и заставляющая призадуматься!— Онъ развелъ руками, сдѣлалъ длинную, многозначительную паузу и продолжалъ затѣмъ:—Я очень вамъ благодаренъ за ваше объясненіе. Les motifs qui vous ont pour ainsi dire fatalement poussé à châtier ce mauvais drôle sont parfaitement légitimes, quoique violents,—игриво домолвилъ онъ,—и я признаю, que tout gentilhomme à votre place en aurait fait autant... Но, если вы совершенно ясно для себя разумѣли, какъ слѣдовало поступать вамъ въ данномъ случаѣ, весьма замѣчательно, какъ симптомъ времени, то, что остальныя дѣйствующія лица въ этомъ эпизодѣ, этотъ господинъ ученый офицеръ, l'исправникъ e tutti quanti, поступили діаметрально противоположно тому, чтò *ихъ* долгъ имъ предписывалъ.

Онъ замолкъ и уставился на своего собесѣдника, какъ бы предоставляя ему обсудить всю необычайную глубину выраженнаго имъ мудрствованія.

Троекуровъ въ свою очередь теперь поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ:

— Симптомъ совершенно понятный: люди дѣлаютъ противно своему долгу *потому*, что знаютъ, что могутъ это дѣлать безнаказанно. Все зависитъ—какъ къ этому относятся *сверху*.

Павановъ вдругъ наклонился къ нему и прошепталъ:

— Nous ne pouvons rien; le torrent nous emporte.

Кровь кинулась въ голову Троекурова.

— И это говорите вы, воскликнулъ онъ неудержимо,—вы, люди власти, которымъ теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, предлежитъ дать камертонъ всему характеру царствованія, всей начинающейся съ него новой русской исторіи!... Вы не поняли, что, давъ волю народу, воспитанному вѣками рабства, то-есть, другими словами, совершивъ революцію правительственною рукой, вы должны были удесятерить силу этой руки въ виду хотя бы упраздненія тѣхъ „даровыхъ полицеймейстеровъ“ *), которыхъ имѣла она въ лицѣ помѣщиковъ... А вы про „torrent“ говорите! Какой это „torrent“? Не та-ли открытая проповѣдь безбожія и анархіи, которую само правительство распространяетъ по Россіи за подписью своихъ цензоровъ?... Вы, извините меня, какъ заяцъ басни, пугаетесь тѣни собственныхъ вашихъ ушей...

— Ecoutez, mon cher Троекуровъ... car nous sommes cousins, ce me semle? — вспомнилъ вдругъ кстати Павановъ, совершенно тонко разсудивъ, что въ качествѣ родственника онъ могъ выслушивать то, что̀ въ положеніи сановника не приличествовало ему терпѣть со стороны лица̀, въ нѣкоторой степени ему подначальнаго:—vous prêchez un converti. Не разъ пытался я заявить высказанный вами сейчасъ, безусловно правильный, принципъ въ средѣ государственныхъ лицъ, quorum pars *minima sum*,—вставилъ онъ, скромно и находчиво переиначивая къ случаю стихъ римскаго поэта;—но это былъ неизмѣнно гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Вы требуете „силы“? Она у насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ теперь отсутствуетъ. Le „Русскій богатырь“, comme a dit Пушкинъ,

*) Извѣстное выраженіе императора Павла I.

дѣйствительно „покоится“ pour le moment „на постели“ *). Да и была-ли она у него, pour dire vrai, когда-либо и раньше, *истинная* „сила“, у этого soi-disant „богатыря“ безъ культуры и гражданственности.

Изящныя черты сановника приняли вслѣдъ за этимъ столь категорически поставленнымъ вопросомъ чуть не гадливое выраженіе.

— „Russia is a great humbugh“ **), écrivait lord Palmerston à son frère en 1835, c'est à dire, aux plus beaux jours encore du règne précédent. Tenons-nous cela pour dit! заключилъ онъ рѣшительно и строго.

„И жить въ странѣ, управляемой людьми, презирающими ее!“ пронеслось скорбнымъ и язвительнымъ помысломъ въ мозгу бывшаго Кавказца.

— Скажите, спросилъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ,— куда же можетъ притти Россія при такихъ убѣжденіяхъ ея правителей?

— La Russie marche vers l'inconnu, къ великому неизвѣстному *иксу!* счелъ даже нужнымъ перевести и приправить Павановъ, сопровождая эту фразу рисующимся движеніемъ головы и руки, какому могъ бы позавидовать знаменитѣйшій ораторъ Запада.

Борисъ Васильевичъ прикусилъ себѣ губу, чтобы не отвѣчать рѣзкостью, просившеюся ему на языкъ и которую онъ считалъ совершенно безполезною. „Тутъ ничего не подѣлаешь“, разсудилъ онъ... Ему оставалось только обратить скорѣе опять разговоръ съ почвы общихъ разсужденій на предметъ, съ котораго онъ начался.

— У меня къ вамъ просьба, сказалъ онъ торопливо и не ожидая отвѣта:—я сейчасъ передавалъ вамъ о почтенномъ человѣкѣ, единственный сынъ котораго, прекрасный по душѣ, но слабовольный юноша, соблазненъ былъ этимъ... нигилистомъ, товарищемъ его по университету, къ поступку совершенно безсмысленному, за который однако можетъ ждать его

*) „Клеветникамъ Россіи“.
**) Россія—большое надувательство.

весьма тяжелое наказаніе. Я пріѣхалъ теперь въ Петербургъ единственно съ цѣлью спасти несчастнаго, если можно... Оказавъ мнѣ въ этомъ случаѣ помощь вашимъ вліяніемъ, вы сдѣлали бы поистинѣ хорошее дѣло.

— Я всегда душевно готовъ дѣлать ихъ, насколько дозволяютъ это мои силы и средства, отвѣчалъ Павановъ (онъ былъ дѣйствительно весьма мягкосердый по натурѣ и даже не безъ великодушія при случаѣ человѣкъ);—о вашемъ юношѣ мы будемъ имѣть возможность переговорить чрезъ нѣсколько минутъ,—промолвилъ онъ, взглянувъ на стоявшіе на его письменномъ столѣ часы, — переговорить съ тѣмъ, кто въ этомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо вамъ полезнѣе, чѣмъ я... Vous le connaissez certainement, le comte Анисьевъ? Vous avez été, je m'en souviens, son camarade de régiment aux temps heureux où vous étiz très jeune et où je l'étais *encore*, подчеркнулъ онъ съ полувздохомъ.

— Вы очень мало перемѣнились съ тѣхъ поръ, увидѣлъ себя какъ бы вынужденнымъ Троекуровъ отпустить ему въ благодарность эту любезность.

Тотъ будто только этого и ждалъ, широко улыбнулся и благодарно въ свою очередь наклонилъ голову, но тутъ же вздохнулъ опять и, приподнявъ въ видѣ опроверженія одинъ изъ своихъ великолѣпныхъ бакеновъ, подернутыхъ весьма уже замѣтною сѣдиной, процитовалъ чистѣйшимъ остзейскимъ акцентомъ изъ пролога къ Фаусту:

Ach, gieb mir wieder jene Triebe,
Das tiefe schmerzenvolle Glück,
Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe,
Gieb meine Jugend mir...

— Вашему сіятельству! прервалъ онъ себя, не договоривъ стиха, двигаясь съ мѣста съ живописно протянутою рукой ко входившему безъ доклада графу Анисьеву:—les oreilles devaient vous tinter tout à l'heure: мы только-что упоминали ваше имя со старымъ вашимъ однополчаниномъ...

— Ахъ, Троекуровъ, какъ я радъ тебя видѣть! Сколько лѣтъ!... воскликнулъ самымъ радостнымъ тономъ тотъ, по-

спѣшно кидаясь къ нему и потрясая ему руку обѣими своими: — въ отставкѣ, мировымъ посредникомъ, ландъ-лордомъ, да? Знаемъ, знаемъ: une femme adorable, денегъ куры не клюютъ, со всякимъ честолюбіемъ распростился, „la simple fleure orne ma boutonnière“, comme dit la chanson de Béranger, — словомъ, счастливецъ, заслуживающій всякой зависти! Какъ это ты рѣшился удостоить нашу Ингерманландію своимъ посѣщеніемъ?

— Вы вѣроятно удивитесь, засмѣялся Павановъ,—узнавъ, что мы этимъ главнымъ образомъ обязаны, кажется, вамъ.

— Мнѣ? удивился блестящій генералъ:—очень радъ: чѣмъ могу служить? промолвилъ онъ съ легкою уже задержкой и зорко глянулъ въ лицо Троекурова.

Дверь кабинета отворилась еще разъ и, вслѣдъ за громко и отчетливо выговореннымъ докладомъ курьера: „статсъ-секретарь Ягинъ“, вошло новое лицо.

Это былъ господинъ малаго роста, на короткихъ ножкахъ, со шлепающими губами рта до ушей и гладко выбритымъ зеленымъ лицомъ, представлявшимъ какъ бы нарочно и тщательнѣйшимъ образомъ высортированный specimen петербургскаго гемороидальнаго субъекта. Голову этого господина покрывалъ фантастически-каштановаго цвѣта парикъ. Облеченъ онъ былъ въ вицъ-мундиръ съ двумя звѣздами, форменно застегнутый на двѣ нижнія пуговицы, и держалъ подъ мышкой новешенькій портфель, изъ такъ-называемыхъ „министерскихъ“, заключавшій въ себѣ, судя по раздутости его боковъ, не малое количество всякой писаной бумаги.

— Подземный гномъ рядомъ съ Аполлономъ Бельведерскимъ! шепнулъ насмѣшливо Анисьевъ на ухо Троекурову, пока вошедшій обмѣнивался съ хозяиномъ взаимными рукожатіями.

— У васъ комитетъ сейчасъ, и я ухожу, молвилъ ему въ свою очередь Борисъ Васильевичъ, слегка усмѣхнувшись сравненію,—а мнѣ дѣйствительно надо поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ. Когда могу я застать тебя?

Тотъ не успѣлъ отвѣтить: „Аполлонъ Бельведерскій„ подходилъ къ нимъ съ „гномомъ“ подъ руку и съ какою-то по-

бѣдною улыбкой на устахъ, словно и самъ говоря; „полюбуйтесь контрастомъ!..“

— Позвольте, ваше превосходительство, говорилъ онъ ему со своимъ пѣвучимъ эмфазомъ, — познакомить васъ съ родственникомъ моимъ, Борисомъ Васильевичемъ Троекуровымъ, однимъ изъ значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ и уважаемѣйшихъ мировыхъ посредниковъ ***ской губерніи, привезшимъ изъ своей мѣстности весьма интересныя свѣдѣнія. Я осмѣлюсь думать, что нашъ собравшійся теперь au complet комитетъ *трехъ*, коего задача состоитъ въ уясненіи причинъ распространенія между молодежью, преимущественно университетскою, антиправительственнаго и даже антиобщественнаго направленія мыслей и въ соображеніи затѣмъ о могущихъ быть пріемлемыми противъ сего мѣропріятіяхъ,—что комитетъ нашъ, говорю, можетъ почерпнуть изъ этихъ свѣдѣній указанія, весьма для себя полезныя. Они драгоцѣнны уже тѣмъ, что идутъ отъ лица, вполнѣ независимаго по своему общественному положенію, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ, по тѣмъ официальнымъ обязанностямъ, кои Борисъ Васильевичъ изъ гражданскаго чувства принялъ на себя въ мировомъ институтѣ, имѣло возможность наблюдать, такъ сказать, изъ окна rez de chaussée новыя явленія выходящей нынѣ изъ купели крестьянской реформы русской общественной жизни въ нашей провинціи.

— Какъ же-съ, слышалъ, произнесъ на это глухимъ и загадочнымъ тономъ Ягинъ.

Онъ съ той минуты, какъ было произнесено имя Троекурова, и во все время, пока Павановъ изливалъ музыкальныя волны своей рекомендательной рѣчи, поглядывалъ съ какимъ-то будто недоброжелательнымъ вниманіемъ на Бориса Васильевича.

— О чемъ это именно изволили вы слышать? нѣсколько рѣзко спросилъ его тотъ. Желчь поднялась въ немъ.

— О вашей... дѣятельности, подчеркнулъ какъ бы съ легкой язвительностью Ягинъ, захватывая двумя пальцами съ каждой стороны виски своего парика и передергивая его на черепѣ.

Глаза Троекурова блеснули мгновеннымъ острымъ бле-

скомъ... Но Павановъ не далъ ему времени на отвѣтъ. Съ чуткостью и находчивостью человѣка, до тонкости вышлифованнаго долгимъ треніемъ всякихъ служебныхъ и придворныхъ отношеній, онъ тотчасъ же угадалъ, откуда могло произойти взаимное нерасположеніе другъ ко другу двухъ лицъ, встрѣчающихся теперь очевидно въ первый разъ въ жизни, и поспѣшилъ отклонить грозившее произойти отъ этого столкновеніе.

— Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ опять,—изложитъ намъ, si le coeur lui en dit, весьма знаменательный, сколько я понимаю, фактъ революціонной пропаганды, начинающей появляться уже не только въ тѣсныхъ предѣлахъ Васильевскаго Острова, но и на широкомъ просторѣ весей и селъ средней Россіи... А въ связи съ этимъ, — примолвилъ онъ, подчеркивая, — мы услышимъ не менѣе заслуживающій вниманія разсказъ, какъ самъ онъ, или, вѣрнѣе, одинъ изъ его поступковъ, истекающій, такъ сказать, изо всего синтеза этого факта пропаганды, попалъ въ искаженной передачѣ въ *Колоколѣ* господина Герцена...

— Которому, между прочимъ, вставилъ какъ бы en passant графъ Анисьевъ,—нанесенъ недавно изъ Москвы весьма значительный ударъ! *)

Лицо Ягина исказилось вдругъ проступившею на немъ злостью. Онъ передернулъ еще разъ парикъ свой и проговорилъ, кривя губы на сторону:

— Причемъ поступлено противу всѣхъ цензурныхъ правилъ... Петербургскимъ органамъ печати запрещено воспроизводить эту *московскую*, — ядовито отчеканилъ онъ, — незаконно появившуюся статью и говорить о ней...

— Полагаю, это совершенно безполезно теперь: впечатлѣніе свое она *произвела*, улыбаясь, но съ особенною вѣскостью въ выраженіи возразилъ Анисьевъ.

Павановъ быстро воззрился въ него и тотчасъ же понялъ, что̀ означала эта вѣскость въ устахъ блестящаго генерала.

---

*) Извѣстная статья въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (августъ 1862) противъ *Колокола*.

— Дѣльно, сильно, смѣло! поспѣшилъ онъ выразить со своей стороны одобреніе, съ Тацитовскою уже на этотъ разъ сжатостью редакціи.

— А развѣ противъ Герцена *нельзя* писать въ Россіи? спросилъ, обращаясь къ нему и принимая самый наивный видъ, Троекуровъ.

— Nous sommes censés l'ignorer, съ тончайшею ироніей отвѣтилъ онъ, слегка склоняя голову.

Ягинъ, съ подергивавшею его губы судорогой, уложилъ портфель свой на столъ и, доставъ ключикъ изъ кармана брюкъ, принялся молча отмыкать замокъ.

— Да, Троекуровъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за исторія про тебя въ *Колоколѣ:* кого ты тамъ у себя въ княжествѣ нагайкой отстегалъ? спрашивалъ между тѣмъ его графъ Анисьевъ, держась все того же добродушнаго, товарищескаго тона.

— Ну, это долго разсказывать, а я ухожу! морщась отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ и взялся за шляпу.

— Attendez un moment, cher ami, остановилъ его Павановъ движеніемъ руки.—Je m'en vais conter cela pour votre instruction particulière, обратился онъ къ Анисьеву съ грандіозностью уже совершеннаго Олимпійца.

И съ изумительною точностью, свидѣтельствовавшею о его замѣчательной способности къ резюмированію—качествѣ, столь цѣнимомъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ,—принялся онъ, ничего не забывая, передавать все, что̀ было сообщено ему Троекуровымъ.

Анисьевъ, сосредоточенно и внимательно покручивая свой длинный, à la Napoléon III, усъ, прислушивался къ его рѣчи. Ягинъ, отомкнувъ свой портфель и вынувъ изъ него бумаги, передергивалъ парикъ свой съ видомъ человѣка, для котораго то, что̀ его заставляютъ слушать, не представляетъ ничего занимательнаго, а еще менѣе важнаго по своему значенію.

— Д-да, залопоталъ онъ губами съ какимъ-то, не то бабьимъ, не то змѣинымъ шипѣніемъ, когда тотъ кончилъ,— очень печально, конечно, что молодой человѣкъ разсылалъ прокламаціи и попался послѣ того въ руки жандармовъ... Но

вѣдь это не болѣе какъ частный случай, изъ котораго нельзя вывести никакого общаго заключенія.

— Ваше превосходительство позволите мнѣ, надѣюсь, не вполнѣ присоединиться къ выраженному вами мнѣнію, возразилъ Павановъ:—студентъ, разсылающій и попадающійся, есть дѣйствительно фактъ акцидентальный, но фактъ нормальный—нашъ теперешній студентъ вообще, желающій заниматься не науками, а политическими утопіями.

— Онъ будущій гражданинъ, — и гемороидальное лицо Ягина озарилось при этомъ какою-то идиллическою лучезарностью:—онъ долженъ себя готовить къ этому.

— Прокламаціями? неудержимо вырвалось у Троекурова.

Тотъ скривилъ губы опять:

— Свободою, которую слѣдуетъ предоставить ему...

— Какою? губить другихъ, или самому итти въ Сибирь?

— Прежде всего утвержденіемъ свободы не учиться, пропѣлъ насмѣшливо Павановъ, — этою столь дорогою русскому человѣчеству привилегіей, которая понынѣ создавала ему завидное положеніе илота и паріи цивилизованнаго міра.

Ягинъ изобразилъ ртомъ что-то, имѣвшее очевидно намѣреніе быть принятымъ за улыбку, и зашипѣлъ опять своимъ змѣино-бабьимъ голосомъ:

— Я всегда, вы знаете, цѣню вашу аттическую соль и обширное образованіе, Алексѣй Павловичъ, — но въ этомъ вопросѣ вы придерживаетесь, къ сожалѣнію, слишкомъ традиціонной точки зрѣнія на предметъ и не желаете какъ будто признать требованій, выражаемыхъ теперь такъ громко русскою печатью. Общественное мнѣніе очевидно желаетъ либерализма и реальности, какъ основныхъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія будущихъ нашихъ гражданъ. Мы не можемъ итти противъ литературы и общества... Я привезъ вамъ кстати записку о предполагаемой реформѣ всей нашей системы образованія на этихъ началахъ,—примолвилъ онъ уже шепоткомъ, таинственно отводя Паванова нѣсколько въ сторону:—надѣюсь, что вы не откажете содѣйствовать намъ вашимъ европейскимъ взглядомъ...

Павановъ былъ побѣжденъ. Онъ съ умиленіемъ въ чер-

тахъ взглянулъ теперь на говорившаго, взялъ его за руку и долго трясъ ее, говоря, что онъ „отыметъ ото сна тѣ недостающіе ему, за обширностью занятій по собственному его вѣдомству, часы, которые онъ намѣревается посвятить подробному изученію этой записки; въ серьозномъ же достоинствѣ ея онъ увѣренъ заранѣе, зная, подъ чьимъ *умнымъ* и *тонкимъ* руководствомъ она составлена“ и т. д.

— Хорошъ? подмигивалъ Троекурову тѣмъ временемъ Анисьевъ, отходя съ нимъ къ окну и кивая на Ягина.

— Какъ этакіе люди попадаютъ во власть! мрачно молвилъ тотъ.

— Эвона! Точно ты не знаешь, кто за нимъ стоитъ. У насъ, милый мой, человѣкъ на мѣстѣ никогда не бываетъ сынъ своихъ дѣлъ, а всегда чья-нибудь креатура... Да,—вспомнилъ онъ,—твоего этого молодаго человѣка, Юшкова, вчера привезли. Я имѣю свѣдѣніе, что ему уже былъ данъ допросъ. Во всемъ признается, но никого изъ сообщниковъ не называетъ...

— Очень просто, потому что какіе же у него сообщники? Я присутствовалъ при арестованіи его и разборѣ его бумагъ; ничего не нашли, кромѣ клочковъ записки отъ этого негодяя Овцына, приглашавшаго его на свиданіе. Онъ просто-на-просто, какъ мальчишка, исполнилъ то, что приказалъ ему тотъ, ровно ничего другаго не зная.

— Скажи, спросилъ съ любопытствомъ Анисьевъ,—этотъ Овцынъ дѣйствительно тебѣ родня?

— По женѣ: онъ ей двоюродный братъ.

— C'est un luron qui a du toupet! Онъ опять удралъ за границу и прислалъ намъ оттуда дерзкое письмо, въ которомъ говоритъ между прочимъ, что проѣхалъ чрезъ нее въ мундирѣ жандарма... Вретъ, разумѣется!...

— А я полагаю, что не только не вретъ, а что и мундиръ-то ему досталъ доброхотъ изъ того же жандармскаго вѣдомства.

Блестящій генералъ пожалъ пренебрежительно плечами:

— Что ты хочешь, mon cher! Чтобъ имѣть вѣрныхъ и

способныхъ людей, нужны деньги. А въ деньгахъ министерство финансовъ постоянно отказываетъ.

— А что же, долго, думаешь ты, продержатъ этого бѣднаго юношу? Отъ него, говорю тебѣ, ровно ничего выжать нельзя, кромѣ голаго факта надписанія имъ адресовъ на конвертахъ этихъ прокламацій и сдачи ихъ въ почтовую контору, началъ опять Борисъ Васильевичъ.

— Да, придется еще ему посидѣть пожалуй, не сейчасъ отвѣтилъ Анисьевъ.

— Для чего же это?

— Для очищенія совѣсти, милый мой. Дѣломъ о распространителяхъ этихъ прокламацій очень интересовались, а захватить не удавалось пока никого. И вотъ нашелся наконецъ кто-то. Ну, само собой, съ радости и позаймутся имъ подольше... Развѣ вотъ эта полемика противъ Герцена ему поможетъ, промолвилъ онъ нежданно.

— Это какъ? воскликнулъ въ изумленіи Троекуровъ.

Тотъ улыбнулся своею многозначительною улыбкой и вполголоса промолвилъ:

— On se sent beaucoup plus fort depuis qu'on a trouvé un appui inattendu dans la presse. А при этомъ, разумѣется, исчезаетъ вниманіе къ мелочамъ, представлявшимся опасными...

— Надолго-ли же вы окрѣпли? спросилъ съ невеселою усмѣшкой Троекуровъ.

— Само собою, нѣтъ! точно обрадовавшись, засмѣялся его собесѣдникъ:—nous serons immanquablement repris par le courant...

„Да что это у нихъ: пароль и лозунгъ?“ чуть не съ отчаяніемъ подумалъ Борисъ Васильевичъ.

— J'espère, cher comte, que vous vous êtes entendus avec notre ami Troekourof? любезно спросилъ, отрываясь отъ бесѣды съ Ягинымъ и глядя на нихъ черезъ спину, хозяинъ кабинета.

— Мы съ нимъ еще увидимся... Не правда-ли? промолвилъ блестящій генералъ, горячо пожимая опять руку старому однополчанину, котораго зналъ за человѣка „характернаго“ и потому почиталъ нужнымъ „ублажить“.

— Да, сказалъ онъ съ полуусмѣшкой, — предваряю тебя, что не уѣду изъ Петербурга, какъ у васъ здѣсь ни мерзко, прежде чѣмъ не добьюсь того, за чѣмъ сюда пріѣхалъ.

— А ты, я вижу, засмѣяся Анисьевъ,—все тотъ же бѣдовый, comme dans le temps, когда, помнишь, чуть не отправилъ ad patres бѣднаго Ордынцева изъ-за beaux yeux Ольги Елпидифоровны Ранцовой, нынѣ княгиня Шастуновой... A propos, mon cher, что это за глупыя исторіи у нея съ бельмерой?..

— „Исторіи“ для нея всякія кончились, отрѣзалъ Троекуровъ:—она на томъ свѣтѣ.

— Что ты?

— Умерла вчера въ Москвѣ, въ гостиницѣ Шевріе, гдѣ я останавливаюсь...

Анисьевъ склонилъ голову и раскинулъ руками:

— Finita la comedia, значитъ! А вѣдь это типъ былъ, милый мой, l'aventurière russe, а?...

Борисъ Васильевичъ, не отвѣчая, кивнулъ ему въ знакъ прощанія и направился къ двери.

Павановъ пошелъ за нимъ. Онъ, какъ это бываетъ съ хорошенькими женщинами, чувствовалъ потребность *очаровать* и *заполонить* окончательно этого родственника своего, „строптивца“, не поддававшагося, чувствовалъ онъ, легко тому обаянію, которое мнилъ онъ производить на все, до чего лишь достигала сфера его сіянія.

— Надѣюсь, до свиданія!.. Venez me voir sans façon, en cousin... en ami, звучалъ теперь сладкою свирѣлью его голосъ:—vous ne rencontrerez pas toujours ici mon collègue Ягинъ, который вамъ, я видѣлъ, рѣшительно не понравился, — шепнулъ онъ ему на ухо, ласково продѣвая руку подъ его локоть:—un homme d'esprit du reste, quelque peu... *lilas*, — une nuance du *rouge*, comme vous le savez.

И новая очаровательнѣйшая улыбка, вызванная удовольствіемъ, которое производило на него это его столь удачное собственное *mot*, разцвѣла на устахъ величественнаго сановника.

Они остановились у самыхъ дверей. Троекуровъ молча и

какъ бы разсѣянно поводилъ глазами на него, на его „коллеговъ“, ожидавшихъ конца ихъ разговора...

— Вы насъ всѣхъ *судите* въ эту минуту, я это угадываю, замѣтилъ вдругъ Павановъ:— вы давно не видали Невскую столицу, ея офиціальный міръ, и редактируете теперь въ головѣ изъ суммы вынесенныхъ вами впечатлѣній вашъ приговоръ о немъ. Je serais curieux de le connaître, votre arrêt?

— Я вамъ скажу, быстро вскидывая голову, сказалъ Борисъ Васильевичъ:—въ Россіи надѣяться можно теперь лишь развѣ на одного Господа Бога...

— Très juste! добродушнѣйшимъ образомъ согласился сановникъ и—такъ же добродушно засмѣялся: — „il y a longtemps que les fonctions du русскій Богъ ont cessé d'être une sinécure“, какъ сказалъ ce bon Тютчевъ...

VII.

Nous ne sommes jamais populaires que par le mauvais côté de notre nature; la renommée est presque toujours la part du mal dans la vie de l'homme.

Capefigue.

Геніальнаго человѣка я люблю нѣсколько глупымъ.

Достоевскій. *Бѣсы.*

Троекуровъ, выходя изъ этого казеннаго зданія,—онъ чувствовалъ себя болѣе еще, чѣмъ прежде, нервнымъ и злымъ,—сѣлъ въ карету и велѣлъ себя везти въ Большую Морскую, къ Дюссо: онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня и разсчитывалъ, что его дурное настроеніе успокоится вслѣдъ за утоленіемъ голода.

У Дюссо въ первой комнатѣ, кромѣ какого-то одиноко помѣстившагося у окна рыжеватаго бакенбардиста, очевидно Англичанина, методически посыпавшаго каенскимъ перцомъ поданную ему баранью котлету,—завтракали еще въ эту минуту за отдѣльнымъ столомъ, въ противоположномъ входной двери углу, трое господъ, оказавшіеся знакомыми Бориса Васильевича.

Съ двумя изъ нихъ читатель имѣлъ уже случай встрѣтиться мелькомъ въ самомъ началѣ нашего пространнаго разсказа. Одинъ былъ тотъ самый меломанъ-фанатикъ съ голымъ черепомъ и чертами лица, напоминавшими обликъ Сократа, рядомъ съ которымъ сидѣлъ въ Большомъ Театрѣ Кавказецъ Троекуровъ въ тотъ знаменательный для него вечеръ, когда,

вмѣстѣ съ вѣстью о падавшемъ ему съ неба огромномъ наслѣдствѣ, рѣшенъ былъ и вопросъ о бракѣ его съ Сашенькой Лукояновой. Звали этого фанатика Топыгинымъ.

Другой назывался Самуровъ. Это была знаменитость. Превосходный пейзажистъ прежде всего, онъ владѣлъ, кромѣ того, способностью писать жанровыя картинки, приходившіяся необыкновенно по вкусу его современникамъ. Далеко расходясь съ отсталыми понятіями какого-нибудь Гёте, такъ наивно порицавшаго въ своихъ соотечественникахъ ихъ „вѣчное исканіе *идей*, а *не впечатлѣній* въ твореніяхъ искусства“, *) художникъ нашъ, напротивъ, бился изо всѣхъ силъ провести хотя бы хвостикъ идейки въ каждомъ изъ своихъ произведеній... Самостоятельностью мышленія природа, къ сожалѣнію, одарила Самурова въ долѣ весьма несоразмѣрной съ его талантомъ, но онъ восполнялъ этотъ недостатокъ прилежнымъ прислушиваньемъ къ тому, что въ данную минуту представлялось ему „злобою дня“,— вѣрнѣе къ тому, что составляло въ эту минуту предметъ толковъ въ кружкахъ „прогрессивныхъ“ редакцій,—и компоновалъ соотвѣтственно сему каждую свою картину. „Злобы“ этой, благодаря артистическому своему такту, онъ впускалъ въ нее à point, какъ бы мимоходомъ, не напирая на нее, а давая чувствовать едва намѣченными бликами, тонкими, чуть не до робости иногда, штрихами. Но эта самая недописанность, эти намеки какъ бы изподтишка, при мастерствѣ его техники, обаятельной прелести его красокъ и филиграновой отдѣлкѣ деталей, доводили зрителей до восторга и заставляли ихъ предполагать въ художникѣ глубину мысли, ни съ чѣмъ не сравнимую. Крайніе изъ его поклонниковъ возводили его уже прямо въ превосходительный рангъ „носителя *народныхъ* идеаловъ“. Каждое изъ его полотенъ вызывало въ печати цѣлый ворохъ статей, въ которыхъ, по поводу все той же „идеи“, фантазія комментаторовъ разыгрывалась иногда до чертиковъ, до такихъ радикальныхъ толкованій, отъ которыхъ осторожному художнику приходилось въ

*) „Habt doch einmal die Courage euch den Eindrücken hinzugeben und denkt nicht immer, es wäre alles eitel, wenn es nicht irgend abstrakter Gedanke und Idee wäre“. *Изъ разговоровъ Гёте записанныхъ Экерманомъ.*

иныхъ мѣстахъ открещиваться и руками, и ногами, но которые втайнѣ доставляли ему величайшую отраду, укрѣпляя его въ сознаніи своего „политическаго“ значенія среди соотчичей, — о чемъ нашъ менѣе всего одаренный разумѣніемъ съ этой стороны живописецъ пресеріозно вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался и хлопоталъ.

Троекуровъ зналъ его давно и цѣнилъ его дарованіе, но пріязни между ними никогда не было. „C'est un poseur“, опредѣлялъ себѣ его внутренно Борисъ Васильевичъ. Самуровъ въ свою очередь, объявлявшій себя громко, да и почитавшій себя и въ самомъ дѣлѣ „демократомъ“, хотя самъ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ хорошему обществу и чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ невоспитаннымъ людямъ, испытывалъ какое-то странное, словно гнетущее, а потому вызывавшее въ немъ чуть не враждебное чувство, смущеніе каждый разъ, когда ему приходилось сходиться съ этою безспорно — онъ былъ слишкомъ артистъ, чтобы не понять этого,—*аристократическою* натурой, сильною и независимою.

Гаврилкинъ, третій изъ завтракавшихъ, былъ своего рода типъ. Чистѣйшій прежде всего продуктъ воззрѣній и обычаевъ петербургско-„западническаго“ журнальнаго муравейника сороковыхъ годовъ, забавный и изобрѣтательный на выдумки какъ баронъ Мюнхаузенъ, невоздержный на языкъ какъ базарная кумушка, онъ обладалъ совершенно французскимъ благёрствомъ и неисчерпаемою *verve* злословія. Быстроглазый и юркій, онъ былъ другъ и пріятель со всѣмъ міромъ, — и про лучшихъ пріятелей своихъ и амфитріоновъ распускалъ разсказы самаго миѳическаго свойства, нарождавшіеся разомъ тысячами, словно весной цвѣты на лугахъ, въ его необузданномъ воображеніи. Дѣлалось это безо всякаго повода, даже безъ настоящей злобы. Онъ поносилъ и переносилъ, сплетничалъ и клеветалъ, wie der Vogel singt, der in den Zweigen wohnet, изъ неотразимой потребности своей уже такъ видно устроенной гортани. И чѣмъ ближе были къ нему люди, тѣмъ старательнѣе выводилъ онъ по адресу ихъ эту свою птичью пѣсню... „Для этого у него нервъ такой ужь особенный, феноменальный, существуетъ“, пресеріозно утверждалъ Топыгинъ, не разъ выручавшій Гав-

рилкина въ трудныя минуты жизни, и про котораго за это тотъ, клянясь и бія себя въ грудь въ подтвержденіе „святой истины“ своихъ словъ, разсказывалъ въ кругу общихъ ихъ друзей, что Топыгинъ простиралъ „мерзость своего скаредничества“ до того, что „содралъ парчу съ гроба роднаго отца и продалъ ее Жиду,—даже выискалъ для этого совсѣмъ особеннаго Жида-Шейлока, злющаго ненавистника христіанъ, чтобъ испытать при этомъ полное *сладострастіе отъ своего святотатства*“...

Троекуровъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, какъ былъ знакомъ со всѣмъ міромъ, возбуждалъ въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ Самуровѣ, непріязненное къ себѣ чувство. Учтивая холодность Бориса Васильевича, его какъ бы нѣсколько брезгливая сдержанность придавливали Гаврилкина. „Не подойдешь къ этому человѣку ни съ какой стороны“, былъ онъ принужденъ уже давно сознаться, послѣ многихъ попытокъ своихъ войти съ „этимъ человѣкомъ“ въ ту интимность, которая давалась ему такъ легко съ другими, болѣе мягкими или распущенными по натурѣ, лицами одного положенія съ Троекуровымъ... Завидѣвъ въ отверстіи раскрывшейся двери его высокій обликъ, онъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ Самуровымъ и тотчасъ же быстро опустилъ глаза въ тарелку.

Топыгинъ, напротивъ, питалъ къ Троекурову нѣкоторую слабость... Это былъ *эстетикъ* до мозга костей, послѣдній, быть можетъ, изъ тѣхъ абсолютныхъ эстетиковъ Пушкинскаго періода, подобныхъ которымъ давно отказалась производить упитанная „либерализмомъ“ и „реальностью“ почва Россійскаго государства... Страстный и необычайно тонкій знатокъ „красоты“ въ обширнѣйшемъ и притомъ *языческомъ* смыслѣ этого слова („Un bien aimable rayen!“ говорилъ про него Тютчевъ со своимъ прелестнымъ, незлобнымъ остроуміемъ,), онъ владѣлъ какою-то неизсякаемою способностью наслажденія, выискивая его на протяженіи всей лѣстницы явленій, отъ которыхъ можетъ ожидать человѣкъ радостей на землѣ: въ искусствѣ и природѣ, въ хорошемъ винѣ и гастрономическомъ обѣдѣ, въ философской бесѣдѣ, какъ въ запахѣ цвѣтовъ, въ женской пластикѣ, какъ въ античномъ культѣ героевъ... Въ Троекуровѣ

Топыгинъ цѣнилъ *кровь*, то-есть то именно, отъ чего поводило внутренно сидѣвшихъ съ нимъ теперь рядомъ пріятелей.

Онъ вскочилъ съ мѣста, едва тотъ вошелъ въ комнату, и побѣжалъ къ нему съ протянутыми руками:

— Здравствуйте, здравствуйте, country gentleman! Давно-ли вы и куда?... Да къ намъ сюда, прошу, все знакомые люди... Садитесь, sir, садитесь!...

Предложеніе въ первую минуту заставило Троекурова безотчетно поморщиться: онъ чувствовалъ себя далеко не расположеннымъ къ разговору... Но отказываться не приходилось.

— Если позволите, отвѣтилъ онъ, подходя къ столу и обмѣниваясь рукопожатіями съ сидѣвшими за нимъ.

— Сюда вотъ, любезный, сюда кувертъ! приказывалъ Топыгинъ, указывая подлѣ себя мѣсто прислуживавшему имъ Татарину, суетясь и весь расплываясь въ патоку, какъ бывало это обыкновенно съ нимъ, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа,—и немедленно затѣмъ зашепталъ Борису Васильевичу:—Лѣтомъ кухня здѣсь не ахти мнѣ, но есть turbot свѣжій; спросите непремѣнно au naturel и къ нему кабульсою, а затѣмъ стаканчикъ шабли, вино здѣсь не дурно... А мы вотъ всѣ, какъ видите, завтра улетаемъ dahin, dahin, подмигнулъ онъ:—сначала на Уайтъ, а тамъ, въ октябрѣ, въ Римъ!... Петенька,—прервалъ онъ себя, обращаясь къ Самурову,—а въ Бордо по пути заѣдемъ, а? Непремѣнно заѣхать надо къ божественному Жозефу!

Онъ неожиданно ухватилъ за колѣнку сѣвшаго подлѣ него Бориса Васильевича и, наклоняясь къ нему съ совершенно мясляными глазами, зашепталъ опять, словно весь замирая отъ блаженства:

— Ѣсть такъ, какъ ѣдятъ у этого Вателя, у этого Юлія Цезаря кулинарнаго искусства, могли только одни безсмертные боги Олимпа! Это dernier mot, Алкидовы столбы гастрономической науки!

Самуровъ засмѣялся и, кивая на пріятеля:

— Онъ былъ доведенъ обѣдомъ у этого Жозефа до такого азарта умиленія, что когда тотъ подъ конецъ его принесъ намъ

карту, онъ кинулся къ нему, рыдая въ голосъ, и поцѣловалъ его въ плечо.

Топыгинъ мгновенно озлился и зашипѣлъ:

— Ну и поцѣловалъ, и поцѣловалъ, что-жь такое! онъ этого заслуживалъ. А ты это единственно по невѣжеству твоему глумишься, потому что ты только притворяешься Европейцемъ, а на самомъ дѣлѣ предпочитаешь бокъ съ кашею всей утонченной прелести цивилизованной кухни!...

Это было такъ неожиданно, что Троекуровъ, вслѣдъ за покатившимся со смѣха Самуровымъ, готовъ былъ и самъ расхохотаться,—но сдержался и спросилъ:

— А хорошъ островъ Уайтъ? Я никогда тамъ не былъ.

— Не были на Уайтѣ! такъ и выстрѣлилъ Гаврилкинъ:— это, понимаете, Victoria regia въ цвѣту, опущенная въ Океанъ. Пріѣдешь туда—и замлѣешь, замлѣешь весь, сорокъ восемь часовъ сряду на одномъ мѣстѣ сидишь и только потомъ священнаго восторга обливаешься... Вы только представьте себѣ: надъ вами лазурь,—понимаете, лазурь, bleu de Prusse съ нѣжно-сѣро-фіалето-розовымъ отливчикомъ: у ногъ вашихъ Альпы,—Альпы океанскихъ волнъ, сепія-зеленыхъ, подкрашенныхъ чуть-чуть легонькою голубизною, и въ нихъ вы видите, собственными глазами видите, какъ свиваются уродливыми клубами всѣ эти морскіе гады Шиллеровскаго *Кубка*, и млатъ водяной, и уродливый скатъ... и la pieuvre, понимаете, la pieuvre, чудовище, неслыханное, въ двѣ версты, чудище Океана... А кругомъ, вся эта подавляющая васъ цивилизація великой Англіи: рододендроны, розы grandiflora,—лѣса, понимаете, сплошные, трехсаженные лѣса розъ и рододендроновъ, газоны нѣжнѣйшаго нюанса vert-pomme, подстриженные женскими туалетными ножницами... И по нимъ, понимаете, скачутъ Валтерскоттовскія Діаны Вернонъ и Флоры Макъ-Иворъ въ Рембрандтовскихъ шляпахъ съ огненными перьями... Или катитъ на васъ въ раззолоченномъ *поничезѣ* отставной какой-нибудь индѣйскій Набабъ изъ Лагора со слугою цвѣта bronze-antique на заднемъ сидѣніи, въ кисейной чалмѣ съ бриллiантомъ величиной вотъ въ эту рюмку... Сидишь, говорю вамъ, и млѣешь въ священномъ восторгѣ, млѣешь,—а на душѣ у

тебя въ то же время такъ и воротитъ. „А ты-то, думаешь, что̀, Ѳедора ты глупая, голопятая, дырьемъ протыканная, въ гнильѣ взрощенная, на какого чорта проскрипѣла ты тысячу лѣтъ? А еще претензію на званіе „отечества изъявляешь, когда вся-то ты вмѣстѣ взятая, „отъ моря до моря", этого одного малаго уголка земли свободнаго и просвѣщеннаго народа не стоишь...

— Да, въ Россіи жить нельзя! проговорилъ къ этому на манеръ сентенціи Самуровъ.

Троекуровъ говорилъ себѣ чуть не то же самое все это послѣднее время, но почувствовалъ себя вдругъ точно обиженнымъ, услыхавъ отъ чужаго эту мысль, громко выраженную словомъ. Онъ прижмуренными глазами скользнулъ по лицамъ говорившихъ и обернулся къ Топыгину:

— Вы на островѣ Уайтѣ увидите вѣроятно Герцена: онъ тамъ вѣдь, кажется, лѣтомъ живетъ?

Эстетикъ какъ бы внезапно смутился:

— Не знаю, право, не знаю, увижу-ли... пробормоталъ онъ.

Самуровъ въ свою очередь прищурился теперь внимательно на Троекурова.

Тотъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Въ случаѣ увидите, скажите ему отъ меня...

Топыгинъ не далъ ему кончить, поспѣшно закачалъ головой и участливо зацыкалъ языкомъ:

— Да, да, вспомнилъ онъ, осторожно оглядываясь,—онъ васъ тамъ гдѣ-то задѣлъ...

У Гаврилкина даже вѣки запрыгали отъ удовольствія:

— Д-да, привздохнулъ онъ, принимая озабоченный видъ,—было что-то очень злое про васъ, помню... Это очень не пріятно; какой-нибудь вѣроятно корреспондентъ съ вѣтру сообщилъ, и вдругъ тебя по всей Россіи разносятъ... Герценъ самъ, повѣрьте, самъ будетъ жалѣть, если вы ему объясните,— причиталъ онъ какъ бы въ видѣ утѣшенія, жадно выискивая между тѣмъ на лицѣ Бориса Васильевича ожидаемый имъ признакъ смущенія;—на Герцена сердиться нельзя: это, понимаете, квинтэссенція ума, возведенная въ нескончаемый

фейерверкъ; когда онъ говоритъ, вы видите, какъ у него бенгальскіе огни въ ведро объема изъ глазъ вылетаютъ, ярко-пурпуроваго цвѣта огни, понимаете, все огни, огни безъ конца!...

Троекуровъ поглядѣлъ на него снизу вверхъ своими стальными глазами:

— Мнѣ нечего „объяснять“ этому „фейерверку“; сообщеніе про меня, напечатанное въ *Колоколѣ*, совершенно вѣрно.

Всѣ глаза такъ и впились въ него...

„Не хуже чѣмъ на Паванова эффектъ произвелъ“, подумалъ онъ, и невольно презрительный смѣхъ пробѣжалъ по его губамъ: „приходится снова-здорово разсказывать сказку про бѣлаго бычка.“

— Я дѣйствительно отхлесталъ *нагайкой*, подчеркнулъ онъ,—одного молодца, который, какъ мнѣ извѣстно, былъ у него въ Лондонѣ, а оттуда явился возмущать крестьянъ въ моемъ мировомъ участкѣ... и творить всякія иныя мерзости... Негодяя этого арестовала затѣмъ полиція и тутъ же выпустила на всѣ четыре стороны. Онъ опять за границей теперь, а за него отсиживается въ III Отдѣленіи несчастный мальчикъ-студентъ, котораго онъ подбилъ разослать по почтѣ привезенныя имъ изъ того же Лондона прокламаціи... Вотъ это самое,—заключилъ Борисъ Васильевичъ, обращаясь опять къ Топыгину,—и хотѣлъ я васъ просить передать господину Герцену въ дополненіе того, что̀ ему извѣстно обо мнѣ.

Гаврилкинъ не то недоумѣло, не то испуганно повелъ теперь глазами въ сторону Самурова; но тотъ не отвѣчалъ на его взглядъ.

— Непремѣнно передамъ, если увижу, непремѣнно! говорилъ между тѣмъ, понизивъ голосъ, Топыгинъ Троекурову;— это вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя-съ, и я вотъ это даже сейчасъ ему доказывалъ,—онъ кивнулъ на Самурова,—не хорошо, говорю, Петенька, не благовидно! Въ Москвѣ совершенно вѣрно ему замѣчено: сидятъ они съ Огаревымъ безопасно за моремъ, отъ нечего дѣлать въ набатъ бьютъ, а молодые олухи здѣсь изъ-за ихъ звона сдуру въ драку лѣзутъ, бараньими лбами въ нерушимую стѣну прутъ... Вѣдь глупо, говорю, Петенька,

не оригинально и не эстетично: не революція,—каррикатура, лубочная картина выходитъ!...

— Да я съ тобой и не спорилъ, прервалъ его художникъ,— я давно уже во многомъ не схожусь съ Герценомъ. Я старый либералъ, это правда, но я и старый монархистъ, какъ бы заторопился онъ опять заявить.

Борисъ Васильевичъ вскинулъ на него глаза... и тутъ же опустилъ ихъ.

Эстетикъ за то такъ и накинулся на пріятеля (онъ не успѣлъ переварить до сихъ поръ его анекдота о Жозефѣ въ Бордо):

— И ни тотъ, и ни другой, и ничевошеньки-таки подобнаго ты изъ себя не изображаешь, отложи попеченіе! воскликнулъ онъ:—ты артистическая натура, и слава Богу, а политическаго смысла у тебя какъ у щегла...

Глаза его вдругъ увлажнились, и онъ заговорилъ опять съ какимъ-то уже будто жалостливымъ оттѣнкомъ:

— Ты, Петенька, въ своемъ родѣ Гвидо Рени, живописецъ прелестный, — не „геніальный“, этому ты не вѣрь, это одни дураки съ невѣжества своего большаго про тебя пишутъ,—а милый, милый,

„Какъ первой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи“;—

вкусъ это у тебя, красочки деликатныя, въ мѣру, *пятна* пріятнѣйшія на взглядъ, вырисовано, а гдѣ не дорисовано,—всегда съ разсчетцемъ, ровно всегда, какъ нужно для эффекта. Ты европейскій художникъ, Петенька, и я тебя люблю и цѣню, ты знаешь, — ты наша честь и даже кумиръ... А политическаго смысла у тебя все-таки какъ у перепела, многоуважаемый, а характера и того меньше...

Гаврилкинъ, весь уйдя взглядомъ въ стоявшій предъ нимъ недопитый стаканъ, покусывалъ себѣ губы до боли, чтобы не выдать глубокой внутренней радости, возбужденной въ немъ этимъ „отчитываніемъ“ пріятеля, но не выдержалъ до конца и, наклонившись къ уху Бориса Васильевича, по другой сторонѣ котораго сидѣлъ онъ, шепнулъ ему стихъ изъ сочинен-

ной имъ на Самурова эпиграммы, намекавшей на слабость не то воли, не то желудка нашего художника:

„И лавръ его—*александрійскій* листъ“...

„Гвидо Рени“ отвѣчалъ между тѣмъ на выходку Топыгина самымъ добродушнымъ смѣхомъ, какъ на буффонаду, за которую разсердиться было бы смѣшно:

— Эка чѣмъ уколоть вздумалъ,—характеромъ! Да въ Русскомъ народѣ, извѣстно, на 100 человѣкъ можно навѣрно начесть процентовъ 60 умныхъ, 20 даровитыхъ, а съ характеромъ много что одного.

— Да и кто этотъ *одинъ?* поспѣшно добавилъ къ этому Гаврилкинъ,—въ какой средѣ вы его найдете? Цѣловальникъ брюханъ, высосавшій кровь изъ мужицкихъ жилъ на 20 верстъ кругомъ, да квартальный изъ *усердныхъ*, избивающій по двадцати мордъ въ сутки! Вѣдь никакой иной *силы*, кромѣ кабачества и мордобитія, не способна „Россійская земля родить!..“

— Я впрочемъ готовъ въ нѣкоторой степени оговориться, началъ Самуровъ, многозначительно щурясь: — изъ молодаго поколѣнія выступаютъ у насъ теперь характеры, замѣчательно яркіе и съ которыми придется считаться...

Но не угомонившійся еще Топыгинъ не далъ ему продолжать:

— Это кто же такіе, Петенька, кто же такіе, ты скажи? Тѣ вотъ, можетъ быть, по-твоему, что въ Лондонъ къ Герцену на показъ себя ѣздятъ? Такъ вѣдь ты, кажется, очень хорошо знаешь, какъ онъ ихъ разумѣетъ! Человѣкъ онъ самъ все же воспитанный, культурный, — только руками разводитъ онъ, на нихъ глядя, хохочетъ: „Сбросили съ себя, говоритъ, всѣ покровы и щеголяютъ въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, не сохраняя даже позы Венеры Медицейской“... Вѣдь ты пойми, Петенька: блузникъ на баррикадѣ, такъ въ томъ хоть живописность есть, краски...

— Раса видна, ра-а-са! вставилъ, весь заходивъ на своемъ стулѣ, Гаврилкинъ, выводя даже пальцами что-то имѣвшее повидимому изобразить собою „расу“.

— А тутъ вѣдь, шипѣлъ Топыгинъ, приходя все въ бо-

лѣе и болѣе раздраженный и ядовитый паѳосъ, — тутъ семинаръ худосочный, да кадетъ-идіотъ, разночинецъ всякій недоучившійся, тупицы мѣднолобыя, чурбаны безпардонные, для которыхъ что̀ другъ другу въ харю, что̀ въ Сикстинскую Мадонну харкнуть — все единственно! Ты это пойми, Петенька! Вѣдь этакой россійскій Прудонъ въ праздничные дни руки яичнымъ желткомъ съ золою моетъ; отъ этого василеостровскаго Сенъ-Жюста селедкой съ лукомъ разитъ!...

Самуровъ, казалось, очень забавлялся этимъ потокомъ язвительной брани, изливавшимся изъ устъ пріятеля. Но прищуренные глаза его то-и-дѣло направлялись въ сторону молча прислушивавшагося къ ней Троекурова. Онъ чувствовалъ въ немъ *серьезнаго* судью „всѣхъ ихъ“, всего того круга понятій и безцеремоннаго обращенія, въ который всѣ они давно въѣлись,—и это раздражало его гораздо болѣе, чѣмъ издавна привычное ему желчное „паясничанье“ Топыгина. „Чортъ же тебя побери!“ подумалъ онъ,—„я вотъ тебя сейчасъ огорошу!“

— Блузниковъ, „la sainte canaille“, любезный другъ, я самъ видѣлъ à l'oeuvre въ Парижѣ, въ іюньскіе дни, отвѣтилъ онъ эстетику: — „живописнаго“ въ нихъ ничего не было, и „разило отъ нихъ если не „лукомъ“, такъ еще хуже, — чеснокомъ, до котораго, какъ тебѣ извѣстно, каждый Французъ такой же большой охотникъ, какъ и ты самъ, Вителлій нашихъ дней! Но для тебя, стараго, развращеннаго Римлянина временъ паденія, для тебя нѣтъ человѣческой драмы безъ театральной помпы, безъ амфоръ и куреній, безъ патриціевъ, увѣнчанныхъ розами. А я,—зашепелялъ онъ во весь ротъ, съ замѣтною рисовкой въ тонѣ и выраженіи лица,—я сынъ своего вѣка, любезный другъ, я демократъ отъ младыхъ ногтей. Я жутко и страстно, признаюсь, люблю грязныя лохмотья, подъ которыми бьется мужественное гражданское сердце. Пусть этотъ „семинаръ“, вышедшій изъ народа, не культуренъ и тупъ, но онъ піонеръ идеи, онъ несетъ, что̀ ты тамъ ни дѣлай, священный сосудъ новой правды, имѣющей напоить будущія поколѣнія. Онъ не жалѣетъ для этой идеи положить свою жизнь, и я не жалѣю о немъ. Ему такъ и суждено погибнуть,—„вѣкъ нашъ жертвъ очистительныхъ проситъ“,—онъ и

погибаетъ молча и гордо. Я не жалѣю о немъ, повторяю, онъ свое дѣло сдѣлалъ и удовлетворенъ имъ, но не могу не любоваться и не благоговѣть предъ *этою* с-с-силой, визгнулъ даже въ заключеніе „носитель русскихъ *народныхъ* идеаловъ“ отъ избытка сочувствія.

— Въ какомъ же это качествѣ „любуетесь“ вы и „благоговѣете“, спокойно спросилъ его черезъ столъ Троекуровъ:— въ качествѣ „*стараго монархиста*“?

„Гвидо Рени“ даже въ краску бросило; онъ не нашелъ отвѣта. Топыгинъ хихикнулъ, потирая руки. Гаврилкинъ растерянно повелъ глазами на Самурова, какъ бы не зная, радоваться ему или негодовать...

— Къ вамъ-съ тутъ отъ графа Анисьева чиновникъ пріѣхалъ, полугромко доложилъ Троекурову офиціантъ-Татаринъ, наклонясь къ нему.

При звукѣ этого имени, лица трехъ пріятелей, отправлявшихся на островъ Уайтъ, какъ-то странно вдругъ вытянулись и переглянулись, а глаза погрузились въ тарелки.

— Гдѣ онъ? спросилъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь съ мѣста — онъ кончилъ завтракать,—и сдерживая улыбку, просившуюся ему на губы.

Онъ прошелъ въ первую комнату.

Ожидавшій тамъ чиновникъ (разыскавшій его здѣсь по догадкѣ,) передалъ данное ему порученіе, состоявше въ томъ, что „его сіятельство графъ Андрей Николаевичъ“, то-есть Анисьевъ, приглашалъ Троекурова откушать у него сегодня *запросто* на дачѣ на Каменномъ Островѣ въ пять съ половиною часовъ.

— Хорошо, скажите: буду! отпустилъ его тотъ и, воспользовавшись этимъ, велѣлъ слугѣ вынести ему шляпу, оставленную имъ въ столовой, расплатился у конторки и направился къ своей каретѣ.

„Кто же здѣсь кого мудрѣе и кто кому страшнѣе“, спрашивалъ онъ себя, давая теперь волю своему невеселому смѣху;— „правители или эти выразители *общественнаго* soi-disant *мнѣнія?*“...

— Претятъ мнѣ, признаюсь, эти россійскія передѣлки

англійскаго лордства! уронилъ свысока Самуровъ, какъ только остался онъ одинъ съ пріятелями (его всего коробило внутренно отъ глубоко оскорбительной для него въ ея небрежномъ спокойствіи отповѣди ему этого „россійскаго лорда“).

Топыгинъ зацыкалъ опять и закачалъ головою:

— Нѣтъ, Петенька, не хорошо, не эстетично!... Не вышло у тебя, Петенька! Все думаете — вордны, анъ соколъ вылетѣлъ, подъ кустикъ пришлось... А еще меня Жозефомъ уязвить хотѣлъ!

— А самъ ты что же, возразилъ „Гвидо Рени“ съ очевиднымъ намѣреніемъ уколоть его въ свою очередь:—съ тѣхъ поръ, какъ in der Stadt Moscou Герцена развѣнчивать вздумали, въ благонамѣренность пустился?

Эстетикъ такъ и ощетинился:

— Одинъ Господь Богъ и дураки, Петенька, никогда не перемѣняютъ мнѣній, и ты только по скудоумію своему этого не разумѣешь!...

Гаврилкинъ поспѣшилъ отвести дальнѣйшую грозу.

— Я только удивляюсь, Вася, заговорилъ онъ медовымъ, подольщающимся голосомъ, — какъ это ты съ твоимъ умомъ такъ легко впадаешь въ заблужденіе! Что ты въ этомъ *Кабардинцѣ*—отлично расщелкалъ его Герценъ, отлично! — что ты въ немъ нашелъ? Герцога Девоншира разыгрываетъ изъ себя теперь господинъ, а въ свое время у Ольги Елпидифоровны Ранцовой — вѣдь вмѣстѣ мы у нея съ тобой бывали, когда былъ онъ съ нею въ связи,—по сотеннымъ бумажкамъ таскалъ, да заставилъ ее подписать за себя векселей на пятьдесятъ тысячъ...

— Ну и совралъ по обыкновенію, Ѳедя, махровую ложь сочинилъ, любезный мой! прервалъ его тотъ.

Гаврилкинъ заколотилъ себя обѣими руками въ грудь:

— Вѣрно тебѣ говорю, вѣрно! На пятьдесятъ тысячъ, ни копѣйкой меньше. Мужъ ея, звѣрь этакой, бурбонище непроходимый, исколотилъ ее за это до полусмерти и кинулъ, а тутъ подвернулся Наташанцевъ-покойникъ. Онъ эти деньги и заплатилъ, — княгиня Андомская, дочь его, кому хочешь, громко разсказываетъ... А Троекуровъ твой до сихъ поръ

денегъ этихъ не вернулъ, цинически, понимаешь, цинически отказался; жаденъ онъ до омерзенія и наглъ... Слышалъ, самъ признается: „побилъ, говоритъ, это вѣрно, нагайкой отдулъ“... Онъ, я знаю доподлинно, дѣйствительно въ гробъ заколачиваетъ людей, понимаешь, въ гробъ, собственноручно; по-русски, и если бы не его деньги, да въ другой странѣ, давно бы ему галерное ядро на ногу набили...

— Ну, тебя слушать! махнулъ на него рукой Топыгинъ— и потребовалъ счетъ.

VIII.

S'il ne te faut, ma soeur chérie,
Qu'un baiser d'une lèvre amie
Et qu'une larme de mes yeux,
Je te les donnerai sans peine..:
A. de Musset, *La nuit de mai.*

Gönnen Sie mir lieber eine Blindheit, die mich mit meinem Loos versöhnt!
Schiller. *Kabale und Liebe.*

Александра Павловна Троекурова только-что вернулась изъ дѣтской и, сидя за письменнымъ столомъ у окна своего будуара, сводила какіе-то счеты, когда къ ней вошла княжна Кира.

Съ отъѣзда Бориса Васильевича прошло всего дней шесть, но за это время весь уже строй жизни во Всесвятскомъ успѣлъ принять какой-то минорный тонъ. Тоскливымъ безмолвіемъ вѣяло въ пріемныхъ обширнаго дома; праздные слуги скучливо бродили по двору съ опухшими ото сна лицами; лишенный „поощренія“ Французъ-поваръ подавалъ невзыскательной хозяйкѣ каждый день все тѣ же „veau à l'oseille“ и „asperges en branche“. Сама она проводила съ утра до вечера время съ дѣтьми, завтракала и обѣдала въ ихъ комнатѣ, чтобъ избѣжать скуки трапезовать одной въ большой столовой со всею тою обрядностью сервировки, которая заведена была ея мужемъ и соблюдалась въ домѣ. Княжна продолжала болѣть, или сказываться больною, и выходила изъ своего павильона лишь позднимъ вечеромъ, бродя тогда одна по цѣлымъ часамъ въ

темныхъ и пустынныхъ аллеяхъ сада. Александра Павловна заходила къ ней въ теченіе дня „по чувству долга“, какъ говорила она себѣ внутренно, но посѣщенія эти были не долги: молодая женщина не могла не замѣтить, что она докучала ими своей двоюродной сестрѣ, что на заботливые спросы о ея здоровьѣ та отвѣчала не то смущенно, не то досадливо короткими періодами, или даже междометіями, отымавшими всякую охоту, чтобы не сказать возможность, продолжать разговоръ. А между тѣмъ „съ ней что-то нехорошее дѣется“, разсуждала Александра Павловна, глядя на замѣтно осунувшееся за эти дни лицо княжны, на темные круги, образовавшіеся подъ ея глазами: „и голосъ такой странный у нея сталъ, обрывистый и язвительный,—точно *оборвать* хочетъ, точно сердится... за что?“... И загадочная еще, но съ каждымъ днемъ все сильнѣе дававшая себя чувствовать тревога, вмѣстѣ съ горечью все такъ же живаго въ ней, колючаго воспоминанія о нежданной и непонятной „сценѣ“, сдѣланной ей муженъ наканунѣ отъѣзда, обымала у ней душу у самой словно какимъ-то давящимъ кольцомъ...

Она быстро обернулась на заслышанные ею за собой шаги.

— Ахъ, Кира, здравствуй! Я вотъ кончила счеты и хотѣла къ тебѣ. Ты вышла наконецъ изъ твоей *берлоги*,—я очень рада... Что это у тебя, письмо? быстро спросила она, указывая кивкомъ на сложенную четвертушку бумаги, которую та держала въ рукѣ.

— Докторъ пріѣхалъ, молвила вмѣсто отвѣта Кира.

— Кто? нашъ, Николай Ивановичъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ?

— Зашелъ на селѣ въ больницу; сейчасъ будетъ, велѣлъ сказать...

— Ахъ, какъ я рада, что онъ наконецъ пріѣхалъ! вскликнула Александра Павловна:—дѣти, слава Богу, здоровы и не нуждаются теперь въ немъ... Но тебѣ надо непремѣнно съ нимъ посовѣтоваться. Ты посмотри, какая ты желтая! Ты сегодня опять дурно спала?

— Нѣтъ, мнѣ лучше, отрѣзала Кира, глянула въ окно, прижмурилась какъ бы отъ солнца и, помолчавъ, промолвила чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Я ѣду въ Москву завтра, Сашенька...

— Въ Москву... завтра! могла только пробормотать та въ изумленіи:—для чего же это?

— Я тебѣ давно говорила,—мнѣ нужно, съ нетерпѣливымъ оттѣнкомъ въ интонаціи, все такъ же черезъ ея голову глядя въ окно и жмурясь, отвѣчала княжна:—Сережа продаетъ свой Арбатскій домъ, и мнѣ надо перевезти оттуда библіотеку мою и монеты.

— Да развѣ такъ спѣшно это... И не могла бы ты кому-нибудь поручить?...

— Нѣтъ, я рѣшилась, я хочу сама... Голосъ Киры зазвучалъ при этомъ рѣзкимъ, деревяннымъ какимъ-то звукомъ.— Докторъ прислалъ мнѣ сейчасъ вотъ *это* изъ вашей московской конторы, промолвила она мягче, протягивая ей смятую нервнымъ движеніемъ ея пальцевъ бумагу, обратившую на себя съ перваго взгляда вниманіе Троекуровой.

Та взяла ее, развернула безсознательно дрожавшею рукой и начала громко:

„По приказанію Бориса Васильевича, управляющій Покровскимъ домомъ честь имѣетъ извѣстить ваше сіятельство, что къ пріѣзду вашему покои въ ономъ домѣ состоятъ готовыми, а также очищена комната для склада книгъ и прочихъ вещей“...

— Развѣ ты говорила Борису, что думаешь... *теперь* въ Москву? быстро, не дочтя, спросила Александра Павловна, вскидывая глаза на кузину.

— Говорила... конечно, если ужъ онъ приказалъ, какъ видишь...

— Когда же? Ты была больна и не видалась съ нимъ передъ его отъѣздомъ?

— Ахъ, Боже мой, прежде!... пролепетала Кира, чувствуя, что кровь подступила ей подъ самые глаза и что она ненавидитъ въ эту минуту эту, заставляющую ее стыдиться и краснѣть, женщину.

Она торопливо тронулась съ мѣста и направилась къ двери.

— Кира, куда же ты? чуть не стономъ вырвалось изъ груди Александры Павловны: — погоди немножко, я хотѣла спросить тебя...

Княжна пріостановилась, обернулась на нее:

— О чемъ?

— Да сядь, куда ты спѣшишь? молящимъ уже голосомъ проговорила Сашенька.

Та, вдумчиво сдвинувъ брови, поглядѣла на нее и, какъ бы сказавъ себѣ: „этого не избѣгнешь“, опустилась въ кресло противъ нея.

— Ты меня хочешь спросить, молвила она, угадывая и предупреждая ея вопросъ:—вернусь-ли я сюда?..

— То-есть, *скоро-ли* ты вернешься? испуганно поправила Александра Павловна.

Странная, полуотчаянная, полубеззавѣтная усмѣшка скользнула по губамъ княжны:

— Никогда, *во всякомъ случаѣ!* подчеркнула она. Ноздри ея затрепетали, зеленые глаза загорѣлись и тутъ же потухли...

— Что же это значитъ, Кира? вымолвила Сашенька черезъ силу.

— Просто рѣшила такъ, и такъ будетъ!...

Та растерянно оглянула ее:

— Куда же ты?...

— За границу.

— Въ Женеву опять?

Княжна не отвѣчала и, опустивъ вѣки, судорожно забарабанила оконечностями пальцевъ по мозаичной глади столика, подлѣ котораго сидѣла она.

Александра Павловна воззрилась молча въ ея блѣдное, сумрачное и страдающее лицо, стараясь прочесть на немъ тотъ тайный помыселъ, въ которомъ, она понимала, слѣдовало искать разгадку такого внезапнаго рѣшенія со стороны „этой сумасбродницы“, какъ называла она въ душѣ двоюродную свою сестру... И вдругъ озарило ее какъ молніею: „*Она*“— сказалось ей теперь совершенно ясно, осязательно, непреобо-

римо,—„она почувствовала, что влюбилась въ *него*, въ моего Бориса, испугалась этого и рѣшилась бѣжать отъ него, и выбрала нарочно это время, когда самого его нѣтъ, чтобы не было ей такъ тяжело уѣзжать. Oh, qu'elle est noble et grande!“ пронеслось въ заключеніе въ мозгу молодой женщины, по невинной привычкѣ, усвоенной еще со временъ воспитавшей ее гувернантки m-me Durand, выражать самой себѣ „высшія чувства“ не иначе, какъ языкомъ французскаго романса. И вслѣдъ за этимъ откровеніемъ и за этимъ сознаніемъ „великодушія и благородства“ Киры, она почувствовала вдругъ что то нѣчто, что̀ глухо, но мучительно, какъ зубная боль, ныло у нея на душѣ все это время, стихло вдругъ какъ по манію волшебнаго жезла, и что вся она разцвѣтала опять роскошнымъ цвѣтомъ прежняго безоблачнаго счастія. Она безсознательно вздохнула глубокимъ вздохомъ, какъ вздыхаетъ утопленникъ, возвращаясь къ жизни... И тутъ же исполнилась такой же глубокой жалости къ *ней*, къ той, „которой подобнаго счастія не дано, которая должна бѣжать на другой конецъ Европы, чтобы не видать его, не завидовать ему“...

— Кира, милая, прошептала она, наклонясь къ ней черезъ столъ, овладѣвая ея рукою и нѣжно сжимая ее въ своей,— если ты ужь непремѣнно хочешь, если ты... считаешь для себя *необходимымъ* уѣхать, я тебя не стану уговаривать. Не на вѣки же мы разстанемся. На будущій годъ мы непремѣнно поѣдемъ за границу... и тамъ я ужь непремѣнно отыщу тебя, гдѣ бы ты ни скрывалась. Но зачѣмъ тебѣ непремѣнно *завтра* ѣхать? Подари мнѣ еще нѣсколько дней! Борисъ не пишетъ, и это вѣрно значитъ, что въ Петербургѣ его удерживаютъ и что онъ не такъ еще скоро вернется... А безъ него, да еще если ты уѣдешь, я останусь здѣсь совершенно сиротой, примолвила она съ улыбкой, ласково отыскивая глазами ея глаза.

Княжна вскинула ихъ на нее на мигъ и высвободила свою руку:

— На что̀ тебѣ я!.. Да и онъ на что̀ тебѣ въ сущности? какъ бы неудержимо сорвалось у нея съ языка:—развѣ ты не вся дѣтьми живешь?..

— Я и мужемъ также живу, Кира! расширивъ свои большіе глаза, возразила Сашенька.

— Но развѣ дѣти тебѣ не дороже? быстро и жадно выговорила та:—развѣ ты не чувствуешь, что связь твоя съ ними неразрывнѣе, чѣмъ съ нимъ?

— Не знаю... Я не знаю, гдѣ у меня кончается любовь къ дѣтямъ и начинается къ нему, и наоборотъ.

— А онъ, какъ ты думаешь? спросила вдругъ Кира словно вызывающимъ голосомъ.

— Что „онъ“? недоумѣло повторила Александра Павловна.

Княжна отвѣтила не сейчасъ: губы ея повело судорогой.

— Ты никогда не представляла себѣ, что онъ можетъ перестать любить тебя?..

— За что? вся перемѣняясь въ лицѣ, вскликнула Сашенька.

Та пожала плечами:

— Развѣ для этого причины нужны... развѣ кто можетъ повелѣвать своимъ сердцемъ, когда оно увлекаетъ тебя? какъ бы со злостью добавила она.

„Бѣдная!“ сказала себѣ Александра Павловна: „это она себя разумѣетъ“... Но только-что смолкшая въ душѣ молодой женщины тревога заклокотала въ ней, она почувствовала, съ новой язвительною силой...

— Побѣждать себя должно... мы на то—христіане, Кира, вымолвила она вѣскимъ, непривычнымъ въ устахъ ея тономъ;— ты не сердись на меня, милая, но, мнѣ кажется, ты слишкомъ наслушалась того, что тебѣ тогда еще, въ Москвѣ, проповѣдывалъ Иринархъ, ce garçon perdu...

— Иринархъ! повторила презрительно княжна:—къ чему ты его сюда приплела?

— Нѣтъ, я такъ... Я знаю, что ты слишкомъ умна и честна, Кира, чтобы сдѣлать сама что-нибудь дурное... Напротивъ, ты всегда не о себѣ думала, а о счастьи всѣхъ людей... Ты только такъ *говоришь*, я понимаю, но въ твоихъ словахъ мнѣ послышалось то же, что проповѣдывалъ тогда Иринархъ о „свободѣ любви“...

Княжна прервала ее съ неудержимою горечью:

— Вообрази, какъ легко тебѣ въ свою очередь „проповѣдывать“ о самоотреченіи, — тебѣ, которой судьба *все* дала... тебѣ,—говорила она съ возрастающимъ волненіемъ,—не допускающей, чтобы человѣкъ, связанный съ тобою, осмѣлился даже мечтать о счастьи иномъ, чѣмъ то, какое способна *ты* дать ему!..

Александра Павловна подняла глаза,—и гордая княжна Кубенская безвольно и безвластно опустила мгновенно предъ ними свои, словно ослѣпленная никогда еще не виданнымъ ею выраженіемъ на поблѣднѣвшемъ теперь какъ полотно лицѣ двоюродной сестры. Въ античныхъ чертахъ этого лица сказывался ей какой-то неотразимый, строгій до безпощадности приговоръ.

— Не допускаю, Кира, это правда, проговорила молодая женщина металлически зазвенѣвшимъ голосомъ:—я этого „связаннаго со мною человѣка“, то-есть *мужа* моего, люблю болѣе жизни, но и уважаю его настолько же... А если бы когда-нибудь я потеряла это уваженіе, все между нами было бы кончено!..

Ноздри княжны дрогнули еще разъ; высокомѣрная усмѣшка зазмѣилась въ складкахъ ея губъ:

— Да, это называется эгоизмомъ... Но впрочемъ твое дѣло! уронила она, вставая, съ притворнымъ равнодушіемъ, между тѣмъ какъ руки помимо ея воли дрожали у нея нервнымъ ознобомъ:—я пойду укладываться... Прикажи, пожалуйста, чтобы лошади мнѣ были завтра утромъ къ семи часамъ готовы; я хочу пріѣхать въ Москву еще засвѣтло.

Она кивнула и вышла изъ комнаты.

Александра Павловна растерянно глянула ей вслѣдъ. Грудь ея высоко подымалась, проступившія внезапно слезы туманили глаза. Но она не умѣла бы отдать себѣ отчета въ томъ, что вызывало ихъ теперь. Въ головѣ ея было смутно, на душѣ ныла еще *безпредметная* горечь... Она прежде всего не допускала, не хотѣла допустить, чтобъ онъ, ея Борисъ, былъ здѣсь „въ самомъ дѣлѣ при чемъ-нибудь“. Кира „съ досады“, разсуждала она, кинула ей этотъ „намекъ“... Но развѣ это возможно, развѣ „этотъ благородный Борисъ“ способенъ былъ бы „на низкій обманъ“, на „то, послѣ чего *все, все было бы кончено?*.. Нѣтъ, онъ цѣнитъ умъ, познанія Киры, онъ очень былъ

радъ, когда она во время его болѣзни служила ему письмоводителемъ, „но больше ничего“... Сашенька вспоминала, какъ она въ то время „ревновала его“ къ Кирѣ. Но онъ тогда же, при женѣ, сказалъ однажды ей: „Вы чиновникъ, а не женщина, княжна!“ (Сашенька „ужасно“ обрадовалась тогда этому его замѣчанію.) А теперь, уѣзжая, „онъ былъ даже неучтивъ“, не потрудился зайти проститься къ ней, къ Кирѣ... Нѣтъ, Борисъ „чистъ какъ стекло“. Кира „нарочно“... Она тоже благородное существо и уѣзжаетъ потому, что знаетъ, что любить женатаго человѣка—преступленіе, но все же, malgré elle, хотѣлось бы ей, чтобъ и онъ хоть немножко *отвѣчалъ* ей... „Бѣдная, бѣдная, черезъ какую муку должна переходить она теперь!“ И Александра Павловна рѣшила мысленно, что ни отъ чего иного, какъ отъ участія къ „бѣдной“ Кирѣ такъ болѣзненно ныло теперь въ собственной душѣ ея и жгли ее эти слезы, проступавшія изъ-подъ ея рѣсницъ...

— Николай Иванычъ, докторъ, нашъ бѣглецъ, прибылъ, выходя съ веселымъ лицомъ изъ двери сосѣдней съ будуаромъ спальни, доложила ей въ эту минуту Анфиса.

— Да, я знаю, быстро проводя платкомъ по глазамъ, отвѣтила ей барыня:—княжна сейчасъ здѣсь была, говорила...

— А княжна отъ себя вышли сегодня? Ну и слава Богу, поправилась, значитъ.

Александра Павловна качнула немедленно головой и вспомнила при этомъ:

— Она завтра въ Москву ѣдетъ. Скажите Скоробогатову, чтобъ ей завтра къ 7 часамъ были готовы лошади и карета.

— Ѣдутъ... въ Москву? повторила обрывисто Анфиса.

— Да.

— Надолго, изволите знать?

Троекурова подняла на нее глаза: ее поразилъ какъ бы тревожный оттѣнокъ въ тонѣ этого вопроса, а еще болѣе теперь озабоченный видъ лица, съ какимъ глядѣла на нее въ свою очередь спрашивавшая, въ ожиданіи ея отвѣта.

— Она сюда не вернется, уныло примолвила она.

— Что же-съ, въ Москвѣ останутся жить?

— Нѣтъ, она за границу хочетъ опять.

— А въ Москвѣ не въ Покровскомъ-ли домѣ думаетъ остановиться? послѣдовалъ новый, поспѣшный вопросъ.

— Да... Борисъ Васильевичъ велѣлъ ей тамъ приготовить... Вы почемъ-же это знаете? съ изумленіемъ спросила Александра Павловна.

— Барыня!... вскликнула вдругъ — и оборвала тутъ же синеглазая женщина.

— Что?

— Ничего, нѣтъ-съ, поспѣшно промямлила Анфиса, между тѣмъ какъ красныя пятна выступали у ней на лицѣ,—я такъ... я по своему разумѣнію такъ понимаю,—сказала она черезъ-мигъ, пытаясь усмѣхнуться,—что вмѣсто чтобъ имъ безъ толку ѣздить съ мѣста на мѣсто, выйти бы скорѣй княжнѣ замужъ надо за хорошаго человѣка...

Александра Павловна громко вздохнула:

— Ахъ, и есть такой человѣкъ, милая, и если-бъ Кира серьезно захотѣла, это бы уже давно сдѣлалось, я увѣрена... Но у нея другое на мысли, слетѣло у нея какъ-то невольно съ языка.

— То-то-съ, живо проговорила Анфиса съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ: — а отъ эвтого что же хорошаго окромя что несчастія себѣ и другимъ?...

— Почему вы такъ думаете?... пробормотала растерянно молодая женщина; у нея задвоилось въ глазахъ.

— Ничего я не думаю, Александра Павловна, смущенно отвѣтила та, отводя свои въ сторону,—а только-что, какъ по своей собственной жизни я судить могу, съ настоящей если дороги сбиться, такъ и въ пучину бездонную, говорится, не трудно попасть... А какъ я при княжнѣ въ услуженіи была и у васъ теперича, и ихній характеръ поняла, что очень гордыя онѣ и по своему наровятъ всегда поступать, такъ мнѣ завсегда жаль... если пагуба отъ эвтого можетъ произойтить, договорила она вздыхая.

Троекурова вся выпрямилась; большіе глаза ея засверкали:

— Вы что-то знаете, Анфиса... Говорите, говорите все, я *все* выслушаю!...

Анфиса со внезапнымъ испугомъ вскинула руки вверхъ и замотала ими:

— И ничего я не знаю, и не спрашивайте, барыня милая моя, золотая... не сплетница я, не разлучница какая-нибудь, что мнѣ говорить-то! Если сдуру что сболтнула теперича, такъ единственно потому, какъ вообще женщина, а того пуще если дѣвица, оберегать себя должна, сами знаете... А я даже такъ полагаю, Александра Павловна,—послѣ нѣкотораго молчанія добавила она съ очевиднымъ намѣреніемъ успокоить „милую барыню“ свою, — что сама княжна себя одумаютъ, потому очень онѣ умныя, а душа-то у нихъ большая, повѣрьте! Присмотрѣлась я къ нимъ, живучи тамъ при нихъ въ Питерѣ, во дворцѣ...

Александра Павловна пристально и безмолвно глядѣла на говорившую. Ей ничего не объясняли эти слова, но она и не хотѣла теперь объясненія. „Лучше, лучше не узнавать!“ инстинктивно чуялось ей. А сердце все такъ же нестерпимо билось у нея въ груди, и окружающіе предметы прыгали въ ея зрачкахъ словно въ какомъ-то фантастическомъ танцѣ...

— А что же докторъ? быстро спросила она, вся *встряхиваясь* вдругъ, какъ говорится.

— А вотъ онъ сюда, должно, идетъ, отвѣтила Анфиса, взглянувъ въ окно, и отправилась встрѣчать его.

Докторъ Ѳирсовъ принадлежалъ къ породѣ веселыхъ толстяковъ; лысый добрякъ, прекрасный практикантъ и безпутный человѣкъ, онъ вошелъ въ будуаръ хозяйки, къ которой питалъ особенную нѣжность, съ комически виновнымъ видомъ, прикрывая себѣ глаза обшлагомъ рукава:

— Ну, и казните, ну, и казните! возглашалъ онъ: — замотался въ Москвѣ, самъ знаю, и отъ Бориса Васильевича отпущено мнѣ за то хрѣну вдосталь; а только вы и своего прибавьте, барыня, для полнаго счета,—квитъ и будемъ...

— Вы вѣдь не излѣчимы, что съ вами дѣлать! промолвила она со слабою улыбкой,—вы, значитъ, мужа видѣли. Что онъ?

— А что онъ? Благоденствуетъ, какъ слѣдуетъ... Ручку приказалъ у васъ поцѣловать, сочинилъ докторъ.

Но у Александры Павловны даже глаза заблистали:

— Да, вспомнилъ? вскликнула она, вся заалѣвъ.

— А какъ же и не вспоминать-то ему о васъ, барыня, молвилъ Ѳирсовъ, машинальною привычкой врача переводя между тѣмъ свои пальцы на артерію руки, къ которой только-что приложился губами,—когда, едва успѣлъ я имя его произнести, а у васъ ужь во-какъ пульсъ-то участилъ?... Благополучно у васъ все тутъ? спросилъ онъ черезъ мигъ, скользя взглядомъ въ сторону прибиравшей что-то на письменномъ столѣ Анфисы, пользовавшейся не менѣе своей барыни его сердечнымъ расположеніемъ, съ примѣсью даже чего-то болѣе субъективнаго, чему онъ впрочемъ старался не давать ходу, почитая это „дурачествомъ“.

— Дѣти, слава Богу, здоровы; у Васи всѣ восемь зубковъ вырѣзались, отвѣтила на его вопросъ Троекурова; — не хотите-ли пройти къ нимъ?

— А что-жь, доброе дѣло, пойдемте!...

„Ахъ, она золотая моя, горемычная, что же теперь будетъ съ нею!“ говорила себѣ Анфиса, роняя на столъ гусиное крыло, которымъ сметала она съ него пыль, и уныло глядя въ слѣдъ уходившимъ;— „не вралъ онъ, окаянный, все по словамъ его въ акуратъ выходитъ“...

Ей до самаго нынѣшняго дня все не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, хотя и тогда, въ разговорѣ съ Троженковымъ, поразила ее и перепугала вѣскость и опредѣлительность его предсказаній относительно плана побѣга княжны съ Борисомъ Васильевичемъ... Но теперь не оставалось для нея сомнѣній, и когда Александра Павловна сообщила ей объ отъѣздѣ княжны въ Москву и что она должна остановиться тамъ въ Покровскомъ домѣ, она, Анфиса, не удержалась въ первую минуту, вскрикнула, чуть не выдала всего, что знаетъ. „Говорите мнѣ все, все!“ приказывала ей барыня. „А *все* сказать ей—зарѣзать ее, значитъ“, разсуждала теперь синеокая женщина.

Она отчаянно сложила руки. Муки и упреки собственнаго ея прошедшаго звучали въ душѣ ея въ связи съ тою язвительною „жалью“, которую вызывало въ ней чаяніе бѣды, грозившей обрушиться на этотъ „честный домъ“. Она успѣла

тѣсно сродниться съ этимъ домомъ, въ которомъ нашла пріютъ, покой и забвеніе этого своего грѣховнаго прошлаго; она сердечно привязалась ко всѣмъ обитателямъ его, большимъ и малымъ, радовалась его „мирному житію“, гордилась его „по-Божески, по-*настоящему*“ заведенными „порядками“. Ужасъ охватывалъ Анфису при мысли, какимъ „страмомъ“ долженъ былъ, вотъ-вотъ, покрыться этотъ излюбленный, этотъ дорогой ей домъ, какимъ невыносимымъ ударомъ будетъ поражена ея „золотая барыня“, которую, „по справедливости“, пріятельница ея Лизавета Ивановна называла „*анделомъ* небеснымъ“...

Она не рѣшалась обвинять ни княжну, ни Троекурова. „Мнѣ-ли судить, многогрѣшной!“ повторяла она мысленно, смиряя невольные взрывы такой хулы, возникавшіе въ ея смятенной этимъ чаяніемъ срама и ужаса душѣ... „Но ужель такъ и оставить надо?“ спрашивала она себя, медлительно покачивая головой. Неужели такъ и не попытаться даже „ближняго отъ соблазна спасти?“...

„Нѣтъ, Лизавета Ивановна пошла — сказала бы... Пойду и я!“ выговорила чуть не громко Анфиса, перекрестилась торопливо и отправилась въ павильонъ, занимаемый княжною Кирой.

IX.

Strafbar erschein'ich, und ich kann die Schuld,
Wie ich's versuchen mag, nicht von mir wälzen.
Schiller. *Wallensteins Tod.*

Freiwillig tret'ich Ihnen ab den Mann, den man mit
Haken der Höhle von meinem blutenden Herze riss.
Id. *Kabale und Liebe.*

Княжна стояла у раскрытаго бюро въ своемъ кабинетѣ-гостиной и завертывала въ бумагу всякія мелкія вещицы, которыя вынимала изъ его ящиковъ.

Она была одна въ комнатѣ и такъ была поглощена своимъ занятіемъ, что не разслышала шаговъ вошедшей, и чуть-чуть дрогнула отъ неожиданности, когда за спиной ея послышался голосъ:

— Чтой-то вы совсѣмъ собираетесь, ваше сіятельство?

— Да, совсѣмъ, отвѣтила она, машинально обертываясь.

— Сказывали мнѣ Александра Павловна, молвила Анфиса,—въ Москву... да и за границу потомъ думаете?

— Да.

Анфиса помолчала.

— Сказываютъ, вы и вовсе къ намъ сюда не вернетесь?..

— Не вернусь, нѣтъ! какъ бы досадливо отрѣзала Кира.

— Охъ, горе-то какое, горе! къ удивленію ея, громко и жалобно вздохнула на это ея бывшая горничная.

— Что тутъ за „горе“ такое особенное? уронила она, нетерпѣливо пожавъ плечами.

Губы у Анфисы дрогнули:

— Сами знаете, княжна, промолвила она съ новымъ, глубокимъ вздохомъ.

Алый румянецъ вспыхнулъ мгновенно на блѣдномъ лицѣ Киры; ноздри ея широко раздулись:

— Что вы говорите... что я „знаю?“

— Ваше сіятельство, княжна, заговорила трепетнымъ голосомъ синеглазая женщина, складывая руки молящимъ жестомъ:— не извольте вы мои слова во гнѣвъ принимать! Какъ если осмѣливаюсь я съ вами говорить, такъ единственно изъ того, что жаль мнѣ очень...

— Чего... кого вамъ „жаль?“ прервала ее гнѣвно Кира.

— Всѣхъ, ваше сіятельство, домъ весь этотъ... барыню мою, агнца чистаго, Александру Павловну... васъ, даже, можетъ, васъ пуще еще, чѣмъ ихъ, потому...

Она какъ бы не рѣшалась продолжать; на лицѣ ея отъ волненія выступили пятна.

— Съ какого повода вздумалось вамъ вдругъ жалѣть меня? спрашивала княжна между тѣмъ, зорко глядя на нее потемнѣвшими глазами. Она дышала учащенно и слышно...

— Потому, какъ бы собравшись съ силами, заговорила снова Анфиса, — у Александры Павловны все же дѣти останутся — утѣшеніе, и неповинныя онѣ, въ законѣ, всякій пожалѣетъ ихъ и уважитъ... А что вамъ, если люди правду сказываютъ...

— Люди, какіе люди? О комъ вы говорите?

— Человѣкъ тутъ одинъ есть... говоритъ, самъ слышалъ... Можетъ неправда? перебила себя внезапно Анфиса, вперяя въ княжну алчный, допрашивающій и молящій взглядъ:—потому ехидный этто человѣкъ, подлый, со злости своей врать-то на людей завсегда готовъ... Такъ скажите слово ваше, княжна, ослободите сердце мое отъ мнѣнія отъ эвтого самаго! вырвалось у нея чуть не стономъ.

— Я ничего не понимаю, пролепетала растерянно княжна:— чего вы хотите... что за человѣкъ и что онъ „слышалъ“?...

Анфиса какъ бы растерялась въ свою очередь, опустила глаза:

— Уговоръ вашъ, говоритъ, слышалъ...

— „Уговоръ“?..

— Съ Борисомъ Васильевичемъ... чуть слышно произнесла она.

— Гдѣ-жь онъ могъ слышать? неудержимо, помимо всякой воли, вылетѣло изъ устъ Киры.

— Въ саду нашемъ, ночью, наканунѣ какъ имъ, Борису Васильевичу, въ Петербургъ ѣхать... Онъ мнѣ на другой же день встрѣлся... человѣкъ этотъ, передалъ...

Но княжна уже не слушала ея: она опустилась со внезапнымъ изнеможеніемъ на близъ стоявшій стулъ, судорожно потирая рукой по лбу, проводя воспаленнымъ языкомъ по ссохшимся губамъ.

Анфиса испугалась даже, выбѣжала въ спальню дѣвушки и вынесла поспѣшно оттуда стаканъ съ водою:

— Выкушайте, княжна, извольте въ себя приттить...

Кира отпила, глянула на нее вскользь и махнула рукой:

— Хорошо, ступайте... оставьте меня одну!..

Та приняла отъ нея стаканъ, поставила его на столъ... Но съ мѣста она не трогалась, словно прикованная къ полу чьею-то незримою властью...

Княжна повела на нее глазами еще разъ:

— Что же вы! я вамъ сказала...

Анфису вдругъ словно что-то подняло и понесло. Она всплеснула руками:

— Только этого, значитъ, мнѣ отъ васъ и дождаться, барышня, что *вонъ поди!* Не съ тѣмъ шла я сюда, чтобы вамъ вздоромъ какимъ докучать, слуга я простая, неученая, понимаю я себя довольно хорошо, а только въ такомъ дѣлѣ я по совѣсти своей, по-христіански, душу вашу жалѣючи... что такой грѣхъ вы себѣ на душу берете...

Кира вскочила, сверкая глазами, словно раненая львица:

— Ну и пусть, пусть и отвѣчу за него, мое дѣло! вскрикнула она; вы тутъ сейчасъ говорили, что у *нея* остаются дѣти, законъ, уваженіе всѣхъ... А мнѣ—проклятіе и презрѣніе, такъ по-вашему? Ну, а если я на это иду, если хочу...

И, не договоривъ, упала опять на стулъ, нервно ломая

себѣ руки, закинувъ глаза въ потолокъ... „Что это, съ кѣмъ, для чего унижаюсь я и объясняю!“ какою-то бѣшеною волной било ей въ голову,—„такъ вотъ оно, чѣмъ съ перваго же раза приходится покупать мнѣ *счастіе!..*“

Анфиса подбѣжала къ ней, пала предъ ней на колѣни и прижалась губами къ ея платью:

— Барышня, княжна моя дорогая, какъ вижу теперича муку вашу, такъ не то, чтобы „презрѣть“, а, кажется, душу бы я всю свою вымотала, чтобы васъ успокоить... Потому сама чрезъ все то прошла и испытала, что за иного человѣка сто смертей заразъ готова наша сестра принять съ радостью: нате молъ, рвите на части, только-бъ мнѣ его видѣть, только-бъ моимъ онъ былъ!.. И все это понимаю я, княжна моя милая, да что въ томъ хорошаго? А какъ если изъ-за такой изъ-за любви безумной другіе погибать должны, что тогда? Какъ если здѣшнія дѣти малыя, къ примѣру, безъ отца останутся... а ваши-то, ваши собственныя, какъ если, не дай Богъ!.. званіе-то *имъ* какое будетъ?... Господи, сраму-то что одного, да грѣха! Судьѣ Небесному въ часъ смертный *чѣмъ* вамъ за это отвѣтить придется?...

Кира слушала, не прерывая и не перемѣняя положенія, съ окаменѣвшимъ будто лицомъ. Слова колѣнопреклоненной предъ нею женщины били ее какъ молотомъ въ голову... Но понимала она лишь одно: ко всѣмъ недочетамъ ея жизни присоединялся теперь позоръ. Имя ея, имя ея отца разносили грязныя уста въ переднихъ... Какъ Шиллеровскій Валленштейнъ, она несла впередъ наказаніе не за то, что „*сдѣлала* она, а за то, что *думала сдѣлать*“. И возврата нѣтъ уже теперь никакого: она *должна* бѣжать съ *нимъ*, или...

Она вдругъ, словно отъ прикосновенія электрической проволоки, скинула съ себя минутное оцѣпененіе, поднялась, обвела взглядомъ кругомъ, вздрагивая ноздрями и прижмуривая свои золотисто-зеленые глаза. Анфиса вскочила на ноги въ свою очередь, лихорадочно устремивъ взглядъ въ ея лицо,— и сердце у нея упало: лицо это дышало высокомѣрною и неумолимою рѣшительностью...

— Я попрошу васъ сослужить мнѣ послѣднюю службу, услышала она голосъ княжны.

— Что прикажете? могла только пробормотать она.

— Я думала уѣхать завтра, но хочу сегодня же, черезъ часъ, если можно. Устройте мнѣ это!

Анфиса развела руками:

— Уложить же когда успѣете, ваше сіятельство?

— Успѣю! Если что останется, попрошу васъ прислать мнѣ въ Москву, я оставлю вамъ на это денегъ...

— Прикажете Александрѣ Павловнѣ доложить? спросила Анфиса, не зная въ своемъ смущеніи, что сказать инаго.

— Это какъ хотите, раздражительно отрѣзала княжна,— но если меня заставятъ ждать лошадей, я уѣду въ крестьянской телѣгѣ.

И, безъ дальнѣйшихъ словъ, прошла въ свою спальню и защелкнула за собою задвижку дверей.

Дѣти были въ саду съ нянькой и дѣвушкой, ея помощницей, и Александра Павловна съ докторомъ, побывъ съ ними нѣкоторое время, шли, толкуя о нихъ, обратнымъ путемъ къ дому, медленно подвигаясь по ведущей къ нему прямо большой липовой аллеѣ, когда замѣтили сбѣгавшаго со ступенекъ террассы и спѣшившаго имъ навстрѣчу слугу.

— Ахъ, Боже мой, восклинула молодая женщина,—неужели гости?

Она не ошиблась.

— Господинъ Моховъ пріѣхали, доложилъ ей слуга.

— Господи, что мнѣ съ нимъ дѣлать! воскликнула она, всплеснувъ руками съ какимъ-то забавнымъ отчаяніемъ.

Оирсовъ засмѣялся:

— Извѣстно что: изъ пустаго въ порожнее переливать; на что люди въ гости ѣздятъ! Или онъ по дѣлу?

— Нѣтъ... онъ молодой, наивно возразила Сашенька.

— А-а! протянулъ комически докторъ: — бездѣльный, значитъ.

— Онъ былъ здѣсь съ недѣлю тому назадъ, объяснила

она,—и Борисъ просилъ его заѣхать, когда онъ будетъ возвращаться изъ города; ему по пути. Вотъ онъ и пріѣхалъ... А Бориса нѣтъ, Кира уѣзжаетъ, укладывается, и мнѣ приходится оставаться съ нимъ одной...

— Не волкъ, чаю, кусаться не станетъ, продолжалъ потѣшаться *толстякъ*.

Александра Павловна чуть-чуть зарумянилась и поморщилась:

— Мнѣ совсѣмъ не до разговоровъ съ нимъ... Вы ужь пожалуйста, докторъ, останьтесь съ нами, вы его хоть займете...

— Покорнѣйше благодарю, въ должность шарманщика изволили произвести!... А впрочемъ согласенъ, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе. Только позвольте сперва къ себѣ на квартиру сходить; я какъ пріѣхалъ, разобраться еще не успѣлъ... А гостя куда-жь прикажете просить,—ждетъ вѣдь онъ, чай, томится, пока-то вы резолюцію насчетъ его не положили?...

— Просите сюда, въ садъ! поспѣшила сказать молодая хозяйка, обращаясь къ ожидавшему дѣйствительно все время этой ея „резолюціи“ слугѣ, и со скучающимъ видомъ опустилась на ближнюю скамью.

Докторъ, съ неизбѣжнымъ своимъ смѣхомъ на толстыхъ губахъ, прищурился на нее, пробормоталъ „до свиданія“ и заковылялъ вслѣдъ за слугой къ дому.

Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда на террасу, накрывая бѣлокурые свои волосы щегольскою круглою шляпой, въ свѣжихъ перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ, молодой гость и, завидѣвъ въ глубинѣ аллеи свѣтлое платье Александры Павловны, направился къ ней торопливыми и какъ бы спотыкающимися въ тоже время шагами.

Онъ былъ настолько же счастливъ, насколько и смущенъ, узнавъ отъ людей, что „баринъ уѣхалъ въ Петербургъ, а барыня одна“... что она его „проситъ“. Въ первый разъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ была она просватана за Троекурова, предстоялъ ему теперь случай разговора съ нею „въ волю, безъ помѣхи“, случай „насмотрѣться“ на нее, заслушаться ея голоса“ и „унести затѣмъ блаженныхъ воспоминаній на

цѣлые годы...“ Моховъ былъ, какъ видитъ читатель, одинъ изъ тѣхъ юныхъ воздыхателей-идеалистовъ, какіе еще встрѣчались въ ту эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, но для которыхъ еще гораздо ранѣе злые Французы придумали прозвище „amoureux transis“.

Онъ еще за двадцать шаговъ отъ предмета своей страсти скинулъ шляпу, краснѣя во все лицо. Она въ свою очередь, весьма конфузясь внутренно, но ужасно стараясь принять наружно спокойный и самоувѣренный видъ искушенной долгимъ опытомъ свѣта хозяйки, привѣтливо кивнула на его расшаркиванья, пригласила занять мѣсто подлѣ себя и начала извиненіемъ за то, что принимаетъ его „sans façon“ въ саду, куда она вышла посмотрѣть на дѣтей, съ которыми „остается теперь одна въ деревнѣ“, такъ какъ мужъ ея уѣхалъ уже нѣсколько дней, а „Кира (и голосъ ея, произнося это имя, какъ-то странно дрогнулъ,) собирается тоже уѣхать,—и я очень боюсь, что вы соскучитесь со мною одной,“ дипломатически заключила Сашенька, („авось пойметъ, разсудила она, что мнѣ не до него и уѣдетъ до обѣда“).

Понялъ или не понялъ Моховъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ на это вскликнулъ самымъ искреннимъ и невиннымъ образомъ: „Ахъ, помилуйте, напротивъ!“ а заблиставшіе глаза договорили: „съ тобою быть развѣ не рай?“

Александра Павловна нахмурила брови, опустила голову и принялась молча выводить какой-то рисунокъ на пескѣ аллеи оконечностью черепаховаго парасоля, который держала въ рукѣ.

Моховъ покраснѣлъ тутъ же вдвое противъ прежняго—и поспѣшно засунулъ руку въ боковой карманъ.

— Я вамъ письмо привезъ, пролепеталъ онъ.

— Отъ кого?

— Не знаю-съ... Перемѣнялъ я тутъ лошадей на одной станціи, Блиново называется, кажется, и въ минуту, когда я отъѣзжалъ отъ нея, какой-то человѣкъ, слуга повидимому, подбѣжалъ къ моему ямщику и отдаетъ ему, прося доставить проѣздомъ во Всесвятское. Я его и взялъ у ямщика... На ваше имя, вижу...

Онъ протянулъ молодой женщинѣ запечатанное письмо съ оттискомъ на сургучѣ какой-то рѣшетки вмѣсто герба или вензеля.

Она взглянула на адресъ и слегка усмѣхнулась:

— Какъ смѣшно: „*Госпожѣ полковницѣ* Александрѣ Павловнѣ Троекуровой“!...

— Просятъ о вспомоществованіи, объяснилъ молодой чиновникъ, весь просіявъ опять отъ этой ея усмѣшки.

— Почему вы думаете?

— Непремѣнно: писарская рука на адресѣ, по этому всегда можно узнать...

Она взломила машинально печать, но, не вскрывая письма, оставила его въ рукѣ, заинтересованная тѣмъ, что̀ началъ въ эту минуту разсказывать Моховъ:

— На той же станціи случилось мнѣ увидѣть одну очень трогательную и печальную вещь... Вы слышали вѣроятно отъ Бориса Васильевича объ одномъ очень почтенномъ человѣкѣ, здѣшнемъ помѣщикѣ, Никанорѣ Ильичѣ Ранцовѣ, который состоитъ членомъ нашего губернскаго крестьянскаго присутствія?

— Конечно слышала, подтвердила она,—Борисъ его очень любитъ и хвалитъ... Это тотъ, котораго жена оставила и вышла за другаго, за сына Аглаи Константиновны Шастуновой?...

— Она скончалась.

— Кто?

— Молодая княгиня Шастунова.

— Господи, давно-ли?

— Четыре дня тому назадъ.

— Бѣдная, Царство ей Небесное! набожно перекрестилась Александра Павловна.—Помните, когда вы у насъ тутъ обѣдали, il y a huit jours, что̀ говорила про нее эта ужасная Аглая, sa belle-mère? Ахъ, какая это женщина! Не знаю, что̀ готова я была сказать ей тогда и даже сказала...

— А я вамъ всѣмъ сердцемъ вторилъ! произнесъ восторженно Моховъ, вскидывая на нее загорѣвшіеся опять глаза.

Сашенька какъ бы разсѣянно отвела свои въ сторону и продолжала.

— Она тогда поѣхала отъ насъ въ Москву съ этимъ своимъ невозможнымъ „aumônier“, помните, надѣясь заставить несчастную больную отказаться отъ денегъ, которыя та заплатила за ея сына, такого же гадкаго, по всему видно, какъ она сама.

— И, какъ кажется, не добилась этого и со злости, въ самый день, когда та умерла, уѣхала къ себѣ обратно изъ Москвы, оставивъ всѣ хлопоты и издержки на похороны на счетъ Ранцова, котораго покойница вызвала къ себѣ изъ нашего города, чтобы проститься съ нимъ предъ смертью.

— Она его вызвала? воскликнула молодая женщина, — вотъ это хорошо! Ей многое простится за это на томъ свѣтѣ.

— Да, и, вообразите, онъ, покинутый этою женой своею, которую страстно любилъ, — онъ везетъ ее теперь хоронить въ своемъ имѣніи Рай-Никольскомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я вотъ на той станціи, о которой говорю, и наткнулся на это зрѣлище, молвилъ Моховъ: — ѣдетъ фургонъ съ ея гробомъ, а за нимъ чуть не все время отъ самой Москвы пѣшкомъ Никаноръ Ильичъ... Съ нимъ человѣкъ его, Сергѣй, очень преданный ему и хорошій слуга, — я его знаю, — такъ онъ мнѣ тутъ разсказалъ...

Александра Павловна глянула теперь прямо въ лицо молодаго человѣка мгновенно отуманившимися глазами и страннымъ въ своемъ выраженіи взглядомъ.. На ея языкѣ шевелился вопросъ: „неужели надо быть *такою* женщиной, какъ была эта бѣдная покойница, чтобы быть такъ глубоко и неизмѣнно любимой?“... Но она не выговорила его, она только вздрогнула и тихо произнесла:

— Вотъ это *человѣкъ!*...

Моховъ ёрзнулъ на скамейкѣ, на которой сидѣли они:

— Неужели вы думаете, Александра Павловна, прерывавшимся отъ охватившаго его вдругъ волненія голосомъ сказалъ онъ, — неужели вы думаете... что нѣтъ другихъ... ко-

торые могутъ любить такъ же вѣрно и... и такъ же безъ взаимности, какъ онъ?...

Онъ словно угадалъ ея мысль, словно хотѣлъ сказать этой мысли въ отвѣтъ: „нѣтъ, не однѣ *такія* женщины могутъ быть *такъ* любимы!“...

Молодая женщина испугалась, — надо было скорѣе перемѣнить этотъ разговоръ...

— А кто это пишетъ мнѣ однако, интересно? будто и не слыхавъ его взволнованнаго восклика, проговорила она, насколько могла спокойнѣе и равнодушнѣе, вынула изъ обложки письмо, оставшееся въ ея рукѣ, и развернула его.

Это „ужасное, обидное пренебреженіе“ къ нему, къ его словамъ, какъ ушатомъ холодной воды окатило бѣднаго влюбленнаго. Онъ весь перемѣнился въ лицѣ и понурился, искоса поглядывая на „жестокую“ съ нѣмымъ укоромъ во взглядѣ, со щемящею тоской въ душѣ.

Она читала между тѣмъ, — и по мѣрѣ чтенія большіе глаза ея раскрывались все шире, и краска все замѣтнѣе отливала отъ ея лица... Руки ея задрожали...

Не упрекомъ уже, — недоумѣніемъ и тревогой за нее горѣли не отрывавшіеся отъ нея теперь глаза Мохова.

Письмо вдругъ выскользнуло изъ ея рукъ... Она схватилась за голову, судорожно нажимая руками лицо, чтобы заглушить вырывавшійся у нея изъ груди стонъ...

— Господи, Александра Павловна, что съ вами? испуганно заметался молодой человѣкъ?

Все тѣло ея вздрагивало и пошатывалось, какъ бы готовое вотъ-вотъ сейчасъ сорваться со скамьи и рухнуться на земь.

Моховъ простеръ руку съ намѣреніемъ поддержать ее за станъ... и не посмѣлъ...

— Воды, гдѣ бы воды достать? съ отчаяннымъ видомъ оглядывался онъ кругомъ.

Она какимъ-то сверхъестественнымъ усиліемъ совладала съ собою, вскочила съ мѣста.

— Извините меня, я... я не могу... я къ дѣтямъ, пролепетала она и побѣжала стремглавъ въ глубину сада.

Онъ бросился было за нею вслѣдъ, — и остановился.

Громкій и какъ бы нѣсколько грубоватый окликъ мужскаго голоса раздался за нимъ:

— Что это у васъ тутъ случилось?

Это былъ докторъ Өирсовъ, съ которымъ онъ только-что познакомился, встрѣтясь съ нимъ въ гостиной дома, и который передалъ ему приглашеніе хозяйки итти къ ней въ садъ,—Өирсовъ, шедшій самъ теперь туда обратно и видѣвшій издалека, какъ внезапно вскочила его „барыня“ съ мѣста, словно „ужалилъ“ ее „этотъ *франтъ*, котораго ей такъ не хотѣлось принять“... Онъ подвигался спѣшными шагами, готовый „разгромить нахала“, если бы таковымъ оказался „сей господинъ“.

Но тотъ кинулся къ нему навстрѣчу съ такимъ несчастнымъ лицомъ, что онъ остановился самъ, растерянно глядя на него.

— Александра Павловна получила какое-то извѣстіе... Я привезъ ей письмо, заговорилъ Моховъ, путаясь языкомъ, — она стала читать... и вдругъ что-то съ ней случилось...

— Какое извѣстіе? Какое письмо? пробормоталъ въ свою очередь докторъ.

— Не знаю... Моему ямщику на станціи какой-то человѣкъ передалъ... для доставки ей... Вотъ оно самое! указалъ молодой человѣкъ на почтовый листъ, выпавшій изъ рукъ Александры Павловны и оставшійся лежать на пескѣ аллеи.

Өирсовъ поспѣшно поднялъ его.

— Что за оказія! проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Она къ дѣтямъ побѣжала, туда, къ рѣкѣ, счелъ нужнымъ добавить къ объясненію своему Моховъ.

Докторъ, не теряя лишнихъ словъ съ нимъ, зашагалъ по означенному направленію.

„Что за оказія, изъ чего это она?“ повторялъ онъ въ нѣмомъ разговорѣ съ самимъ собою, завернулъ въ боковую дорожку и остановился... „А ну его съ благоприличіемъ!“ рѣшилъ онъ, „врачъ—тотъ же духовникъ, а письмо это—тотъ же діагнозъ болѣзни“...

Онъ поднесъ его къ глазамъ и принялся читать:

„Милостивая государыня, Александра Павловна,—писала та же „писарская рука", которою начертанъ былъ адресъ на конвертѣ,—желающій вамъ добра человѣкъ предваряетъ васъ о грозящей вамъ довольно непріятной для васъ исторіи. Вамъ, кажется, однѣмъ не извѣстно, что̀ у васъ въ домѣ происходитъ, до того замазали вамъ глаза достойный супругъ вашъ съ многосіятельною особой, родственницей вашею. Не довольствуясь, что, при слѣпотѣ вашей, могли продолжать безпрепятственно свои амуры и подъ вашими глазами, они теперь условились бѣжать вмѣстѣ за границу, забывъ, что онъ отецъ и супругъ, а она свою честь какъ дѣвица. Онъ уже попростился съ вами, а она на дняхъ попрощается и поѣдетъ себѣ въ Москву, гдѣ велѣно будетъ имъ, для принятія такой важной для сердца его персоны, приготовить аппартаментъ въ домѣ бывшемъ Акима Ивановича Остроженко, отъ котораго наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ прочимъ богатствомъ, вполнѣ недостойный, какъ сами можете теперь видѣть, племянникъ его, а вашъ мужъ. И какъ мать его изъ того дома бѣжала съ тѣмъ, кого возлюбила отъ брата роднаго, такъ и онъ съ сіятельною родственницей ускачетъ на почтовыхъ коняхъ въ чужіе края отъ жены законной, какъ гласитъ пословица, что яблочко отъ яблони завсегда недалеко падаетъ. Въ вѣрности написанныхъ здѣсь словъ не сомнѣвайтесь, такъ какъ весьма скоро можете увидѣть исполненіе на дѣлѣ. Только тогда будетъ поздно, а теперь, какія можете, примите ваши мѣры.

„Доброжелающій вамъ".

— Ну, воскликнулъ съ глубокимъ негодованіемъ докторъ,—попался бы мнѣ теперь этотъ „доброжелающій", съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ угодилъ бы я ему всею пятерней въ физіономію!.. А милая-то барыня отъ этой мерзости въ истерику!.. Вѣдь ни на граммъ правды очевидно въ этомъ нѣту, домолвилъ себѣ Ѳирсовъ, пропадавшій три мѣсяца въ Москвѣ и судя вслѣдствіе этого о томъ, что̀ могло происходить въ домѣ, по тому состоянію *мира и благодати*; въ какомъ зналъ его до своего отъѣзда, то-есть до пріѣзда княжны Кубенской во Всесвятское.

Онъ зашагалъ далѣе, хмурясь и раскидывая въ головѣ, „кто бы могъ быть тутъ мерзавецъ, рѣшившійся, здорово живешь, огорчить этою *грязью* неповиннѣйшую изо всѣхъ женщинъ?..“

Но вотъ въ сторонѣ, за большимъ сиреневымъ кустомъ, забѣлѣло женское платье. Это она. Онъ поспѣшно повернулъ къ ней.

Она не дошла до мѣста у рѣки, гдѣ гуляли дѣти. Ноги ея подкашивались; она опустилась здѣсь опять на скамью. Здѣсь по крайней мѣрѣ она была одна, „одна со своимъ горемъ...“

— Что это вы, барыня, началъ Ѳирсовъ, придавая голосу тонъ упрека,—изъ чего это взбудоражились, какъ не стыдно! Письмо анонимное отъ мерзуна какого-то получили, такъ и...

— Гдѣ оно? прервала его, озабоченно принимаясь шарить кругомъ себя, Александра Павловна,—гдѣ письмо?.. Я его уронила...

— Вотъ оно, вотъ! Лежало тамъ у мѣста, гдѣ вы сидѣли.

Она схватила его:

— Онъ видѣлъ, прочелъ?.. проговорила она испуганно.

— Кто это, гость этотъ вашъ?.. Не читалъ. А я прочелъ до строчки!

— Прочли?

— Непремѣнно. Вы бы пожалуй не показали, скрывали бы, да мучили себя тайно изъ-за этакой гадости, извините за откровенность рѣчи! Вѣдь тутъ ясно: налгалъ наглецъ отъ слова до слова.

— Вы думаете? промолвила на это молодая женщина,— и такъ странно, такъ необычно зазвучалъ ея голосъ, что Ѳирсовъ почувствовалъ вдругъ, что никакое возраженіе, ниже утѣшеніе съ его стороны немыслимо. Онъ примолкъ и только внимательно и тревожно воззрился въ ея блѣдное какъ снѣговой саванъ лицо.

Она не плакала, но глаза ея впали словно въ какую-то пещеру и горѣли оттуда какимъ-то темнымъ, глубокимъ и суровымъ пламенемъ. Въ античныхъ чертахъ прелестнаго лица сказывалась теперь не одна уже строгость *линій:* оно дышало чѣмъ-то исходящимъ извнутри, *духовно* строгимъ и скорбно рѣшительнымъ. Весельчакъ-докторъ никогда еще не видывалъ

у „милой барыни“, не подозрѣвалъ въ ней и самой возможности такого выраженія. Онъ чуть не съ испугомъ отмѣчалъ его въ своемъ впечатлѣніи.

— Ну, а сами-то вы, барыня, что думаете? спросилъ онъ, все еще налаживаясь на смѣшливый тонъ.

— У меня дѣти, отвѣтила она, устремивъ недвижные глаза на стволъ клена, тихо шевелившаго лапчатыми листьями своими насупротивъ ея.

— Извѣстно „дѣти“, мурлыкнулъ докторъ, не понимая,— и дѣти у васъ, и мужъ...

Она отрицательно закачала головой.

— Мужа у меня нѣтъ!

— Ну, ужь и нѣтъ? закивалъ онъ успокоительно въ свою очередь:—вотъ я вамъ сейчасъ лавровишневыхъ капелекъ малую толику накапаю, да теплую ванночку вамъ состроимъ, такъ вы и успокоитесь, не станете... привередничать, отпустилъ онъ первое слово, попавшееся ему на языкъ.

Она горько усмѣхнулась.

— Пойдемте къ *нимъ*... Только дайте мнѣ руку, а то я упаду.

— Пожалуйте къ себѣ на диванчикъ протянуться, подхватывая ее подъ руку, молвилъ настоятельно Ѳирсовъ,—не для чего вамъ съ такимъ лицомъ дѣтямъ показываться... да и сами еще пуще разстроитесь пожалуй. Въ виду ихъ же говорю: что хорошаго для дѣтей вашихъ, если вы дѣйствительно съ ногъ свалитесь?

Она молча и послушно пошла съ нимъ.

Онъ повелъ ее тѣнистою боковою аллеей, прямо по направленію маленькаго крыльца, которое вело въ ея покои со стороны дома, противоположной половинѣ, занимаемой ея мужемъ.

Не доходя до него, она остановилась и спросила:

— А онъ... Моховъ, онъ еще здѣсь?...

— Да ужь не знаю право, барыня, засмѣялся докторъ,— я такъ полагаю, что коли уменъ онъ, такъ уѣхалъ, а нѣтъ— такъ проклажается тамъ себѣ въ ожиданіи и по сю пору.

— Вы навѣрно знаете, что онъ не знаетъ, не читалъ? тревожно пролепетала она.

— Ровнехонько ничего! Говорю вамъ, какъ уронили вы его, такъ и лежало письмо на пескѣ; я его поднялъ и пошелъ искать васъ, а онъ и не притрогивался,—шелъ вѣдь я къ нему, видѣлъ.

— Я въ первую минуту не въ силахъ была сдержаться, продолжала она прерывающимся голосомъ, — онъ испугался даже... Я зарыдала... Онъ могъ догадаться...

— Чего ему догадываться-то! Невидаль что-ль для него какая, что у барыни нервы разыгрались; не малый ребенокъ, чай!... А не понялъ, такъ я ему объясню...

— Какъ вы ему объясните?

— Ну, извѣстно какъ: скажу ему, что... ну, совру тамъ что-нибудь! вскликнулъ, не находя ничего инаго, толстякъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! вѣско выговорила Александра Павловна;—съ нимъ этого совсѣмъ не нужно... Я его давно знаю: онъ честный и сердечный...—Онъ любилъ меня, когда я была еще не замужемъ... и любитъ до сихъ поръ, я знаю...

Өирсовъ съ какимъ-то новымъ, забавнымъ испугомъ оглянулся на нее.

Что-то мгновенное, неуловимое, но отъ чего у добряка доктора стало на душѣ жутко, пробѣжало у нея по лицу и на мгновеніе вызвало на немъ слабый румянецъ... Но она тутъ же усмѣхнулась тою же своею горькою усмѣшкой.

— Скажите ему просто *отъ меня*, подчеркнула она, — чтобъ онъ *никому* не говорилъ о томъ, что со мною было сейчасъ при немъ... Онъ исполнитъ, я знаю... А также,—добавила она дрогнувшимъ голосомъ,— что я прошу его, чтобъ онъ не сердился, но что *такъ надо*, что я прошу его не ѣздить сюда больше...

— Слушаю-съ! Какъ приказываете, такъ и скажу, такъ и скажу-съ, закивалъ сочувственно Өирсовъ.

— У меня и къ вамъ просьба, докторъ, молвила подумавъ Троекурова.

— Что прикажете?

— Во-первыхъ, никому ничего про это письмо, которое вы прочли...

— Ну, еще бы я сталъ болтать! чуть не грубо прервалъ онъ ее,—вы за кого-жь меня почитаете?

— А потомъ, чтобъ и сами вы, что бы ни случилось теперь или послѣ, *никогда* меня не спрашивали, никогда бы мнѣ не говорили ни о чемъ, до чего относится это письмо, договорила она черезъ силу.

Онъ пожалъ плечами:

— Что-жь мнѣ „говорить?“ Пустыхъ разговоровъ я и самъ не люблю.

Она повела медлительно головой сверху внизъ.

— Да!... *Мое* горе, я съ нимъ одна и справлюсь.

„Эге-ге, да какой характерецъ у тебя выходитъ!“ сказалъ себѣ изумленно Ѳирсовъ, чувствуя, что между тѣмъ какъ выражалась она такъ сдержанно и твердо, все тѣло молодой его кліентки висѣло у него на локтѣ, что ноги чуть поддерживали ее, что ей стоило нечеловѣческихъ усилій одолѣвать обымавшее ее безумное отчаяніе...

Въ эту минуту, выходя изъ павильона княжны Киры, показалась Анфиса. Она увидѣла свою барыню, словно „разбитую“, медленно подвигавшуюся подъ руку доктора, и, предчувствуя новую бѣду, поспѣшно подбѣжала къ ней:

— Александра Павловна, что это съ вами, оступились никакъ?

— А вотъ вы барыню подъ ручку-то съ другой стороны поддержите, сказалъ ей докторъ, мы ее живо доставимъ!...

Они довели ее до ея будуара и бережно опустили на кушетку... Докторъ побѣжалъ въ домовую аптеку за лѣкарствомъ.

Анфиса разшнуровала ее, переодѣла въ блузу. Она улеглась затылкомъ въ подушку, прижмурила глаза...

— Вы у... у *нея* были? прошептала она чрезъ мигъ.

— У княжны, точно такъ... Онѣ хотятъ сегодня же... сейчасъ уѣзжать, добавила помолчавъ Анфиса.

— Что же, пусть!...

— Къ лучшему это, точно, Александра Павловна, поспѣшно закивала та;—лошади имъ даже сею минутой готовы будутъ, сказывалъ Скоробогатовъ; я имъ докладывала...

Судорога пробѣжала по сжатымъ губамъ молодой женщины:

— Не придетъ... сюда? какъ бы противъ воли ея вырвалось изъ нихъ.

— Не извольте безпокоиться... Сами понимаютъ! молвила успокоительно синеглазая женщина, угадывая, что „барынѣ теперь все извѣстно", хотя не зная еще какимъ путемъ.

Александра Павловна открыла свои большіе впавшіе глаза и глянула ей прямо въ лицо:

— Она несчастная! протянула она.

— Доподлинно такъ изволите говорить, горячо подтвердила Анфиса,—по истинѣ, что ихъ жалѣть надо!...

— Дайте мнѣ сюда столикъ, чернильницу и перо!

Она приподнялась съ кушетки, вынула изъ кармана возвращенное ей Өирсовымъ письмо, приписала на немъ: „Если и правда, не ты виновата. А." и вложила его обратно въ обложку.

— Отдайте *ей*, когда она уѣзжать будетъ...

Докторъ вернулся съ пузырьками, графиномъ и рюмкой.

— Порученіе ваше исполнилъ, барыня, говорилъ онъ, капая противъ свѣта съ прищуреннымъ однимъ глазомъ капли свои въ воду;—гостя вашего видѣлъ, передалъ и успокоилъ... Человѣкъ хорошій, видать: понялъ сразу, не разспрашивалъ и уѣхалъ; я такихъ люблю!...

Она чуть-чуть повела головой въ знакъ благодарности и уронила опять затылокъ въ подушку.

Анфиса ушла. Өирсовъ усѣлся въ кресло неподалеку отъ лежавшей, внимательно приглядываясь къ нервному подергиванію ея полуопущенныхъ вѣкъ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Вдругъ, нарушая нежданно мертвую тишину комнаты, изъ окна, открытаго въ садъ, донесся со двора гулкій скрипъ колесъ по песку и дружный топотъ скачущихъ лошадей...

— Это еще кто? спросилъ невольно докторъ.

— Это она уѣзжаетъ... къ *нему!*... вырвалось стономъ у Александры Павловны. Она быстро обернулась всѣмъ тѣломъ, забилась лицомъ внизъ въ самый уголъ кушетки—и зарыдала ничѣмъ уже теперь неудержимымъ рыданіемъ...

X.

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла...
Баратынскій.

Tra il dire e il fare c'é in mezzo il mare.

Sunt lacrymae rerum...

Спустя недѣлю по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы Троекуровъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, подъѣзжалъ въ одиннадцатомъ часу утра къ гостиницѣ Шевріе.

Онъ занялъ нумеръ на дворѣ, спросилъ себѣ чаю и, пока Матвѣй, камердинеръ его, поспѣшно выбиралъ изъ чемодановъ и раскладывалъ на столикѣ предъ зеркаломъ всякія туалетныя и бритвенныя принадлежности барина, опустился въ кресло съ усталымъ и недовольнымъ видомъ человѣка, которому, не смотря на всѣ его усилія, не удалось уснуть и часу добрымъ порядкомъ въ вагонѣ.

Онъ чувствовалъ, что не заснетъ и теперь, здѣсь, при всѣхъ условіяхъ комфорта и тишины, въ этомъ давно знакомомъ ему, удобномъ помѣщеніи въ глубинѣ двора, куда не достигалъ уличный шумъ... Да ему и не до сна. Его *ждутъ* (онъ вчера получилъ отъ *нея* въ Петербургѣ письмо, извѣщавшее его о ея пріѣздѣ въ Москву, въ Остроженковскій домъ), и онъ вотъ сейчасъ совершитъ омовенія свои и туалетъ, и поѣдетъ...

Его „ждутъ", и самъ онъ трепетно ждалъ этого свиданія и не могъ заснуть всю дорогу въ немолчномъ помыслѣ о немъ. Онъ измаялся въ Петербургѣ отъ тоски и желчи, отъ гнету-

щаго сознанія бездарности, немощи и пустозвонства тамошняго люда и творимаго имъ дѣла. Онъ жаждалъ скорѣе скинуть съ себя вынесенныя имъ изъ ближайшаго обращенія съ ними впечатлѣнія; „забывъ ихъ, забытый ими“, по выраженію древняго поэта, онъ рвался уйти всѣмъ существомъ своимъ въ свѣжія волны личнаго чувства, молодой любви, возраждающей и уносящей...

Но, странное дѣло, онъ рвался... и медлилъ въ одно и то же время. Голова его горѣла полымемъ при мысли, что разстояніе на какія-нибудь десять минутъ ѣзды отдѣляетъ его теперь отъ той, чаемой, блаженной минуты... но онъ не двигался между тѣмъ и недвижно, съ зажмуренными глазами, полулежалъ въ своемъ креслѣ въ какомъ-то безвольномъ состояніи полуфизическаго, полуумственнаго оцѣпенѣнія!..

„Усталость“, объяснилъ онъ мысленно, силясь превозмочь себя.

— Сходи, закажи мнѣ сейчасъ холодную ванну! обернулся онъ съ приказаніемъ къ камердинеру.

Ванна освѣжитъ его, а пока изготовятъ ее, онъ оттянетъ себѣ еще на нѣсколько минутъ бездѣйствія,—соблазнялъ его какой-то тайный голосъ.

Не надолго:

— Съ пріѣздомъ! Можно войти? донесся къ нему изъ-за полуоткрытой двери въ переднюю чей-то знакомый голосъ.

— Войдите! нехотя произнесъ онъ въ отвѣтъ.

Вошелъ Ашанинъ, красивый и оживленный какъ всегда.

— Здравствуйте, Борисъ Васильевичъ! Вы сейчасъ мимо меня проѣхали со станціи.

— Гдѣ это? машинально и лѣниво спросилъ тотъ.

— На углу Садовой и переулочка тамъ одного будка стоитъ, такъ я оттуда видѣлъ.

— Изъ будки?

— Такъ точно, — подтвердилъ Ашанинъ, принимая свой лукаво-невинный видъ,—я тамъ почитай каждый день теперь пребываю въ эту пору.

— Что дѣлать? — тѣмъ же лѣнивымъ тономъ произнесъ пріѣзжій.

— А тутъ, изволите видѣть, у самой будки заборъ, а въ заборѣ калиточка въ садъ, а за садомъ домъ, а въ домѣ живутъ старый мужъ-ревнивецъ и молодая жена. Въ домъ меня, а изъ дома *ея* не пускаютъ, вслѣдствіе чего, натурально, и она, и я испытываемъ неодолимое желаніе соединяться какъ можно чаще для взаимныхъ жалобъ на нашу несчастную судьбу. Вотъ я и нашелъ единственно доступное намъ при такихъ враждебныхъ обстоятельствахъ, укромное мѣстечко по сосѣдству съ садомъ, куда мужъ пускаетъ ее по утрамъ „для променажа“...

— И мѣстечко это—будка?—невольно усмѣхнулся Троекуровъ.

— Будка, Борисъ Васильевичъ! — комически вздохнулъ шалунъ, глядя ему въ лицо изъ-подъ опущенныхъ имъ смиренно рѣсницъ.

Но усмѣшка успѣла уже соскользнуть съ этого лица и смѣнилась какимъ-то брезгливымъ, чуть не суровымъ выраженіемъ. Ашанинъ съ прирожденнымъ ему тактомъ тотчасъ же почуялъ, что собесѣдникъ его нисколько не былъ расположенъ къ „легкому разговору“ въ эту минуту, и, слегка покраснѣвъ, поспѣшилъ перейти на другой предметъ.

— Я къ вамъ лишь на мигъ, Борисъ Васильевичъ,—сказалъ онъ,— во-первыхъ, пожать вамъ руку, а затѣмъ передать вамъ о вашемъ Всесвятскомъ; я имѣлъ извѣстіе оттуда.

— А-а!—протянулъ тотъ:—какимъ образомъ?

— Я вчера отправилъ туда нашу маленькую Лизавету Ивановну Срѣтенскую. Александра Павловна вытребовала ее къ себѣ письмомъ.

— Случилось что-нибудь?—неудержимо вырвалось на это у Троекурова.

— Нѣтъ, почему вы думаете?—поспѣшилъ успокоить его Ашанинъ:—въ письмѣ Александра Павловна говоритъ только, что Лизавета Ивановна давно обѣщала пріѣхать къ ней погостить на нѣсколько недѣль, а что теперь она настойчиво проситъ ее исполнить, не откладывая, свое обѣщаніе. А такъ какъ наша Божья душа никогда изъ Москвы не выѣзжала, то и явилась вчера ко мнѣ съ просьбой „снарядить ее въ вояжъ“.

Я ей нанялъ знакомаго троечника вплоть до самаго Всесвятскаго и вчера же отправилъ.

Троекуровъ молча качнулъ головой, не отрываясь глазами отъ говорившаго.

— И ничего... больше? спросилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія съ новымъ усиліемъ.

— Насчетъ чего?

— Въ письмѣ...

— Ахъ, да, въ письмѣ... Нѣтъ, ничего, — сказалъ Ашанинъ, настороживъ уши (страненъ и подозрителенъ показался ему звукъ голоса спрашивавшаго),—никакихъ ни о себѣ, ни о *княжнѣ* извѣстій въ письмѣ этомъ не даетъ Александра Павловна. А, какъ вы знаете, pas de nouvelles—bonnes nouvelles...

Черты Троекурова словно потемнѣли вдругъ; онъ чиркнулъ спичкой по крышкѣ портсигара, закурилъ папироску и, откинувшись въ спинку кресла, прижмурилъ глаза.

Ашанинъ зорко вглядывался въ него. Его какъ молніей озарила вспомнившаяся ему только теперь вѣская фраза изъ этого письма Александры Павловны, которое маленькая особа давала ему читать: „я одна, и вы мнѣ очень нужны“. Онъ въ первую минуту понялъ, что молодая женщина разумѣла подъ этимъ словомъ „одна“—отсутствіе мужа. „Но оно, разсуждалъ онъ теперь, могло означать и совсѣмъ другое, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Троекурова такъ опредѣлительно говоритъ за этимъ, что Лизавета Ивановна ей *очень нужна*. Спеціальность Лизаветы Ивановны извѣстно какая: утѣшать страждущихъ. Если она оказалась теперь такъ необходима Александрѣ Павловнѣ, то изъ этого можно заключить, что та дѣйствительно осталась *одна*, что и княжны Киры нѣтъ болѣе во Всесвятскомъ, а если это такъ, то, очевидно, это не могло произойти иначе, какъ вслѣдствіе ссоры между кузинами, — причину же такой ссоры угадать не трудно“... пылкая сообразительность московскаго Донъ-Жуана быстро зашагала по этому пути индукціи. Онъ вспомнилъ вечеръ, проведенный имъ со старикомъ Овцынымъ во Всесвятскомъ, когда въ такомъ нежданномъ для него обаяніи предстала предъ нимъ

Кира въ черной сквозной ткани лѣтняго барежеваго платья, и ту „язвительную нотку“, разслышанную его чуткимъ слухомъ въ вѣжливыхъ рѣчахъ Троекурова, когда онъ, Ашанинъ, „признался невольно княжной за ужиномъ“.... Ашанинъ чутьемъ чуялъ теперь „семейную драму“; онъ прозрѣвалъ ее въ обрывистыхъ вопросахъ, съ которыми сейчасъ обращался къ нему Троекуровъ, въ озабоченномъ, мрачномъ выраженіи его лица..

— На долго вы теперь сюда, Борисъ Васильевичъ? спросилъ онъ, насколько могъ естественнѣе.

Тотъ на половину приподнялъ опущенныя вѣки и процѣдилъ сквозь зубы:

— Право, не знаю...

Ашанинъ помолчалъ и спросилъ затѣмъ опять, тщательно заволакивая кипѣвшее въ немъ любопытство тономъ полнѣйшей беззаботности:

— А отсюда куда думаете: назадъ, во Всесвятское?

Но Троекуровъ былъ не тотъ человѣкъ, къ которому можно было бы относиться съ подобными допытываньями, какъ бы ни была прилична и ловка облекавшая ихъ форма. Онъ не отвѣтилъ, но, чуть-чуть отдѣливъ голову отъ спинки своего кресла, обернулъ ее къ говорившему съ такимъ *серьезнымъ*, чтобы не сказать строгимъ, взглядомъ, что тотъ не выдержалъ его и, противъ воли, съ досадой, вызвавшею новую краску на его смуглыя щеки, опустилъ свои блестящіе цыганскіе глаза.

— Ванна готова, доложилъ, входя въ эту минуту въ комнату, Матвѣй.

Баринъ его тотчасъ же поднялся съ мѣста.

— Извините! обратился онъ съ вѣжливою улыбкой къ гостю.

— Помилуйте! воскликнулъ тотъ, поспѣшно вставая въ свою очередь:—дѣло первой необходимости... Извините *меня*, что ворвался къ вамъ такъ не во-время... До свиданія, Борисъ Васильевичъ, желаю вамъ всякаго *успѣха!* чуть-чуть подчеркнулъ онъ.

— *Прощайте!* коротко сказалъ на это Троекуровъ, по-

давая ему руку: „Чай, думаетъ, у меня тоже въ мысли будка!“ оцарапало его что-то въ глубинѣ души: онъ гадливо поморщился и задумался.

„Ну, любезный мой“, говорилъ себѣ въ то же время Ашанинъ, выходя на улицу,— „почитаютъ меня, да и самъ я почиталъ себя до сихъ поръ, *ходокомъ*. Но сравнительно съ тобою, я очевидно лишь мальчишка и щенокъ!“ заключилъ онъ словами Расплюева, котораго такъ геніально изображалъ въ ту пору на московской сценѣ Садовскій.

Холодная ванна дѣйствительно освѣжила Троекурова и „привела“, какъ выражался онъ, его „нервы въ порядокъ“. Совершивъ свой туалетъ, бодрый духомъ и тѣломъ,—такимъ казался онъ самому себѣ во всякомъ случаѣ, — сѣлъ онъ въ коляску и велѣлъ везти себя на Покровку.

Былъ часъ первый пополудни. Осенній день стоялъ теплый и яркій. По Кузнецкому Мосту сновали экипажи, мелькали молодыя женскія лица...

„Quel beau jour,
Quel beau jour pour les amoureux“,

пришелъ на память Борису Васильевичу припѣвъ куплета, слышаннаго имъ въ оны дни на Кавказѣ отъ какого-то Француза, пріѣхавшаго туда волонтеромъ изъ „Африканской арміи“ и потѣшавшаго до истерики въ экспедиціи штабную молодежь своимъ неистощимымъ балагурствомъ... „Quel beau jour“, безсознательно припѣвалъ онъ теперь, поводя моргающими глазами кругомъ себя. „Да, вотъ я ѣду, и она меня ждетъ, ждетъ счастіе... и я не жалѣю ни о чемъ“,—ни о чемъ, со страстною настойчивостью повторялъ онъ себѣ въ то же время: „*тамъ* Лизавета Ивановна, утѣшительница и совѣтчица, пойдутъ акаѳисты и молебны... все обойдется прекрасно... А вотъ тутъ сейчасъ, за этимъ проулкомъ... *она*, она съ ея золотисто-зелеными глазами, со всею этою прелестью дѣвственности и страсти... Ну да, жить, жить и еще жить,—кто въ правѣ отказать человѣку въ этомъ!“ внезапнымъ порывомъ, съ какою-то злостью противу чего-то, будто отрицавшаго это его „право“, проносилось у него въ головѣ

Коляска остановилась. Онъ выскочилъ изъ нея на панель и, пробѣжавъ два шага, чуть не испуганно ухватился за ручку желѣзнаго замка тяжелыхъ дубовыхъ дверей стариннаго дома,— ему представилось, что онъ сейчасъ упадетъ.

Онъ оправился, усмѣхнулся. Дверь распахнулась предъ нимъ подъ рукой сѣдовласаго, сгорбленнаго служителя въ поношенномъ ливрейномъ фракѣ, стараго двороваго Остроженковъ, доживавшаго въ числѣ другихъ, по распоряженію Бориса Васильевича, свой вѣкъ на пенсіи въ этомъ родовомъ обиталищѣ бывшихъ господъ своихъ.

Онъ низко и робко склонилъ голову предъ „новымъ бариномъ“, котораго не зналъ въ лицо, но ждалъ второй день „съ минутки на минутку“ по приказанію управляющаго домомъ, „поставившаго его за швейцара“ на всѣ это время.

Троекуровъ остановился въ сѣняхъ, ласково кивнулъ ему и спросилъ: дома-ли княжна Кира Никитишна Кубенская?

— Дома, батюшка-баринъ, дома, торопливо зашамкалъ на это старикъ,—и не выѣзжали никуда. Какъ изволили третьягось пріѣхать, такъ и не выѣзжали вовсе. И карета даже нанята была имъ на случай проѣздиться пожелаютъ, а только онѣ на то согласиться не изволили, отослать приказали, потому, изволили сказать, имъ никуда не нужно. И въ сей часъ дома, въ кабинетѣ барина... Акима Ивановича, покойнаго дяденьки вашего, Царство ему Небесное! не то вопросительно, не то жалостливо подымая глаза на Бориса Васильевича, протянулъ онъ:—въ кабинетѣ ихнемъ находиться изволятъ. Пожалуйте!..

И онъ побѣжалъ впередъ беззвучными и мелкими шажками въ глубь пространныхъ, полутемныхъ, съ низкимъ сводомъ, поддерживаемымъ шестью каменными столбами, сѣней, въ концѣ которыхъ подымалась широкая каменная лѣстница съ „вальяжными“, рѣзанными изъ темнаго дуба перилами, ярко освѣщенная двумя высокими, выходившими на дворъ окнами, съ огромною въ простѣнкѣ ихъ старинною картиной въ почернѣлой золотой рамѣ, изображавшею судъ Миноса у вратъ Тартара... Чѣмъ-то зловѣщимъ и враждебнымъ ему, почуялось вдругъ Троекурову, вѣяло изъ каждаго угла этихъ массивныхъ

старыхъ стѣнъ, внутри которыхъ впервые ступалъ онъ ногой, нежданный наслѣдникъ наслѣдственныхъ недруговъ своихъ!..

А старый дворовый, останавливаясь и оглядываясь на него отъ времени до времени, продолжалъ бѣжать предъ нимъ, семеня ножками, по длинной анфиладѣ высокихъ и обширныхъ покоевъ, то отдѣланныхъ подъ порфиръ и мраморъ, то отянутыхъ тяжелымъ, поблекшимъ отъ времени ліонскимъ штофомъ, съ полуоблупившеюся позолотой старинной мебели, лѣпными карнизами и фамильными портретами Екатерининскихъ и Александровскихъ годовъ... Домъ къ пріѣзду княжны, во исполненіе приказанія Бориса Васильевича, былъ тщательно приведенъ въ порядокъ, окна вымыты дочиста, мебель до пылинки выбита на дворѣ, паркеты вывощены какъ зеркало. Но еще *суше*, еще мертвеннѣе будто казалась отъ этого его старомодная, величавая и угрюмая пышность. Запахъ щелочи и тлѣнія несся проницающей струей подъ его расписными плафонами; напудренные кавалеры и темноокія дамы съ розами на низко обнаженной груди съ какою-то высокомѣрно-насмѣшливою улыбкой глядѣли, казалось, на непрошеннаго потомка со своихъ свѣже-промытыхъ полотенъ... Жуткое, раздражающее ощущеніе все сильнѣе охватывало Троекурова...

Но вотъ старикъ-слуга остановился у одной двери, занесъ руку къ золоченному замку ея и, какъ бы спохватившись вдругъ, обернулся на него:

— Доложить прикажете? прошепталъ онъ какъ бы испуганно.

— Княжна одѣта? спросилъ на это машинально Борисъ Васильевичъ.

— Доподлинно этого доложить вамъ не могу, батюшка-баринъ, весь захлебываясь отъ почтительности, зашепталъ таинственно тотъ,—потому какъ самъ я къ нимъ званъ не былъ; а только что въ сей часъ Авдѣй-буфетчикъ имъ чай носилъ, и какъ дочь моя, Аксюшкой прозывается, теперича къ нимъ, къ ихъ сіятельству, княжнѣ, значитъ, за горничную приставлена, такъ отъ нея слышалъ я такъ, что онѣ еще въ девятомъ часу встать изволили; стало-быть въ сей часъ должны быть натурально въ своемъ видѣ...

— Хорошо, ступай! прервалъ его рацею баринъ.

Онъ подошелъ къ двери и постучалъ въ нее костяжками пальцевъ.

— Войдите, кто это? донесся сквозь нея голосъ Киры.

— Я! сказалъ онъ, широко растворяя дверь.

— Борисъ Васильевичъ! дрогнувшимъ голосомъ произнесла она...

Она стояла, только-что поднявшись съ мѣста, прямо къ нему лицомъ, за большимъ письменнымъ столомъ, въ глубинѣ пространной и на три четверти темной, съ завѣшенными вплотную окнами, комнатѣ. Только тамъ, рядомъ со столомъ, одна изъ половинокъ оконной занавѣси была откинута, и дневной свѣтъ горячимъ и косвеннымъ токомъ падалъ оттуда на ея изящный и взволнованный обликъ... Она глядѣла на входившаго съ замирающимъ дыханіемъ...

Онъ стремительно зашагалъ къ ней... и остановился какъ бы въ недоумѣніи. „Развѣ она не вскинется, не бросится ко мнѣ?“ пронеслось у него въ мысли:—такъ представлялъ онъ себѣ въ воображеніи до сихъ поръ эту первую минуту ихъ свиданія здѣсь...

Но она не двигалась. Неодолимое смущеніе очевидно превозмогало въ ней радость... Истерзанная, исколотая мукой сомнѣній и самоупрековъ, назойливо врывавшихся ей въ душу съ того вечера, въ саду, когда сказала она ему: „Пойду!“— она трепетно ждала той же минуты свиданія, чая „все забыть“, воскреснуть, вспорхнуть какъ птица къ обѣтованному счастью... И вотъ онъ тутъ, и ждетъ,—она понимаетъ это, видитъ,—а у нея словно крылья подрѣзали вдругъ, и на ногахъ гири, и голосъ замираетъ въ горлѣ отъ неотразимаго чувства какого-то „безсмысленнаго“ страха...

Онъ невольно на мигъ сдвинулъ брови, подошелъ и протянулъ ей руку чрезъ столъ:

— Здравствуйте!

Она дрожащими пальцами отвѣтила на его пожатіе, опустилась на мѣсто:

— Вы... сегодня пріѣхали?

— Да, полтора часа тому назадъ... Не было возможности

раньше выѣхать, какъ ни мучило меня, что вы здѣсь однѣ, скучаете...

— Нѣтъ, пролепетала она:—я нашла тутъ въ библіотекѣ интересныя книги...

И она чуть-чуть кивнула подбородкомъ на лежавшій предъ нею на столѣ старинный фоліантъ.

Троекуровъ сѣлъ насупротивъ ея, въ тѣнь, устремивъ на нее внимательно глаза.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея щекахъ, ноздри дрогнули; она чувствовала себя подъ властью этого зоркаго и жгучаго взгляда, и сердце ея учащенно билось, не то отъ счастія, не то отъ новой муки. „О, сколько любви“,—просилось у нея на уста,—„сколько любви долженъ ты дать мнѣ, чтобы заглушить то, что̀ выношу я изъ-за нея!“

Но она не выговорила этого громко, она спросила чуть не равнодушно:

— Что̀ же, успѣли вы въ Петербургѣ?...

— Успѣлъ?... въ чемъ? повторилъ онъ, все также не отрываясь отъ нея взглядомъ.

— Вы поѣхали для Гриши Юшкова?..

— Ахъ, да, на счетъ этого! Успѣлъ, дѣло кончено: юношу выпустили.

— Слава Богу! воскликнула Кира: — и съ трудомъ добились?

„Развѣ объ этомъ, развѣ объ этомъ“, проносилось опять въ головѣ Троекурова, „будемъ мы, я думалъ, говорить теперь съ нею!“...

— Не трудъ, а скука, отвѣтилъ онъ ей, приподнявъ плечи досадливымъ движеніемъ,—отвращеніе имѣть дѣло со всѣми этими людьми... Къ счастію, перебилъ онъ себя тутъ же,—пріѣхала Вѣра Ѳоминишна, мать Гриши... Я составилъ для нея всеподданнѣйшее письмо: въ немъ было сказано, что̀ есть на самомъ дѣлѣ: что увѣчный отецъ отказывается просить за сына, преступнаго противъ своего Государя, но что онъ у нихъ одинъ, одна надежда ихъ старости, и что старикъ умретъ отъ горя въ случаѣ его осужденія...

Кира качнула одобрительно головой.

— И ему простили?

— Вышла резолюція, какую можно было ожидать отъ Того, къ Кому обращена была эта просьба...

— Что̀ именно? заторопилась она спросить.

— „Отдать сына отцу-герою; его надзоръ—лучшая гарантія въ исправленіи заблудшаго молодаго человѣка“.

— Ахъ, какъ это хорошо! всплеснувъ руками, воскликнула дѣвушка.

Троекуровъ провелъ вдумчиво рукой по лицу:

— Да, въ другое время высоко бы цѣнили эту безконечную милость! какъ бы про себя процѣдилъ онъ.

Настала минута молчанія... Они подняли одновременно глаза другъ на друга—и разомъ опустили ихъ оба...

Онъ повелъ своими кругомъ.

— Неужели же, спросилъ онъ съ насилованною усмѣшкой,—домъ этотъ, по-вашему, недостаточно мраченъ, что вы сочли еще нужнымъ занавѣсить здѣсь всѣ окна?

— Напротивъ, возразила она,—я занавѣсила ихъ потому, что при большомъ свѣтѣ здѣсь кажется еще тоскливѣе и непривѣтливѣй. Это былъ кабинетъ самого старика, дяди вашего: все такъ и осталось, какъ было при немъ... Вы вѣдь впрочемъ ничего этого еще не видѣли...

И она, подойдя къ окну, потянула за снурокъ, раздергивавшій обѣ половинки его драпри:

— Подлѣ васъ виситъ такой же снурокъ,—дерните!

— Къ чему? поспѣшно вставая, воскликнулъ Троекуровъ:—ничего любопытнаго, ни радостнаго для меня въ этомъ домѣ быть не можетъ... Чѣмъ скорѣе,—произнесъ онъ зазвенѣвшимъ мгновенно голосомъ, подвигаясь къ ней мимо стола,—чѣмъ скорѣе выѣдемъ мы отсюда, Кира, тѣмъ счастливѣе я буду!

Она неожиданно вздрогнула, перемѣнилась въ лицѣ... „Какъ, вотъ, вотъ сейчасъ!..“ Ей стало страшно опять...

Промежъ широко-раздернутыхъ ею между тѣмъ занавѣсей окна сверкающая волна свѣта влилась плашмя въ комнату длиннымъ параллелограмомъ, ударяя въ противоположную стѣну, на которой висѣла большая, въ рамѣ, отянутая синимъ

сукномъ, доска съ навѣшенною по ней на мѣдныхъ гвоздикахъ коллекціей всякихъ акварельныхъ и фотографическихъ портретовъ.

— Старикъ, заговорила поспѣшно Кира, хватаясь за первый предлогъ отдалить хоть еще на мигъ неизбѣжно предстоявшій между ними „настоящій разговоръ“,—старикъ любилъ собирать портреты всѣхъ молодыхъ лицъ, какія онъ зналъ. Тутъ и мой между прочимъ я нашла, промолвила она, налаживаясь на улыбку и направляясь къ той стѣнѣ.

Троекуровъ послѣдовалъ за нею.

— Вотъ онъ! указала она, останавливаясь предъ доской:— онъ выпросилъ его, я помню, у тетушки Марьи Яковлевны, когда я къ ней пріѣхала изъ-за границы въ Москву, четыре года назадъ... Перемѣнилась я съ тѣхъ поръ? спросила она вдругъ неестественно веселымъ тономъ.

Эта искусственность раздражала его; онъ нервно закусилъ усъ:

— Не особенно! нехотя уронилъ онъ въ отвѣтъ ей.

Она быстро обернулась на него, вскинула глазами прямо ему въ лицо—и бѣлые, ровные зубы ея сверкнули, словно у молодаго волка, изъ-за дрогнувшихъ и раскрывшихся губъ:

— Тутъ есть еще другая, знакомая вамъ особа, какъ бы отчеканила она.

— Кто это? досадливо спросилъ онъ.

— Узнайте! И она устремила указательный палецъ на другой портретъ.

Онъ взглянулъ... Это была фотографическая карточка его жены, шестнадцатилѣтней Сашеньки — „дѣвочки“ съ ея невинно-строгимъ выраженіемъ „волоокой Геры“, съ густымъ вѣнцомъ темныхъ волосъ надъ античною, словно нѣжнѣйшимъ рѣзцомъ *пробранною* по мрамору головкой,—экземпляръ той самой карточки, которую Женни Карнаухова „подъ большимъ секретомъ“ прислала ему, раненому, на Кавказъ, вслѣдъ за письмомъ, въ которомъ извѣщала его, что эта дѣвочка ходитъ каждый день тайкомъ съ няней, подъ предлогомъ прогулки, къ Спасскимъ воротамъ—ставить Спасителю свѣчку о его исцѣленіи... Онъ никакъ не ждалъ увидѣть это изобра-

женіе здѣсь, въ эту минуту!... Цѣлый міръ прошлаго,—цѣлый міръ чистыхъ, лучшихъ въ его жизни грезъ и помышленій мгновенно хлынулъ, будто внезапно прорвавшійся родникъ, и зажурчалъ въ душѣ его съ неотразимою силой. Онъ замѣтно смутился, вѣки его судорожно замигали...

Лицо Киры въ то же мгновеніе покрылось смертельною блѣдностью. Она неотступно глядѣла на него, — она все замѣтила, все поняла...

Она отошла къ столу и тихо опустилась въ кресло, нажимая ладонями глаза...

Онъ успѣлъ тѣмъ временемъ овладѣть собою, обернулся, увидѣлъ ее въ этомъ положеніи и кинулся къ ней:

— Что съ вами, Кира, говорите... что съ вами? допрашивалъ онъ, захватывая эти руки у кистей и силясь оторвать ихъ отъ ея лица.

— Оставьте, оставьте! шептала она обрывающимся голосомъ.

Онъ понялъ въ свою очередь, отступилъ недоумѣло и молча...

Она уронила руки, откинула назадъ голову:

— Что я здѣсь дѣлаю, скажите, зачѣмъ я здѣсь? вырвалось у нея взрывомъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить. Она не дала ему на это времени:

— Развѣ я не видѣла сейчасъ, не прочла на лицѣ вашемъ? Вы ее любите еще: я это предчувствовала!..

— Послушайте, Кира, это ребячество! возразилъ онъ морщась:—да, я любилъ ее, я женился на ней потому, что любилъ... Не знаю, что могли вы „прочесть на моемъ лицѣ“, но во всякомъ случаѣ это относилось къ прошлому, къ отжитому, къ чему возврата нѣтъ. Изъ-за чего же вы волнуетесь? Развѣ между вами и мной не все порѣшено еще, развѣ я не весь вашъ теперь?...

— Нѣтъ! рѣзко выговорила она:—вы говорили: „безъ сожалѣнія и раскаянія“. А вы въ этомъ сами не властны!...

— Я не ждалъ отъ васъ этихъ упрековъ, сказалъ онъ,— вы точно ссоры ищете...

— „Ссоры?“—горько повторила она:— знаете-ли вы, что

я не сплю, не ѣмъ съ той самой минуты... когда „все порѣшено“ было, какъ вы говорите!... Вы говорили о „правдѣ любви“,— и за этимъ словомъ я согласилась итти за вами... на все. Но *правда*-ли это дѣйствительно? Не проходило еще мгновенія съ той поры, чтобы не думала я мучительно объ этомъ... Я упорствовала, я хотѣла вѣрить: „правда“ эта, увѣряла я себя, выше совѣсти, выше терзаній ея... выше тѣхъ униженій, которыя вынесла я тамъ, прежде чѣмъ уѣхала...

— „Униженія“? Отъ кого?—вскрикнулъ онъ съ засверкавшими глазами.

— Не отъ нея, успокойтесь! Она, какъ всегда, чиста и великодушна, презрительно усмѣхнулась Кира,—такъ великодушна даже, что постаралась оправдать меня въ собственныхъ моихъ глазахъ.

И, вынувъ изъ кармана анонимное письмо, полученное Александрой Павловной и переданное, по ея приказанію, Анфисой княжнѣ въ минуту ея отъѣзда изъ Всесвятскаго, протянула его Троекурову:

— Прочтите!

Онъ развернулъ письмо... Первымъ дѣломъ кинулись ему въ глаза начертанныя спѣшною и дрожавшею рукой его жены слова: „Если и правда, не ты виновата“... Виноватымъ очевидно почитала она одного его... Его словно кто ножомъ въ грудь ударилъ: вся кровь отлила ему къ сердцу. Онъ быстро обернулся, какъ бы къ свѣту, чтобы не выдать опять Кирѣ своихъ ощущеній и принялся читать далѣе съ презрительнымъ выраженіемъ на побѣлѣвшихъ и присохшихъ губахъ...

— Мерзавецъ! — вскликнулъ онъ, дойдя до конца,—это Троженковъ сочинялъ, очевидно... Но... но какъ могъ онъ узнать... о нашемъ разговорѣ?...

— Не все-ли равно теперь?—повела она на это равнодушно плечомъ.

Онъ засмѣялся нежданно громкимъ,—слишкомъ громкимъ, чтобы быть вполнѣ искреннимъ,—смѣхомъ (и Кира поняла это):

— И къ лучшему! сказалъ онъ,—этотъ господинъ избавилъ насъ отъ всякихъ другихъ объясненій: всѣ путы порваны, мы свободны теперь.

— Свободны!... на что?—глухо проговорила она.

— Уѣхать прежде всего, уѣхать скорѣе!...

— И мучиться отъ этого, и страдать обоимъ?

— Кира, перестаньте! Это жестоко или безумно,—вы это должны понять!...

— Жестоко, да! Я говорила вамъ, я это предчувствовала... И вижу ясно теперь...

— Что вы видите! перебилъ онъ ее, волнуясь и блѣднѣя:—вы выискали какой-то дѣйствительно ребяческій предлогъ мучить и себя, и меня...

— Вы знаете сами, что это не ребячество!—пылко возразила она:—вы знаете, что я не торговалась: я прямо, не задумываясь, рѣшилась итти съ вами—на преступленіе. Я понимала, что это *преступленіе*, что гублю ее, лишаю ея дѣтей отца ихъ,—и все же согласилась... Я слѣпа была, я вѣрила, повторяю, въ эту силу, въ эту вашу „правду“ любви, и что предъ нею должно потонуть все, все прошлое, и мое, и ваше, что съ него начнется новая, совсѣмъ новая жизнь... какъ вотъ послѣ смерти обѣщаютъ намъ,—и ничего уже въ этой жизни не будетъ, кромѣ той же любви всепоглащающей, исключающей все прежнее, все остальное...

— Вы не ошибаетесь, горячо воскликнулъ онъ:—эта новая жизнь ждетъ насъ, ждутъ золотые дни счастія!...

Она засмѣялась теперь въ свою очередь,—засмѣялась надрывающимъ смѣхомъ.

— Поклянитесь же мнѣ, попробуйте, — я вашей клятвѣ повѣрю, — что никогда не вспомните о *ней*, не пожалѣете о томъ, чѣмъ пожертвовали для меня!.. Развѣ вы рѣшитесь дать эту клятву?.. Вѣдь я видѣла сейчасъ, я нарочно подвела васъ къ ея портрету, весь день вчера соображала я это... Да и кто знаетъ, — какою-то странною нотой зазвенѣлъ вдругъ голосъ Киры, — вы, можетъ быть, сами показались бы мнѣ гадки, если бы въ сердцѣ вашемъ не осталось ничего къ ней. Вѣдь и она же любила... и давала вамъ счастіе—какое умѣла!.. А между тѣмъ—и прозрачныя ноздри ея надменно дрогнули,—а между тѣмъ я и съ мертвою не согласна была бы дѣлиться ни единымъ помысломъ того... кого я люблю!..

У Троекурова двоилось въ глазахъ. Никогда еще ея своеобразная красота и то внутреннее содержаніе, тотъ пылъ и цвѣтъ душевный, что̀ заключались въ ней, не представлялись ему въ такомъ обаяніи, какъ въ этотъ мигъ, когда, блѣдная какъ мраморъ, съ горящими страстною энергіей глазами, безпощадно разгоняла она этою нежданною горечью рѣчи марево чаемаго—давно-ли? — ими обоюднаго счастія. Соблазнъ этого счастія снова захватилъ и повлекъ его теперь. „Нѣтъ, что̀ бы ни было, ты моя, ты должна быть моею!“ неудержимо подымалось ему къ горлу... Онъ рванулся впередъ, простирая руки... и остановился, вздрогнувъ, предъ ея внезапно испуганнымъ движеніемъ, перемогая себя сверхестественнымъ усиліемъ и чувствуя, какъ краска мгновеннаго стыда выступала на его лицо... „Ашанинъ, *будка*“, гадливо пронеслось у него опять въ головѣ...

Она повела на него съ мѣста долгимъ, лихорадочно вопрошающимъ взглядомъ:

— Я знала, вы честный человѣкъ, проговорила она тяжело дыша,—вы не дадите обѣта, котораго сдержать не можете. Вы сами обманывались! ..

— Не знаю, отвѣтилъ онъ, садясь и судорожно проводя рукой по лицу:—я былъ искрененъ съ вами, Кира, и чувство мое къ вамъ заглушало во мнѣ всѣ иныя чувства и мысли,—это вѣрно! Я шелъ къ вамъ, отрѣшившись, казалось мнѣ, ото всѣхъ оковъ прошлаго. Вы сочли нужнымъ подвергнуть меня искушенію. Я не ждалъ... Оказывается дѣйствительно, что не все то легко порывается, что̀ хочешь, договорилъ онъ тихо.

Она глядѣла на него съ широко раскрытыми зрачками, съ высоко и неровно подымавшеюся грудью подъ темнымъ лифомъ ея платья.

Жилы на лбу Троекурова замѣтно натянулись. За страстнымъ порывомъ наступила борьба...

— Я сжегъ свои корабли, вы это знаете, заговорилъ онъ послѣ тяжкаго молчанія:—но для васъ этого недостаточно... Я не упрекаю васъ за это,—поспѣшно примолвилъ онъ, какъ бы предупреждая возможное возраженіе,—не въ вашей природѣ итти на компромиссы. Все, до невозможнаго, или ничего, —

девизъ вашъ... Но я смѣлъ думать, что вы будете великодушнѣе, добавилъ онъ съ чуть-чуть слышнымъ оттѣнкомъ желчи.

— Великодушнѣе?—повторила она, не понимая.

— Да, что вы не станете въ эту минуту предъявлять вексель на мою „честность“.

— А когда же, пылко вскликнула она на это,—когда, по-вашему, слѣдовало бы мнѣ напомнить вамъ это? Когда сама дѣйствительность потребовала бы съ васъ уплаты и обратила бы для васъ любовь ко мнѣ въ тюрьму, изъ которой вы могли бы вырваться только чрезъ смерть мою или вашу. Потому что вы сочли бы своимъ долгомъ, я знаю, не покидать меня до смерти... а я, — я была бы уже не въ силахъ разстаться съ вами, хотя бы и видѣла, и чувствовала каждую минуту, какъ гложетъ вамъ сердце червь воспоминанія и сожалѣнія о прошломъ... Вы сейчасъ сказали сами, что „не все то легко порывается, что̀ хочешь“. А понимаете-ли вы, — возгласомъ отчаянія вырвалось изъ груди Киры,—что единственное право мое на васъ и единственное мое оправданіе въ собственныхъ глазахъ, это было бы убѣжденіе, что вы не знали счастія до сихъ поръ, что я, одна я, въ состояніи дать вамъ его... Я сказала вамъ сейчасъ, что, можетъ быть, я стала бы почитать васъ дурнымъ человѣкомъ, если-бъ у васъ ничего не осталось къ *ней* въ вашемъ сердцѣ. Я солгала!... Я, можетъ быть, говорила бы вамъ это вслухъ, но въ душѣ я боготворила бы васъ за это... Но вы не можете, не можете: призракъ все это было, одинъ призракъ!...

Троекурова точно повело всего внутренно. „Призракъ“! съ вѣскою отчетливостью отпечатывалось это слово въ его мозгу, будто въ первый разъ приходилось ему слышать его... „Призракъ... Но въ какую же игру тогда играли мы оба съ нею до этой минуты?“... И глухая, но уже раздражающая боль заколола у него въ груди: лицо приняло мгновенно холодное, чуть не злое выраженіе...

— Послушайте, Кира, сказалъ онъ, — другой на моемъ мѣстѣ обратилъ бы, можетъ быть, ваше же оружіе противъ васъ и сталъ бы вамъ доказывать, что любовь прежде всего не терпитъ условій и уговоровъ, что она, какъ отъ вѣка по-

ложено ей быть, искренна только тогда, когда *слѣпа*, что нѣтъ ея тамъ, гдѣ нѣтъ безспорнаго, неограниченнаго довѣрія къ любимому предмету, довѣрія, не допускающаго страховъ о будущемъ, ни еще менѣе безполезныхъ сѣтованій за прошлое. Онъ могъ бы легко, пожалуй, вывести изъ этого, что въ васъ самихъ лежитъ зародышъ тѣхъ недочетовъ, которые, въ вашемъ понятіи, происходятъ отъ недостаточности гарантій предлагаемаго вамъ счастія... Но я къ этому оружію прибѣгать не стану. Мнѣ всегда противно было соблазнять софизмами чужую совѣсть... Да и со своею не умѣлъ я это никогда дѣлать! безвольно вырвалось у него, подъ вліяніемъ той какой-то тяжкой работы, совершавшейся въ немъ внутренно...

— Для чего это вы мнѣ говорите? со внезапною тревогой обернулась на него Кира.

— Я думалъ, это ясно для васъ, — и въ голосѣ его послышалось нетерпѣніе:—мы, какъ сказочный царевичъ, стоимъ теперь на перепутьи, не зная, куда итти, вправо или влѣво, впередъ или назадъ. Но такъ оставаться нельзя. Я послѣ того, что̀ сказано вами, не почитаю себя въ правѣ заявлять свое слово. Выборъ зависитъ единственно отъ васъ. Рѣшайте.

Сердце страшно забилось у нея, руки похолодѣли, между тѣмъ какъ кровь горячею струей кидалась ей въ голову. „Что̀ же, кинуться къ нему, въ его объятія, сказать, *голосомъ выговорить:* я твоя, твоя безъ разсужденій, дѣлай со мной, что̀ хочешь!“ зазвенѣла нежданно въ ней какая-то мгновенная сила страсти.

Она опустила вѣки въ смятеніи, охватившемъ все ея существо...

Онъ молчалъ и ждалъ...

Она приподняла опять опущенныя зѣницы, пытливо, трепетно устремилась горящими зрачками въ его глаза... и дрогнула вдругъ и замертвѣла вся:

„Поздно слишкомъ!“ прочла она какъ въ книгѣ въ этихъ стальныхъ, въ этихъ „безпощадныхъ“ глазахъ:—самъ онъ ничего уже не *хотѣлъ* теперь...

Она нашла въ себѣ силу устоять на ногахъ, улыбнуться...

Онъ всю жизнь свою потомъ не могъ забыть этой улыбки. Въ ней было все, примѣняя сюда слова поэта:

Любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой *).

Но самъ онъ словно оледенѣлъ весь въ эту минуту, и ни единаго звука не исторглось изъ груди его въ отвѣтъ на ея муку.

Она сама одолѣла ее. Отвернувшіеся отъ него глаза ея устремились неопредѣленно въ глубь комнаты; дрожавшія губы сомкнулись въ тонкую, чуть намѣченную линію, какъ въ ликахъ святыхъ на картинахъ прерафаэлитовъ. Что-то суровобезучастное слагалось на ея блѣдномъ какъ саванъ лицѣ.

Такъ прошло нѣсколько мгновеній, томительныхъ какъ зрѣлище агоніи приговореннаго больнаго...

Она еще разъ чуть-чуть усмѣхнулась:

— Вы мнѣ позволите, произнесла она твердымъ голосомъ,—объ этомъ рѣшеніи моемъ извѣстить васъ не сейчасъ?

Онъ поклонился:

— Когда же прикажете явиться за нимъ?

— Неужели вы такъ любопытны? послѣднимъ, горькимъ взрывомъ уязвленнаго чувства вырвалось у нея. Но она тутъ же поборола это чувство, встала, протянула ему руку и проговорила кроткимъ, дружественнымъ тономъ:

— Я не заставлю васъ долго ждать, Борисъ Васильевичъ.

Онъ наклонился, коснулся губами ея безжизненныхъ какъ у мертвой пальцевъ, поднялъ голову съ замѣтнымъ намѣреніемъ что-то сказать ей... но не сказалъ ничего, глубоко поклонился еще разъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

Холодная вся и недвижимая какъ истуканъ, долго глядѣла ему во слѣдъ Кира... „Все кончено“, безсознательно произнесла она вслухъ затѣмъ и опустилась опять на свое мѣсто предъ столомъ, роняя лицо на сложенныя руки.

---

*) Лермонтовъ. *Демонъ*.

„Что же теперь?“ спрашивала себя она... Слезы подступали ей къ горлу, но она плакать не могла. „Въ родѣ нашемъ не плачутъ“, вспомнились ей слова отца ея на одрѣ смерти и та надрывавшая ей сердце улыбка, которою пытался онъ при этомъ успокоить ея тревогу. И сама она при этомъ воспоминаніи пріосанилась вдругъ и обвела безпокойно кругомъ себя глазами, какъ бы испугавшись, чтобы чей-нибудь взглядъ не подсмотрѣлъ въ нихъ выраженія „слабости ея предъ горемъ“...

Преданія этого рода, честнаго рода ея, преданія нравственной *порядочности*, воспринятыя какъ бы съ молокомъ матери, воспитаніе въ дальнемъ краю, управляемомъ этимъ строгимъ отцомъ, говорившимъ: „Noblesse oblige et *pouvoir* aussi“, сиротство ея затѣмъ, страстные идеалы „служенія человѣчеству“, ея петербургская дворская жизнь... и *вдругъ это, это*—все разомъ поднялось и зазвенѣло въ ея душѣ, словно набѣгомъ вѣтра на натянутыхъ струнахъ эоловой арфы. „Все кончено“: преступныя надежды, блудящіе огни недостижимыхъ для нея радостей жизни... Ладья ея безъ кормила и весла набѣжала на утесъ и поглощена пучиной, сознавала она... Оставалось *душу живу* вынести изъ кипени водъ...

Глаза ея случайно остановились на открытой страницѣ развернутаго на столѣ фоліанта, который она, въ ожиданіи Троекурова, вынесла изъ библіотеки старика Остроженка, привлеченная въ ту минуту его древнимъ, пергаментнымъ переплетомъ гораздо болѣе, чѣмъ самимъ заглавіемъ. Это было изданіе XVII вѣка *Подражанія Христу*, съ французскимъ въ стихахъ переводомъ en regard Корнеля, автора *Сида* и *Les Horaces*... *„Ama nesciri et pro nihilo reputari“* *), прочла она, побѣжала безсознательно взглядомъ къ соотвѣтствовавшему французскому тексту... и вздрогнула вдругъ вся, какъ бы отъ вѣянія чьего-то таинственнаго и живительнаго дуновенія...

---

*) Возлюби невѣданнымъ быть и слыть за ничто.

XI.

Напрасно вы бесѣдою шутливой
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
Пушкинъ.

Твоей душѣ покорность не возможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.
Гр. А. Толстой.

„Призракъ, да, призракъ!“ повторялъ мысленно Троекуровъ, спускаясь по лѣстницѣ въ мрачныя сѣни дома, — „не любовь у нея, не увлеченіе, а все то же болѣзненное исканіе, зудъ безпокойнаго ума, рвущагося за предѣлы возможнаго... А я?“... Онъ не договаривалъ... На душѣ его было темно и трудно, и онъ какъ бы боялся разобраться въ наводнявшихъ ее ощущеніяхъ. Ему хотѣлось отбиться отъ нихъ, отогнать, разсѣяться какимъ-нибудь внѣшнимъ, постороннимъ занятіемъ... Онъ вспомнилъ о своей конторѣ, помѣщавшейся тутъ же рядомъ, на Покровкѣ, и, выйдя на улицу, направился туда.

Контора состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ первая служила пріемною, вторая—„канцеляріей“, а третья, маленькая, выходившая на дворъ, съ покойною мебелью, несгараемымъ шкапомъ для храненія денегъ и письменнымъ столомъ, служила рабочимъ кабинетомъ Троекурову, когда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ въ Москву.

Онъ вошелъ, засталъ конторщика и двухъ его писцовъ за счетами и, пройдя въ этотъ свой кабинетецъ, потребовалъ полугодовой отчетъ по сахарному заводу „съ документами“.

Онъ разсчитывалъ, что ему за этимъ „часа на два работы хватитъ“, и, потребовавъ какихъ-то предварительныхъ свѣдѣній отъ конторщика, выслалъ его затѣмъ изъ комнаты и погрузился въ дѣло съ карандашомъ въ рукѣ.

Ему приходилось перелистать и провѣрить страницъ пятнадцать всякихъ *статей*, исписанныхъ колоннами цифръ, но онъ не былъ въ силахъ одолѣть и одной. Цифры прыгали и путались предъ его усталыми глазами. Нервы, чрезмѣрно натянутые безсонницей и прожитыми имъ сейчасъ ощущеніями, отказывались повиноваться ему. Имъ овладѣвала неодолимая дремота. Онъ безотчетно откинулъ голову въ спинку стариннаго кресла, на которомъ сидѣлъ предъ столомъ, и тутъ же заснулъ.

Такъ прошло довольно долго времени.

Но вотъ, еще сквозь сонъ, изъ-за не совсѣмъ примкнутой двери въ „канцелярію“ донесся до него полушепчущій говоръ двухъ голосовъ:

— Къ Ахенбаху поздно, говорилъ конторщикъ:—шестой часъ въ началѣ, конторы всѣ заперты.

— Онѣ безпремѣнно просили, чтобы сегодня же, возражалъ другой кто-то,—а не то, такъ золотомъ получить, все равно.

— Это можно; мѣнялы во всякій часъ сидятъ...

— Такъ ужь потрудитесь, Иванъ Никитичъ, скорѣе. Очень просили онѣ.

Троекуровъ узналъ голосъ управляющаго его домомъ,—и открылъ глаза, прислушиваясь...

— Съ моимъ удовольствіемъ, говорилъ конторщикъ:—только вотъ какъ бы, шкапъ отворямши, барина не потревожить: започивали никакъ...

— Никитинъ! громко позвалъ его Борисъ Васильевичъ:—о чемъ у васъ тутъ!

— Изъ дому, вотъ, господинъ Пазухинъ пришли, доложилъ тотъ, появляясь въ дверяхъ,—отъ княжны Киры Никитишны съ порученіемъ.

— Что такое? На счетъ какихъ-то денегъ, я слышалъ...

— Точно такъ-съ! У насъ въ кассѣ денегъ ихнихъ,

полученныхъ мною, по довѣренности ихъ, изъ казначейства, 1.600 рублей лежатъ. Такъ онѣ просятъ, чтобъ эти деньги перевести траттою на Женеву или Ліонъ, а то такъ золотомъ...

— Да, перебилъ его, кивая, Троекуровъ,—знаю... Такъ вы, пожалуйста, устройте это ей скорѣе!...

И пока тотъ, поспѣшно подбѣжавъ къ письменному столу, вынималъ изъ потайнаго ящика хранившійся тамъ ключъ отъ несгораемаго шкапа, онъ подвинулся къ столу, подкинулъ себѣ тетрадку почтовой бумаги и, обращаясь къ управляющему:

— Я сейчасъ напишу два слова княжнѣ, промолвилъ онъ, мокая перо въ чернильницу лѣнивымъ какъ бы жестомъ;— отнесите и спросите, будетъ-ли отвѣтъ?

— Слушаю-съ!...

„Я узналъ, что вы собираетесь уѣзжать, писалъ Троекуровъ,—угодно-ли вамъ будетъ видѣтъ меня предъ этимъ?“

Онъ запечаталъ записку, надписалъ на обложкѣ короткій адресъ: „Княжнѣ“ и отдалъ ее Пазухину.

Минутъ черезъ десять тотъ вернулся съ отвѣтомъ:

— Княжна приказала сказать, что онѣ напишутъ и пришлютъ въ контору для доставленія вамъ.

— Хорошо! кивнулъ Борисъ Васильевичъ.— Такъ когда получите, принесите ко мнѣ, къ Шевріе; я тамъ обѣдать буду, наказалъ онъ конторщику и, сдавъ ему обратно бумаги ио заводу, велѣлъ подавать коляску и уѣхалъ.

Погода перемѣнилась тѣмъ временемъ. Задулъ холодный вѣтеръ, небо заволоклось тучами. Обѣденное время разогнало гуляющихъ съ Кузнецкаго Моста. Все словно посѣрѣло и закисло кругомъ... „А давно-ли проѣзжалъ я здѣсь и напѣвалъ:

„Quel beau jour,
Quel beau jour pour les amoureux?“

пронеслось въ памяти Троекурова...

— Троекуровъ, здравствуй, давно пріѣхалъ? послышался ему голосъ изъ обгоняющей его коляски.

Онъ обернулся.

Въ коляскѣ сидѣлъ Фифенька Веретеньевъ, въ лиловомъ галстукѣ и шляпѣ набекрень, и весело кричалъ ему, присвистывая въ пустое отверстіе недостававшихъ ему спереди зубовъ:

— Ты въ клубъ?

— Нѣтъ! коротко отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ.

— Пріѣзжай, я тебя сейчасъ запишу; тамъ сегодня уха! крикнулъ еще разъ Фифенька и промчался мимо.

Троекуровъ велѣлъ кучеру своему остановиться у ресторана Шевріе, вошелъ туда, спросилъ карту и, усѣвшись въ углу за столикъ, долго разглядывалъ ее, какъ бы не зная, на чемъ остановиться, и наконецъ, къ нѣкоторому удивленію почтительно выжидавшаго его приказанія офиціанта-Татарина, кинулъ карту на столъ и проговорилъ сквозь зубы:

— Все равно, подай чего-нибудь!...

— Слушаю-съ... Вина какого прикажете?

— Вина?... повторилъ онъ, разсѣянно глядя на спрашивавшаго.

— Хозяинъ на дняхъ отличную партію бургонскаго получили, ваше сіятельство, прошепталъ, наклоняясь къ нему, тотъ, будто съ намѣреніемъ сообщить ему государственную тайну,— Шамбертень великолѣпнѣйшій!

— Хорошо, подай!...

Ѣда не шла въ горло Борису Васильевичу. Онъ отсылалъ, едва отвѣдавъ, подававшіяся ему блюда и морщился, словно принявъ лѣкарство, вслѣдъ за каждымъ проглоченнымъ кускомъ. Но предложенную бутылку Шамбертеня онъ выпилъ до дна и за послѣднимъ глоткомъ всталъ и отправился въ въ свой нумеръ.

— Письма есть? коротко спросилъ онъ вышедшаго ему навстрѣчу Матвѣя.

— Никакъ нѣтъ! отвѣтилъ тотъ, принимая шляпу и перчатки барина.

— „Il faut pourtant en avoir le coeur net“, сказалъ себѣ мысленно и почему-то по-французски Троекуровъ, опускаясь на диванъ.

Онъ скользнулъ взглядомъ по лицу своего слуги, зѣвнулъ:

— Княжна Кира Никитишна здѣсь, остановилась въ Покровскомъ домѣ; она собирается уѣзжать, неопрѣделенно проговорилъ онъ; — ты сходишь къ ней, скажешь, что я тебя прислалъ, не будетъ-ли какихъ приказаній... и все исполнишь, если что ей нужно... А какой отвѣтъ будетъ, придешь мнѣ сказать.

— Слушаю-съ. Сейчасъ прикажете?

— Само собою!....

— Вы изволите тепереча дома оставаться? осторожно спросилъ Матвѣй, зная, что баринъ „вообще не терпятъ, чтобъ ихъ спрашивали“.

Баринъ оглянулся, подумалъ...

— Я, можетъ быть, въ клубъ уѣду, въ Англійскій... Ты туда приди съ отвѣтомъ.

— Слушаю-съ!

Онъ отправился. Борисъ Васильевичъ остался одинъ. Онъ растянулся на диванѣ, прижмурилъ глаза и долго оставался такъ, погруженный въ глубокое внутреннее размышленіе.

На дворѣ наступали сумерки; полумракъ обымалъ уже углы комнаты... Троекуровъ поднялся, прошелся раза два мимо оконъ, надѣлъ шляпу, машинально взглянувъ на себя при этомъ въ зеркало, вышелъ и, кликнувъ свою коляску, велѣлъ везти себя въ Англійскій клубъ.

Тамъ, въ билліардной, прямо противъ двери, въ углу, за ломбернымъ столомъ сидѣли Фифенька Веретеньевъ, пріятель его, первый по Москвѣ игрокъ въ коммерческія игры, monsieur Lecourt, пріѣзжій изъ Петербурга Чижевскій, и такой же пріѣзжій гвардейскій гусаръ съ необыкновенно красными и толстыми губами. Они рѣзались въ преферансъ „по маленькой“. Подлѣ нихъ, на особомъ столикѣ, стояла въ холодильникѣ бутылка шампанскаго... Въ этой, извѣстной во всемъ клубѣ, „Лекуровской компаніи“ такихъ бутылокъ до перваго штрафа выпиваюсь играющими иногда до пятнадцати. Онѣ записывались за каждымъ, поочереди, ставившимъ ремизъ, опорожнялись и замѣнялись новыми съ неимовѣрной быстротой.

— Спасибо! кивнулъ, подходя, Троекуровъ Фифенькѣ, за-

писавшему его, подалъ руку знакомымъ и опустился подлѣ него на диванъ.

— Человѣкъ, стаканъ!... Выпьешь? спросилъ его тотъ.

— Не буду, нѣтъ!...

— Жизнь — есть пиръ! съ покатистымъ смѣхомъ проговорилъ, на манеръ лозунга, останавливаясь у стола, Мишка Тарановъ, остроумецъ и толстякъ, самъ уже нѣсколько лѣтъ промѣнявшій былое *жуирство* на отчаянные споры о „матерьяхъ важныхъ“ въ „чернокнижной“.

Онъ подмигнулъ сквозь очки на играющихъ, дружески потряхивая между тѣмъ руку Троекурова.

— Пиръ, пиръ! съ хохотомъ подтвердилъ monsieur Lecourt, бѣлокурый весельчакъ съ выбритымъ начисто и оплывшимъ лицомъ. А вотъ тебѣ и карамболь по красному, съ тѣмъ же смѣхомъ отнесся онъ къ гусару, объявившему семь въ червякъ, и показалъ ему свои карты:—дама самъ третей, тузъ и фуршетка козырей, ставь ремизъ! Я, братъ, строгъ, но справедливъ... Слѣдующая бутылка за тобой!...

Гусаръ, уже на половину *готовый*, мотнулъ головой въ знакъ согласія, выписалъ надъ чертой пульки исполинскую цифру 20, причемъ мѣлокъ разлетѣлся въ куски подъ его здоровыми пальцами, и запѣлъ вполголоса:

А кокетка,
Какъ ракетка,
Въ мигъ взовьется, заблеститъ...
— Ахъ, морозъ-морозецъ,
Молодецъ ты русскій,

проречитативилъ въ свою очередь, сдавая карты, Lecourt: — ты бы вотъ послушалъ, какъ это Маня поетъ; косточки всѣ пробираетъ, чертовка...

— Поѣдемъ отсюда къ нимъ! поспѣшно предложилъ молодой воинъ.

— Дѣло! Чижевскій, ѣдемъ?

— Охотно; я давно Цыганъ не слыхалъ.

— Фифа, и ты?

— Не могу. У меня сегодня soirée comme il faut.

— У кого это, кого плѣнять собою будешь, Фифочка ты моя забубенная?

— У купца Подсолнухина, на Пятницкой, по случаю бракосочетанія *ихъ* съ дѣвицей Сыроѣшкиной, балъ съ угощеніемъ и avec le оркестръ Сакса, присвистнулъ Веретеньевъ и подмигнулъ:—*sans* (то-есть безъ этого), говорю ему, я дирижировать не могу.

Вся кампанія залилась смѣхомъ.

— А avec, спросилъ Тарановъ,—сколько ты у него призанялъ?

Фифенька скорчилъ жалобную гримасу:

— Вздоръ самый! Пятьсотъ всего, и то подъ вексель далъ, аршинникъ!...

— Э, братъ, какъ ты съ цѣны съѣхалъ! протянулъ Лекуръ, высовывая языкъ: — въ распродажу видно товаръ пошелъ.

Всѣ расхохотались опять.

— И вотъ какъ видишь, громко сказалъ Тарановъ, обращаясь къ Троекурову,—это у нихъ 365 дней подъ рядъ въ году, и десять лѣтъ кряду,—та же гульба и пѣсня идетъ:

Nous n'avons qu'un temps à vivre,
Amis, passons le gaiement?...

— Вѣрно! крикнулъ Лекуръ, опорожняя вино, остававшееся въ стоявшемъ подлѣ него стаканѣ, и поднялъ его надъ головой:—*дю шампань, жюска ла моръ!*

— Не зайдешь *къ намъ?*—шепнулъ Троекурову Тарановъ, разумѣя „чернокнижную“.

Это была въ тѣ дни узенькая, въ одно окно, съ единственнымъ диваномъ и тремя, четырьмя покойными креслами комната, рядомъ съ „читальною“, куда собирались клубные „мудрецы“, какъ утверждала Лекуровская кампанія, „Европу дѣлить“. Не многочисленно, но необыкновенно задорно было собиравшееся тамъ каждый вечеръ общество; гулъ споровъ, перемежаемый взрывами хохота, вызываемаго забавными анекдотами, главнымъ поставщикомъ которыхъ былъ тотъ же Тарановъ, стоялъ неумолчно въ ней, какъ дымъ въ курной избѣ.

Тамъ уже „шли дебаты“ (все о томъ же „европейскомъ парламентѣ“, о которомъ до пѣны у рта происходили здѣсь словоизверженія каждый вечеръ,), когда пріятели вошли туда. Собралось уже человѣкъ пять. Противъ „радикала“ Сильванскаго выступалъ со ссылками на Гнейста Иванъ Алексѣевичъ Готовкинъ, почитавшійся предсѣдателемъ „чернокнижной“, бывалый, начитанный человѣкъ и кровный „тори“ по убѣжденіямъ.

Тарановъ, еще съ порога, такъ и ринулся въ преніе (шло дѣло о положеніи крестьянъ на Западѣ):

— Въ министерство 30 марта, загудѣлъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,—вопросъ о коммунальномъ устройствѣ...

— Позвольте,—прервалъ его озадаченный Сильванскій,—что это за министерство 30 марта?

— Второе министерство Тьера въ 1838 г., съ Odillon Barrot и Duvergier de Hauranne, слѣдовавшее за министерствомъ 2 февраля 1834 г. Гизо и Моле (онъ зналъ наизусть даты и составъ всѣхъ безчисленно смѣнявшихся министерствъ іюльской монархіи), когда оппозиція...

— „Шумимъ, братецъ, шумимъ“, перебилъ его опять выступившій тѣмъ временемъ изъ читальной и остановившійся въ дверяхъ высокій и полный джентльменъ, съ нѣсколько какъ бы надменно откинутою назадъ головой и большими пальцами рукъ, засунутыми за рукавныя прорѣзи жилета. Это былъ извѣстный своими художественно бойкими эпиграммами, дружбой съ Пушкинымъ и напускною безцеремонностью пріемовъ, библіофилъ Горностаевъ.—А наставленіе самаго умнаго человѣка у Грибоѣдова забыли? иронически спросилъ онъ.

— Кто этотъ „самый умный человѣкъ“?

— Само собою, Скалозубъ!—отвѣтилъ онъ авторитетнымъ тономъ:

Ученостью меня не обморочишь!
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ...
— Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете, такъ мигомъ успокоитъ,

подхватилъ съ хохотомъ Тарановъ; — покорнѣйше благодаримъ,— nous sortons d'en prendre!

Намекъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ: вся „чернокнижная“ покатилась сочувственнымъ смѣхомъ.

— А вы меня, Иванъ Алексѣевичъ, нисколько не убѣдили вашимъ Гнейстомъ, — обратился къ Готовкину Сильванскій, возвращаясь къ первоначальному мотиву ихъ спора;—нѣтъ неопровержимой книги, во-первыхъ; книга затѣмъ можетъ содержать много болѣе или менѣе интересныхъ фактовъ, но по заключающемуся въ ней внутренно смыслу оказаться пустою.

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль.

Горностаевъ, стоя все такъ же въ дверяхъ и не вынимая пальцевъ изъ прорѣзей жилета, нежданно возгласилъ басистымъ своимъ голосомъ, предъ вѣскою звонкостью котораго голосъ Таранова могъ бы быть почитаемъ пискомъ младенца:

— Жилъ въ Вѣнѣ нѣкто Лихтенталь, остроумный человѣкъ, и—что не одно и то же, замѣтьте!—писавшій остроумныя,—у насъ, разумѣется, совсѣмъ неизвѣстныя,—вещи. А между прочимъ слѣдующее: „Wenn ein Buch und ein Kopf zusammenstossen, und es klingt hohl,—ist das nicht immer im Buche“... *).

Послѣдовалъ новый взрывъ смѣха. Сильванскій, съ краской въ лицѣ, быстро поднялъ глаза на говорившаго, но тотъ, спокойно и величественно повернувшись на каблукахъ, уже направлялся опять въ читальную.

— Горностаевъ, погоди!—остановилъ его Тарановъ:—сегодня я совершенно нечаянно въ одной французской книгѣ напалъ на недурное размышленіе: „La presse quotidienne finira par appauvrir l'intelligence humaine, comme les mines du Mexique ont appauvri l'Espagne“. Аппробуешь?

Горностаевъ повелъ одобрительно подбородкомъ:

— У меня украдено. Я еще двадцать лѣтъ тому назадъ доказывалъ Мериме,—который, впрочемъ, совершенно согласенъ былъ въ этомъ со мною,—что міръ видимо глупѣетъ по

*) Когда книга и голова пришли въ столкновеніе и раздается затѣмъ пустой звонъ, то это не всегда въ книгѣ.

мѣрѣ увеличенія въ немъ чтенія газетъ... Я бы ихъ въ Россіи запретилъ всѣ до одной, за исключеніемъ официальной „Сѣверной Почты“.

Онъ повернулся еще разъ и исчезъ за дверью.

Въ ней въ ту же минуту показался одинъ изъ клубныхъ служителей. Онъ подошелъ къ Троекурову, безмолвно усѣвшемуся на диванъ и безучастно прислушивавшемуся къ предыдущему разговору, и доложилъ ему, что его спрашиваетъ его человѣкъ.

Тотъ поднялся съ мѣста и прошелъ въ переднюю.

Матвѣй, едва завидѣвъ барина, быстро пошелъ ему навстрѣчу.

— Княжна изволили уѣхать въ Петербургъ, почтительно и какъ бы таинственно прошепталъ онъ.

Троекуровъ сдержалъ готовый вырваться у него возгласъ и взглянулъ на него строго вопрошающими глазами. „Я вотъ тебя выгоню сейчасъ за это шептаніе!“ прочелъ въ нихъ не въ мѣру прыткій и усердный малый, внезапно блѣднѣя.

— Ты видѣлъ княжну предъ отъѣздомъ или нѣтъ? обрывисто и громко спросилъ его чрезъ мигъ Борисъ Васильевичъ.

— Видѣлъ-съ, какъ же! Онѣ, когда я прибылъ, въ Донскомъ монастырѣ изволили еще быть: ко князю, батюшкѣ ихнему, на могилу ѣздили, сказывали въ домѣ люди. Вернулись онѣ въ восьмомъ часу въ началѣ. Чемоданы и прочее, все это у нихъ въ акуратѣ въ сѣняхъ готово было; вышли изъ кареты, изволили приказать, что̀ куда поставить. „Сейчасъ, говорятъ, я и на желѣзную дорогу“. Я тутъ и доложилъ имъ отъ васъ, какъ изволили приказывать. „Очень, говорятъ, благодари Бориса Васильевича и скажи отъ меня извиненіе, что никакъ не успѣла написать имъ сегодня, а что какъ только прибуду въ Петербургъ, такъ непремѣнно напишу“. Очень онѣ спѣшили, чтобы не опоздать на поѣздъ; сѣли сейчасъ и поѣхали.

— Съ горничной?

— Однѣ-съ. Горничную Матрену, что̀ у нихъ во Всесвятскомъ служила, онѣ, сказывалъ мнѣ управитель, какъ пріѣхали сюда, разсчитали въ тотъ же день и отпустили, а за-

мѣсто ея въ прислужницахъ была у нихъ здѣсь одна взята изъ дома дѣвушка.

— Знаю, перебилъ его баринъ;—можешь итти!..

Онъ, теребя усы, съ нервно помаргивавшими вѣками, медленно зашагалъ обратно вдоль по длинной полосѣ ковра, тянувшагося по пространной анфиладѣ клубныхъ комнатъ. На душѣ его заныла опять раздражающая боль...

— Троекуровъ, не хочешь-ли на мое мѣсто? Лекуръ взлупилъ меня до живаго мяса. Баста! А тебя, Креза, распатронить и самъ Богъ велѣлъ, продолжалъ Фифенька, когда тотъ поравнялся съ ихъ столомъ.

— Спасибо!.. Играть, такъ ужь не въ это! отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— А хочешь въ *настоящую*,—поспѣшилъ заговорить Лекуръ,—пожалуй въ „инфернальную“. Занесухинъ тамъ, и противъ него компанія на паяхъ собирается; тебѣ очень рады будутъ...

— Нѣтъ, въ компаніи я играть не стану.

— А коли одинъ на одинъ, такъ тѣмъ ему пріятнѣе, обяжешь!.. Пойдемъ, я сейчасъ тебѣ это устрою.

Троекуровъ кивнулъ и пошелъ за нимъ.

Толстогубый гусаръ мотнулъ головой ему вслѣдъ и подмигнулъ Веретеньеву:

— Былъ матадоръ въ свое время! Бачманову разъ въ одну ночь девяноста тысячъ проигралъ на дамѣ трефъ,—рутерки держался... Давно впрочемъ этому. Какъ женился, говорятъ, закаялся играть. А сегодня проняло, видно, опять?

Фифенька хихикнулъ:

— Qui buvé buvra! — проговорилъ онъ сентенціозно на своемъ французскомъ языкѣ испанской коровы.

Безногій генералъ Занесухинъ въ теченіе уже долгихъ лѣтъ состоялъ однимъ изъ крупнѣйшихъ игроковъ обѣихъ россійскихъ столицъ. Онъ занималъ по своему служебному положенію и случайной женитьбѣ на особѣ знатнаго и богатаго рода видное мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ и пребывалъ обыкновенно, наѣзжая въ Москву раза два въ годъ по старой привычкѣ, въ виду все тѣхъ же игорныхъ цѣлей, хотя и выно-

силъ оттуда съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпнувшее въ немъ и весьма для него тяжелое убѣжденіе, что „въ Москвѣ перевелись деньги“...

„Бывшіе богатыри“ зеленаго поля, золотые годы игры до десяти часовъ слѣдующаго утра и тысячныхъ штрафовъ,—все это въ Москвѣ дѣйствительно отходило давно уже въ царство тѣней, обращалось въ легенду. Въ „инфернальную“ Англійскаго клуба, полную незабвенныхъ воспоминаній о проигранныхъ въ ней баснословныхъ „кушахъ“ и „спущенныхъ“ крѣпостныхъ „душахъ“, вслѣдъ за 19 февраля дерзко

„Лѣзли изъ щелей
Мошки да букашки“,

„каротёры, пробавлявшіеся копѣечки по три point въ „пикетецъ“... Паденіе очевидно не могло итти далѣе.

Такъ, или весьма близко къ тому, разсуждалъ теперь генералъ Занесухинъ, „сей остальной изъ стаи славной“, сидя угрюмо и одиноко на диванѣ, въ ожиданіи конца переговоровъ собиравшейся выступать противъ него компаніи пайщиковъ. Онъ не то презрительно, не то нетерпѣливо поглядывалъ на уголъ, въ которомъ происходило ихъ совѣщаніе, позѣвывая и потирая рукой чрезъ сукно разчесавшуюся оконечность отрѣзанной подъ колѣнкой ноги своей.

Услыхавъ отъ Лекура о неожиданномъ ратоборцѣ въ лицѣ Троекурова, генералъ просіялъ весь отъ удовольствія. Онъ зналъ о его прошломъ, зналъ и его теперешнія средства, какъ зналъ вообще до копѣйки, *сколько* каждый играющій въ Россіи человѣкъ могъ ему проиграть... „Тутъ очевидно“, тотчасъ же сообразилъ онъ,—„при случаѣ можетъ до сотней тысячъ дойти“...

Онъ поспѣшно даже съ мѣста всталъ навстрѣчу Борису Васильевичу, протягивая ему руку, говоря, что онъ помнитъ его еще „съ пажей, что онъ „и съ батюшкой, хе, хе, игрывалъ въ старыя времена“, и что онъ радъ, очень радъ...

— Вы какъ же, спросилъ онъ тутъ же,—съ этими господами въ долѣ, или...

— Нѣтъ, заявилъ Борисъ Васильевичъ,—играю я всегда одинъ, à mes risques et périls, и если эти господа позволятъ...

— Сдѣлайте милость, мы отступаемся, рѣшила *компанія*, которую Зенесухинъ „наказалъ“ наканунѣ тысячи на три.

— Такъ пойдемте! сказалъ тотъ, направляясь къ столу въ углу комнаты.

Онъ усѣлся въ самомъ этомъ углу, спиною и лѣвымъ бокомъ къ стѣнкѣ. Къ правой сторонѣ его, согласно давно заведенному имъ и вездѣ, гдѣ онъ игралъ, извѣстному обычаю, приставлена была слугами ширма, для воспрепятствованія любопытнымъ глядѣть въ его карты и съ этой стороны.

— Почемъ? коротко спросилъ онъ.

— Почемъ хотите! небрежно отвѣтилъ Троекуровъ, за стуломъ котораго тотчасъ же столпилась галлерея.

— Рубль point, pour commencer, по десяти тузъ, и сто— комплектъ фигуръ? Обыкновенная, промолвилъ онъ, какъ бы не сомнѣваясь, что садящійся съ нимъ играть не могъ не вѣдать его „обыкновенной“ цѣны.

Борисъ Васильевичъ кивнулъ въ знакъ согласія.

Занесухинъ пододвинулъ ему одну изъ колодъ, лежавшихъ на столѣ, и самъ распечаталъ другую...

XII.

Сила въ немощи совершается.
Ап. Павелъ, 2 *Коринѳ.* XIII. 9.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!
Баратынскій.

Три вечера сряду (вѣрнѣе, три ночи: они послѣ клуба отправлялись доигрывать въ гостиницу Шевалдышева, гдѣ остановился генералъ,) игралъ съ Занесухинымъ Троекуровъ. Онъ былъ уже въ проигрышѣ тысячъ пятнадцать... Игра нисколько не увлекала его, не портила ему крови, не обостряла нервовъ. Онъ искалъ въ ней лишь разсѣянія и физическаго утомленія,—и достигалъ этого. Онъ возвращался часу въ шестомъ въ свой нумеръ, ложился въ постель и засыпалъ тутъ же какъ убитый. Начинавшееся для него не ранѣе полудня *утро* убивалъ онъ кое-какъ за чтеніемъ газетъ, или отправляясь безцѣльно бродить по московскимъ бульварамъ и невѣдомымъ проулкамъ, ѣхалъ затѣмъ обѣдать въ клубъ, а въ урочный часъ садился опять въ томъ же углу „инфернальной“ противъ своего безногаго, желтаго какъ мумія противника, съ автоматичностью куклы безмолвно выкидывавшаго карты изъ своихъ старческихъ, чуть-чуть дрожавшихъ рукъ... „Животная жизнь!“ прорывалось у него порою въ мысли съ какою-то внезапною потребностью и радостью самообличенія, съ мучительными проблесками воспоминаній о своей „той“, иной жизни...

Но онъ упорно отгонялъ эти помыслы, какъ бы признавая ихъ *пока* еще ненужными; онъ чего-то ждалъ,—послѣ чего онъ „займется собою“, говорилъ онъ себѣ, кривя иронически губы.

Онъ ждалъ письма отъ Кири,—онъ не сомнѣвался, что получитъ его:—оно должно было окончательно „уяснить все“...

Оно пришло наконецъ. Матвѣй подалъ его барину вмѣстѣ съ первымъ стаканомъ утренняго чая... Троекуровъ взглянулъ на адресъ, узналъ руку и, не вскрывая обложки, отложилъ его на столъ.

Онъ принялся за чтеніе его, лишь когда остался одинъ въ комнатѣ...

Мы позволимъ себѣ передать письмо это читателю съ полною точностью въ его торопливомъ, не совсѣмъ связномъ изложеніи, со всѣми его по-женски подчеркнутыми или недописанными словами:

„Я сегодня пріѣхала сюда“, говорилось въ немъ, „хлопотала и разъѣзжала весь день, и пишу вамъ теперь поздно ночью, утомленная, но *рѣшившаяся* и — *безъ возврата* рѣшившись.

„Не подумайте, чтобъ это была съ моей стороны внезапная сумасшедшая выходка вслѣдствіе того, что было въ Москвѣ... Нѣтъ, я давно, съ Женевы, думала объ этомъ; я тамъ встрѣтилась съ однимъ сильнымъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Онъ мнѣ еще тогда указывалъ путь... Но меня унесло потомъ опять, вы знаете!... А теперь я чувствую себя твердо на берегу, на надежномъ берегу.

„Въ томъ, что было, я никого не виню, ни васъ, ни даже себя. Я *поняла*, что мнѣ *положено* было испытать и перестрадать и *это*, и что потомъ оно *должно было непремѣнно* кончиться *такъ*, какъ оно кончилось. Счастье, вы говорили. Никогда! Его бы не было ни для васъ, ни (для) меня, nous nous serions mutuellement mangé le coeur. Быть счастливымъ особая способность; ея у меня никогда не было. А въ васъ гордость, le péché de Satan. Лучше, гораздо лучше *такъ*, какъ вышло, Борисъ Васильевичъ! Прощайте... и простите (!)...

„Я прямо отсюда ѣду въ Ліонъ. Тамъ есть un couvent de Visitandines, я у нихъ постригусь въ монахини.

„Васъ, я знаю, ничто никогда не удивляетъ, но (вамъ), можетъ быть, покажется страннымъ именно то, que je me fais catholique. Я вамъ скажу почему. Тамъ—*узда*, тамъ—*дисциплина;* (тамъ) знаешь твердо, *чего* хотѣть и *куда* итти. У насъ (этого) нигдѣ нѣтъ, *некому себя въ руки отдать*, а въ этомъ для меня одно спасеніе... Воля—бремя, невыносимая тяжесть, когда не знаешь, какъ управляться съ нею... и вы знаете лучше всѣхъ, *что* умѣла я дѣлать изъ нея до сихъ поръ.

„Сашенькѣ я еще не имѣю духа писать, и очень мучусь этимъ... Но нѣтъ,—не могу теперь... *Оттуда* напишу—une lettre humble et contrite, какъ это мнѣ *слѣдуетъ*, какъ она этого заслужила.

„А вы, *вернетесь?.. Она* не *меня* считаетъ виноватою, вы теперь знаете... Когда-нибудь, когда *все пройдетъ*, вспомните—оба (обо) мнѣ.

„Кажется, все! Не могу болѣе... Прощай (те) всѣ, прощай, Россія! Когда вы получите это письмо, я уже буду далеко отъ нея, ото всего... „К“.

Вернувшійся было въ комнату, полчаса спустя, за какимъ-то спросомъ Матвѣй засталъ Бориса Васильевича съ уткнутыми въ столъ локтями и опиравшеюся на нихъ головой, недвижно склонившеюся надъ лежавшимъ предъ нимъ листкомъ,—и „такимъ разстроеннымъ“ въ этомъ положеніи показался ему „видъ ихній“, что онъ инстинктивно попятился назадъ, въ переднюю, и исчезъ за своею перегородкой. Шустрый малый почуялъ, что собственный *видъ* его въ эту минуту могъ бы вызвать только раздраженіе въ его „*мудреномъ* баринѣ“...

Троекуровъ не даромъ ждалъ этого письма, не даромъ откладывалъ минуту „заняться собою“ до времени полученія его. Онъ внезапно теперь, сразу, охватилъ мысленнымъ окомъ и воспринялъ до боли сердцемъ всю неприглядную *суть* своего положенія:—онъ стоялъ среди развалинъ... Ледянымъ холодомъ обдало его вдругъ при этомъ неумолимо сложившемся въ немъ теперь представленіи... Онъ добровольно, безжалостно

разбилъ ту свою, чистую и честную жизнь,—разбилъ для „призрака“, для задорнаго миража беззаконнаго счастія. Изъ-за чего? Страсть?... Нѣтъ, даже не страсть: вотъ она ушла изъ-подъ его власти, ее вынесли на берегъ, увѣряетъ она, и онъ равнодушенъ къ этому, и пальцемъ не пошевелитъ, чтобы выманить ее оттуда опять на радужный пиръ жизни. Онъ самъ уже въ этотъ пиръ не вѣруетъ... „Гордость, говоритъ она,—сатанинскій грѣхъ“. Гордость, да, пожалуй, когда она *тамъ*, въ Остроженковомъ домѣ, не кинулась ему прямо въ объятія. А ранѣе?... Ранѣе и того хуже—и краска стыда выступила ему на лицо:—тщеславіе, соблазнъ битвы и побѣды надъ дѣвственнымъ сердцемъ, и та,—прежде всего *та*—распущенность воли, съ которою у насъ никто „управиться не умѣетъ“, вспоминалъ онъ опять слова ея письма...

Все видѣнное, замѣченное и испытанное имъ за послѣдніе мѣсяцы воскресало теперь въ его мозгу въ сплоченныхъ, живыхъ и говорящихъ образахъ, а съ ними возникала какая-то безпощадная ясность выводовъ и самоосужденія... „Безурядное время, бездарные люди, анархія и немощь умовъ, восходящее поколѣніе, воспитываемое на отрицаніи всякой святыни,—раздраженное и тупое поколѣніе варваровъ... А мы-то, мы-то сами, *лучшіе* изъ предшествовавшихъ ему,—сами-то мы *что?* “Эстетики“ мы были; уродство *формы* одно претило намъ въ жизни, одна *некрасивость* зла возбуждала въ насъ отвращеніе къ нему... Мы вѣрили въ „красоту“, мы „сіять“ возводили въ культъ,—и во имя ихъ все дозволяли, все извиняли; подъ ихъ флагомъ, убранные въ ихъ цвѣты, дерзко выступали у насъ всякая разнузданность, всякій преступный капризъ безудержной фантазіи...“

Предъ нимъ съ неудержимою и мучительною силой представали картины, воспоминанія столь еще для него недавняго прошлаго:—тиховѣйная лѣтняя ночь, высокая комната съ мерцающею предъ иконами лампадой, молодая мать-кормилица у кровати, потонувшей въ широкихъ складкахъ бѣлоснѣжныхъ занавѣсей... „Вся эта благодать и чистота... и уваженіе къ себѣ,—гдѣ они?“ Все это лежало въ дребезгахъ у ногъ его, сокрушенное его же руками...

„Чего ждать отъ дѣтей такихъ отцовъ, какъ мы?“ неслось опять въ головѣ его горячими и обрывистыми взрывами... Общество безъ устоевъ и корней, плывущее какъ облако въ пространствѣ по прихоти перваго вѣтра... Всеобщая ломка и погромъ; все долой: живые побѣги, родныя преданія, связи съ прошедшимъ, съ народомъ, съ его нерушимыми вѣрованіями... Слѣпые вожди, дешевые *мыслители*, куда ведете вы страну теперь, что тянетъ васъ: злой рокъ, fatum?... Нѣтъ, даже этого нѣтъ! „Torrent“ безсмысленный какой-то, рабство нищаго ума предъ фантасмагоріей чего-то чужаго, безъ духа жизни, безъ почвы подъ собою... Вы на этой слякоти и мрази зданіе вашихъ *реформъ* строите, *гражданскими правами* великодушно наградить насъ намѣрены... Вы прежде всякихъ правъ научите насъ *долгу*, научите *отцами* быть, вы *семью* спасите въ Россіи!“ съ горечью и злостью, чуть не громкимъ воплемъ вырывалось изъ груди Троекурова...

„Она поняла, она ушла къ чужимъ эта женская, томительно и безцѣльно алкавшая, молодая душа,—ушла за „уздой и „дисциплиной“, поняла, что лишь подъ желѣзными веригами *послушанія* уймутся вѣчная тревога и судорожно тщетныя исканія ея. „Воля—бремя, воля—невыносимая тяжесть, говоритъ она,—для того, кто, какъ всѣ мы, не умѣетъ подчинять ее высшему нравственному закону“...

Онъ всталъ, прошелся по всей длинѣ своихъ комнатъ, продолжая думать:

„Ей нужно было, она чувствовала, „отдать себя въ руки“, въ надежныя руки, а „у насъ—некому“.

Онъ остановился въ спальной, глянулъ, вдумчиво прижмурясь, въ окно... Кресты ближней трехглавой церкви сверкали сквозь его стекла въ мягкомъ сіяніи осенняго утра... Троекуровъ долго глядѣлъ на нихъ...

„Некому?“ вопросительно повторилъ онъ про себя: „ужели-жь все прежнее, крѣпкое, прахомъ пошло и разнесено вѣтромъ?“...

Онъ поникъ головой... поднялъ ее опять:

„Такъ себя-то хоть умѣй въ руки взять!“ проговорилъ онъ

мысленно,—и въ стальныхъ глазахъ его сверкнуло выраженіе какого-то мгновеннаго и безповоротнаго рѣшенія.

Генералъ Занесухинъ тщетно прождалъ весь вечеръ того дня доходнаго своего противника въ Англійскомъ клубѣ. Курьерскій поѣздъ еще разъ уносилъ Троекурова къ берегамъ Невы.

XIII.

Some rise by sin, some fall by vertue.
Shakesp. *Measure for measure.*

...Да неизмѣненъ жизни новой
Дойду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый ко брегамъ.
Языковъ.

Сентябрь стоялъ на исходѣ. Мелкій дождь шелъ съ утра, но его разогналъ поднявшійся къ полудню вѣтеръ, и пелены разорванныхъ тучъ уносились вдаль одна изъ-подъ другой по свѣтлѣвшему небу... Вотъ и засинѣло оно, выглянуло солнце и заиграло алмазною гранью по каплямъ, скатывавшимся съ широкихъ листьевъ старыхъ липъ въ большой аллеѣ Всесвятскаго. Въ сыромъ воздухѣ потянуло тепломъ. Воробьи, припрятавшіеся отъ дождя подъ крышу дома, весело чирикая, запрыгали опять по террасѣ, предъ окнами гостиной, въ чаяніи хлѣбныхъ крошекъ, которыми награждала ихъ каждый разъ, какъ выходила изъ-за стола, „Божья душа“, Лизавета Ивановна Срѣтенская.

Маленькая особа уже третью недѣлю гостила во Всесвятскомъ... Съ кротко-радостною улыбкой на своихъ увядшихъ губахъ стояла она въ эту минуту у одной изъ стеклянныхъ дверей гостиной и глядѣла сквозь нее на эти разносившіяся въ небѣ облáка, на волшебные тоны разноцвѣтной осенней листвы подъ засверкавшими по ней внезапно солнечными лучами, на своихъ „воробушекъ-птичекъ сѣренькихъ,. благодатныхъ, ни тоски людской, ни ехидства нашего не знающихъ“,

причитывала она про себя на своемъ своеобразномъ, не то пѣсенномъ, не то сказочномъ языкѣ.

— Вотъ и вёдра дождались, анделъ мой, проговорила она, полуоборачиваясь,—въ акуратъ какъ Николай Ивановичъ нашъ вчерась предсказывалъ. Какъ ежели, говорилъ, завтра къ полудню вѣтеръ подымется, такъ къ перемѣнѣ значитъ, къ вёдру, и надолго ужь пойдетъ тогда, говорилъ...

Она подняла крючокъ двери, полуоткрыла ее, быстро вытащила изъ кармана горсть кусочковъ разломаннаго сухаря и кинула ее на террасу.

— Благодать, милая, тёпло стало такъ, благорастворѐніе... Надѣли бы вы, калошки, андельчикъ мой, да на воздухъ вышли...

Александра Павловна Троекурова, къ которой относились эти слова, не отвѣчала. Она медленно, механически шагала, опустивъ голову и слегка сожмуривъ глаза, по длинному протяженію гостиной, отъ дверей въ садъ, къ окнамъ, выходившимъ на дворъ и обратно... Онѣ съ Лизаветой Ивановной за эти послѣдніе ненастные дни приняли привычку приходить сюда каждый день послѣ завтрака, и молодая мать, въ виду кормленія Васи, регулярно совершала здѣсь, повинуясь предписанію доктора, свой „гигіеническій“, очень наскучавшій ей „моціонъ“.

— Право бы вышли, золотая моя, повторила Лизавета Ивановна:—Николай Иванычъ, сами знаете, „первымъ дѣломъ говоритъ, воздухомъ пользоваться надо вамъ“...

Александра Павловна все такъ же механически повернула въ ея сторону:

— Пойдемте, все равно... какъ бы нехотя выговорила она.

— А погодите-жь, анделъ мой, такъ нельзя, сыро. Я вамъ вотъ сейчасъ обуться и одѣться принесу потеплѣй...

Но въ то же время въ комнату вошла, съ ботинками на двойной подошвѣ въ одной рукѣ и бурнусомъ барыни на другой, догадливая Анфиса.

— Можетъ, въ садъ выйти вздумаете? сказала она съ улыбкой: — *бабье лѣто* зачинается, распречудесная погода сдѣлалася.

Александра Павловна отвѣтила ей благодарнымъ взглядомъ. „Какія обѣ онѣ *чудесныя*, жалѣютъ и холятъ меня“, подумала она... „Кромѣ нихъ и некому теперь“, пронеслось тотчасъ затѣмъ у нея въ мысли съ болѣзненнымъ сжиманіемъ сердца...

Она перемѣнила обувь, окуталась въ бурнусъ, прикрывъ голову капюшономъ, и вышла въ сопровожденіи Лизаветы Ивановны на террасу.

Стало дѣйствительно такъ тепло и тихо, что она капюшонъ этотъ отбросила тутъ же съ головы за спину и широко вздохнула въ себя живительную струю свѣжаго воздуха. Большіе печальные глаза ея загорѣлись на мигъ, устремившись въ даль.

— Ахъ, какъ хорошъ Божій свѣтъ, какъ бы невольно и негромко вырвалось у нея изъ груди:—одни только люди его портятъ...

— Людямъ прощать надо, анделъ мой! „Не вѣдаютъ бо, что творятъ“, сказано, робко и нѣжно воззрившись ей въ лицо, тихо проговорила ея маленькая пріятельница.

— Не могу! неудержимо и обрывисто вымолвила на это молодая женщина и спустилась съ террасы въ аллею.

Но гулять оказывалось не совсѣмъ удобнымъ: ноги ихъ вязли въ разжиженной четырехдневнымъ дождемъ почвѣ; съ падающими съ деревьевъ листьями неслись имъ въ лицо холодныя брызги... Онѣ вернулись, не пройдя и ста шаговъ.

Но итти въ комнаты не хотѣлось. Александра Павловна усѣлась на успѣвшую уже просохнуть скамью у самой стѣны дома, и погрузилась опять въ свое нѣмое раздумье.

Она не выходила изъ него теперь... Она, послѣ того какъ „узнала все“, въ одинъ изъ первыхъ дней по отъѣздѣ Киры, подъ гнетомъ нестерпимой муки, почувствовала неодолимую потребность „выплакаться предъ *родною душой*“,—и поспѣшно вытребовала къ себѣ Лизавету Ивановну... Но когда пріѣхала та, встревоженная безотчетнымъ предчувствіемъ несчастія съ ея „анделомъ небеснымъ“, Александра Павловна осталась нѣма. Она кинулась на шею маленькой особы, едва успѣла она войти въ комнату, разрыдалась истерическимъ рыданіемъ...

„Что съ вами, голубушка вы моя, золотая, ненаглядная?“ допрашивала ее та, вся дрожа отъ тревоги и жалости. Она не отвѣтила и только руками замахала, какъ бы приглашая ее не спрашивать... И такъ не узнала бы ничего Лизавета Ивановна, если бы не разсказала ей Анфиса.

„*Мое* горе, — я съ нимъ одна и справлюсь“, незыблемо стояла на этомъ рѣшеніи молодая женщина. Причина этого горя ни для кого не была тайной кругомъ нея, она знала, — но она почитала недостойнымъ себя, почитала оскорбленіемъ той святыни прошлаго, неугасаемый огонь которой помимо ея воли упорно теплился въ глубинѣ души ея, заговорить съ другими о томъ, какъ безпощадно поругана была эта святыня, какъ стыдилась теперь она своего прежняго „безумнаго“ счастія, своего „идолопоклонства“ предъ человѣкомъ, „котораго она болѣе уважать не можетъ“... Но она давно-ли свято и слѣпо вѣрила, любила этого человѣка, этого мужа, этого отца ея дѣтей, — и не могла, не хотѣла, „не должна была наконецъ“, признавала она, допустить теперь малѣйшее слово порицанія ему изъ чьихъ бы ни было устъ. „Я молчу,—уважайте это молчаніе!“ какъ бы говорилъ весь ея дышавшій теперь какою-то печальною величавостью обликъ, сказывали ея вдумчивые и строгіе глаза... Сама она никогда не произносила имени мужа и съ замѣчательнымъ тактомъ умѣла предупреждать всякій поводъ къ упоминанію о немъ другими, не принимала, подъ предлогомъ нездоровья, никакихъ посѣщеній, не допускала служить, на занимаемой ею половинѣ, никого, кромѣ Анфисы, изъ многочисленнаго персонала слугъ въ домѣ, и проводила весь день въ дѣтской, переступая за порогъ ея не иначе, какъ для предписанныхъ ей докторомъ Оирсовымъ прогулокъ „съ гигіеническою цѣлью“... Темныя тѣни бѣжали отъ нея на все ее окружавшее. Полный недавно движенія и звуковъ, домъ Всесвятскаго глядѣлъ теперь какимъ-то обиталищемъ мрачныхъ молчальниковъ... И только маленькая Лизавета Ивановна, помѣстившаяся въ „шкапной“ Александры Павловны, рядомъ съ комнатой Анфисы, вела по ночамъ, сидя на кровати своей синеокой „другини“, долгія и таинственныя съ нею бесѣды о „соблазнѣ, смутившемъ

мирное житіе честнаго дома сего“... „И все-то его, врага человѣческаго, рукъ дѣло, милая, и смущаетъ онъ же опять теперича грѣхомъ унынія и ея душу чистую, душу страдалицы нашей неповинной“, плача и тоскуя объ этой ей дорогой душѣ, шептала она своимъ дѣтски-лепечущимъ голоскомъ...

Болѣе практическая по природѣ своей, Анфиса не ограничивалась этими слезами участія и сѣтованіями на случившееся. Она неустанно *прикидывала* въ сообразительной головѣ своей, „какъ бы этому самому горю помочь“, принимая въ основаніе своихъ разсужденій и упованій на это одно „удивительное“ извѣстіе, сообщенное ей управляющимъ завода во Всесвятскомъ, получившимъ его въ свою очередь изъ прямаго источника,—изъ московской конторы Бориса Васильевича. Изъ этого извѣстія оказывалось, что княжна Кира Никитишна уѣхала въ Петербургъ на другой же день послѣ пріѣзда въ Москву, и что самъ Борисъ Васильевичъ прожилъ тамъ послѣ того еще четыре дня, пока не выѣхалъ въ тотъ же Петербургъ. „Хоть и въ то же мѣсто, да не вмѣстѣ, значитъ—не въ одно время, не прямо въ собственномъ экипажѣ, за границу“, какъ передавалъ ей „подлецъ этотъ“, Троженковъ, соображала Анфиса, строя на этихъ данныхъ свои особыя догадки, о которыхъ изъ осторожности, не довѣряя вполнѣ говорившему въ ней чутью, лишь далекими еще намеками сообщала она Лизаветѣ Ивановнѣ. Гораздо откровеннѣе разсуждала она съ докторомъ, „съ Николай Ивановичемъ“, съ которымъ установилось у нея большое дружество за послѣднее время. Она ждала чрезъ него „провѣрку себѣ“. У него, говорилъ онъ, былъ въ Петербургѣ другъ и пріятель одинъ, „тонкая бестія“, который „всякую-молъ штуку пронюхать можетъ“, и которому онъ, по ея просьбѣ, написалъ „нѣкое“, какъ выражался шутъ, „достойное дипломатическаго пера“ посланіе, прося „акуратненько разузнать, находится-ли въ Петербургѣ его, Ѳирсова, *патронъ*, имя рекъ, и гдѣ именно стоитъ, а если выѣхалъ, или на выѣздѣ состоитъ, то куда именно, — а тожь узнать достовѣрно и про отставную фрейлину и княжну такую-то, примѣты коей при семъ препровождаются“. Отвѣта

на это посланіе докторъ и Анфиса съ равнымъ нетерпѣніемъ ждали со дня на день, находя въ этомъ вполнѣ основательный и законный предлогъ для продолжительныхъ переговоровъ вдвоемъ, пріобрѣтавшихъ для нихъ какъ бы съ каждымъ днемъ все болѣе занимательности и значенія...

Лизавета Ивановна со своей стороны ратовала, насколько могла, противъ „великаго грѣха унынія“, смущавшаго ея прежнюю, „какъ дитя малое счастливую Сашеньку“. Она пользовалась всякимъ случаемъ напоминать ей о кротости душевной, о снисхожденіи къ людямъ, о прощеніи обидъ „во имя Страстотерпца-Христа Спасителя нашего“... „Не могу!“ нежданно отвѣтила ей сейчасъ на это, къ глубокому изумленію ея и прискорбію, Александра Павловна,—и маленькая особа, присѣвъ къ ней на скамью, уныло поводила на нее искоса соболѣзнующимъ взглядомъ, придумывая, „съ какой стороны“ возобновить съ нею разговоръ о томъ же предметѣ.

Такъ сидѣли онѣ обѣ, уйдя въ себя, тоскливыя и безмолвныя. А солнце сіяло съ голубыхъ небесъ, и послѣднее тепло увядавшей природы вѣяло на нихъ своими мягко-проницающими струями. Обрывистое колѣнце какой-то птички неслось въ гулкомъ воздухѣ изъ ближайшей аллеи...

— Пѣночка это съ радости завела... начала и не договорила „Божья душа“.

Со стороны двора послышался явственно топотъ скачущихъ лошадей, и въ то же время раздались въ гостиной приближавшіеся мужскіе шаги.

— Кого-то Богъ далъ! проговорилъ докторъ Ѳирсовъ, выходя изъ нея на террасу.

— Кого это? вскрикнула тревожно молодая хозяйка.

— Не знаю. Военный какой-то, должно быть:—я фуражку издали замѣтилъ съ околышкомъ...

— Ахъ, пожалуйста, торопливо молвила она,— я никого не принимаю... не желаю видѣть...

Ѳирсовъ успокоительно усмѣхнулся:

— Такъ ему и донесутъ; чего-жь вамъ тревожиться, барыня? Приказъ вашъ извѣстенъ, слуги исполнить должны...

А только-что можетъ-быть человѣкъ за дѣломъ за какимъ-нибудь нужнымъ пріѣхалъ...

— Такъ вы тогда пожалуйста спросите... А я ничего не знаю, никакихъ дѣлъ...

— Пойду, барыня, пойду сейчасъ... Сидите себѣ тутъ на солнышкѣ, вамъ это пользительно...

И толстякъ повернулъ опять въ гостиную, направляясь къ сѣнямъ.

Навстрѣчу ему оттуда вынеслась Анфиса съ перевернутымъ лицомъ:

— Самъ... баринъ, Борисъ Васильевичъ!... задыхаясь отъ волненія, съ лучистымъ сіяніемъ глазъ проговорила она: — сказывала я вамъ, предчувствовала...

— Что это вы... гдѣ онъ? растерянно вскликнулъ докторъ.

— Къ себѣ, къ своему крыльцу проѣхалъ... Я изъ прачечной шла, а они ѣдутъ... въ военномъ одѣты... Только я ихъ сейчасъ признала, поклонилась... и они мнѣ.,. Какже теперь съ барыней нашей быть? перебила она себя, понижая голосъ.

Изъ дверей, ведшихъ на половину Троекурова, выбѣжалъ въ то же время слуга съ громкимъ воскликомъ:

— Баринъ изволили пріѣхать... Анфиса Дмитріевна, барыня гдѣ, Александра Павловна? Имъ доложить требуется...

— Хорошо, чего кричишь, сказала она:— ступай, и безъ тебя доложутъ!...

Онъ исчезъ.

— Идите къ ней сами, Наколай Иванычъ, отнеслась она опять къ Ѳирсову,—какъ бы съ ними дурно не сдѣлалось...

— А вы вотъ на всякій случай вынесите-ка мнѣ отъ нея одеколончику. Нюхнуть дадимъ... Радость вѣдь, такъ думать надо? Живо въ томъ разѣ въ себя придетъ...

Но гулъ ихъ разговора, неясный, но слышный возгласъ слуги долетѣли уже до террасы... Александру Павловну что-то подняло вдругъ, какое-то внезапное острое ощущеніе. Кровь отлила въ ней къ сердцу. Блѣдная, съ вопрошающимъ взглядомъ показалась она въ дверяхъ, укутанная въ широкія складки своего плаща...

— Что̀ такое! кто пріѣхалъ?...

Докторъ съ Анфисой кинулись къ ней.

— Сюрпризъ вамъ, барыня, сюрпризъ неожиданный, говорилъ онъ, стараясь принять самый веселый видъ.

— Сережа, братъ? пришло ей на мысль, хотя этого брата, усердно преслѣдовавшаго свои карьерныя цѣли въ Петербургѣ и котораго она не видала со дня своей свадьбы, она не имѣла никакого основанія ожидать къ себѣ во Всесвятское.

— Поближе будетъ вамъ, барыня, поближе! шутовскимъ тономъ и подмигивая произнесъ Ѳирсовъ, зорко въ то же время слѣдя за выраженіемъ ея лица.

— Борисъ Васильевичъ... вернулись, прошептала, наклоняясь къ ней въ свою очередь, Анфиса.

Ноги подкосились у молодой женщины. Она упала-бъ, если бы не поддержали ея... Но она тотчасъ же совладала съ собою, съ первымъ ощущеніемъ лихорадочной въ ней тревоги, кивнула, словно давая этимъ понять, что онъ долженъ былъ пріѣхать и что она это знала, и улыбнулась черезъ силу.

— Анфиса, сказала она съ заботливымъ видомъ хозяйки, распоряжающейся въ своей области вѣдѣнія,— пожалуйста, прикажите сейчасъ на счетъ обѣда ему: того, чѣмъ мы питаемся съ Лизаветой Ивановной, ему будетъ не довольно.

И за этими словами отправилась на свою половину, въ сопровожденіи маленькой особы.

„Пріѣхалъ... вернулся... для чего?“ недоумѣло спрашивала она себя мысленно: — „а *она* же что̀... для которой?“... Она не могла разобраться въ водоворотѣ вопросовъ, поднявшихся въ ея умѣ,— только сердце ея нестерпимо ныло отъ чувства чего-то предстоявшаго ей, страшнаго... и *противнаго*...

Она опустилась на кушетку въ своемъ будуарѣ, судорожно прижмурила глаза, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не видѣть этого „чего-то“.

Вся похолодѣвъ отъ какого-то безсознательнаго, дѣтскаго страха, стояла предъ ней Лизавета Ивановна, широко раскрывъ глаза, съ нервною дрожью, пробѣгавшею по всему ея жиденькому, слабому существу.

Но вотъ изъ двери въ корридоръ, отдѣлявшій комнаты молодой матери отъ помѣщенія ея малютокъ, вышла Анфиса.

— Борисъ Васильичъ къ дѣтямъ прошли, доложила она.

Александра Павловна откинулась отъ спинки кушетки, подняла вѣки, задумалась какъ бы на мигъ и, не отвѣчая, повела неопредѣленно головой, будто говоря: „Хорошо, что же?“

— Они васъ спрашиваютъ, сказала еще разъ Анфиса:— прикажете просить ихъ сюда?

Рѣсницы дрогнули у молодой женщины, грудь высоко поднялась; мгновенный румянецъ пробѣжалъ по лицу.

„Сюда“,—въ эту ея интимную, *собственную* комнату, свидѣтельницу былаго ея счастія и теперешней муки, гдѣ каждый уголъ словно говорилъ о какомъ-нибудь блаженномъ или скорбномъ помыслѣ о немъ, куда кромѣ его никакой еще *мущина* не проникалъ никогда,—принять его здѣсь теперь, теперь, когда...

— Нѣтъ! неудержимо воскликнула она:—скажите, что я въ гостиной и прошу его туда...

Она быстро поднялась и пошла.

Анфиса выбѣжала въ корридоръ... „Страстотерпче Іисусе Сынѣ Божій, помилуй насъ!“ пролепетала, оставшись одна, Лизавета Ивановна, быстро крестясь подъ своею шерстяною косынкой...

Александра Павловна усѣлась на маленькомъ диванчикѣ за длинною жардиньеркой съ растеніями, составлявшею искусственный, изолированный уголокъ по одной изъ стѣнъ длинной гостиной... Руки ея дрожали... „Зачѣмъ пріѣхалъ онъ... что онъ мнѣ скажетъ?“—и то же чувство чего-то страшнаго и „противнаго“, предстоявшаго ей, ныло у нея нестерпимо на сердцѣ... Глаза ея не отрывались отъ двери, откуда ждала она *его* входа...

Дверь эта, слегка скрипнувъ, отворилась настежъ. *Онъ* вошелъ.

Дыханіе у нея сперлось, вѣки помимо воли потупились— и поднялись опять. „Не я, онъ во всемъ виновенъ“, пронес-

лось у нея въ мысли, и темные зрачки ея безтрепетно остановились на немъ...

Въ немъ было что-то неузнаваемое теперь, сказалось ей первымъ впечатлѣніемъ. Коротко, *форменно* остриженные волосы, военный, новосшитый, съ блестящими погонами сюртукъ, не успѣвшій еще принять складокъ тѣла, отчего весь худощавый обликъ носившаго его представлялся будто обернутымъ въ какой-то лубокъ, тѣсный и недвижный, строгое, чуть не суровое выраженіе осунувшагося лица. „Что съ нимъ, для чего эта форма, мундиръ?“ недоумѣло спрашивала себя Александра Павловна.

Онъ подошелъ къ ея мѣсту, протянулъ ей руку.

— Bonjour Alexandrine, сказалъ онъ, противъ существовавшаго у нихъ всегда обыкновенія, по-французски... Она поняла: „по-русски онъ, по привычкѣ, невольно говорилъ бы мнѣ ты, а онъ не хочетъ... или боится“...

Онъ пожалъ ея пальцы, сѣлъ бокомъ на плетеный стулъ противъ нея, оперся о спинку его локтемъ и продолжалъ на томъ же языкѣ.

— Дѣтей я нашелъ процвѣтающими (florissants). Маша, мнѣ кажется, даже выросла за этотъ мѣсяцъ, что я не видѣлъ ихъ.

— Она узнала васъ? вырвалось невольно у молодой матери.

Онъ слабо усмѣхнулся:

— Времени прошло еще не такъ много, чтобъ она успѣла забыть меня.

— Нѣтъ, я хотѣла сказать—въ этой формѣ, проговорила она нѣсколько смущенно, кивнувъ на его погоны:—вы опять поступили въ военную службу?

Онъ наклонилъ безъ словъ голову.

— Какой же это мундиръ?

— Армейскій. Я назначенъ командиромъ *** пѣхотнаго полка.

— А-а!... Гдѣ же этотъ полкъ?

— Онъ стоитъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Люблинской губерніи.

— И вы тамъ теперь жить будете?

— Тамъ!...

Судорога пробѣжала у него по лицу; зѣницы усиленно замигали:

— Такъ лучше! проговорилъ онъ съ трудомъ и какъ бы вопросительно.

Она покрайней мѣрѣ поняла это такъ—и дрогнула всѣмъ тѣломъ. Все, все, что̀ выстрадала она за это время, подступило ей въ эту минуту къ горлу; въ зрачкахъ запрыгали искры...

— Какъ хотите!... Но я не могу... не могу, Борисъ! Вы все *тутъ* у меня убили! воскликнула она, указывая на сердце.

Онъ обнялъ быстрымъ взглядомъ ея измѣнившуюся наружность, ея измученныя черты — и повелъ медлительно головой.

— Я знаю... проговорилъ онъ чуть слышно, глядя куда-то неопредѣленно въ уголъ.

— Я такъ любила, такъ уважала васъ! продолжала она неудержимо:—я вамъ какъ Богу вѣрила, Борисъ... И вы на *это* рѣшились, вы,—такой человѣкъ, какъ вы! Кому же, чему послѣ того вѣрить? Рѣшились на такой грѣхъ... на такую низость!

Все лицо Троекурова передернуло отъ этого слова, глаза сверкнули,—но онъ тутъ же опустилъ ихъ, закусывая усъ до боли, чтобы не выдать своего душевнаго смущенія.

Она замѣтила это. „Что̀ я сказала ему!“ мучительно кольнуло у нея въ сердцѣ; но остановиться она была не въ состояніи:

— Я знаю, я говорю вамъ ужасныя вещи... и вы не простите ихъ мнѣ никогда... Но я не могу, я должна... не за себя даже... Гдѣ Кира, что̀ вы съ ней сдѣлали?

Онъ усмѣхнулся мимолетною и странною улыбкой.

— Княжна въ Ліонѣ, спокойно выговорилъ онъ.

Александра Павловна растерянно глянула ему въ глаза:

— Почему въ *Ліонѣ?*

— Тамъ женскій католическій монастырь; она хочетъ въ немъ постричься.

— Въ монахини... въ католички!—И молодая женщина всплеснула руками.—Да, тамъ, я знаю, одинъ abbé Legrand,—

медленно, припонимая, заговорила она теперь:—Кира была съ нимъ въ перепискѣ... Она и прежде говорила, но я не хотѣла вѣрить... и сама она какъ бы забыла потомъ... Отчего же это теперь вдругъ, не сказавъ объ этомъ слова предъ отъѣздомъ... даже напротивъ?...

— Вы получите отъ нея письмо оттуда; оно все объяснитъ вамъ вѣроятно, молвилъ онъ на это, сдвигая брови.

— Вы ее... видѣли?

— Видѣлъ въ Москвѣ, тѣмъ же спокойнымъ тономъ отвѣтилъ Троекуровъ, глядя на нее въ свою очередь своими блѣдными глазами.

— Она долго оставалась тамъ?...

— Она пріѣхала за сутки до дня возвращенія моего изъ Петербурга и уѣхала въ тотъ же день туда съ курьерскимъ поѣздомъ.

Голосъ задрожалъ у Александры Павловны.

— Но вы развѣ?...

Онъ понялъ, чего не договаривала она.

— Я выѣхалъ опять въ Петербургъ *тремя днями позднѣе княжны*, подчеркнулъ онъ,—и пріѣхалъ туда, когда она была уже за границей.

У Александры Павловны билось сердце такъ, будто хотѣло оно выскочить у нея изъ груди.

— Но отчего же не написали вы мнѣ тогда же, Борисъ, лихорадочно заговорила она,— когда узнали, что она рѣшилась постричься?... Вы и совсѣмъ не писали, ни слова... Развѣ не понимали вы, что̀ я за му̀ку выносила въ это время!

Онъ сдвинулъ брови:

— Что̀ же было писать мнѣ? Я былъ уже осужденъ вами, тихо молвилъ онъ и, вынувъ изъ боковаго кармана анонимное письмо, полученное ею и переданное ему княжной, развернулъ его быстрымъ движеніемъ руки и положилъ на столъ.

Она узнала его, перемѣнилась въ лицѣ вся и, съ дрожавшими слезами на рѣсницахъ, сжала руки умоляющимъ жестомъ:

— Борисъ, вскликнула она по-русски, возвращаясь невольно къ обычной, дорогой ей рѣчи съ нимъ,—Борисъ, ради

Бога, если то, что̀ написано въ этомъ письмѣ, не правда,— скажи мнѣ! Я бы одному ему не повѣрила... Но сама Кира, то, что̀ она говорила мнѣ предъ отъѣздомъ, и что этотъ отъѣздъ ея вышелъ именно такъ и тогда, какъ впередъ говорило это письмо, — все это такъ очевиднымъ представилось мнѣ... Пойми, что̀ я должна была почувствовать!... Я надписала тогда эти слова... И теперь наговорила тебѣ такихъ ужасовъ... Если ты не виноватъ, скажи мнѣ одно слово,—я повѣрю тебѣ, какъ прежде; я на колѣняхъ, я не постыжусь, стану молить тебя простить мнѣ. Только скажи слово, милый, одно слово! звенѣлъ ея голосъ сквозь прорывавшіяся рыданія.

Ему было невыносимо тяжело...

— Я наложилъ на себя эпитимію, словно отрубилъ онъ, дернувъ за бортъ своего военнаго сюртука,—что̀ же еще могу я сказать!

— О, Борисъ! въ силахъ была только произнести она теперь, заливаясь слезами: ее будто кто съ горы спихнулъ опять въ бездонную пропасть.

— Я лгать не умѣю; не дѣломъ, такъ намѣреніемъ—все равно это въ сущности, — я виноватъ предъ вами... и предъ собою еще болѣе, можетъ быть, сурово досказалъ онъ, судорожно мигая и отворачиваясь.

И нота такой тоски и подавленной гордости зазвучала въ этихъ словахъ, что молодой женщинѣ стало вдругъ жутко за него. Она взглянула на мужа глазами, полными безмѣрной жалости.

— Да, ты виноватъ, Борисъ, тихо начала она,— голосъ ея обрывался и дрожалъ,—ты забылъ меня, чуть не покинулъ навсегда дѣтей... тебя *грѣхъ* попуталъ... Но ты каешься, ты мучаешься, я вижу, какъ мучилась я сама... Вѣдь я не врагъ тебѣ, Борисъ! Развѣ я... развѣ я не могу...

Онъ быстро простеръ руку впередъ, какъ бы приглашая ее не продолжать.

— Нѣтъ! твердо и хмурясь произнесъ онъ,—вы *это* легко забыть не можете... А великодушія я—не желаю!

„Это не великодушіе, Борисъ!“ чуть не крикнула она,—

и удержалась. „Онъ бы сталъ презирать меня, если-бъ я ему *теперь* простила“, сказалось у нея чутьемъ на душѣ.

— Я ѣду сегодня же; меня въ полку ждутъ... Все здѣсь остается попрежнему; кромѣ дѣтей вамъ не о чемъ заботиться. Я уже сдѣлалъ распоряженіе въ Москвѣ. Я возьму только Скоробогатова,—Матвѣя я отпустилъ, а вашъ кучеръ Алексѣй, человѣкъ не пьющій, смирный и при смирныхъ лошадяхъ... Все остальное попрежнему, прошу васъ очень!... Юшковыхъ не забудьте, кланяйтесь имъ, они на радостяхъ теперь: сына ихъ удалось вызволить... Скажите имъ, что очень извиняюсь, что не успѣлъ побывать самъ... Некогда, на службу пора, въ странѣ тамъ не совсѣмъ покойно...

Онъ оборвалъ вдругъ эту нервно срывавшуюся съ устъ его рѣчь, поднялся съ мѣста и протянулъ ей руку опять.

Она уронила въ нее свою... Онъ пожалъ ее и удержалъ на мигъ въ своей рукѣ. Подъ рѣсницами его пробѣжала какая-то мягкая струя:

— Правъ я, Alexandrine, скажите? проговорилъ онъ проницающимъ, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Она безъ слезъ теперь подняла на него глаза и медленно повела утвердительнымъ движеніемъ головы.

Онъ поднесъ руку ея къ губамъ, быстро опустилъ ее, двинулся съ мѣста... и остановился.

— Вы будете писать мнѣ иногда?... У насъ дѣти... промолвилъ онъ, словно извиняясь.

— Да... Я буду молиться съ ними за васъ, вамъ это теперь *нужно*...

Троекуровъ въ свою очередь теперь какъ бы утвердительно наклонилъ голову и направился на свою половину.

Она жадно устремилась ему взглядомъ въ слѣдъ... „Да, *такъ лучше*“, проносилось у нея въ головѣ:—„ему надо дать время отмучиться до дна“...

Онъ уѣхалъ въ тотъ же день послѣ обѣда.

Словно кисеей какою-то заволоклись глаза Александры Павловны, когда она вышла на крыльцо проститься съ нимъ, держа за ручку полуторагодовую дѣвочку-дочь, когда няня подняла ребенка подъ губы отца, и онъ, съ обычною ему не-

ловкою торопливостью въ этихъ случаяхъ, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ ея кудрявую головку, а затѣмъ все такъ же поспѣшно, замѣтно хмурясь на толпу домашнихъ и слугъ, собравшихся на „проводы барина“, наклонился къ рукѣ жены и молча поцѣловалъ ее, „точно учтивый гость“... Ей показалось только, что руку эту онъ сжалъ крѣпче въ своей, что уста его не такъ скоро оторвались отъ нея, какъ бы это сдѣлалъ “чужой“, и сердце ея инстинктивно забилось чѣмъ-то давнишнимъ, безконечно милымъ и влекущимъ... Но въ головѣ у нея стоялъ туманъ тончайшихъ, разнорѣчивыхъ и раздражающихъ ощущеній. Когда наконецъ онъ, какъ въ предшествовавшій этому отъѣздъ его, вскочилъ въ коляску, и Скоробогатовъ, въ послѣдній разъ правя своею любимою четверкой рыжихъ, поднялъ высоко вожжи надъ крутыми и лоснящимися крупами ихъ, она какъ бы безсознательно прижмурила глаза. „Ну и пусть, и пусть, не хочу видѣть!“ проносилось у нея въ мысли, между тѣмъ какъ ухо жадно прислушивалось къ мѣрному конскому топоту, уносившему его все далѣе и далѣе отъ этого „роднаго крыльца“... Маша заплакала вдругъ. „И о чемъ это, ласточка ты моя сизокрылая, папы жаль, а?“ засуетилась около нея няня... Александра Павловна кинулась къ ней, схватила дѣвочку на руки и, судорожно покрывая ее поцѣлуями, побѣжала съ нею къ себѣ въ будуаръ. Но слезы душили ее самоё. Машу няня унесла въ дѣтскую, по настоянію доктора. „А не то на весь домъ такой бы дуэтъ распѣли“... говорилъ онъ, подмигивая Анфисѣ „подать ему одеколонцу на всякъ случай“. Маленькая Лизавета Ивановна захватила обѣ руки молодой женщины и, прижимая ихъ къ губамъ:

— Испытаніе захотѣлъ послать вамъ Господь, анделъ мой, шептала она своимъ дѣтскимъ и растроганнымъ голоскомъ,— покориться съ кротостью и терпѣніемъ надо...

Анфиса, подошедшая къ своей барынѣ съ флакономъ въ рукѣ, многозначительно глянула ей въ лицо:

— Вы бы лучше такъ сказали, Лизавета Ивановна, протяжно проговорила она, — что терпѣнья еще крошечку имъ требуется. Потому ни на что другое какъ на радость идетъ:

не даромъ сегодня солнышко-то послѣ трехъ дней ненастья выглянуло... Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ, такъ я понимаю.

И такъ убѣдительно и радостно звучали ея слова, что на душѣ у Александры Павловны мгновенно просвѣтлѣло, какъ на отученномъ небѣ того утра. Она быстро отерла глаза платкомъ, чуть-чуть усмѣхнулась и пролепетала какъ бы смущенно:

— Я всегда терпѣлива была... Пойдемте къ дѣтямъ, Лизавета Ивановна! промолвила она за этимъ, быстро подымаясь съ мѣста и направляясь, въ сопровожденіи маленькой особы, къ двери въ корридоръ.

Анфиса двинулась было за ними.

— А погодите-ка, вдовушка! остановилъ ее Өирсовъ.

— Чего вамъ? спросила она, оборачиваясь, съ тою дружелюбною и насмѣшливою грубостью тона, съ которою приняли они почему-то привычку бесѣдовать другъ съ другомъ въ послѣднее время.

— А вотъ чего, началъ толстякъ:—откуда это вы ума набираетесь, право? Вѣдь вотъ сейчасъ такой изумительный діагнозъ учинили...

— Чѣмъ это вы, какимъ такимъ словомъ выстрѣлили? разсмѣялась она, не понимая.

— А такимъ, отвѣчалъ онъ, глядя на нее разгорѣвшимися глазами, — что если съ него да сбудется, такъ я съ вами въ первый законный вступить готовъ...

— Что-о? полугнѣвно, полутрепетно протянула синеглазая женщина, покраснѣвъ до самаго лба.

— Нѣтъ, я это безо всякихъ шутокъ, Анфиса Дмитріевна, заторопился сказать онъ: — какъ если барыня наша дѣйствительно съѣдется съ мужемъ *на прежнее*, я въ тотъ самый день женихомъ вашимъ объявлюсь, если на то отъ васъ согласіе послѣдуетъ.

— Да что это вы, сбрендили? растерянно бормотала она:— какая я вамъ жена?..

— А такая, что на глупость на эту, жениться, только для васъ и рѣшаюсь... Вотъ, при свидѣтеляхъ говорю, воскликнулъ

онъ, указывая на вбѣгавшую въ эту минуту въ комнату за оставленнымъ тутъ Александрой Павловной платкомъ Лизавету Ивановну:—а вы, всеобщая скорбей утѣшительница, внемлите! И онъ повторилъ ей сейчасъ сказанное имъ Анфисѣ.

Маленькая особа, нисколько не удивившись этому, кинулась на шею своей совсѣмъ оторопѣвшей „другини“.

— Милая, да въ такомъ случаѣ радость-то намъ всѣмъ какая, двойная радость будетъ!.. Дождаться-то скорѣе только-бъ Богъ привелъ!..

И вдругъ остренькое, завялое личико ея приняло озабоченное, почти испуганное выраженіе:

— Николай Ивановичъ?

— Что прикажете?

— А вы въ Бога вѣруете?

— А вамъ на что? брыкнулъ онъ, нахмуриваясь.

— Какъ же безъ этого ей иттить за васъ, голубчикъ, тревожно говорила она:—душа вѣдь у нея русская, христіанская, а какъ если мужъ да этого самаго не чувствуетъ...

— Ужь это, извѣстно, послѣднее дѣло, какъ бы вырвалось въ свою очередь у Анфисы.

— Ну, чего голосить-то? Вѣрую! прервалъ ихъ Ѳирсовъ, досадливо и смущенно махнувъ рукой: — отецъ у меня священникъ былъ, человѣкъ древній, строгій... Залегло! какъ бы извинялся онъ. И тутъ же, кривя губы, обратился къ Лизаветѣ Ивановнѣ:—Да вы, смотрите, не вздумайте объ этомъ по Москвѣ-то трезвонить: по нынѣшнему времени въ нашемъ ученомъ мірѣ этимъ совсѣмъ можно репутацію человѣка уронить...

— Не на показъ у человѣка вѣра-то, голубчикъ, не на показъ, въ сердцѣ надо имѣть... Ну и, значитъ, теперь совсѣмъ по правилу, анделъ мой!—вскинулась опять она цѣловать пріятельницу.

— Да что это вы! бормотала та; она все какъ бы не пришла въ себя...

— Ну, ужь это вы съ нимъ орудуйте, разсмѣялась маленькая особа,—а что вы, голубчикъ, не раньше подъ вѣнецъ итти хотите, какъ если когда наша-то голубка-барынька слезы

лить перестанетъ, такъ за это за самое Богъ вамъ обоимъ счастіе пошлетъ!

— И она, съ платкомъ Александры Павловны въ рукѣ, сіяя вся, побѣжала въ дѣтскую.

— Такъ какъ же, Анфиса Дмитріевна? спросилъ Ѳирсовъ, глядя на нее изподлобья.

— И съ мыслями со своими просто собраться не могу, Николай Ивановичъ, тихо вскликнула она, разводя руками:— чтой-то вамъ вздумалось, право? При моемъ низкомъ положеніи... и прежней жизни, какъ вамъ извѣстно, потому я этого никогда не скрывала...

— Ну, это мы оставимъ въ сторонѣ, прервалъ онъ ее чуть не съ сердцемъ:—грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! На то человѣку и смыслъ данъ, чтобъ это понимать... А „вздумалось“ мнѣ, весело примолвилъ онъ, — потому, говорилъ я вамъ, что очень ужь умны вы... Ну и глаза эти синіе, что твои фіалки, а я ихъ съ дѣтства страсть любилъ по вёснамъ въ лѣсу собирать...

Она взглянула на него внезапно засмѣявшимися, счастливыми глазами.

— Такъ намъ, значитъ, съ вами теперича въ ожиданіи оставаться? лукаво проговорила она.

— „Въ ожиданіи“, да, осклабился съ радости толстякъ;— и долго придется ждать-то, какъ по-вашему?—спросилъ онъ уже съ безпокойствомъ.

Она какъ бы укорительно закачала головой:

— Извѣстно, съ большою они совѣстью господинъ, сказала она, разумѣя Троекурова: — такъ развѣ согласятся они послѣ *того*, да къ женѣ опять, грѣха не омывши?...

Докторъ повелъ одобрительно подбородкомъ и слегка вздохнулъ.

XIV.

Je vais sortir d'un gouffre où triomphent les vices...
Molière. *Le misanthrope.*

Юдоль молчанья роковаго,
О, передай душѣ моей
Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
Гр. А. Толстой. *Іоаннъ Дамаскинъ.*

Тихо и однообразно потекла опять жизнь во Всесвятскомъ. Но всѣмъ тамъ почему-то будто полегчало, на всѣхъ будто повѣяло чѣмъ-то умиряющимъ,—„елейнымъ“, какъ выражался докторъ Ѳирсовъ... Молодая хозяйка все такъ же задумывалась,—но неотступно и зорко наблюдавшая за нею Лизавета Ивановна замѣчала все чаще въ эти минуты мимолетную, какъ бы откуда-то извнѣ прилетавшую на ея губы, усмѣшку и трепетный огонекъ, загоравшійся одновременно въ глубинѣ ея вишневыхъ зрачковъ. „Отъ сердца отходитъ, значитъ“, объясняла Анфисѣ, которой передавала она всѣ свои „замѣчанія“, маленькая особа... Синеглазая „вдовушка“ и докторъ бывали особенно оживленными въ почтовые дни: они гораздо болѣе откровенно, чѣмъ сама Александра Павловна, тревожились каждый разъ о томъ, получитъ-ли она или нѣтъ письмо отъ мужа... Онъ писалъ ей не пространно, но довольно регулярно, дружескимъ, но крайне сдержаннымъ тономъ, замѣтно избѣгая всего, что могло касаться его внутренней жизни и личныхъ отношеній къ ней, заботливо разспрашивалъ ее о дѣтяхъ и просилъ сообщать ему о нихъ „какъ можно болѣе подробностей“. О своей служебной дѣятельности онъ точно

также говорилъ мало. Она знала только, что онъ находится съ полкомъ въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ Царства Польскаго и, кромѣ офицеровъ своихъ и солдатъ, никого не видитъ... Разъ только проскользнула у него въ письмѣ слѣдующая коротенькая, встревожившая ее фраза: „Здѣшнее населеніе прямо плюетъ въ глаза войску, а мы стоимъ l'arme au bras и благодушно утираемся". Александра Павловна съ этого дня принялась усидчиво слѣдить за „польскими дѣлами" по одной изъ петербургскихъ газетъ, получавшейся во Всесвятскомъ. Но изо всего того, что она тамъ вычитывала, она могла выводить лишь то странное для нея заключеніе, что „Поляки во всемъ правы, а Русскіе во всемъ виноваты", и никакъ не могла согласовать это въ мысли съ тѣмъ понятіемъ о предметѣ, которое истекало для нея изъ упомянутой фразы въ письмѣ Бориса Васильевича. Она попробовала было заговорить объ этомъ съ докторомъ, но тотъ только крякнулъ и сказалъ: „Поляки народъ острый, намъ съ ними, извѣстно, не совладать", послѣ чего она уже не возобновляла съ нимъ этого разговора; но письма ея къ мужу съ тѣхъ поръ не ограничивались уже отвѣтами на его вопросы: она все настоятельнѣе просила теперь въ свою очередь „подробностей" о немъ, о томъ, „что дѣлается въ этомъ *ужасномъ краю*, гдѣ, видно, ему очень не легко жить"...

Недѣли три послѣ отъѣзда его, ей принесли однажды вмѣстѣ съ иностранными газетами письмо изъ-за границы... „Отъ Киры!" вскликнула она помимо воли, узнавая почеркъ... Она не рѣшилась читать его тотчасъ, боясь инстинктивно того впечатлѣнія, какое „должно оно было" произвести на нее. Но когда она вскрыла его наконецъ, впечатлѣніе это оказалось вовсе не тѣмъ, какимъ воображала она его себѣ заранѣе.

Вотъ (въ переводѣ съ французскаго) что писала ей двоюродная сестра:

Ліонъ, 14 (26) октября 1862 года.

„Завтра я вступаю au noviciat des Religieuses de la Visitation de la Sainte Vierge. Завтра я умру для міра (je serai morte au monde).

„Нынѣшній день я еще принадлежу ему, имѣю право переноситься къ нему мыслью,—и выбрала этотъ день нарочно для бесѣды,—для послѣдней бесѣды съ тобою! Тобою я покончу послѣдніе мои счеты съ міромъ. Молю мысленно всѣхъ знавшихъ меня въ немъ отпустить мнѣ мои предъ ними вины вольныя и невольныя, но предъ тобой обязана я раскрыть всѣ тайники моей души и со слезами покаянія и стыда воззвать къ тебѣ о прощеніи мнѣ, о забвеніи всего, содѣяннаго мною *намѣренно* тебѣ зла.

„Ты его заранѣе даровала мнѣ, это прощеніе, знаю; ты признала меня „невиноватою“ въ такую минуту и при такихъ обстоятельствахъ, когда всякая другая на твоемъ мѣстѣ вѣроятно прокляла бы меня. Ты этого не сдѣлала,—напротивъ... Слѣдуетъ-ли даже вмѣнить это тебѣ въ достоинство? Ты не размышляла объ этомъ, не побѣдила себя подлѣ долгой и мучительной борьбы съ собою; это просто вырвалось у тебя само собой, изъ прирожденныхъ тебѣ христіанскихъ и человѣчественныхъ инстинктовъ, при которыхъ тебѣ и *воли на добро* никакой не нужно.

„У меня ихъ никогда не было. Я родилась гордою, заносчивою, завистливою, — со всѣми пороками нашего вѣка... И разъ я коснулась этого, я прямо начну съ признанія: ты постоянно и одновременно возбуждала во мнѣ два, повидимому исключающія одно другое, чувства: пренебреженіе и зависть. Ты представлялась мнѣ всегда занимающею такое ничтожное мѣсто между мыслящими существами (occuper une place si humble dans le monde des êtres pensants), и твое незаслуженное, казалось мнѣ, счастіе возбуждало во мнѣ ожесточенный ропотъ противъ несправедливостей судьбы. Да, я презирала и завидовала въ одно и то же время. Чѣмъ глубже дорываюсь я въ душѣ до перваго источника *того*, что̀ началось для меня у васъ въ деревнѣ и кончилось въ Москвѣ, тѣмъ осязательнѣе обнаруживается это для меня. Не столько страсть — безумство! — къ *нему*, къ твоему мужу, сколько злость на то, что его жена — *ты*, сколько высокомѣрная мысль, что *такая* женщина, какъ ты, не способна удовлетворить умственнымъ требованіямъ *того* человѣка, котораго при-

знавала я достойнымъ *моей* любви, побудили меня... къ тому, что было... Все *умъ*, все та же гордыня, киченіе этимъ жалкимъ умомъ въ ничтожномъ человѣческомъ муравейникѣ!

„И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ и замыслахъ моей жизни, ожидало меня немедленное разочарованіе. Я хотѣла испытать *его* въ Москвѣ, подвела къ твоему портрету въ кабинетѣ покойнаго Остроженко (онъ тамъ, вмѣстѣ съ моимъ, въ его коллекціи „des beautés de Moscou“, какъ говорилъ старикъ,),—и поняла все: *онъ* не могъ вырвать тебя изъ сердца, хотя ему казалось, что онъ любитъ меня. Я поняла, что съ его стороны это былъ одинъ обманъ воображенія, и что онъ никогда не простилъ бы мнѣ въ душѣ своей, если-бъ я, въ силу этого обмана, разлучила тебя съ нимъ навсегда,— поняла, что не на *умъ*, а на нѣчто другое, высшее, откликается вѣчно то, что есть лучшаго въ душѣ человѣческой... Изъ этой послѣдней встрѣчи моей съ нимъ я вышла чиста, но переломана навсегда (pure, mais brisée à jamais)...

„Повторяю, я даже теперь не смѣю извинять себя тѣмъ, что я *его* дѣйствительно любила... Ты — помнишь?— все прочила мнѣ въ мужья Гундурова, и не одной тебѣ на первый взглядъ могло казаться, что для меня дѣйствительно нельзя было бы пріискать лучшаго мужа. Но я чутьемъ понимала, что онъ меня никогда не полюбитъ, точно такъ же, какъ я никогда не была бы въ состояніи полюбить его. Его кто-то въ Петербургѣ называлъ „идея на ножкахъ“. Я сама была тоже бродячая идея (une idée ambulante) съ менѣе чѣмъ онъ опредѣленнымъ и стойкимъ содержаніемъ, но съ тою же жаждой неудовлетворенной личной жизни. Мнѣ вѣчно хотѣлось чего-то большаго, общаго, чего-то неизвѣданнаго и чуждаго другимъ, чѣмъ могла бы наполнить я пустоту и безплодіе моего внутренняго я... И именно потому, что Гундуровъ близокъ мнѣ по природѣ, онъ никогда не нравился мнѣ, какъ человѣкъ,— и влекло меня то, что есть въ *немъ*, въ твоемъ мужѣ... нѣчто не *идейное*, а жизненное, крѣпко сидящее въ сѣдлѣ (fort en selle), *хотящее* прежде всего, а размышляющее потомъ... Но во мнѣ самой этого не было: я только жаждала, но *хотѣть* не умѣла;— я не была способна, какъ онъ, сжечь свои ко-

рабли до тла изъ-за одного призрака счастія,—и отъ него же требовала впередъ гарантій, что, порывая съ прошлымъ, съ тобою, въ душѣ его не останется ни раскаянія, ни сожалѣнія... Онъ понялъ въ свою очередь, и тутъ же—я прочла это въ ту же минуту на его лицѣ,—оторвалъ, отринулъ меня отъ сердца... Я не виню,—не винила его и тогда. Онъ былъ правъ. Такихъ, какъ я, любить нельзя!

„Онъ вернется къ тебѣ,—я знаю! Для такихъ, какъ онъ,—да и не для нихъ однихъ!— возможны только подруги, какъ ты: простыя сердцемъ (simples de coeur), преданныя, любящія безъ оглядокъ, ни задней мысли. „Das ewig Weibliche", справедливо говорилъ про тябя твой дядя Овцынъ. Въ тебѣ то, на чемъ стоитъ весь человѣческій строй: семья, общество, порядокъ. Ты—покой, ты—благоуханіе, ты утѣшеніе (tu es la paix, le parfum, la consolation), какъ сказалъ В. Гюго, кажется. Ты сильна именно тѣмъ, что я презирала въ тебѣ,—я, растерявшая душу въ безплодныхъ исканіяхъ не подлежащихъ *женщинѣ* цѣлей!.. Въ нашемъ, русскомъ обществѣ, гдѣ добродѣтель (la vertu), гдѣ исполненіе нравственнаго долга—единственно дѣло личнаго темперамента, а не какихъ-либо твердо, общимъ сознаніемъ утвержденныхъ началъ, для такихъ существъ, какъ я, предстоятъ лишь два исхода: позоръ (la honte), или та школа тупаго и безплоднаго ожесточенія, въ которой учителями являются господа въ родѣ двоюроднаго твоего брата Иринарха.

„Я нашла третій—добровольное отреченіе отъ самой себя, отъ своего безполезнаго и постыднаго я... Твоя *православная* совѣсть (la conscience *orthodoxe*) возмутится, я не сомнѣваюсь, мысля объ *овцѣ, бѣгущей отъ роднаго стада*. Не нахожу нужнымъ вступать здѣсь въ разсужденіе объ этомъ предметѣ... Скажу тебѣ одно: мнѣ нужна желѣзная рука, подъ которую я съ довѣріемъ и *страхомъ* (avec confiance et terreur) могла бы всецѣло отдать мою строптивую природу (ma nature rebelle). Ты скажешь мнѣ: „развѣ не отыскала бы ты такую, не покидая лона *нашей* церкви?" Можетъ быть, не знаю... У насъ воспитываются всѣ такъ мало въ познаніи ея, что я во всякомъ случаѣ не знала бы, *гдѣ* искать то, чего алчу я, въ этой, *твоей*, церкви.

„Прости! Я покорила свою гордость и, раскаянная, клоню предъ тобою повинную голову мою во прахъ. Много слезъ, знаю, пролила ты чрезъ меня, но твои слезы изъ тѣхъ, отъ которыхъ „Божьи цвѣты разцвѣтаютъ“, какъ выражается твоя Лизавета Ивановна (напомни обо мнѣ, когда увидишь, этой доброй душѣ!), а мои лишь палили мнѣ душу, какъ огненнымъ дождемъ... Завтра выплачу я послѣднія у подножія Распятія и, стряхнувъ на вѣки ветхаго человѣка, пойду, радостная и свѣтлая, за Нимъ... за терновымъ вѣнцомъ,—его же призываю всѣми силами, всѣми голосами души моей!“

Письмо это не было подписано, но подъ нимъ стояло postscriptum съ адресомъ улицы, на которой находился монастырь des Visitandines, и словами: „A la soeur Colette“. Это было католическое имя, принятое Кирой. За этимъ слѣдовала коротенькая приписка: „Предваряю тебя, что всѣ получаемыя нашими сестрами письма отдаются имъ въ руки не иначе, какъ по предварительномъ прочтеніи матушкой-игуменьей (la mère-Supérieure)“.

Дойдя до конца, Александра Павловна выронила листокъ изъ рукъ и заплакала.

— О чемъ это, о чемъ, анделъ мой? воскликнула, входя въ эту минуту въ комнату, Лизавета Ивановна и кинулась къ ней.

— Отъ Киры... письмо вотъ сейчасъ получила, пролепетала Троекурова.

— Гдѣ она, княжна-то наша? подымая его, спросила та.

— Во Франціи, въ монастырь поступила, въ католическій...

Маленькая особа вздрогнула вся:

— Вѣру перемѣнила, Господи! Изъ чего-жь это?

Александра Павловна взяла у нея письмо и перевела ей относящіяся до этого строки.

У Лизаветы Ивановны заискрились глаза:

— „*Искать гдѣ* не знаетъ, подъ чью руку отдать себя съ довѣріемъ и страхомъ“! повторила она негодующимъ голосомъ,—и, обернувшись быстрымъ движеніемъ къ образу Спасителя въ углу комнаты, указала на него:—А Его забыла! Его Страстотерпца-Господа рукй ей мало!.. И вдругъ стихла

вся и словно смутилась:—А впрочемъ, анделъ мой, кійждому свое, сказано. Что̀ какой душѣ требуется; ейной-то—видимо всегда это было,—подъ веригами легче, чѣмъ на своей волюшкѣ, а у насъ дѣйствительно очень ужь ослабѣло все. Вотъ и пошла она *искать* у иноплеменныхъ... А и то̀ сказать: что̀ у насъ, что̀ у нихъ—Христосъ одинъ вѣдь, анделъ мой, заключила маленькая особа, перекрестилась, и внезапная улыбка освѣтила все ея увялое личико. — Господь-то къ лучшему устрояетъ всегда, милая! Нашла, наконецъ, княжна пріютъ душенькѣ своей безпокойной, а у васъ заноза послѣдняя изъ сердца вонъ...

Она оборвала разомъ, какъ бы испугавшись этихъ вырвавшихся у нея словъ, и глянула тревожнымъ взглядомъ въ лицо Александры Павловны.

Но слезы уже просохли на глазахъ молодой женщины,—и свѣтились теперь эти вишневые глаза тѣмъ былымъ, тихимъ и глубокимъ сіяніемъ счастія, которое, казалось еще недавно, должно было погаснуть въ нихъ такъ же безвозвратно, какъ огонь на алтаряхъ Гомеровскихъ богинь... „*Онъ* вернется къ тебѣ, я знаю“,—звенѣли въ ней слова изъ письма, лежавшаго на ея колѣняхъ,— „такихъ, какъ я, не любятъ. *Онъ* не могъ вырвать *тебя* изъ сердца... *Онъ* можетъ любить только такую какъ ты: *простую сердцемъ*... Ты для *него* покой, благоуханіе, утѣшеніе...“ Послѣдняя заноза дѣйствительно была вырвана; столистенныя розы, еще пахучѣе, еще пышнѣе, чѣмъ прежнія, разцвѣтали вновь со дна выстрадавшагося существа „Сашеньки“. Заалѣвшія уста шептали беззвучно слова хвалы и благодаренія, сердце билось невыразимо сладко... Онъ вернется, онъ скоро вернется,—стояло въ головѣ ея,—„онъ пойметъ, что никакой „эпитиміи“ болѣе не нужно, что все прошло, все минуло, испытанія и муки, что я жду его, страстно, мучительно жду и люблю,—люблю какъ прежде, сто разъ болѣе, чѣмъ прежде. И онъ пріѣдетъ, я кинусь встрѣчать его, онъ выскочитъ изъ коляски, обойметъ меня, прижметъ къ сердцу, тихо, тихо, чтобъ никто разслышать не могъ, проговоритъ мнѣ на ухо: „вотъ я опять твой, навѣки твой, навѣки“!..

Суждено-ли было осуществиться, и осуществиться именно такъ, тому, что̀ обѣщало въ эту минуту предчувствіе Александрѣ Павловнѣ Троекуровой, о чемъ грезила она, къ чему стремилась каждымъ фибромъ своего существа,—мы этого не скажемъ теперь, и не знаемъ, скажемъ-ли когда-нибудъ... Писать въ наши дни, писать о нашихъ дняхъ—тяжелая задача, благосклонный читатель! И чѣмъ ближе стала бы подходить наша *правдивая исторія* къ этимъ переживаемымъ нами днямъ, тѣмъ должна была бы она, роковою силой вещей, принимать съ каждою новою страницей все болѣе унылый, все болѣе мрачный колоритъ...

КОНЕЦЪ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

Содержаніе

ВОСЬМАГО ТОМА:

	стран.
Бездна. (Часть первая).	1—297

БЕЗДНА.

PERTH

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ *).

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

Tempora quibus nec vitia nostra,
nec remedia pati possumus.

Livius.

ПРОЛОГЪ.

I.

Предъ тропомъ красоты тѣлесной
Святыхъ молитвъ не возжигай...

Н. Павловъ.

Глухой, словно осипшій отъ непогодъ и времени, колоколъ старинной каменной церкви села Буйносова, Юрьева-тожь, звонилъ ко всенощной. Въ воздухѣ начинало тянуть предвечернею свѣжестью на смѣну палившаго утромъ жара. Высоко подъ лазоревымъ небомъ рѣяли ласточки, бѣжали волокнисто-бѣлыя гряды веселыхъ лѣтнихъ облачковъ.

Церковь со своею полуобрушенною, какъ и сама она, оградой и пятью, шестью кругомъ нея старыми березами, Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣвшими отъ безпощаднаго мужицкаго топора, стояла особнякомъ у проѣзжей дороги, на по-

*) Впервые печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1, 2, 3, 4, 7, 9 и 11 книжкахъ за 1880 годъ и въ 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 книжкахъ за 1884 г., и тѣмъ же наборомъ послѣдовательно перепечатывалась и въ началѣ 1885 г. выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Смерть застигла автора, прежде чѣмъ онъ успѣлъ довести „Бездну“ до конца. В. В. Крестовскій написалъ къ ней послѣсловіе, впервые напечатанное во 2 книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1885 годъ.

ловинѣ разстоянія между селомъ и усадьбой бывшихъ его господъ, принадлежавшихъ къ древнему, когда-то княжескому и боярскому роду Буйносовыхъ-Ростовскихъ. Когда-то верстъ на двадцать кругомъ сплошь раскидывались владѣнія этихъ господъ... Но времена тѣ были уже далеки...

Въ минуту, когда начинается нашъ разсказъ, у церковной ограды остановилась легонькая, на рессорахъ, телѣжка съ тройкой добрыхъ гнѣдыхъ лошадокъ въ наборной по-ямщицки сбруѣ. Молодой парень-кучеръ, стоя лицомъ къ коренному, озабоченно и поспѣшно оправлялъ свернувшуюся на ѣздѣ нѣсколько на бокъ дугу. Чей-то запыленный, легкой лѣтней матеріи рагланъ лежалъ на обитомъ темнозеленымъ трипомъ сидѣніи телѣжки.

— Чтò это, Григорія Павловича лошади? раздался за спиной кучера звучный гортанный голосъ молодой особы, медленно подходившей къ церкви со стороны пространнаго сада, за которымъ скрывалась усадьба.

Тотъ обернулся, узналъ знакомую „барышню“, снялъ шляпу и поклонился:

— Точно такъ-съ, ихнія!

— Гдѣ же онъ?

— А сичасъ вотъ въ церковь прошли... ко всенощной стало-быть...

Какая-то странная усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

— Откуда ѣдете? коротко спросила она чрезъ мигъ.

— Изъ Всесвятскаго... Отъ генерала Троекурова, добавилъ онъ какъ бы уже съ важностью.

Она чуть-чуть усмѣхнулась еще разъ, вытащила изъ кармана юпки довольно объемистый кожаный портсигаръ, прошла за ограду и, замѣтивъ въ муравѣ растреснутую могильную плиту съ полустертыми слѣдами высѣченной надписи, усѣлась на ней, дымя закуренною тутъ же папироской.

Парень искоса повелъ на нее глазомъ и какъ бы одобрительно качнулъ головой. „Въ акуратѣ барышня!“ говорило, казалось, его румяное, бойкое и самодовольное лицо.

„Барышня“ была дѣйствительно очень красива въ своемъ простенькомъ, но изящно скроенномъ платьѣ изъ небѣленаго

холста, убранномъ *русскими* кружевами съ ободочками узора изъ красныхъ нитокъ, подъ которымъ вырисовывались пышно развитыя формы высокаго дѣвственнаго стана, и въ соломенной шляпѣ à la bergère, утыканной кругомъ полевыми цвѣтами, только-что нарванными ею въ полѣ. Изъ-подъ шляпы выбивались густыя пряди темныхъ, живописно растрепавшихся волосъ кругомъ правильнаго, строго-овальнаго и блѣднаго лица. Надъ большими, цвѣта aquae marinae глазами рѣзко выдѣлялись отъ этой блѣдности кожи тонкія, какъ говорится, въ ниточку, дуги почти совершенно черныхъ бровей... „Берегись женщины блѣдной, черноволосой и голубоглазой“, говорятъ въ Испаніи...

Она курила и ждала, упершись взглядомъ въ растворенную дверь храма, откуда доносилось до нея уныло торопливое шамканье стараго дьячка.

Такъ прошло съ четверть часа.

Но вотъ на проросшую травой каменную паперть вышелъ изъ церкви бѣлокурый, статный молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то, съ пушистою свѣтлою бородкой и миловиднымъ выраженіемъ свѣжаго и нѣжнаго какъ у женщины лица. Онъ сразу замѣтилъ дѣвушку и, съ мгновенно засіявшимъ пламенемъ въ глазахъ, поспѣшно сбѣжалъ со ступенекъ къ ней.

— Что-жь это вы до богомольства уже дошли? съ какою-то холодною ѣдкостью насмѣшки спросила она его первымъ словомъ, не трогаясь съ мѣста.

Онъ покраснѣлъ, не находя отвѣта, смущенный не то вопросомъ, не то радостною неожиданностью встрѣчи съ нею.

— Да-съ, вотъ проѣзжали, зашли, возразилъ за него грубоватымъ тономъ вышедшій вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ толстякъ среднихъ лѣтъ, въ черепаховыхъ очкахъ и просторномъ люстриновомъ пальто,—не мѣшало бы и вамъ, полагаю, зайти лобикъ перекрестить: завтра большой праздникъ, второй Спасъ...

— Ахъ, докторъ, это вы! перебила она его съ пренебрежительнымъ движеніемъ губъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе:— Вы къ намъ? Сестра посылала къ вамъ сегодня нарочно...

— Да-съ; посмотримъ вотъ на него, посмотримъ... Новые симптомы какіе-нибудь замѣтили?

— Все то же!... Возбужденъ очень былъ вчера вечеромъ, ночью никому спать не далъ...

Толстякъ скорчилъ гримасу:

— Ну, и требовалъ?..

— Само собою!

— И дали?... Сколько?

— Не знаю, спросите сестру... Я въ это не вмѣшиваюсь,— гадко! воскликнула она вдругъ съ отвращеніемъ, подымаясь со своей плиты и направляясь за ограду.

— А на чьей это могилкѣ изволили вы проклажаться между прочимъ? спросилъ, оглянувъ покинутое ею сидѣніе, все съ тою же гримасой на толстыхъ губахъ, докторъ, въ которомъ читатель, смѣемъ надѣяться, успѣлъ узнать знакомаго ему Николая Ивановича Ѳирсова *).

— Не знаю, отвѣтила она черезъ плечо,—кого-нибудь изъ доблестныхъ предковъ, надо полагать...

Онъ быстро и значительно поглядѣлъ на молодаго человѣка, какъ бы говоря: „хороша, а?“ Тотъ подавилъ вырывавшійся изъ груди его вздохъ и опустилъ глаза.

— Прикажете, я васъ довезу, Антонина Дмитріевна? спросилъ ее Ѳирсовъ, когда они втроемъ вышли на дорогу, гдѣ стоялъ экипажъ пріѣзжихъ.

— А Григорій Павловичъ какъ же? Въ этой таратайкѣ третьему мѣста нѣтъ.

— А Григорій Павловичъ маленько подождетъ меня... Я къ вамъ вѣдь не на долго-съ. Мы вотъ спѣшимъ, чтобы засвѣтло къ нимъ въ Углы поспѣть: у Павла Григорьевича Юшкова опять подагра разыгралась.

Антонина Дмитріевна иронически прищурилась на него:

— А я предлагаю вамъ ѣхать одному. Это будетъ удобнѣе для васъ... и для меня. А мы васъ съ Григоріемъ Павловичемъ подождемъ въ саду... Пойдемте, Григорій Павловичъ,

*) *Переломъ*, часть IV.

проговорила она чуть не повелительно, двигаясь по краешку пыльной дороги.

Молодой человѣкъ послушно пошелъ за нею.

Докторъ досадливо поглядѣлъ ему во слѣдъ, но дѣлать было нечего: онъ крякнулъ, ввалился кое-какъ съ помощью кучера въ телѣжку и покатилъ въ усадьбу.

— Вамъ запрещено къ намъ ѣздить? не замедляя шага и не глядя на своего спутника, спросила его нежданно дѣвушка.

Ему точно кто плеснулъ водой въ лицо. Онъ вскинулъ на нее сверкавшіе глаза, но сдержался.

— Я не мальчикъ на помочахъ, Антонина Дмитріевна, выговорилъ онъ, насколько могъ спокойнѣе,—и вашъ вопросъ по меньшей мѣрѣ страненъ...

— И чтобы вы не вздумали ослушаться, къ вамъ даже менторъ приставленъ, продолжала она тѣмъ же тономъ, будто и не слышала вовсе его возраженія.

— Менторъ? кто это?..

— А вотъ этотъ Фальстафъ, который васъ по заутренямъ возитъ. Скажете—нѣтъ?

И она громко разсмѣялась:

— Какъ онъ это тонко придумалъ увезти меня, чтобы спасти своего Телемака отъ соблазна, и какъ, должно быть, бѣсится теперь, что это ему не удалось!.. Какой отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ теперь Троекуровымъ держать?..

Досадой и тоской отзывались эти *шпильки* въ душѣ молодаго человѣка. На лицѣ его сказывалось страданіе.

— Къ чему говорите вы мнѣ этотъ... вздоръ? вырвалось у него невольно.

— Не „вздоръ“,—это вы напрасно! Кому же не извѣстно, что вы состоите на положеніи любимчика у здѣшняго великаго *генерала*, насмѣшливо подчеркнула она,—и что вы имъ предназначаетесь въ мужья его Машеньки? Онъ поэтому, какъ дальновидный господинъ, и счелъ нужнымъ установить заранѣе наблюденіе за вашею moralité.

— Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало! горячо протестовалъ Юшковъ: — Машенька Троекурова — пятнадцатилѣтняя

еще дѣвочка; родителямъ ея вѣроятно и въ голову до сихъ поръ не приходило думать о ея замужствѣ... И не такіе они люди вообще, чтобы загадывать объ этомъ заранѣе... Я эту семью глубоко уважаю и люблю, Антонина Дмитріевна, поспѣшилъ онъ прибавить вѣско, въ очевидномъ намѣреніи не допускать ее продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, — а Борису Васильевичу лично многимъ обязанъ...

— Какъ же, слышала, невозмутимо объяснила она:—отъ жандармовъ спасъ когда-то и нигилиста обратилъ въ вѣрноподданнаго и „блюстителя основъ“, какъ говоритъ Щедринъ.

Юшковъ вспыхнулъ до самыхъ волосъ. Онъ разсердился не на шутку.

— Вы напрасно думаете уколоть меня вашими насмѣшками, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія голосомъ, — я убѣжденія мои не почитаю нужнымъ оправдывать ни предъ кѣмъ.

Она обернулась къ нему и широко улыбнулась:

— Я васъ объ этомъ и не прошу. Какое мнѣ дѣло до вашихъ, да и до чьихъ бы ни было „убѣжденій“? У меня у самой ихъ никакихъ нѣтъ.

Улыбка у нея была прелестна, а низкій гортанный голосъ, мягкій и проницающій, такъ и просился въ душу молодаго человѣка. Гнѣвъ его стихъ мгновенно.

— Мнѣ никто не „запрещаетъ“ и запретить не можетъ бывать у васъ, Антонина Дмитріевна, началъ онъ чрезъ минуту съ замѣтною уже робостью и прерываясь въ рѣчи,—но, признаюсь вамъ, я самъ... удерживаюсь, и если бы не встрѣтилъ васъ сейчасъ, я... дѣйствительно... я не вошелъ бы къ вамъ въ домъ, а дождался бы вотъ тутъ, у церкви, пока Нилолай Ивановичъ не вернулся бы отъ вашего батюшки...

— Очень любезно! Почему же это такъ, можете отвѣтить?

— Вы сами знаете...

— Что я знаю?

— То, что вамъ до меня никакого дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ, медленно промолвила она,—я люблю такихъ... *невинныхъ*, какъ вы.

Онъ готовъ былъ разсердиться опять...

— Это я вамъ не въ укоръ говорю, успокоительно добавила она:—напротивъ! Сама я, можетъ быть, чувствовала бы себя счастливѣе, если бы могла, вотъ какъ вы, во что-то вѣрить, чему-то *служить*...

— Да развѣ безъ этого, скажите, можно жить? съ оттѣнкомъ чуть не отчаянія перебилъ онъ ее.

— Вотъ какъ видите, засмѣялась она, выпрямляясь вся, словно для того, чтобы дать ему возможность оцѣнить весь безукоризненный складъ ея роскошнаго облика,—и даже желѣзнымъ здоровьемъ пользоваться при этомъ.

Онъ безсознательнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Зачѣмъ напускаете вы на себя такой цинизмъ, Антонина Дмитріевна!

Она пожала плечами:

— Кто же вамъ сказалъ, что я „напускаю на себя“, во-первыхъ; и почему правда, по-вашему,—„цинизмъ“?

— Да развѣ можно такъ думать въ ваши годы, съ вашею наружностью... при вашемъ умѣ, наконецъ? пылко воскликнулъ онъ:—неужели „ничего во всей природѣ“, какъ сказалъ Пушкинъ, благословить вы не хотите?

— Ни кто и ни что „во всей природѣ“ въ благословеніи моемъ не нуждается, иронически возразила она на это.

— Вѣдь это ужасно! продолжалъ онъ горячиться.—Я первую такую, какъ вы, дѣвушку—женщину вообще—встрѣчаю въ жизни. И я не хочу вѣрить, не вѣрю, чтобъ это было искренно... Нѣтъ въ мірѣ, даже въ животномъ мірѣ, существа, которое могло бы обойтись безъ привязанности, безъ ласки... безъ любви.

— На языкѣ науки то, что называете вы „любовью“, имѣетъ другое имя, безпощадно отрѣзала она въ отвѣтъ:—вы напрасно о „животномъ мірѣ“ упомянули. Физіологія не допускаетъ произвольныхъ фантазій вашей *эстетики*.

Онъ не отвѣчалъ: это было уже слишкомъ рѣзко, слишкомъ „цинично“, дѣйствительно...

Они стояли теперь предъ рвомъ, окаймлявшимъ старый, пространный и запущенный садъ усадьбы ея отца. Ровъ успѣло уже почти до верху завалить отъ времени и неприсмотра.

Люди и животныя ближайшихъ деревень равно безпрепятственно проникали чрезъ него для всякой своей потребы въ этотъ „барскій“ садъ,—разбитый при Елисаветѣ искуснымъ въ своемъ дѣлѣ Французомъ, выписаннымъ изъ Версаля тогдашнимъ владѣльцемъ Юрьева, генералъ-поручикомъ Артеміемъ Ларіоновичемъ Буйносовымъ, сподвижникомъ Апраксина и Ласси въ Семилѣтней Войнѣ,—и распоряжались въ немъ на полной своей волюшкѣ: поѣдали и вытаптывали молодую поросль, сдирали кору съ липъ и березъ, рубили на вѣники сиреневые кусты... Слѣды старыхъ аллей давно исчезли; ихъ замѣнили змѣившіяся во всѣ стороны тропинки, проложенныя овцами и крестьянскими дѣтьми, бѣгавшими сюда, въ силу старой рутины, „по ягодки и орѣшки“, давно уже повыведенные здѣсь въ общемъ разорѣ... Угрюмо звенѣли посохлыя вершины, чернѣли пни поломанныхъ бурей или сваленныхъ наспѣхъ воровскимъ топоромъ вѣковыхъ деревьевъ; вытравленная скотомъ на луговинахъ трава выдавалась кое-гдѣ по низямъ приземистою, жидкою отавой...

Юшковъ вслѣдъ за Антониной Дмитріевной перепрыгнулъ черезъ ровъ и очутился съ нею въ саду. Она, молча, бережно и гадливо глядя себѣ подъ ноги, повела его извилистою тропинкой по направленію къ виднѣвшейся издали каменной скамьѣ, сѣрѣвшей подъ низкими вѣтвями коряваго стараго дуба.

— Знаете вы, какъ называлось это мѣсто въ старину? спросила она вдругъ, дойдя до него и оборачиваясь къ своему спутнику.

— Не знаю.

— *Храмъ утѣхъ.*

Онъ засмѣялся.

— Серіозно! Тутъ стояла, говорятъ, статуя Венеры, и напудренныя бабушки назначали здѣсь по ночамъ своимъ любезнымъ амурныя rendez-vous.

Молодаго человѣка снова покоробило отъ этихъ словъ.

Она замѣтила это и надменно повела губами:

— Что, не понравилось выраженіе? Mauvais genre находите?

— Нахожу некрасивымъ, да, твердо произнесъ онъ,—но меня еще болѣе возмущаетъ эта вѣчная злоба въ вашихъ рѣчахъ.

— Злоба! повторила она какъ бы невольно, опускаясь на скамью, глянула ему прямо въ лицо и проговорила отчеканивая:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть *).

Жуткое чувство охватило его вдругъ. Онъ точно въ первый разъ видѣлъ теперь эти глаза... Въ первый разъ, дѣйствительно, поражало его въ соединеніи съ тѣмъ, что̀ выговорено было ею сейчасъ, соотвѣтствующее выраженіе ея голубыхъ, съ мертвеннымъ блескомъ цвѣтнаго камня глазъ... „Тутъ все порѣшено и похоронено, тутъ ни пощады, ни возврата къ свѣту нѣтъ“, пронеслось у него въ мысли внезапно и скорбнымъ откровеніемъ... По тѣлу его пробѣжала нервная дрожь; онъ сѣлъ подлѣ нея, провелъ себѣ рукой по лицу:

— Вы рѣшительно желаете упорствовать въ своемъ человѣко- и міроненавидѣніи? сказалъ онъ насилованно-шутливымъ тономъ.

— А вамъ бы очень хотѣлось помирить меня съ ними?

Онъ быстро поднялъ голову:

— Да, я долго лелѣялъ въ душѣ эту надежду.

— А Троекуровъ, что̀ же... а ваши пуритане—отецъ и дядюшка—что̀ бы сказали?

Онъ готовился отвѣтить... Она остановила его движеніемъ руки:

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ объясненій; я знаю заранѣе все, что̀ можете вы мнѣ сказать. Это потеря словъ была бы одна...

— Позвольте однако, Антонина Дмитріевна, вскликнулъ онъ неудержимо, уносимый тѣмъ страннымъ, мучительнымъ обаяніемъ, которое, не смотря ни на что̀, производила она на него,—я хотѣлъ только заявить, что если бы вы захотѣли...

— Вы бы не остановились ни передъ какимъ препятствіемъ, договорила она за него:—знаю непередъ, я вамъ сказала. И

*) Некрасовъ.

я на это отвѣчу вамъ со свойственнымъ мнѣ „цинизмомъ“, какъ вы выражаетесь. Я бы со своей стороны ни на что и ни на кого не поглядѣла, если бы выйти за васъ замужъ почитала для себя выгоднымъ. Но я этого не нахожу.

Онъ перемѣнился въ лицѣ, растерянно взглянулъ на нее...

Она обвела взглядомъ кругомъ:

— Вы видите это разореніе, нищету, мерзость? Мнѣ нужно по меньшей мѣрѣ полтораста тысячъ дохода, чтобы вознаградить себя за все то, что выносила я до сихъ поръ среди этого.

— Я ихъ не могу вамъ дать! съ прорывавшимся въ голосѣ негодованіемъ выговорилъ Юшковъ.

— Я знаю, невозмутимо подтвердила она: —а Сусальцевъ повергаетъ ихъ къ моимъ ногамъ, промолвила она съ ироническимъ паѳосомъ.

— Вы думаете итти за Сусальцева? чуть не крикомъ крикнулъ молодой человѣкъ.

— А что?

— Вѣдь это купчина, человѣкъ инаго міра, инаго воспитанія!...

Она перебила его смѣхомъ:

— Сословные предразсудки en l'an du Christ dix huit cent *septante* six, какъ выражается мой маркизъ-папаша? Вы прелестны своею наивностью, Григорій Павловичъ!...

— Вы правы, воскликнулъ онъ опять, вскакивая съ мѣста,—я наивенъ, я глупъ,—я совсѣмъ глупъ, чувствую! Предъ вашею реальностью мнѣ остается только смиренно преклониться, подчеркнулъ онъ съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть ее въ свою очередь.

Она и бровью не моргнула на это.

— Какъ жаль, что сестра моя Настя не видитъ васъ въ этомъ прекрасномъ негодованіи, медленно проронила она; — она почитаетъ себя нигилисткой, но имѣетъ сердце чувствительное и питаетъ въ немъ тайное, но страстное обожаніе къ вамъ.

— Вашъ сарказмъ и сестру родную не щадитъ! возразилъ онъ досадливо, морщась и краснѣя невольно.

— Напротивъ, это я изъ участія къ ней. А что вы не послѣдовательны, въ этомъ я не виновата.

— Чѣмъ „не послѣдователенъ?“ недоумѣло спросилъ онъ.

— Вы такъ хлопочете о спасеніи, о примиреніи съ жизнью женскихъ душъ, погибающихъ въ „отрицаніи“. Отчего же относитесь вы неотступно съ этимъ ко мнѣ,— къ *неисцѣлимой*, вы знаете,—а не попробуете тамъ, гдѣ дѣйствительно, я вамъ отвѣчаю, „елей вашихъ рѣчей благоуханныхъ“ можетъ пойти въ прокъ... Или въ самомъ дѣлѣ, примолвила она, зорко остановивъ на немъ загадочный взглядъ, — олицетворяющееся во мнѣ *зло* имѣетъ такую неотразимую привлекательность для добродѣтельныхъ *эстетиковъ*, какъ вы?

Юшковъ растерянно взглянулъ на нее—и не нашелъ еще разъ отвѣта...

II.

Ed or, negletto e vilipeso, giace
In le sue case, pover, vecchio e ciecco...
Machiavelli.

Докторъ Ѳирсовъ, между тѣмъ, въѣхавъ на *красный* дворъ усадьбы, давно поросшій травой и на которомъ паслись теперь три стреноженныя чахлыя лошади, велѣлъ остановиться предъ крыльцомъ длиннаго, каменнаго дома, съ такимъ же надъ серединой его каменнымъ мезониномъ, построеннаго въ томъ казарменномъ стилѣ *ящикомъ*, въ какомъ строилось все и вся въ русскихъ городахъ и селахъ въ Александровскую и Николаевскую архитектурныя эпохи. Онъ осторожно спустилъ съ телѣжки свое громоздкое туловище и, приказавъ кучеру отъѣхать ждать его на большую дорогу позади сада, прошелъ въ открытыя настежь сѣни, не совсѣмъ довѣрчиво ступая подошвами по разсохшимся и разъѣхавшимся мѣстами половицамъ. Сѣни вели въ огромную, бывшую танцовальную залу съ безчисленнымъ количествомъ оконъ по длинѣ ея и ширинѣ, съ полуобвалившеюся штукатуркой расписаннаго букетами плафона и съ разбитыми стеклами взбухшихъ и загнившихъ рамъ, хлопавшихъ отъ сквознаго вѣтра съ трескомъ ружейнаго выстрѣла; вмѣсто всякой мебели стоялъ въ этой залѣ объемистый, нагруженный пудовыми булыжниками, катокъ для бѣлья и, отъ окна къ окну, подвязанныя концами къ задвижкамъ, тянулись веревки, на которыхъ просыхали какія-то женскія шемизетки. Двѣ, слѣдовавшія за залой, *гостиныя* представляли тотъ же видъ запущенности и разоре-

нія: окна безъ занавѣсей, надтреснувшій отъ мороза долго нетопленныхъ зимой комнатъ мраморъ подоконниковъ, выцвѣтшіе и порванные обои съ пробитыми въ обнаженномъ кирпичѣ дырьями гвоздей изъ-подъ висѣвшихъ когда-то на нихъ цѣнныхъ зеркалъ и картинъ, давно сбытыхъ или хищнически забранныхъ въ чужія руки... Сборная, недостаточная по объему покоевъ мебель, увѣчные столы и стулья всякихъ эпохъ и видовъ мизерно лѣпились здѣсь вдоль панелей или кучились по угламъ безпорядочнымъ и безобразнымъ хламомъ, покрытымъ чернымъ, сплошнымъ слоемъ пыли, къ которому годами не прикасалась человѣческая рука... Рядъ „пріемныхъ аппартаментовъ“, въ которыхъ очевидно давно уже никто не *принимался*, замыкала „боскетная“, служившая теперь жилищемъ владѣльцу этихъ развалинъ, — бывшему совѣтнику посольства, отставному камергеру и дѣйствительному статскому совѣтнику, Дмитрію Сергѣевичу Буйносову.

Здѣсь было нѣсколько чище и удобопомѣстительнѣе. Комната оправдывала свое названіе „боскетной“ довольно хорошо сохранившимися на стѣнахъ ея старинными, теперь уже не находимыми болѣе нигдѣ обоями, изображавшими древне-греческій пейзажъ, во вкусѣ Первой Имперіи, съ оливковыми рощами, аттическими храмами, стадами бѣлорунныхъ овечекъ, пастушками и пастушками, лежащими обнявшись на зеленыхъ берегахъ голубыхъ ручьевъ. Раздѣлена она была пополамъ грубо крашеною подъ красное дерево, домодѣльною сосновою перегородкой, на которой навѣшано было въ почернѣлыхъ рамахъ нѣсколько фамильныхъ портретовъ: суровыя или улыбающіяся лики пудреныхъ кавалеровъ съ лентами и звѣздами на форменныхъ, обшитыхъ галунами кафтанахъ... Такой же домодѣльный, длинный жесткій диванъ, крытый дешевымъ ковромъ, расположенъ былъ вдоль перегородки; продѣланная въ ней дверь вела въ заднюю, темную часть комнаты, уборную хозяина. Въ передней, кромѣ дивана, стояли старинный письменный столъ *Jacob* (краснаго дерева съ мѣдью), такое-же бюро со стоявшими на немъ англійскими часами Нортона, звонившими каждую четверть часа какимъ-то таинственно-серебристымъ звономъ, и два, три древнія, глу-

бокія кресла, обитыя порыжѣлымъ сафьяномъ. Темныя сторы завѣшивали на половину длинныя, въ четыре стекла вышины, окна, выходившія въ садъ.

У одного изъ этихъ оконъ сидѣлъ теперь самъ больной въ новенькомъ, изящномъ, о двухъ большихъ, легкихъ колесахъ, креслѣ-самокатѣ, обратившемъ первымъ дѣломъ вниманіе входившаго доктора.

— Съ обновкой! проговорилъ онъ веселымъ тономъ, останавливаясь на порогѣ комнаты:—давно-ли обзавелись?

— А, докторъ, здравствуйте! какъ бы нѣсколько свысока произнесъ Дмитрій Сергѣевичъ, уронилъ руки на колеса и двинулъ ими кресло свое шага на два впередъ;—да, вотъ видите, j'ai acquis le moyen de me remuer quelque peu.

— Изъ Москвы выписали?

— „Выписалъ!“ захихикалъ онъ вдругъ горькимъ смѣхомъ:—un gueux comme moi, на какія деньги мнѣ... „выписы-вать?“ повторилъ онъ такимъ же ироническимъ и не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—милостивецъ одинъ, un bienfaiteur, преподнесъ мнѣ... въ даяніе...

— Кто такой? допытывался любопытный какъ женщина провинціальный эскулапъ.

— Ну, этотъ здѣшній... le Rothschild de l'endroit, vous savez...

— Совсѣмъ не *саве*, засмѣялся тотъ,—не знаю, про кого вы говорите.

— Ну, какъ же (и рука недужнаго невѣрнымъ движеніемъ махнула по воздуху)... Je ne puis jamais me mettre dans la tête ces fichus noms-là... Суз... Сусликовъ enfin! вскликнулъ онъ чуть не радостно, словно поймавъ за хвостъ ускользавшее отъ него имя.

— Су-саль-цевъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, протяжно отчеканивая, поправилъ его изъ-за перегородки чей-то женскій голосъ.

— Суздальцевъ, c'est ça! закачалъ онъ утвердительно головой,—Провъ Ефимовичъ Суздальцевъ... Суздаль, une ville du gouvernement de Wladimir... *Провъ*, qui évidemment vient du latin: *probus*... Bien nommé du reste, très juste,—этакая, знае-

те, простая, честная русская душа... Il me revient tout à fait (то-есть онъ мнѣ совсѣмъ нравится) ce garçon-là! тономъ покровительственнаго одобренія примолвилъ онъ.

— Здравствуйте Настасья Дмитріевна! крикнулъ докторъ, не слушая его болѣе.

— Здравствуйте, отозвалась она, выступая изъ двери съ наволочкой въ рукѣ,—спасибо, что пріѣхали!..

Она была ниже ростомъ сестры, которую напоминала, впрочемъ, общимъ характеромъ чертъ, худа, или, какъ говорится, жидка на видъ. Густая масса темныхъ, довольно коротко остриженныхъ волосъ, собранныхъ подъ черную синелевую сѣтку, словно придавливала къ низу ея тонкій и легкій обликъ своимъ безполезнымъ для нея изобиліемъ. Но ея большіе, нисколько не похожіе на глаза Антонины, коричневые въ синемъ бѣлкѣ, слозно изъ-за какой-то чуть прозрачной дымки строго и спокойно глядѣвшіе глаза—были великолѣпны. На желтовато-блѣдномъ лицѣ явственно сказывались слѣды заботъ и безсонно проводимыхъ ночей... Одѣта она была въ длинную, синяго цвѣта, похожую покроемъ на рясу монастырскаго служки, холстинковую блузу, перетянутую въ таліи широкимъ кожанымъ кушакомъ на пряжкѣ.

Өирсовъ, сморщивъ брови, повелъ на нее искоса участливымъ взглядомъ.

Она подошла ко креслу отца, вытащила изъ-за спины его подушку, быстро смѣнила грязную наволочку принесенною ею свѣжею и, не глядя ни на кого, заговорила, обращая рѣчь къ доктору:

— Я васъ опять просила пріѣхать, Николай Иванычъ, потому что знаю васъ за порядочнаго человѣка и что вы не откажете, хотя мы не только не въ состояніи платить вамъ за визитъ, но еще...

— А вотъ и не пріѣду больше никогда, съ сердцемъ перебилъ онъ ее,—коли станете чушь городить!

Недужный въ свою очередь заметался въ своемъ креслѣ.

— Quel manque de goût, quelle absence de tact! восклицалъ онъ, хватаясь за голову и принимаясь качаться со стороны на сторону:— вѣдь они теперь ничего этого не понимаютъ,

докторъ... Дочь моя, *ma* fille, скорбно подчеркнулъ онъ, она не понимаетъ, что это ложное смиреніе, cette fausse humilité... что это всѣмъ обидно... и вамъ, и мнѣ... Ну да, я теперь нищій, un gueux... Я когда-то давалъ des dix pounds *) à Londres за докторскій визитъ... а теперь не могу... я ничего не могу... Но я—je suis un Буйносовъ... я не всѣмъ стану одолжаться... Я умѣю цѣнить ваши procédés... Вы порядочный человѣкъ, вы не требуете какъ лавочникъ... comme ce sacré кабатчикъ, mon ex-рабъ, который смѣетъ... отказывать... когда я умираю съ холода... Кровь моя стынетъ, докторъ, ледъ, у меня ледъ въ жилахъ... я согрѣться прошу... согрѣться... et ce misérable... ce miséra...

Языкъ у него путался; онъ оборвалъ, уткнулъ нежданно свою всклокоченную сѣдую голову въ уголъ подушки и всхлипнулъ жалобнымъ, ребяческимъ всхлипомъ.

Тяжелое впечатлѣніе производили эти жалкія и безполезныя какъ въ бреду слова его и слезы... Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, сухо сложенный и мускулистый, съ породисто-тонкими чертами гладко выбритаго лица и со сказывавшимися въ каждомъ его движеніи признаками тщательнаго, постаринному, прежде всего свѣтскаго, но несомнѣнно культурнаго воспитанія. Красиво изогнутый носъ, строго очерченныя, еще совершенно черныя брови и чрезвычайно изящная линія губъ, свидѣтельствовавшая о сильно развитомъ въ его природѣ чувствѣ *вкуса*, вызывали на первый взглядъ понятіе чего-то характерно-своеобразнаго и далеко не дюжиннаго. Но налитая кровью сѣть подкожныхъ жилокъ, бѣжавшихъ какъ нити паутины по этому оголенному лицу; но отекшіе, слезившіеся глаза, то тревожно бѣгавшіе по сторонамъ, какъ бы съ намѣреніемъ куда-то запрятаться, то нежданно и лихорадочно вскидывавшіе свои неестественно расширенные зрачки подъ безобразно приподнимавшіяся брови; но робкій, срывавшійся звукъ голоса, странно противорѣчившій иной разъ самоувѣренному и властному, по старой привычкѣ, пошибу его рѣчи, не оставляли сомнѣнія, что предъ

*) Pound—фунтъ стерлингъ.

вами находился давно порѣшенный, давно *отпѣтый* человѣкъ...

— Вы слышали? мрачно улыбаясь кривившимися губами, указала на него взглядомъ дочь:—изъ-за этого вотъ онъ въ прошлую ночь грозилъ мнѣ, что повѣсится... Мочи моей съ нимъ болѣе нѣтъ! вырвалось у нея чрезъ силу.

— Не хорошо, Дмитрій Сергѣичъ, не хорошо! произнесъ укорительнымъ тономъ Ѳирсовъ, грузно опускаясь въ кресло подлѣ его сидѣнія и отыскивая у него пульсъ подъ рукавомъ его затасканнаго, изъ больничнаго верблюжьяго сукна скроеннаго, по-домашнему, длиннымъ рединготомъ, халата.

Буйносовъ наклонился къ нему и заговорилъ порывистымъ и дребезжащимъ шопотомъ.

— Вы не вѣрьте... не вѣрьте всему, cher docteur... Ну да, c'est vrai, j'ai été un peu excité hier soir. Но я... мнѣ тоже „мочи нѣтъ"—со мной здѣсь поступаютъ, какъ... какъ дочери Лира avec leur pauvre père, „most savage and unnatural"... *) Elles ont beau jeu... я безъ ногъ, безъ силъ, безъ денегъ, un pauvre paria mis hors la loi... Moi, un Буйносовъ!

— Ну, конечно, словно прошипѣла дочь (чувствовалось, что она была раздражена до полной невозможности сдержаться),— въ день вѣнчанія на царство батюшки-*осударя* Алексѣя Михайловича „князь Юрій, княжъ Петровъ сынъ, Буйносовъ Ростовскій на обѣдѣ въ Грановитой палатѣ *въ большой столъ смотрѣлъ*". Не разъ слышала отъ васъ объ этомъ подвигѣ... Еще бы не гордиться послѣ этого!...

Старикъ замахалъ руками.

— „Смотрѣлъ", потому что онъ старшій стольникъ былъ, c'était son devoir, и въ тотъ же день въ бояре пожалованъ былъ. Я это сто разъ объяснялъ ей, докторъ, а она нарочно, elle le fait exprès...

— А есть у васъ еще тѣ капельки, которыя я ему намедни прописалъ? спросилъ Ѳирсовъ, оборачиваясь на дѣвушку.

— Есть.

---

*) Ужасно дико и неестественно. *Король Лиръ*, актъ III, сцена 3.

— Дайте ему!... Ему раздражаться вредно, примолвилъ онъ, замѣтно напирая на послѣднія слова.

Губы и брови ея сжались. Она молча направилась за перегородку.

— Вотъ моя жизнь, докторъ! тотчасъ же началъ опять больной. Онъ приподнялъ голову, глаза его заискрились болѣзненнымъ блескомъ: — „Таковъ-ли былъ я разцвѣтая“? comme a dit Пушкинъ.

— Ну, что уже объ этомъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Не вернешь! молвилъ Өирсовъ убаюкивающимъ голосомъ старой няни: „Ничего, молъ, свѣтикъ мой, зашибся,—пройдетъ“...

Но тотъ продолжалъ возбужденнымъ и обрывавшимся въ безсиліи своемъ языкомъ:

— Нѣтъ, вы не знаете, вы поймите только! J'ai reçu une éducation de prince, я говорю на пяти языкахъ... я былъ самымъ блестящимъ кавалеромъ моего времени. Въ двадцать лѣтъ maître de ma fortune... И какая фортуна! пять тысячъ душъ, не заложенныхъ, въ лучшихъ губерніяхъ... Il ne m'en reste plus rien que ce trou, эта Аракчеевская казарма, отъ одного вида которой у меня подъ ложечкой болитъ... Выстроилъ ее при отцѣ моемъ un triple coquin d'intendant, который тутъ былъ, Фамагантовъ...

Онъ засмѣялся вдругъ почти весело:

— Quel nom, ah? Фа-ма-гантовъ... C'était si comique, что я пятнадцать лѣтъ продержалъ его здѣсь изъ-за этого... изъ-за смѣха, который доставляла мнѣ каждый разъ эта подпись: „маіоръ Фамагантовъ“—подъ его рапортами... Онъ мнѣ *рапорты* писалъ, по-военному... C'était un майоръ въ отставкѣ. Et voleur avec cela!... Я сюда прежде никогда не ѣздилъ: видъ этого дома me soulevait le coeur. Когда мнѣ случалось пріѣзжать лѣтомъ въ Россію, я бывалъ въ моемъ Тамбовскомъ имѣніи, Зарѣчьи, qui me venait de ma mère, — она рожденная княжна Пужбольская была... Тамъ домъ—дворецъ, строенный по планамъ Растрелли... On me volait de tous les côtés, я зналъ, mais qu'y pouvais-je faire? Я служилъ за границей, при посольствахъ... le meilleur de mon existence y a passé... Я самимъ покойнымъ Государемъ былъ назначенъ по-

четнымъ кавалеромъ, chevalier d'honneur, при коронаціи de la reine Victoria... Первый секретарь въ Парижѣ, потомъ совѣтникъ въ Вѣнѣ aux plus beaux jours de l'aristocratie autrichienne... Des succès de femme en veux-tu—en voilà, et partout... Я съ именемъ моимъ и состояніемъ могъ жениться на знатнѣйшей невѣстѣ въ Европѣ et arriver à tout...

Докторъ счелъ нужнымъ вздохнуть и развести руками въ знакъ участія въ этой исповѣди.

— J'ai agi en gentilhomme... Я далъ имя мое бѣдной дворянкѣ—они мнѣ сосѣди были по Зарѣчью,—que j'avais eu la maladresse de séduire, проговорилъ онъ шопотомъ,—я женился на ней... On m'a toujours reproché cette bêtise... Съ такою женой, дѣйствительно,—elle ne savait même pas le français,—я не могъ уже болѣе думать о дипломатической карьерѣ... даже въ Петербургѣ не могъ жить... Но я всегда былъ un honnête homme: я какъ совѣсть мнѣ говорила, такъ и сдѣлалъ... Et puis c'était une si excellente et douce créature,—знаете, какъ по-русски говорится, *безотвѣтная* такая, m'adorant de toute son âme...

Онъ тихо заплакалъ и сталъ искать кругомъ выпавшій у него изъ рукъ платокъ—утереть глаза.

Фирсовъ поднялъ его съ полу и подалъ ему. Онъ продолжалъ, всхлипывая и разводя платкомъ по лицу дрожавшими пальцами:

— Она мнѣ говорила, умирая: „Безъ меня у тебя все прахомъ пойдетъ; ты слишкомъ баринъ большой, слишкомъ довѣрчивъ и простъ“... *Простъ*,—elle me l'a dit en toutes lettres, конечно не въ обиду мнѣ, pauvre femme... И она была права: послѣ ея смерти началась для меня la grande dégringolade... Я тогда жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ...

— А тамъ двухаршинныя стерляди, *инфернальная* Англійскаго клуба, Цыгане и прочая, усмѣхнулся и подмигнулъ отставной жуиръ-докторъ.

— А эманципацію вы забыли? вскликнулъ Дмитрій Сергѣевичъ,—l'émancipation qui m'a achevé?

— Ну да, конечно, согласился тотъ;—такъ вѣдь съ этимъ ничего не подѣлаешь, ваше превосходительство, помириться

на́до... И слабость осилить постараться, добавилъ онъ вполголоса.

Старикъ заметался опять въ своемъ креслѣ, отворачиваясь отъ него:

— Oh, mon Dieu Seigneur, онѣ здѣсь pour un petit verre de plus готовы съѣсть меня!

— Вы вотъ изъ-за этихъ *птиверъ* безъ ногъ сидите, а будете продолжать — и того хуже будетъ, предваряю васъ серьезно.

Глаза сверкнули и туловище недужнаго быстро перевалило въ сторону говорившаго:

— Что̀ хуже, что̀ еще можетъ быть хуже? залепеталъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—la mort?.. Я зову ее, какъ избавительницу. Я самъ... я самъ... (Онъ оборвалъ на полуфразѣ, испуганно оглядываясь кругомъ)... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Все прошлое, все *мое* сокрушено и попрано... Я родился бариномъ, такимъ и умру dans ma misère,—а они, ma descendance, вы слышали, они плюютъ... ils crachent avec délice на все, что̀ было свято для меня и для отцовъ моихъ... Сынъ былъ—и нѣтъ его... Онъ ушелъ „народу служить“... учить мужиковъ господамъ горло рѣзать... Это *мой* сынъ... *первенецъ* мой, comme on dit!.. На что̀ же жить еще, для кого? Нищъ, старъ, безсиленъ, un fardeau et une honte pour tout ce qui m'entoure...

Онъ засмѣялся нежданно опять, какъ бы про себя, ѣдкимъ, надрывающимъ смѣхомъ:

— Avoir passé la moitié de sa vie à danser des cotillons avec des princesses du sang—и дойти до того, что какой-нибудь кабатчикъ...

— Да какой кабатчикъ? что̀ это онъ вамъ дался, Дмитрій Сергѣевичъ! перебилъ его Фирсовъ съ изумленіемъ.

— Я вамъ это скажу, отвѣтила вмѣсто него дочь, выходя изъ-за перегородки и протягивая доктору пузырекъ съ лѣкарственными каплями:—онъ (она кивнула на отца,) вчера, не довольствуясь тою порціей (она какъ бы не рѣшалась прибавить, чего,), которую вы дозволили ему давать, сталъ требовать отъ меня еще. У меня оставалось въ бутылкѣ на небольшую

рюмку. Я налила ему. Ему показалось мало. Начались крики, слезы, отчаяніе... Я ему говорю: „вамъ это вредно, запрещено, да и нѣтъ больше, все: въ цѣломъ домѣ ни капли болѣе не найдешь“. Онъ и слушать не хочетъ: „посылай на село, къ Макару“!.. А съ чѣмъ послать? Мы забрали у Макара на двадцать рублей слишкомъ въ долгъ, и онъ, отпуская послѣдній штофъ, объявилъ рѣшительно Маврѣ, что не станетъ больше въ кредитъ давать... А у меня ни гроша не было,—я такъ и говорю *ему*, но онъ...

— Epargnez nous ces ignobles détails!

И Дмитрій Сергѣевичъ замахалъ руками... Но голосъ его звучалъ гораздо болѣе приниженіемъ, чѣмъ повелительностью:— доктору это нисколько не можетъ быть интересно...

— Я и не для „интереса“, не для забавы его начала объ этомъ, возразила дѣвушка (она говорила теперь съ полнымъ самообладаніемъ, медленно и отчетливо): — я передаю ему *факты*, я не имѣю права скрывать ихъ отъ него... Вы сравниваете себя съ королемъ Лиромъ, жертвой безчеловѣчныхъ дочерей. Пусть докторъ, спеціалистъ, скажетъ, насколько вы правы, а я виновата, стараясь удержать васъ отъ того, что̀ вамъ вредно... Что̀ онъ дозволилъ, я вамъ даю,—вы и сегодня утромъ, и предъ обѣдомъ получили вашу порцію. Макаръ не давалъ больше въ кредитъ,—у меня кольцо съ изумрудомъ оставалось отъ покойной матери: я сегодня отправила его въ кабакъ въ обезпеченіе долга,—и вы свое получили... Что̀ же еще дѣлать, чтобы вы не почитали вашу „descendance“ вашими злодѣями?...

Старикъ внезапно схватилъ себя за голову и залился истерическимъ плачемъ, встряхивавшимъ все его тѣло какъ въ жестокой лихорадкѣ:

— Кольцо, l'anneau de sa mère... въ кабакъ... она его въ кабакъ отдала... для... для меня!.. Я... je suis un monstre, docteur!.. Я довелъ дѣтей моихъ... до нищеты... до такого униженія... Настя, ma fille, прости... отца, несчастнаго твоего отца!.. Я... я обезумѣлъ отъ старости и страданій, ma pauvre tête s'en va... Я оклеветалъ ее, обидѣлъ, а она... C'est mon Antigone, docteur, она тутъ, всегда, при мнѣ, день и ночь,

ходитъ за мною, старается развлечь... Она мнѣ книги читаетъ... Elle m'a relu mon vieux Corneille, Shakespeare... и недавно, вотъ, комедію одну Островскаго... C'est horriblément vulgaire... Но у нея талантъ... не будь она Буйносова, изъ нея выйти бы могла une grande artiste... Elle a des inflexions de voix si touchantes, что я плачу... какъ ребенокъ... Какъ вотъ теперь... когда она... когда она отдала... à ce misérable Макаръ l'anneau de son infortunée mère.

— Ну успокойтесь, ну успокойтесь, ваше превосходительство! заговорилъ Θирсовъ, наклоняясь опять къ нему и вглядываясь ему въ лицо.—Накапайте-ка ему капелекъ двадцать пять, обернулся онъ къ дѣвушкѣ.

Она подошла къ отцу съ рюмкой, приставляя ее къ его губамъ. Онъ послушно выпилъ до дна, откидываясь назадъ, съ пригвожденнымъ къ ней взглядомъ, и, оторвавшись отъ стекла, прильнулъ къ ея рукѣ съ тихимъ всхлипываніемъ:

— Mon Antigone! прошепталъ онъ чуть слышно.

Все лицо ея дрогнуло; она отвернулась, отводя руку изъ-подъ его губъ.

— Чтò, спитъ какъ—плохо? поспѣшилъ спросить докторъ, морщась, чтобы не выдать защемившаго у него на сердцѣ чувства безконечной жалости къ обоимъ имъ...

— Всю ночь на пролетъ не спалъ сегодня, сказала Настасья Дмитріевна.

— Аппетитъ есть?

— Никакого.

— Мнѣ холодно, проговорилъ старикъ плачущимъ голосомъ, глядя искательнымъ взглядомъ на Θирсова.

— Ну, ну, не замерзнете! усмѣхнулся тотъ:—это вамъ отъ безсонницы кажетъ...

— Онъ поднялся съ мѣста и, обращаясь опять къ дѣвушкѣ:

— Чрезъ полчаса дайте ему ложку хлорала и затѣмъ каждые полчаса по ложкѣ, пока уснетъ. Сонъ абсолютно необходимъ вамъ, Дмитрій Сергѣевичъ: вы и согрѣетесь отъ него, и успокоитесь... Ну-съ, а теперь прощайте! На возвратномъ пути изъ Угловъ, денька черезъ два, заѣду къ вамъ опять.

— А вы въ Углы... Зачѣмъ? быстро спросила Настасья Дмитріевна.

— У Павла Григорьевича подагра разгулялась опять... Не молодъ человѣкъ, увѣченъ, серьезное можетъ разыграться. Пріѣхалъ за мною Григорій Павловичъ, мы вотъ съ нимъ и отправились.

— Григорій Павловичъ съ вами? Гдѣ же онъ?

— А мы тутъ у церкви встрѣтились съ вашею сестрой, отвѣчалъ Өирсовъ, хмурясь:—сидитъ съ ней у васъ въ саду, меня дожидаючись.

Словно искра блеснула и тутъ же померкла въ коричневыхъ глазахъ дѣвушки. Она быстро отвела ихъ.

— Ну-съ, сказалъ докторъ,—прощайте!.. А вы, ваше превосходительство, надѣюсь, будете умницей: ни себя волновать понапрасну, ни дочь огорчать не станете... Надо вамъ и ее пожалѣть, добавилъ онъ ему на ухо, протягивая руку на прощанье.

Старикъ ухватился за нее обѣими своими:

— Я знаю, докторъ, знаю, зашепталъ онъ, весь дрожа и ежась,—я ее измучилъ бѣдную, я... Mais soyez tranquille, я ничего не буду просить больше у нея, я послушенъ буду... Только теперь позвольте... мнѣ холодно... un petit verre, un tout petit verre... согрѣться... réchauffer mes veines glacées...

Өирсовъ пожалъ плечомъ:

— *Птиверъ*... опять! Не можете до ужина дождаться! Вѣдь этакъ мы никогда сна не добьемся. Извольте-ка хлоралу принять, а тамъ получите положенное въ свое время, промолвилъ онъ строгимъ тономъ.

Дмитрій Сергѣевичъ испуганно заморгалъ слезившимися глазками и словно ушелъ весь въ глубину своего сидѣнія.

— Мавра, посиди съ отцомъ! приказала между тѣмъ Настасья Дмитріевна вошедшей въ комнату приземистой и колодообразной бабѣ, повязанной платкомъ и съ передникомъ подъ мышками:—я доктора провожу...

И она вышла съ нимъ изъ комнаты.

III.

Изъ ближайшей гостиной выходила дверь на балконъ съ лѣстницей въ садъ.

— Держитесь ближе къ стѣнѣ, молвила дѣвушка Өирсову, спускаясь по ней:—доски посередкѣ всѣ прогнили, того гляди провалятся.

Толстякъ испуганно прижался къ сторонкѣ, медленно переступая ногами по краю ступенекъ.

— А вы бы поправить велѣли, пробормоталъ онъ, — не Богъ знаетъ, чего стоитъ.

Она уже сбѣжала внизъ и глядѣла на него оттуда невеселымъ взглядомъ.

— „Не Богъ знаетъ чего“, повторила она,—а откуда его взять? Живемъ-то всѣ мы, знаете, на какой доходъ? Чудомъ какимъ-то мельница осталась *у него* одна, свободная отъ долговъ. Четыреста рублей платитъ. Все остальное заложено въ банкѣ и по второй закладной у Сусальцева. Землю обрабатываютъ крестьяне изполу, и дохода отъ хлѣба и другихъ статей едва хватаетъ на уплату процентовъ... Я зарабатываю переводами въ журналѣ *Прогрессъ* рублей тридцать въ мѣсяцъ. Ну и считайте, сколько-то всего выйдетъ. А вѣдь всѣхъ накормить, напоить и одѣть надо, и на лѣкарство *ему* что идетъ... да что на однѣ тряпки свои сестрица моя, Антонина Дмитріевна, изъ общаго дохода издержитъ, добавила она со внезапнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Мое дѣло сторона, барышня, молвилъ на это докторъ, успѣвшій тѣмъ временемъ благополучно спуститься бочкомъ

съ ненадежной лѣстницы,—а только мнѣ извѣстно, что еще въ прошломъ году Борисъ Васильевичъ Троекуровъ предлагалъ вашему батюшкѣ...

Глаза у Настасьи Дмитріевны такъ и запылали; она перебила его.

— Ахъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ!.. Милостыни мы отъ вашего большаго барина принимать не намѣрены... Онъ, дѣйствительно, присылалъ сюда прошлою зимой Григорія Павлыча со всякими *великодушными* предложеніями: уплатить Сусальцеву и перевести закладную на себя, причемъ хотѣлъ Юрьево взять въ аренду, изъ доходовъ его уплачивать проценты по всѣмъ долгамъ, а отцу моему обезпечить чистаго дохода двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ.

— Такъ чего же вамъ лучше! воскликнулъ Ѳирсовъ.

— Онъ намъ подачку предлагалъ! съ сердцемъ возразила она:—я знаю, что̀ можетъ дать Юрьево: земля выпахана, луговъ мало, скота содержать нечѣмъ,—за уплатой процентовъ онъ „аренду“ выплачивалъ бы отцу изъ своего кармана... и тѣшился бы сознаніемъ, что онъ *содержитъ* насъ отъ щедротъ своихъ. А этому никогда не бывать!.. Господинъ благодѣтельствовать намъ вздумалъ, и въ то же время презираетъ насъ со всей высоты барства своего и денегъ...

— Съ чего это вы взяли?

Но она перебила опять:

— Не притворяйтесь незнайкой, сдѣлайте милость, меня вѣдь вы не проведете! Вы лучше меня знаете, какого мнѣнія во Всесвятскомъ о нашемъ „нигилистическомъ гнѣздѣ“, какъ они тамъ говорятъ... Когда мы поселились здѣсь, *онъ* (она разумѣла отца,) непремѣнно требовалъ, чтобы мы туда ѣздили... Я не могу безъ отвращенія вспомнить теперь объ этихъ поѣздкахъ! Когда мы пріѣзжали, весь домъ превращался въ окаменѣлость какую-то. *Сама* краснѣла, конфузилась и, если тутъ находилась дочь ея, спѣшила подъ разными глупыми предлогами выслать ее изъ комнаты... чтобъ она однимъ воздухомъ не дышала съ такими зачумленными, какъ мы. „Генералъ“ вашъ становился учтивъ до гадости,—тою грансеньорскою учтивостью учтивъ, которая въ намѣреніи своемъ рав-

няется пощечинѣ и на которую пощечиной же такъ и подмываетъ тебя отвѣтить... Съ *нимъ*, съ *несчастнымъ* нашимъ, были очень любезны,—но во всѣхъ глазахъ такъ и читался трепетъ, какъ бы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь неприличнаго... Ну и дождались! Не доглядѣла я разъ какъ-то, онъ и показалъ себя имъ во всей прелести... Съ тѣхъ поръ мы туда ни ногой, а они, разумѣется, и тѣни не показали желанія продолжать съ нами знакомство... Такъ съ какого права, съ новымъ взрывомъ гнѣва заключила Настасья Дмитріевна,— осмѣливается господинъ Троекуровъ предлагать намъ милостыню!..

— Ну-съ, это ваше съ нимъ дѣло, какъ знаете! молвилъ на это Ѳирсовъ, нетерпѣливо дернувъ плечомъ (онъ съ видимымъ неодобреніемъ и неохотой слушалъ ея рѣчи), — а что̀ касается вашего больнаго, то я скажу вамъ-съ, что онъ плохъ... и что вамъ слѣдовало бы какъ-нибудь... помягче что-ли... обращаться съ нимъ. Что-жь понапрасну-то раздражать человѣка въ такомъ положеніи!.. Да-съ, помягче, повторилъ онъ, внезапно нахмуриваясь,—и присмотромъ не оставляйте. Онъ вотъ все о смерти толкуетъ... и такое словечко у него вырвалось: „Самъ я, говоритъ, самъ“... При его мозговомъ состояніи идейка-то эта легко въ манію превратиться можетъ... а тутъ и до грѣха не далеко... Такъ вы ужь поосторожнѣе съ нимъ какъ-нибудь!...

— Ахъ, болѣзненно вырвалось у дѣвушки въ отвѣтъ, — знаю я все это, знаю!... Сердце переворачивается у меня отъ жалости къ нему... А съ тѣмъ вмѣстѣ такое зло иногда на него беретъ!... Я справиться съ собой не могу. Сейчасъ бы, кажется, отдала всю себя за него на растерзаніе, а иной разъ сама готова, рада колоть его и мучить... Онъ добръ, да, мягокъ какъ ребенокъ, но въ сущности глубокій эгоистъ. Онъ въ сущности всю жизнь прожилъ „бариномъ“, то-есть ни о комъ не заботясь и ни о чемъ серьезно не думая.

— Такой ужь вѣкъ ихъ былъ, барышня, ничего съ этимъ не подѣлаешь, замѣтилъ примирительно докторъ.

Но она, не слушая его, продолжала съ возрастающею горячностью:

— Онъ жалуется на насъ, на брата... А какъ воспиталъ онъ насъ?... Матери мы лишились рано; онъ сдалъ насъ на руки глупой старой Француженкѣ, бывшей своей... любезной, которая весь день спала, или румянилась и ходила жаловаться ему на нашу непочтительность, а онъ при насъ же издѣвался надъ ней и называлъ „vieille ramollie“... Учились мы, Богъ знаетъ, какъ и чему. Пока были деньги, нанимали намъ учителей всякихъ наукъ, нужныхъ и ненужныхъ, потомъ и совсѣмъ никакихъ; сами мы ужь съ сестрой вздумали въ гимназію... Съ братомъ тоже: онъ былъ очень способенъ, но не усидчивъ, пылокъ, перебывалъ во всевозможныхъ заведеніяхъ, нигдѣ не упрочился, безцѣльно ходилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Отецъ относился къ этому съ полнымъ равнодушіемъ... Если, какъ говоритъ онъ теперь, сынъ его „плюетъ на все то, чѣмъ жили и чему вѣровали *отцы*“, и отдаетъ свою жизнь на... на другія цѣли, какъ бы черезъ силу выговорила дѣвушка, и черная тѣнь пробѣжала по ея лицу, — то кто же виноватъ въ этомъ? Что посѣешь, то и пожнешь, не даромъ сказано...

„Дѣйствительно“, молвилъ про себя Николай Ивановичъ Оирсовъ: „безобразіе сѣяло, безобразіе и взросло, только съ другаго конца, а какое лучше—ужь право не знаю“!..

— Скажите, спросилъ онъ громко своимъ добродушно-грубоватымъ тономъ:—давно сталъ онъ зашибать?

— Еще въ Москвѣ, отвѣтила она съ глубокимъ вздохомъ,— вотъ когда начался этотъ его разгромъ... Случилось это какъ-то вдругъ разомъ... Имѣнія наши, домъ въ Денежномъ переулкѣ, послѣдній стаканъ въ этомъ домѣ,—все было продано. Мы переѣхали во флигелекъ дома тетки, сестры его, графини Лахницкой, на Остоженкѣ. Сестру Тоню она вызвала жить къ себѣ въ Петербургъ, а мы тутъ, братъ Володя и я, провели съ нимъ полтора года въ четырехъ маленькихъ комнатахъ. Вотъ тутъ онъ съ отчаянія, полагаю, и отъ скуки... Въ Англійскій клубъ онъ пересталъ ѣздить: онъ не имѣлъ духа являться „нищимъ“, какъ говорилъ онъ, предъ людьми, знававшими его въ другомъ положеніи, никого не хотѣлъ видѣть, не принималъ,—и цѣлые дни не выходилъ изъ комнаты...

Началось съ того, что онъ все больше и больше рому сталъ подливать въ чай свой вечеромъ... Я ему какъ-то разъ замѣтила; онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что „Англичане пьютъ каждый вечеръ, но что это не мѣшаетъ имъ быть владыками Океана". Но послѣ этого онъ сталъ скрывать отъ насъ, пряталъ бутылки въ печь, подъ кровать... Въ это время умерла тетка Лахницкая, дѣти ея продали домъ какому-то купцу, Антонина Дмитріевна вернулась изъ Петербурга, никого тамъ не заполонивъ... и мы рѣшились переѣхать всѣ сюда, въ единственный уголъ, принадлежащій еще намъ на этомъ свѣтѣ... и то, съ горькою улыбкой договорила Настасья Дмитріевна,— благодаря исключительной любезности господина Сусальцева.

— Да, дѣйствительно, грузно засмѣялся толстякъ,—купчина этотъ, видно, самыхъ галантерейныхъ правилъ индивидуй: не то ужь, что подноситъ, на колесахъ подвозитъ дары свои.

Онъ подмигнулъ съ явнымъ намѣреніемъ лукавства:

— Его превосходительству на пользу; а въ угожденіе чье, можете мнѣ сказать?

— Не въ мое, конечно!

И она какъ бы презрительно поморщилась.

— Та-акъ-съ! комически протянулъ онъ:—сестрица Антонина Дмитріевна на сей разъ *заполонила?...* Ну, что-жь, и прекрасное это дѣло! не дождавшись отвѣта, воскликнулъ онъ чрезъ мигъ, весело потирая руки: — одно развѣ, что купецъ, да по нынѣшнимъ временамъ гдѣ же богачей дворянъ взять! На батюшкину фанаберію сестрица ваша, само собою, вниманія не обратитъ,—такъ я говорю, барышня?

— А вамъ этого очень хочется? нежданно выговорила Настасья Дмитріевна.

— Чего это? спросилъ онъ, нѣсколько огорошенный.

— Чтобы сестра вышла скорѣе за Сусальцева и отняла бы этимъ у васъ страхъ за Григорья Павловича Юшкова?

Толстякъ добродушно засмѣялся опять:

— А вѣдь вы въ точку попали, барышня, въ самую точку! Дай Богъ сестрицѣ вашей въ полное свое удовольствіе жить, въ золотѣ купаться, а что для Григорья Павловича она особа

совсѣмъ не подходящая, это точно, скажу вамъ, такъ!.. И не только не подходящая, примолвилъ онъ съ усиленнымъ выраженіемъ,—а даже опасная, можно сказать.

Ироническая, чтобы не сказать горькая, усмѣшка скользнула по губамъ дѣвушки:

— И, по-вашему, опасность эта для него минетъ, какъ только станетъ она женой другаго?

Онъ поднялъ разбѣжавшіеся глаза на нее, но она уже вскинулась съ мѣста и торопливо пошла впередъ по тропинкѣ, ведшей въ глубь сада, вглядываясь прищуреннымъ взглядомъ въ каждую прогалину, открывавшуюся межъ деревьевъ.

Ѳирсовъ, тяжело отдуваясь, засѣменилъ за нею на своихъ коротенькихъ и пухлыхъ ножкахъ.

IV.

Антонина Дмитріевна и Гриша (мы позволимъ себѣ для удобства называть его старымъ, знакомымъ читателю *) уменьшительнымъ его именемъ,) сидѣли на каменной скамьѣ бывшаго *Храма Утѣхъ*, о существованіи котораго здѣсь свидѣтельствовала дѣйствительно безобразная груда извести и камня,—обломки пьедестала давно кѣмъ-то и куда-то увезенной статуи Венеры. Разговоръ ихъ смолкъ. Въ полускучающей, полуусталой позѣ, закинувъ руку за затылокъ и прислонясь имъ къ стволу дуба, покачивавшаго надъ ними свои вырѣзные листья, дѣвушка недвижно и безцѣльно глядѣла вверхъ на проходящія облака, а Гриша, опустивъ слегка голову, съ ноющимъ сердцемъ и приливавшею къ головѣ кровью, пожиралъ искоса взглядомъ ея соблазнительный и надменный обликъ... Въ памяти его проносилось гдѣ-то давно читанное имъ сказаніе о таинственныхъ нимфахъ древней Эллады, обитавшихъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, посвященныхъ Діанѣ; неисцѣлимымъ безуміемъ карали онѣ дерзновеннаго, рѣшавшагося проникнуть подъ ревниво хранившія ихъ отъ взора смертныхъ сѣни и узрѣть ихъ роковыя красы. „Любовь къ ней — гибель одна“, говорилъ себѣ молодой человѣкъ, „но отчего же неотразимо такъ влечется къ ней чувство?“... И онъ вздрагивалъ подъ впечатлѣніемъ какого-то мгновеннаго суевѣрнаго ужаса...

— А вотъ и Менторъ вашъ идетъ за вами, а съ нимъ и

*) *Переломъ*, части III и IV.

ваша жертва, услышалъ онъ, какъ сквозь сонъ, ея металлическій, насмѣшливый и невозмутимый голосъ.

Онъ быстро поднялъ глаза и невольно покраснѣлъ, увидя подходившую къ нему Настасью Дмитріевну.

— Здравствуйте, Григорій Павловичъ, протягивая ему руку, проговорила она, насколько могла спокойнѣе, но съ такою же невольною краской на лицѣ и съ мучительнымъ сознаніемъ смущенія своего въ душѣ.

Онъ, молча, съ глубокимъ поклономъ пожалъ ея холодные пальцы.

— А мы о тебѣ сейчасъ говорили, сказала ей сестра все тѣмъ же своимъ насмѣшливымъ тономъ:—Григорій Павловичъ питаетъ къ тебѣ большую симпатію.

Брови Настасьи Дмитріевны судорожно сжались:

— Я твоихъ шутокъ не прошу! отрѣзала она.

— Нѣтъ, право! Спроси его самого.

Выразительные глаза дѣвушки вскинулись на мигъ на Гришу, полные тревожнаго ожиданія, и тутъ же опустились, пока онъ учтивымъ и нѣсколько смущеннымъ голосомъ произносилъ вынужденный отвѣтъ свой:

— Я васъ дѣйствительно очень уважаю, Настасья Дмитріевна...

— Очень вамъ благодарна... Нѣзачто!

Она отодвинулась отъ него, но, какъ бы спохватившись, спросила тутъ же:—У васъ, говоритъ Николай Иванычъ, батюшка заболѣлъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— Если бы не такой случай, мы бы конечно Григорія Павловича у себя въ Юрьевѣ не имѣли счастія видѣть, протянула Антонина Дмитріевна. И звукъ ея голоса былъ теперь почти нѣженъ и какимъ-то внезапнымъ задоромъ сверкнули остановившіеся на немъ глаза.

Его всего словно приподняло вдругъ; взглядъ его загорѣлся...

— Вы никогда особенно не цѣнили это „счастіе“, mademoiselle Antonine, произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ въ

видѣ шутливаго со своей стороны упрека, но Настасья Дмитріевна мгновенно поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

Сестра поглядѣла на нее, улыбнулась побѣдною улыбкой и тутъ же, въ довершеніе торжества:

— Да, почти презрительно сказала она:—я цѣню только то, что̀ можетъ быть на что-нибудь полезно...

Губы молодаго человѣка побѣлѣли отъ досады и боли:

— Слова ваши даже не совсѣмъ учтивы, Антонина Дмитріевна!...

Она захохотала:

— Учтивость — вещь не современная; спросите у Насти: она у насъ по части *прогресса* сильна.

— Оставишь-ли ты меня когда-нибудь въ покоѣ! гнѣвно воскликнула та...

— Пора, Григорій Павловичъ, пора! послышался голосъ нагнавшаго компанію доктора.

Гриша снялъ шляпу и, какъ бы забывая въ-торопяхъ подать руку своимъ собесѣдницамъ, поклонился имъ общимъ поклономъ и тронулся было къ своему спутнику. Онъ чувствовалъ себя злымъ до-нельзя...

— Мы васъ проведемъ до дороги, молвила тѣмъ временемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Антонина Дмитріевна, подымаясь со скамьи.

— Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ предложить вамъ руку, поспѣшилъ сказать Гриша сестрѣ ея, подвертывая локоть.

Антонина Дмитріевна, не удостоивая ихъ взглядомъ, прошла мимо и, продѣвъ руку свою подъ руку доктора, зашагала съ нимъ въ ногу.

— Васъ, конечно, не скоро теперь увидишь? порывисто и полушопотомъ спросила Настасья Дмитріевна Гришу, пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ.

— Это болѣе чѣмъ вѣроятно, отвѣтилъ онъ съ напускною небрежностью тона: — отъ меня здѣсь никакой и никому *пользы* ждать нельзя, иронически добавилъ онъ, намекая на только-что сказанныя ему сестрой ея слова.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ и засмѣялась нервнымъ, глухимъ смѣхомъ:

— А пословицу знаете: отъ мила отстать, въ умѣ не устоять?

Онъ понялъ, поморщился и пожалъ плечами:

— Я отвѣчу вамъ другою: и крута гора, да миновать нельзя... Желаю отъ души вашей сестрицѣ исполненія всѣхъ ея желаній...

Они молча дошли до канавы, чрезъ которую, все также ведя подъ руку красавицу Антонину, осторожно перебирался теперь толстякъ докторъ.

— Я прощусь здѣсь съ вами, Григорій Павловичъ, сказала Настя, останавливаясь:—мнѣ пора къ моему больному... Надолго, значитъ, прощайте? вырвалось у нея помимо воли.

— Не знаю, Настасья Дмитріевна, но во всякомъ случаѣ, если бы... если-бъ я на что-либо могъ пригодиться вамъ, или кому изъ *вашихъ*, прошу не стѣсняясь располагать мною; я готовъ во всякое время.

— Спасибо!... Даже вѣрю, что съ вашей стороны это не одни слова... Вотъ, добавила она съ насилованнымъ смѣхомъ,— если удастся мнѣ когда-нибудь поступить на сцену, я напишу вамъ, чтобы вы непремѣнно пріѣхали на мой дебютъ.

— А развѣ вы собираетесь?

Но она, не отвѣчая, кивнула ему короткимъ кивкомъ и побѣжала стремглавъ по направленію къ дому. Нервы одолѣвали ее: еще мигъ, думалось ей, и она „разревется какъ дура,—очень нужно!“...

— А вы куда же мою романтическую сестрицу дѣвали? спросила Антонина Дмитріевна Гришу, когда онъ очутился подлѣ нея и доктора на большой дорогѣ, гдѣ ждали ихъ лошади.

— Достойная особа сестрица ваша! наставительно отчеканилъ вмѣсто него Ѳирсовъ, строго воззрясь въ нее сквозь очки.

— Чего же это именно *достойная?* насмѣшливо подчеркнула она.

— Извѣстно чего: всякой похвалы—и *подражанія*, да-съ,

подчеркнулъ онъ въ свою очередь, съ явнымъ уже намѣреніемъ укола.

— Ни того, ни другаго, презрительно уронила на это она,—потому что она никогда не достигаетъ того, чего ей хочется. Métier de dupe est un sot métier, говорятъ Французы.

Өирсовъ досадливо передернулъ очки свои, готовясь отвѣтить ей какою-нибудь рѣзкостью, но Гриша дернулъ его за рукавъ:

— Въ разговорахъ съ Антониной Дмитріевной послѣднее слово всегда остается за нею: это аксіома, проговорилъ онъ тономъ учтивой шутки:—намъ остается только преклониться и уѣхать.

— Воистину такъ! засмѣялся толстякъ, сдернулъ фуражку съ головы, низко опустилъ ее, надѣлъ опять и полѣзъ въ подъѣхавшую къ нимъ телѣжку.

Гриша отвѣсилъ дѣвушкѣ такой же почтительный поклонъ и прыгнулъ въ экипажъ вслѣдъ за своимъ спутникомъ.

Антонина Дмитріевна послала рукой поцѣлуй въ воздухъ:

— Передайте это отъ меня Машенькѣ Троекуровой! произнесла она съ насмѣшливымъ паѳосомъ, прищуренно глядя на молодаго человѣка.

— Пошелъ! крикнулъ онъ кучеру, надвигая на лобъ шляпу чуть не злобнымъ ударомъ по ея мягкой тульѣ.

— Экая вѣдь язва эта особа! заговорилъ докторъ, едва тронулись они съ мѣста.

Гриша не отвѣчалъ.

— А хороша, говорить нечего, чертовски хороша; гетера древняя, какъ выражается дядюшка вашъ Василій Григорьевичъ... Поразительный даже можно сказать женскій субъектъ, примолвилъ толстякъ, косясь на все такъ же безмолвнаго своего товарища.—А я вѣдь секретъ про нее знаю, выложилъ онъ чрезъ мигъ опять, подмигивая и хихикая съ самымъ лукавымъ видомъ.

— И я знаю, произнесъ спокойно Гриша.

— А ну-те-ка, ну-те, что вы знаете?

— Замужъ она выходитъ...

— За кого?

— За купца за этого, за Сусальцева.

— Въ точку! Неужто сама сказала?

— Сама.

— Ишь ты, шельма!...

И онъ всѣмъ грузнымъ туловищемъ своимъ повернулся къ Юшкову:

— Ну, а вы что-жь?

Гриша не могъ не улыбнуться.

— А я что? Я—ничего.

— Ни-че-го? протянулъ, покачивая сомнительно головой, тотъ:—смотрите вы, вамъ, можетъ, какъ вотъ раненымъ въ сраженіи, съ перваго раза и не кажетъ, а потомъ... рѣзать приходится...

— Я давно ее отъ себя отрѣзалъ, Николай Ивановичъ, повѣрьте! не далъ говорить ему далѣе молодой человѣкъ, подымая на него свои голубые, внезапно заискрившіеся глаза;— въ ней есть что-то демоническое, неотразимое... какое-то обаяніе бездны что-ли,—я сознавалъ это въ минуты самаго безумнаго увлеченія ею... Съ вами я буду говорить совершенно откровенно, какъ никогда не рѣшился бы, да и не имѣлъ случая говорить съ отцомъ или съ Борисомъ Васильевичемъ... Они оба ни единымъ словомъ никогда не проговорились о догадкахъ своихъ насчетъ отношеній моихъ къ ней, хотя я въ глазахъ ихъ постоянно читалъ, что они объ этомъ думаютъ... Разъ только у Александры Павловны вырвалось: „Vous vous perdez, Гриша!“ когда, въ ея присутствіи, подали мнѣ во Всесвятскомъ записку, посланную туда на мое имя Антониной Дмитріевной и въ которой она просила меня просто о какой-то книгѣ. Я показалъ эту записку, вмѣсто отвѣта, Александрѣ Павловнѣ, но она только вздохнула, покачала головой и вышла изъ комнаты...

— Помню, при мнѣ было, сказалъ Ѳирсовъ;— извѣстно, каждому, кто васъ любитъ, радости мало видѣть, какъ васъ въ омутъ тянетъ... Ну, а съ наставленіями опять, да совѣтами къ вамъ лѣзть безъ спроса тоже вѣдь не приходится, потому вы не маленькій: самъ-молъ, скажете, знаю, что мнѣ вредъ, а что польза!...

— И знаю дѣйствительно, почти съ сердцемъ вскрикнулъ Гриша,—и давно знаю! Вы совершенно правы,—я не маленькій, мнѣ тридцать четвертый годъ,—давно пора самому умѣть отличать добро отъ зла... Я такъ и поступалъ: вы знаете, что я предъ нынѣшнимъ днемъ полтора мѣсяца сюда носу не казалъ, и не вздумалъ бы и сегодня... У насъ съ вами такъ и условлено было, что вы зайдете къ больному, а я буду васъ у церкви ждать... Я не виноватъ, что *она* тутъ очутилась, когда мы вышли на паперть...

Все это было такъ,— но онъ слишкомъ горячился, слишкомъ доказывалъ, и старый практикантъ не то недовѣрчиво, не то лукаво усмѣхался кончиками губъ, внимая его пылкимъ рѣчамъ.

— Знаю, знаю, молвилъ онъ,— собственнолично бичевочкой себя повязали, на хотѣніе свое намордничекъ надѣли — полные баллы за это заслуживаете... А только что скажу я вамъ на это одно...

— Что еще? вырвалось нетерпѣливо у Гриши.

— А то, что искренно вамъ желаю я никогда болѣе не встрѣчаться съ нею.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся черезъ силу:

— Она выходитъ замужъ,— гарантія, кажется, достаточная для вашего успокоенія.

Толстякъ вздохнулъ даже:

— Ну, батюшка, гарантіи этой два гроша цѣна... И даже напротивъ!

— Что „напротивъ?“

Тотъ обернулся на спрашившаго, воззрился въ его недоумѣвающее лицо—и неожиданно фыркнулъ:

— Ахъ вы невинность, невинность!..

Онъ не договорилъ и, пыхтя отъ натуги, полѣзъ въ карманъ своего раглана за портсигаромъ...

V.

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
Пушкинъ. *Скупой Рыцарь.*

Красавица Антонина долго и недвижно слѣдила прищуренными глазами за удалявшимся экипажемъ. Обычная ей, не то злая, не то скучающая, улыбка блуждала по ея губамъ. Она чувствовала себя въ *ударѣ;* она еще бы потѣшилась надъ этимъ „Телемакомъ съ его Ментороме", исчезавшими за облакомъ пыли, поднявшейся изъ-подъ колесъ ихъ телѣжки, словно говорила эта улыбка.

Солнце садилось. Большое крестьянское стадо, мыча и тѣснясь въ узкомъ прогонѣ межъ двухъ плетней, выбѣгало съ пароваго поля на дорогу къ селу; съ глухимъ звяканіемъ его колокольцевъ сливался въ гулкомъ воздухѣ визгливый гикъ погонявшихъ его босоногихъ мальчишекъ въ заплатанныхъ рубашкахъ, въ рваныхъ шапкахъ на затылкѣ. Лохматыя собаки неслись за ними, лѣниво полаивая, какъ бы во исполненіе девно надоѣвшей имъ обязанности...

Дѣвушка гадливо поморщилась: „русская идиллія", какъ выражалась она внутренно, была ей глубоко и какъ-то особенно ненавистна, — и отвернулась отъ поднявшейся опять изъ-подъ коровьихъ копытъ пыли, которую вѣтеръ несъ ей прямо въ лицо. Глаза ея въ ту же минуту остановились на подвигавшемся довольно быстрыми шагами съ этой стороны дороги по ея направленію какомъ-то прохожемъ.

Онъ былъ одѣтъ въ дырявый и длинный монашескій подрясникъ, перетянутый наборчатымъ ремнемъ, *) какъ любятъ

*) Онъ усаживается сплошнымъ рядомъ мѣдныхъ или посеребреныхъ пуговицъ.

носить у насъ деревенскіе коновалы и Цыгане-барышники, съ черною суконною фуражкой *фабричнаго фасона* на головѣ и узловатою палкой въ рукѣ. Высокій и тонкій, съ рѣденькою, короткою и свѣтлою бородкой, онъ, повидимому, былъ еще очень молодъ, не смотря на далеко не юношеское выраженіе испитаго лица его, истрескавшагося отъ солнца, вѣтра и наслоившейся на немъ нечистоты въ продолженіе очевидно дальняго пути.

Дѣвушка глядѣла все внимательнѣе по мѣрѣ его приближенія: изъ-подъ воспаленно-бурой коры, покрывавшей это лицо, все яснѣе для нея выступали какъ бы знакомыя ей черты. Въ глазахъ ея загорѣлось видимое любопытство...

Онъ также, и давно, узналъ ее. Поравнявшись съ мѣстомъ, на которомъ стояла она у канавы, онъ торопливо и какъ бы тревожно окинулъ взглядомъ кругомъ и, убѣдясь, что, кромѣ ихъ двоихъ, никого нѣтъ, поспѣшно перебѣжалъ раздѣлявшую ихъ ширину дороги и очутился подлѣ нея.

— Тоня! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Такъ это ты въ самомъ дѣлѣ! вскликнула она:—гляжу издали, точно Володя... Что-жь это за костюмъ? Откуда ты?

Онъ сурово глянулъ на нее:

— Долго разсказывать—и не здѣсь конечно!.. Говори скорѣе: могу найти я у васъ убѣжище, дня на два, на три... Потомъ уйду опять...

— Травятъ,—а? коротко выговорила она, и пренебрежительная усмѣшка скользнула слегка по ея алымъ губамъ.

Его передернуло.

— Отвѣчай на то, что спрашиваютъ, отрѣзалъ онъ:—никого у васъ?

— Никого. Былъ Юшковъ съ докторомъ; сейчасъ уѣхали.

— А чрезъ садъ пройти—не увидятъ?

Она пожала равнодушно плечами.

— Не знаю, а впрочемъ кому тамъ?

— Такъ идемъ скорѣе!

Онъ перебрался вслѣдъ за нею чрезъ канаву въ садъ.

— А что старикъ? спрашивалъ онъ, шагая рядомъ съ нею подъ деревьями и поминутно оглядываясь.

— Все то же.

— То же? какъ бы уныло протянулъ онъ.

— Отъ хорошихъ привычекъ отставать къ чему же? отвѣтила она со злою усмѣшкой.

— По тебѣ вижу! такою же усмѣшкой ухмыльнулся и онъ.

— Что по мнѣ?

— Та же ты все!

— Какая?

— Змѣя, извѣстно, объяснилъ онъ, вскидывая плечомъ.

Но она не сочла нужнымъ оскорбиться:

— По мудрости, засмѣялась она,—сравнительно съ тобою и Настей,—змѣя дѣйствительно!

— А Настя что, здравствуетъ? оживляясь вдругъ, спросилъ онъ.

— Твоими молитвами, — на сцену готовится, примолвила она, все такъ же смѣясь.

— Съ *нимъ* все возится?

— Какъ слѣдуетъ... Онъ вѣдь теперь совсѣмъ безъ ногъ, примолвила *Тоня* будто en passant,—съ того самаго дня, какъ ты исчезъ...

Что-то словно кольнуло молодаго человѣка подъ самое сердце; брови его болѣзненно сжались.

— Доигрался! проговорилъ онъ сквозь зубы по адресу отца, какъ бы съ намѣреніемъ осилить занывшее въ немъ чувство. И тутъ же перемѣняя разговоръ:

— А куда вы меня помѣстите? спросилъ онъ: — въ комнату мою, бывшую рядомъ съ *нимъ*, я полагаю, теперь не удобно... Да и показываться-ли мнѣ ему — не знаю, право, промолвилъ онъ, задумавшись.

— Комнату твою теперь занимаетъ Настя... а ты, пожалуй, можешь въ ея бывшую, въ мезонинѣ, небрежно объяснила Антонина Дмитріевна, — я тебя туда проведу и скажу Настѣ, она устроитъ какъ-нибудь...

— У меня, сказалъ помолчавъ Володя, — давно намѣчено одно мѣсто въ домѣ. Въ буфетѣ, въ углу за шкафомъ, люкъ есть, а подъ нимъ лѣсенка въ пустой подвалъ: тамъ вина да варенье хранились, должно быть, въ пору *барства*... Ну, а

теперь соломки охапку или сѣнца натаскать туда, и преотлично будетъ на этомъ царскомъ ложѣ *послѣднему изъ Буйносовыхъ*, подчеркнулъ онъ со злобною ироніей.—У васъ все одна Мавра слугой?

— Въ домѣ одна... Кухарка и прачка на кухнѣ живутъ...

— У Мавры дѣвочка дочь... Ну, эта не выдастъ—нѣмая! усмѣхнулся онъ. — Такъ я вотъ тамъ поселюсь... Въ случаѣ чего шкафъ стоитъ только на люкъ надвинуть — и ищи меня подъ землей! процѣдилъ онъ, кривя губы.

— А *искать* будутъ?

И она пытливо вскинула на брата свои красивые и холодные глаза.

— Ну, веди, веди! нетерпѣливо возгласилъ онъ вмѣсто отвѣта, кивая на выходившее въ тотъ же садъ „черное крыльцо“ дома, къ которому подходили они въ эту минуту.

Она, не торопясь, все съ тѣмъ же пренебрежительнымъ выраженіемъ въ чертахъ, поднялась по ступенькамъ крылечка, прошла чрезъ пустую бывшую „дѣвичью“ и вывела брата въ длинный и широкій корридоръ, освѣщенный съ противоположнаго конца его стеклянною дверью, выходившею въ „танцовальную залу“, уже знакомую читателю. Прилѣпленная къ одной изъ стѣнъ этого корридора, крутая и почти совершенно темная лѣстница въ два колѣна подымалась въ мезонинъ, состоявшій изъ четырехъ весьма просторныхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкими досчатыми перегородками (въ предположеніяхъ строителя дома, майора Фамагантова, мезонинъ этотъ долженъ былъ служить „запасною половиной“, предназначавшеюся для пріѣзда гостей, или помѣщенія „гувернантокъ“ и „учителей“; но *половина* эта такъ и осталась не отдѣланною ни имъ, ни его преемниками). Одна лишь изъ этихъ комнатъ, избранная себѣ въ жилище Антониной Дмитріевной, имѣла нѣсколько жилой видъ. Она нашла средство оклеить голое дерево чистенькими обоями, обить полъ дешевымъ сѣрымъ сукномъ, повѣсила ситцевыя занавѣси на окна и кисейныя надъ кроватью, и велѣла перенести сюда, отчистить и исправить все, что нашла еще годнаго въ мебельной рухляди дома. На стѣнахъ у нея выглядывали изъ золо-

тыхъ рамъ кое-какія хорошія гравюры, на столахъ и комодахъ разставлены были иныя цѣнныя bibelots, полученныя ею въ даръ въ пору пребыванія ея въ Петеряургѣ у тетки, графини Лахницкой, или поднесенные ей недавно „Ротшильдомъ de l'endroit", какъ выражался ея отецъ, Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ. Она теперь одна жила въ мезонинѣ — жила особнякомъ, выходя изъ своей комнаты лишь для прогулокъ и изрѣдка къ обѣду внизъ (ей „претила" грубая кухня деревенской кухарки, и она по цѣлымъ недѣлямъ иной разъ питалась шоколатомъ, конфетами и страсбургскими пирогами изъ дичи и foie gras, которые привозилъ ей вмѣстѣ съ массой новѣйшихъ французскихъ романовъ, буквально поглощавшихся ею за одинъ присѣстъ, все тотъ же очарованный ею Сусальцевъ). Къ отцу заходила она разъ въ день, по утрамъ, „когда", по выраженію ея, „онъ былъ еще возможенъ", здравствовалась съ нимъ, обмѣнивалась двумя, тремя словами (онъ самъ какъ бы смущался ея присутствіемъ, ежился и помалчивалъ,) и величественно удалялась въ свой „апартаментъ", гдѣ проводила цѣлые дни за чтеніемъ Габоріо, Зола e tutti quanti, и куда, кромѣ Сусальцева, котораго принимала она здѣсь „въ видѣ особой милости", имѣла доступъ лишь *Варюшка*, дочь Мавры, нѣмая, но шустрая дѣвчонка лѣтъ четырнадцати, спеціально забранная ею себѣ въ горничныя, и которую она весьма скоро отлично умѣла выдрессировать на эту должность.

„Непрезентабельнаго" брата, въ его „лохмотьяхъ и грязи", она, само собою, не сочла нужнымъ допустить въ это свое sanctum sanctorum, и повела его прямо въ отдаленнѣйшую отъ своей, выходившую на дворъ, бывшую Настину комнату. Мебель здѣсь состояла изъ какого-то криваго стула, двухъ стульевъ и стараго дивана съ вылѣзавшею изъ-подъ прорванной покрышки его мочалой.

Молодой человѣкъ такъ и повалился на этотъ диванъ, раскинувъ руки и упираясь затылкомъ въ его деревянную спину.

— Ну же и усталъ я! проговорилъ онъ, усиленно дыша и съ судорожнымъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

Онъ скинулъ фуражку; длинные, бѣлокурые волосы его,

влажные и спутанные, разсыпались жидкими косицами по плечамъ... Была пора, еще недавно—это былъ цвѣтущій красивый юноша, но цѣлый вѣкъ темныхъ дѣяній и смертельныхъ тревогъ успѣлъ пройти для него съ той поры...

Что-то похожее на жалость промелькнуло на ледяномъ лицѣ безмолвно взиравшей на него сестры:

— Я тебѣ сейчасъ Настю пошлю, сказала она и вышла изъ комнаты.

Онъ долго сидѣлъ такъ, порывисто и тяжело дыша, съ раскинутыми руками и ощущеніемъ глубокаго физическаго изнеможенія. Онъ словно теперь только, достигнувъ „убѣжища“, сознавалъ, до какой степени доходила его усталость... „Вздумайся имъ арестовать меня теперь, я бы, кажется, и пальцемъ пошевельнуть не могъ“, пробѣгало у него въ головѣ.

Но за этою мыслью пронеслась другая. Онъ привсталъ, приподнялъ свой подрясникъ и вытащилъ изъ-подъ него два, подвязанные къ перекрещивавшимся у него черезъ плечи бичевкамъ, довольно объемистые холщевые мѣшка съ какими-то повидимому бумагами или книгами.

„Куда бы припрятать это покамѣстъ?“ думалъ онъ, окидывая взглядомъ кругомъ себя.

Гулъ быстро подымавшихся по лѣстницѣ ступеней донесся до его слуха... Онъ первымъ побужденіемъ готовъ былъ подкинуть мѣшки подъ диванъ, но тутъ же пріостановился:

— Это Настя!...

Это была дѣйствительно она, запыхавшаяся, съ тревожнымъ волненіемъ въ чертахъ, въ выраженіи широко раскрытыхъ глазъ...

— Володя! чрезъ силу воскликнула она, переступая черезъ порогъ комнаты и не чувствуя себя въ силахъ произнести другаго слова.

Она быстро направилась къ нему, протягивая на-ходу руку... Ее подмывало кинуться ему на шею, прижаться головой къ его груди... Но она знала: онъ не любилъ „нѣжничанья“.

Онъ и точно удовольствовался короткимъ, товарищескимъ пожатіемъ этой сестриной руки и спокойно проговорилъ:

„Здравствуй, не ожидала?“ Но по блеснувшей на мигъ искрѣ подъ его вѣками она поняла, что онъ былъ радъ ее видѣть, радъ въ самой глубинѣ своего существа.

Она, удержавъ руку его въ своей и сжимая ее безсознательнымъ движеніемъ, тихо опустилась на диванъ подлѣ него.

— Что? выговорила она только шопотомъ, неотступно глядя ему въ лицо.

— Что! повторилъ онъ дрогнувшимъ вдругъ отъ злости голосомъ, воззрясь въ свою очередь въ ея коричневые глаза:—по всей Россіи какъ зайцевъ пошли ловить...

— Но ты...

— Я?... былъ, да весь вышелъ.

— Это что же? не поняла она.

— Очень просто: взяли, да уйти успѣлъ.

Она похолодѣла вся, выпустила его пальцы:

— Ахъ, Володя!...

Онъ чуть не сердито дернулъ плечомъ:

— Ты что же думала, будутъ *они* вѣкъ съ нами въ жмурки играть? Глупы они, глупы, а все же и у нихъ самолюбіе когда-нибудь должно заговорить...

Онъ машинально поднялся съ мѣста, по давней привычкѣ толковать „о серіозныхъ предметахъ“, расхаживая по комнатѣ, но тутъ же сѣлъ опять; ноги его дрожали и подкашивались.

Сдрдце сжалось у сестры его:

— Какъ ты утомился, Володя, тебѣ бы лечь, уснуть...

— Теперь не заснешь пожалуй отъ самой усталости этой... А поѣсть чего-нибудь да выпить, я бы съ удовольствіемъ... Съ утра ни маковой росинки...

Она вскочила:

— Ахъ, а я и не подумаю!... Сейчасъ!... У насъ сегодня баранина была, осталась... Выпить тебѣ чего же, квасу хочешь?

— А посущественнѣе не дашь? усмѣхнулся онъ:—для *него* вѣдь держишь, чай?...

— Ты ужь успѣлъ привыкнуть! вырвалось у нея со вздохомъ:—хорошо, я принесу...

Въ дверяхъ въ эту минуту показалась Антонина съ папиросой во рту:

— Ну, а въ чистый видъ не полагаешь ты его привести ужь кстати? брезгливо кивая на Володю, спросила она сестру.

— У тебя тутъ въ комнатѣ умывальникъ, вода... Могла бы сама предложить! съ сердцемъ возразила Настя, поспѣшно выходя за дверь.

— Пожалуй!... Пошли мнѣ снизу Варюшу, я велю подать ему.

Братъ повелъ на нее недобрымъ взглядомъ. Губы его шевельнулись съ очевиднымъ намѣреніемъ „оборвать“ ее. Но онъ сдержался и проговорилъ обрывисто:

— Дай папиросу,—двое сутокъ не курилъ.

Она молча подошла къ дивану, высыпала на него всѣ папиросы изъ своего портсигара, поморщилась еще разъ съ видимымъ отвращеніемъ на лохмотья брата и все такъ же безмолвно и величественно повернулась и ушла къ себѣ.

VI.

La fiammo d'esto incendio non m'assale.
Dante. *Inferno.*

Она пришла опять чрезъ часъ времени. Ее весьма мало озабочивала судьба брата,—она давно разумѣла его какъ „tête félée“ и „неудачника“, которому „ничего въ жизни и не оставалось дѣлать, какъ гибнуть вмѣстѣ съ такими же, какъ самъ онъ, *шутами*“; но приключенія его могли, „должны“ были быть любопытны. Эти переодѣванія, скитальчества, бѣгства—„тотъ же Габоріо“, говорила она себѣ... И пришла *слушать*, какъ ѣздила въ Петербургъ на литературныя чтенія, устраиваемыя извѣстными господами въ пользу какой-нибудь отставной *гарибалдійки*“ (sic) или „студентовъ, не имѣющихъ возможности кончить курса въ университетѣ *по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ*“.

Володя,—мы будемъ продолжать называть его такъ,—умытый, въ статскомъ платьѣ (Настасья Дмитріевна добыла ему жакетку, брюки и сорочку изъ оставленныхъ имъ дома бѣлья и одежды) и сытый, сидѣлъ на своемъ диванѣ, рядомъ съ младшею сестрой и затягивался всласть оставленными ему *Тоней* папиросами, закуривая ихъ одну вслѣдъ за другой о пламя стоявшей на столѣ одинокой стеариновой свѣчи въ позеленѣломъ мѣдномъ шандалѣ. Онъ какъ бы просвѣтлѣлъ весь лицомъ и духомъ, облекшись въ это свѣжее бѣлье, насытивъ голодъ и подкрѣпивъ силы двумя большими рюмками *очищенной*. Какое-то на мигъ затишье слетѣло ему въ душу, а съ нимъ и иное что-то прежнее, лучшее...

Онъ уговаривался съ Настей „объ отцѣ“, когда Тоня вошла въ комнату: ему хотѣлось видѣть „несчастнаго“, но онъ и боялся этого,—онъ зналъ, что окончательный ударъ старику былъ нанесенъ имъ, Володей, его исчезновеніемъ изъ-подъ родительскаго крова, для цѣлей, которыхъ самъ онъ не скрылъ отъ отца. Старикъ, дѣйствительно, лишился ногъ въ тотъ самый день, полтора года назадъ, когда Володя подъ какимъ-то предлогомъ уѣхалъ на крестьянскихъ дровняхъ въ ближайшій уѣздный городъ и прислалъ ему оттуда письмо („и къ чему я это сдѣлалъ тогда? лучше было бы просто ничего не писать, пусть бы думалъ, что я въ Москву уѣхалъ попытаться что-ли опять въ университетъ поступить“, говорилъ теперь сестрѣ молодой человѣкъ, покусывая губы), письмо, въ которомъ говорилъ отцу, что онъ идетъ, что онъ „обязанъ итти въ народъ, помочь избавиться ему отъ тиранніи правительства и господъ“...

— Что же бы ты теперь могъ сказать ему? тоскливо и тихо говорила въ свою очередь Настасья Дмитріевна:—вѣдь ты не отказался отъ своихъ убѣжденій?

— Конечно, нѣтъ! отвѣтилъ онъ съ какимъ-то намѣреннымъ жаромъ, взглянувъ искоса на подошедшую къ нимъ старшую сестру.

— Такъ чтобы хуже ему послѣ этого свиданія не сдѣлалось, Володя! Вѣдь онъ непремѣнно началъ бы говорить съ тобою объ этомъ,—это его idée fixe, главное, что его гложетъ... Онъ еще сегодня: „Mon fils“, говоритъ, „un Буйносовъ, ennemi de son souverain et de sa caste“...

Володя слушалъ ее, раздумчиво покачивая головой.

— Феодалъ, молвилъ онъ какъ бы про себя,—наивный, убѣжденный феодалъ! Онъ и между своими-то ископаемое какое-то... Сравнительно съ остальною *консервативною* слякотью нѣкотораго съ этой стороны даже уваженія достоинъ.

— Отъ *васъ* это „уваженія“? презрительно отчеканила Тоня, скидывая ногтемъ мизинца пепелъ съ папироски.

Онъ не удостоилъ ее отвѣтомъ.

Она протянула руку къ столу, на которомъ лежали теперь его мѣшки съ бумагами:

— Что это ты съ собою притащилъ: прокламаціи?

— Оставь, пожалуйста! крикнулъ онъ, схватывая ихъ и закидывая себѣ за спину.

Настало общее молчаніе.

— Что, ты будешь, или нѣтъ, разсказывать свои aventures? заговорила она первая:—я для этого пришла сюда.

— И съ этимъ можешь отправляться восвояси, отрѣзалъ онъ:—никакими моими „aventures“ потѣшать я тебя не намѣренъ.

— И не нужно! *Le petit chose* Доде, по правдѣ сказать, гораздо интереснѣе того, что ты можешь разсказать... Bonsoir, la compagnie! заключила она театрально-комическимъ поклономъ и удалилась.

— И что это она изъ себя изображаетъ? злобно, едва исчезла она за дверью, спросилъ Володя Настасью Дмитріевну.

Та пожала плечомъ.

— Какъ всегда: презрѣніе ко всему, что на нее не похоже.

— А у самой-то что въ головѣ? вскликнулъ пылко молодой человѣкъ.

— Собственная персона и деньги.

— Которыхъ нѣтъ, хихикнулъ онъ.

— Но будутъ, и большія.

Онъ взглянулъ не нее вопросительно.

— Откуда?

— Про Сусальцева слышалъ?

— Это который Шастуновское Сицкое купилъ...

— И котораго мы состоимъ должниками;—онъ самый.

— Ну, такъ что же?

— Она положила выйти за него замужъ.

— Такъ мало-ли что!..

— Нѣтъ, это у нихъ дня три какъ порѣшено.

— Что ты!

— Я тебѣ говорю.

— А *онъ* знаетъ? спросилъ помолчавъ Володя:—вѣдь это *опять* ему ударъ будетъ: „дочь-молъ моя, Буйносова, за ар-

шинника, за пейзана", примолвилъ онъ, явно насилуя себя на иронію.

— Я ему не говорила и не скажу, поспѣшила сказать дѣвушка.

— А сама придетъ ему объявить—и того хуже, замѣтилъ онъ, морщась.

Настасья Дмитріевна взглянула на брата влажными глазами.

— Подождала бы хоть... Ему не долго, по словамъ доктора...

На мигъ настало опять молчаніе.

— Когда я ушла отъ него, онъ засыпалъ, начала она опять:—я ему дала хлоралу, онъ сегодня принялъ безъ отговорокъ. Если тебѣ хочется *видѣть* его, Володя, я тебя проведу потомъ къ нему, когда онъ будетъ крѣпко спать...

Но мысли брата ея были уже далеко отъ предмета ихъ разговора. Онъ, вставъ съ дивана, шагалъ теперь вдоль комнаты, опустивъ голову, и лицо его, казалось ей, становилось все мрачнѣе каждый разъ, когда онъ изъ темнаго угла выступалъ опять въ кругъ свѣта, падавшаго отъ свѣчи, стоявшей на столѣ... Собственная ея мысль съ новою тревогой словно побѣжала за нимъ.

— Володя! тихо проговорила она.

— Что?

Онъ остановился.

— Какъ же ты...

Она не имѣла духа досказать вопросъ свой.

Но онъ понялъ.

— Да вотъ какъ видишь, молвилъ онъ, силясь усмѣхнуться,—гдѣ день, гдѣ ночь, съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ... Россію-матушку вдоль и поперекъ исходилъ, всякія рукомесла и коммерціи произошелъ: во Псковской губерніи кузнечилъ, въ Саратовской наборщикомъ былъ, въ Кіевѣ въ Лаврѣ богомолкамъ финифтяные образки продавалъ... Да и мало-ли! махмулъ онъ рукой, не договоривъ и принимаясь опять съ нервнымъ подрагиваніемъ плечъ шагать по комнатѣ.

— Гдѣ же, вся холодѣя, спросила она, — гдѣ же тебя... взяли?

Онъ остановился опять и заговорилъ,—заговорилъ со внезапнымъ оживленіемъ, какъ бы ухватываясь инстинктивно за случай *выговориться*, „выложить душу“, предъ этою сестрой, единственнымъ существомъ, нѣжность котораго была ему обезпечена въ этомъ мірѣ.

— Подъ Нижнимъ, въ деревнѣ Мельниковѣ... Три дня сидѣлъ я тамъ въ кабакѣ, мужиковъ поилъ водкой, объяснялъ имъ, что пора скинуть имъ петлю, все туже съ каждымъ днемъ затягивающуюся кругомъ ихъ шеи, пора отказаться отъ податей, питающихъ правительственный деспотизмъ, пора наконецъ отнять у дворянъ и эксплуататоровъ землю, обрабатываемую мозолистыми руками обнищалаго народа... Объяснялъ, разумѣется, счелъ нужнымъ прибавить Володя въ отвѣтъ недоумѣло-вопрошавшему взору сестры,—объяснялъ понятнымъ, мужицкимъ ихъ языкомъ...

— И что же? спросила она.

— Поддакивали, горько жаловались въ свою очередь на „тяготу“, на безземеліе, на полицію,—и пили, жестоко пили, благо подчивалъ я не щадя... Велъ я все къ тому, чтобъ они міромъ положили податей не платить и требовать прирѣзки отъ помѣщичьей земли...

— И согласны они были?

— Галдѣли во всѣ голоса,—а ихъ тутъ чуть не вся деревня собралась,—одобряли: „не знаемъ-молъ, какъ тебя звать, а только спасибо тебѣ, что насъ, темныхъ людей, уму-разуму учишь, и безпремѣнно мы такъ, значитъ, міромъ всѣмъ положимъ... Что-жь молъ дармо платить-то!.. И насчетъ земли все это ты по истинѣ говоришь“...

— Чѣмъ же кончилось?

Саркастическая усмѣшка, словно помимо воли разскащика, пробѣжала по его губамъ:

— Сидѣлъ, говорю, я съ ними тутъ три дня. Голова отъ дурмана разлетѣться готова, а въ карманѣ ни гроша ужь не осталось. „Ну, говорю, ребята, надо какой-нибудь конецъ сдѣлать, а то что же такъ попусту намъ съ вами въ кабакѣ язы-

комъ ворочать; сходку собрать надо, говорю, теперь, порѣшить настоящимъ манеромъ, а то у меня и денегъ-то больше нѣту поить васъ"!.. „Нѣ-ѣ-ту"? протянули кругомъ. И за этимъ словомъ вся эта пьяная арава такъ и навалилась на меня: „Ребята, къ становому его"!.. И отвели.

Настасья Дмитріевна будто предвидѣла это заключеніе и только головой повела.

— Дальше что же?

— Становой, какъ слѣдуетъ, въ „темную" посадить велѣлъ, а становиха, сочувствующая намъ личность, уловчилась выпустить меня,— самъ-то онъ благо уѣхалъ въ другой конецъ уѣзда, гдѣ тоже одинъ изъ нашихъ орудовалъ; снабдила меня вотъ тѣмъ подрясникомъ, въ которомъ ты меня видѣла,—братъ у нея тутъ случился, послушникъ изъ Бабаевской пустыни,— и пять рублей на дорогу дала... Разлюбезная особа, усмѣхнулся Володя:—денегъ мнѣ ея до самой Москвы хватило, на пароходѣ до Твери, а оттуда на товарномъ поѣздѣ...

— А изъ Москвы какъ же ты?...

— Какъ видѣла, пѣшандрасомъ пятый день марширую...

— И какъ же? дрогнулъ голосъ у спрашивавшей:— кормиться вѣдь чѣмъ-нибудь нужно было...

— Гроши!... Въ иномъ мѣстѣ даромъ кормили изъ-за этого самаго монашескаго подрясника... Да и перехватилъ къ тому же малую толику въ Москвѣ, у одного тамъ нашего, *легальнаго*.

— Долго оставался ты въ Москвѣ?

— Утромъ пріѣхалъ, къ ночи ушелъ.

— Развѣ негдѣ было тебѣ остановиться?...

— Ненадежно... Общая травля пошла, забираютъ одного за другимъ... Ловкій прокуроръ завелся у нихъ... Ну, и жандармерію подтянули, какъ видно... Весь клубокъ до конца размотаютъ, злобно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Наступило молчаніе. Сестра съ поблѣднѣвшими губами, вся выпрямившись на диванѣ, слѣдила за нимъ глазами. И кто скажетъ, какою мукой исполнены были теперь голова ея и сердце! „Изъ-за чего, изъ-за чего обрекъ онъ себя на гибель!" стояло гвоздемъ въ ея помыслѣ.

— И у другихъ... та же неудача? пролепетала она.

Онъ вопросительно взглянулъ на нее...

— Народъ пропагандѣ вашей не сочувствуетъ? пояснила она.

Онъ только кивнулъ, закусивъ губу.

— Такъ что же тогда, Володя!...

Темною тучей обернулось на нее лицо брата.

— Наше дѣло правое, мы должны были итти—и пошли! промолвилъ онъ съ горячимъ взрывомъ, какъ бы оправдывая себя не только въ ея, но и въ собственныхъ глазахъ.

Она почуяла этотъ оттѣнокъ въ его выраженіи:

— Правое-ли, Володя, подумай! воскликнула она, безсознательно заламывая руки: — правое-ли, когда тѣ, для кого приносите вы себя въ жертву, не признаютъ, не принимаютъ васъ и выдаютъ врагу!...

— Все равно! возразилъ онъ нетерпѣливо: —вѣковое рабство отняло у этихъ людей всякое сознаніе ихъ гражданскихъ правъ: нашъ долгъ пробудить ихъ! Мы должны были итти, и пошли... и будемъ дѣйствовать, пока послѣдняго изъ насъ не забрали! повторялъ онъ съ лихорадочно прерывавшимся голосомъ и путаясь ногами на ходу; — революцію можно вызвать въ Россіи только въ *настоящее время*, — понимаешь? *Теперь*, или очень не скоро... быть можетъ, *никогда!* подчеркивалъ онъ: — *теперь* обстоятельства за насъ; чрезъ десять, двадцать лѣтъ они будутъ противъ насъ... Понимаешь ты это... понимаешь?

Она уныло закачала головой:

— Нѣтъ, Володя, не понимаю... То, что я вижу вокругъ себя, то, съ *чѣмъ* самъ ты вернулся теперь, все это, напротивъ...

Онъ махнулъ нетерпѣливо рукой, прерывая ее:

— Да, ты не понимаешь! Такъ слушай...

Онъ продолжалъ, какъ бы отчитывая выученный урокъ:

— Каждый день, каждый часъ, отдѣляющій насъ отъ революціи, стоитъ народу тысячи жертвъ и уменьшаетъ шансы на успѣхъ переворота... Это очень просто, пояснилъ онъ: — пока, теперь то-есть, самый сильный и могущественный врагъ, съ которымъ приходится намъ бороться, — это правительство.

Но врагъ этотъ стоитъ совершенно изолированный; между нимъ и народомъ не существуетъ еще никакой посредствующей силы, которая могла бы помочь врагу остановить и удержать народное движеніе, разъ бы оно началось. Дворянство сокрушено самимъ правительствомъ; tiers état еще не успѣло выработаться... Но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и условія эти измѣнятся. Уже теперь существуютъ въ зародышѣ всѣ условія для образованія у насъ, съ одной стороны, весьма сильнаго консервативнаго элемента крестьянъ-собственниковъ, съ другой—капиталистской, торговой и промышленной, консервативной же буржуазіи. А чѣмъ сильнѣе будетъ это образовываться и укрѣпляться, тѣмъ возможность насильственнаго переворота станетъ болѣе проблематическою... Говори же, должны-ли мы были, или нѣтъ, итти въ народъ съ революціонною пропагандой именно въ настоящій моментъ, когда намъ благопріятствуютъ общественныя условія?...

— Да, медленно и тихо проговорила она,—вы и пошли, и чего же достигли?... Вѣдь дѣло ваше оказывается та же сказка про синицу, которая похвалялась, что море зажжетъ...

Онъ не ожидалъ этихъ словъ, этого обиднаго сравненія; изможденныя щеки его покрылись мгновеннымъ румянцемъ, глаза сверкнули.

— Давно-ли ты стала плевать на наши убѣжденія? крикнулъ онъ язвительно, закидывая назадъ свои длинные волосы машинальнымъ движеніемъ руки.

Но она не смутилась; она рѣшилась высказать ему *все:*

— Къ чему ты говоришь это, Володя? Вопросъ не въ „нашихъ убѣжденіяхъ“, а въ томъ пути, который вы избрали, чтобы помочь народу. Путь этотъ не вѣренъ, вы должны это видѣть теперь... То, что ты мнѣ сейчасъ проповѣдывалъ, вы вычитали у вашихъ женевскихъ вожаковъ: вы могли обольщаться ихъ теоріями, пока *пропаганда* была еще у васъ только въ намѣреніи... Но теперь, теперь, когда вы испытали на дѣлѣ такое ужасное разочарованіе... Ты упорствуешь, ты хочешь доказать мнѣ и себѣ самому, что вы были правы... Но я тебѣ не вѣрю, ты не можешь этого серіозно думать!... Я не умнѣе тебя, но я предчувствовала, и съ каждымъ днемъ

становилось для меня яснѣе, что ничего, кромѣ того, съ чѣмъ ты вернулся теперь домой, не можетъ ожидать ваше *дѣло*.

— Откуда же этотъ даръ пророческаго предвидѣнія? спросилъ онъ съ неудачнымъ намѣреніемъ глумленія, затягиваясь во всю грудь и пуская дымъ къ потолку, чтобъ избѣгнуть невольно тревожившаго его блеска устремленныхъ на него зрачковъ ея.

— Оттого, пылко выговорила она, — что я хочу правдѣ прямо въ глаза смотрѣть, а не тѣшиться обманомъ, какъ бы любъ онъ для меня ни былъ... Народу не нужна ваша пропаганда, онъ ея не хочетъ!... Онъ совсѣмъ не то, что мы думали... Мы съ тобою въ Москвѣ читали Лассаля, изучали вопросъ о пролетаріатѣ. Но нашъ крестьянскій міръ, народъ, это совсѣмъ не то. Я теперь третій годъ вожусь съ крестьянами, бываю въ ихъ избахъ, лѣчу ихъ; я приглядѣлась къ нимъ, прислушалась, поняла... То, что ему нужно, этому народу, вы никогда не будете въ состояніи дать ему! Вы все на экономической почвѣ думаете строить, а у него въ мозгу и въ сердцѣ два крѣпкія слова засѣли, которыхъ топоромъ у него не вырубить: *Богъ на небѣ* и *Царь на землѣ*. И не вѣритъ онъ вамъ потому, что чуетъ въ васъ враговъ этихъ своихъ завѣтныхъ понятій.

— Да, силясь усмѣхнуться, возразилъ ей братъ,—пока не успѣли насчетъ сего научить его уму-разуму.

Она пожала плечами.

— Нѣтъ! Народъ нашъ гораздо умнѣе, гораздо проницательнѣе, чѣмъ мы это себѣ представляли, Володя... Онъ свою *правду*, ту правду, которую *мы* признать не хотимъ, держитъ неколебимо въ головѣ... Вспомни, напримѣръ, хоть исторію Герцена съ раскольниками, у которыхъ онъ думалъ найти ядро для революціи въ Россіи, и какъ онъ удивленъ былъ, что эти же раскольники, преслѣдуемые правительствомъ, оказались,—я еще недавно перечла разсказъ объ этомъ у Кельсіева,—самыми вѣрными подданными Царя...

Володя перебилъ ее гнѣвнымъ возраженіемъ:

— Кельсіевъ, развѣ это авторитетъ! Онъ предатель былъ и шпіонъ.

— Ахъ, опять эти слова! воскликнула Настасья Дмитріевна возмущеннымъ голосомъ,—шпіонъ, предатель!.. А если это неправда, если онъ дѣйствительно, вотъ какъ я теперь, мучительно, но неизбѣжно пришелъ... долженъ былъ притти къ этому разочарованію во всемъ, чему предъ этимъ вѣрилъ!.. Вѣдь и я, значитъ, по-твоему, тоже предательница, потому что не вѣрю больше въ революцію, не вѣрю тому, о чемъ мы съ тобой такъ пламенно мечтали, думая, что это такъ необходимо и такъ легко должно осуществиться... Но не могу же я вдругъ обратиться въ слѣпую и глухую, когда то, что̀ я вижу кругомъ, говоритъ мнѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе, что эти мечтанія наши—ложь была одна и призракъ, что ты... что всѣ вы губите себя напрасно, и мало того, что губите себя, совершаете еще величайшее преступленіе предъ тѣмъ же народомъ, во имя котораго вы будто бы дѣйствуете...

— Преступленіе! растерянно повторилъ Володя.

Страстная убѣжденность сестриной рѣчи пронимала его насквозь; она забирала его теперь за самые корни тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя не разъ охватывали его душу въ продолженіе его революціонной эпопеи и противъ которыхъ каждый разъ ратовала его воля съ тою же энергіей, съ какою выступали древніе отшельники на борьбу съ соблазнами искушавшаго ихъ духа тьмы.

— Да, преступленіе—и худшее изъ всѣхъ! подтвердила она съ какою-то неженскою силой выраженія:—вы подъ именемъ свободы хотите навязать ему деспотизмъ, въ тысячу разъ ненавистнѣйшій, чѣмъ тотъ, отъ котораго вызываетесь избавить его; вы насиловать совѣсть его хотите, снести съ лица земли то, что̀ искони ему дорого и свято—и замѣнить это... *Чѣмъ* замѣнить? воскликнула она зазвенѣвшимъ вдругъ какою-то безнадежностью голосомъ,—что̀ могли бы дать мы, ты подумай, этому народу вмѣсто боговъ, которымъ молится онъ до сихъ поръ?... Вѣдь у всѣхъ у васъ идеала никакого нѣтъ, кромѣ все той же революціи, во что̀ бы ни стало!... Развѣ этимъ можетъ быть *живъ* человѣкъ народа, выросшій на иныхъ...

Братъ перебилъ ее еще разъ (онъ видимо хватался за послѣдній аргументъ свой):

— Мы ничего не намѣрены „навязывать“; мы стремимся уничтожить тотъ старый, сгнившій до тла сословный и правительственный строй, который препятствуетъ свободному проявленію народной воли,—мы анархіи хотимъ!...

— Анархіи, да, знаю... Ну, хорошо! а тамъ что?

— Тамъ, молвилъ онъ, качнувъ головой снизу вверхъ,—тамъ сама жизнь покажетъ, что нужно будетъ дѣлать *).

— А хочешь, я тебѣ скажу, чѣмъ бы выразилась эта народная воля, если бы вы какъ-нибудь, помимо ея, успѣли разнести „старый правительственный строй“ и замѣнить его вашею анархіей? Онъ, народъ, призвалъ бы того же Царя, противъ котораго вы идете, и чѣмъ безпощаднѣе сталъ бы расправляться Царь съ вами, „бунтовщиками“, тѣмъ выше поднялся бы онъ въ его глазахъ... Дико это, невѣжественно,—какъ хочешь разсуждай,—но для меня это такъ же неопровержимо теперь, какъ то, что предо мною эта свѣча горитъ!...

Молодой революціонеръ прыгнулъ съ мѣста, словно ужаленный.

— Такъ что же изъ словъ твоихъ вывести слѣдуетъ? что мы не только не нужны, но еще и вредны тому самому, скованному по рукамъ и ногамъ, русскому человѣчеству, мужику и рабочему, на освобожденіе котораго обрекли мы свою жизнь,—что мы же, мы—злодѣи его и губители?...

— Не нужны ему и вредны для самихъ себя, да, молвила Настасья Дмитріевна, усиленно переводя дыханіе;—я чувствую, какъ это тяжело тебѣ слышать отъ меня, чувствую по той мучительной внутренней работѣ, чрезъ которую сама я прошла, пока дошла до того, что ты теперь отъ меня слышишь... Вѣдь и мнѣ досталось это не легко, Володя, не легко было мнѣ отказаться отъ того, на чемъ воспитали мы себя съ тобою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали самостоятельно думать... Когда ты рѣшился итти тогда, полтора года назадъ, послѣ этого письма къ тебѣ отъ *Волка*, я уже прозрѣвала нашу фальшь, чуяла ошибку, но ничего не сказала тебѣ, не останавливала,—я еще не довѣряла вполнѣ своимъ впечатлѣніямъ... Ты для

*) Извѣстная теорія Бакунина.

меня, ты знаешь, былъ до сихъ поръ самое близкое существо на свѣтѣ,—но ты знаешь тоже, что я сумѣла бы пожертвовать всѣмъ, начиная съ себя самой, тому, что̀ для меня истина; я духомъ не робка и не слабонервна. Я понимала хорошо, на какую опасную игру ты шелъ тогда, и не отговаривала тебя ни единымъ словомъ потому, что ваше—*наше* еще тогда для меня—дѣло казалось еще мнѣ великимъ и необходимымъ... Если-бъ я продолжала въ него вѣрить, я, не моргнувъ глазомъ, приняла бы вѣсть о ссылкѣ твоей въ Сибирь; я видѣла бы въ тебѣ мученика святой идеи, которой покланялась всю жизнь... Но теперь, когда ты самъ на себѣ испыталъ весь этотъ обманъ, я не могу, я должна тебѣ все выговорить. Безсмысленно итти на каторгу и унести съ собою за это въ награду презрѣніе и проклятіе того самаго *народа*, который ты воображалъ себѣ облагодѣтельствовать... И ты самъ это чувствуешь, самъ понимаешь, Володя! горячо вскликнула дѣвушка,—не можешь не понимать...

Она замолкла мгновенно, пораженная видомъ мучительнаго страданія, которое прочла теперь на его лицѣ. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, губы его дрожали...

— Къ чему ты это мнѣ говоришь!... забормоталъ онъ прерывавшимся голосомъ:—если-бъ я и въ самомъ дѣлѣ... къ чему говорить!... Итти мнѣ назадъ — развѣ это возможно? Отказаться... отъ революціи значитъ не жить болѣе... Вѣдь это—ты вѣрно сказала,—одно, одно, что̀ у насъ есть!...

Она трепетно и безмовно прислушивалась къ его словамъ, опустивъ глаза, чтобы не смущать его ихъ выраженіемъ, чтобы дать ему полную волю выговорить все, что̀ лежало у него на днѣ души и неудержимо, чуяла она, просилось теперь наружу.

Онъ зашагалъ еще разъ по комнатѣ, сожмуривая вѣки какъ бы отъ какой-то внезапной физической боли.

— У насъ нѣтъ другихъ идеаловъ... задачъ другихъ нѣтъ, говорилъ онъ все такъ же обрывисто и глухо, — внѣ этого дѣла мы... мы ни на что̀ не годны, да!.. Вѣдь на этомъ, пойми ты, на этой абсолютной идеѣ революціи успѣло воспитаться уже цѣлое поколѣніе молодежи... поколѣніе, воспріявшее съ

дѣтства одни лишь чувства отрицанія и ненависти ко всему существующему строю...

Онъ вдругъ оборвалъ, подошелъ къ сестрѣ и заговорилъ мгновенно измѣнившимся, почти ласковымъ голосомъ:

— Скажи сама: ну что-бъ я сталъ дѣлать, переставъ быть революціонеромъ? Куда бы ты опредѣлила меня: въ сторожа, въ солдаты, въ надсмотрщики по акцизу?..

— Ахъ, Володя, неодолимо сказалось ею,—*все* лучше, чѣмъ твоя жизнь!..

Онъ горько усмѣхнулся.

— Но вѣдь для иной нужно то, чего у меня нѣтъ. Я ничему серіозно не учился, ни къ чему не приготовленъ... Да и не впряжешься въ другія оглобли. Когда мысль какъ по рельсамъ привыкла въ теченіе цѣлыхъ годовъ бѣжать все по одному и тому же направленію, не заставишь ты ее съ бухты-барахты повернуть въ другую сторону и начать на изнанку то, надъ чѣмъ изощряла она себя цѣлые годы... Ты женщина: у васъ эти переходы какъ-то легче и естественнѣе совершаются... Искреннѣе-ли вы, или беззастѣнчивѣе, не знаю... Но я...

Онъ вдругъ словно что-то вспомнилъ, вздрогнулъ,—и проговорилъ мрачно и вѣско:— Понимаешь-ли ты, чѣмъ пахнутъ эти слова: „ренегатъ“ и „предатель!“... Ты говоришь: „разочарованіе“; положимъ, я могу видѣть... Но до этого никому нѣтъ дѣла, я *долженъ* итти, подчеркнулъ онъ,—итти до конца...

— Куда: въ тюрьму, въ Сибирь?..

— Въ тюрьму, въ Сибирь, какъ бы безсознательно повторилъ онъ, встряхнувъ головой, и добавилъ съ насилованною веселостью:—у насъ, извѣстно, изъ Сибири прямая дорога—въ Женеву.

— А тамъ что: нищета, праздность, толченіе воды...

— Поплютъ сюда опять, сказалъ онъ на это.

— И ты снова... не договорила она.

— Снова! кивнулъ онъ утвердительно.

— Вѣдь это безуміе, безуміе! могла только выговорить она.

Недобрымъ блескомъ сверкнули глаза брата въ отвѣтъ ей.

Духъ тьмы успѣлъ уже вполнѣ восторжествовать теперь надъ колебаніемъ его на мигъ смутившейся воли.

— Каждое положеніе въ жизни, заговорилъ онъ наставительнымъ тономъ,—влечетъ неизбѣжно за собою извѣстныя, истекающія изъ самой сути его послѣдствія въ ту или другую сторону. Медикъ можетъ заразиться въ своемъ госпиталѣ и умереть въ три дня отъ злокачественной жабы, но за то можетъ прославиться; солдату въ сраженіи предстоитъ или пуля въ лобъ, или Георгіевскій крестъ за отбитое знамя... Мы—тѣ же воины революціи, и шансы въ той же мѣрѣ у насъ: Нерчинскіе рудники, или перевернуть Россію и стать надъ нею главами... Кто же, скажи, изъ насъ, изъ проклинающей съ дѣтства весь существующій порядокъ молодежи,—а имя ей легіонъ,—откажется отъ этой игры?

— Вы проиграли ее, о чемъ же говорить еще! горячо возразила дѣвушка.

Онъ засмѣялся короткимъ, презрительнымъ смѣхомъ:

— Наше дѣло—та же тысячеглавая гидра древнихъ; оно безсмертно. Снесешь одну голову,—на мѣсто ея наростаютъ тутъ же три другія. Мы разбиты сегодня,—завтра мы воспрянемъ съ новыми, свѣжими силами на борьбу, на побѣду!...

— На побѣду! повторила она съ болѣзненнымъ звукомъ въ голосѣ.

— Да, сказалъ онъ, кривя губы,—ея по-твоему быть не можетъ, потому, что народъ не свободы, а все того же своего Царя-де хочетъ?

Она только головой повела...

Онъ подошелъ къ ней, низко наклонился, — лицо его вдругъ стало какимъ-то зеленовато-блѣднымъ,—и онъ процѣдилъ медленно и чуть слышно:

— Ну, а что, если мы его подымемъ не *противъ* Царя, а *изъ-за* Царя?

Она не поняла, но вздрогнула вся разомъ внезапнымъ лихорадочнымъ ознобомъ и широко раскрытыми зрачками вперилась испуганно въ это позеленѣвшее братнино лицо...

Но онъ быстро откинулся отъ нея, отошелъ... И въ то же время догорѣвшая до конца свѣча въ шандалѣ вспыхнула въ послѣдній разъ и потухла. Настасья Дмитріевна вскочила на ноги и зашаталась... Ей сдѣлалось вдругъ невыразимо страшно.

VII

VII.

Ночь была безлунная, тучи заволакивали небо...

— У Тони есть свѣчи; погоди, я сейчасъ... молвила дѣвушка, направляясь въ потьмахъ къ двери.

— Тсс!... послышался ей вдругъ въ этой тьмѣ встревоженный шопотъ брата.

Она остановилась какъ вкопаная, напрягая слухъ, притаивъ дыханіе...

Изъ корридора доносились подымавшіеся снизу по лѣстницѣ легкіе, но торопливые шаги.

— Идутъ! проговорилъ чуть слышно надъ самымъ ухомъ ея Володя.

— Нѣтъ, это... это Варюша... къ Тонѣ вѣрно за чѣмъ-нибудь...

Она ощупью добралась до перилъ лѣстницы, схватилась за нихъ, наклоняя голову внизъ:

— Варюша, ты?

Дѣвочка, услыхавъ голосъ, прыгнула черезъ три ступеньки на площадку, схватила ее за платье, взволнованно мыча что-то своимъ нѣмымъ языкомъ.

— Ты къ Тонѣ? спросила замирая Настасья Дмитріевна.

— Мм!... мм!... все также дергая ее судорожно за платье, отрицательно, какъ поняла Настасья Дмитріевна, отвѣтила та.

— Ахъ, Боже мой, тутъ какъ въ погребѣ, я не вижу тебя... Погоди!

И она кинулась на узкую полоску свѣта, выбивавшуюся изъ-подъ дверей у Антонины Дмитріевны на другомъ концѣ корридора, рванула замокъ, вбѣжала въ комнату...

Сестра ея, въ ночномъ бѣломъ пудермантелѣ, въ атласныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ, съ распущенными по плечамъ длинными, высыхавшими волосами (она только-что совершила свои омовенія предъ сномъ), сидѣла, протянувшись на кушеткѣ, и читала *Le petit chose* при свѣтѣ стоявшей подлѣ на столикѣ розовой спермацетовой свѣчи въ изящномъ бронзовомъ бужуарѣ, — подаркѣ все того же влюбленнаго Сусальцева.

Настасья Дмитріевна, не проронивъ слова, схватила этотъ бужуаръ и выбѣжала съ нимъ въ корридоръ.

— Это что за невѣжество! визгнула разъяренно Тоня, бросаясь за нею.

Но растерянное выраженіе сверкавшихъ глазъ брата, испуганный видъ Варюшки—оба стояли теперь тутъ, за порогомъ ея комнаты, озаренные пламенемъ свѣчи, которую держала въ рукѣ Настя,—обратили негодованіе ея въ изумленіе и чаяніе чего-то необычайнаго.

— Что случилось? пробормотала она.—Ты что, Варюшка?..

Нѣмая дѣвочка разомъ вся обратилась въ движеніе; голова, плечи, руки, лицевые нервы—все заходило у нея. Она то приподымалась на цыпочки, будто намѣреваясь достигнуть какой-то высоты, то протягивала пальцы впередъ и загибала ихъ одинъ за другимъ, жалобно цыкала языкомъ, кивала въ сторону дома, обращенную на дворъ, не то вопросительно, не то испуганно поводя взглядомъ на Володю...

— Какіе-то люди, и много ихъ, проговорила Антонина Дмитріевна, привыкшая понимать ее.—Тебя ищутъ, скороговоркой примолвила она по адресу брата.

— Да, да, закивала утвердительно нѣмая.

— Ты была на дворѣ?

— Да.

— Для чего?

Дѣвочка какъ бы смущенно усмѣхнулась и поникла своею маленькою, худенькою головкой.

— Это ты ночью въ огородъ бѣгала огурцы воровать? строго проговорила Антонина Дмитріевна: — кого же ты видѣла?

Варюшка быстрымъ движеніемъ подняла руку къ уху.

— Разглядѣть не могла, темно, — но слышала разговоръ: такъ?

— Да, да!

— Что же ты слышала?

Дѣвочка такъ же быстро указала глазами на Володю и перехватила на-перекрестъ пальцами кисти своихъ рукъ.

— Выслѣдили, арестовать пріѣхали, процѣдилъ сквозь зубы Володя.

— Уходи, уходи скорѣе... чрезъ садъ можно! воскликнула черезъ силу Настя.

— Не уйдешь теперь... оцѣпили, должно быть...

— Да, да! закивала опять нѣмая.

— Лишь бы успѣть, вспомнилъ онъ вдругъ, — въ буфетѣ люкъ есть, въ подвалъ... я говорилъ Тонѣ... Если надвинуть шкафъ... не отыщутъ...

— Такъ скорѣе идемъ, идемъ! возгласила Настасья Дмитріевна и побѣжала къ лѣстницѣ.

— Отдай мнѣ мой бужуаръ! крикнула ей вслѣдъ сестра:— какъ же это ты туда съ огнемъ идешь? Вѣдь если домъ окружили, такъ со двора васъ какъ на сценѣ увидятъ... Въ буфетной даже и стекла въ окнахъ всѣ разбиты...

Та остановилась, растерянно обернулась на поспѣшавшаго за нею брата.

— Какъ же найти въ этой темнотѣ?... пролепетала она.

Глаза у нѣмой такъ и забѣгали. Она схватила молодаго человѣка за руку:—„я и въ потьмахъ найду мѣсто“, говорило все какъ бы радостно загорѣвшееся лицо ея, — и потащила его за собою.

— Она прячетъ въ этомъ подвалѣ все, что стащитъ въ огородѣ, объяснила смѣясь догадливая Тоня,—можете ей довѣриться!

Она взяла бужуаръ изъ рукъ сестры, посвѣтила имъ, пока они втроемъ спускались съ лѣстницы, и, вернувшись въ свой апартаментъ, закурила папироску и усѣлась опять за чтеніе. *Le petit chose*.... Но строки и буквы прыгали у нея предъ глазами, и она досадливо кинула книгу на столикъ... „До-

рвался таки до послѣдняго, проносилось у нея скачками въ головѣ, — какъ глупо!... Переодѣванія, прятанія въ подвалѣ, точно въ старыхъ романахъ... И все равно отыщутъ, въ тюрьму посадятъ, сошлютъ... Да еще какія-то прокламаціи съ собою притащилъ, вспомнила она, — чтобъ и насъ всѣхъ заодно съ нимъ, пожалуй, затаскали". И брови ея сжались озабоченно и злобно.

А виновникъ ея докуки съ Настей и Варюшей, спустившись въ нижній этажъ (они, чтобы не отстать другъ отъ друга, держались за руки, — нѣмая впереди,), пробрались въ буфетную и направились къ лѣвой ея стѣнѣ, гдѣ, между дощатымъ кухоннымъ столомъ для мытья посуды и старымъ крашенымъ шкафомъ, въ которомъ до ближайшей стирки держала Мавра, мать Варюши, грязныя господскія скатерти и салфетки, прорѣзанъ былъ въ полу люкъ надъ пустымъ давно ни къ чему не служившимъ каменнымъ подваломъ, вышиной въ полтора человѣческаго роста, и пространствомъ шага въ четыре во всѣ стороны, съ двумя рѣшетчатыми отдушинами, выходившими на „красный дворъ" надъ самой землей.

Дѣвочка, присѣвъ на корточки, тотчасъ ощупала желѣзное кольцо, ввинченное въ люкъ, приподняла его и, удерживая одною рукой надъ головой своею, съ замѣчательною для своихъ лѣтъ силой юркнула подъ него, какъ змѣя, на узкую лѣсенку, спускавшуюся въ подвалъ, не выпуская руки Володи и какъ-то особенно дергая ее: „Спускайся-молъ скорѣе!"

— Придержи, Настя! шепнулъ онъ сестрѣ.

Она различила въ темнотѣ край приподнятаго люда, уцѣпилась за него обѣими руками... Спутники ея благополучно спустились въ подземелье...

Пронизывающею, могильною сыростью обдало тамъ сразу молодаго революціонера; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, машинально шагнулъ къ отдушинамъ, откуда несло еще не успѣвшимъ остыть послѣ жаркаго дня воздухомъ...

А Варюша между тѣмъ совала ему въ пальцы что-то гладкое и хвостатое: это были двѣ длинныя морковки, оставшіяся у нея тутъ въ углу изъ запаса всякихъ съѣдобныхъ въ сы-

ромъ видѣ овощей, которыя она имѣла страсть похищать тайкомъ съ огорода.

— Спасибо, сказалъ онъ, невольно усмѣхаясь и сжимая ея руки,—я ѣсть не хочу...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея губенки крѣпко прижались къ его рукѣ, и что-то влажное и теплое кануло въ то же время на нее...

— Ты добрая дѣвочка, Варя, вырвалось у него дрожащимъ звукомъ:—поцѣлуй меня!..

Но она уже карабкалась вверхъ по лѣстницѣ, словно ничего не слышала... Люкъ опустился.

— Ну, вотъ и погребли заживо! съ напускною шутливостью, чтобы не дать воли забиравшему его жуткому чувству, сказалъ себѣ чрезъ мигъ Буйносовъ, услыхавъ глухой скрипъ чего-то тяжело скользившаго надъ головой. Это Настя съ Варюшкой общими усиліями, напрягая мышцы и наирая руками, передвигали съ мѣста, на сколько могли беззвучно, къ счастію ихъ—въ эту минуту пустой и потому не особенно грузный сосновый на ножкахъ шкафъ, норовя наугадъ поставить его такъ, чтобы скрыть подъ нимъ кольцо и желѣзныя петли люка.

— Должно быть, довольно, прошептала наконецъ Настасья Дмитріевна; обшарь рукой, Варя!

Дѣвочка кинулась на земь, тщательно обвела ладонями кругомъ и подъ шкафомъ: дно его прикрывало теперь совершенно и кольцо, и петли... Она задергала утвердительнымъ движеніемъ *барышню* за платье.

— Вѣрно, Варя? спросила для большаго убѣжденія своего та.

— Мм!.. мм!.. промычала нѣмая и потянула ее за собою къ двери: „Нечего-молъ болѣе намъ дѣлать здѣсь“.

Онѣ, все также въ потемкахъ, поспѣшно поднялись вверхъ въ мезонинъ. Варюша побѣжала къ Антонинѣ Дмитріевнѣ. Настя осталась въ корридорѣ, прижавшись къ периламъ лѣстницы въ ожиданіи, „что будетъ далѣе“. Сердце у нея невыносимо билось, ноги подкашивались...

Братъ ея тѣмъ временемъ стоялъ у своей отдушины, на-

пряженно прислушиваясь къ долетавшимъ сквозь узкое отверстіе ея звукамъ: кто-то будто переступалъ подошвами по травѣ тутъ же, въ ближайшемъ отъ него разстояніи, и отъ времени до времени тяжело переводилъ дыханіе. Но, кромѣ стеблей росшаго у стѣны бурьяна, которые могъ онъ сквозь рѣшотку осязать рукой, Володя ничего во мракѣ различить не могъ... „Стоитъ тутъ кто подъ окномъ, или мнѣ это только представляется?“ какъ винтомъ сверлило у него въ головѣ,— и ничего мучительнѣе этого вопроса, казалось ему, не испытывалъ онъ еще съ самаго рожденія; въ его душѣ ныла злобная, невыносимая тоска...

Но вотъ уже совершенно явственно зашуршали въ бурьянѣ чьи-то ноги: кто-то торопливо подходилъ къ дому, къ тому самому окну буфетной, подъ которымъ находился подвалъ.

— Что? донесся до Володи короткій шепоткомъ вопросъ басоваго голоса.

Другой—„а, вотъ онъ, стоялъ-таки тутъ!“ пронеслось въ головѣ молодаго человѣка,—такой же низко-гортанный голосъ отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ:

— Приходили, кажись, сюда въ комнату, ваше всблародіе,—вѣрно это. Безъ огня, и разговору не слыхать было, а только ходили, стульями что-ль двигали... И съ опаской, надо быть, ваше всбл... потому, чтобы шуму не было старались, это я вѣрно дослышалъ.

— Предварить успѣли! досадливо пробормоталъ первый изъ говорившихъ:—изъ-за плетня, я замѣтилъ тогда, выскользнула какая-то фигура... Гляди, если бы вздумалъ кто изъ окна, ты такъ и навались...

— Будьте покойны, ваше... пропуску не дадимъ.

— Да окно замѣть хорошенько...

— Замѣчено, съ угла четвертое.

— Ну, значитъ пропалъ я! проговорилъ мысленно Буйносовъ, стискивая зубы...

VIII.

Слѣдовавшія за возвращеніемъ ея наверхъ минуты показались вѣчностью Настасьѣ Дмитріевнѣ. Она все стояла на верхней площадкѣ лѣстницы, опершись о перила ея, устремивъ глаза внизъ и ожидая каждый мигъ, что „вотъ *они* сейчасъ, сейчасъ войдутъ, пойдутъ шарить по всѣмъ комнатамъ...“ „Они къ *нему* заберутся, разбудятъ!“ ударило ее внезапно словно камнемъ въ голову: вся поглощенная тревогой о братѣ, она забыла объ отцѣ „несчастномъ“...

Она кинулась внизъ, пробѣжала въ свою комнату, сосѣднюю съ покоемъ старика, осторожно потянула дверь къ нему, вошла на кончикахъ ногъ...

Онъ спалъ, уложенный подушками, у окна, въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, служившемъ ему обыкновенно ложемъ, (больныя его ноги не переносили лежачаго положенія,)—спалъ мирнымъ, рѣдко дававшимся ему сномъ. Маленькая керосиновая лампа подъ стекляннымъ колпакомъ, прикрытымъ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ, поставленная на какой-то старинной тумбѣ изъ краснаго дерева, за спинкой кресла, освѣщала ободкомъ падавшаго отъ нея свѣта верхъ его черепа, его всклокоченные, густые и не совсѣмъ еще сѣдые волосы. Дыханія его почти не было слышно...

„Заснулъ какъ ребенокъ, послѣ столькихъ ночей, и если вдругъ теперь...“ И сердце нестерпимо заныло у дѣвушки.

— Мавра, наклонилась она къ толстой бабѣ, приставленной ею къ больному на время своего отсутствія и качавшейся теперь отъ одолѣвавшаго ее сна, сидя на стулѣ насупротивъ

его,—если будетъ шумъ въ домѣ... и его разбудитъ, скажи... скажи ему, повторила она прерывавшимся голосомъ,—чтобъ онъ не безпокоился... что гости... господинъ Сусальцевъ—знаешь?—Провъ Ефремовичъ... Ну, что онъ пріѣхалъ... понимаешь?..

— Провъ Е... А чего-жь этто онъ по ночамъ ѣздитъ?.. У насъ, барышня, сами знаете, про гостей бѣлья нѣтъ... Развѣ съ собою привезли... залепетала въ отвѣтъ, протирая глаза обѣими руками и зѣвая до ушей, мать Варюши.

— Тебя о бѣльѣ не спрашиваютъ, возразила ей чуть не плача Настасья Дмитріевна:—ты только скажи ему... если онъ услышитъ и спроситъ: кто... Успокой его, понимаешь? Скажи, что пріѣхали... ночевать, гости... И ни за что сама не отходи отъ него, пока я не вернусь!...

— Чего-жь уходить-то, сама знаю, не бросить ихъ недужнаго! пробурчала угрюмо Мавра, очевидно уколотая раздраженнымъ тономъ барышни.

Та, все такъ же поспѣшно и осторожно, выскользнула изъ комнаты и направилась опять въ корридоръ.

На противоположномъ концѣ его, за стеклянною дверью, ведшею въ залу, блеснулъ, показалось ей, свѣтъ—и въ тотъ же мигъ погасъ... Но вотъ опять вспыхнулъ онъ, все сильнѣе разгораясь... Тамъ были люди, до нея уже доносился гулъ двигавшихся ногъ... „Сѣни у насъ со двора никогда не запираются, тамъ и замокъ давно проржавѣлъ“, сообразила она,—„они прямо и взошли“.

Она безтрепетно направилась въ залу, отворила дверь...

— Кто тутъ, что нужно? громко и твердо выговорила она.

Только-что зажженный фонарь съ круглымъ мѣднымъ рефлекторомъ мгновенно приподнялся на уровень ея лица и ослѣпилъ ей въ первую минуту глаза. Но въ то же время раздался чей-то, будто уже слышанный ею голосъ, и кто-то быстро подошелъ къ ней:

— Mademoiselle, je vous prie, ne vous effraycz pas, nous ne sommes pas des brigands! говорилъ онъ, сопровождая эти слова какимъ-то слащаво-любезнымъ хихиканьемъ.

Она узнала не очень давно назначеннаго въ ихъ уѣздъ исправника, который, не далѣе какъ двѣ недѣли назадъ, пріѣзжалъ къ нимъ въ Юрьево „рекомендоваться“ и очень потѣшалъ ея сестру Тоню своею комическою особой. Это былъ худой, на длинныхъ ногахъ, господинъ лѣтъ тридцати шести, съ придурковатымъ выраженіемъ вытянутаго впередъ, какъ бы постоянно чему-то удивлявшагося лица и съ необыкновеннымъ апломбомъ размашистыхъ движеній и витіеватой французской рѣчи. Звали его Сливниковымъ. Бывшаго гвардейскаго кавалериста, „des revers de famille“—успѣлъ онъ объяснить въ тотъ же первый пріѣздъ свой,—„заставили его обратиться теперь въ одну изъ спицъ государственной колесницы, un des rayons du char de l'état“... Тоня, пронеслось нежданно тутъ же въ памяти Настасьи Дмитріевны, такъ и расхохоталась ему на это въ лицо, и когда онъ спросилъ ее, „чему она такъ весело смѣется“, она пресерьезно увѣрила его, что это отъ удовольствія, доставленнаго ей его „остроумнымъ сравненіемъ“...

— Mademoiselle Bouinossof, одна изъ двухъ дочерей здѣшняго владѣльца, съ церемоніймейстерскою важностью округляя руки и сжимая губы сердечкомъ, представлялъ онъ между тѣмъ Настасью Дмитріевну, двинувшемуся къ ней за нимъ военному въ голубомъ мундирѣ съ полковничьими погонами, державшему въ рукѣ освѣтившій ее потайной фонарь. Другой, довольно большаго объема, экипажный фонарь съ зажженною въ немъ свѣчей выступилъ въ то же время изъ сѣней, несомый здоровымъ, усатымъ жандармомъ, за которымъ слѣдовали какой-то мизернаго вида человѣчекъ въ сибиркѣ, подпоясанный краснымъ крестьянскимъ кушакомъ, и знакомый Настасьѣ Дмитріевнѣ мужикъ съ бляхою на кафтанѣ—полицейскій сотскій села Буйносова. Военный (она не ясно различала черты его немолодаго, обросшаго волосами лица,) подошелъ къ ней съ учтивымъ поклономъ:

— Долгъ службы, сударыня, заставляетъ насъ потревожить вашъ покой... произнесъ онъ какъ бы нѣсколько конфузливо, низкимъ и пріятнымъ голосомъ:—вы, впрочемъ, повидимому, не изволите рано ложиться спать? добавилъ онъ тотчасъ за

тѣмъ совершенно инымъ — „инквизиторскимъ“, сказала она себѣ,—тономъ.

— У меня старикъ-отецъ больной... я иногда всю ночь не раздѣваюсь, проговорила она поспѣшно. — Что же вамъ угодно... въ эту пору... ночью? сочла она нужнымъ спросить еще разъ, придавая, насколько позволяло это ей все сильнѣе разыгрывавшееся внутри ея волненіе, выраженіе недоумѣнія своему лицу.

— О болѣзненномъ состояніи вашего батюшки намъ извѣстно...

— Oh, mademoiselle, croyez bien que je me suis fait un devoir de le constater! вмѣшался, разводя руками и склоняя галантерейно голову, изящный исправникъ.

— Намъ извѣстно, повторилъ, хмурясь и неодобрительно взглянувъ на своего болтливаго спутника, полковникъ,—и мы постараемся, насколько это будетъ зависѣть отъ насъ, не безпокоить его...

Онъ примолкъ на мигъ и произнесъ затѣмъ будто нѣсколько смущенно опять:

— Мы имѣемъ порученіе арестовать брата вашего, сударыня... бывшаго студента Владиміра Буйносова...

— Брата! его здѣсь нѣтъ! крикнула она съ какою-то внезапною злостью.

Онъ съ видомъ сожалѣнія повелъ плечами и возразилъ тихо и не сейчасъ:

— Братецъ вашъ выслѣженъ шагъ за шагомъ отъ самой Москвы и прибылъ сюда въ седьмомъ часу вечера... Намъ очень тяжело, повѣрьте, сударыня, примолвилъ онъ съ выраженіемъ полной искренности въ интонаціи,—она почуяла это,—но мы обязаны исполнить наше порученіе.

— Le service de l'état, mademoiselle, счелъ опять нужнымъ присовокупить отъ себя исправникъ Сливниковъ, выкидывая впередъ обѣ руки и ловко вытягивая при этомъ кончиками пальцевъ безукоризненно выглаженные рукавчики сорочки изъ-подъ обшлаговъ своего полицейскаго сюртука.

— Это ваше дѣло! отрѣзала Настасья Дмитріевна замиравшимъ голосомъ,—но я предваряю васъ, что вы... никого не

найдете... и только перепугаете на смерть моего несчастнаго отца... Онъ теперь заснулъ послѣ многихъ ночей... страданія... Не входите по крайней мѣрѣ къ нему, ради Бога! вырвалось у нея безсознательнымъ стономъ изъ груди.

Голосъ у жандармскаго штабъ-офицера дрогнулъ въ свою очередь:

— Клянусь вамъ, сударыня, что мы войдемъ къ нему лишь въ крайнемъ случаѣ... Гдѣ его покой?

— На противоположномъ концѣ дома... Изъ этой залы направо, черезъ двѣ комнаты, *боскетная*,—такъ называли прежде,—это его спальня теперь...

Полковникъ кивнулъ головой и, приподнявъ фонарь свой, двинулся къ корридору:

— По лѣвой рукѣ что? спросилъ онъ.

— Рядъ необитаемымъ или пустыхъ комнатъ; бывшій кабинетъ, столовая... буфетная, словно проглотила она,—большая дѣвичья, въ которой спитъ единственная наша служанка въ домѣ, съ дѣвочкой-дочерью, и выходъ на черный дворъ...

— А братецъ вашъ гдѣ помѣщается? спросилъ опять полковникъ самымъ натуральнымъ тономъ.

Она была такъ озадачена этимъ вопросомъ, что осталась безъ языка въ первую минуту...

— Братъ, *когда жилъ съ нами*, рѣзко и подчеркивая проговорила она оправившись, не видя, но чувствуя „инквизиторскій взглядъ этого человѣка“, неотступно прикованный къ ней,— занималъ комнату рядомъ съ отцомъ, ту, въ которой живу я теперь... Но онъ уже полтора года какъ уѣхалъ отсюда... и мы съ тѣхъ поръ *не видали* его...

Полковникъ направилъ пламя своего фонаря въ глубь корридора:

— Эта лѣстница въ верхній этажъ ведетъ?

— Да, въ мезонинъ.

— Большое тамъ помѣщеніе?

— Четыре комнаты.

— Заняты кѣмъ-нибудь?

— Въ одной изъ нихъ живетъ сестра моя; другія тоже пусты... тамъ и не бываетъ никто: насъ всего вѣдь трое въ

этихъ *хоромахъ*, съ плохо выходившею у ней ироніей отвѣчала она, между тѣмъ какъ все сильнѣе и невыносимѣе разбирали ее страхъ и тоска.

— Прелестная сестрица ваша только-что започивала, надо полагать? молвилъ игриво господинъ Сливниковъ, улыбаясь и покручивая вытянутые въ нитку à la Napoléon III усы свои.

— Не знаю... я сидѣла внизу, у батюшки... Она давно спитъ, вѣроятно; теперь ужь поздно...

— Нѣтъ, мы видѣли сейчасъ свѣтъ на верху... mais un instant après огонь погасъ, tout est retombé dans l'ombre...

— Комната вашей сестрицы на дворъ выходитъ? спросилъ жандармскій полковникъ тѣмъ же своимъ неторопливымъ и естественнымъ тономъ.

— Нѣтъ... въ садъ, отвѣтила она, инстинктивно запинаясь...

— Значитъ, *не въ ея комнатѣ*, подчеркнулъ онъ,—видѣли мы сейчасъ со двора огонь?

Вся кровь прилила къ головѣ Насти. Въ той комнатѣ, откуда *они* со двора могли видѣть огонь, она сейчасъ была съ Володей, и тамъ—только теперь вспомнила она,—остались его мѣшки съ бумагами... съ бумагами, которыя все откроютъ, все *докажутъ*... А онъ забылъ о нихъ и она также... О, Господи!..

— Я сейчасъ узнаю, я у нея спрошу, пробормотала она растерянно, порываясь вдругъ бѣжать на верхъ.

Штабъ-офицеръ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Я попрошу васъ, сударыня, позволить мнѣ сопровождать васъ... Фурсиковъ, обратился онъ къ не отставшему отъ него маленькому человѣку въ сибиркѣ,—свѣту бы побольше!..

— Сею минутой! быстро отвѣтилъ тотъ, вытаскивая изъ кармана два стеариновые огарка и зажигая ихъ тутъ же о свѣчу фонаря у жандарма.

— Не угодно-ли, сударыня? промолвилъ полковникъ, кивая по направленію лѣстницы и въ то же время наклоняясь къ уху Фурсикова, которому прошепталъ нѣсколько словъ. — А ты бери свѣчу, свѣти намъ! приказалъ онъ стоявшему у дверей корридора сотскому.

Деревенскій полиціантъ, принявъ дрожавшими руками ога-

рокъ изъ рукъ Фурсикова, двинулся впередъ съ испуганнымъ лицомъ, немилосердно стуча своими смазными сапогами.

— Разуться бы ему, ваше... а то на весь домъ слыхать, шепнулъ полковнику, юркнувъ къ нему бочкомъ, человѣкъ въ сибиркѣ.

Съ сотскаго мигомъ стащили сапоги, причемъ онъ, по собственной уже иниціативѣ, поспѣшно скинулъ съ себя кафтанъ и, легкій теперь какъ птица, неся высоко надъ головой зажженный огарокъ и постоянно оборачиваясь на слѣдовавшихъ за нимъ „*жандарскаго* командира и барышню“, зашагалъ вверхъ по ступенямъ.

Дѣвушка едва волочила ноги; въ глазахъ у нея двоилось, ссохшіяся губы словно прилипли одна къ другой. „Въ головѣ ни одной мысли не осталось“, чувствовала она.

Не доходя двухъ ступенекъ до корридора въ мезонинѣ, она вдругъ дрогнула вся и чуть не опрокинулась навзничь... Спутникъ ея поспѣшно поддержалъ ее за спину. Она откинулась, словно ужаленная этимъ прикосновеніемъ, прижалась къ периламъ съ какимъ-то внезапнымъ, нервнымъ страхомъ, устремивъ глаза на пламя свѣчи въ рукахъ стоявшаго надъ нею, уже на самой площадкѣ, сотскаго...

И въ этотъ мигъ услышала она громкій, преувеличенно громкій, возгласъ сестры:

— Кто это, кто идетъ?... нельзя... я не одѣта!...

Настя вдругъ теперь, будто вскинутая рессорой, очутилась наверху и жадно устремила глаза впередъ...

Антонина Дмитріевна въ ночной кофтѣ, съ распущенными по плечамъ волосами и бужуаромъ въ рукѣ, стояла на порогѣ той роковой комнаты по правой сторонѣ корридора, гдѣ...

„О, Боже мой, если она только догадалась и успѣла спрятать, пронеслось въ головѣ ея сестры,—я ей все, все прощу и буду благословлять ее всю жизнь!“...

А та все съ тѣмъ же преувеличеннымъ выраженіемъ недоумѣнія, испуга и негодованія продолжала восклицать:

— Настя, кто это, зачѣмъ?... Ахъ!... визгнула она уже совсѣмъ отчаянно, увидавъ поднявшагося вслѣдъ за сестрой голубаго штабъ-офицера съ потайнымъ фонаремъ своимъ въ

рукѣ, дунула на свою свѣчу, подалась тѣломъ назадъ въ комнату и захлопнула предъ собою обѣ половинки двери.

— Прошу васъ, сударыня, не извольте безпокоиться... началъ было тотъ.

Но она не дала ему продолжать:

— Дайте мнѣ выйти, дайте пройти въ свою комнату!... Я сюда зашла нечаянно... Вы меня въ осадѣ держите! кричала она изъ-за двери не то сердитымъ, не то шутливымъ голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, извольте пройти, мы вамъ не мѣшаемъ.

За дверями послышался ея смѣхъ:

— Какъ „не мѣшаете?“ Я вамъ говорю, я не одѣта, а у васъ цѣлая иллюминація... Отойдите хоть немножко отъ двери... я проскользну́ какъ тѣнь за вами.

Невольная улыбка пробѣжала подъ густыми усами пожилаго жандармскаго служаки: его подкупилъ на мигъ этотъ женскій молодой смѣхъ, звучавшій такъ искренно, казалось ему. „Веселаго темперамента особа“, подумалъ онъ.

— Извольте, су́дарыня, я глядѣть не буду.

И онъ подвинулся впередъ на нѣсколько шаговъ.

— Тоня, можешь пройти! крикнула ей сестра.

За спиной полковника послышался скрипъ раскрывшихся дверныхъ половинокъ, легкіе шаги быстро скользнули по половицамъ, и съ другой, лѣвой стороны корридора раздался голосъ: „Благодарствуйте, monsieur le gendarme“, и щелкъ замкнувшейся двери.

Штабъ-офицеръ поспѣшно обернулся и направилъ фонарь свой вслѣдъ этому голосу: чуткое ухо его различило въ немъ какую-то подозрительную ноту...

Но особа съ „веселымъ темпераментомъ“ успѣла уже исчезнуть за дверями, противоположными тѣмъ, изъ которыхъ она только-что выбѣжала.

Онъ поморщился съ выраженіемъ упрека по собственному адресу и, молча, въ сопровожденіи не отстававшаго отъ него сотскаго, вошелъ въ эту только-что оставленную ею комнату.

Настасья Дмитріевна, остановясь на порогѣ, такъ и вонзилась дальнозоркими глазами въ глубь ея.

Тамъ, на столѣ, еще не прибранные, стояли блюдо съ объѣденнымъ до кости бараньимъ ребромъ, приборъ, графинчикъ съ водкой... Сердце у нея захолонуло... А на диванѣ, на диванѣ—она помнила, какъ братъ, сидя на немъ, вырвалъ мѣшки свои у Тони изъ рукъ и кинулъ въ уголъ,— тамъ-ли еще они?... Нѣтъ, ихъ тамъ нѣтъ болѣе, нѣтъ!... „Тоня успѣла пронести ихъ за спиной этого *голубаго*,—умница, спасительница!“... А онъ, онъ, видимо, имѣлъ подозрѣніе и думалъ тутъ найти что-нибудь... Какъ онъ осматриваетъ все внимательно!... наклонился вотъ надъ диваномъ... даже руку, руку въ прорѣху подъ покрышку сунулъ... „Ищи, ищи, хитрѣе тебя нашлись!“ говорила себѣ мысленно дѣвушка съ охватившимъ ее теперь мгновенно безумно-радостнымъ ощущеніемъ и отважно, съ *невиннымъ* выраженіемъ на лицѣ, глядя на обратившагося къ ней въ эту минуту штабъ-офицера.

— Это вашъ братецъ изволилъ здѣсь ужинать? иронически проговорилъ онъ, зорко въ свою очередь глядя ей въ глаза.

Она молча и пренебрежительно приподняла лишь на это плечи, какъ бы не находя даже нужнымъ отвѣтить словомъ на такой несообразный вопросъ, и тутъ же безсознательно обернула голову на шумъ раздавшихся за нею въ корридорѣ торопливыхъ шаговъ.

Мимо нея, напоминая собою ручнаго журавля, готовящагося взмахнуть со двора на кровлю птичника, пронесся на длинныхъ ногахъ своихъ исправникъ Сливниковъ, направляясь къ жандармскому штабъ-офицеру. Онъ наклонился къ его уху и зашепталъ о чемъ-то, возбуждавшемъ очевидно въ немъ необычайное волненіе. Его вытянутое впередъ, кувшиномъ, лицо изображало одновременно таинственность, усердіе и внутренній трепетъ...

— А-а! протянулъ въ отвѣтъ на это шептаніе штабъ-офицеръ съ мимолетною усмѣшкой.—Я васъ попрошу остаться здѣсь, сказалъ онъ ему, сжавъ вдумчиво брови,—и...

Онъ пріостановился, повелъ взглядомъ на дѣвушку:

— Если бы сестрицѣ вашей угодно было... одѣться и при-

нять господина исправника въ своемъ покоѣ, я былъ бы вамъ очень благодаренъ.

— Зачѣмъ это? вырвалось у нея невольно испуганнымъ тономъ.

Онъ продолжалъ, какъ бы не слыхавъ:

— Я бы и васъ попросилъ пробыть съ сестрицей и господиномъ Сливниковымъ... имѣющимъ честь быть вамъ лично знакомымъ, покамѣстъ я не вернусь сюда?

— Что же, это вы *насъ* теперь арестовать хотите? вскликнула Настасья Дмитріевна съ намѣренною запальчивостью.

Ее поразилъ тотъ оттѣнокъ чуть не женской мягкости, съ которымъ отвѣчалъ ей этотъ „инквизиторъ“:

— Не имѣю относительно этого никакого приказанія, а смѣю просить васъ остаться здѣсь, сударыня, изъ одного, повѣрьте, участія къ вамъ.

Она похолодѣла вся вдругъ: тайникъ брата ея отысканъ, поняла она какъ-то разомъ...

Полковникъ отвелъ между тѣмъ исправника въ уголъ:

— Постарайтесь непремѣнно, обрывисто и вполголоса молвилъ онъ ему,—войти къ этой барышнѣ... къ другой...

— Знаю, замигалъ тотъ, и сумракъ его лица внезапно смѣнило сіяніе удовольствія, которое обѣщало ему возлагаемое на него порученіе:—mademoiselle Antonine, персона необыкновенная!

— Чѣмъ-такъ?

— Красота... Une cariatide, mon colonel! И умъ... пирамидальній умъ!... Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ домѣ тетки, извѣстной графини Лахницкой... въ салонѣ которой и я блисталъ когда-то! примолвилъ онъ нежданно и испустилъ глубокій вздохъ.

— Ну, такъ посмотрите, чтобъ она не провела васъ, эта умница!... Придется, можетъ быть, сдѣлать обыскъ въ ея комнатѣ, а до времени я буду васъ просить внимательно наблюдать за нею... да и за сестрой не мѣшаетъ... чтобы чего-нибудь не успѣли онѣ утаить или уничтожить...

Господинъ Сливниковъ усмѣхнулся самодовольно и игриво:

— Полковникъ, можете быть покойны; самыя коварныя

женщины въ свѣтѣ, могу сказать, не были въ состояніи провести меня; j'ai des yeux de lynx pour pénétrer leur astuce...

Но полковникъ не счелъ нужнымъ слушать далѣе. Онъ вышелъ въ корридоръ и, приказавъ сотскому оставаться со своимъ огаркомъ на площадкѣ лѣстницы „и никого не пускать внизъ до его возвращенія“, самъ быстро спустился по ступенькамъ въ нижній этажъ.

XI.

„Что же дѣлать, что же дѣлать теперь?“ словно клещами рвало въ мозгу Настасьи Дмитріевны. За нѣсколько мгновеній предъ этимъ „ни одной мысли не оставалось у нея въ головѣ“, говорила себѣ она;—тысячи обрывочныхъ, путавшихся, противорѣчивыхъ, мучительныхъ мыслей одолѣвали ее теперь. „Бѣжать внизъ за этимъ голубымъ, или не бѣжать?...“ *Они*, очевидно, объясняла она себѣ, отыскали подвалъ подъ буфетомъ,—„онѣ съ Варюшкой въ темнотѣ не надвинули, вѣрно, шкафа такъ, чтобы прикрыть имъ весь квадратъ люка, и поперечная линія одной изъ сторонъ его могла обозначиться на глади некрашенаго пола,“ — *они* брата ея *берутъ* въ эту минуту... А если нѣтъ, перекидывало ее вдругъ въ противоположную сторону, — если она ложно истолковываетъ волненіе, замѣченное ею на лицѣ этого прибѣжавшаго снизу „глупаго исправника“, и его шушуканіе à parte съ *тѣмъ*?... Можетъ быть, напротивъ, „они тамъ въ отчаяніи, что ничего найти не могутъ...“ Бѣжать туда, показать, что этимъ интересуешься,—не усилитъ-ли она этимъ ихъ увѣренность, что тотъ, за кѣмъ пріѣхали они, спрятанъ въ домѣ?... Она и безъ того уже, казалось ей опять, „слишкомъ много *разговаривала* съ этимъ жандармомъ, недостаточно хорошо сыграла роль: ей слѣдовало не разговаривать, а показать самое рѣшительное негодованіе, что *смѣютъ* ночью врываться, изъ-за какихъ-то *безсмысленныхъ подозрѣній*, въ домъ *мирныхъ гражданъ*, къ больному старику и *беззащитнымъ женщинамъ*...“ Да, но *они* не приняли бы словъ ея въ уваженіе, и вышло бы хуже:

„они *безъ церемоніи ворвались бы* къ нему, къ *несчастному*...“ Нѣтъ, итти нельзя, — надо оставаться здѣсь „гордо и равнодушно“, спокойно ждать. А между тѣмъ, всплывало снова кипучею волной въ головѣ ея,—а между тѣмъ „*они* теперь его, Володю...“

— Съ чѣмъ это вы сейчасъ прибѣжали къ этому... господину жандарму? не выдержавъ, обратилась она со внезапнымъ вопросомъ къ исправнику, очутившись съ нимъ вдвоемъ въ корридорѣ, въ полутьмѣ.

Онъ тотчасъ же напустилъ на себя видъ необыкновенно таинственный, выкинулъ руки впередъ, вытягивая рукавчики свои изъ-подъ обшлаговъ, и отчеканилъ медленно и вѣско:

— Вы мнѣ позволите не отвѣчать вамъ на этотъ... *тенденціозный* вопросъ, si j'ose m'exprimer ainsi.

— Почему такъ и что тутъ тен-ден-ціознаго? протянула она съ досадливою ироніей въ тонѣ.

— La discrétion est le premier devoir de mon état, mademoiselle, объяснилъ онъ, склоняя голову нѣсколько набокъ и быстро, старокавалерійскимъ пошибомъ, сдвигая въ то же время каблуки свои, на которыхъ, впрочемъ, увы! уже не звенѣло шпоръ.

— Это однѣ пошлыя французскія фразы—больше ничего! вскликнула Настя внѣ себя.

Господинъ Сливниковъ очень оскорбился.

— Позвольте, милостивая государыня, процѣдилъ онъ съ ядовитою учтивостью, — выразить вамъ мое удивленіе, слыша со стороны женской особы... такія... *странныя* опредѣленія!.. Я имѣлъ честь быть принятымъ у тетушки вашей, la comtesse Lachnitzki... и вообще dans les meilleurs salons de Pétersbourg... и никакъ не ожидалъ, чтобы изъ вашихъ... pour ainsi dire, устъ... Я, впрочемъ, не считаю себя въ правѣ, прервалъ онъ себя вдругъ, — заниматься моею... personnalité въ эту минуту. Обязанность моя заставляетъ меня просить вашу сестрицу... mademoiselle Antonine Bouinossof... сдѣлать мнѣ честь принять меня для... для нѣкоторыхъ... Гдѣ ея комната? отрѣзалъ онъ, никакъ не отыскавъ надлежащаго тер-

мина, чтобы выразить, для чего именно нужно было ему видѣть „mademoiselle Antonine“.

— Сестра моя ложится, если не совсѣмъ уже въ постели! съ неодолимымъ испугомъ въ голосѣ отвѣтила ему на это дѣвушка,—ея нельзя видѣть!

— Я не имѣю права въ этомъ сомнѣваться, возразилъ онъ на это съ оттѣнкомъ все той же нѣкоторой ядовитости: — часъ, дѣйствительно, нѣсколько поздній... Но, вы понимаете, le service de l'état avant tout, я вижу себя принужденнымъ...

— Но это не возможно, совершенно не возможно! громко, горячо, не давая ему продолжать, протестовала она.

— Съ кѣмъ это ты споришь, Настя? раздался голосъ Антонины изъ-за двери въ ея комнату („споривше“ стояли какъ разъ насупротивъ этой двери).

— Съ господиномъ исправникомъ... monsieur Сливниковъ, котораго ты знаешь... Онъ непремѣнно для чего-то хочетъ тебя видѣть... Развѣ можно этого требовать... отъ дѣвушки... въ такое время? растерянно залепетала ей въ отвѣтъ сестра.

— Pour service d'état, mademoiselle, жалобною фистулой, для вящшаго убѣжденія красавицы, счелъ нужнымъ пропѣть въ свою очередь исправникъ, — иначе, vous comprenez, я слишкомъ... je suis trop bien élevé, mademoiselle...

— Вы одни? спросила Антонина.

— То-есть, вдвоемъ, захихикалъ онъ:—mademoiselle votre soeur и я.

Она тоже засмѣялась за дверями:

— А тотъ же гдѣ, l'oiseau bleu?

— Онъ пошелъ внизъ... отвѣтила, не договоривъ того, что просилось ей на языкъ, Настя.

— А-а!.. Хорошо, погодите, я сейчасъ сдѣлаю себя презентабельною, къ страшному изумленію своему услышала она отвѣтъ сестры.

Сливниковъ вскинулъ побѣдно голову вверхъ и вытянулъ еще разъ изъ-подъ обшлаговъ свои безукоризненно свѣжіе рукавчики.

Минутъ черезъ пять ключъ щелкнулъ въ замкѣ, дверь отворилась, показалась щедушная фигурка Варюши, съ любопыт-

ствомъ устремившей свои большіе, черные глаза на незнакомаго ей господина, и изъ глубины только-что освѣщенной лампою, просторной, наполненной мебелью и представлявшей вообще весьма „комфортабельный“ видъ комнаты послышались слова хозяйки:

— Войдите!... Bonsoir, monsieur Сливниковъ!

Она полулежала на низкой кушеткѣ, словно вся потонувшая въ широкихъ и длинныхъ складкахъ облекавшей ее кашемировой блузы пунцоваго цвѣта съ бѣжавшимъ по всѣмъ краямъ ея широкимъ узоромъ à la turque; такого же цвѣта ленточный бантъ съ длинными концами перехватывалъ на затылкѣ ея распущенные волосы. Бѣлая, изящная, до локтя обнаженная рука свободно подымалась надъ опавшимъ вокругъ ея широкимъ рукавомъ блузы, упиралась на спальныя подушки, лежавшія подъ головой ея, и на ладонь этой руки опирался въ свою очередь ея чуть выдававшійся впередъ, словно выточенный подбородокъ... Она смотрѣла какою-то „восточною царицей“ въ этой лежачей, *нестѣсненной* позѣ, въ этихъ яркихъ цвѣтахъ и пышныхъ складкахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, представилось восхищенному исправнику, „блиставшему когда-то“ въ салонѣ графини Лахницкой. „Клеопатра, принимающая Антонія“, пронеслось у него нѣсколько смутнымъ, но пріятно защекотавшимъ его вдругъ воспоминаніемъ.

Онъ быстро направился къ ней, расшаркиваясь отъ самаго порога и широко округляя руки.

— Mademoiselle, j'ai bien l'honneur...

— Mo-onsieur, протянула она преувеличеннымъ тономъ французской актрисы.

Она приподнялась слегка и медленно повела на него снизу вверхъ не то скучающимъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ.

Онъ стоялъ теперь предъ нею и глядѣлъ на нее въ свою очередь не то восторженно, не то растерянно, съ высоты своего длиннаго туловища.

— Садитесь же, разъ вы здѣсь, уронила „Клеопатра“, видимо тѣшившаяся его замѣтнымъ смущеніемъ. — Вы желали

видѣть меня для какого-то... service d'état. Такъ вы, кажется, сказали?.. Что же вамъ угодно?

Бѣдный Сливниковъ окончательно растерялся: въ мозгу его никакъ не слагалось яснаго представленія, какая именно роль предлежала ему въ этомъ „service d'état".

— Mon Dieu, mademoiselle, промямлилъ онъ,— vous comprenez qu'il y a des circonstances...

— Говорите, пожалуйста, по-русски, перебила она его тономъ капризнаго ребенка:— мы вѣдь съ вами не мазурку на балѣ танцуемъ...

— Да, вы правы, Антонина Дмитріевна, воскликнулъ нежданно на это со вздохомъ, похожимъ на стонъ, бывшій кавалергардъ, встряхивая плечами, на которыхъ уже давно отсутствовали рогожки блестящихъ серебряныхъ эполетъ, — время счастливыхъ мазурокъ для меня навѣкъ миновало; я здѣсь по должности... je ne suis que l'esclave d'un triste devoir...

И, проведя себѣ рукой по волосамъ, онъ эффектно опустился прямо противъ нея на стулъ, стоявшій рядомъ съ валикомъ кушетки, въ который упирались ея, вдѣтыя въ крохотныя туфли, обнаженныя ноги, и такъ и замеръ вдругъ въ страстномъ созерцаніи ихъ. Глаза у него заискрились, какъ у стараго кота предъ кускомъ курятины.

Она, не смущаясь и не отдергивая этихъ выступавшихъ изъ-подъ края блузы нѣжно бѣлыхъ, узенькихъ, породистыхъ ногъ, чуть-чуть охваченныхъ кругомъ мѣховою темною оторочкой ея пунцово-атласныхъ „mules", застукала ими какъ бы нетерпѣливо по валику:

— Вы мнѣ все же не объяснили, въ чемъ состоитъ теперь этотъ вашъ „devoir?"

Онъ хотѣлъ отвѣтить... но только руками развелъ.

— Ваша свѣтскость не рѣшается выговорить роковаго слова, засмѣялась она своимъ холоднымъ, ироническимъ смѣхомъ; такъ я вамъ скажу сама. Вамъ нужно у меня... какъ это говорится?.. *обыскъ* сдѣлать?

Исправникъ прижалъ стремительно обѣ руки ко груди:

— Mais pas du tout, mademoiselle, вы ошибаетесь... Я, во всякомъ случаѣ... мнѣ ничего подобнаго не предписано...

— Пожалуйста, можете! молвила она на это, будто не слыхавъ его возраженія и все также лежа съ закинутыми за голову руками.—Варя вамъ дастъ мои ключи, ищите! Je vous défie найти что-нибудь у меня: я ни сама писать, ни получать писемъ терпѣть не могу, а когда получаю — рву, прочитавъ...

— Я вамъ вѣрю, Антонина Дмитріевна, вѣрю! поспѣшилъ заявить онъ, наклоняясь съ мѣста чуть не до самыхъ туфель ея („сейчасъ бы ихъ долой, а губами къ этой peau rose— и не оторвался бы, кажется, до смерти!“ проносилось въ головѣ господина Сливникова въ эту минуту).

Но вдругъ онъ невольно пріосанился и насторожилъ уши:

— А если-бъ у меня были... если-бы мнѣ вздумалось держать у себя... чьи-нибудь бумаги, говорила „Клеопатра“ съ какимъ-то загадочнымъ подчеркиваніемъ и разстановкой, — неужели вы думаете, что я... не успѣла бы ихъ скрыть, уничтожить... сжечь наконецъ, прежде чѣмъ вы или этотъ вашъ голубой господинъ догадались бы притти искать ихъ у меня?

— Сжечь? повторилъ совершенно безсознательно исправникъ,—гдѣ?

— А хоть бы вотъ тутъ! медленно проговорила она, лѣнивымъ движеніемъ руки указывая на печь со створчатыми мѣдными заслонками, подлѣ которой стояла ея кушетка.—Вы развѣ не слышите, что здѣсь гарью пахнетъ? спросила она его чрезъ мигъ съ тѣмъ же загадочнымъ выраженіемъ на подергивавшихся злою усмѣшкою губахъ.

Онъ недоумѣвая глядѣлъ на нее... Гарью, и даже именно жженою бумагой, пахло дѣйствительно, казалось ему, даже казалось, что онъ это почувствовалъ, какъ только вошелъ въ комнату... Но, „если-бъ это была правда, неужели бы она рѣшилась первая, такъ открыто и смѣло...“

Настасья Дмитріевна, вошедшая вслѣдъ за нимъ и съ мучительною тревогой прислушивавшаяся къ этому разговору изъ глубины комнаты, встрѣтилась въ эту минуту взглядомъ съ глазами Вари. Дѣвочка стояла въ углу, за спиной исправника, и указывая ей быстрымъ движеніемъ опущенныхъ вѣкъ на двѣ чугунныя вьюшки, вынутыя изъ трубы и лежавшія на полу

за выступомъ печки... Сомнѣнія не оставалось: Володины мѣшки сгорали въ эту минуту за этими притворенными мѣдными заслонками... Настасья Дмитріевна, со внезапнымъ порывомъ, подбѣжала къ сестрѣ, схватила ея руку и крѣпко, судорожно сжала ее.

Та мелькомъ оглянула ее, и въ мимолетной усмѣшкѣ, скользнувшей по ея губамъ, сказалось обычное ей высокомѣрное, чтобы не сказать презрительное, выраженіе.

— Вы видите, какъ сестра моя довольна мною, monsieur Сливниковъ? обратилась она тутъ же къ нему.

— Я вижу, что вы ужасно любите мистифировать вашего ближняго, широко засмѣялся онъ на это, рѣшивъ внутренно, что „прелестная красавица“ тѣшится и даже нѣсколько кокетничаетъ съ нимъ.

— Вы думаете?..

И, не ожидая отвѣта, она, съ капризнымъ laisser aller свѣтской женщины, перекидывающейся отъ скуки съ предмета на предметъ въ бесѣдѣ съ *неинтереснымъ* гостемъ, перебила себя новымъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ могъ такой человѣкъ, какъ вы, попасть въ исправники?

Сливниковъ такъ и прѳсіялъ (онъ, разумѣется, понялъ ея слова въ самомъ лестномъ для себя смыслѣ,) и, отблагодаривъ ее за *любезность* нѣжно умиленнымъ взглядомъ, взъерошилъ волосы нервною рукой и вдохнулъ изъ самой глубины легкихъ:

— Hélas, mademoiselle, я самъ часто дѣлаю себѣ этотъ вопросъ... Mais que voulez vous,—la fatalité! Я былъ молодъ, мое положеніе, чадъ нѣкотораго успѣха въ свѣтѣ, и... puisqu'il faut tout avouer, примолвилъ онъ съ неподражаемымъ паѳосомъ,—и... заблудшія женщины меня потеряли...

Антонина Дмитріевна привскочила на своей кушеткѣ, спустила ноги, подалась лицомъ прямо къ его лицу:

— Какъ вы сказали: *кто* васъ *потерялъ*, какія женщины?.. И, не выдержавъ, такъ и покатилась со смѣху...

Бывшій гвардеецъ чуть не свалился со своего сидѣнія. Онъ не ожидалъ этого безцеремоннаго, этого оскорбительнаго смѣха, — онъ такъ мало ожидалъ его въ эту минуту... Все лицо

его запылало, губы задрожали. Невѣдомо, что̀ нашелъ бы онъ отвѣтить „дерзкой особѣ“, если бы въ этотъ самый мигъ гулъ выстрѣла, внезапно раздавшагося въ нижнемъ этажѣ дома, не поразилъ слуха всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ...

— А-а! безотчетно крикнули въ перепугѣ обѣ сестры...

Настя кинулась со всѣхъ ногъ въ коррidоръ.

Исправникъ, опрокинувъ впопыхахъ два стула, сверкая не то злобно, не то растерянно блуждавшими глазами, понесся стремглавъ за нею.

— Куда вы, куда, сударыня?.. нельзя, я не могу позволить! кричалъ онъ, догоняя ее и схватывая за руку.

Она съ негодованіемъ вырвала ее.

— Пустите меня... пустите... вы съ ума сошли!..

— Нельзя, говорю вамъ, нельзя... я не дозволяю!... Сотскій! наскочилъ онъ въ азартѣ на злосчастнаго мужика съ бляхой, который ни живъ, ни мертвъ, съ поблѣднѣвшимъ какъ полотно лицомъ, продолжалъ все такъ же стоять у перилъ со своимъ огаркомъ, — ты мнѣ жизнью своей и дѣтей твоихъ отвѣтишь, если кто-нибудь выйдетъ отсюда безъ моего приказанія!...

И онъ чуть не кубаремъ, путаясь и цѣпляясь каблуками за ступени, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ.

X.

Настасья Дмитріевна не ошиблась въ первомъ предположеніи своемъ: тайникъ брата ея былъ открытъ маленькимъ человѣкомъ въ сибиркѣ (это былъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ московскихъ „агентовъ“, дѣйствительно выслѣдившій нашего „пропагандиста“ отъ самой Москвы и успѣвшій о прибытіи его въ Юрьево дать знать верстъ за восемь въ уѣздный городъ находившемуся тамъ по случаю начавшихся въ губерніи арестовъ жандармскому полковнику,), — открытъ по слѣду, оставленному подошвами ея и Варюши на слоѣ пыли, покрывавшей полъ буфетной, и по продольной щели люка, выглядывавшей изъ-подъ шкафа... Объ этомъ обстоятельствѣ и прибѣжалъ наверхъ Сливниковъ извѣстить жандармскаго штабъ-офицера. Тотъ, осмотрѣвъ мѣсто, тотчасъ приступилъ къ дѣлу; велѣлъ отодвинуть шкафъ, поднять люкъ за открывшееся кольцо его и, наклонившись самъ надъ зачернѣвшею предъ нимъ глубиной подвала, направилъ въ нее свѣтъ своего фонаря... Изъ глубины этой въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ...

Когда нашъ, глубоко уязвленный сестрами Буйносовыми, исправникъ влетѣлъ въ дверь буфетной, онъ въ первую минуту едва могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершалось предъ нимъ. Со двора въ окно, съ грохотомъ сабли и звономъ стекла, посыпавшагося изъ сорванныхъ рамъ, стремительно влѣзалъ на звукъ выстрѣла оставленный тамъ для наблюденія жандармъ. Полковникъ, все также держа въ рукѣ свой прострѣленный, но не погасшій фонарь, стоялъ надъ

отверстіемъ подвала рядомъ съ Фурсиковымъ, свѣтившимъ кому-то внизъ большимъ экипажнымъ фонаремъ въ одной рукѣ и зажженнымъ огаркомъ въ другой. Снизу изъ темени подвала доносился гулъ какой-то борьбы, глухіе возгласы и тяжелый хрипъ ускоренныхъ дыханій.

— Гляди, чтобъ онъ въ тебя... коротко, не договаривая, остерегалъ сверху полковникъ.

— Не выпалитъ, ваше всбл... за руки держу, отвѣчалъ снизу голосъ.

— Держи! кричалъ Фурсиковъ, быстро передавая фонарь свой и огарокъ подоспѣвшему со двора жандарму и готовясь самъ спуститься въ подземелье съ развязаннымъ кушакомъ своимъ въ зубахъ.

— Оставь... сдаюсь! послышался изъ подвала другой голосъ.

— Какъ отняли, такъ и сдаешься, отвѣтилъ на это добродушный солдатскій смѣхъ. И изъ подвала поднялась до пояса по лѣстницѣ бравая фигура другаго служиваго въ жандармской формѣ, прыгнувшаго туда прямо, помимо этой лѣстницы, едва успѣлъ раздаться выстрѣлъ.

— Ривольверъ *ихній* извольте получить, ваше... доложилъ онъ, протягивая оружіе начальнику и принимая веревку изъ рукъ сыщика.—Связать прикажете? обрывисто и понижая голосъ спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Выходите! молвилъ вмѣсто отвѣта штабъ-офицеръ, наклоняясь къ отверстію.

Фигура служиваго исчезла, и вмѣсто него, медленно подымаясь по ступенькамъ, показался блѣдный какъ смерть „пропагандистъ“, порывисто переводя духъ сквозь судорожно стиснутые зубы, злобно сверкая глазами, неестественно бѣгавшими по сторонамъ.

— Обыскать... можетъ ножъ... или чтѳ... подшепнулъ какъ бы въ видѣ вопроса Фурсиковъ на ухо полковнику.

Онъ, не ожидая разрѣшенія, подскочилъ къ Буйносову и какъ-то очень быстро и ловко провелъ сзади руками по обѣимъ сторонамъ его туловища отъ плечъ и до сапожныхъ голенищъ, запустивъ по пути эти руки въ карманы (оказавши-

еся пустыми) его жакетки, плачевно изодранной въ пылу единоборства... и, также быстро выхвативъ переданный имъ въ руки жандарма зажженный огарокъ, кинулся съ нимъ свѣтить оставшемуся въ подвалѣ товарищу:

— Гляди, Лазаревъ, шепталъ онъ, ложась грудью на край люка и опуская свой свѣточъ въ отверстіе на всю длину руки,—не подкинулъ-ли онъ гдѣ чего... Кирпичъ ощупай... можетъ гдѣ вынутъ...

— Ваша фамилія? коротко, для формы, спрашивалъ между тѣмъ арестованнаго штабъ-офицеръ.

— Не желаю отвѣчать, рѣзко отвѣтилъ на это тотъ.

— Ахъ, батюшки-свѣты, баринъ нашъ молодой! визгнула въ то же время какая-то женщина у двери, выходившей въ корридоръ.

— Что за особа? вскинулся съ мѣста безмолвный до сихъ поръ исправникъ Сливниковъ, находя нужнымъ заявить и о своемъ усердіи. Онъ кинулся было за нею...

Но „особа“—это была старуха Мавра, выбѣжавшая стремглавъ на шумъ выстрѣла изъ комнаты старика Буйносова,—успѣла уже исчезнуть во мракѣ корридора...

Охая и вздрагивая съ испуга, вбѣжала она теперь обратно въ „боскетную“, гдѣ больной, разбуженный и встревоженный тѣмъ же выстрѣломъ, лихорадочно метался въ своемъ креслѣ.

— Qu'est ce qu'il y a?... что за шумъ... кто стрѣлялъ тутъ? забормоталъ онъ:—вы оставили меня одного... Настя гдѣ, ma fille? говорилъ онъ озираясь,—гдѣ барышня?..

— Не знаю, батюшка, ничего не знаю, заголосила баба въ отвѣтъ,—не видала... Стало, и ихъ забрали...

— Кого?.. кого „забрали“?.. Что ты говоришь? вскликнулъ старикъ, затрясшись весь и ухватываясь костлявыми пальцами за ручки кресла.

— И ума не приложить, кормилецъ, что у насъ тутъ дѣется! Народу понаѣхало—страсть! Полиція, жандары, видать... И съ барчукомъ съ нашимъ, съ Володимеромъ Митричемъ...

— Съ Вольдемаромъ, съ моимъ сыномъ! перебилъ ее баринъ:—жандармы, говоришь ты, привезли? Жандармы!...

Онъ тяжело, судорожно перевелъ дыханіе, примолкъ на мигъ, какъ бы соображая

— Ils l'ont pris,—c'est cela!... Такъ должно было кончиться, je l'avais prévu depuis longtemps...

Голосъ его оборвался. Онъ разсуждалъ громко съ самимъ собою, примѣшивая, по обыкновенію, французскія фразы къ русской рѣчи, болѣзненно мигая отяжелѣвшими вѣками и растерянно уставившись на свою толстую собесѣдницу...

— Доподлинно доказать этого не могу, батюшка, объясняла она ему тѣмъ временемъ:—привезли, стало, ихъ, аль сами они были тутъ попрятамшись, а только я *своимъ глазамъ* видѣла: они сами и есть, изъ подвала, что̀ подъ столомъ въ буфетной, изволите знать,—гляжу, по лѣстничкѣ оттедова подымаются, Володимеръ Митричъ нашъ, значитъ... А ихъ тутъ сичасъ жандаръ, аль какой тамъ другой изъ ихнихъ,—потому дымъ и тёмно, хоша фонари у нихъ, такъ комната-то глубокая, сдали не различить,—только онъ его, голубчика моего, за рученьки, за ноженьки... вязать знать хотѣлъ... Я тутъ сичасъ и убѣгла со страху, всхлипнула въ заключеніе Мавра, жалостливо качая головой.

Глаза стараго „кавалера посольства“ мгновенно блеснули искрой:

— И онъ, Voldemar, выстрѣлилъ въ того, кто наложилъ на него руку?

— И, что̀ вы, баринъ, не стрѣляли они, нѣ, чего Бога гнѣвить!... Развѣ въ подвалѣ стрѣляли... потому оттедова дымъ шелъ... а чего не видала—не могу сказать...

— Il a voulu se tuer, le malheureux, лепеталъ про себя Дмитрій Сергѣевичъ,—il a songé à l'honneur de son nom... Un Буйносовъ „на скамьѣ подсудимыхъ“, comme ils disent à présent! Смерть лучше, да,—cela aurait mieux valu... Онъ живъ? какъ бы безсознательно спросилъ онъ вслухъ.

— Живы, батюшка, живы, насчетъ этого не извольте безпоиться! Говорятъ. Сама слышала: „Не хочу, молъ, говорятъ, отвѣчать“!... Громко такъ выговорили, въ голосъ... А ужь что̀ имъ отвѣчать требуется—не могу доподлинно доложить, не дослышала...

Голова старика изнеможенно упала на грудь:

— Они привезли его теперь сюда pour le confronter avec sa soeur, съ Настей... Elle a toujours partagé ses idées subversives... Они и ее возьмутъ,—ils me la prendront... Ah! c'est le dernier coup!... вырвалось у него стономъ.

Мавра подбѣжала къ нему:

— Не извольте убиваться, батюшка-баринъ, можетъ Богъ дастъ...

Онъ повелительнымъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать и повелъ кругомъ себя долгимъ взглядомъ неестественно расширившихся вдругъ зрачковъ. Внутри его словно созрѣвало въ эту минуту какое-то важное, крупное рѣшеніе...

— Assez souffrir! проговорилъ онъ наконецъ чуть слышно, и, обращаясь къ Маврѣ:—ты ступай, ступай опять туда! сказалъ онъ,—и оставайся пока... ну, пока они тамъ совсѣмъ... Ты мнѣ не нужна, понимаешь?

Она недоумѣвая поглядѣла на него. Ее такъ и подмывало бѣжать опять на зрѣлище происходившаго въ буфетной, но она боялась „барышни", строго наказывавшей ей не покидать недужнаго.

— А какъ если вамъ что потребуется, баринъ? нерѣшительно проговорила она.

— Ничего мнѣ не требуется; ступай! Я... я спать буду...

— Развѣ барышню отыскать пойду... Спросить ихъ...

Онъ замахалъ опять руками и чуть не плачущимъ голосомъ:

— Не нужно, крикнулъ онъ ей,—никого мнѣ не нужно, говорятъ тебѣ, ни тебя, ни барышни... Я, понимаешь, я покою... я спать хочу...

Баба помялась на мѣстѣ—и вдругъ широко осклабилась:

— Можетъ, *выкушаете*... на сонъ грядущій? не то лукаво, не то таинственно подчеркнула она.

Глаза его внезапно такъ и запрыгали, губы судорожно затряслись:

— А у тебя... есть? прошепталъ онъ, подмигивая.

— На шкаликъ осталось... Съ моимъ удовольствіемъ, примолвила она, выходя за перегородку и, повозившись тамъ съ минуту, вынесла на подносѣ большую рюмку свѣтлой влаги.

Онъ схватилъ ее дрожащими отъ жадности руками, пригубилъ, сморщившись, будто отъ какого-то гадливаго ощущенія, и торопливо опрокинулъ затѣмъ себѣ въ горло.

— Ну, вотъ... вотъ теперь и согрѣлся, заговорилъ онъ, гладя себя рукой по груди, съ блаженнымъ видомъ:—теперь я усну... крѣпко усну, засмѣялся онъ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.—Прощай, Мавра, спасибо!...

Онъ приткнулся головой къ подушкѣ и закрылъ глаза.

Мавра постояла, постояла надъ нимъ,—онъ оставался недвижимъ.

„Должно, започивали въ самдѣлѣ“, рѣшила она, „потому ежели теперича и сына у нихъ роднаго забрали, такъ это они вполнѣ чувствовать не могутъ; потому все, почитай, какъ не въ полномъ своемъ разсудкѣ,—и какъ если имъ, значитъ, во время свою плепорцію отпустить...“

Разсужденія своего она до конца не довела и, скинувъ для большей предосторожности стоптанные башмаки свои, которые сунула тутъ же подъ ближайшее кресло, поспѣшно понеслась босикомъ въ корридоръ, пугливо прижимаясь во мракѣ къ стѣнкѣ и со страстнымъ любопытствомъ направляясь на свѣтъ, слабо выбивавшійся изъ буфетной.

Туда только-что вошло теперь новое лицо: невысокаго роста молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, съ жиденькими бѣлокурыми волосиками на кругленькой головкѣ и золотымъ pince-nez на вздернутомъ къ верху пуговкой носикѣ. Это былъ товарищъ прокурора, Тарахъ-Таращанскій (товарищи по Училищу Правовѣдѣнія называли его „Трахъ-Тарарахъ“,), заигравшійся въ ералашъ у предсѣдателя Управы, въ городѣ, и потому нѣсколько опоздавшій своимъ прибытіемъ (онъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ состоялъ членомъ той же особой коммиссіи по политическимъ дѣламъ и извѣщенъ былъ имъ своевременно объ имѣвшемъ быть въ Юрьевѣ арестованіи).

Онъ тѣмъ болѣе, казалось, старался придать внушительности своей наружности, чѣмъ менѣе дано ему было отъ природы. Онъ глядѣлъ надменно сквозь свои оптическія стекла,

и все лицо его имѣло такое выраженіе, будто онъ говорилъ себѣ въ это время: „Ахъ, какъ здѣсь скверно пахнетъ“!

Въ расположеніи духа онъ былъ сквернѣйшемъ: во-первыхъ, проигралъ у предсѣдателя пять робберовъ сряду, а, во-вторыхъ, выходя изъ тарантаса, запнулся высокимъ каблукомъ о подножку, упалъ и нѣсколько зашибъ себѣ колѣнку.

— Тутъ у васъ самъ чортъ ногу переломитъ, говорилъ онъ фальцетомъ, фыркая и морщась, Фурсикову, выбѣжавшему на шумъ его экипажа встрѣчать его въ сѣни съ огаркомъ въ рукѣ.—Что, *накрыли?* коротко и какъ бы презрительно кинулъ онъ ему вопросъ.

Агентъ передалъ ему обо всемъ происшедшемъ.

— Такъ!... Гдѣ-жь это у васъ тамъ? Проведите! произнесъ онъ повелительнымъ и скучливымъ голосомъ.

Онъ вошелъ, прихрамывая, въ буфетную, не протянулъ, а сунулъ, не размыкая пальцевъ, всю руку свою въ руку жандармскаго штабъ-офицера, тутъ же отдернулъ ее и проговорилъ сквозь зубы: „вы безъ меня уже все покончили, кажется“, закинулъ голову въ сторону арестанта, котораго одинъ изъ жандармовъ держалъ за локоть.

— Это что за живыя кандалы! грозно крикнулъ онъ вдругъ:—прочь руки!

Ошеломленный служивый поспѣшно вытянулся, пристегнувъ по формѣ эти руки ко шву своихъ брюкъ, и вопросительно покосился въ сторону своего начальника.

Полковникъ только чуть-чуть поморщился.

— Господинъ Буйносовъ? спрашивалъ между тѣмъ арестанта, разглядывая его съ любезною, словно поощрительною улыбкой, товарищъ прокурора. И тутъ же:— Вы, впрочемъ, нисколько не обязаны отвѣчать, поспѣшилъ онъ прибавить,— дѣло слѣдствія уяснить и опредѣлить вашу личность.

Онъ отошелъ опять къ полковнику и проговорилъ скороговоркой:

— Ничего не нашли при немъ?

— Были, по всей вѣроятности, у него прокламаціи и эти ихъ книги, отвѣчалъ вполголоса тотъ досадливымъ тономъ,— но это, кажется, успѣли уничтожить... У него тутъ двѣ сестры,

пребойкія, повидимому, дѣвицы. Я просилъ господина исправника понаблюсти за ними, пока я тутъ... распоряжался. Но, кажется, поздно. Онъ сейчасъ передавалъ мнѣ: по его мнѣнію, онѣ все сожгли въ печкѣ предъ тѣмъ, какъ онъ вошелъ къ нимъ. Онъ слышалъ, входя туда, запахъ жженой бумаги...

Таращанскій разсмѣялся, словно ужасно обрадованный:

— Само собою! Что же вы думаете, всѣ эти лица глупѣе насъ съ вами, полковникъ? проговорилъ онъ почти громко.

Сливниковъ, вертѣвшійся около разговаривавшихъ, поспѣшилъ заявить въ свою очередь, таинственно наклонясь къ его уху:

— Un petit обыскъ у этихъ дѣвицъ ne serait pas à dédaigner, monsieur le *substitut*, подчеркнулъ онъ, считая нужнымъ дать понять, что мнѣ-молъ, видите, извѣстно даже то, какъ называется во Франціи товарищъ прокурора: — ce sont des personnes fort délurées.. et même très insolentes, промолвилъ онъ, напирая (очень ужь онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ этими „дѣвицами“).

— Вы же сами сейчасъ говорили полковнику, что эти „дѣвицы“ успѣли уже все сжечь, пренебрежительно отвѣтилъ ему Таращанскій, не глядя на него и вертя вокругъ пальца шнуркомъ своего pince-nez,— чего же тамъ еще искать!.. И какъ это вы всѣ, господа, любите безполезно усердствовать! проговорилъ онъ вдругъ на манеръ сентенціи: — арестуютъ теперь эту молодежь десятками по всѣмъ угламъ Россіи, и у всѣхъ одно и то же находятъ: тѣ же прокламаціи, та же *Сказка о четырехъ братьяхъ*... Возы этого добра въ Москву навезли. Лишній экземпляръ вамъ что-ли нуженъ?..

Онъ пожалъ плечами, прищурился на молча внимавшее ему серьезное лицо пожилаго штабъ-офицера и пропустилъ какъ бы въ спеціальное назиданіе его:—Раздули все это юное фантазёрство въ государственный заговоръ и...

Громкій голосъ арестанта не далъ ему договорить:

— Что же вы, долго меня на ногахъ держать будете? насилованно грубо говорилъ онъ:—я усталъ, спать хочу.

— Васъ отвезутъ сейчасъ спать въ городъ, строго проговорилъ ему на это жандармскій полковникъ.

— Оформить, дѣйствительно, можно будетъ тамъ, завтра, одобрительно кивнулъ на это товарищъ прокурора, разчитывавшій застать партнеровъ своихъ еще въ сборѣ у картежника-предсѣдателя.

Шумъ спора, торопливый топотъ чьихъ-то шаговъ за раскрытыми дверями буфетной прервали его еще разъ.

— Это онѣ, вскликнулъ Сливниковъ,—malgré ma consigne!..

Онъ кинулся въ корридоръ.

— Что тамъ такое? досадливо уронилъ Таращанскій:—еще какой-нибудь избытокъ официальнаго усердія!..

И онъ, вздѣвъ на носъ pince-nez и вскинувъ голову вверхъ, отправился за исправникомъ.

Онъ увидѣлъ его, раскидывающаго въ волненіи руками, лицомъ къ лицу съ молодою особой, казавшеюся не менѣе взволнованною, чтобы не сказать раздраженною, чѣмъ онъ самъ. Мужикъ-сотскій, все съ тѣмъ же перепуганнымъ видомъ, освѣщалъ ея блѣдное лицо, держа высоко надъ головой своей облѣпившій ему всѣ пальцы стеариномъ огарокъ.

— Я не могу... я не хочу, наконецъ, говорила она внѣ себя,—оставаться тамъ долѣе подъ стражей... Я не арестантка, я у себя въ домѣ, имѣю право на полную свободу моихъ дѣйствій... Да, я насильно вырвалась оттуда, я оттолкнула вашего сторожа... и сбѣжала сюда... Что же, вы за это меня колесовать будете? вскрикнула она въ заключеніе вызывающимъ тономъ и сверкая влажными отъ проступавшихъ на нихъ слезъ негодованія глазами.

— Mais permettez, mademoiselle, восклицалъ въ свою очередь исправникъ, продолжая разводить руками, — вы понимаете, ma consigne...

— Позвольте! визгливо перебилъ его голосъ господина Тарахъ-Таращанскаго, и самъ онъ выступилъ впередъ. — Я имѣю честь видѣть одну изъ... изъ хозяекъ этого дома, не правда-ли? обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ;—я здѣсь представитель прокурорской власти, сударыня, и въ этомъ качествѣ обязанъ выслушать... и удовлетворить всякое ваше... законное требованіе. Что вамъ желательно?

— Мнѣ желательно, все такъ же пылко отвѣтила она,—

свободно пройти къ больному отцу... къ себѣ въ комнату, наконецъ... А господинъ исправникъ поставилъ на верху у лѣстницы своего сотскаго и приказалъ никого не пускать оттуда...

— Mademoiselle, je ne fais pas de l'arbitraire, горячо протестовалъ Сливниковъ,—я только исполнялъ приказаніе, данное мнѣ господиномъ пол...

— Позвольте! не далъ ему договорить опять тотъ же фальцетъ. И низенькій „представитель прокурорскій власти“ глянулъ снизу вверхъ на длиннаго исправника, какъ будто хотѣлъ его тутъ же спалить молніей своего взгляда.

Сливниковъ, дѣйствительно, какъ бы оторопѣлъ весь...

Видимо довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Таращанскій отнесся снова къ дѣвушкѣ:

— Я не нахожу возможнымъ одобрить образъ дѣйствій господина исправника въ настоящемъ случаѣ, но, великодушно примолвилъ онъ, — смѣю думать, что онъ при этомъ руководился соображеніями гораздо болѣе гуманнаго, чѣмъ, такъ сказать, чисто *полицейскаго* свойства. Формальности службы заставили насъ всѣхъ съѣхаться сюда для арестованія одной личности... Я считаю безполезнымъ называть ее... И зрѣлище этой процедуры не могло, конечно, доставить вамъ особеннаго удовольствія...

— И ее арестовали... эту личность? поспѣшила и едва была въ силахъ проговорить она.

— Повидимому.

— Что это значитъ? удивленно спросила она, глядя на него во всѣ глаза.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Арестованный назвать себя не пожелалъ.

„Я такъ и знала“, пронеслось въ головѣ Насти: „онъ не сказалъ своей фамиліи; есть, можетъ быть, надежда“...

— Скажите, вдругъ вспомнила она,—кто стрѣлялъ здѣсь,—я слышала сверху,—*онъ?*

— Само собою, небрежно промолвилъ на это представитель юстиціи, оглянулся и, видя, что сконфуженный исправникъ ушелъ опять въ буфетную:—Это не должно безпокоить

васъ, добавилъ онъ, — выстрѣлъ не имѣлъ послѣдствій, и мы обойдемъ вѣроятно и вовсе этотъ эпизодъ въ нашемъ протоколѣ... А бумаги его вы сожгли? такъ и ошеломилъ онъ ее нежданнымъ вопросомъ.

Она вся въ лицѣ перемѣнилась, вздрогнула...

Онъ ухмыльнулся уже со всей высоты своего величія:

— Я, надо вамъ сказать, вообще всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія!...

Вышедшій въ корридоръ въ эту минуту штабъ-офицеръ притронулся къ его локтю. Таращанскій обернулся и отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Я свое кончилъ, Валеріанъ Петровичъ, сказалъ полковникъ,—и увожу сейчасъ арестанта. Если бы вы съ вашей стороны сочли нужнымъ произвести дальнѣйшее дознаніе въ этомъ домѣ...

— Никакого! отрѣзалъ тотъ:—я бы девять десятыхъ и тѣхъ, которые у насъ сидятъ, отпустилъ на всѣ четыре стороны, а не то чтобъ увеличивать ихъ число...

Штабъ-офицеръ мотнулъ головой, какъ бы говоря: „Это *ваше* дѣло“! и отправился распоряжаться *своимъ*...

XI.

Кто-то въ то же время дернулъ растерянную Настасью Дмитріевну сзади за платье.

Она быстро обернулась и увидала Мавру... Толстая баба вся тряслась, тяжело переводя духъ...

— Что такое?... зачѣмъ ты здѣсь?... что батюшка? пробормотала дѣвушка со внезапнымъ замираніемъ.

— Не знаю, барышня, что и сказать, выговорила та чрезъ силу:—тёмно у нихъ... и голосу не подаютъ...

— Что значитъ „не подаютъ“? Онъ спитъ?

— Не могу доподлинно сказать, матушка-барышня, потому вошла я къ нимъ сичасъ—тёмно, смотрю, а сами видѣли—лампа у нихъ горѣла... „Баринъ, говорю, а баринъ“!... а они голосу не подаютъ. Я тутъ очень спужалася и побѣгла васъ искать...

— Онъ спалъ, да, я видѣла... и у него горѣла лампа... Погасла какъ-нибудь, вѣрно... Я говорила тебѣ не оставлять его... зачѣмъ ты ушла?... обрывались слова у Насти, пока она, не теряя времени, бѣглымъ шагомъ неслась въ темную глубину корридора, по направленію къ дѣвичьей, чрезъ которую былъ ходъ въ спальню больнаго.

— Сами они послали меня сюда, матушка, объясняла Мавра, поспѣшая за нею,—потому, какъ здѣсь выпалили, они мнѣ: „Поди сичасъ, узнай“, говорятъ... И вдругорядь посылали опять, послѣ того, значитъ, когда я имъ про барчука, про Володиміра Митрича докладывала...

— Ты ему сказала про брата?.. Господи!.. Развѣ не могла ты понять, что не слѣдовало этого говорить ему!..

— А почемъ мнѣ понять, барышня! Кабы вы приказывали, али что, а то, сами знаете, баба я темная, гдѣ мнѣ разсудку занять... И ничего отъ эвтаго отъ самаго, что я сказала, вреда имъ не случилося, ей-же ей, говорю... „Ступай, говорятъ, опять туда, а я спать хочу,“—только всего и сказали они на этто...

Въ глубокой темнотѣ вошли онѣ въ дѣвичью.

— Тутъ на лежанкѣ коробка со спичками была, сказала дѣвушка,—сыщи скорѣй!.. Шандалъ у *него* за перегородкой на комодѣ стоитъ...

И съ нетепѣливою тревогой, съ нестерпимо бившимся сердцемъ вошла сама, не ожидая, въ *его* комнату, добралась ощупью до этого комода, судорожно ухватилась за попавшійся какъ-то сразу подъ пальцы ей шандалъ и проговорила полугромко—не испугать бы, если спитъ:—„Папа“!..

Отзыва не послѣдовало.

Она сдержала дыханіе, судорожно насторожила ухо... „Папа“! крикнула уже она теперь...

— Мати Пресвятая Богородица, спаси насъ! визгнула въ свою очередь на этотъ крикъ Мавра, роняя изъ рукъ коробку спичекъ, съ которою пробиралась къ барышнѣ.

Она кинулась подымать ихъ съ полу... Но дрожавшіе пальцы только безсильно тыкались о шероховатыя половицы...

— Давай же, давай скорѣе огня! задыхающимся голосомъ взывала къ ней межъ тѣмъ Настасья Дмитріевна.

Она чиркнула объ полъ попавшуюся ей наконецъ подъ руки спичку, поднялась съ нею, приложила къ свѣтильнѣ, которую протягивала ей барышня...

Дѣвушка выбѣжала съ загорѣвшеюся свѣчей за перегородку.

Первымъ дѣломъ кинулись ей въ глаза блеснувшіе отъ свѣта чуть не подъ самыми ногами ея осколки стекляннаго матоваго колпака лампы, какимъ-то непонятнымъ въ первую минуту образомъ свалившейся съ довольно широкой деревянной колонки, на которую она была поставлена... Колонка эта, какъ уже было упомянуто нами, стояла въ одномъ изъ переднихъ угловъ комнаты, рядомъ съ окномъ, выходившимъ въ садъ, и за самымъ кресломъ больнаго, помѣщавшимся у этого окна.

Взглядъ дѣвушки устремился на уголъ спинки этого кресла, въ которомъ такъ привыкла видѣть она потонувшій въ глубинѣ большой подушки тонкій профиль старика-отца... Уголъ былъ пустъ теперь, подушка лежала на сидѣніи, наполовину свѣсившаяся внизъ,—а внизу, у ножки кресла...

— Папа! крикнула она еще разъ, бросаясь со свѣчей къ тому чему-то невообразимо страшному, что̀ увидѣла она тутъ, упала на колѣни, низко наклоняясь лицомъ къ полу, простирая руки впередъ...

— Мавра, ножницы... ножъ... скорѣе... разрѣзать! простонала она...

Баба метнулась къ ней, наклонилась въ свою очередь и отпрянула въ невыразимомъ ужасѣ:

— Царица Небесная, покончили себя!.. Матушка-барышня, чтобы намъ съ *вами* въ отвѣтъ не попасть! Полицея тутъ, жандары... Звать надо, людей звать скорѣе...

И, полоумная отъ объявшаго ее страха, она выскочила изъ комнаты въ корридоръ, голося:

— Кормильцы, родимые, спасите... со старымъ бариномъ несчастіе!..

Изъ буфетной въ эту минуту выводили арестанта.

Она прямо ринулась къ нему:

— Сердечный ты нашъ, голубчикъ сизый, ведутъ тебя въ темницу темную, за семь замковъ желѣзныихъ, хоша бы дали тебѣ, младу вьюношѣ, напослѣдяхъ съ отцомъ рѡднымъ проститися!..

— Чего ты причитаешь, старая, что̀ тамъ случилось? перебилъ ее, быстро подходя, жандармскій полковникъ.

— Не моя вина, батюшка, ваше сіятельство, видитъ Царица Небесная, не моя! заголосила она въ новомъ перепугѣ,—сами они меня погнали...

— Кто погналъ, куда? говори толкомъ!

— Баринъ, генералъ нашъ, сюда послали, когда̀ палить тутъ стали, значитъ...

— Ну, и что̀ же?

— А пока я тутъ въ колидорѣ стояла, они, остамшись одни...

— Ну?...

— И сказать не смогу, ба-атюшка... страшно! истерически зарыдала она: тамъ... надъ ними.... — барышня, Настасья Дмитріевна, убиваются...

Арестантъ, блѣдный какъ смерть, обернулся къ штабъ-офицеру; онъ сразу понялъ все:

— Слова ея значатъ, что отецъ мой лишилъ себя жизни, неестественно рѣзко зазвенѣлъ его голосъ:—я хочу взглянуть на него!...

— Извольте! качнулъ головою тотъ.

— Еще не поздно, можетъ быть, помочь можно, вскликнулъ товарищъ прокурора, двигаясь первый съ мѣста:—куда итти? ведите! обратился онъ къ Маврѣ.—Да огня давайте сюда побольше!...

— Quel drâ-âme, monsieur le substitut! вскидывая длинныя руки свои вверхъ, трагически протянулъ, шагая за Тарапанскимъ, исправникъ Сливниковъ; на немъ лица не было и губы его тряслись.

— Лазаревъ, ступай, можешь понадобиться! отдалъ полугромко приказаніе полковникъ одному изъ жандармовъ.

Всѣ быстро направились къ „мѣсту происшествія“...

Настасья Дмитріевна стояла на колѣняхъ, поддерживая приподнятую ею съ полу бездыханную голову отца. Онъ былъ еще совсѣмъ тепелъ, но надежды у нея не оставалось: жизнь—это было для нея очевидно,—безвозвратно покинула его... Съ перваго же взгляда стали ясны для всѣхъ условія, при которыхъ могъ онъ осуществить свое гибельное намѣреніе. На сторонѣ окна, ближайшей къ креслу, въ которомъ онъ проводилъ ночи, вбитъ былъ въ стѣну большой гвоздь, о который обматывался толстый снурокъ подъемной сторы, никогда не спускавшейся на этомъ окнѣ (недужный, просыпавшійся обыкновенно съ зарей, любилъ глядѣть на первую игру лучей солнца, восходившаго прямо противъ него, въ вершинахъ и прогалинахъ сада). Двойной конецъ этого снурка спускался до высоты ручки кресла и на разстояніи вершка отъ нея. Старикъ, по всѣмъ признакамъ, притянулъ къ себѣ этотъ конецъ, сложилъ его въ петлю, всунулъ въ нее голову

и рванулся всѣмъ тѣломъ со своего сидѣнія внизъ... Отъ размаха откатившееся назадъ кресло ударилось въ стоявшую за нимъ тумбу и свалило толчкомъ стоявшую на ней лампу, а снурокъ такъ оттянуло къ низу, что голова почти касалась пола... Когда, покинутая перепуганною Маврой, Настасья Дмитріевна, съ тою сверхъестественною мускульною силой, которая является у самыхъ слабыхъ существъ въ минуты великихъ опасностей и безумнаго отчаянія, приподнявъ на половину одною рукой рухнувшее наземь тѣло, вырвала другою изъ стѣны самый гвоздь, съ котораго спускался роковой снурокъ петли, и распустила ее, отецъ ея не подавалъ уже и признака жизни...

— Кончено! проговорила она теперь съ какимъ-то потрясающимъ спокойствіемъ, почти безсознательно обводя взглядомъ толпу собравшихся вокругъ нея пришлыхъ, чуждыхъ ей лицъ.

Никто изъ нихъ не нашелся отвѣтить въ первую минуту. Слишкомъ сильно было впечатлѣніе, слишкомъ поразительно это зрѣлище...

— Помогите... поднять, проговорила она, осиливая себя.

Служивый-жандармъ, котораго звали Лазаревымъ, выступилъ впередъ.

— Не трогай! повелительно крикнулъ раздраженный голосъ.

И Владиміръ Буйносовъ, съ перекошеннымъ лицомъ, кусая губы и сверкая взглядомъ, протѣснился къ сестрѣ:

— Держи крѣпче за затылокъ, обрывисто выговорилъ онъ, подходя къ мертвому и ухватывая самъ его подъ колѣни.

Но бодрость измѣнила дѣвушкѣ,—она пошатнулась...

Сливниковъ, забывая свои „обиды“, кинулся къ ней:

— Permettez-moi de vous remplacer, mademoiselle!..

Тѣло перенесли на диванъ.

Глубокое безмолвіе стояло кругомъ. Никто повидимому не зналъ, что ему дѣлать далѣе...

Товарищъ прокурора, какъ бы исполняя какую-то особую формальность, подошелъ къ трупу со свѣчей въ рукѣ, освѣщая деревенѣвшій уже ликъ и стеклянно-мутные, страшно выкатившіеся изъ-подъ вѣкъ яблоки глазъ...

— Глаза бы вы ему закрыли! шепнулъ словно сердито арестанту пожилой штабъ-офицеръ, морщась и оттягивая себѣ усы до боли.

Молодой человѣкъ, машинально повинуясь, наклонился надъ этимъ страшнымъ лицомъ, протягивая къ нему дрожавшую руку... Рука сестры предупредила его: она опустила вѣки мертвеца, прикрыла ихъ ладонью и какъ бы замерла вся при этомъ.

Она очнулась чрезъ мигъ, взглянула на брата безконечно-скорбнымъ взглядомъ и, въ неудержимомъ порывѣ, кинулась ему на грудь.

— Володя, прошептала она съ прорвавшимся рыданіемъ,— не забывай, на чью совѣсть должно пасть это!..

XII.

Да какъ же не любить-съ, сами изволите разсудить: Алимпіада Самсоновна—барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ...

Островскій. *Свои люди, сочтемся.*

На другой день послѣ переданнаго нами читателю, часу въ одиннадцатомъ утра, у Антонины Дмитріевны въ комнатѣ ея, въ мезонинѣ, шелъ живой разговоръ со стоявшимъ предъ нею рослымъ, чуть-чуть дороднымъ, красивой наружности мущиной лѣтъ тридцати двухъ, съ небольшою русою бородкой, подстриженною щеткой, и огромными, *мужицкими*, руками, выпиравшими изъ его лиловаго цвѣта шведскихъ перчатокъ. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, въ сплошной, темносѣрый лѣтній костюмъ; синій атласный галстукъ заколотъ былъ цѣнною черною жемчужиной величиною въ ноготь; вѣнскія ботинки изъ желтой юфти обували его огромныя, какъ и его длани, ноги... Стоялъ онъ по привычкѣ къ вѣчному движенію, не дозволявшей ему и четверти часа усидѣть на мѣстѣ...

— И, сдѣлайте милость, говорилъ онъ,—не безпокойтесь ни о чемъ. Все будетъ, можете повѣрить, сдѣлано прилично и хорошо... Если сестрицѣ вашей, Настасьѣ Дмитріевнѣ, ужь непремѣнно этого требуется, мы можемъ счесться съ нею послѣ... А теперь ужь позвольте мнѣ все это взять на себя... Почитаю, такъ сказать, своимъ долгомъ... *заранѣе*, подчеркнулъ онъ со страстнымъ взглядомъ по ея адресу, и тутъ же покраснѣлъ по самые волосы.

— Можете, протянула она въ отвѣтъ съ легкою усмѣшкой... Она полулежала въ креслѣ съ закинутыми за затылокъ

руками и глядѣла на него въ упоръ своими прекрасными *аквамариновыми* глазами.—Знаете что̀, Провъ Ефремъ... Нѣтъ, перебила она себя, смѣясь,—я никогда не привыкну къ этому вашему имени!...

— Мудреное, дѣйствительно, усмѣхнулся и онъ, но брови его слегка повело: — на латинскомъ языкѣ значитъ хорошій человѣкъ... Такой я и есть, могу сказать по истинѣ, промолвилъ онъ уже совсѣмъ весело, — такимъ и здѣшній народъ меня прозвалъ, — можетъ, сами слышали: „строгъ, говорятъ, а справедливъ“...

— А вы бываете, и точно, „строги?“ спросила она, прищурясь и пристально воззрясь въ него опять.

— Случается... Съ вами никогда не случится! воскликнулъ онъ неожиданно, съ сіяющимъ отъ внезапнаго прилива счастія лицомъ.

— Я и не позволю, медленно и холодно возразила она на это.

Профъ Ефремовичъ Сусальцевъ въ свою очередь теперь пристально устремилъ на нее свои большіе каріе глаза. „Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты не позволила, кабы мнѣ вздумалось!“ словно сверкнуло на мгновеніе въ этихъ глазахъ. Но онъ какъ бы тутъ же устыдился своей мысли и нѣсколько смущенно промолвилъ:

— Вы, кажется, о чемъ-то начали было, Антонина Дмитріевна?

— Да, я хотѣла... Вы будете очень рады?

— Чему-съ? изумился онъ.

— Повезти меня съ собою въ городъ... Вѣдь вамъ туда нужно?...

— Нужно, какже... насчетъ гроба и прочее... И вы со мною желаете прокатиться? Прелесть вы моя неописанная!...

Онъ схватилъ ея руку и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Да, къ похоронамъ нуженъ трауръ, а у меня ничего чернаго нѣтъ... А, главное, уѣхать хоть на нѣсколько часовъ ото всего этого, примолвила она со внезапнымъ выраженіемъ

отвращенія на лицѣ: — я мертвыхъ, какъ ребенокъ, боюсь... мнѣ вездѣ слышится будто запахъ трупа...

Она вздрогнула:—я заболѣю непремѣнно, если это должно продолжаться болѣе сутокъ...

— Къ чему же тянуть, помилуйте; завтра, въ одиннадцатомъ часу, свеземъ на кладбище.

— Затрудненія могутъ быть, говорятъ: вѣдь онъ не своею смертью умеръ...

— Будьте покойны: затрудненія — побоку; имѣлись въ виду — и устранены. Такой случай вышелъ благопріятный. Ночевалъ я въ городѣ, на фабрикѣ... На самомъ выѣздѣ она у меня, какъ знаете... Встаю я всегда рано, а тутъ такъ случилось, что, за счетами, да перепиской, и вовсе не ложился. Вышелъ на зарѣ голову нѣсколько освѣжить. Иду по шоссе, гляжу, въ городъ тарантасъ ѣдетъ. Знакомый господинъ, вижу, товарищъ прокурора Тарахъ-Таращанскій. „Откуда?“ спрашиваю. Онъ мнѣ тутъ и объяснилъ про вашъ здѣшній... камуфлетъ... Очень я, знаете, обезпокоился за васъ, и рѣшилъ тотчасъ же сюда ѣхать; а между тѣмъ, въ предвидѣніи непріятностей, выспросилъ у него все, что и какъ, относительно вотъ этого самаго обстоятельства, что „неестественною смертью“, какъ вы говорите... Онъ, Тарахъ этотъ, баринъ, знаете, очень легонькій,—ужь такая, должно быть, у всѣхъ у нихъ порода, у этихъ судейскихъ теперешнихъ, съ добродушнымъ смѣхомъ ввернулъ говорившій, — за то съ нимъ, спасибо, все легко и оборудовать. Человѣкъ въ этомъ отношеніи самый, можно сказать, либеральный!.. Насчетъ исправника и говорить нечего: телячья голова изъ кавалеристовъ, порядковъ никакихъ не понимаетъ,— ну-съ, и крючковъ тоже отъ него никакихъ ожидать нельзя. Главная загвоздка тутъ — попъ здѣшній, онъ же и благочинный по этой мѣстности... Только съ этимъ народомъ извѣстно какой разговоръ!.. Имѣлъ я уже съ нимъ таковой: разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ... На всякій случай надлежащее свидѣтельство можно еще будетъ попросить у доктора, у Николая Иваныча, лѣчившаго покойнаго; онъ человѣкъ хорошій, конечно не откажетъ... Словомъ, заключилъ Сусальцевъ,—all right, какъ

говорятъ Джонъ-Були; проводимъ усопшаго до послѣдняго жилища, какъ слѣдуетъ по закону христіанскому, съ честью и поминовеніемъ.

Но Антонина Дмитріевна не слушала его и преслѣдовала свое въ головѣ:

— Я бы часу лишняго не хотѣла провести здѣсь послѣ похоронъ, сказала она:—придумайте, какъ это сдѣлать; вы человѣкъ практическій.

Онъ глянулъ стремительно ей въ лицо и покраснѣлъ опять по самыя уши.

— Очень просто, отвѣтилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—переѣзжайте въ Сицкое.

— Къ вамъ? Одна? вскликнула она, будто изумившись,—потому что сестра Настя ни за что не согласится...

— А хотя бы однѣ!.. Церковь у меня тутъ же въ домѣ, Антонина Дмитріевна, поспѣшилъ онъ прибавить, испугавшись вдругъ „неприличія“, какъ подумалось ему, своего предложенія:—когда лишь захотите назначить... не гостьей, хозяйкой станете въ этомъ самомъ Сицкомъ жить...

Она, словно застыдившись вся, поспѣшно опустила глаза.

— Не мнѣ, а вамъ... назначить слѣдуетъ, пролепетала она невиннымъ голосомъ пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Провъ Ефремовичъ нежданно всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ рухнулъ ей въ ноги:

— За это слово милліона мало! вскликнулъ онъ въ неописуемомъ восторгѣ:—впервой рѣшились вы наконецъ подарить меня имъ. А то было у насъ все будто кончено, а рѣшительнаго, послѣдняго,—вотъ этого самаго,—недоставало... Красавица вы моя желанная, женушка названная,—онъ безумно цѣловалъ ей колѣни,—такъ *отъ меня*, отъ *меня* зависитъ?.. Извольте! Чрезъ три дня,—дольше терпѣть душа не въ силахъ!..

— „Чрезъ три дня“, повторила Антонина все тою же невинною интонаціей,—какой вы рѣшительный!.. Я впрочемъ такихъ люблю! усмѣхнулась она, и рука новой Далилы какъ бы невольнымъ порывомъ нѣжности пробѣжала по щетинѣ волосъ Самсоновой головы, преклоненной предъ нею. Алыя губы

ея коснулись уха Сусальцева и прошептали чуть слышно:—хорошо, я согласна!..

Онъ вскинулъ голову вверхъ, ухватилъ ее за станъ своею огромною рукой, привлекъ къ себѣ и такъ и впился губами въ ея губы.

Она оттолкнула его, вскрикнула отъ нѣожиданности и гнѣва:

— Мужикъ! вырвалось у нея... Но тотчасъ же, сдержавшись:—хоть бы позволенія попросилъ сначала! примолвила она мягко, съ капризною ноткой въ голосѣ, давая этимъ оброненному ею жесткому слову значеніе шутки.

Онъ между тѣмъ вскочилъ на ноги, ударилъ себя ладонью по широкой груди:

— Эхъ вы, кисейная барышня, мужики-то получше вашихъ бояръ умѣютъ любить!..

— Это я вижу, сказала она, и Провъ Ефремовитъ мгновенно, какъ ледъ подъ лучами весенняго полудня, растаялъ и расплылся весь предъ тою неотразимою улыбкой, съ которою она теперь взглянула на него:

— Нѣтъ у меня противу васъ ни воли, ни разсудка, вотъ что̀ я вамъ скажу-съ, проговорилъ онъ страстно и досадливо:—въ бичевку вы меня, чувствую, скрутить можете... а куда ужь я, кажись, на мягкую пряжу не похожъ! разсмѣялся онъ громко своему сравненію:—такъ ужь вы меня, барышня, поберегите сами немножко!

— А вотъ вы сядьте тутъ, противъ меня,—что̀ это у васъ за привычка вѣчно на ногахъ торчать, точно башня какая-то; затылокъ заболитъ глядѣть на васъ снизу! Садитесь и поговоримъ толкомъ...

— Сѣлъ-съ! возгласилъ онъ съ веселою покорностью, опускаясь на стулъ прямо противъ ея кресла и укладывая каждую изъ рукъ своихъ на каждое изъ своихъ колѣнъ.

Она продолжала улыбаться ему своею очаровательною улыбкой:

— Вы вотъ сказали: „чрезъ три дня“, и я согласилась. Но развѣ это можно?

— Почему не можно?

— Нужны формальности...

— Это точно, коли у кого въ карманѣ грошъ. А если деньги, такъ всю эту формальность не то въ три дни, въ три часа обдѣлать можно.

— Положимъ... Но мнѣ, напримѣръ, посаженые отецъ и мать нужны, шаферъ...

— Вопросъ, дѣйствительно!..

Онъ качнулъ головой:—Вы какъ желаете, чтобы пофорсистѣе было, или попроще?

Она невольно поморщилась:

— Что это за выраженіе „пофорсистѣе“ и для чего вы меня спрашиваете?

— За выраженіе извините, дѣйствительно *мужицкое*, другой разъ не скажу. А спрашиваю потому, что если съ шикомъ справлять свадьбу, такъ вамъ Бориса Васильича Троекурова съ супругой въ посаженые пригласить надобно: первыя лица по здѣшнему мѣсту.

— Никакихъ Троекуровыхъ и никакого *шика!* пылко возразила она:—и никого на свадьбѣ, кромѣ необходимыхъ лицъ.

— Самъ я такъ полагалъ... особенно въ виду того, что только-что вотъ, скажутъ, отца похоронили... Хорошо-съ, перебилъ онъ себя:—въ такомъ случаѣ Николая Ивановича Ѳирсова, доктора, просите съ супругой: люди подходящіе, простые...

— Пожалуй, молвила Антонина съ легкою гримасой.

— All right! Ну-съ, а теперь на счетъ шафера... Имѣете кого въ примѣтѣ?

Словно какая-то змѣйка пробѣжала у нея въ глазахъ; она прищурилась, прикусила губу и чуть-чуть повела головой:

— Есть.

— Кто таковъ?

— Юшковъ, Григорій Павловичъ; вы его знаете?

— Предводителя старика сынъ, земецъ нашъ? Знаю! Что же, малый отличный.

— Вы находите? сказала она насмѣшливо.

— Чего-жь не находить! Про него худа не слышно. Предсѣдателемъ въ управу думаемъ его даже выбрать.

Антонина Дмитріевна закачала головой.

— Только онъ не пойдетъ, сказала она.

— Куда это: въ предсѣдатели управы?

— Нѣтъ, ко мнѣ въ шафера.

— Во! Почему такъ?

— Потому, что я выхожу за васъ.

— За „мужика!“

У Сусальцева глаза засверкали.

Она лукаво значительнымъ взглядомъ глянула на него:

— Если бы вы даже были великій князь,—все равно.

Онъ понялъ и широко, добродушно осклабился:

— Ривалъ, значитъ, мнѣ былъ! Чтò-жь, губа-то у него не дура, сказать по правдѣ...

Онъ наклонился, протягивая руку къ ея рукѣ:— *Позволенія прошу*, подчеркнулъ онъ со смѣхомъ.

Она милостиво поднесла ему теперь сама эту руку свою подъ губы. Онъ съ преувеличенною почтительностью приложился къ ней и, удерживая ее въ своей:— А дозволено будетъ спросить, молвилъ онъ со внутреннею тревогой, которую она тотчасъ же угадала подъ его веселымъ тономъ, — почему у васъ съ этимъ самымъ Григоріемъ Павловичемъ Юшковымъ дѣло не вышло?

— То-есть, почему я не вышла за него замужъ?

— Вы сказали, красавица моя!

— Почему? повторила она—и такъ и погрузилась глазами въ его глаза: — потому, что сила силы ищетъ, а онъ тряпка!

Сусальцевъ прыгнулъ съ мѣста, ударяя себя ладонью о ладонь въ порывѣ восхищенія:

— Сказали-то вѣдь какъ мѣтко: „сила силы ищетъ“! Какъ свайкой въ самое кольцо хватили... Богатырь вы у меня просто, прелесть моя!...

Онъ сѣлъ опять, счастливый, польщенный, радостный...

— Ну, значитъ, и не нужно намъ Григорья Павловича! Поищемъ другаго... Прикажете, я вамъ моего Потемкина представить могу. Старенекъ, на ноги палъ маленько, а господинъ совсѣмъ приличный, холостой, шаферскую должность исправить еще можетъ отлично.

— Какой „Потемкинъ“? съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

Онъ расхохотался:

— Потемкинъ, извѣстно, *фаворитъ* былъ, такъ я этимъ самымъ прозвищемъ барина этого и зову; фамилія ему Зяблинъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, аристократъ тоже,—потому онъ въ той же *фаворитской* должности вѣкъ свой провелъ, а теперь на подножномъ корму, такъ сказать, остался.

— Почему вы его *вашимъ* называете?

— А такъ, продолжалъ смѣяться Провъ Ефремовичъ,—что я его, почитай, съ имѣніемъ, съ этимъ самымъ Сицкимъ, пріобрѣлъ. Купилъ я его, какъ вамъ извѣстно, у одного князька безпутнаго, Шастуновъ по фамиліи, за полцѣны купилъ, сказать по истинѣ... Одинъ лѣсъ тамъ всѣхъ моихъ денегъ стоитъ, увидите!... Ну-съ, а какъ купилъ я, да въѣхалъ туда хозяиномъ, узнаю, старичекъ тамъ одинъ во флигелѣ обрѣтается на жительствѣ. Ни управитель, ни въ должности какой, а такъ, докладываютъ мнѣ, живетъ съ самой смерти княгини покойницы, матери, то-есть, моего продавца. А баба эта, слышно, кулакъ была, милліончика два сыну оставила; ну, а онъ, извѣстно, по дворянскому обычаю, живо, годиковъ въ пять, въ шесть, все это въ трубу спустилъ... Такъ у этой княгини, узналъ я, жилъ въ фаворитахъ лѣтъ двадцать сряду этотъ самый баринъ, Зяблинъ, и все, говорятъ, водила она его обѣщаніемъ выйти за него замужъ. Выйти не вышла, да и обезпечить его не подумала. Хватило ее въ одинъ прекрасный день ударомъ, какъ громомъ, пикнуть не успѣла. А онъ такъ и остался, какъ ракъ на мели: ни спереди, ни сзади ничего нѣтъ, и головы приклонить некуда... Такъ и застрялъ онъ тутъ въ своемъ флигелѣ, въ родѣ старой мебели. Князекъ, въ память матери, велѣлъ его не трогать и довольствіе ему отпускать. Ну, можете представить, какое ужь тутъ довольствіе, въ пустой усадьбѣ: щи, да баранины кусокъ носили отъ управляющаго,—а человѣкъ-то на серебрѣ, Французомъ-поваромъ изготовленное кушанье ѣсть привыкъ,—тяжело-съ!... Пожелалъ я съ нимъ познакомиться; вижу—человѣкъ воспитанный, деликатный: и робость-то въ немъ, и гоноръ барскій при нищетѣ,

все это, знаете, сразу видать... „Вы, говоритъ онъ мнѣ, сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь, я могу сегодня же выѣхать отсюда“. — „Куда же вы, говорю, думаете?“ А онъ мнѣ на это: — „Все равно, говоритъ, и на улицѣ умереть можно“... Меня, скажу вамъ-съ, всего будто перевернуло отъ этихъ словъ, жалость такая взяла... „А я такъ думаю, говорю ему, что вамъ здѣсь все же покойнѣе, чѣмъ на улицѣ будетъ, и насчетъ смерти тоже повременить можно, а какъ если не побрезгуете моимъ обществомъ, такъ я очень радъ буду; вдвоемъ, говорю, извѣстно, позабавнѣе будетъ время волочить“... Такъ онъ у меня и живетъ четвертый годъ.

— Что же, онъ васъ въ самомъ дѣлѣ очень „забавляетъ“? уронила насмѣшливо Антонина.

Сусальцевъ поморщился:

— Да вы, какъ это, можетъ полагаете, что я его у себя въ родѣ шута держу? Очень ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Не таковъ, во-первыхъ, у меня *характеръ*, да и шутовъ-то вообще въ нашемъ коммерческомъ мірѣ въ настоящее время встрѣтить можно развѣ только въ комедіяхъ господина Островскаго; мода на нихъ давно прошла, повѣрьте слову!.. А насчетъ Евгенія Владиміровича Зяблина, такъ если я въ шутку—и то не въ глаза ему,—Потемкинымъ его называю, такъ въ дѣйствительности-то я къ нему, скажу вамъ откровенно, какъ къ родному привязался. Баринъ, говорю, воспитанный, деликатный, и въ домѣ его не слышно... Одна слабость...

— „Слабость“, какъ бы испуганно повторила дочь покойнаго Дмитрія Сергѣевича Буйносова.

— Самая невинная, не безпокойтесь, разсмѣялся опять ея собесѣдникъ:—туалетъ. По цѣлымъ часамъ проводитъ старичекъ у зеркала, галстуки новенькіе повязываетъ, да ботинки примѣряетъ... Открылъ я ему кредитъ, до 800 рублей, у портнаго моего и сапожника въ Москвѣ,—онъ и блаженствуетъ... Такъ вотъ-съ, если вамъ угодно будетъ его себѣ въ шафера взять, онъ такимъ джентльменомъ выйдетъ вѣнецъ надъ вами держать, что лучше и не надо.

— Я очень рада буду, сказала Антонина Дмитріевна, по-

молчала и чрезъ минуту:—А послѣ свадьбы куда мы съ вами? спросила она небрежнымъ тономъ.

Сусальцевъ нѣсколько оторопѣлъ:

— Я полагалъ, поживемъ въ имѣніи... Вѣдь у меня въ Сицкомъ домъ дворецъ, Антонина Дмитріевна, добавилъ онъ въ видѣ убѣждающаго довода.

— Знаю... но я думала...

— Что вы думали, красавица моя? Какъ прикажете, такъ и будетъ!

— Я полагаю, что такъ какъ мы думаемъ жениться тотчасъ послѣ... *этой смерти*, здѣсь кругомъ всякіе толки пойдутъ, вы сами сейчасъ упомянули объ этомъ. Я вообще глубоко равнодушна къ тому, что про меня могутъ сказать; вы, не знаю!.. Во всякомъ случаѣ лучше, чтобы ни до васъ, ни до меня не доходили пока никакіе людскіе пересуды и сплетни. А для этого, по-моему, самое разумное уѣхать.

— И то дѣло, согласился онъ съ полувздохомъ.—Куда же прикажете?

— За границу.

— Можно!.. Въ мѣстечко Парижъ, первымъ дѣломъ, разумѣется? Могу послужить вамъ надежнѣйшимъ гидомъ. За науку много тамъ денегъ просадилъ...

— Вы говорите свободно по-французски? сочла нужнымъ справиться Антонина.

— Говорю... А по-англійски и совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ Провъ Ефремовичъ:—отецъ покойный три года выдержалъ меня *на конторѣ* у мистера Броули и К° въ Лондонѣ... А для чего это вы меня спросили, говорю-ли я по-французски? молвилъ онъ черезъ мигъ.

— Хотѣла знать...

Не совсѣмъ искренняя усмѣшка пробѣжала по его губамъ:

— Боитесь, чтобъ я въ обществѣ держать себя прилично не умѣлъ?.. Будьте покойны, прелесть моя: не посрамимъ земли Русской и Богомъ данной намъ аристократки-женушки.

Онъ еще разъ наклонился къ ея рукѣ и поцѣловалъ ее съ тою преувеличенною галантерейностью, съ какою на французскихъ сценахъ изображаются маркизы и герцоги ancien

régime. Онъ все это очевидно отмѣтилъ въ памяти въ пору побывокъ своихъ въ Парижѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ молодые годы много денегъ „за науку просадилъ“ съ „артистками“ *Délassements comiques* и иныхъ подобныхъ бульварныхъ театровъ.

— Перестаньте вздоръ говорить, сказала Антонина, шутливо ударивъ его пальцами по рукѣ,—а распорядитесь лучше, чтобы коляску вашу подавали. Ѣхать въ городъ, такъ сейчасъ. Ступайте, а я одѣнусь и сойду къ вамъ на крыльцо.

— Повинуюсь моей повелительницѣ!...

Онъ все такъ же преувеличенно церемонно расшаркнулся предъ нею и вышелъ изъ комнаты своею увѣсистою, слегка вздрагивавшею, какъ бы отъ преизбытка силы, походкой.

„Повелительница“ его вдумчиво, нахмуреннымъ и долгимъ взглядомъ повела ему вслѣдъ, потянулась въ своемъ креслѣ, высоко поднявъ руки надъ головой, и, какъ бы отъ неодолимаго утомленія уронивъ ихъ разомъ на колѣни, прошептала:

— Уфъ, какъ съ нимъ трудно будетъ!...

XIII.

Quo vos vi, e quo vos vey!...
Изъ поэзіи трубадуровъ.

Sunt lacrymae rerum.

Борисъ Васильевичъ Троекуровъ часа полтора назадъ вернулся во Всесвятское изъ своего малороссійскаго имѣнія, куда онъ уѣхалъ только дней за десять предъ тѣмъ и гдѣ думалъ прожить съ мѣсяцъ времени, но откуда поспѣшно примчался назадъ, испуганный телеграммой жены, извѣщавшей его, что сынъ ихъ, тринадцатилѣтній Вася, заболѣлъ сильнымъ дифтеритомъ.

Опасенія оказались преувеличенными. Вернувшійся отецъ, прямо изъ коляски пробѣжавшій въ комнату мальчика, нашелъ его уже совершенно здоровымъ, и Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, котораго онъ засталъ тутъ вмѣстѣ съ Александрой Павловной, воспользовался случаемъ сдѣлать „*при генералѣ* жесточайшую“, какъ выражался онъ, „сцену *его барынѣ*“ за ея „вѣчные, *безсмысленные* страхи“ и за то, „какъ она *осмѣлилась*, безъ вѣдома его, врача, *отвѣчающаго за все*, послать мужу *лживую* телеграмму“.

Громкій, веселый смѣхъ присутствующихъ — обычное во Всесвятскомъ послѣдствіе „грубостей“ добряка-доктора—отвѣчалъ на его выходку. Но толстякъ долго не хотѣлъ успокоиться и, уйдя отъ Васи вслѣдъ за Троекуровымъ въ его кабинетъ, продолжалъ, расхаживая вдоль и поперекъ комнаты, язвить *невыносимый нравъ* Александры Павловны, у которой-де „букашка вѣчно выходитъ *Монбланъ*, *что въ Швейцаріи*“.

Хозяинъ, слушавшій его и шутливо отъ времени до времени поддакивавшій ему изъ-за растворенной двери своей спальни, гдѣ онъ теперь совершалъ омовенія послѣ дороги и перемѣнялъ бѣлье, но которому это наконецъ начинало надоѣдать, счелъ нужнымъ перемѣнить разговоръ:

— А что у насъ новаго здѣсь? спросилъ онъ.

— „Новаго!“ повторилъ Ѳирсовъ, останавливаясь на-ходу и какъ бы весь встряхиваясь отъ удовольствія, доставленнаго ему этимъ вопросомъ (онъ былъ „живая мѣстная газета“, какъ называлъ его Троекуровъ): — коробъ цѣлый успѣли набрать, ваше превосходительство, за недѣлю вашего отсутствія.

— Вотъ какъ! Напримѣръ?

— Перво-наперво — поимка политическаго преступника, съ переодѣваньями, прятаньемъ въ подземелье, стрѣльбой и прочими бенгальскими огнями, какъ слѣдуетъ быть мелодрамѣ; второй актъ, самоубійство старца; третій, похороны и пиръ въ три этажа по этому случаю. Апоѳеозъ—неожиданная свадьба. И все это въ четыре дня времени! Живо? По *сенсаціонности* „событіямъ изъ американской жизни“, какъ пишется въ газетахъ, не уступитъ, а?..

Борисъ Васильевичъ, вымытый, переодѣтый, вышелъ изъ спальни, присѣлъ къ своему письменному столу и, закуривая папироску:

— Что такое, разсказывайте! промолвилъ онъ съ обычною ему сдержанностью тона.

Докторъ со свойственными ему въ свою очередь кудреватостію и обиліемъ рѣчи пространно передалъ о „катастрофѣ“ въ усадьбѣ Буйносовыхъ.

— Это ужасно! вырвалось съ невольною дрожью у его слушателя.

— Я предвидѣлъ, что онъ этимъ кончитъ, бѣдный старецъ, молвилъ Ѳирсовъ,—и предварялъ дочь, Настасью Дмитріевну, чтобъ она глядѣла за нимъ въ оба, что она и дѣлала, надо ей въ этомъ отдать справедливость... Да тутъ случилась эта исторія поимки брата ея, нигилиста... минутки не доглядѣла, а тотъ и... Эта Настасья Дмитріевна изо всей семьи одна заслуживаетъ сочувствія и даже уваженія... хотя

и съ нея этою нигилятиной маленько каплетъ, да все она человѣкъ, а вѣдь тѣ...

— Что она думаетъ дѣлать?

— И сама, полагаю, не знаетъ пока... Вотъ осмотрится...

— Не нужно-ли ей чего? спросилъ, какъ бы застыдясь и глядя себѣ въ ногти, Борисъ Васильевичъ.

Докторъ понялъ и махнулъ рукой:

— Не приметъ! Гордости у нея во сколько!— онъ показалъ себѣ на горло:— въ актрисы все собиралась...

— А сестра ея?

— Сестра? повторилъ со внезапнымъ смѣхомъ толстякъ:— а это вотъ самое интересное. Послѣ всей этой катастрофы положеніе дѣвицъ, изволите понимать, оказалось не особенно утѣшительнымъ. Въ домѣ ни гроша мѣднаго; отецъ чуть не на глазахъ полиціи руку на себя наложилъ, значитъ, лишенъ по закону христіанскаго погребенія; брата въ ту же ночь забрали жандармы. Хоть волкомъ вой вѣдь въ такомъ казусѣ; какъ быть, къ кому прибѣгнуть?.. И тутъ-съ неожиданно,— я-то впрочемъ объ этомъ ранѣе зналъ,— какъ кукла изъ табакерки выскакиваетъ молодчина, купецкій сынъ, извѣстный вамъ Провъ Ефремовъ Сусальцевъ, и, знаете, какъ въ пѣснѣ солдатской поется: „прилетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ“. Кого попросилъ, кого подмазалъ, похороны безпрепятственно справилъ, а послѣ похоронъ закатилъ въ городѣ,— Настасья Дмитріевна, да и та тоже, Антонина, ни за что не хотѣли поминальнаго обѣда у себя въ домѣ,— закатилъ, говорю, пиръ въ три этажа, на который пригласилъ все наше чиновничество и земство и за шампанскимъ, вставъ въ ростъ, объявилъ намъ...

— И вы тамъ были? усмѣхнулся Троекуровъ.

— Какъ не быть! Я тутъ въ нѣкоторомъ родѣ главную роль играю; слушайте дальше!... Объявилъ намъ, говорю, что „онъ имѣетъ честь вступить чрезъ два дня въ бракъ со старшею дочерью того достойнаго лица, которому только-что отданъ послѣдній христіанскій долгъ, Антониной Дмитріевною Буйносовой, и считаетъ по этому случаю своимъ долгомъ

принести сердечное извиненіе своимъ *одноземцамъ и вообще достопочтеннѣйшимъ лицамъ здѣприсутствующимъ*“— такъ и выразился, буквально,—„за то, что не имѣетъ возможности пригласить ихъ на *свадебное торжество*, такъ какъ, вслѣдствіе семейнаго горя, *постигшаго* будущую жену его, торжество это можетъ произойти лишь въ самомъ тѣсномъ родственномъ кружкѣ „и, такъ сказать, *инкогнито*“. Не вру, такъ и отпустилъ—нарочно, примолвилъ Θирсовъ,—потому малый онъ далеко не глупый и не безграмотный, а выдавать себя за простячка и тѣмъ легче людей морочить страсть любитъ!... Послѣ этого вынимаетъ онъ какое-то письмо изъ кармана, съ глубокимъ поклономъ передаетъ его мнѣ, я какъ разъ противъ него за столомъ сидѣлъ, и обращается торжественно съ рѣчью: „Позвольте-молъ, высокоуважаемый Николай Ивановичъ, передать вамъ заключающуюся въ этихъ собственноручныхъ строкахъ къ вамъ нареченной невѣсты моей Антонины Дмитревны просьбу ея, какъ не имѣетъ она никого въ эту минуту болѣе близкихъ ей, и по особому уваженію своему къ вамъ, сдѣлать ей честь принять на себя быть ей за отца при бракосочетаніи ея со мною, а также передать достойнѣйшей супругѣ вашей, Анфисѣ Дмитріевнѣ, таковую же просьбу удостоить быть у нея замѣсто матери...“ И замѣтьте, шельмецъ, какъ ловко подвелъ, передавая мнѣ эту просьбу и письмо ея при всѣхъ и врасплохъ, чтобъ я, въ случаѣ чего, и предлога не успѣлъ найти къ отказу...

— Ну, и что же свадьба?

— Перво-наперво выѣхали мы туда, часу въ одиннадцатомъ, въ великолѣпномъ экипажѣ, ландо, который онъ прислалъ за нами. Проѣхали пятнадцать верстъ въ какія-нибудь двадцать пять минутъ; кони—черти! Хорошо-съ! Подкатили подъ крыльцо. Глядимъ, вышелъ встрѣчать насъ невообразимый франтъ какой-то, въ перчаткахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, усы въ сосульку помадою прикрученные. Шляпу снялъ, расшаркивается и мямлитъ что-то непонятное. А лицо—что твое яблоко печеное и ножки отъ ветхости подвертываются. Воззрился я въ него... Батюшки, да это Зяблинъ,—знаете, тотъ, что при старухѣ Аглаѣ въ должности помпадура со-

стоялъ; находится онъ теперь у Сусальцева въ томъ же Сицкомъ на положеніи не то пріятеля, не то метрдотеля... Поняли мы изъ его жестовъ, что хозяинъ насъ на верхъ проситъ. Пошли. По лѣстницѣ бѣжитъ навстрѣчу намъ *самъ*. Жену мою сейчасъ подъ руку и ведетъ въ гостиную знакомить съ невѣстой; та съ похоронъ отца за два дня предъ тѣмъ на жительство къ нему переѣхала. Очень любезна, само собой, благодаритъ насъ и, какъ настоящая уже хозяйка, предлагаетъ повести насъ и бывшихъ еще тутъ посаженыхъ *самого*, тетку его какую-то старую и дядю-глухаря, домъ осмотрѣть. *Самъ*, услыхавъ это, такъ и просіялъ. „На половину, говоритъ, князь Ларіона ведите“! Этотъ самый князь Ларіонъ Шастуновъ, значитъ, о которомъ вамъ извѣстно отъ Василія Григорьевича Юшкова; ну а что онъ за баринъ былъ такой—моему Прову, разумѣется, не вѣдомо. „Пожалуйте“, только говоритъ, и Анфису мою опять подъ руку... Вижу, и мнѣ тоже надо, подвернулъ локоть калачикомъ, подхватилъ Антонину,—зашагали... Ну-съ, палаты барскія—одно слово!.. И не съумѣю вамъ просто выразить, Борисъ Васильевичъ, какъ тяжело мнѣ тутъ стало вдругъ, сказалъ докторъ, и въ голосѣ его нежданно послышалась далеко не привычная ему невеселая нота.—Не родился я бариномъ, какъ вамъ извѣстно, и никакихъ особенно аристократическихъ инстинктовъ въ себѣ до сихъ поръ не замѣчалъ. А тутъ мнѣ какъ бы обидно за *прошлое* стало, за то, что въ этихъ палатахъ со всѣхъ стѣнъ будто живымъ словомъ говоритъ... Сынъ этотъ Аглаинъ, шушера, должно быть, безмозглая, продалъ заглазно Сусальцеву имѣніе съ усадьбой все какъ-есть, со всѣмъ въ ней находившимся, не выговоривъ себѣ, хотя бы на память о родѣ своемъ, ни единой вещицы отъ предковъ... И все это такъ тутъ и осталось на этой половинѣ „князь Ларіона“: портреты ихъ семейные, Матушка-Екатерина во весь ростъ, генералы на коняхъ въ звѣздахъ и лентахъ—времени ея орлы, бюсты мраморные, миніатюры, картины чудесныя...

— Знаю, перебилъ, сдвинувъ слегка брови, Троекуровъ,— я все это хотѣлъ купить у Шастунова послѣ смерти его матери, но онъ не согласился, и вслѣдъ затѣмъ, какъ меня

извѣстили, поспѣшилъ покончить съ Сусальцевымъ... Онъ очевидно *мнѣ* не хотѣлъ продать...

— Отчего такъ?

И у любопытнаго доктора такъ и запрыгали брови.

Борисъ Васильевичъ только плечомъ пожалъ, и мимолетная, не то презрительная, не то унылая усмѣшка скользнула подъ его полусѣдыми усами.

— Что же Провъ Ефремычъ, спросилъ онъ тутъ же, — очень чуфарится доставшимся ему наслѣдіемъ Шастуновыхъ?

— Ходитъ кругомъ, какъ медвѣдь по гумну, пальцемъ тычетъ: „Взгляните, говоритъ, вотъ на этотъ портретецъ: *сочно* какъ писано!“ Про *сочность*-то онъ отъ кого нибудь слыхалъ, а кѣмъ писано и кто писаный — ничего онъ про то не знаетъ и ничего-то это ему не говоритъ. Батька его въ Вятской губерніи лыкомъ торговалъ, съ того богатѣть началъ что на 500 верстъ кругомъ липовые лѣса ободралъ, такъ что о нихъ теперь и помину въ тѣхъ мѣстахъ не осталось. Одну онъ эту родовую доблесть и завѣщалъ сынку. Такъ этотъ, знаете, ходитъ теперь посередь тѣхъ ликовъ мраморныхъ и писаныхъ, да и думаетъ, должно быть, про себя: „тѣ, съ коихъ васъ тутъ сняли, господа были большіе, воины знаменитые, кровью своей и дѣлами Россію великою сдѣлали, а вотъ я, вахлака-кулака сынъ, въ хоромахъ ихнихъ теперича хозяиномъ состою, потому, значитъ, пришло наше царство мужицкое, и *мы* теперь на мѣсто ихъ потомковъ сядемъ“...

Троекуровъ одобрительно кивнулъ на эти слова и спросилъ опять:

— Ну, а супруга его теперешняя что?

— Про нее что говорить! Какъ рыба въ родной стихіи въ этой роскоши себя чувствуетъ; большая барыня изъ нея такъ свѣтомъ и свѣтитъ, хотя по званію и *купецкая жена* она теперь... Покажетъ она Прову видовъ, да и отполируетъ его при этомъ, пожалуй. Онъ, полагаю даже такъ, не безъ этого разсчета и жениться на ней вздумалъ, между прочимъ, потому, говорю, малый по природѣ далеко не глупый и не безъ амбиціи...

— А курьезный она экземпляръ женщинъ новой фор-

маціи, насколько я могъ замѣтить, когда она еще ѣздила сюда съ отцомъ, вдумчиво сказалъ Борисъ Васильевичъ: — изъ нея будто воздушнымъ насосомъ всю женскую *сущность* вытянули и въ жилы вмѣсто крови накачали какого-то vinaigre de toilette съ подмѣсью доли крѣпкой водки. Цинизмъ безсердечія, который она любитъ выказывать, совершенно въ ней искренненъ, и доходитъ у нея даже до извѣстнаго градуса дѣйствительной силы: она многихъ покоритъ въ теченіе своей жизни, но едва-ли найдется, кто покорилъ бы ее въ свою очередь.

— Я такихъ бы въ пеленкахъ еще придушивалъ! пробурчалъ съ сердцемъ Ѳирсовъ.

Собесѣдникъ его разсмѣялся:

— А еще посаженымъ отцомъ у нея былъ. Хорошъ!

— Былъ-съ, дѣйствительно, разсмѣялся и докторъ,—и не только посаженымъ, а и за шафера, противу всякаго закона, все время, почитай, выстоялъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что шаферомъ у невѣсты назначенъ былъ этотъ самый помпадуръ бывшій, Зяблинъ, да ужь больно ветхъ оказался на эту должность. Какъ вынесъ попъ вѣнцы, да пришлось ему руку, во всю длину вытянувъ,—рослая вѣдь она, знаете,—на цыпочки подняться съ этимъ вѣнцомъ надъ нею, не выдержалъ старый франтъ: ноженьки подогнулись, рука туда, сюда... Думаю, или по головѣ ее сейчасъ хватитъ обручемъ мѣднымъ, или самъ свалится. А рядомъ съ нимъ женіховъ шаферъ, родня ему какой-то, верзила здоровенный; ему бы, олуху, сейчасъ товарищу въ помощь притти, подхватить у него вѣнецъ другою рукой, да продержать, пока тотъ отдохнетъ, а онъ стоитъ истуканомъ, глазами въ затылокъ Прова упершись, не видитъ ничего. Ну, а я тутъ сзади съ Анфисою стою по званію нашему посаженыхъ. Вижу, плохо дѣло, подскочилъ, взялъ у Зяблина вѣнецъ, держу... А онъ и совсѣмъ осовѣлъ, отошелъ назадъ, на стулъ опустился... Я такъ все время и отбылъ за него, и кругомъ налоя за ними крутился... съ животомъ этто моимъ, можете себѣ представить! Анфиса моя чуть не задохлась, зажимая себѣ ротъ платкомъ, чтобы не наскандалить смѣхомъ на всю церковь... Ужь за то

что хохоту было потомъ, за завтракомъ, когда старый франтъ сталъ извиняться предъ новобрачной, увѣряя ее, что „зрѣлище счастія, ожидающаго единственнаго друга его, Прова Ефремовича, такъ глубоко взволновало его, что онъ не могъ удержать своихъ слезъ и, какъ въ туманѣ, передалъ *на нѣсколько мгновеній, не помнитъ кому*, вѣнецъ, который держалъ надъ головой *прелестной новобрачной*“... Ну-съ, а послѣ завтрака, поспѣшилъ докончить Ѳирсовъ, замѣтивъ выраженіе какъ бы нѣкоторой скуки на лицѣ своего патрона, — подкатилъ подъ крыльцо великолѣпный дорожный дормезъ, выписанный Провомъ по телеграфу изъ Москвы, единственно для переѣзда съ молодою женой изъ Сицкаго въ городъ, двѣнадцать верстъ всего-съ, а тамъ сѣли они на желѣзную дорогу и покатили.

— Куда?

— За границу.

— А! Надолго?

— Я вотъ съ этимъ самымъ вопросомъ обратился къ Прову; только вмѣсто него она мнѣ отвѣтила: „А сколько, говоритъ, *мнѣ* поживется!...“ Подольше бы, матушка, подумалъ я тутъ,—тѣмъ намъ пріятнѣй!..

— А вамъ что?

Онъ повелъ губами:

— Я все, знаете, въ виду нашего... Григорія Павлыча...

Борисъ Васильевичъ иронически усмѣхнулся:

— Дитятку отъ лихорадки оберегаете?

— Подальше отъ зла, все лучше, знаете...

— А мужественно схватиться съ нимъ грудь о грудь и побороть его — нѣтъ!.. Удивительное переживаемъ мы время! Сильныхъ бойцовъ оно даетъ лишь на гибель и преступленія, а въ противоположный лагерь подставляетъ однихъ какихъ-то... сладкопѣвцовъ Сикстинской капеллы, чтобы выразиться прилично, не годныхъ ни на какую борьбу, безвластныхъ надъ самими собою...

Онъ оборвалъ, примолкъ на минуту и договорилъ:—Если-бъ этой барынѣ вздумалось его только пальцемъ поманить, Григорій Павловичъ вашъ промучился бы и простоналъ бы сут-

ки цѣлыя, забившись въ какой-нибудь уголъ, а на другія помчался бы начетверенькахъ за нею за границу, хотя бы это должно было стоить жизни старику отцу его!..

Николай Ивановичъ Ѳирсовъ открылъ было ротъ для возраженія, но не нашелъ или не хотѣлъ высказать его и только вздохнулъ; вслѣдъ затѣмъ, вытащивъ часы, проговорилъ скороговоркой: „А мнѣ въ больницу пора“, и торопливо вышелъ изъ кабинета.

XIV.

И какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.
Пушкинъ.

Борисъ Васильевичъ остался одинъ.

Онъ оперся локтемъ о ручку кресла и головой объ руку, закрылъ глаза—и впалъ въ глубокое раздумье...

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разстались мы съ нимъ, читатель, и десять съ того времени, когда онъ снова, генераломъ въ отставкѣ, водворился на постоянное жительство въ своемъ Всесвятскомъ, покидая его лишь изрѣдка для недолгихъ поѣздокъ за границу на морскія купанья или въ Рагацъ, гдѣ онъ лѣчился отъ испытываемыхъ имъ въ довольно сильной степени нервныхъ страданій,—послѣдствій тяжкой раны въ черепъ, полученной имъ въ лѣсахъ Люблинской губерніи, во время польскаго мятежа... Ему въ настоящую минуту минуло сорокъ семь лѣтъ. Не смотря на почти сплошную сѣдину волосъ его и бороды, онъ все еще казался свѣжъ и моложавъ на видъ; но въ глазахъ, глубоко ушедшихъ теперь подъ полукругъ бровей, не сверкалъ уже прежній, непреклонный блескъ стали; его замѣнилъ сдержанный, какъ бы безотрадный пламень мысли, прошедшей чрезъ суровую внутреннюю работу...

Тревога, причиненная ему телеграммой жены, безсонная ночь въ вагонѣ, разсказъ доктора о смерти старика Буйносова и наконецъ разговоръ о Гришѣ Юшковѣ, все это ударило опять по его нервамъ и болѣзненно натянуло ихъ... Онъ

былъ не доволенъ собою, „рѣзкостью“ сужденія, выговореннаго имъ сейчасъ о молодомъ человѣкѣ, горячую привязанность котораго къ себѣ онъ зналъ и въ которомъ самъ—давно-ли еще это?—видѣлъ будущаго зятя... Нѣтъ, конечно, не такого „нетвердаго на своихъ ногахъ“ спутника жизни нужно его Машѣ,—и „Александра Павловна согласится съ нимъ“... Но имѣлъ-ли право онъ, Троекуровъ, относиться такъ несниходительно къ тому, что̀ заставило бы, какъ выразился онъ, этого молодаго человѣка „побѣжать начетверенькахъ“ за чужою женой, за женщиной, къ тому же не любившею его? Ту же вѣковѣчную повѣсть безсмысленной или преступной, но поглощающей, но неодолимой страсти, не довелъ-ли онъ самъ ее нѣкогда до послѣдней страницы, и при какихъ условіяхъ, при какихъ отягчающихъ обстоятельствахъ! Гриша свободенъ;—*онъ* былъ женатъ, отецъ семейства, онъ губилъ—безпощадно сознательно, „мерзко“ губилъ—не одного себя, и не палъ окончательно въ бездну не по своей волѣ...

Много воды утекло съ той поры, но, благодаря-ли раздраженному состоянію его организма, или тому строгому, чтобы не сказать аскетическому, настроенію, которое уже давно владѣло имъ, воспоминанія о заблужденіяхъ его прошлаго принимали у него съ теченіемъ лѣтъ все болѣе и болѣе острый характеръ. На него находили иной разъ припадки душевной тоски, въ которыхъ онъ проникался какою-то нестерпимою злостью къ самому себѣ, ко всему „безсмыслію и грѣховности“ прожитой имъ жизни, и томился, и казнился ими, какъ какой-нибудь отшельникъ древней Ѳиваиды...

И теперь такія же ѣдкія воспоминанія проносились предъ нимъ. Но они бѣжали далѣе, захватывали періодъ времени, слѣдовавшій за отъѣздомъ его изъ Всесвятскаго, куда онъ въ тѣ дни думалъ никогда не вернуться... Онъ видѣлъ себя командиромъ полка среди враждебнаго края, гдѣ все кругомъ дышало измѣной, гдѣ въ глазахъ самихъ офицеровъ своихъ, смущаемыхъ доходившими до нихъ чрезъ Евреевъ листками Герцена *) и соціалистическою проповѣдью петербургскихъ

*) Въ ту пору въ *Колоколѣ* напечатано было, между прочимъ, презабавное въ напыщенной фразистости своей воззваніе Виктора Гюго „къ рус-

журналовъ, онъ читалъ недоумѣніе и колебаніе... Онъ весь отдался дѣлу своему, службѣ, вызывая примѣромъ своимъ ревность въ подчиненныхъ, строго затягивая узды распущенной до него дисциплины. Полку его суждено было принять удары первыхъ, еще вѣрившихъ въ себя, силъ поднявшагося возстанія. Банды были многочисленны, схватки упорны; солдаты выбивались изъ силъ, преслѣдуя чрезъ густые лѣса и болота по горло выроставшіе какъ изъ-подъ земли то здѣсь, то тамъ новые и новые сброды повстанцевъ. Троекуровъ былъ неутомимъ: въ тревожной, отвѣтственной боевой жизни онъ находилъ отводъ отъ тѣхъ мучительныхъ личныхъ помысловъ, которые глодали ему душу; чѣмъ-то былымъ, юнымъ, „кавказскимъ“ вѣяло на него среди этихъ лѣсовъ *Холмщины*, изъ-за каждаго дерева которыхъ выглядывалъ врагъ, ожидался выстрѣлъ... И вотъ однажды — какъ живо помнилъ онъ этотъ день!—онъ, во главѣ двухъ ротъ, надъ которыми принялъ начальство самъ, выступилъ ночью въ походъ и, послѣ утомительнѣйшаго перехода во мракѣ по невѣдомымъ лѣснымъ тропинкамъ, очутился на зарѣ предъ помѣщичьею усадьбой, въ которой, какъ было ему донесено лазутчиками, имѣла ночевку довольно значительная банда инсургентовъ. Застигнутые врасплохъ, лишенные рачительно принятыми мѣрами возможности бѣжать въ какую бы то ни было сторону, повстанцы рѣшились отчаянно защищаться. Они засѣли въ двухъэтажномъ хозяйскомъ домѣ, въ службахъ, окружавшихъ его, въ хлѣвахъ и амбарахъ, и производили оттуда чрезъ всѣ отверстія убійственный огонь по осаждавшимъ. Изъ числа послѣднихъ человѣкъ уже тридцать выбыло изъ строя. Разъяренные солдаты натаскали подъ градомъ путь охапки соломы, сѣна и и щепокъ подъ входную, загроможденную изнутри, дверь дома—и зажгли ихъ... Дверь вспыхнула чрезъ нѣсколько мгновеній; огненные языки побѣжали вверхъ, цѣпляясь за рѣшетчатую дратву стѣнной облицовки, обнаружившейся изъ-подъ обвалившейся отъ выстрѣловъ глиняной штукатурки; дымъ чер-

---

скимъ солдатамъ“ (sic!), которымъ „великій поэтъ“ приглашалъ ихъ не сражаться противъ Поляковъ, возставшихъ-де во имя общей свободы ихъ родины...

ными клубами повалилъ въ окна, на половину заваленныя со стороны осажденныхъ всякими подушками и перинами... „Они сдадутся сейчасъ, или ни одному изъ нихъ не выйти оттуда живому“, сказалъ себѣ Троекуровъ. Онъ слѣзъ съ лошади, кинувъ поводья ея сопровождавшему его всюду конюху своему, Скоробогатову, — котораго, надѣемся, не забылъ читатель,—и стоялъ шагахъ въ тридцати напротивъ загоравшагося зданія, внимательно слѣдя за происходившимъ и постукивая машинально по высокому сапогу кончикомъ нагайки, висѣвшей у него по обыкновенію на кисти правой руки. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ изъ круглаго окна чердака подъ самымъ фронтономъ дома высунулась длинная жердь съ подвязаннымъ къ ней, въ видѣ парламентерскаго флага, бѣлымъ носовымъ платкомъ. Троекуровъ кинулся къ своимъ, вламывавшимся уже сквозь пламя на лѣстницу, съ поднятою рукой и громкимъ приказомъ: „Ребята, сдаются... Смотри, брать живыми, не колоть!“ И въ то же мгновеніе онъ услыхалъ за собою испуганный возгласъ Скоробогатова: „Берегись, ваше всклагородіе!“ а надъ собой изъ втораго этажъ голосъ, кричавшій по-польски съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ: Пáльце (стрѣляйте), панòве, то самъ ихъ довудца (начальникъ) есть!“ Онъ быстро поднялъ голову на этотъ голосъ, показавшійся ему знакомымъ. Онъ узналъ теперь и говорившаго... Тотъ мгновенно свѣсился всѣмъ туловищемъ черезъ подоконникъ съ револьверомъ въ рукѣ и крикнулъ уже прямо по его адресу по-русски: „А, *нагаечникъ!* Такъ на-жь тебѣ!..“ Глаза Троекурова мгновенно застлало туманомъ, — онъ ничего уже далѣе не помнилъ...

Когда онъ, какъ узналъ это впослѣдствіи, на десятый день пришелъ въ сознаніе, была ночь. Онъ лежалъ на постели въ довольно просторной, незнакомой ему комнатѣ, освѣщенной низкою лампой, заставленною отъ него какимъ-то развернутымъ большимъ фоліантомъ, но тусклый пламень которой дозволилъ ему различить двѣ человѣческія фигуры, безмолвно и недвижно сидѣвшія у него въ ногахъ. Одною изъ нихъ былъ докторъ Θирсовъ, другою — жена... Онъ скорбно вспоминалъ теперь: онъ узналъ ее тотчасъ же и тутъ же за-

крылъ поспѣшно глаза подъ наитіемъ какого-то досадливаго, чуть не злаго ощущенія. Онъ какъ-то сразу сообразилъ все: онъ былъ раненъ, она извѣщена была объ этомъ и пріѣхала, не теряя минуты, оставивъ дѣтей на рукахъ „какой-нибудь Лизаветы Ивановны“,—пріѣхала съ домашнимъ врачомъ своимъ, со всѣми средствами къ успѣшному его врачеванію, съ несказанною тревогой въ душѣ, съ неотступною рѣшимостью не покидать его постели до его выздоровленія... или смерти... Ко всѣмъ винамъ его предъ нею присоединялась еще новая отвѣтственность за всѣ тѣ муки, которыя испытывала она теперь изъ-за него, присоединялась и тяжесть благодарности за ея „*непрошенное великодушіе*“...

И долго не былъ онъ въ состояніи одолѣть это чуть не враждебное чувство къ ней, къ этому преданному и тихому женскому существу, исхудавшему и блѣдному какъ наволока подушки, на которой покоилась его забинтованная голова, молча и не отрываясь глядѣвшему на него своими впалыми, казавшимися теперь огромными, темнокарими глазами. Долго еще, пользуясь своею дѣйствительною физическою слабостью, онъ притворялся, что не замѣчаетъ ея присутствія, избѣгалъ ея взгляда, не говорилъ ни съ ней, ни съ „ея“ докторомъ, внушавшимъ ему теперь со своей стороны какое-то отвращеніе, и отвѣчалъ на ихъ вопросы отрывистыми междометіями, имѣвшими цѣлью отнять у нихъ надежду на дальнѣйшія объясненія... Но, угадывала или нѣтъ Александра Павловна то, что происходило на душѣ у ея мужа, онъ ни разу не могъ замѣтить въ выраженіи лица ея, въ тонѣ рѣчи или невольномъ движеніи какой-либо признакъ неудовольствія или тайнаго упрека. Онъ былъ живъ, спасенъ, рана шла къ лучшему,—ей ничего, казалось, другаго не нужно было... Она неслышною походкой скользила по комнатѣ, подносила ему безмолвно лѣкарство въ урочные часы, „перстами легкими какъ сонъ“ приподымала и поддерживала больную голову его, когда полковой докторъ, спеціально пользовавшій своего раненаго командира, съ помощью Ѳирсова перемѣнялъ на ней перевязки, и словно вся сама, благоухающая какъ ландышъ въ смиреніи своемъ, горѣла при этомъ лишь трепетнымъ же-

ланіемъ, чтобъ онъ не замѣчалъ ея, не почиталъ себя обязаннымъ благодарностью за непрестанный, денный и нощный, уходъ ея за нимъ...

Онъ заснулъ какъ-то рано вечеромъ и проснулся глубокою ночью. Та же лампа за большимъ фоліантомъ мягко освѣщала комнату. Но Өирсова въ ней не было. Одна *она* сидѣла на обычномъ мѣстѣ, въ ногахъ его,—сидѣла, уронивъ голову на край его ложа, и онъ, вглядѣвшись въ абрисъ затылка ея и плечъ, увидѣлъ, какъ вся она вздрагивала отъ рыданій, которыя заглушала въ складкахъ одѣяла, покрывавшаго его... Безконечное чувство раскаянія и жалости охватило его въ эту минуту. „Саша“! проговорилъ онъ задрожавшимъ голосомъ... Она вскинула голову вверхъ, испуганно устремила на него глаза... „Прости меня“! прошепталъ онъ. Она вскрикнула, перекинулась черезъ кровать къ его рукѣ, прильнула къ ней—и такъ и замерла...

Мѣсяца чрезъ полтора онъ ѣхалъ съ нею въ покойномъ дорожномъ дормезѣ, à petites journées (онъ далеко не былъ еще въ состояніи переносить переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ), на югъ, въ Италію, ища врачующей благодати солнца и уединенія... Они нашли ихъ въ маленькомъ городкѣ Пельи, на *Генуэзской рѣкѣ* *), огражденномъ отъ ненастій сѣвера полукругомъ поросшихъ пиніями горъ,—счастливомъ уголкѣ, „гдѣ *вѣчно* ясны небеса“, гдѣ розы круглый годъ цвѣтутъ не отцвѣтая,

In grüner Laub die Gold-Orangen glüh'n,
Der Lorbeer hoch und still die Myrte steht **)...

Они поселились надъ городомъ, на Villa Doria, въ старомъ palazzo XVII вѣка, съ фресками на стѣнахъ, высокими залами и волшебнымъ видомъ на Геную и зеленоголубую даль

*) *Riviera di Genova* называется вся полоса моря, омывающая Лигурійскій берегъ, и раздѣляется на *Riviera di Ponente* (западная рѣка), идущую отъ *Порто-Фино* (высокой горы, возвышающейся надъ Генуэзскимъ заливомъ со стороны востока) и до самой Ниццы, и на *Riviera di Levante*, отъ того же Порто-Фино внизъ, къ Спеціи.

**) Гёте. Пѣснь Миньйоны.

Средиземнаго моря. Чрезъ двѣ недѣли затѣмъ Анфиса Дмитріевна Ѳирсова, сіяющая счастіемъ (она лишь за два мѣсяца предъ тѣмъ вышла замужъ за толстяка-доктора, сопровождавшаго со Скоробогатовымъ Троекуровыхъ за границу), съ нянею и Нѣмцемъ-курьеромъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ, привезли въ полномъ здравіи въ Пельи дѣтей изъ Всесвятскаго... Александра Павловна, какъ выражалась она, почувствовала себя теперь „какъ въ Царствѣ Небесномъ“...

Медленно между тѣмъ поправлялся раненый. Онъ вспоминалъ, какъ въ тѣ дни просиживалъ по цѣлымъ часамъ на террасѣ, подъ жгучимъ тепломъ италіянскаго зимняго солнца, устремивъ глаза на золотистую рябь тихо плескавшагося моря, безъ мысли, безъ движенія, „живя, какъ говорилъ онъ себѣ теперь, сладкою и тупою жизнью растенія“. Его словно оковала здѣсь какая-то парализія психическихъ отправленій, отупѣніе ощущеній и сознанія... Въ такомъ состояніи провелъ онъ почти всю зиму... „Оттаетъ, погодите!“ утѣшалъ никогда не унывавшій Николай Ивановичъ Ѳирсовъ Александру Павловну, начинавшую серьезно тревожиться.

Скоробогатовъ, исправлявшій теперь должность камердинера при своемъ „генералѣ“ (Борисъ Васильевичъ произведенъ былъ въ этотъ чинъ за то самое дѣло, въ которомъ былъ раненъ, — дѣло, кончившееся полоненіемъ почти всей банды, застигнутой въ усадьбѣ,), каждый разъ, какъ входилъ къ нему утромъ со свѣжевычищеннымъ барскимъ платьемъ на рукѣ, вглядывался въ него избока своими узкими, татарскими глазками и, сердито отвернувшись вслѣдъ затѣмъ, мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ.

— Что это ты? спросилъ его однажды, замѣтивъ это наконецъ, баринъ.

— Чтобъ *іому*, говорю себѣ, ваше превосходительство, неожиданно отвѣтилъ старый служивый, — шельмецу этому на томъ свѣтѣ ни дна, ни покрышки!

— Кому это?

— А что вотъ сдѣлалъ вамъ такъ, что и по сейчасъ прежняго куражу не можете вы себѣ достать.

Глаза Троекурова усиленно заморгали... Въ первый разъ

въ эту минуту воскресало въ его памяти то, что̀ произошло съ нимъ *тогда*. Но онъ усиленно усмѣхнулся:

— Да, *угодили* меня ловко! какъ бы небрежно уронилъ онъ.

— А *кто*, полушопотомъ и подчеркивая молвилъ Скоробогатовъ, наклоняясь къ нему,—успѣли замѣтить?

— Нѣтъ! съ усиліемъ произнесъ Борисъ Васильевичъ.

— А я его призналъ, ваше пр... Самый тотъ есть шарлатанъ, съ подвязною бородой, изволите помнить, что̀ въ Крусановскихъ лугахъ кость вамъ перешибъ. Нашъ, Русскій, не то чтобъ изъ Поляковъ,—измѣнщикъ, стало быть... Не успѣлъ въ матушкѣ-Расеѣ набаламутить, такъ, значитъ, къ безмозглымъ къ эвтимъ въ слуги пошелъ... Бѣда! Стою этто я съ вашимъ рыжимъ, какъ вы изволили слѣзть, — гляжу, флагъ они выкинули: ну, думаю, пардону просятъ, наша взяла!... Вы тутъ сичасъ къ дому бросились, — а онъ, вижу, въ тотъ самый разъ подбѣгъ къ окну... Онъ, ваше превосходительство, онъ самый! Хоша въ чамаркѣ и на головѣ четыруголка ихняя, а я его издалечка сразу призналъ, — бѣлесый такой, плюгавый изъ себя... Подбѣгъ, говорю, своимъ что-сь кричитъ, а самъ перегнулся по-надъ васъ и изъ ривольвера сверху цѣлитъ... Я тутъ лошадь бросилъ, къ вамъ: „Брегись, кричу, ваше...!“ А вы, гляжу, ужь и съ ногъ валитесь... Ахъ ты, Господи!... И Скоробогатовъ отчаяннымъ движеніемъ ударилъ себя изо всей силы ладонями по бедрамъ...—Не дали-жь ему за то пардону солдатики, добавилъ онъ чрезъ мигъ, сверкнувъ глазами,—въ рѣшето *штыками* искололи...

Троекуровъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ уперся въ него взглядомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то... и не могъ. Но старый солдатъ понялъ упрекъ, выразившійся въ этомъ взглядѣ:

— А что̀-жь ему, анаѳемѣ, другого сдѣлать, ваше пре—ство? возразилъ онъ недовольнымъ тономъ: — потому, первое сказать, Бога онъ своего забылъ, противу своихъ воевать пошелъ; а вторымъ дѣломъ, какъ же онъ, песъ, когда флагъ они выкинули,—сдаемся, значитъ, въ полонъ,—а онъ въ самото время стрѣлитъ?.. Собакѣ, говорится, собачья и смерть, такъ ему и надо было! сурово заключилъ онъ.

— Разсказывалъ ты объ этомъ кому-нибудь здѣсь? спро-

силъ его Борисъ Васильевичъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Что-жь мнѣ разсказывать, ваше пре—ство! Самъ понимаю...

— Что ты понимаешь?

И внезапная краска выступила на лицѣ Троекурова.

— Потому что-жь тутъ хорошаго, что вы *отъ своего* чуть смерти не получили!.. За Расею стыдно, ваше... добавилъ онъ въ видѣ объясненія.

— Хорошо, ступай... и чтобъ объ этомъ никому!...

— Слушаю-съ...

На летаргическое состояніе, въ которое погружена была до этой минуты мысль Троекурова, разговоръ этотъ произвелъ дѣйствіе электрической искры. Онъ какъ бы вдругъ встряхнулся весь, загорѣлся опять пламенемъ жизни... Но не на радость ему было это мгновенное воскрешеніе. Образъ „измѣнщика“, выстрѣлившаго въ него и исколотаго затѣмъ „въ рѣшето“ его солдатами, сталъ неотступно и болѣзненно преслѣдовать его теперь... „Почему такъ случилось“, спрашивалъ онъ себя съ какою-то странною, суевѣрною внутреннею тревогой,—„что среди вооруженнаго сброда повстанцевъ-Поляковъ я долженъ былъ натолкнуться именно на того единственнаго *русскаго* человѣка, которому убить меня могло доставить удовольствіе? Неужели приписать это тому чему-то безсмысленному, что люди зовутъ „слѣпымъ случаемъ?“... Нѣтъ, слѣпыхъ случаевъ не бываетъ,—все тѣсно связано и органически истекаетъ одно изъ другаго въ этомъ мірѣ, причины и послѣдствія, зло и наказаніе, и законъ роковаго возмездія стоялъ не даромъ краеугольнымъ камнемъ въ вѣрованіяхъ древнихъ народовъ... Кто мнѣ докажетъ, что этотъ несчастный, стрѣляя въ меня, не былъ избраннымъ орудіемъ кары, назначенной мнѣ высшимъ опредѣленіемъ, послѣ чего погибъ самъ жестокою смертью за все то злое, что совершено было имъ въ свою очередь на этой землѣ?..“

И то жгучее чувство самоосужденія, съ которымъ онъ въ Москвѣ, по полученіи письма отъ княжны Киры *), рѣшилъ

*) *Переломъ*. Часть IV. Глава XII.

уйти *отъ всего* въ темные ряды арміи, разгоралось у него съ новою силой... Гроза тѣхъ страшныхъ дней навсегда повидимому миновала теперь. Не исполнилъ-ли онъ въ настоящее время, говорилъ онъ себѣ иронически, „все, что отъ *порядочнаго* человѣка требуется въ подобныхъ случаяхъ“: покаялся, просилъ жену простить ему, и она великодушно, безъ колебаній и условій, даровала ему это прощеніе... Но все-ли это, удовлетворенъ-ли *онъ* въ душѣ своей?... Нѣтъ, далеко не все! Состоялось примиреніе, вернулось согласное супружеское сожитіе; но обрѣлъ-ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ „истинный *смыслъ* жизни“, котораго не доставало ему до сихъ поръ, ту высоту духовнаго подъема, которымъ опредѣляется этотъ смыслъ?.. „*Надѣть узду* на себя не трудно,—надо знать, для чего ты ее надѣваешь“, разсуждалъ Троекуровъ; „Александрѣ Павловнѣ никакой узды не нужно, чтобы находить въ себѣ удовлетвореніе, которое *та* (онъ разумѣлъ Киру,) и я тщетно искали всю жизнь. Не потому-ли это, что она вѣкъ свой думала о другихъ и забывала о себѣ“?..

Къ женѣ онъ испытывалъ теперь чувство совершенно для него новое—чувство какого-то набожнаго благоговѣнія. Душевный цвѣтъ ея будто впервые распустилъ предъ нимъ всѣ свои лепестки и охватилъ все существо его своимъ неотразимымъ ароматомъ... Чувство это выражалось у него наружно въ какой-то прилежной, какъ бы почтительной внимательности къ ней, къ ея словамъ и мнѣніямъ, къ малѣйшему желанію, которое онъ угадывалъ у нея. Прежній фамиліарный, легкій, чуть-чуть насмѣшливый тонъ его съ нею, тонъ первыхъ временъ супружества, въ которомъ сквозь нѣжность влюбленнаго мужа всегда невольно проглядывало сознаніе умственнаго превосходства его надъ нею, замѣнилъ теперь оттѣнокъ постоянной серьезности и уважительности въ отношеніяхъ, въ разговорахъ его съ нею, будто боялся онъ оскорбить шутливымъ или легкомысленнымъ словомъ ту чистую святыню, которую носила она въ себѣ. Онъ будто постоянно ждалъ отъ нея какихъ-то откровеній, какихъ-то „свѣточей въ ночи“... Александра Павловна—все та же неизмѣнная „Сашенька“ первыхъ дней—весьма скоро замѣтила эту перемѣну,

но она не польстила ей, не обрадовала ея,—она ее страшно испугала. Она почуяла, что этотъ „сильный, умный человѣкъ“, мужъ ея, чего-то требуетъ теперь отъ нея, требуетъ именно, объяснила она себѣ тутъ-же, того же „*умнаго*, что̀ находилъ онъ у Киры“... и чего „откуда же я ему возьму“? съ отчаяніемъ восклицала она внутренно... И вся она какъ улитка ушла вслѣдъ за этимъ въ свою скорлупку...

Увы, благосклонныя читательницы мои, между этими супругами, которыхъ бурная волна жизни вынесла, казалось, благополучно къ новымъ медовымъ берегамъ, стало съ этой минуты какое-то роковое недоразумѣніе, образовался провалъ, которому съ теченіемъ времени суждено было все упорнѣе итти въ глубь. То, что̀ по всѣмъ даннымъ должно было послужить къ тѣснѣйшей связи между ними, чуть не разводило ихъ опять. „Не то, не то“, сказывалось въ душѣ Сашеньки въ отвѣтъ на благоговѣйную внимательность къ ней мужа,—„не то, что въ тѣ счастливыя времена, когда сажалъ онъ меня на колѣни и говорилъ: „Ну, разсказывай, глупая моя дѣвочка“! Онъ кается, бѣдный, ему все еще стыдно предо мной, потому что онъ честный, благородный, и я ему навсегда простила все, все... но онъ *ее* все еще помнитъ, ему все хочется найти во мнѣ то, что̀ было въ *ней*, а я не могу, не могу“, заключала она со мгновенно проступавшими у нея изъ глазъ слезами. „Она родилась ангеломъ милости и всепрощенія“, говорилъ въ свою очередь мысленно Троекуровъ,—„но *забыть* все же она не въ состояніи. Согнутый листъ бумаги, какъ ни расправляй его потомъ, сохраняетъ навсегда слѣдъ своей складки; въ такой нѣжной душѣ, какъ ея, согнутому не разогнуться до самой смерти. Прошлое обаяніе исчезло... Прежняго довѣрія... прежняго счастія она уже не въ силахъ мнѣ дать“!.. Оставалось довольствоваться, какъ съ горечью выражался онъ мысленно, „внѣшнимъ обрядомъ супружескаго благополучія“...

Они вернулись въ Россію. Борисъ Васильевичъ со страстною жадностью погрузился въ дѣло управленія своими обширными помѣстьями. Онъ весь былъ полонъ теперь помысловъ „о другихъ“ и рѣшимости осуществить ихъ на практикѣ.

Годы проходили. Многаго успѣлъ онъ достигнуть, — еще болѣе посѣяннаго имъ осталось безплоднымъ, благодаря новымъ условіямъ быта нашей бѣдной родины... Но онъ не отчаивался, онъ упорно шелъ впередъ въ своихъ планахъ экономическаго и нравственнаго преуспѣнія зависѣвшаго отъ него сельскаго и рабочаго населенія...

Годы проходили, но „согнутое“ все также не разгиналось; между женой его и имъ состояло все то же густое облако недоразумѣнія, для разсѣянія котораго достаточно было бы, можетъ быть, одного слова, одного освѣщающаго слова... Но такія слова почему-то никогда не срываются съ устъ нашихъ, когда они нужны... Троекуровы мало-по-малу какъ бы сжились съ этимъ положеніемъ. Для обоихъ ихъ проходила уже пора, когда человѣкъ дерзко и упорно требуетъ у судьбы личнаго, непосредственнаго счастія. У нихъ подростали дѣти,— подростала красавица-Маша, въ которой отецъ ея съ тайнымъ восхищеніемъ узнавалъ всю душевную прелесть ея матери съ чѣмъ-то болѣе полнымъ, болѣе широкимъ...

Образъ ея въ эту минуту проносился въ мысленномъ представленіи Бориса Васильевича. Стянувшіяся на лбу морщины мгновенно разсѣялись, и тихая улыбка пробѣжала по его губамъ. Онъ поднялъ вѣки.

Кто-то стучался къ нему въ дверь изъ гостиной и спрашивалъ его оттуда:

— Можно войти?

— Конечно! поспѣшилъ онъ отвѣтить, узнавая голосъ жены и вставая итти навстрѣчу ей.

Она была все еще очень хороша, не смотря на нѣкоторую опухлость очертаній, причину которой слѣдовало приписать гораздо болѣе безтревожію деревенской жизни, чѣмъ тому, что̀ названо Расиномъ „des ans l'irréparable outrage“. Ей было еще только тридцать четыре года... Ея глаза „волоокой Геры“ глядѣли все такъ же строго и прямо, но въ складкахъ губъ было что-то невыразимо мягкое и притягательное... Губы эти какъ бы слегка подергивало теперь отъ волненія:

— Мнѣ сейчасъ, тревожно заговорила она, входя,—доложили, что пріѣхала Настенька Буйносова,—ты помнишь, la ca-

dette, которая ходила за отцомъ... Онъ такъ ужасно погибъ,— разсказывалъ тебѣ Николай Иванычъ?... Ей вѣрно что-нибудь нужно, и я велѣла скорѣе просить ее. Но она приказала отвѣтить, что желаетъ *тебя* видѣть... Ты никогда ихъ не любилъ... но она такъ несчастна теперь... Ты позволишь пригласить ее къ тебѣ?

— Для чего спрашивать, Alexandrine? само собою!...

— Такъ я скажу...

Она повернулась итти и, пріостановясь на пути, проговорила съ радостною усмѣшкой:

— Васю Николай Иванычъ пустилъ въ садъ гулять.

Онъ кивнулъ на это, усмѣхнувшись тоже, и спросилъ:

— А Маши все еще нѣтъ?

— Вѣдь разъ верхомъ, она вѣчно на полдня пропадетъ! чуть-чуть поморщившись, проговорила Александра Павловна и вышла.

XV.

Троекуровъ прошелъ самъ въ гостиную встрѣчать пріѣзжую.

Блѣдная, осунувшаяся, вся въ черномъ, она была видимо нѣсколько смущена, входя, но также видимо поборола тутъ же рѣшительнымъ усиліемъ это смущеніе и, пожавъ слегка дрожавшими пальцами протянувшуюся къ ней руку хозяина, проговорила твердо и спокойно:

— Васъ вѣроятно должно удивить то, что вы видите меня у себя, Борисъ Васильевичъ, но...

— Прежде всего я этому искренно радъ, Настасья Дмитріевна, перебилъ онъ ее дѣйствительно *искреннимъ* и участливымъ тономъ, какъ-то сразу заполонившимъ ее: — я былъ въ отсутствіи, вернулся только сегодня и сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича Ѳирсова о вашемъ несчастіи. Но не пройти-ли намъ ко мнѣ въ кабинетъ; тамъ намъ будетъ удобнѣе разговаривать...

Въ кабинетѣ онъ усадилъ ее на мягкій диванъ и сѣлъ самъ на стулъ противъ нея, ожидая, что она скажетъ.

Она начала не сейчасъ, какъ бы сосредоточиваясь и колеблясь:

— Смерть отца—не одно несчастіе, павшее на меня, Борисъ Васильевичъ; въ ту же ночь—вамъ вѣроятно извѣстно?—брата моего увезли жандармы.

Троекуровъ повелъ утвердительно головой.

— Я о немъ... о моемъ братѣ пріѣхала говорить съ вами, вымолвила она черезъ силу.

Онъ съ невольнымъ въ первую минуту изумленіемъ глянулъ ей въ глаза...

Она поняла и, внезапно оживляясь:

— Я знаю, вамъ это можетъ показаться... безсмысленнымъ съ моей стороны, воскликнула она скорбно зазвенѣвшимъ голосомъ: — но я теперь... я одна на свѣтѣ, не знаю, къ кому обратиться за совѣтомъ... за помощью.

Онъ порывисто ухватилъ ее за обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ:

— Что могу я для васъ сдѣлать, Настасья Дмитріевна?

— Спасти его, если можете!

— *Какъ?* вѣско проговорилъ онъ.

Она опять замедлила отвѣтомъ, какъ бы соображая, что именно хотѣлъ онъ выразить этимъ вопросомъ. Печальные глаза ея поднялись на мигъ на Троекурова и снова опустились...

— Я не знаю, заговорила она наконецъ, прерываясь чуть не на каждомъ словѣ,—я рѣшилась обратиться къ вамъ, потому что мнѣ извѣстно... Григорій Павлычъ Юшковъ мнѣ самъ это разсказывалъ... когда онъ студентомъ еще попался за прокламаціи... онъ вамъ одолженъ былъ... что его выпустили... Вы, конечно, можете мнѣ возразить, что Григорій Павлычъ другое дѣло, что ваши семейныя отношенія, дружба съ его отцомъ...

— И прежде всего, договорилъ за нее Троекуровъ, насколько могъ мягче,—и прежде всего *увѣренность*, подчеркнулъ онъ,—что его *революціонерство* было лишь временнымъ безразсудствомъ молодости, которое не имѣло и не могло пустить въ немъ корней, что заключенія недѣльки на двѣ межъ четырехъ стѣнъ будетъ совершенно достаточно какъ для наказанія, такъ и для отрезвленія его. Такъ поняли и въ Петербургѣ тогда, и его мальчишество не имѣло для него болѣе серьезныхъ послѣдствій.

Онъ примолкъ на время, сосредоточиваясь въ свою очередь, пытливо глянулъ ей въ лицо и продолжалъ:

— Брата вашего я совсѣмъ не знаю... не видалъ даже никогда, кажется. Но вамъ я *вѣрю*, Настасья Дмитріевна,

произнесъ онъ съ удареніемъ,—и ото всей души желалъ бы помочь вамъ. Если вы дадите мнѣ честное слово, что братъ вашъ такой же не совсѣмъ твердый на ногахъ, но не испорченный въ корень молодой человѣкъ, попавшійся въ сѣти, разставленныя ему какимъ-нибудь негодяемъ-товарищемъ, какъ было это тогда съ Юшковымъ, я обѣщаю вамъ сдѣлать для него все, что сдѣлалъ... что былъ въ состояніи сдѣлать для того въ свое время... Порядки по политическимъ дѣламъ, если вамъ извѣстно, усложнены теперь участіемъ въ нихъ суда; за успѣхъ моего ходатайства я могу отвѣчать еще менѣе, чѣмъ прежде... Но все равно, я готовъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ министру юстиціи,—я его знаю давно... и за отличнаго человѣка,—словомъ, сдѣлать все, что отъ меня зависитъ... Но мнѣ для этого надо ваше слово, Настасья Дмитріевна, заключилъ онъ.

Она сидѣла растерянная, глядя на него во всѣ глаза: что должна... что могла она отвѣтить ему?

— Братъ мой не „негодяй“, пробормотала она, ухватываясь въ своемъ смущеніи за одно изъ выраженій, употребленныхъ имъ сейчасъ, нисколько не относившееся къ ея брату:— онъ заблуждается, я признаю... Но побужденія его чисты и высоко честны!...

Глаза у Троекурова усиленно заморгали:

— Вѣсъ и значеніе словъ, сказалъ онъ,—такъ передерганы у насъ въ послѣднее время, что въ нихъ разобраться трудно. Я оставлю поэтому совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ въ дѣйствительности разумѣть подъ „*чистотой*“ и „*высокою честностью* побужденій“ вашего брата. Въ виду того, для чего вамъ пришла добрая мысль обратиться ко мнѣ, мнѣ нужно знать только одно: полагаете ли вы, что онъ въ состояніи отказаться отъ этихъ своихъ „побужденій“ и всего того, что изъ нихъ исходитъ въ его теперешнемъ катихизисѣ, или нѣтъ?

Она судорожно заломила скрещенные пальцы своихъ блѣдныхъ рукъ:

— Что мнѣ сказать, какъ отвѣчать за него!... Я знаю только, что его взяли... что его сошлютъ...

— Думаете-ли вы, что это будетъ несправедливость? спросилъ онъ.

Она пристально воззрилась въ него и какъ-то неожиданно для самой себя воскликнула:

— Нѣтъ, я этого не думаю... но *простить* всегда можно!...

— „Простить", повторилъ онъ,—прекрасно! Что же, братъ вашъ послѣ такого прощенія отказался бы отъ революціонной пропаганды и обратился бы въ мирнаго гражданина?

Она безсознательно вздрогнула: послѣдній разговоръ съ „Володей", его заключительныя слова во всемъ ихъ ужасѣ пронеслись у нея теперь въ памяти:

— Не знаю... прошептала она чуть слышно.

— Изъ вашего отвѣта, извините меня, молвилъ на это помолчавъ Троекуровъ,—я, кажется, имѣю право заключить безъ ошибки, что тотъ, о „прощеніи" котораго вы хлопочете, не сбитый временно съ толку юноша, но убѣжденный, непримиримый врагъ существующаго порядка и можетъ быть удовлетворенъ только полнымъ разрушеніемъ его. Такъ это?

Онъ ждалъ отвѣта.

— Пропаганда *ихъ* безвредна, нежданно отвѣтила вмѣсто этого отвѣта дѣвушка,—и сами они это теперь видятъ. Народъ не принималъ ихъ и выдавалъ властямъ.

Не то печальная, не то ироническая улыбка пробѣжала по лицу ея собесѣдника:

— А властямъ въ свою очередь надлежало возмутителей отпустить на всѣ четыре стороны, дабы народъ зналъ, что то, что онъ извѣка, вмѣстѣ со своими правителями, разумѣлъ дѣломъ преступнымъ, правители эти теперь считаютъ безвредною шалостью, что они слишкомъ *гуманны* и *либеральны* стали, подчеркнулъ онъ,—чтобъ осмѣлиться мыслить и поступать такъ же безхитростно и здраво, какъ онъ, какъ этотъ народъ?... Вѣдь такъ это выходитъ по вашему Настасья Дми...

Онъ не успѣлъ договорить. Двери изъ его библіотеки шумно распахнулись настежъ и изъ нихъ вылетѣла молодая дѣвушка со шлейфомъ амазонки, перекинутымъ на руку, и въ маленькой круглой мужской шляпѣ, тутъ же слетѣвшей наземь съ

прелестной, будто выточенной головки въ порывистости движенія, съ которою она кинулась къ Борису Васильевичу:

— Папа, голубчикъ, ты вернулся, какъ я счастлива! лепетала она низкимъ грудным голосомъ, охватывая шею отца обѣими руками и звонко, на всю комнату, цѣлуя его въ обѣ щеки: — мы только-что во дворъ вскакали со Скоробогатовымъ, а Анфиса Дмитріевна мнѣ изъ флигеля въ окошко кричитъ: „генералъ пріѣхалъ!“... Я сейчасъ поняла почему — и прямо помчалась къ твоему крыльцу... Et me voilà! расхохоталась она, раскидывая руки врозь: — тебя напугала телеграмма maman, да? Она отправила ее безъ меня, я бы никогда не допустила...

— Ты не видишь, что у меня гости, Маша? прервалъ онъ ее съ улыбкой, словно солнечнымъ лучомъ озарившею ему все лицо, поворачивая ее за плечо лицомъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, глядѣвшей въ свою очередь со своего мѣста на дѣвушку глазами, полными невольнаго восхищенія.

Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна. Высокая, широкоплечая и тонкая, бѣлокурая какъ былъ отецъ, съ болѣе яркимъ, чѣмъ у него, золотистымъ оттѣнкомъ цѣлаго лѣса волосъ, двумя толстосплетенными косами падавшихъ у нея до колѣнъ, съ темными, какъ у матери, глазами и бровями, она была свѣжа какъ майская роза и здорова какъ горный воздухъ... Ей еще четырехъ мѣсяцевъ не хватало до полныхъ шестнадцати лѣтъ, но она была развита физически какъ восемнадцатилѣтняя особа и уже года полтора носила длинныя платья по настоянію отца, находившаго „смѣшнымъ, ridicule“, говорилъ онъ,—„одѣвать ее ребенкомъ, когда она успѣла на полголовы перерости мать“, и къ нѣкоторому неудовольствію Александры Павловны, вѣрной старымъ традиціямъ, которую покойная Марья Яковлевна Лукоянова одѣвала въ коротенькія юпочки и панталончики до шестнадцатилѣтняго возраста невступно.

— Ахъ, Боже мой, mademoiselle Буйно... Настасья Дмитріевна, вспомнила она, быстро подбѣгая къ гостьѣ съ протянутою рукой,—какъ я васъ давно не видала!..

— Давно! конфузливо улыбаясь, отвѣтила та, пожимая ея

пальцы;— я бы васъ не узнала, вы такъ выросли... и волосы совсѣмъ будто другаго оттѣнка стали: они у васъ теперь цвѣта спѣлаго колоса...

Троекуровъ утвердительно закивалъ:

— Blonde comme les blés, промолвилъ онъ смѣясь.

„Que je l'adore et qu'elle est blonde"... — Чистыми, звучными контральтовыми нотами залилась вдругъ во всю грудь Маша... И тутъ же, покраснѣвъ по самые глаза, съ заблиставшими мгновенно на рѣсницахъ росинками слезъ, схватила обѣ руки гостьи, прижала ихъ къ себѣ...

— Простите, простите! воскликнула она:—вы въ траурѣ... я знаю, у васъ умеръ отецъ, а я, сумасшедшая...

Она также мгновенно опустилась, уронила себя въ сосѣднее кресло и закрыла себѣ ладонями лицо.

Настасью Дмитріевну это ужасно тронуло. Въ этомъ домѣ, о которомъ еще такъ недавно она съ такою желчью отзывалась доктору Θирсову, она чувствовала себя теперь какъ бы охваченною нежданно цѣлою атмосферой искренняго благоволенія и участія къ ней... Она невольнымъ движеніемъ нагнулась къ дѣвушкѣ, притронулась къ ея локтю...

Та откинула руки, повернулась къ ней вся прямо:

— Поцѣлуйте меня, чтобы доказать, что вы на меня не сердитесь!.. И сама горячо прижалась къ ея изможденному лицу своими свѣжими губами...

— Настасья Дмитріевна, я увѣренъ, не сердится на тебя, потому что уже успѣла узнать тебя насквозь, сказалъ ей отецъ, продолжая счастливо улыбаться: — coeur d'or et tête folle.

— Да, maman меня за это всегда *пилитъ*, за мои extravagances, жалобно проговорила Маша по адресу Настасьи Дмитріевны.

Та не могла оторваться глазами отъ нея:

— Вы катались верхомъ? спросила она ее.

— То-есть, какъ „катались"? возразила дѣвушка какъ бы чуть-чуть обиженно,—я по дѣлу ѣздила.

— Куда? сказалъ Троекуровъ. И по тону вопроса гостья

поняла, что онъ совершенно серіозно относился къ сказанному дочерью.

— Къ отцу Алексѣю, въ Блиново, отвѣчала она,—насчетъ Евлаши Макарова... Вообразите, обратилась она снова къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, — мальчуганчикъ необыкновенно способный, нравственный,—онъ у насъ тутъ въ школѣ на заводѣ первый ученикъ былъ,—и вдругъ мать вздумала отдать его на бумагопрядильную фабрику въ Серпуховъ. А тамъ дѣти безо всякаго призора и ученія, и страшное пьянство между рабочими; это значитъ погубить мальчика! Я и поѣхала къ отцу Алексѣю, — его крестьяне тамъ всѣ очень уважаютъ, чтобъ онъ уговорилъ его мать оставить Евлашу здѣсь... Ее какой-то братъ тамъ въ Серпуховѣ съ толку сбиваетъ...

— Что-жь отецъ Алексѣй?

— Ахъ, папа, онъ очень жалуется, бѣдный! Ты помнишь, онъ добился, что Блиновскіе положили приговоромъ, какъ у насъ давно во Всесвятскомъ, закрыть бывшій у нихъ кабакъ, и ужасно этому радовался. Дѣйствительно, онъ говоритъ, ползимы прошло какъ нельзя лучше, безо всякихъ „скандаловъ“, какъ онъ выражается; сами крестьяне очень довольны были и благодарили его. Только узналъ объ этомъ въ Царствѣ Польскомъ Троженковъ и велѣлъ поставить у себя постомъ кабакъ на самой межѣ Блиновскихъ. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ отецъ Алексѣй, хуже прежняго пошло... Двѣ семьи на прошлой недѣлѣ опять тамъ положили раздѣлиться осенью“... Онъ просто въ отчаяніи... Ахъ, чтобы не забыть: я ему про твою мысль о страхованіи урожая сообщила...

— А! Что же онъ говоритъ?

— Говоритъ „превосходно“, но что, по его мнѣнію, это дѣло „всероссійское“, а не одного уѣзда или даже губерніи, а тѣмъ болѣе одного хозяйства, какъ бы пространно оно ни было, что этимъ слѣдуетъ серіозно заняться правительству...

— Еще бы! вскликнулъ съ живостью Борисъ Васильевичъ:— я записку объ этомъ въ прошломъ году въ Петербургъ послалъ... И, само собою, она тамъ такъ и погибла въ какомъ-нибудь департаментскомъ *столѣ*... Виноватъ, Настасья Дми-

тріевна, перебилъ онъ себя, — мы тутъ съ дочерью о своихъ дѣлахъ, будто никого третьяго нѣтъ...

Она не успѣла отвѣтить.

Маша съ обычною ей стремительностью вскочила съ мѣста:

— А мнѣ еще къ maman нужно: она не знаетъ, что я вернулась, и вѣрно безпокоится, selon son habitude...

И она побѣжала къ двери гостиной... но, не добѣжавъ, обернулась къ отцу:

— Папа, а я Григорія Павлыча видѣла!

— Гдѣ?

— Встрѣтились на дорогѣ. Онъ по своей должности (Юшковъ служилъ непремѣннымъ членомъ въ уѣздной управѣ,) ѣхалъ какія-то свѣдѣнія собирать. Онъ сказалъ мнѣ, что Павлу Григорьевичу совсѣмъ лучше, а что самъ онъ сюда къ обѣду будетъ... Будетъ, будетъ, будетъ, чуть-чуть не запѣла опять Маша, но сдержалась, и со словами: „я сейчасъ вернусь, Настасья Дмитріевна!“ выпорхнула изъ комнаты.

— Какая она у васъ прелесть, Борисъ Васильевичъ! вырвалось неудержимо, едва она исчезла, у Буйносовой.

— Д-да! протянулъ онъ съ благодарнымъ взглядомъ:—даровита и дѣльна не по лѣтамъ, не смотря на все свое ребячество...

Онъ замолкъ и задумался...

Что-то будто кольнуло теперь Настасью Дмитріевну. „Что же однако я здѣсь дѣлаю?“ вспомнила она: „въ Володиномъ дѣлѣ онъ мнѣ, какъ я предчувствовала, помочь отказывается, и я за это винить его не могу,“ прошепталъ ей внутренній голосъ: „а за тѣмъ что-же у меня общаго *со всѣми ими!*“... Но, странное дѣло, ей вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось уѣзжать...

Она тѣмъ не менѣе двинулась на своемъ диванѣ съ намѣреніемъ встать и проститься, когда Маша влетѣла опять въ кабинетъ, запыхавшаяся отъ быстраго бѣга черезъ весь домъ:

— Настасья Дмитріевна, ужасно торопясь заговорила она:—maman велѣла васъ спросить, позволите-ли вы ей возобновить знакомство съ вами? Ей очень хочется и, если вы согласны, она сейчасъ придетъ къ вамъ сюда.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же! вскликнула та, ужасно сму-

тившись отъ мысли о неучтивости, сдѣланной ею, когда, по пріѣздѣ своемъ, на приглашеніе слуги „пожаловать къ *генеральшѣ*“ она весьма сухо отвѣтила, что „желаетъ видѣть Бориса Васильевича Троекурова“, и, быстро подымаясь съ мѣста:—я пойду къ ней, если *она позволитъ*, подчеркнула она.

— Ступайте, ступайте, Настасья Дмитріевна! съ какою-то отеческою ласковостью въ звукѣ голоса сказалъ ей на это Троекуровъ: — если кто-либо способенъ понимать и умягчать чужое горе, такъ это конечно Александра Павловна.

XVI.

Какъ это сдѣлалось, Настя Буйносова не съумѣла бы сказать, но колоколъ въ столовой звонилъ къ обѣду, а она все еще сидѣла въ маленькомъ будуарѣ хозяйки дома, вдвоемъ съ нею, какъ бы вовсе забывъ, что на свѣтѣ есть нѣчто, называемое временемъ. То, что̀ испытывала она теперь, похоже было на блаженное состояніе усталаго и измерзшаго въ долгомъ зимнемъ странствованіи путника, погружающагося изнемогшимъ тѣломъ въ теплую и благовонную ванну. Задушевный обиходъ ея собесѣдницы, сердечность ея незатѣйливой рѣчи и неотразимая улыбка, глухая тишина уютнаго покоя, въ которомъ бесѣдовали онѣ, самая обстановка его, не рѣзавшая глаза своею роскошью, но ласкавшая взглядъ гармоніей и изяществомъ общаго ея тона, убаюкали скорбную душу дѣвушки. Накипь раздраженія и муки, нанесенная въ нее годами неумолчной тревоги, семейнаго разлада и унижающей нужды, распускалась въ какомъ-то давно, или, вѣрнѣе сказать, никогда еще невѣданномъ ею чувствѣ внутренняго затишья. Она словно переставала быть прежнею собою и втягивалась вся въ этотъ чужой, но уже какъ бы близкій и дорогой ей міръ иныхъ, мирныхъ чувствъ, иныхъ привычекъ, иныхъ помысловъ и задачъ... „За что̀ же я *ихъ* такъ не любила, что̀ именно не нравилось мнѣ у *нихъ*“? проносилось у нея урывками въ мозгу,—и она никакъ теперь уяснить себѣ этого не могла... Она только-что передала Александрѣ Павловнѣ, какъ послѣ похоронъ отца дошла до такого изнуренія, что не могла даже быть на свадьбѣ у сестры и пролежала у себя три дня одна-

одинешенька въ Юрьевѣ, не имѣя силы двинуться ни единымъ членомъ, въ какомъ-то каталептическомъ состояніи, — почувствовала себя получше только третьяго дня, „и едва," говорила она, „вернулась способность думать, мысль о братѣ заныла во мнѣ съ такою силой, что я готова была сейчасъ же хоть пѣшкомъ отправиться въ Петербургъ... Но что могла бы я тамъ сдѣлать одна, всѣмъ чужая?... И тутъ я вспомнила разсказъ Григорья Павловича Юшкова о томъ, что сдѣлалъ для него вашъ мужъ когда-то... и цѣлый день вчера промучилась въ колебаніи: обратиться къ нему, или нѣтъ?..."

— Боже мой! даже воскликнула Александра Павловна:— что же могло васъ остановить?

— Теперь мнѣ самой это почти смѣшно кажется, съ откровенною усмѣшкой отвѣтила Настасья Дмитріевна, — но вчера я была еще подъ впечатлѣніемъ прежняго... а прежде, я вамъ прямо признаюсь, Александра Павловна, мнѣ *тяжело* было здѣсь.

Та вдумчиво остановила на ней свои большіе глаза:

— Я васъ понимаю. Вамъ приходилось переносить столько мученія и лишеній, а у насъ всего *слишкомъ много*, и мы кажемся такими счастливыми, сказала она, выражая говорившее въ ней глубоко христіанское чувство этими наивными, въ свѣтскомъ смыслѣ почти неумѣстными словами.

— „Кажетесь?" повторила дѣвушка съ изумленіемъ:—неужели только?..

Троекурова слегка смутилась и покраснѣла:

— Полное счастіе — въ небѣ, а здѣсь у каждаго свой крестъ и, по мѣрѣ силъ, дано каждому... И за все надо благодарить Бога! заключила она поспѣшно, увидавъ входившаго слугу.

— Кушать подано, доложилъ онъ: — господа въ столовой дожидаются.

— Пойдемте скорѣе! молвила хозяйка, вставая; — мы заболтались и прослышали звонъ, а имъ тамъ всѣмъ ѣсть хочется...

— Что же это такое! вскликнула растерянно Настя, — сколько наконецъ времени я у васъ сижу!

— Чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше, возразила хозяйка, пропуская руку подъ ея локоть и увлекая ее съ собою къ двери. Настасья Дмитріевна не противилась...

Въ столовой онѣ нашли въ сборѣ весь домашній кружокъ Всесвятскаго. Только-что пріѣхавшій Гриша Юшковъ разговаривалъ спиной къ двери съ Машей, стоявшею въ амбразурѣ окна, сквозь которое косой лучъ клонившагося къ западу солнца обливалъ ея молодую красоту какимъ-то побѣднымъ пурпурнымъ сіяніемъ. Она ему передавала что-то съ большимъ оживленіемъ, разводя руками и глядя ему прямо въ лицо весело сверкавшими глазами... Увидавъ входившихъ, она бросила его, кинулась къ гостьѣ и возгласила громогласно, указывая рукой на молодаго человѣка:

— Настасья Дмитріевна, а вотъ и Григорій Павловичъ!

— Очень рада, пролепетала дѣвушка со внезапнымъ біеніемъ сердца.—Мы давно знакомы, сочла она нужнымъ прибавить, пытаясь улыбнуться.

Онъ живо обернулся на ея слова, поклонился ей преувеличенно низкимъ поклономъ, причемъ къ немалой досадѣ своей почувствовалъ, что покраснѣлъ, и, не отвѣчая, поспѣшилъ подойти къ рукѣ хозяйки.

— Павлу Григорьевичу лучше, мнѣ Маша сказала, молвила Александра Павловна, цѣлуя его постаринному въ лобъ.

— Онъ даже къ вамъ собирался сегодня, отвѣтилъ онъ,— можетъ быть, и прикатитъ послѣ обѣда.

— Ахъ, какъ я буду рада; сто лѣтъ мы съ нимъ не видались!...

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте! говорилъ тѣмъ временемъ подошедшій къ Настѣ Николай Ивановичъ Ѳирсовъ;—узналъ, что вы здѣсь, нарочно обѣдать пришелъ... Хвалю, хвалю, давно бы такъ! добавилъ онъ шопотомъ и подмигивая ей смѣющимся взглядомъ.

— А вотъ этого джентльмена помните, Настасья Дмитріевна? спросилъ ее съ улыбкой Троекуровъ, подводя къ ней сына, тонкаго, какъ жердь, не по лѣтамъ выросшаго мальчика, изяществомъ наружности своей представлявшаго дѣйствительно типъ юнаго „джентльмена“, благовоспитаннаго и благодуш-

наго. Онъ, въ противоположность сестрѣ, былъ черноволосъ, какъ мать, съ голубовато-сѣрыми, какъ у отца, глазами, никогда словно не улыбавшимися. — Miss Simpson; monsieur Blanchard; Вячеславъ Хлодомировичъ Павличекъ, воспитатель моего сына; Петръ Петровичъ Молотковъ, преподаватель нашего училища; Владиміръ Христіановичъ Пецъ, директоръ здѣшняго сахарнаго завода, медленно и явственно называя имена стоявшихъ у стола лицъ, познакомилъ съ ними дѣвушку хозяинъ... Она кланялась конфузливо и робко въ отвѣтъ на ихъ поклоны, обводя кругомъ разбѣгавшимися глазами: она такъ давно не была „въ обществѣ“, такъ отвыкла видѣть „людей“...

Хозяйка посадила ее между собою и докторомъ, пригласивъ по другую свою сторону Пеца, которому хотѣла поручить что-то въ Москвѣ, куда онъ ѣхалъ завтра. Маша заняла обычное свое мѣсто, подлѣ отца. Остальные размѣстились, кто какъ хотѣлъ. Обѣдали за большимъ круглымъ столомъ, одна форма котораго какъ бы исключаетъ всякую іерархію мѣстъ...

Общій, оживленный разговоръ завязался вслѣдъ за первымъ же блюдомъ. Мотивъ подала ему Маша, сообщившая учителю Молоткову о поѣздкѣ своей къ отцу Алексѣю въ Блиново и объ его обѣщаніи уговорить мать Евлаши Макарова оставить сына въ школѣ.

— А не „уговоритъ“, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ,— можно будетъ иначе...

Глаза Маши блеснули; она всегда угадывала мысль отца съ полуслова:

— Я такъ и сказала отцу Алексѣю, папа, что я готова изъ своихъ денегъ заплатить ей вдвое противъ того, что могъ бы ей посылать Евлаша изъ своихъ заработанныхъ денегъ на Серпуховской фабрикѣ.

— Не разоришься, усмѣхнулся онъ опять,—да и недолго бы пришлось платить. Вѣдь онъ у васъ кончаетъ, кажется? обратился онъ къ Молоткову.

— Въ послѣдній классъ переходитъ, отвѣтилъ тотъ.

— А потомъ что же: все-таки не миновать ему этой бумагопрядильни, которая такъ страшитъ Марью Борисовну?

— Жаль было, Борисъ Васильевичъ, сказалъ Молотковъ, упершись взглядомъ въ оконечность приподнятаго имъ ножа,— мальчикъ замѣчательно способный!

— Такъ вы что же бы думали?

Молотковъ съ улыбкой повелъ глазами въ сторону Маши, подгонявшей его черезъ столъ самыми поощрительными кивками, и отвѣчалъ:

— Я бы могъ его въ годъ времени, Борисъ Васильевичъ, ко второму классу гимназіи приготовить: онъ отлично пошелъ бы тамъ.

— Зачѣмъ это вы мнѣ ранѣе не сказали, Петръ Петровичъ?... вмѣшался Юшковъ:—дядя мой, вы знаете, располагаетъ процентами съ капитала, оставленнаго ему княземъ Ларіономъ Васильевичемъ Шастуновымъ именно вотъ на такіе случаи...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, Григорій Павловичъ, жалобнымъ голосомъ прервала его Маша:—развѣ не можемъ мы это сами съ папа устроить!... Ты молчишь, папа? тревожно воззрясь въ отца, вскрикнула она тутъ же.

— „Устроить“ не долго, сказалъ онъ ей,—но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, на благо-ли это будетъ мальчику? Разъ въ гимназіи, онъ пріобщается къ такъ-называемому у насъ міру „интеллигенціи“ и порываетъ съ тѣмъ, къ которому принадлежитъ по рожденію, по всѣмъ впечатлѣніямъ и складу понятій своего дѣтства... Этотъ разрывъ, какъ бы рано ни произошелъ онъ, не можетъ не отзываться на всей дальнѣйшей жизни человѣка...

— Да, сожалительно, что въ Россіи это такъ есть! промолвилъ въ полголоса Павличекъ, наставникъ Васи Троекурова, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него воспитаннику своему.

— Что вы говорите, Вячеславъ Хлодомировичъ? спросилъ хозяинъ, до котораго донеслись эти слова.

— Я *говору*, скромно, чтобы не сказать робко, отвѣчалъ молодой ученый, Моравецъ родомъ, успѣвшій въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія своего въ Россіи совершенно удов-

летворительно овладѣть ея письменнымъ и разговорнымъ языкомъ, но до сей минуты все еще не справившійся, какъ говорилъ онъ, „со свистящею *Ю* и деревяннымъ *Л*“,—я *говору*, что слѣдуетъ весьма сожалѣть о томъ обстоятельствѣ, на которое ваше превосходительство сейчасъ указало. Въ другихъ странахъ образованіе не мѣшаетъ оставаться въ томъ кругу и при тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, среди которыхъ человѣкъ родился.

— Oh, en France c'est pourtant exactement la même chose, возразилъ m. Blanchard, бывшій воспитанникъ Парижской политехнической школы и инженеръ, состоявшій при заводѣ Троекурова по технической части и дававшій дѣтямъ его уроки французскаго языка и математики:— un fils de paysan qui a passé par le collège devient un bourgeois et ne retourne plus à la charrue de son père.

— Я знаю, знаю, во Франціи это тоже такъ, закивалъ утвердительно головой Пàвличекъ; — но въ Даніи, въ Швеціи... въ нашей сторонѣ это не такъ, не такъ! Вы въ Богеміи... у Чеховъ, поправился онъ, — весьма часто можете видѣть поселянина, имѣющаго свое testimonium maturitatis въ карманѣ, а иногда даже дипломъ отъ университета и который самъ запрягаетъ своихъ коней въ фуру и ѣдетъ съ ними въ поле работать.

— Ну, до этой миѳологіи намъ далеко! громко засмѣялся Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, почитавшій какъ бы обязанностью своею постоянно относиться скептически къ тому, что̀ называлъ онъ „классическими фантазіями“ Пàвличка, съ которымъ былъ, не смотря на то, величайшій пріятель:—у насъ какъ только „вышелъ *изъ народа*“, такъ сейчасъ на теплое чиновничье мѣстечко, а не выгорѣло—въ нигилисты норовитъ.

— А Ломоносовъ, а наши іерархи? вскликнулъ неожиданно Вася съ широко выступившимъ у него на щекахъ румянцемъ.

— Николай Ивановичъ преувеличиваетъ, по обыкновенію своему, заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ, быстро окинувъ сына какъ бы тревожнымъ взглядомъ; — не одинъ Ломоносовъ выходилъ и будетъ, надо надѣяться, выходить въ

Россіи *изъ народа*. Но по тому судя, какъ у насъ ведется дѣло теперь, можно опасаться, что отъ народной почвы будутъ все чаще отрываться искусственно привлекаемые къ высшему образованію люди дюжинныхъ способностей и дряннаго характера, годные лишь развѣ на пополненіе извѣстной арміи „умственнаго пролетаріата“, то-есть жальчайшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшаго класса лицъ, какой только можетъ существовать въ государствѣ.

— И это тѣмъ болѣе вѣрно, молвилъ директоръ завода Пецъ, Русскій и православный, не смотря на свою мѣмецкую фамилію, — что въ послѣднее время сталъ замѣчаться такой фактъ, что этотъ людъ низменное происхожденіе свое въ какую-то заслугу себѣ вмѣняетъ и за нее привилегій требуетъ... У насъ въ Технологическомъ институтѣ, разсказывали мнѣ, недавно такой анекдотъ произошелъ. Поставилъ профессоръ одному такому за отвѣтъ единицу на экзаменѣ. Тотъ въ амбицію, объясненія требуетъ. „Сколько вы заслужили, столько я вамъ и поставилъ“, говоритъ ему профессоръ. А тотъ себя въ грудь кулакомъ, и выпалилъ: „Я, говоритъ, изъ народа вышелъ, мнѣ лишній годъ на курсѣ просидѣть разсчетъ составляетъ, такъ вы что же мнѣ колъ ставите!“... Точно будто кто его просилъ „выходить!“...

— Ну, а профессоръ, само собою, доводомъ такимъ умилился до слезъ и выправилъ *колъ* на тройку? спросилъ, надрываясь отъ смѣха, толстякъ докторъ, за которымъ такъ и залился своимъ звенящимъ молодымъ хохотомъ Вася.

— Не знаю, но очень вѣроятно... тамъ у насъ либерализмъ теперь во всей силѣ.

— Eh bien, c'est la roue qui tourne, комически возгласилъ Blanchard, пожимая плечами: — on disait autrefois: „Saluez, vilains, voilà Crillon *) qui passe!“ Ils disent aujourd'hui: „Je suis vilain: fils des croisés, chapeau bas“..

— Bravo, monsieuer Blanchard!

И Маша порывисто захлопала въ ладоши.

---

*) Одинъ изъ мужественнѣйшихъ сподвижниковъ и любимцевъ короля Генриха IV, происходившій отъ древней италіянской фамиліи Бальби.

Галантный Французъ приложилъ руку къ сердцу и низко склонилъ по ея адресу лысую голову свою надъ тарелкой.

Она снова обратилась къ отцу:

— А я все же, папа, къ прежнему, о Евлашѣ. Согласенъ ты на предложеніе Петра Петровича?

— А я вижу, отвѣтилъ онъ съ притворною досадой,— что у васъ съ Петромъ Петровичемъ устроенъ по этому случаю противъ меня заговоръ... Смотрите, примолвилъ онъ серіозно,—вы на отвѣтственность свою берете большое дѣло: цѣлую судьбу человѣка... Отъ бумагопрядильни, разумѣется, слѣдуетъ его избавить. Но у насъ же тутъ, во Всесвятскомъ, ему, на самый-ли заводъ поступилъ бы онъ, или въ контору, если онъ склоненъ болѣе къ письменнымъ занятіямъ, обезпечена будущность, вполнѣ соотвѣтствующая той рамкѣ, въ которой онъ родился, обезпеченъ заработокъ на все время, пока онъ будетъ къ состояніи работать, и безбѣдное существованіе подъ старость...

— У насъ на заводѣ особенное рабочее положеніе, объяснилъ вполголоса Пецъ, перегибаясь черезъ столъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, жадно, какъ онъ замѣтилъ, прислушивавшейся къ разговору: — плата постояннымъ нашимъ рабочимъ увеличивается на десять процентовъ чрезъ каждыя пять лѣтъ; изъ нея же вычитается обязательно четыре процента въ особую эмеритальную кассу, куда Борисъ Васильевичъ вноситъ со своей стороны ежегодно шесть процентовъ изъ чистой заводской прибыли. Изъ образовавшагося у насъ теперь уже довольно значительнаго капитала рабочій, прослужившій у насъ безупречно пятнадцать лѣтъ, получаетъ отъ завода весь нужный матеріалъ и помощь деньгами, по разсчету, на перестройку, обязательную же, избы своей на каменную, по одному изъ имѣющихся у насъ для этихъ построекъ плановъ, по его выбору; а чрезъ двадцать пять, если захочетъ выбыть изъ завода, двѣ трети послѣдняго жалованья, которое онъ получалъ на работѣ, будутъ обращаться ему въ пожизненную пенсію...

— Да это Лассалевское ученіе на практикѣ! восторженно воскликнула дѣвушка.

Пецъ засмѣялся:

— Ужь не знаю, право, своимъ умомъ дошли, кажется...

— Я объ этомъ предметѣ много думалъ въ послѣдніе дни, Борисъ Васильевичъ, говорилъ тѣмъ временемъ Молотковъ;— у насъ дѣйствительно теперь, благодаря льготамъ по военной повинности, многочисленнымъ стипендіямъ въ заведеніяхъ и такъ далѣе, искусственно, какъ вы вѣрно замѣтили, привлекается къ высшему ученію много молодыхъ личностей изъ низшихъ сословій, для которыхъ полученное ими образованіе обращается затѣмъ часто въ источникъ страданій, а иногда и въ гибель, развивая въ нихъ потребности не по мѣрѣ средствъ и претензіи не по мѣрѣ способностей... Но вѣдь есть однако въ народѣ натуры, исключительно даровитыя, для которыхъ тѣсный кругъ образованія элементарной школы оказывается недостаточнымъ.

— Эти натуры сами, такъ или иначе, не безпокойтесь, всплывутъ на верхъ, вѣско выговорилъ Троекуровъ,—но народная школа никакъ не должна имѣть въ виду эти исключительныя натуры. Изъ крестьянскаго ребенка сдѣлать грамотнаго христіанина, а при этомъ подготовить его по возможности твердо, то-есть практично, къ какой-либо ремесленной или промышленной спеціальности, которая дала бы ему средство зарабатывать хлѣбъ свой тамъ, гдѣ земля не окупаетъ полагаемаго на нее труда,—вотъ единственная задача народнаго обученія. Задаваться иными, болѣе „широкими“ soi-disant цѣлями, какъ дѣлаютъ это наши петербургскіе или екатеринославскіе педагоги, не только ошибка, а преступленіе, по-моему!..

— Никакъ ужь не „мои“, возразилъ усмѣхаясь молодой учитель, студентъ Виѳанской семинаріи,—уже потому, что эти господа ровно ничего своего здороваго не сказали намъ до сихъ поръ, а все лишь пережевываютъ и перемалываютъ, что прочтутъ въ нѣмецкихъ книжкахъ. Нѣмецкая же школа намъ не указъ: вся она построена на раціонализмѣ, а у насъ она можетъ стоять только на Церкви; иной народъ нашъ не признаётъ, да и не признаётъ никогда, пока останется вѣрнымъ себѣ и своей исторіи, Церковью созданной.

Троекуровъ утвердительно кивнулъ.

— Папа, возгласила Маша, сидѣвшая какъ на иголкахъ въ продолженіе этого разговора,—увѣряю тебя, что Евлаша останется такимъ же хорошимъ христіаниномъ и честнымъ мальчикомъ въ гимназіи, какъ онъ былъ у насъ въ школѣ, а сидѣть за книжкой ему, само собою, будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ за теркой стоять.

Всѣ разсмѣялись.

— Да, добавилъ Молотковъ,—у мальчика голова рефлективная.

— „Рефлективная!“ повторилъ Борисъ Васильевичъ съ веселою, безобидною ироніей:—послѣ этого мнѣ остается конечно только сложить оружіе.

Прелестные вишневые глаза Маши заблистали, какъ двѣ звѣздочки:

— Такъ это можно почитать конченнымъ, папа, да?... Она наклонилась къ нему и въ полголоса:—и умоляю тебя, чтобъ это изъ жалованья, которое ты мнѣ даешь... Я хочу, чтобъ онъ былъ... какъ это говорится, Боже мой!.. да, чтобъ Евлаша былъ *моимъ*, собственно моимъ, *стипендіатомъ*, пока онъ будетъ въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ... Потому что онъ непремѣнно въ университетъ поступитъ... и на историческій факультетъ,—я непремѣнно потребую отъ него,—это самый лучшій предметъ занятій... И вообрази, папа,—голосъ ея звенѣлъ уже громкими и восторженными нотами,—изъ него вдругъ выйдетъ замѣчательный человѣкъ, знаменитый ученый, которымъ похвалится вся Россія!...

— Россія учеными своими не привыкла хвалиться, комически застѣнчивымъ тономъ произнесъ докторъ.

— Потому что она ихъ не знаетъ, возразилъ Пецъ.

— Потому что они блещутъ въ ней своимъ отсутствіемъ, отпарировалъ тотъ.

— Потому что хвалить свое вообще, кажется, не въ натурѣ русскихъ людей, примирительно замѣтилъ Павличекъ, сидѣвшій между ними.

— И любезно будто бы, и ядовито, у, какъ! расхохотался Ѳирсовъ:—сейчасъ виденъ Славянинъ, прошедшій чрезъ *гор-*

нило европейскаго образованія; наша братія, неумытые русскіе люди, передразнилъ онъ слегка выговоръ Павличка.

Miss Simpson, чопорная пожилая Англичанка, молча все время пережевывавшая блюдо за блюдомъ своими длинными и крѣпкими зубами, при словѣ „неумытые“ (она понимала по-русски), будто вскинутая пружиной, такъ и впилась черезъ столъ негодующимъ взглядомъ въ лицо господина, выражавшагося такъ не *gentlemanly*.

Еще не подали сладкаго, какъ подъ окнами столовой, выходившей на дворъ, послышался стукъ подъѣзжавшаго ко крыльцу экипажа.

— Это Павелъ Григорьевичъ! обратилась съ радостнымъ взглядомъ ко Гришѣ Александра Павловна, безмолвствовавшая до сихъ поръ, какъ всегда, когда при ней, какъ выражалась она не то шутливо, не то смиренно, „заводились умныя рѣчи“.

— И даже съ дядей, отвѣтилъ онъ, глядя черезъ спину въ открытое окно.

Хозяинъ поспѣшно всталъ съ мѣста итти навстрѣчу старикамъ-братьямъ; хозяйка послѣдовала его примѣру, а за нею поднялись и всѣ остальные...

— Ну вотъ, ну вотъ, такъ и зналъ, архіерейская встрѣча, послышался затѣмъ въ дверяхъ смѣхъ и еще бодрый, густой басъ стараго моряка:—ну, не стыдно-ли? Вѣдь, чай, еще не дообѣдали?...

— Сейчасъ кончаемъ, говорила Александра Павловна, цѣлуя его и Василія Григорьевича въ голову.

— Ну и кончайте, а мы посидимъ съ вами...

— Не хотите-ли чего-нибудь?

— Что это вы! Вѣдь мы съ Василіемъ старосвѣтскіе помѣщики. Со смерти бѣдной моей Вѣры Ѳоминишны, вздохнулъ Павелъ Григорьевичъ (Вѣра Ѳоминишна скончалась отъ простуды года четыре предъ тѣмъ, напившись ледяной воды изъ ключа послѣ двухчасовой варки на солнцѣ, при тридцати градусахъ жары, какого-то диковиннаго смороднинаго сиропа),—онъ у меня за Пульхерію Ивановну состоитъ: въ часъ пополудни заставляетъ меня обѣдать.

— И что же, хорошо, Паша, ближе къ природѣ, возразилъ тотъ съ тихимъ и счастливымъ смѣхомъ, нѣжно пожимая въ то же время обѣими своими толстожилыми, дрожащими руками тонкую руку Маши, подбѣжавшей къ нему съ радостнымъ привѣтомъ.

— Вотъ онъ и удовлетворенъ, продолжалъ смѣяться морякъ, указывая на брата,—увидѣлъ свой предметъ и въ небесахъ! Вы думаете—онъ для кого напросился пріѣхать со мною сюда? Единственно для Маріи Борисовны. Ночью ею бредитъ, не шучу!...

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ, а есть немножко! сіяя своими уже тускнѣвшими, но все еще юношески восторженными глазами, молвилъ на это старикъ, не отрываясь ими отъ дѣвушки.

— Не балуйте меня очень, Василій Григорьичъ, смѣялась она,—а то я еще хуже стану, чѣмъ *есмь*.

— Нельзя, нельзя, пролепеталъ онъ какъ бы таинственнымъ шопотомъ:—на разстояніи четверти вѣка *другую* вотъ встрѣчаю...

Онъ не договорилъ, и изъ-подъ его старческихъ покраснѣвшихъ вѣкъ выступили двѣ крохотныя, какъ брызги осенняго дождя, росинки слезъ.

— Борисъ, говорила тѣмъ временемъ хозяйка,—у насъ сладкое сегодня мороженое; я велю подать въ гостиную. Messieurs et dames, je vous prie!...

Маша подхватила стараго своего поклонника подъ руку и, медленно подвигаясь съ нимъ нога въ ногу, молвила ему на ухо:

— А я вотъ сейчасъ съ вашимъ племянникомъ такъ ссориться буду!...

— Чѣмъ онъ провинился, птичка моя райская, чѣмъ? испуганно пробормоталъ онъ.

Она засмѣялась:

— Пусть самъ вамъ потомъ разскажетъ. Только это не страшно, промолвила она успокоительно.

XVII.

Въ гостиной хозяйка посадила опять подлѣ себя гостью и, обращаясь къ Павлу Григогорьевичу Юшкову:

— Вы Настасью Дмитріевну Буйносову помните? проговорила она, глядя ему прямо въ глаза съ выраженіемъ — будьте-молъ, очень васъ прошу, любезны съ нею.

Услыхавъ фамилію Буйносовыхъ, старый морякъ безсознательно передернулъ обрубкомъ отрѣзанной своей руки, и видимая тѣнь неудовольствія пробѣжала по его лицу. Но взглядъ Александры Павловны тотчасъ же смягчилъ его и перемѣнилъ расположеніе къ „этой особѣ“... „Не даромъ же, видно, взялъ ее подъ крылышки нашъ *ангелъ*“ (такъ называлъ онъ въ глаза и за глаза Александру Павловну), разсудилъ онъ.

— Какже-съ, встрѣчались здѣсь... А давно этому, годика два будетъ, отвѣчалъ онъ привѣтливымъ тономъ.

Онъ подалъ ей руку, сѣлъ подлѣ нея...

— Настасья Дмитріевна... совсѣмъ одна осталась теперь, какъ бы что-то желая объяснить, съ задержкой произнесла Троекурова.

— Знаю, знаю... горе немалое! участливо вздохнулъ онъ, глядя на дѣвушку, на впалые глаза ея и щеки. „Съ сестрой очевидно ничего общаго!“ пронеслось у него въ головѣ.—Вы остаетесь у себя въ Юрьевѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сказала она какъ бы нѣсколько смущенно, — я думаю на дняхъ въ Москву ѣхать.

— На долго?

— Не знаю, но сюда я вѣроятно не вернусь.

— Тяжело слишкомъ, я понимаю, промолвила Александра Павловна.

— Въ Москвѣ поселитесь? спросилъ опять Юшковъ.

— Едва-ли, отвѣтила она не сейчасъ и не сейчасъ опять добавила:—тамъ меня прямо не примутъ...

— Куда?

Настя вдругъ и совсѣмъ смутилась. Отвѣтъ—прямой отвѣтъ на вопросъ, вызванный ея же словами,—какъ бы не осмѣливался теперь выпасть изъ ея устъ. „Какъ покажется это *здѣсь* страннымъ, дикимъ!“ думалось ей... Она робко подняла глаза на хозяйку, но тутъ же, какъ бы прочтя въ ея улыбкѣ нежданное себѣ поощреніе, мгновенно рѣшилась:

— Я желаю поступить на сцену, выговорила она слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Первая мысль ея однако оказалась вѣрною. Павелъ Григорьевичъ, хмурясь, задергалъ себя за длинную, бѣлую теперь какъ лунь бороду и опустилъ глаза; что-то испуганное, жалостливое сказалось въ чертахъ хозяйки:

— Въ актрисы! скорбно дрогнулъ ея голосъ.

— Жить чѣмъ-нибудь надо, а я ни на что другое не способна, поспѣшно, съ выступившею у нея вдругъ краской на лицѣ, объяснила дѣвушка, будто извиняясь и стараясь въ то же время доказать себѣ, что ей „все равно, что бы *они* ни думали объ этомъ“...

Александра Павловна взяла ее за руку и, не выпуская ея изъ своей:

— Вѣдь это ужасная карьера, милая, прошептала она,—со всѣхъ сторонъ...

— Много ужь грязи придется видѣть! брезгливо отмѣтилъ морякъ.

— Знаете что, поторопилась заговорить Троекурова, испугавшись, чтобъ эти слова не оскорбили какъ-нибудь дѣвушки,—не рѣшайтесь такъ, сейчасъ... Поговорите сначала съ Борисомъ Васильевичемъ. Онъ такъ много жилъ, видѣлъ въ своей жизни и думалъ... Онъ вамъ можетъ хорошій совѣтъ дать...

— Вѣрно! И Павелъ Григорьевичъ качнулъ головой:—Борисъ Васильевичъ въ этомъ случаѣ всѣхъ насъ *компетент-*

нѣе, какъ пишутъ у насъ теперь въ газетахъ, какъ бы съ новою брезгливостью добавилъ онъ.

— Право, милая, настаивала Александра Павловна, нѣжно пожимая ея руку и глядя ей тревожно въ лицо,—поговорите съ нимъ!... Вотъ онъ теперь толкуетъ съ monsieur Бланшаромъ и Николаемъ Ивановичемъ о новомъ корпусѣ, который они хотятъ пристроить къ нашей больницѣ, а когда онъ кончитъ, мы его позовемъ...

— Ахъ, право, это напрасно, я... начала было Настя и не договорила: она чувствовала себя въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго не имѣла силы вырваться...

Маша тѣмъ временемъ, усадивъ подлѣ Василья Григорьевича Юшкова учителя Молоткова, съ которымъ онъ тотчасъ же и вступилъ по обыкновенію въ преніе по поводу какого-то ненравившагося ему „новаго педагогическаго пріема", поманила къ себѣ рукою заговорившаго было съ miss Simpson Гришу, увлекла его съ собою къ окну, въ сторону сада, и начала съ оника:

— Зачѣмъ вы такъ не любезны были съ нею?

— Съ кѣмъ это, съ miss Simpson? съ притворнымъ смѣхомъ спросилъ онъ, будто не понимая, про кого она говоритъ:

— Безъ увертокъ пожалуйста! строго выговорила Маша:— Когда *она* вошла съ maman въ столовую, я нарочно назвала васъ: вы поклонились ей, будто въ первый разъ ее видите. Это, во-первыхъ, неучтиво, а во-вторыхъ, une finesse cousue de fil blanc.

— Какая finesse? досадливо сморщась, воскликнулъ онъ, избѣгая въ то же время ея глазъ.

Но она неумолимо допекала его:

— Вы хотѣли показать maman... и всѣмъ, что вы съ *нею* едва знакомы, когда это неправда, когда вы къ нимъ постоянно ѣздили... Правда, не для *нея*, подчеркнула она съ какою-то странною смѣсью веселой насмѣшки и серьезнаго упрека,—но вѣдь это все равно...

— Какъ, и вы туда же? вырвалось неудержимо у молодаго человѣка.

Брови у нея сдвинулись:

— Куда „туда же“? холодно и гордо уронила она.

Гриша глянулъ на нее искоса и счелъ за лучшее засмѣяться опять:

— Кто это, скажите, далъ вамъ право меня допрашивать... и вообще *командовать* мною? подчеркнулъ онъ какъ бы въ шутку.

— Кто? пылко повторила она съ засверкавшими глазами:—вы сами, ваше поведеніе!...

— Это еще что? какое „поведеніе“?...

— Развѣ мнѣ не досадно... вѣдь вы мнѣ какъ братъ съ дѣтства... развѣ не досадно мнѣ видѣть, какъ вы маетесь и не имѣете при этомъ le courage de vos sentiments... Вѣдь я васъ насквозь вижу: вы стараетесь показать себя спокойнымъ и равнодушнымъ, думаете всѣхъ обмануть, а вамъ слово промолвить трудно со времени *одной свадьбы*.

Онъ хотѣлъ возразить, остановить ее, но она не дала ему на это времени:

— Всѣ говорили, что *это* было бы для васъ самое большое несчастіе, и вы сами это, вѣрно, увидѣли... потому что допустили, что не вы, а другой *взялъ ее*... Такъ будьте же тогда мущиной, не выдавайте, что васъ мучитъ!... Если-бъ это со мной случилось, я бы или поставила на своемъ противъ всего міра, или такъ съумѣла бы себя *стиснуть*, что моя подушка не знала бы, что я думаю и чувствую! вскликнула красавица-дѣвочка съ выраженіемъ страстной и неодолимой энергіи.

Гришу эта выходка окончательно взорвала:

— А я васъ прошу, Марья Борисовна, отчеканилъ онъ, весь поблѣднѣвъ даже отъ досады, — избавить меня отъ вашихъ *уроковъ*. Я чуть не на двадцать лѣтъ старѣе васъ...

— На семнадцать! поправила она скороговоркой.

— Все равно!.. И дѣлать вамъ замѣчанія мнѣ относительно того... что до васъ во всякомъ случаѣ отнюдь не касается, пробормоталъ онъ,—по меньшей мѣрѣ смѣшно!..

Она покраснѣла до самыхъ ушей... но тутъ же разсмѣялась, жалостливо глянула на него:

— Ну, такъ и *погибайте*, какъ знаете! А я такихъ мущинъ, какъ вы, уважать не могу...

И, стремительно вскинувшись съ мѣста, понеслась въ противоположную сторону комнаты, опустилась на стулъ подлѣ Василія Григорьевича и проговорила ему на ухо:

— Выпѣла ему все до конца.

— Что̀ это, моя птичка? обернулся на нее, не понявъ въ первую минуту, старецъ.

— А я вамъ говорила: Гришѣ, племяннику вашему...

— Да, да, Гришѣ, блаженно засмѣялся онъ;— „выпѣли“, говорите... И хорошо, чтобы долго помнилъ, а?

— Желала бы!

И тонкія брови Маши сдвинулись еще разъ.

— Ну, а онъ что̀ же, благодарилъ, надѣюсь?

Она чуть-чуть пренебрежительно приподняла плечи:

— Изволили разгнѣваться, по обыкновенію... Онъ уѣдетъ съ вами теперь въ Углы и недѣлю цѣлую потомъ сюда не покажется, чтобы доказать мнѣ свое великое неудовольствіе... А чрезъ недѣлю соскучится, положитъ гнѣвъ на милость, и все попрежнему пойдетъ... Вѣдь я его наизусть знаю, *дядя Базя*, съ легкимъ вздохомъ примолвила дѣвушка, несказанно радуя старика ласкательнымъ уменьшительнымъ, которымъ называла она его въ дѣтствѣ.

Большіе голубые глаза его остановились на ней съ невыразимою любовью:

— Пери вы моя!.. Видѣнье райской стороны!.. лепеталъ онъ восторженно на своемъ романтическомъ языкѣ временъ *Свѣтланы* и *Рыцаря Тогенбурга*...

— Борисъ, молвила Александра Павловна подошедшему къ нимъ мужу,—Настасьѣ Дмитріевнѣ надо будетъ посовѣтоваться съ тобою объ одномъ... предметѣ.

— Очень радъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, — тѣмъ болѣе, что мы, кажется, утромъ не совсѣмъ успѣли договориться... Не пройдемъ-ли мы опять ко мнѣ, Настасья Дмитріевна, предложилъ онъ дѣвушкѣ,— здѣсь намъ будетъ не такъ свободно.

Онъ усадилъ ее въ кабинетѣ на прежнее мѣсто, а самъ

опустивъ вдумчиво голову и засунувъ руку за бортъ застегнутаго сюртука, медленно зашагалъ по комнатѣ:

— Мнѣ не хотѣлось бы оставить въ васъ ни тѣни сомнѣнія, началъ онъ,—относительно искренняго, сердечнаго, скажу я, желанія быть вамъ на что-либо пригоднымъ. Къ несчастію, вы отнеслись ко мнѣ, прося содѣйствія именно въ томъ, въ чемъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ долженъ отказать вамъ. Я не могу ходатайствовать, поймите, у властей по дѣлу, къ которому, будь я на ихъ мѣстѣ, я отнесся бы по всей вѣроятности еще строже, чѣмъ они... Вы говорили сегодня о „прощеніи“. Я не допускаю прощенія для тѣхъ, которые прежде всего о немъ и не просятъ и, главное, не дали бы его сами никому, если-бы власть когда-либо попалась имъ въ руки...

Онъ остановился на-ходу и пристально взглянулъ на молча внимавшую ему дѣвушку съ улыбкой, сквозь которую пробивалось выраженіе ѣдкой внутренней горечи:

— На ваше счастіе, сказалъ онъ,—такихъ *безпощадныхъ*, какъ я, не много найдется въ *гуманнѣйшей* Россіи нашихъ дней. Если я не почитаю возможнымъ принять на себя ходатайство за вашего брата, то вы отъ этого нисколько не потеряете,—напротивъ! Выгородить его или довести, по крайней мѣрѣ, степень его виновности до минимальнѣйшихъ размѣровъ будутъ стараться лица, гораздо болѣе вліятельныя тутъ, чѣмъ могъ бы быть въ этомъ случаѣ я.

— Кто такіе? изумленно вскликнула Настя.

— Весь тотъ судебный персоналъ, чрезъ руки котораго пройдетъ онъ: адвокаты, прокуроры, судьи...

— Вы думаете?... И въ мысленномъ представленіи ея въ ту же минуту выросла маленькая и рѣшительная фигура „представителя прокурорской власти“ Тарахъ-Таращанскаго, и визгливый фальцетъ его прозвенѣлъ еще разъ въ ея ухѣ: „Я вѣдь всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія“.—Вы думаете? оживленно повторила она.

— Увѣренъ, отвѣтилъ съ тою же ѣдкою улыбкой Троекуровъ: — вѣдь судьи и подсудимые того же взращенія цвѣтки будутъ, тѣмъ же духовнымъ млекомъ вспоенные, на тѣхъ же

Чернышевскихъ и компаніи воспитанные... Но объ этомъ довольно!... Вы не гнѣваетесь на меня за мою откровенность? спросилъ онъ нежданно, протягивая ей руку.

— Хотѣла бы, не могу! слабо усмѣхнулась она, пожимая ее:—еще собираясь къ вамъ, я внутренно чувствовала, что вы не можете дать мнѣ другаго отвѣта, и поѣхала только, чтобы не обвинять себя потомъ, что не сдѣлала въ этомъ случаѣ всего, что было въ моей власти.

— И не раскаиваетесь теперь, что поѣхали? тихо и мягко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Борисъ Васильичъ,—и глаза ея засіяли добрымъ сіяніемъ: — я не ждала, признаюсь вамъ, того сердечнаго пріема, который встрѣтила здѣсь... и никогда не забуду его...

— Ну, и прекрасно, прекрасно!... не далъ онъ ей говорить далѣе. Онъ подвинулъ кресло и сѣлъ къ столу, прямо противъ нея: — а теперь поговоримте собственно о васъ. О чемъ желаетъ Александра Павловна, чтобы вы „посовѣтовались“ со мною?

— Ее очень испугало, молвила со слабою усмѣшкой Настя,—намѣреніе мое поступить на сцену.

— А вы желаете?...

— Да!... Вы этого тоже не одобряете? вырвалось у нея невольно...

— Это будетъ зависѣть... сказалъ онъ.

— Отъ чего?

— Отъ того побужденія, которое подвигаетъ васъ на это намѣреніе.

— Я сказала Александрѣ Павловнѣ: жить чѣмъ-нибудь надо, а у меня къ этому, кажется, способность есть.

— И только?...

— Что?

— Только *способность?* подчеркнулъ онъ.

Она поняла... и поняла то, что „этотъ человѣкъ пойметъ ее“ въ свою очередь, что „ему можно будетъ сказать все“, все то, о чемъ такъ много передумано ею, и чего до сихъ поръ не находила она возможнымъ повѣрить ни одной душѣ

живой въ средѣ *своихъ*... Не даромъ же глядѣлъ онъ на нее теперь „такими добрыми и умными глазами“...

— Ахъ, Борисъ Васильичъ, проговорила она задушевно,— я такъ намучилась... я туда *ушла бы* вся...

— Въ искусство? пояснилъ онъ.

— Да!... Я такъ давно живу одною этою надеждой!... Въ тѣ долгіе часы, которые я, бывало, проводила по ночамъ надъ нимъ... надъ несчастнымъ отцомъ моимъ, вымолвила она чрезъ силу, съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ,—я знала, что... при его состояніи... ему не долго жить, что я останусь потомъ одна, безъ средствъ, что надо будетъ мнѣ приложить къ чему-нибудь руки, я все упорнѣе... все *любовнѣе*, спѣшно примолвила она, какъ бы поймавъ на лету желанное выраженіе, — ухватывалась за эту мысль... Это былъ мой якорь спасенія, Борисъ Васильичъ, примолвила она и смолкла на мигъ.

Онъ не отрываясь глядѣлъ на нее, отъ времени до времени поводя сверху внизъ головою, какъ бы приглашая ее продолжать.

— Жить мнѣ... да и всѣмъ намъ... въ Юрьевѣ было не легко, начала она снова:—съ сестрой мы мало сходились, у нея другія требованія... другія понятія... Братъ ушелъ. *Онъ*... съ этою *слабостью* своей... вѣчно терзавшій себя воспоминаніями объ утерянномъ прежнемъ, недовольный собою и нами, ни съ чѣмъ не мирившійся и на все досадовавшій какъ ребенокъ... И каждый день тѣ же грошовые разсчеты, мелкія лишенія, старческія, малодушныя жалобы *его* на недостатокъ удобствъ, къ которымъ привыкъ *онъ* съ пеленъ... О мукѣ я не говорю, но что горечи, что злости набиралось мнѣ въ душу, если бы вы знали!... А я не родилась злая, Борисъ Васильевичъ, мнѣ тяжело ненавидѣть и проклинать... Смириться я тоже не могла: недостаточно христіанка я для этого...

— Вы не вѣруете? спросилъ совершенно спокойно Троекуровъ.

Но этотъ вопросъ какъ бы смутилъ ее нѣсколько.

— Я не атеистка, впрочемъ, словно извиняясь, отвѣтила она,—я признаю невѣдомую... высшую силу... Но *Провидѣніе*,

какъ говорится, было слишкомъ безпощадно ко всѣмъ намъ, чтобы могла я вѣрить въ его „безконечную милость“ и сносить съ покорностью его удары во имя его „будущихъ...“ гадательныхъ наградъ, добавила Настя съ неудачнымъ намѣреніемъ улыбки;—если-бъ я вѣровала, сказала она по минутномъ размышленіи,—какъ дается это инымъ... я ушла бы теперь, не задумываясь, въ монастырь, въ пустыню, „спасать себя молитвой и постомъ“, какъ говоритъ старецъ Пименъ у Пушкина...

Она остановилась вдругъ, пораженная выраженіемъ страданія, сказавшагося въ эту минуту на лицѣ ея собесѣдника.

— Вы дурно себя чувствуете? быстро спросила она.

— Ничего, также поспѣшно проговорилъ онъ,—въ головѣ нѣсколько подергиваетъ... старая обычная у меня боль, нисколько не мѣшающая мнѣ слушать... Продолжайте, сдѣлайте милость!

Дѣвушка заговорила опять; она въ этой исповѣди своей находила какое-то невѣдомое ей до тѣхъ поръ душевное удовлетвореніе.

— Христіанскаго смиренія во мнѣ не было, повторила она,—но и доброму, что̀ оставалось у меня въ душѣ, я не хотѣла дать погибнуть въ этомъ аду... Чѣмъ наполнить, *на что̀* отдать ее, душу, думала я безустанно, чтобы стоять внутри себя выше житейскихъ терзаній... чтобы было у меня что-нибудь *главное*... недосягаемое... чему бы я могла предаться такъ, чтобы все возмущающее въ жизни потеряло для меня всякое значеніе... Не знаю, такъ-ли я выражалась и понятно-ли для васъ это чувство, Борисъ Васильичъ?...

— Совершенно, сказалъ онъ,—и совершенно понятно, что это „главное“, на что̀ могли бы вы „отдать душу, вы попытались искать въ искусствѣ...

— Да, радостно воскликнула она,—не правда-ли?... У меня къ театру была страсть съ дѣтства; я помню, въ Москвѣ, на послѣднія деньги, бывало, ѣдешь съ братомъ плакать надъ Садовскимъ въ *Любимѣ Торцовѣ*... А что̀ ночей на пролетъ провела я за Шиллеромъ и Шекспиромъ... Я долго однако боролась съ собою: я люблю дѣтей, и у меня дипломъ

изъ гимназіи есть; я думала сначала посвятить себя педагогіи, поступить куда-нибудь въ учительницы. Но я слишкомъ раздражена, слишкомъ нервна; я бы воспитанникамъ своимъ принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы... А на сценѣ тѣ же нервы могутъ еще службу мнѣ сослужить: съ помощью ихъ я буду въ состояніи вѣрнѣе, тоньше принимать въ себя и передавать внутреннюю жизнь лицъ, которыхъ мнѣ придется изображать...

Она говорила съ воодушевленіемъ, съ разгоравшимися все ярче глазами, и все лицо ея, впалое и желтое, словно преобразилось подъ свѣтомъ этихъ дымчатыхъ и глубокихъ глазъ... „Да она просто красива“! сказалъ себѣ въ изумленіи Троекуровъ...

Онъ продолжалъ глядѣть на нее, тихо покачивая головой.

— У васъ сценическая, выразительная, подвижная наружность,—безспорно. Остается знать...

— Есть-ли у меня талантъ? договорила она за него.

— Да, усмѣхнулся онъ.

— Кажется, есть, отвѣтила дѣвушка безъ притворнаго скромничанья: — покойный отецъ думалъ такъ, по крайней мѣрѣ, а у него было много вкусу и навыка, онъ такъ много видѣлъ на своемъ вѣку... Я прочла съ нимъ много женскихъ драматическихъ ролей: Корделію, Дездемону, Марію Стюартъ, Теклу въ *Валленштейнѣ*, и изъ нашего репертуара...

— Знаменитую Катерину въ *Грозѣ?* неожиданно спросилъ Троекуровъ. И Настя не могла разобрать, похвалою-ли или ироніей отзывался у него этотъ вопросъ. Онъ впрочемъ не далъ ей времени объяснить себѣ это:

— Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ, я полагаю, пройти извѣстную подготовительную школу съ какимъ-нибудь хорошимъ спеціалистомъ... А для этого, и не для одного этого, пока вы не поступите на сцену... средства нужны, Настасья Дмитріевна, молвилъ онъ, не глядя на нее и понижая голосъ.

— Я теперь обезпечена, воскликнула она: — тетка наша, Лахницкая, оставила по завѣщанію три тысячи рублей сестрѣ моей Антонинѣ съ тѣмъ, чтобы она пользовалась процентами съ нихъ до замужства, а когда выйдетъ, передала бы ихъ мнѣ

въ полное распоряженіе. Тетка предчувствовала, что Антонина со своею красотой найдетъ себѣ скоро богатаго мужа и не будетъ нуждаться въ этихъ деньгахъ...

— Какія же это деньги три тысячи рублей? возразилъ онъ: — на проценты ихъ не проживете, а начнете брать изъ капитала, на долго-ли хватитъ?

— До поступленія на жалованье. Вѣдь если окажется талантъ, не гроши же дадутъ! А не будетъ таланта, и капитала никакого не нужно будетъ: пойду въ какую-нибудь общину, въ сестры милосердія.

— Вы желали бы поступить въ Московскій театръ?

— Конечно; но все равно, я и въ провинцію готова.

— Тамъ... потяжелѣе будетъ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Она вздрогнула слегка и твердымъ голосомъ:

— Послѣ того, что̀ суждено мнѣ было испытать, сказала она,—ничто меня не устрашитъ и все отъ меня отскочитъ.

И такъ много внутренней силы послышалось въ этихъ словахъ, что Троекурова точно всего приподняло:

— Идите же съ Богомъ въ путь, порывисто вырвалось у него,—и да хранитъ Онъ васъ отъ недочетовъ и унынія!...

— Вы благословляете? благодарно и ласково глядя ему въ лицо, проговорила Настя.

Онъ задумался вдругъ и отвѣчалъ не сейчасъ:

— Александра Павловна будетъ, конечно, не довольна такимъ моимъ „благословеніемъ...“ хотя, по обыкновенію, ничѣмъ мнѣ не покажетъ этого, добавилъ онъ съ какою-то странною, унылою улыбкой и словно про себя;—для нея точно такъ же трудно допустить, чтобы дѣвушка, какъ вы, могла рѣшиться итти въ актрисы, какъ и то, чтобъ эта дѣвушка была „недостаточно христіанкою“, чуть-чуть подчеркнулъ онъ; но я позволю себѣ быть нѣсколько... какъ бы это сказать, чтобы не слишкомъ обидѣть себя?... нѣсколько объективнѣе въ этомъ случаѣ... Не всѣмъ дано, какъ ей, родиться безгрѣшною, impressible et immaculée! Духъ вѣры и смиренія есть даръ, величайшій даръ, и не дается онъ всякому, кто захочетъ. А душу живую все же чувствуетъ въ себѣ каждый,

и такъ или иначе ищетъ отрѣшить ее отъ буднишней грязи, алчетъ—и у сколькихъ это напрасно выходитъ,—отдать ее на что-то „главное *недосягаемое*“,—вы хорошо это сказали!—въ чемъ поглотилось бы его личное, назойливое, вѣчно ноющее *я*... Вы нашли его въ искусствѣ—что же, съ Богомъ, идите! повторяю. Искусство—то же спасеніе! Оно тоже лучъ изъ того *неба*... въ „награды“ котораго вы не вѣруете.

Онъ оборвалъ вдругъ и сморщился, будто отъ чего-то горькаго, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда иное слово въ пылу разговора, вырывавшееся у него изъ глубины души, могло, по его мнѣнію, быть сочтено за „фразу“ слушателями его.

— Я однако въ поэзію пустился, кажется, промолвилъ онъ съ насилованнымъ смѣхомъ, подымаясь съ мѣста.

— Ахъ, если бы вы знали, вскликнула на это горячо Настя,—какъ давно я ни отъ кого не слышала этой „поэзіи“ и какъ сладко мнѣ ее слышать!...

— Очень радъ!...

Онъ присѣлъ опять къ столу.

— Такъ вотъ что, Настасья Дмитріевна, поспѣшилъ онъ заговорить опять:—я дамъ вамъ письмо въ Москву къ одному хорошему моему знакомому; зовутъ его Ашанинъ. Большой повѣса, весело промолвилъ Борисъ Васильевичъ,—но золотой по сердцу человѣкъ; онъ свой въ театральномъ мірѣ, поставитъ васъ тамъ въ сношеніе со всѣми, кто будетъ вамъ нуженъ, и сдѣлаетъ для васъ вообще все, что только можно сдѣлать,—отвѣчаю вамъ за это... Но при этомъ уговоръ, заключилъ онъ.

— Какой? съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросила она.

— Во-первыхъ, вы остановитесь по пріѣздѣ въ домѣ моемъ на Покровкѣ и устроитесь тамъ на все время, пока пробудете въ Москвѣ...

Она хотѣла возразить, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Во-вторыхъ, вы должны обѣщать Александрѣ Павловнѣ... и мнѣ, что будете почитать Всесвятское роднымъ для себя мѣстомъ, куда станете пріѣзжать проводить время, которое окажется у васъ свободнымъ. Артистамъ уединеніе и отдыхъ

бываютъ нужны въ интересѣ же ихъ таланта, а здѣсь вы будете пользоваться ими среди людей, искренно къ вамъ расположенныхъ, и такъ же мало стѣсняя себя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ если бы вы были у себя въ Юрьевѣ.

Настя не успѣла отвѣтить.

Въ незапертыя изъ гостиной двери кабинета входила хозяйка дома:

— Что, кончили? спросила она съ порога.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Троекуровъ, вставая и направляясь къ ней,—но боюсь, что ты останешься не совсѣмъ довольною тѣмъ, къ чему мы пришли.

— Вышло несогласно съ вашими убѣжденіями, Александра Павловна, сказала въ свою очередь дѣвушка, подходя къ ней съ улыбавшимся лицомъ.

— Ахъ, милая, вскликнула она на это, — какое громкое слово вы сказали: „убѣжденія“! У меня на это никакой претензіи нѣтъ. Я просто думала... какъ ужасно должно быть для порядочной дѣвушки въ этомъ мірѣ театра, гдѣ кругомъ такъ много дурныхъ чувствъ... и дурныхъ примѣровъ, какъ бы робко домолвила она.

— И ты совершенно права en principe, сказалъ ей мужъ,— но для Настасьи Дмитріевны все это не такъ страшно, какъ для другой, менѣе испытанной жизнью; я тебѣ объясню, и ты, я увѣренъ, согласишься...

— Это зачѣмъ же, Борисъ! прервала его словно испуганно Александра Павловна: — ты конечно лучше меня въ состояніи разсудить все въ этомъ случаѣ... „Объяснять“ мнѣ ничего не нужно... Я напередъ съ тобою согласна, если ты находишь, что такъ надо...

Брови Троекурова на мигъ какъ бы болѣзненно сжались,— но тутъ же съ прояснившимся лицомъ:

— Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—обѣщаетъ за то пріѣзжать къ намъ во Всесвятское проводить все время, которое будетъ у нея свободнымъ во время ваканта, если она поступитъ на Московскую сцену, или между своими ангажементами, если поѣдетъ въ провинцію.

— Я не обѣщала еще, Борисъ Васильевичъ! протестовала дѣвушка...

Александра Павловна протянула ей обѣ руки:

— Не отказывайте!... Вѣдь *тамъ* у васъ опять душа наболитъ! быстро и чуть не шопотомъ проговорила она.

Слезы нежданно такъ и брызнули изъ глазъ Насти и руки ея въ неудержимомъ порывѣ обняли шею Троекуровой:

— Какая вы добрая, какая вы добрая! лепетала она, сдерживая, насколько могла, свои нервы, чтобъ и совсѣмъ не расплакаться...

XVIII.

Ich sehne mich nach Thränen.
Heine.

Поздно, часу въ двѣнадцатомъ ночи, уѣхала она изъ Всесвятскаго. Вечеръ пронесся для нея съ неимовѣрною быстротой и въ какомъ-то чаду... Ей то-и-дѣло представлялось, что это было не явь, а сонъ, невозможный сонъ. Такъ радостно, свѣтло, обольстительно, куда ни взглянешь, было въ этой большой гостиной съ ея картинами въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ и темною зеленью апельсинныхъ деревъ и камелій въ ея углахъ! Привѣтливыя и милыя, молодыя и старыя лица кругомъ, незлобивыя, увлекательныя рѣчи, нежданные взрывы дѣвичьяго смѣха, отъ котораго „будто запахомъ фіялокъ весной на всѣхъ повѣетъ вдругъ“, говорила себѣ Настя Буйносова. О, какъ все это далеко было отъ мрака, отъ унынія, отъ злобы вѣявшихъ на нее столько лѣтъ въ стѣнахъ и отъ стѣнъ Юрьева!... „Неужели же все это богатство дѣлаетъ?“ спрашивала она себя. Но нѣтъ, она помнила, когда и у отца ея были хоромы полныя цѣнныхъ картинъ и рѣдкой утвари, когда тамъ давались пиры на всю Москву, когда они, дѣти, ходили въ шелку и въ бархатѣ,—а не то это было, не эта „благодать“, не это что-то „умиряющее и подымающее“... Старый морякъ Юшковъ былъ особенно въ ударѣ въ этотъ вечеръ: онъ разсказывалъ про Малаховъ курганъ, съ котораго его съ оторванною рукой снесли матросы бѣгомъ на перевязочный пунктъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, какъ по настилкѣ дымящихся русскихъ

труповъ вбѣжали въ укрѣпленіе торжествующіе Французы; про адмирала Нахимова, котораго онъ звалъ не иначе, какъ по имени и отчеству: „Павелъ Степановичъ“,— причемъ голосъ его, чуялось ей каждый разъ, какъ будто „надтрескивался“... „Вѣдь все равно-съ, всѣ мы тутъ ляжемъ“, приводилъ онъ съ улыбкой, которая такъ и врѣзалась въ ея памяти, безсмертныя въ смиренномъ мужествѣ своемъ слова его, „Павла Степановича“, при отдачѣ приказанія подчиненнымъ не подвергать себя непріятельскимъ выстрѣламъ безъ нужды. И не могла она забыть того глубоко вдумчиваго выраженія, съ какимъ изъ-за кресла отца внималъ этимъ разсказамъ тринадцатилѣтній сынъ Троекуровыхъ, и внезапный тутъ же, дрожавшій отъ сдержанныхъ слезъ, возгласъ его сестры: „Ахъ, вы всѣ тамъ святые какіе-то были!...“ Да, это былъ невѣдомый понынѣ для Насти міръ, старый, „честный“ міръ семьи и родныхъ преданій, въ который не вѣрила, или который презирала она такъ много лѣтъ сряду съ высоты своихъ „освободительныхъ идей“, и который открывался теперь предъ нею во всемъ обаяніи своей тихой прелести. Словно какіе-то золотые лучи прорывались насильственно сквозь ткань облекавшаго ее траурнаго покрывала... „Есть же у насъ въ Россіи *свое*, крупное и дорогое“, сказывалось внутри ея, — „изъ-за чего горятъ восторгомъ эти молодыя созданія и сверкаютъ эти чудесныя слезы на ихъ глазахъ, изъ-за чего легли *тамъ* Павелъ Степановичъ и тысячи такихъ же смиренныхъ и великихъ душою, какъ онъ. А мы съ Володей не знали, не хотѣли и знать всего этого... Онъ и теперь не *сдался* бы на моемъ мѣстѣ; онъ и среди всѣхъ этихъ милыхъ людей остался бы такимъ же... непреклоннымъ“, вспомнилось ей при этомъ вдругъ какимъ-то рѣжущимъ и смущавшимъ ее диссонансомъ...

И, по мѣрѣ того, какъ старыя, дребезжавшія дрожки—единственный вегикулъ, сохранившійся въ сараяхъ Юрьева, — на которыхъ ѣхала она, приближались къ ея усадьбѣ, мысль о братѣ возвращалась къ ней все настойчивѣе, а съ нею возникало мало-по-малу какое-то странное раскаяніе за то душевное умиротвореніе, которое выносила она изъ Всесвят-

скаго. Ей представлялось, что съ нимъ порывались послѣднія нити, связывавшія ее съ этимъ братомъ, бывшимъ для нея до сихъ поръ самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ. Она припоминала, что для него, въ виду единственно его спасенія, поборола она въ себѣ то враждебное чувство, которое внушали ей до тѣхъ поръ Троекуровы, и рѣшилась ѣхать къ нимъ. И что же? Она не нашла тамъ въ его защиту тѣхъ горячихъ словъ, которыя, казалось ей, когда она уѣзжала изъ Юрьева, польются изъ устъ ея съ неотразимою силой убѣжденія. Она сдалась, сдалась на первые же доводы этого „очаровательнаго“, — она сознаетъ это, — но все же „узковатаго *барина*“, не желающаго признать „честныя“, хотя бы и ошибочныя „побужденія молодежи“. Онъ ей прямо сказалъ, что „не допускаетъ прощенія для тѣхъ, кто о немъ не проситъ“, и она не протестовала: хуже,— она какъ бы согласилась въ ту минуту въ душѣ своей, что Володѣ нельзя, не слѣдуетъ прощать... А затѣмъ она и какъ бы совсѣмъ забыла о немъ думать.. Ее какъ-то разомъ затянуло всю въ очарованный кругъ этого дома, въ эту мирно текущую, счастливую чужую жизнь. Она уѣхала вотъ сейчасъ оттуда свѣтлая духомъ, чуть не радостная. *Имѣетъ - ли она на это право?* спрашивала себя теперь Настя, роясь съ какою-то внезапною жаждой новой муки въ только-что затихшей бѣдной душѣ своей... Нѣтъ, она „не можетъ и не должна мириться съ жизнью“, пока онъ, Володя, томится и страдаетъ; какъ бы ни признавала она его неправымъ, какъ бы ни расходилась нынѣ съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ онъ... съ тѣмъ чѣмъ-то ужаснымъ, на что намекнулъ онъ ей въ тотъ страшный вечеръ“,— она „не станетъ рвать цвѣтовъ подъ окнами его тюрьмы“, сказала себѣ дѣвушка какимъ-то внезапно пробѣжавшимъ у нея въ мысли поэтическимъ оборотомъ, заставившимъ ее тутъ же невольно усмѣхнуться, и голова ея машинально наклонилась къ большому букету азалій и розъ, который держала она въ рукѣ... Букетъ этотъ предъ отъѣздомъ ея принесъ ей изъ оранжереи Гриша Юшковъ, и она видѣла, какъ красавица-Маша зоркими глазами слѣдила за нимъ, когда онъ робко и неловко

подносилъ ей, и съ лукавою улыбкой шепнула что-то на ухо его старика-дяди, а тотъ такъ и просіялъ весь и весело закачалъ своею сѣдою, всклокоченною головой... „*Онъ* самъ бы конечно не подумалъ о такой любезности, ему очевидно она, эта прелестная дѣвочка, приказала сходить для меня къ садовнику за этими цвѣтами“. И Настасья Дмитріевна вздохнула... „А интересно, прочатъ-ли тамъ въ самомъ дѣлѣ за него эту дѣвочку?“ пронеслось у нея чрезъ мигъ опять, но она немедленно затѣмъ махнула рукой и проговорила громко подъ гулъ колесъ своего допотопнаго экипажа: „Ахъ, какое мнѣ до всего этого дѣло!...“

Когда она очутилась опять *дома*, въ своемъ запустѣломъ, неуклюжемъ и мрачномъ обиталищѣ (съ нею жила тутъ теперь одна толстая, успѣвшая за эти дни отъ непробуднаго спанья одурѣть чуть не до идіотизма, Мавра; нѣмую Варюшку Антонина Дмитріевна Сусальцева увезла съ собою за границу), ее охватило вдругъ какимъ-то ледянымъ холодомъ. Весь ея старый, безотрадный строй мысли словно вихремъ налетѣлъ на нее опять и сжалъ за горло желѣзными когтями, звеня ей въ ухо: „ты моя, и никто тебя теперь отъ меня не вырветъ!...“ Пока ея грузная слуга, тыкаясь во всѣ углы спросонья, готовила ей постель, она, уложивъ голову на руки, долго сидѣла недвижно, уткнувшись безсознательно взглядомъ въ пламя единственной свѣчи, стоявшей предъ нею на столѣ. „Готово, барышня!“ второй разъ пропѣлъ надъ ея ухомъ тягучій голосъ бабы, когда она наконецъ вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Я завтра въ Москву ѣду, Мавра, сказала она и, опустивъ руку въ карманъ, вынула оттуда два письма.

На одномъ изъ нихъ читалось: Владиміру Петровичу Ашанину и адресъ. Другое было на имя управляющаго домомъ Бориса Васильевича Троекурова, на Покровкѣ.

Она положила первое письмо на столъ рядомъ со шляпою, скинутою ею съ головы.

— А это не нужно! рѣшила она, разрывая на четыре куска письмо къ управляющему:—они благородные, добрые, чудесные люди, я вся *распустилась* съ ними, но *отдаться* я имъ все-таки не хочу, какъ и никому на свѣтѣ! „Душа на-

болитъ опять", говорила эта милая женщина. Пусть! И у нея свое что-то, должно быть, наболѣло тоже... А мнѣ и некогда будетъ: не своею я отнынѣ жизнью жить буду, а тѣхъ, кто устами моими говорить будутъ, слезами моими плакать... Тоже „лучъ съ неба", вспомнила она слова Троекурова,—и какая-то неопредѣленная улыбка скользнула на мигъ по ея изнеможенному лицу...

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

O voi, ch'avete l'intelleti sani,
Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame delli versi strani.
Dante.

I.

Près des bords où Venise est reine de la mer...
André Chénier.

Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венецiя златая...
Пушкинъ.

Свѣтлою мѣсячною ночью, въ половинѣ августа 1878 года, отъ Піацетты къ Gran Canale спускалась *серената*. Надъ широкимъ, квадратнымъ досчатымъ помостомъ, настланномъ на двухъ большихъ, связанныхъ бокъ-о-бокъ, баркахъ, возвышался сквозной павильйонъ изъ длинныхъ брусьевъ, обтянутыхъ спирально полосами яркой пунцовой ткани въ переплетъ съ гирляндами изъ свѣжей зелени, бѣжавшими отъ нихъ вверхъ лучеобразными нитями къ невысокой мачтѣ, составлявшей центръ постройки и надъ которою, подъ набѣгами слабаго вѣтерка, дувшаго отъ Джудекки *), тихо шуршали въ

*) Отъ Giudo, Жидъ — широчайшій каналъ въ Венеціи, по лѣвому берегу котораго единственно имѣли право селиться и жить Евреи во времена республики.

прозрачномъ воздухѣ складки италіянскаго флага съ краснымъ савойскимъ крестомъ на его бѣлой серединѣ. Трепетный мутный свѣтъ безчисленнаго количества разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей обливалъ со всѣхъ сторонъ собранную на помостѣ довольно большую толпу мужскаго и женскаго хора, игралъ индѣ капризными бликами на виднѣвшихся въ рукахъ музыкантовъ инструментахъ, на серебряныхъ клапанахъ флейтъ, на блестящей мѣди трубъ и валторнъ, — и розы въ волосахъ пѣвицъ словно млѣли и трепетали подъ этимъ имъ невѣдомымъ фантастическимъ сіяніемъ. Впереди, темными силуэтами рисуясь на голубоватомъ фонѣ ночи, три гондольера, стоя на кормѣ въ той своей классической наклонной позѣ, которую обезсмертила кисть Каналетто, тужась и усердно ворочая руками, работали каждый своимъ единымъ длиннымъ весломъ, двигая внизъ прикрученное веревками къ гондоламъ ихъ все это тяжелое пловучее зданіе.

Серената устроена была съ цѣлью какой-то патріотической подписки хозяевами многочисленныхъ отелей въ Венеціи, и должна была у каждаго изъ нихъ исполнить назначенный для него по программѣ музыкальный нумеръ. Въ моментъ остановки павильйонъ освѣщался весь пламенемъ красныхъ, зеленыхъ, синихъ огней; изъ отеля въ отвѣтъ взлетали къ небу шипящія ракеты, и бумажная монголфьерка съ пылающимъ подъ нею спиртомъ медленно подымалась въ воздухъ, привѣтствуемая восторженными кликами цѣлаго роя дѣтей, съ заборовъ, съ балконовъ, съ крышъ взиравшихъ на „spettacolo questo divino“, на такое „божественное зрѣлище“...

Все далѣе плыла *серената*, и съ каждымъ мгновеніемъ становилось значительнѣе число примыкавшихъ къ ней гондолъ. Стройныя, таинственныя и мрачныя въ своемъ традиціонномъ траурномъ обликѣ *), выплывали онѣ изъ сосѣднихъ лагунъ и малыхъ каналовъ, беззвучно и мягко, какъ полетъ ночной птицы, скользя по зеркальной глади зеленыхъ водъ. Со всѣхъ скинуты были будки и съ сидѣній ихъ жадно, въ

*) Гондолы, какъ извѣстно, въ силу неизмѣннаго обычая выкрашены всѣ въ черный цвѣтъ; республика строгимъ постановленіемъ не дозволяла иной для нихъ окраски.

свою очередь, глядѣли на зрѣлище *forestieri* всѣхъ странъ, возрастовъ и видовъ: голубоглазыя англійскія миссы и деревянные Нѣмцы, совершающіе свою прогулку по Италіи, Французы-художники съ козлиною бородкой, въ остроконечныхъ и широкополыхъ шляпахъ, оливколицые Индійцы въ чалмахъ, прибывшіе для чего-то съ послѣднимъ пароходомъ изъ Бомбея въ Европу, *Далматинцы* изъ Тріеста съ усами въ три этажа, съ добродушно суровымъ выраженіемъ своихъ славянскихъ лицъ... Разноязычныя восклицанія, живой говоръ раздавались кругомъ въ интервалахъ между исполненіемъ музыкальныхъ піесъ. Новоприбывшія гондолы изворотливо, какъ змѣи, втирались въ тѣсные ряды ближайшихъ къ павильону, все шире и шире раскидывая сомкнутый кругъ ихъ; слышался металлическій лязгъ сталкивавшихся бронзовыхъ кониковъ *), плескъ забиравшаго впередъ весла, и все это, лихорадочно спѣша и тѣснясь, боясь быть оттертыми въ свою очередь, неслось затѣмъ разомъ за отплывавшимъ опять съ мѣста пловучимъ концертомъ...

Исполнено было уже нѣсколько нумеровъ. Усердный, хотя и не совсѣмъ стройный оркестръ, составленный изъ любителей, лавочниковъ и ремесленниковъ, проигралъ увертюру изъ *Сороки воровки* и маршъ вѣнчанія изъ *Пророка*; хоръ пропѣлъ смѣло, чтобы не сказать лишняго, молитву изъ *Моисея*; какая-то не молодая, съ большимъ носомъ и надтреснутымъ голосомъ, особа пролепетала слащавенькій романсъ *Stella confidente... Серената* въѣзжала въ Gran Canale.

Новая остановка; снова ракеты и бенгальскіе огни, и изъза пламени и дыма ихъ зазвучалъ на помостѣ голосъ...

То былъ мужской, проницающій голосъ, высокій баритонъ съ тѣмъ груднымъ теноровымъ тембромъ, какой дается только „сынамъ Авзоніи счастливой“, голосъ не прошедшій—было ясно,—никакой школы, пѣвшій, какъ поетъ птица, но страст-

*) Къ обоимъ бортамъ гондолъ, у впадинъ, въ которыя устанавливается надъ ними будка, прикрѣплено по одному, служащему повидимому однимъ украшеніемъ, миѳическому, съ загнутымъ крючкомъ вверхъ рыбьимъ хвостомъ, коniку изъ литой и золоченой бронзы, содержимой всегда гондольерами въ весьма блестящемъ видѣ.

ный, но нѣжный, но неотразимо обаятельный въ безъискусственности своей голосъ.

La biondina in gondoletta

пѣлъ онъ старую, извѣстную мѣстную *канцонету*, и чѣмъ-то словно эпическимъ, стародавнимъ и благоухающимъ понесло вдругъ отъ этихъ звуковъ, среди этой лунной и праздничной ночи, предъ этими старыми, волшебными въ запустѣлой красотѣ своей дворцами Венеціи, изъ мраморныхъ оконъ которыхъ когда-то въ такія же мѣсячныя ночи внимали задумчиво пѣвцамъ такихъ же серенатъ патриціянки-красавицы Тиціана и Веронеза, бѣлокурыя дочери Лорединовъ и Дандоло...

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное пѣвцомъ и его пѣснью на молодую, одѣтую всю въ черное, женщину, сидѣвшую рядомъ съ другою и въ обществѣ трехъ сопутствовавшихъ имъ мущинъ (изъ которыхъ одинъ былъ очень красивый и въ очень красивомъ мундирѣ италіянскій офицеръ), въ большой гондолѣ Hôtel Danielli, управляемой двумя гондольерами, облеченными ливрейно въ матросскій бѣлый съ синимъ костюмъ:

— Ah, marquis, громко вскликнула она,—on se croirait vraiment au temps des doges et il ne manque qu'une pâle Desdémona au balcon de cet adorable palais Grimani!

— Ou si vous aimez mieux rester dans l'histoire, comtesse, благовоспитанно засмѣялся маркизъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ тонкими чертами и лукавымъ выраженіемъ глазъ,— une Catherine Cornaro à la veille de partir reine pour Chypre. *).

— И какъ онъ поетъ, этотъ человѣкъ! возгласила она опять со вздохомъ восторга.

— Monsieur Vermicella, проговорила на это пренебрежительно-насмѣшливымъ тономъ на томъ же французскомъ языкѣ другая сидѣвшая въ гондолѣ дама, облеченная въ изящнѣй-

*) Венеціанка, вышедшая замужъ за Петра Лузиньяна, короля Кипрскаго; она по смерти его передала свое королевство во владѣніе Венеціанской республики (1480 года), отъ которой отвоевали его Турки въ 1571 году.

шую тальму изъ темносиняго drap de velours, богато обшитую золотымъ шнуркомъ по тогдашней модѣ, и съ газовою на круглой шляпѣ вуалью, спущенною до самаго подбородка, во избѣжаніе вреда, какой могъ нанести ночной воздухъ ея свѣжему и прекрасному лицу, и дама кивнула на офицера, сидѣвшаго по другую сторону: — Monsieur Vermicella говоритъ, что онъ хорошо знаетъ этого человѣка: его зовутъ Луиджи Керубини; онъ сапожникъ.

— Si, si, ze (то-есть, *je*) le connais bien cet uomme *(homme)* puisqu'il me coud mes stivale... mes bottes, поспѣшилъ перевесть съ самодовольнымъ смѣхомъ офицеръ Вермичелла, который былъ настолько же обиженъ природой въ умственномъ отношеніи, насколько щедро одаренъ ею съ наружной стороны, и говорилъ при томъ по-французски непростительно дурно.

Графиня, не отвѣчая, взглянула на него чуть не съ ненавистью и замолкла, будто обиженная.

— Кстати о палаццо Гримани, знаете-ли вы его легенду? спросилъ ее маркизъ.

— Нѣтъ! отрѣзала она.

Онъ чуть-чуть повелъ кончикомъ губъ, какъ бы засмѣявшись внутренно тому, что̀ угадывалъ подъ ея внезапнымъ неудовольствіемъ, и заговорилъ своимъ свѣтскимъ, нѣсколько изысканнымъ языкомъ:

— Я начну какъ въ сказкахъ: жилъ да былъ (il y avait une fois) здѣсь дожъ по фамиліи Тіеполо *) и ему принадлежалъ вотъ этотъ, прямо напротивъ, не менѣе прелестный palazzo той же лучшей эпохи Возрожденія. Дворцомъ этимъ уже нѣсколько лѣтъ восхищалась Венеція, когда на мѣстѣ палаццо Гримани все еще стояло старое обиталище этой фамиліи, не отличавшееся ни размѣрами своими, ни изяществомъ. Тог-

*) Быть можетъ славянскаго происхожденія (*тепло*), какъ и фамилія знаменитаго „Пелопонезскаго“ (Peloponesiacus) Морозини (*морозъ*). Значительная примѣсь славянской крови въ венеціанской расѣ наглядно даетъ себя знать въ женскихъ портретахъ и типахъ, оставленныхъ намъ великими живописцами Венеціанской школы. Дворецъ Тіеполо принадлежитъ теперь графу Пападополи, происходящему отъ италіянизованной греческой фамиліи.

дашній владѣлецъ его былъ человѣкъ богатый, но разсчетливый или скупой, l'histoire ne le précise pas, и довольствовался скромнымъ жилищемъ, оставленнымъ ему предками въ это блестящее Cinque Cento (въ XVI вѣкѣ), когда страсть къ искусству неудержимо увлекала всю остальную тогдашнюю венеціанскую аристократію къ постройкѣ всѣхъ тѣхъ художественныхъ чудесъ, мимо которыхъ проѣзжаемъ мы теперь... Но у этого Гримани былъ сынъ, а у Тіеполо дочь, и молодые люди влюбились другъ въ друга. Такъ какъ обѣ фамиліи были равно богаты, равно записаны въ *Золотую книгу* *) и въ отношеніяхъ онѣ были не враждебныхъ, то Гримани, не допуская и мысли, чтобы могло быть ему отказано, отправилъ къ дожу посланныхъ просить для сына руку его дочери. Но къ немалой досадѣ своей узналъ о такомъ отвѣтѣ того: „Скажите Гримани, что я отдамъ дочь мою за его сына, лишь когда онъ выстроитъ palazzo, равный красотой моему, а то у меня каждое утро болѣла бы душа, глядя чрезъ каналъ, при мысли, что моя дочь изъ великолѣпныхъ палатъ моихъ перешла на жительство въ такой жалкій домишко, какъ его". „Такъ объявите же Тіеполо", воскликнулъ Гримани, „что я выстрою такія палаты, что балконъ ихъ будетъ шире всего фасада его дворца"... И исполнилъ свое слово: сплошной балконъ, облегающій, какъ вы видите, весь фасадъ палаццо Гримани, длиннѣе протяженіемъ фасада дворца Тіеполо... Это chef d'oeuvre знаменитаго тогдашняго венеціанскаго архитектора Саммикіели... Знаете, что на одни основанія его—мѣсто тутъ было страшно болотистое,—пошло *милліонъ двѣсти тысячъ свай*, протянулъ онъ подчеркивая, — превосходнѣйшаго краснаго лѣса... Одна французская компанія предполагала въ прошломъ году купить этотъ дворецъ, чтобы снести его и вытащить для продажи эти сваи, пріобрѣвшія теперь, послѣ

*) *Libro d'oro*, въ которой значились всѣ патриціанскія фамиліи Венеціи. Честь быть записаннымъ въ ней почиталась выше всякихъ титуловъ, которыхъ республика не признавала за своими подданными, но которыми довольно щедро награждала сама за службу ей и услуги въ вассальныхъ ей земляхъ. Отсюда графскіе титулы многихъ фамилій греческаго (на Іоническихъ островахъ) и хорватскаго (далматинскаго) происхожденія.

такого долгаго пребыванія въ водѣ, крѣпость желѣза и огромную цѣнность. Къ счастію, городъ не согласился на такой актъ вандализма...

— Спекуляція хорошая; дрова здѣсь очень дороги, съ быстротой и краткостью телеграфной депеши промолвилъ, обернувшись къ офицеру Вермичеллѣ, третій изъ мущинъ гондолы, высокій и полный, стоявшій на носу ея и не принимавшій до этой минуты никакого участія въ разговорѣ, а глядѣвшій, не отрываясь, на *серенату* сквозь огромнѣйшій бинокль, футляръ котораго висѣлъ у него на ремнѣ черезъ плечо.

Дама подъ вуалью быстро и какъ бы испуганно вскинула голову по его направленію; но онъ уже успѣлъ замолкнуть и снова навелъ свой бинокль на павильонъ съ его пѣвцами и музыкантами.

— Это очень мило, что̀ вы разсказываете, скучливо-любезнымъ тономъ сказала дама, обращаясь къ маркизу: — у васъ много еще такихъ исторій?

— Есть, если вамъ не скучно слушать, исторія palazzo Contarini, dit *delle figure*, отвѣтилъ онъ, глядя впрочемъ не столько на нее, сколько на ту, которую назвалъ графиней.

Но эта молодая женщина видимо не интересовалась его исторіями. Подъ негромкіе звуки его повѣствованія она всѣмъ ухомъ прислушивалась къ разговору, который велся рядомъ съ нею въ гондолѣ, только-что оттѣснившей ту, въ которой за нѣсколько мгновеній предъ тѣмъ видѣла она невзрачную дету какихъ-то старыхъ Англичанъ съ зубами, длинными какъ у верблюда, и съ неизбѣжнымъ Миггау *) въ рукѣ. Ихъ замѣнили теперь двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ, обросшій волосами чуть не по самые глаза и въ истрепанной мягкой шляпѣ, надвинутой по самыя брови, сидѣлъ, укутавшись въ какой-то не то пледъ, не то одѣяло, словно отъ холода; другой, бѣлокурый и стройный, одѣтый прилично, глядѣлъ, прищурившись, на palazzo Grimani, о которомъ только-что разсказывалъ маркизъ. Онъ, поняла она съ первыхъ его словъ, слышалъ этотъ разсказъ:

---

*) Англійскій Бедекеръ, путеводитель по Европѣ.

— Да, братъ-Волкъ, говорилъ онъ по-русски своему спутнику,—на это вотъ зданьице милліонъ двѣсти тысячъ однѣхъ свай пошло... Глубоко запустили свои корни эти старыя цивилизаціи, процѣдилъ онъ чрезъ мигъ, перескакивая очевидно чрезъ цѣлый рядъ мысленныхъ посылокъ.

— А ну ихъ къ чорту! прохрипѣлъ человѣкъ въ пледѣ.

Бѣлокурый разсмѣялся:

— Ты все такъ же прямолинеенъ, вижу, Волкъ, сказалъ онъ.

— А ты не аристократничай! отрѣзалъ тотъ какъ бы грозно.

Настало на минуту молчаніе, послѣ чего бѣлокурый началъ опять:

— Какъ же ты сюда добрался?

— Извѣстно какъ: кочегаромъ.

— Отъ Суэза?

— Во! отъ самаго Сингапура.

— Тяжело?

— Чего „тяжело!“... Ничего... Въ Красномъ морѣ жарконько было, будто вспомнилъ онъ нечаянно.

— Съ языкомъ какъ ты справлялся?

— Какого тамъ языка нужно! Пришелъ наниматься, говорю: *сох*, на руки показалъ. „Well“, говорятъ, ступай!.. Разговоръ не дологъ.

— Жалованье получалъ?

— А то какъ!... Кормили тожь... Пять фунтовъ чистогану пріобрѣлъ, какъ бы уже съ нѣкоторою торжественностью примолвилъ онъ.

— Въ Россію... думаешь? послѣ новаго молчанія спросилъ бѣлокурый, понижая голосъ.

— Какъ вотъ рѣшимъ... въ Женевѣ, какъ бы нехотя промычалъ тотъ.

Съ платформы грянулъ въ эту минуту хоръ изъ *Травіаты*.

Графиня съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ умолкнетъ. То, что пришлось ей услышать сейчасъ, возбудило въ высшей степени ея любопытство. А любопытства и воображенія было у нея много, очень много...

Незнакомые ей молодые люди продолжали свою бесѣду

между тѣмъ, не слушая музыки и не обращая видимо никакого вниманія на то, что происходило предъ ними. Они были вполнѣ поглощены теперь другъ другомъ... Когда пѣніе прекратилось, графиня услышала слѣдующее:

— ...Четверо сутокъ проплутали мы въ этомъ бору, говорилъ бѣлокурый; — въ сентябрѣ дѣло было, холодъ тамъ въ ту пору уже лютый, дождь ледяной, а на насъ сермяги однѣ крестьянскія... до костей пронимало... Изъ силъ выбились къ тому же; если-бы не фляжка съ коньякомъ, которую она выкрала для меня у отца и дала на прощанье, я, пожалуй, такъ и сгинулъ бы тутъ отъ изнеможенія...

— Знаю, промычалъ опять тотъ, котораго звали Волкомъ,— было со мной такое-жь на Шилкѣ... Что-жь этотъ твой Степка... какъ бишь его?...

— Степка Фроловъ, по прозванію Зарѣзъ... Эхъ, знатный парень! перебилъ себя говорившій:—вотъ оружіе чудесное на какое угодно предпріятіе...'если-бы понадобилось, проговорилъ онъ вѣско и вполголоса.

— Д-да, протянулъ загадочнымъ тономъ Волкъ:—изъ рабочихъ?

— Маляръ, Питерецъ... грамотный, у Ивашнина въ школѣ былъ...

Тотъ повелъ головой:

— Готовый, значитъ?

— Насквозь!... Дороги онъ самъ не зналъ, за то зналъ хорошо, что провѣдали бы про то, что онъ способствовалъ мнѣ бѣжать, его бы въ тюрьму, какъ пить дать, упекли. Самъ я ему объ этомъ говорилъ. „А наплевать, говоритъ; что тамъ будетъ—дѣло незнамо, а теперича тебя, Владиміръ Митричъ, выручать надо“... Ну, и повелъ... и погибалъ тамъ со мною, въ лѣсу въ этомъ...

— Какъ же выдрались-то?

— Очень просто: нежданно, негаданно сквозь лѣсъ вода блеснула... Оказалось, мы къ Сухонѣ вышли...

„Сухона, Сухона, припоминала графиня,—это гдѣ-то près d'Архангельскъ. Онъ туда былъ сосланъ и ушелъ à travers cette forêt, гдѣ чуть-чуть не погибъ. А другой *изъ Сингапура*—

c'est dans l'Inde... *кочегаромъ*, бѣдный... Ужасно!... Онъ тоже бѣжалъ... изъ Сибири, это ясно, — на какомъ-нибудь американскомъ пароходѣ... И теперь оба здѣсь, à Venise, devant ces merveilles de l'art... Политическіе преступники, des réfugiés politiques", перевела она—и воображеніе ея разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. „Какъ это интересно, какъ интересно!.. И непремѣнно un petit roman во всѣхъ этихъ случаяхъ!.. Какъ бы я хотѣла знать, кто была эта женщина... une femme mariée ou une jeune fille?.. которая *украла* у своего отца ce flacon de cognac и дала ему „на прощанье?"... Она его любила,—непремѣнно!.. Какъ она плакала, можетъ быть, бѣдняжка, когда отдавала она ему это!.. L'amour, toujours, partout l'amour"...

— Ахъ, опять этотъ голосъ! вскликнула она тутъ же громко.

Луиджи Керубини, сапожникъ офицера Вермичеллы, пѣлъ теперь арію изъ *Il Furioso* Доницетти.

Raggio d'amor parea
Nell' primo april degli anni...

и какъ пѣлъ! „A réveiller *une morte*", говорилъ, чуть-чуть подчеркивая и усмѣхаясь однимъ уголышкомъ губъ, маркизъ.

Она слушала... Сердце у нея сильно билось, а глаза не могли оторваться отъ бѣлокураго незнакомца, сидѣвшаго въ своей гондолѣ такъ близко къ ней, что она могла бы дотронуться до него рукой. И среди этой синей венеціанской ночи, подъ эти страстные звуки юга, предъ мысленными очами ея стоялъ мрачный, страшный сѣверный лѣсъ, занесенный снѣгомъ, — тотъ самый лѣсъ, что̀ писанъ на декораціи послѣдняго акта *Жизни за Царя*,— и тамъ, подъ нависшею елью, „въ шубкѣ", дрожа отъ холода и муки, стоитъ *она*,— „jeune fille ou femme mariée",—любившая *его*, и говоритъ ему: „Прощай, спасайся, будь счастливъ, а я... я умру безъ тебя, но что̀ тебѣ до этого! Мы, женщины, рождены, чтобы любить, страдать... et mourir pour vous"...

— Vous rêvez, comtesse? спросилъ шепоткомъ маркизъ, наклоняясь къ ней вслѣдъ за послѣднею нотой аріи.

Она вздрогнула, усиленно моргнула глазами:

— Oui, et d'un mauvais rêve, быстро проговорила она, приникая опять ухомъ къ тому, что̀ говорилось въ сосѣдней гондолѣ.

— Такъ гдѣ-жь тебя найти тутъ? спрашивалъ Волкъ.

— А я, какъ пріѣхалъ съ Бортнянскими, такъ и остался въ *Hôtel Bauer*, только въ дешевый нумеръ перебрался...

— Какіе такіе Бортнянскіе? спросилъ опять тотъ.

— Семейство одно русское... Случай мнѣ вышелъ въ Вѣнѣ: ѣхали они въ Италію на зиму, учитель нуженъ имъ былъ къ дѣтямъ...

— Что̀-жь, дѣло! хихикнулъ Волкъ почему-то.

— Да... да не выгорѣло.

— А что̀?

— Телеграмму здѣсь получили они. Родственникъ какой-то ихъ богатый умеръ въ Петербургѣ, они скоропостижно и взмыли всѣ туда, наслѣдство дѣлить... Такъ я и остался...

— Гм!.. Это гдѣ же твой *Бауэръ?*

— Подлѣ *San-Moise;* церковь такая есть... Вспомни десять заповѣдей, засмѣялся молодой человѣкъ, — и пророка Моисея.

— Добре, не распространяйся, найду... Нумеръ?

— Двадцать девятый. Пролетова спроси, maestro russo Proletof.

— Про-ле-товъ, повторилъ по слогамъ Волкъ,— по виду что̀-ли? коротко спросилъ онъ тутъ же.

— По самому настоящему, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ новымъ смѣхомъ:—подписано: „с.-петербургскій градоначальникъ“... Ишь, загалдѣли какъ! перебилъ онъ разговоръ, словно послѣ какого-то сна возвращаясь къ сознанію окружавшей его дѣйствительности и устремляя прищуренные глаза впередъ.

Съ гондолъ, съ берега, неслись крики и громкія рукоплесканія по адресу восхитившаго публику пѣвца. „Cherubini, bravo! Fora (выходи), Cherubini, avanti (впередъ)!“... И въ багровомъ освѣщеніи загорѣвшихся вновь по этому случаю потѣшныхъ огней выступилъ къ самому краю помоста человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, невзрачной наружности, въ изношенномъ пальто и съ шеей, повязанною какимъ-то лиловымъ

кашне, и принялся неловко раскланиваться направо и налѣво, откидывая въ сторону, по-италіянски, руку со шляпой во всю длину ея, будто солдатъ на караулѣ, салютующій проѣзжающему командиру.

— Il n'est pas beau votre cordonnier! все тѣмъ же своимъ скучливо-пренебрежительнымъ тономъ проговорила дама въ вуалѣ сосѣду своему Вермичеллѣ.

Графиня внезапнымъ порывомъ наклонилась къ ея уху и прошептала ей:

— А посмотри тутъ влѣво, подлѣ меня, этотъ... (она почему-то не сказала срывавшееся у ней съ языка „нашъ Русскій“)... Точно Ванъ-Диковскій портретъ...

Тотъ, о которомъ говорила она, стоялъ теперь въ ростъ въ своей гондолѣ, озаренный отблескомъ огней съ серенаты, и дѣйствительно въ строгомъ обликѣ его молодаго, правильнаго лица съ бѣлокурыми волосами, вившимися подъ низкою и мягкою черною шляпой, было въ эту минуту что-то эффектно, картинно-красивое.

Дама, склонивъ нѣсколько голову на-бокъ, потянулась ею впередъ по указанному направленію и вдругъ быстрымъ, словно испуганнымъ движеніемъ, откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ въ спинку своего сидѣнья...

Спущенный вуаль не дозволялъ видѣть выраженія ея лица, но спутницѣ ея этого не было и нужно. Цѣлый міръ самыхъ смѣлыхъ, невозможныхъ догадокъ и соображеній зароился мгновенно въ пылкой головѣ графини... Но она была слишкомъ благовоспитана и свѣтски опытна, чтобы выразить это чѣмъ-либо наружно. Она поспѣшила даже отнестись съ какимъ-то вопросомъ къ маркизу, котораго знала за очень тонкаго и наблюдательнаго человѣка, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ внезапнаго смущенія своей сосѣдки, въ случаѣ, если онъ успѣлъ замѣтить его.

— Madame *elle est* incommodée? *) спрашивалъ между тѣмъ ту, сложивъ губы сердечкомъ и голосомъ, „какъ медъ

*) Ella è incommodata, signora? По-италіянски, какъ извѣстно, въ учтивомъ разговорѣ употребляется третье лицо единственнаго числа вмѣсто втораго множественнаго.

Гимета сладкимъ", офицеръ Вермичелла, горѣвшій къ ней пламенною страстью и слѣдившій поэтому за каждымъ ея жестомъ съ зоркостью лягавой собаки.

— Я озябла, отвѣтила она, успѣвъ тутъ же овладѣть собою,—воздухъ очень свѣжъ сегодня... Находите-ли вы, примолвила она чрезъ мигъ какъ бы шутливо и не относясь ни къ кому особенно,—что эта музыка стоитъ того, чтобы мы прослушали ее до конца?

— Другими словами, засмѣялась графиня,—„мнѣ скучно, поѣдемте домой!"... Счастливый супругъ, повышая голосъ, обратилась она по-русски къ мущинѣ, стоявшему на кормѣ гондолы,—вашей женѣ бай-бай хочется.

— A vos ordres, Madame! торопливо оборачиваясь и шагая къ остальному обществу, проговорилъ тотъ скороговоркой имѣвшуюся у него словно всегда готовою въ карманѣ французскую фразу.

— Le modèle des époux! произнесла съ комическимъ паѳосомъ молодая женщина и продолжая на томъ же языкѣ:— я васъ втроемъ съ monsieur Вермичеллой высажу къ Даніелли, а мы съ маркизомъ, если ему не будетъ скучно, проѣдемся еще немножко... Я сегодня въ мечтательномъ настроеніи, смѣялась она,—а онъ удивительно умѣетъ угадывать и отвѣчать на всякое женское настроеніе...

— Oh, comtesse!... благодарно вскликнулъ онъ, только прикладывая руку къ сердцу...

Высадившись на *Riva dei Schiavoni*, у отеля Даніелли, дама въ вуалѣ обратилась къ мужу и сопровождавшему ихъ офицеру:

— Messieurs, я спать хочу и потому не приглашаю васъ къ себѣ... о чемъ вы впрочемъ очень сожалѣть не будете, такъ какъ, по обыкновенію, отправитесь вѣроятно играть въ домино къ Флоріани, что̀ гораздо веселѣе моего общества.

— Ужинать къ Квадро *) поѣдемъ... avec bouteille cham-

---

*) Флоріани—кафе, а Квадро — кафе-ресторанъ, первый въ *Новыхъ*, а второй въ *Старыхъ Прокураторіяхъ*, на площади Святаго Марка, одинъ почти напротивъ другаго.

pagne, быстро проговорилъ на это мужъ на ухо офицеру и подталкивая его подъ локоть.

Но Вермичелла въ отвѣтъ испустилъ глубокій вздохъ, повелъ на даму долгимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ миндальныхъ глазъ и произнесъ чуть не плача:

— Oh, madame elle est très messante (méchante) ce soir!..

— Bonne nuit! крикнула она, не отвѣчая ему, оставшимся въ гондолѣ маркизу и графинѣ.

— Bonne nuit et beaux rêves, Tony! засмѣялась опять та — до завтра!... Ты въ которомъ часу зайдешь за моимъ Никсомъ въ Лидо на купанье?

— Какъ всегда, въ часъ! крикнула Тони скороговоркой, исчезая за дверями отеля.

Мужъ подхватилъ офицера подъ руку и повлекъ его съ собою чрезъ Ponte della paglia по направленію къ площади Святаго Марка. Для взаимнаго обмѣна мыслей они поставлены были въ необходимость употреблять французскій языкъ, на которомъ оба объяснялись невозможнымъ образомъ, но это нисколько не мѣшало имъ повидимому отлично понимать и находить величайшее удовольствіе въ обществѣ другъ друга. „Счастливый супругъ“, по крайней мѣрѣ, не могъ и дня провести безъ обожателя жены своей, причемъ поилъ и кормилъ его со всею безудержностью русскаго *угощенія*, отъ котораго столбенѣлъ, а иной разъ приходилъ въ совершенное отчаяніе бѣдный Вермичелла, чувствовавшій себя гораздо болѣе созданнымъ „ухаживать за signora Russa“, чѣмъ для обжорства съ ея законнымъ обладателемъ.

— Куда же мы ѣдемъ, графиня? спрашивалъ между тѣмъ свою спутницу маркизъ.

— Куда хотите, гдѣ потемнѣе и пострашнѣй... Къ Ponte dei Sospiri прежде всего.

— Я вижу, усмѣхнулся онъ,— что вы не въ „мечтательномъ“, какъ сказали, а въ какомъ-то мрачномъ настроеніи духа находитесь...

— Совсѣмъ нѣтъ, прервала она его,—я хочу только сильныхъ впечатлѣній сегодня. Разскажите мнѣ какую-нибудь ужасную исторію!

— О выходцахъ съ того свѣта? спросилъ онъ, уже совсѣмъ разсмѣявшись.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ: что-нибудь... политическое...

Онъ внимательно покосился на нее своими умными глазами:

— Странное впечатлѣніе однако производитъ на васъ музыка, графиня! Elle ne vous poétise pas; elle vous prosaïse au contraire, il me semble, примолвилъ онъ какъ бы тономъ нѣжнаго упрека.

— Почему это? Потому что я произнесла слово „политика?“ Политика политикѣ рознь: я говорю не о той скучной вещи, которою занимаются дипломаты и газеты, а о томъ, что̀ такъ часто бываетъ интересно, какъ въ романѣ или въ оперѣ... какъ въ *Гугенотахъ* напримѣръ, борьба партій, тайные заговорщики, узники, убѣгающіе изъ своихъ тюремъ, и такъ далѣе...

— Это значило бы прочесть вамъ курсъ современной исторіи моего отечества, съ 1815 года и до самаго вступленія нашего въ Римъ, сказалъ на это маркизъ: — вся Италія въ продолженіе полустолѣтія только и дѣлала, что конспирировала.

— Да, да, какъ бы радостно проговорила она. — Silvio Pellico...

Она запнулась, не припоминая въ головѣ никакого другаго имени.

— И много другихъ... включая сюда и вашего покорнаго слугу, добавилъ онъ какъ бы мимоходомъ.

— Вы, вы были заговорщикомъ! вскликнула она, оборачиваясь къ нему всѣмъ лицомъ.

— И даже приговоренъ къ смерти.

— О!.. могла только сказать она и вся вздрогнула.

Ponte dei Sospirі возносилъ прямо предъ ней въ эту минуту смѣлый изгибъ своего перекинутаго свода, и тусклое пламя маслянаго фонаря со стороны дворца дожей дрожало унылымъ свѣтовымъ пятномъ на крайнемъ изъ его рѣшетчатыхъ оконъ. Точно кто-то внутри пробѣжалъ мимо этого окна съ факеломъ въ рукѣ, представилось на мигъ ея воз-

бужденному воображенію... Она усмѣхнулась, но то жуткое ощущеніе, котораго искала она въ этотъ вечеръ, продолжало блаженно сжимать ей грудь. Чѣмъ-то гробовымъ дѣйствительно вѣяло отъ высокихъ, почернѣвшихъ стѣнъ вѣковыхъ зданій, мимо которыхъ плыла она съ бѣжавшею впереди ея гондолы узкою лентой зеленой, коварной воды, „унесшей въ море“, думалось ей, „такъ много жертвъ, такъ много жизней молодыхъ, прекрасныхъ, благородныхъ“... Ей было и страшно, и сладко среди нѣмой, словно зловѣщей тишины, царившей кругомъ, и не хотѣлось ей прервать ее, не хотѣлось вырваться изъ-подъ ея мрачнаго обаянія. Точно ее живую захватили какіе-то невидимые призраки и увозили въ царство тѣней, и самъ подземный владыка въ огненной коронѣ ждалъ ее на судъ гдѣ-то тамъ далеко впереди, гдѣ пламя одинокой свѣчи изъ чьего-то открытаго окна отражалось трепещущею искрой въ дремлющей влагѣ канала...

Легкая дрожь пробѣжала у нея по тѣлу; она чуть-чуть встряхнула головой и обернулась еще разъ къ своему спутнику:

— Вы были приговорены къ смерти, повторила она: — когда же это было?

— Въ 1849 году. Мнѣ было едва двадцать лѣтъ. Кругомъ Карла Альберта собирались тогда всѣ, у кого въ груди билось италіянское сердце. Я поступилъ волонтеромъ въ Піемонтскую армію... Я родомъ Ломбардіецъ, — слѣдовательно въ ту пору австрійскій подданный, слѣдовательно измѣнникъ, — а Австрійское правительство не шутило съ этимъ... Король, какъ вы знаете, разбитъ былъ при Новаррѣ, арміи его не стало... Дѣло мое было ясное: я и мои земляки, сражавшіеся въ ея рядахъ, подлежали смерти... Къ счастію, я успѣлъ вовремя перебраться во Францію, гдѣ и прожилъ,—приговоренный заочно къ растрѣлянію австрійскимъ военнымъ судомъ,— въ теченіе десяти лѣтъ сряду.

— Десять лѣтъ далеко отъ родины... отъ такой родины, какъ ваша, словно поправилась она, что-то вспомнивъ, — это ужасно!..

— Ужаснѣе было то, возразилъ онъ со внезапною горяч-

ностью въ звукѣ, въ выраженіи голоса,—что у меня, у насъ, и родины въ дѣйствительности никакой не было. Италія въ тѣ годы, какъ говорилъ Меттернихъ, была только „этнографическій терминъ“.

— За то она ваша теперь вся послѣ столькихъ вѣковъ чужаго владычества, вы свободны... О, какая эта великая вещь — свобода! вскликнула вдругъ графиня съ какимъ-то страннымъ въ устахъ ея паѳосомъ:— я понимаю, что за нее отдаютъ жизнь... И въ моемъ отечествѣ, въ Россіи, есть молодые люди, une jeunesse ardente et généreuse, которые всѣмъ ей жертвуютъ, но ихъ преслѣдуютъ, ссылаютъ на галеры (aux galères), или они должны бѣжать за границу, какъ это было съ вами... Но вы, Италіянцы, уже пережили ужасное для васъ время, вы побѣдили, вы счастливы теперь...

Къ немалому ея удивленію, собесѣдникъ ея отвѣчалъ на это тяжелымъ вздохомъ:

— Это ужь другое дѣло, comtesse! задумчиво проговорилъ онъ.

— Какъ это?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ не сейчасъ: — оттого-ли, что лучшія силы наши ушли на ту борьбу... или потому, что мы тогда молоды были... но l'Italia una, единая Италія, лучше была, кажется, когда намъ дозволено было только представлять ее себѣ въ мечтаніяхъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы отгоняя докучную мысль, и, наклоняясь съ мѣста къ молодой женщинѣ, промолвилъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Вѣрьте, графиня, на свѣтѣ есть только одно неизмѣнно прекрасное, это все же любовь... Но вы не хотите слышать объ этомъ..

— Любовь, машинально повторила она и усмѣхнулась внутренно, вспомнивъ, что за полчаса предъ тѣмъ говорила себѣ то же, „почти въ тѣхъ же выраженіяхъ“... Но ей не понравилось, что онъ вздумалъ начать объ этомъ „опять“ здѣсь, въ этой гондолѣ и мракѣ, и этимъ „вкрадчивымъ и сладенькимъ“ голосомъ, и такъ близко наклонившись къ ней, что краемъ своей шляпы чуть не задѣлъ ея лица:—Мнѣ

кажется, cher marquis, сказала она со смѣхомъ,—что мы оба съ вами слишкомъ зрѣлы (trop mûrs), чтобы думать объ этомъ.

— Вы не имѣете никакого реальнаго основанія говорить это относительно себя самой, пылко возразилъ онъ;—что же меня касается, то я скажу вамъ, что пока у человѣка бьется сердце, онъ заставить его перестать любить не въ состояніи...

— О, да это уже становится серьезнымъ! продолжала она смѣяться, и понизивъ голосъ:—вы, кажется, желаете дать поводъ нашимъ гондольерамъ разсказывать о насъ завтра всякія небылицы въ отелѣ...

Онъ выпрямился весь съ обиженнымъ выраженіемъ въ лицѣ, подавилъ вздохъ, вырывавшійся у него изъ груди, и замолкъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Не сѐрдитесь, любезный маркизъ? тихо промолвила она, протягивая ему руку.

Онъ почтительно пожалъ ее.

— Вы всегда умѣете обезоруживать меня однимъ словомъ, однимъ движеніемъ... Сердце у васъ плѣнительно доброе, но природа холодная, сказалъ онъ съ выраженіемъ, имѣвшимъ все подобіе искренности.

Она усмѣхнулась.

— Что же дѣлать? „Tel est mon caractère“, профредонировала она вполголоса припѣвъ изъ *Brigands* Оффенбаха.— А вы должны оказать мнѣ услугу, маркизъ, какъ бы вспомнила она вдругъ.

— Приказывайте, графиня!

— Вотъ видите, начала она не совсѣмъ увѣренно,—я не знаю, какъ быть съ моимъ мальчикомъ. Ему уже десятый годъ. Я почти все время моего траура провела за границей; теперь живу здѣсь для его морскихъ купаній, зиму думаю провести во Флоренціи или въ Римѣ. Онъ учится со своимъ Англичаниномъ, но родной языкъ начинаетъ совершенно забывать... да и нужно, чтобъ онъ серьезно, грамматически началъ ему учиться...

— Вы желали бы учителя русскаго языка? Во Флоренціи я могу вамъ рекомендовать...

— До Флоренціи еще далеко, съ живостью прервала она его,—мнѣ хотѣлось бы скорѣе... Мнѣ... вчера... говорилъ мой Giacomino,—онъ отъ кого-то слышалъ въ отелѣ,—что одно семейство моихъ соотечественниковъ привезло сюда съ собою учителя... Но оно принуждено было почему-то вернуться въ Россію, а онъ, говорятъ, остался...

Маркизъ зоркими глазами и опытнымъ ухомъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и звукомъ рѣчи...

— Молодой человѣкъ этотъ учитель?

Онъ чуть не поймалъ ее этимъ нежданнымъ вопросомъ. „Какое вамъ до этого дѣло“! чуть не вырвалось у нея досадливо въ отвѣтъ. Но она сдержалась вѣ-время и, приподнявъ слегка плечи:

— Я этого никакъ не могу вамъ сказать, не видавъ его никогда въ лицо, не зная даже, какъ его зовутъ... Вѣроятно молодой, примолвила она совершенно спокойно;—теперь, у насъ по крайней мѣрѣ, совсѣмъ нѣтъ, кажется, старыхъ учителей...

— Я завтра же наведу справки, графиня.

— Ахъ да, онъ, кажется, живетъ въ Hôtel Bauer... говорилъ мнѣ Giacomino... Да, именно въ Hôtel Bauer, я хорошо помню теперь...

— Найти его легко такимъ образомъ, сказалъ маркизъ съ легкимъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

— Но вотъ въ чемъ просьба, начала она опять тѣмъ же не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ: — я бы не хотѣла послать пригласить его... отъ себя. Вы понимаете, это заранѣе связало бы меня нѣкоторымъ образомъ...

— Вы желаете, то-есть, чтобы я, какъ бы ничего не слыхавъ отъ васъ, но зная только, что вы ищете учителя для вашего сына и желая оказать вамъ одолженіе, отыскалъ его *отъ себя*, подчеркнулъ онъ,—и привелъ къ вамъ?

— Какъ вы догадливы, дорогой маркизъ! воскликнула молодая женщина.

— На бѣду себѣ, проговорилъ онъ сквозь зубы, учтиво наклоняя въ то же время голову. — Завтра же желаніе ваше будетъ исполнено.

— Благодарю тысячу разъ!

И она еще разъ протянула ему руку.

— Но становится и въ самомъ дѣлѣ холодно, кажется... A casa (домой)! обернулась она съ приказаніемъ стоявшему за нею на кормѣ гондольеру.

II.

Графинѣ Еленѣ Александровнѣ Драхенбергъ было никакъ не болѣе двадцати девяти лѣтъ. Но, по особаго рода хвастовству, она не упускала ни одного удобнаго случая говорить о себѣ, какъ о женщинѣ, имѣющей „sa trentaine bien sonnée“, какъ бы съ цѣлью заявить этимъ о тѣхъ правахъ на полную свободу поступковъ, которая, по ея мнѣнію, сопряжена была для женщинъ съ тридцатилѣтнимъ возрастомъ, а, можетъ быть, просто изъ-за удовольствія выслушивать возгласы недовѣрія и горячія опроверженія, которыми отвѣчали на эти ея увѣренія поклонники ея и „друзья“-мущины (друзья-*женщины* вѣрили ей само собою на-слово). Она дѣйствительно была замѣчательно молода на видъ. Роста выше средняго, чуть-чуть полна, рыжа какъ бѣлка лѣтомъ, она, какъ всѣ рыжія, отличалась необыкновенною тонкостью, бѣлизной и свѣжестью кожи. Черты ея были неправильны, лобъ не въ мѣру высокъ (она въ виду этого еще раньше моды кудрявила волосы на лбу), но все вмѣстѣ взятое составляло нѣчто своеобразно милое и привлекательное, благодаря живому выраженію прекрасныхъ карихъ глазъ и прелестному очерку свѣжихъ и полныхъ губъ, изъ-за которыхъ ослѣпительно сверкали ея, словно подобранный жемчугъ, крупные и ровные зубы. Съ этою наружностью она могла нравиться, и нравилась болѣе, чѣмъ многія женщины самой безспорной красоты.

Единственная дочь умнаго и дѣловитаго отца, умѣвшаго нажить огромное состояніе на золотыхъ пріискахъ и всякихъ иныхъ толково и счастливо ведомыхъ предпріятіяхъ, Елена

Александровна, послѣдняя отрасль древняго новгородскаго рода Борецкихъ, выдана была на девятнадцатомъ году жизни матерью, Полькой по рожденію, за Нѣмца-мужа, глубокій трауръ по которому, по свойственной ей своеобразности, продолжала носить молодая женщина до сихъ поръ, хотя имѣла бы уже по существующимъ на то въ свѣтѣ правиламъ полное право замѣнить шерстяныя свои ткани шелковыми, такъ какъ шелъ одиннадцатый мѣсяцъ со дня его кончины. „Une façon d'expiation, объясняла она, полувздыхая, полусмѣясь, близкимъ ей людямъ,—pour m'être tant ennuyée avec ce brave homme de son vivant". Графъ Отто Фердинандовичъ Драхе-фонъ-Драхенбергъ былъ и точно достойнѣйшій, но тяжеловѣснѣйшій изъ смертныхъ вообще и изъ супруговъ въ особенности... „Остзейскій дворянинъ" въ полномъ значеніи понятія, выражаемаго этими двумя словами, онъ былъ примѣрный, равно уважаемый начальствомъ и товарищами, эскадронный командиръ одного изъ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ, строго держался законовъ „хорошаго общества", отчетливо и усердно оттанцовывалъ всѣ танцы на придворныхъ балахъ, и въ вопросахъ *чести* почитался авторитетомъ всею петербургскою военною молодежью. Тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду, онъ былъ полковникъ и флигель-адъютантъ, и при весьма небольшихъ средствахъ, которыя получалъ изъ родительскаго замка въ Курляндіи, умѣлъ *жить* приличнѣе многихъ изъ своихъ однополчанъ, тратившихъ тысячъ по тридцати въ годъ и бѣжавшихъ къ нему же во дни безденежья „перехватить рублей триста на недѣльку времени", въ чемъ онъ находилъ возможность никогда имъ не отказывать. Наружности онъ былъ совсѣмъ рыцарской, болѣе внушительной, чѣмъ красивой; потомокъ меченосцевъ сказывался съ перваго взгляда въ его высокомъ, сухомъ и мускулистомъ станѣ, въ холодномъ блескѣ блѣдноголубыхъ глазъ и въ силѣ растительности безконечно длинныхъ и кудрявыхъ льняныхъ усовъ, — „первыхъ по всей гвардіи", говорили съ гордостью „за полкъ" и съ тайною завистью по отношенію къ самимъ себѣ новоиспеченные корнеты, которыхъ муштровалъ онъ на *офицерской ѣздѣ*... Лучшаго супруга для дочери не могла и

представить себѣ Гедвига Казиміровна Борецкая, рожденная графиня Лахницкая, во внутреннемъ чувствѣ которой каждый „родовитый“ иноземецъ, въ силу уже одной крови, текущей въ его жилахъ, долженъ былъ быть не въ примѣръ аристократичнѣе, цивилизованнѣе и „надежнѣе *какъ мужъ* во всѣхъ отношеніяхъ“ любаго „Московита“, хотя бы самаго знатнаго и добропорядочнаго. „Этотъ, по крайней мѣрѣ, не истощилъ себя съ кокотками и не проиграетъ состоянія твоего въ Яхтъ-клубѣ“, напирала она, исчисляя дочери достоинства графа Драхенберга. Дочь, со своей стороны, была такого мнѣнія, что съ Драхенбергомъ вальсировать очень ловко, что нѣмецкій акцентъ въ его французской рѣчи „не особенно противенъ“ и, наконецъ, что никто лучше его не ѣздитъ верхомъ на каруселяхъ придворнаго манежа... Благодаря сочетанію такихъ лестныхъ о немъ мнѣній, счастливый курляндскій графъ выхватилъ, какъ говорится вульгарно, „изъ-подъ носу“ своихъ совмѣстниковъ руку одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи... Съ первыхъ же шаговъ своихъ на супружескомъ поприщѣ онъ осуществилъ возлагавшіяся на него Гедвигою Казиміровною надежды въ мѣрѣ, далеко превысившей даже ея ожиданія. Онъ уплатилъ ей чистыми деньгами причитавшуюся ей вдовью часть, исчисливъ оную, „съ соизволенія графини Елены Александровны“, тысячъ на семь дохода выше того, на что имѣла она право по закону, и счастливая теща, благословляя такого „beau fils modèle“, переселилась вслѣдъ затѣмъ въ Вѣну, гдѣ года два спустя вышла вторымъ бракомъ за графа Пршехршонщовскаго, прокутившагося галиційскаго помѣщика, который лѣтъ на пятнадцать былъ ея моложе, и на котораго заглядывались женщины, когда онъ на гуляньѣ въ Пратерѣ съ высоты элегантнѣйшаго лондонскаго *догкарта* привѣтствовалъ знакомую даму „d'un coup de chapeau“, правя своими four in hands кровными лошадьми моднаго цвѣта Isabelle... Состояніе жены своей, оставленное покойнымъ отцомъ ея въ нѣсколько запутанномъ видѣ, графъ Отто Фердинандовичъ въ нѣсколько лѣтъ управленія привелъ въ такое блестящее положеніе, что ежегодный доходъ съ заводовъ ея и

земель, не превышавшій семидесяти пяти тысячъ, когда онъ вступилъ съ нею въ бракъ, возросъ чрезъ пять лѣтъ до ста двадцати, и Драхенбергъ, уже тогда отецъ, указывая на маленькаго сына, говаривалъ, потирая руки, въ веселыя минуты, что онъ „къ совершеннолѣтію этого *шибздика* надѣется благоразумною экономіей сколотить *свободный милліончикъ*, за который тотъ, надо полагать, скажетъ ему merci“...

Все это было бы прекрасно, если бы мужъ Елены Александровны удовольствовался своимъ положеніемъ финансоваго главы того товарищества на паяхъ, которое называется *супружествомъ* въ свѣтѣ. Но онъ, въ силу своихъ патріархальныхъ понятій, почиталъ еще себя серьезно призваннымъ быть духовнымъ руководителемъ „данной ему небомъ подруги жизни (seiner Lebensgenossin)“ и это призваніе свое исполнялъ съ такою убійственною добросовѣстностью, что въ первое время ихъ супружества доводилъ жену чуть не до лютаго отчаянія. Отто Фердинандовичъ берегъ супругу свою и ея репутацію пуще зѣницы ока, неуклонно слѣдовалъ за нею повсюду, тревожно слѣдилъ за каждымъ словомъ ея и движеніемъ, производилъ въ умѣ тщательную разцѣнку нравственныхъ качествъ ея свѣтскихъ пріятельницъ и бальныхъ кавалеровъ. Возвращаясь съ нею съ бала или раута, онъ начиналъ еще въ каретѣ и продолжалъ затѣмъ, идя за нею въ ея спальню, безконечно длинно и безконечно нудно подвергать „правильному обсужденію“ „неприличную смѣлость“ такого-то оброненнаго ею предъ тѣмъ-то „фатомъ“ выраженія, или опасность, которая могла-де грозить ей отъ сближенія съ такою-то слишкомъ „фривольною“ женщиной изъ ея знакомыхъ. „Обсужденіе“ заканчивалось неизбѣжнымъ нравоученіемъ о томъ „достоинствѣ“, съ какимъ должна держать себя женщина „высокаго рожденія (eine adelige Person)“ вообще и носящая *его* имя въ особенности, причемъ пускался въ тотъ дидактическій „высокій“ тонъ, присущій съ дѣтства каждому Нѣмцу, которымъ говоритъ ему проповѣдникъ съ каѳедры и лицедѣй съ театральныхъ подмостокъ. У молодой женщины начинало нестерпимо ныть подъ ложечкой и сводить судорогой пальцы на ногахъ. „Ну хорошо, оставь меня только, я спать хочу“! вос-

клицала она, махая руками, готовая разрыдаться отъ досады и скуки... Но неугомонный супругъ переходилъ тогда къ соображеніямъ по части хозяйства и „свѣтскихъ обязанностей“. Начиналось подробнѣйшее изложеніе тѣхъ причинъ, по которымъ „*имъ* необходимо“ дать обѣдъ такого-то числа, пригласить къ нему тѣхъ-то лицъ и потратить на него столько-то денегъ; вытаскивалось изъ кармана menu, „требовавшее внимательнаго разсмотрѣнія“ и которое „en toute confidence“ составлено ему было „по дружбѣ“ однимъ пріятелемъ, извѣстнымъ гастрономомъ... „О, Боже мой, оставишь-ли ты меня наконецъ“! плакала уже впрямь теперь жена, насилу сдерживаясь отъ желанія швырнуть ему въ голову только-что снятымъ ею съ руки браслетомъ. Отто Фердинандовичъ, весьма боявшійся женскихъ слезъ, расширялъ каждый разъ послѣ этого все такъ же недоумѣло свои блѣдно-голубые глаза, осторожно проподнималъ плечи и удалялся, но на другой же день являлся утромъ къ женѣ съ тѣмъ же menu въ рукѣ и съ озабоченнымъ видомъ приглашалъ ее пройти съ нимъ въ столовую, „сдѣлать маленькую репетичку“ предполагаемаго „ихъ“ обѣда, „чтобы напередъ знать, кто подлѣ кого будетъ сидѣть, такъ какъ въ этихъ случаяхъ очень важно, чтобы не посадить рядомъ людей, которые терпѣть другъ друга не могутъ“, а также, чтобы „сговориться заранѣе“ насчетъ тѣхъ *нюансовъ*,—онъ особенно хлопоталъ о „нюансахъ“,—которыми должны они, мужъ и жена, руководиться, каждый со своей стороны, въ своихъ frais d'amabilité относительно „главныхъ„ и „неглавныхъ“ изъ своихъ приглашенныхъ...

Но графиня Елена Александровна была не того рода особа, чтобы долго терпѣть „назойливое“ попечительство своего супруга. Въ одинъ прекрасный вечеръ она замкнула на замокъ дверь своей спальни, а на слѣдующее утро объявила ошеломленному мужу, что она родилась въ свѣтѣ и знаетъ, какъ вести себя тамъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и онъ, что по ночамъ она спать хочетъ, а не слушать его пасторскія сентенціи (такъ и сказала „пасторскія“,—что особенно показалось „giftig“, язвительнымъ и ужаснымъ бѣдному Отто Фердинандовичу). „Я хочу наконецъ дышать свободно“,

безпощадно объясняла она; вы имѣете право требовать отъ меня лишь одного, чтобъ я не дѣлала скандала, не срамила вашего имени, и на счетъ этого вы можете быть покойны: я не стану васъ обманывать хотя бы уже потому, что по-моему это ставитъ и мужа, и жену въ равно глупое положеніе. Лучшее доказательство этому то, что̀ я вамъ теперь говорю: другая женщина на моемъ мѣстѣ давно бы кинулась на шею первому встрѣчному мущинѣ изъ одной злости на ваши проповѣди, и вы объ этомъ никогда бы не узнали, по примѣру всѣхъ мужей на свѣтѣ, — а я предпочитаю объясниться съ вами откровенно. C'est à prendre ou à laisser: или вы оставите меня жить по моему разумѣнію, дружиться съ кѣмъ я хочу, ѣздить куда мнѣ вздумается и, главное, безъ васъ и безъ вашихъ нотацій,—или я завтра же уѣду къ матери, въ Вѣну, гдѣ, говорятъ, гораздо веселѣе жизнь, чѣмъ здѣсь, и тогда я ни за что̀ не отвѣчаю"...

Выходка эта страшно перепугала графа Драхенберга. Онъ настолько уже успѣлъ узнать характеръ графини, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что она буквально исполнитъ угрозу свою — уѣдетъ въ Вѣну къ этой „старой дурѣ", своей матери, „die alte Närrin", какъ называлъ онъ in petto тещу, „на *пропащее* житье", если онъ не подчинится предъявляемымъ ему требованіямъ. Въ душѣ его первымъ ощущеніемъ заныло жгучее и злобное раскаяніе по поводу „безсмысленныхъ узъ", которыми связалъ онъ себя: ему, Драхенбергу, благородному плоду чистыхъ соковъ германскаго древа, возможно-ли было взять въ подруги этотъ прямой продуктъ славянской несостоятельности и распущенности (Liederlichkeit), да еще въ его двойномъ букетѣ—*русской* и *польской* крови! „O lieber Gott, nein, das war doch ein Wahnsinn, ein Wahnsinn!" блѣднѣя, восклицалъ онъ про себя, растерянно упершись взглядомъ въ раскраснѣвшееся отъ волненія лицо той, которая такъ дерзко дозволяла себѣ заявлять о своемъ какомъ-то правѣ *дышать свободно*, отдѣльно отъ *законнаго* своего сожителя... Но эта дерзкая „способна на все", подумалъ онъ тутъ же, способна не только уѣхать, но еще увезти съ собою *его* сына... а съ этимъ, пожалуй, взять у него назадъ „полную довѣрен-

ность", данную ему на управленіе ея имѣніями, и дать подобную же первому попавшемуся негодяю, который разоритъ ее и *ихъ* наслѣдника... Отто Фердинандовичъ былъ человѣкъ чувствъ самыхъ возвышенныхъ, конечно, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ положительный, ein solider und praktischer Mann: негодованіе клокотало въ благородной душѣ его, но онъ не счелъ благоразумнымъ дозволить себѣ выразить его на словахъ:

„Не выпустилъ изъ устъ онъ пламенныхъ рѣчей
И бога гнѣвнаго сдержалъ въ груди своей" *).

Онъ только „убѣдительно" просилъ *графиню Елену* одуматься, разсудить, „насколько правильно съ ея стороны пренебрегать тѣми полезными для нея указаніями, которыя онъ, какъ ближайшее къ ней мужское лицо и другъ"... Она не дала ему продолжать. „C'est à prendre ou à laisser!" съ жестокосердою настойчивостью повторила она... Отто Фердинандовичъ вспомнилъ еще разъ о „наслѣдникѣ"... и о „довѣренности" и уступилъ.

Но помириться съ новымъ положеніемъ своимъ онъ все-таки не могъ: ему не доставало того легкомыслія, или того добродушія, съ какимъ *славянскій* мужъ ужился бы съ такимъ положеніемъ, находя въ немъ даже нѣкоторую привлекательную сторону, и Отто Фердинандовичъ считалъ нужнымъ при всякомъ случаѣ давать это чувствовать своей обидчицѣ. Наливалъ-ли онъ ей воды за столомъ, спускалъ-ли ее съ лошади въ манежѣ, или принималъ чашку чая изъ ея рукъ на вечерѣ у ней en petit comité, куда онъ каждый разъ признавалъ для себя необходимымъ являться, его уныло вытянутое лицо говорило ей неизмѣнно то же: „ты видишь-молъ, какъ я приличенъ, учтивъ и даже милъ съ тобою, но я все же уязвленъ, и ты это понимай!"... Елена Александровна понимала дѣйствительно: видъ „этого spectre de Banco", котораго, какъ увѣряла она, изображалъ теперь ея обезоруженный „властелинъ", раздражалъ ее хуже зубной боли. Но это нисколько

*) *L'Aveugle*, А. Шенье, въ переводѣ К. К. Павловой.

не располагало ее отдать себя снова подъ его ярмо. Она только старалась по возможности избѣгать всякихъ встрѣчъ и разговоровъ съ нимъ, и свиданіе съ глазу на глазъ допускала лишь въ тѣхъ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда ему бывала необходима подпись ея подъ какимъ-либо документомъ по ея имѣніямъ, которыми онъ продолжалъ все также полноправно и удачно управлять. Обитая подъ однимъ кровомъ, супруги наши были теперь такъ же чужды другъ другу, такъ же разнились въ образѣ жизни, какъ жители противоположныхъ полушарій. Отто Фердинандовичъ командовалъ полкомъ въ окрестностяхъ столицы, гдѣ и проживалъ половину своего времени, вставалъ съ зарей, весь день проводилъ на службѣ. Жена его подымалась съ постели въ два часа пополудни и ложилась въ пять утра, принимала каждый день „между пятью и шестью“, обѣдала, ѣздила по театрамъ, *чаевала* и ужинала въ „coterie intime“ отчаяннѣйшихъ „кокодетокъ“,—ихъ же царство настало въ тѣ дни,—говорила самымъ модно-циническимъ argot парижскихъ бульваровъ, декольтировалась „avec un chien de tous les diables“, по выраженію толстенькой графини Ваханской, ближайшей ея пріятельницы, и *укладывала въ лоскъ* своимъ кокетствомъ все сонмище военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, *папильйонирующихъ* въ видѣ „отдыха“ отъ великихъ трудовъ своихъ на благо отечества въ извѣстныхъ гостиныхъ петербургскаго большаго свѣта. „Въ сіяющей лысинѣ каждаго изъ этихъ государственныхъ старцевъ“, увѣрялъ какой-то mauvais plaisant, „вы можете видѣть какъ въ зеркалѣ отраженіе неподражаемой chûte d'épaules графини Драхенбергъ“... Самъ графъ Анисьевъ, занимавшій теперь весьма видный постъ и не смотря на свои давно ушедшіе за полвѣка годы, слывшій у женщинъ за „homme irrésistible“, предпринялъ правильную осаду сердца *огневой* красавицы—„la femme de feu“,—ее же не безъ ехидства прозвала такъ, по заглавію одного, весьма скабрезнаго романа Belot, все та же маленькая и толстенькая Lizzy Ваханская (носившая вслѣдствіе этого въ свою очередь прозваніе *Boulotte*), намекавшая этимъ якобы единственно на рыжеватость своей „meilleure amie“. Но *сердце* это не сдалось

графу Анисьеву, и прозвище, данное графинѣ Драхенбергъ, могло дѣйствительно—весьма долгое время по крайней мѣрѣ—относиться къ единственно огненному цвѣту ея волосъ. При всей суетности ея жизни и распущенности рѣчей, усвоенной ею въ обществѣ пріятельницъ своихъ „кокодетокъ“, въ душѣ ея теплилась не малая доля идеализма своего рода, смутнаго исканія чего-то „интереснѣе“ того, что̀ „въ области чувства“ могла она ожидать отъ петербургскихъ *свитскихъ* генераловъ и *статскихъ* карьеристовъ... Давъ имъ наглядѣться бывало вволю цѣлый вечеръ на свои блистательныя плечи, наслушавшись ихъ казенныхъ любезностей и остротъ, понадерганныхъ изъ *Figaro* и всякихъ французскихъ книжекъ, поставляющихъ готовыя *mots* россійскимъ „козёрамъ“, она садилась въ карету, глубоко утомленная, и съ нервною зѣвотой гадливо говорила себѣ, укутываясь въ пушистый бѣлый мѣхъ своей ротонды: „Они еще скучнѣе со своими обольщеніями, чѣмъ мой мужъ со своею добродѣтелью“.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но то, что̀ Французы насмѣшливо называютъ „психологическимъ моментомъ“ въ жизни женщины, не минуло наконецъ и ея. За годъ предъ тѣмъ, какъ встрѣчаемся мы съ нею въ Венеціи, она въ Крейцнахѣ, куда ѣздила лѣчить ребенка своего отъ золотухи, встрѣтилась съ человѣкомъ, предъ которымъ разлетѣлась въ прахъ вся ея нерушимая до той минуты внѣшняя бузупречность. Это былъ нѣкій Венгерецъ, графъ Шегединъ, музыкантъ, поэтъ и путешественникъ. Лѣтъ онъ былъ уже не совсѣмъ молодыхъ, прихрамывалъ притомъ на правую ногу, какъ лордъ Байронъ, но его полуцыганская, полуразбойничья наружность носила отпечатокъ такой силы, въ черныхъ какъ ночь глазахъ горѣла такая неотразимая *воля* соблазна, что „женщина,—говорили про него *бывалыя* барыни,— которую онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ, должна была или безпрекословно сдаться ему тотчасъ, или бѣжать отъ него скорѣе въ какой-либо невѣдомый еще людямъ уголокъ земли (такъ какъ всѣ вѣдомые исхожены-де имъ были вдоль и поперекъ), гдѣ бы не имѣлъ онъ возможности преслѣдовать ее... Репутацію имѣлъ незавидную: онъ, по ходившимъ о немъ слухахъ, про-

игралъ и прожилъ на своемъ вѣку два или три огромныя наслѣдства, былъ два раза женатъ, каждый разъ на богатыхъ красавицахъ, и каждый разъ красавицы эти умирали спустя годъ послѣ брака, неизвѣстно какъ и отъ чего, въ какой-нибудь отдаленной странѣ, куда влекла ихъ мужа страсть къ приключеніямъ или наживѣ, и откуда вѣсти едва доходили до Европы. Увѣряли, что онъ когда-то служилъ въ англійской арміи въ Индіи, покушался произвести возмущеніе между сипаями, былъ въ этомъ уличенъ, судимъ и приговоренъ къ смерти, но спасся какимъ-то чудеснымъ образомъ при помощи жены какого-то раджи, очутился затѣмъ на одномъ изъ острововъ Малайскаго архипелага, населенномъ дикими, провозгласившими его якобы царемъ надъ ними... Все это, конечно, сильно отзывалось сказкой; вѣрно было то, что онъ принадлежалъ дѣйствительно къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Венгріи, но не владѣлъ тамъ, ниже въ какой иной землѣ, никакимъ недвижимымъ имуществомъ, что значительныхъ капиталовъ за нимъ тоже никто не зналъ, что̀ не мѣшало ему проживать тысячъ пятьдесятъ гульденовъ въ годъ, и что его же одноземцы называли его „средневѣковымъ condottiere, странною игрой судьбы перенесеннымъ цѣликомъ въ XIX вѣкъ“... Дурная слава графа Шегедина, какъ это неизбѣжно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послужила ему на пользу въ глазахъ Елены Александровны еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ его музыка, французскіе стихи и звеняще-проницающій голосъ. Онъ съ этимъ своимъ темнымъ прошедшимъ, напоминавшимъ легенду о *Раулѣ Синей Бородѣ*, съ загадочными условіями настоящаго своего существованія, со своею наружностью „кондотьера“, такъ мало походилъ на „прилизанные“, шаблонные, „до гадости одинъ другаго повторяющіе“ типы дешевыхъ невскихъ Ловеласовъ!

Онъ не *ухаживалъ* за нею, не расточалъ словъ, но она была окололдована съ первой минуты... Онъ овладѣлъ ею нежданно, внезапно,— она сама потомъ не въ силахъ была объяснить себѣ *какъ*... Онъ сидѣлъ однажды у нея послѣ обѣда со своею цитрой, на которой игралъ съ какимъ-то удивительнымъ, захватывавшимъ за тончайшіе нервы слушатель-

ницъ его выраженіемъ. Она внимала ему, не отрываясь взглядомъ отъ его поникшихъ къ инструменту вѣкъ, вся захолодѣлая отъ непонятнаго, никогда еще до той минуты неиспытаннаго ею волненія... Шегединъ оторвалъ вдругъ на полутактѣ рѹки отъ струнъ и протянулъ ихъ къ ней, устремивъ на нее въ упоръ свои сверкавшіе черные глаза. Она поднялась съ мѣста и безотвѣтно, безвластно пошла на этотъ нѣмой зовъ... Онъ охватилъ ея станъ желѣзною рукой, привлекъ къ себѣ, приникъ къ ея губамъ пылающими губами... Она ничего далѣе не помнила...

Изъ Крейцнаха онъ поѣхалъ за нею на Таунское озеро, въ Гмунденъ, гдѣ мальчику ея предписано было пользоваться горнымъ воздухомъ. Русскихъ тамъ не было никого, ниже какихъ-либо знакомыхъ графини изъ чужеземцевъ. Она свободно могла отдаваться своей любви... Любовью-ли впрочемъ называть то, что̀ испытывала она въ тѣ дни? Нѣтъ, это было скорѣе какое-то навожденіе, что-то похожее на рабское подчиненіе ясновидящей таинственному вліянію своего магнетизёра: тутъ было упоеніе и трепетъ, блаженство и страхъ, — „неправедныя ночи и мучительные дни“. Было что-то безудержное, чуть не звѣрское въ знойныхъ порывахъ страсти этого человѣка, вызывавшихъ въ ней иной разъ невольно такіе же пламенные отзвуки... Но за ними слѣдовали у нея часы какой-то надрывающей *физической* тоски, если можно такъ выразиться: она не раскаивалась, не упрекала себя ни въ чемъ, она готова была, казалось ей, назвать графа Шегедина любовникомъ своимъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, — но ей было тяжело, словно предъ смертнымъ часомъ... Онъ еще менѣе, чѣмъ она, способенъ былъ объяснить себѣ то, что̀ происходило въ ней въ ту пору, и со свойственною ему раздражительностью упрекалъ ее въ холодности: „Я безсильна“, отвѣчала она ему, слабо усмѣхаясь,—„я безсильна отвѣчать, какъ бы вы желали, à votre amour de tigre“...

— Вы называете меня „тигромъ“, сказалъ онъ ей однажды на это:—да, я люблю васъ лютымъ и ревнивымъ какъ у хищника чувствомъ и не выпущу васъ болѣе изъ моихъ объятій; вы должны быть моею на вѣки... моею женой...

— Но я замужемъ, je suis mariée, вы знаете! воскликнула она.

— Vous vous démarierez, voilà tout, рѣзко выговорилъ онъ;— вы разведетесь: я этого хочу! Мужъ вашъ не препятствіе, если вы *меня* любите.

Она подняла на него глаза и тутъ же опустила ихъ и замолкла. *Разводъ*, это значило разлука съ сыномъ; мужъ, „законъ“ отняли бы его у нея въ этомъ случаѣ, она понимала, а ребенокъ ея былъ дорогъ ей, и никогда ей такъ сильно не сказывалось это, какъ въ ту минуту... Но возражать она не имѣла силы: у нея своей воли уже не оставалось; вся она, чувствовала молодая женщина, была въ „его“ власти.

Она согласилась на все, отгоняя всѣ возникавшія въ ея головѣ возраженія... Графъ Шегединъ, какъ оказывалось, былъ весьма свѣдущъ по части существующихъ въ Россіи постановленій о разводѣ. Онъ объяснилъ молодой женщинѣ, что мужъ ея долженъ „принять вину на себя“, дабы дать ей законное право выйти замужъ за него, Шегедина, и что весь вопросъ заключается въ томъ, „какую цѣну захочетъ положить графъ Драхенбергъ за свое отреченіе“... „А если ни за какія деньги не захочетъ согласиться?“ вырвалось у нея невольно. Шегединъ только плечами пожалъ на это и презрительно улыбнулся,—и ей самой тогда представилось, что „хотя мужъ ея и считается самымъ благороднымъ человѣкомъ въ Петербургѣ“, но что все же онъ „разсчетливый Нѣмецъ“ и предпочтетъ „соглашеніе à l'amiable“ за крупную сумму „открытому скандалу“...

Наступала осень; графинѣ давно было пора вернуться въ Петербургъ. Шегединъ долго не рѣшался отпустить ее. Онъ звалъ ее въ Вѣну, къ матери, съ которою близко былъ знакомъ и чрезъ посредство которой, по его мнѣнію, можно было начать „прямые переговоры“ съ графомъ Драхенбергомъ... „Это значило бы все испортить“, возражала молодая женщина: „моя мать не пользуется никакимъ авторитетомъ въ глазахъ мужа; напротивъ, я одна, личнымъ объясненіемъ съ нимъ, могу склонить его дать мнѣ свободу...“

Страстный Венгерецъ сдался на ея убѣжденія, но съ тѣмъ,

что самъ онъ мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда ея въ Петербургъ пріѣдетъ туда „на помощь ей и *покровительство...*“ Она уѣхала.

Но, очутившись снова въ домѣ своемъ на Сергіевской, Елена Александровна пришла вдругъ въ смущеніе. Она какъ-то внезапно почуяла, что „разсчетливость“ Отто Фердинандовича дальше извѣстныхъ предѣловъ не пойдетъ, что онъ дѣйствительно „настолько все-таки *рыцарь*, что *продать* жену свою другому ни за какія деньги не согласится,“ а слѣдовательно нечего и начинать съ нимъ разговоръ объ „этомъ...“ Да и когда же было ей разговаривать съ нимъ? Русская армія стояла въ тѣ дни подъ Плевной. Войска мчались на парахъ съ сѣвера за Дунай, а въ числѣ ихъ полкъ, которымъ командовалъ графъ Драхенбергъ. Онъ только-только успѣлъ дождаться ея возвращенія, чтобы „проститься съ сыномъ“ и передать ей, „графинѣ“, въ запечатанномъ пакетѣ „на случай, если онъ не вернется“, подробное изложеніе „системы дѣйствій“, которой слѣдовалъ при управленіи ея имѣніями и которую „онъ осмѣливается ей совѣтовать удержать и впредь, *когда другой станетъ этимъ заниматься*“. Возможно-ли было ей, въ самомъ дѣлѣ, въ такую минуту заявлять ему, что она желаетъ развестись съ нимъ?.. Она чуть не расплакалась даже, когда онъ, прощаясь съ нею въ передней, прижалъ руку ея къ губамъ, и перекрестила мгновеннымъ движеніемъ его наклоненную голову... А *тотъ* между тѣмъ сладъ ей каждый день изъ Вѣны, куда переѣхалъ изъ Гмундена и гдѣ успѣлъ совершенно привлечь на свою сторону графиню Пршехршонщовскую, пламенныя и тревожныя письма, допытываясь, „въ какомъ положеніи стоятъ ихъ дѣла“, напоминая ей о ея „обѣтахъ (ses serments)“ и заявляя, что невыносимое безпокойство, испытываемое имъ, заставитъ его по всей вѣроятности ускорить пріѣздъ свой въ Петербургъ. А въ Петербургѣ, въ томъ особомъ свѣтскомъ кружкѣ, къ которому принадлежала графиня, связь ея съ Шегединомъ была уже предметомъ общихъ разговоровъ. О Гмунденской „идилліи“ первая узнала какимъ-то чрезвычайнымъ путемъ графиня Ваханская, находившаяся въ ту пору въ Біарицѣ, и, вернувшись оттуда, разблаговѣ-

стила объ этой „amusante histoire“ по всѣмъ благоприличнымъ домамъ столицы, въ тотъ пріемный часъ предъ обѣдомъ, когда въ „интимный кабинетъ“ хозяйки расчесанный франтъ-слуга въ бѣломъ галустукѣ вноситъ уставляемый на раздвижномъ столикѣ серебряный tea-kettle съ чайнымъ приборомъ и всякимъ сладкимъ печеньемъ... Венгерскій донъ-Жуанъ не покидалъ еще своей квартиры на Ringstrasse, а на набережныхъ Невы уже каждая изъ „кокодетокъ“ готовилась in petto къ состязанію, имѣвшему конечною цѣлью *отбить* его у „femme de feu,“—между тѣмъ какъ ее, эту счастливицу, рѣзали на кусочки кругомъ того же tea-kettle и сладкаго печенья на раздвижномъ столикѣ, съ тѣмъ единодушіемъ завистливаго злословія, которымъ отличается искони изящный петербургскій *гранмондъ*. Графинѣ Драхенбергъ въ то же время сообщали тѣ же пріятельницы, подъ видомъ сердечнаго участія и предостереженія, объ „ужасныхъ клеветахъ, „atroces calomnies,“ на ея счетъ, которыя онѣ же разносили по городу... „И это пока еще нѣтъ *его* здѣсь; что же будетъ, когда онъ пріѣдетъ, когда мы съ нимъ какъ на сценѣ принуждены будемъ являться *предо всѣми ими?*“ тревожно думала молодая женщина и все чаще объ этомъ задумывалась... Подъ владычествомъ страннаго чувства находилась она со времени разлуки своей съ *нимъ*; она, какъ сказочная царевна, словно только-что ушла изъ очарованнаго замка, гдѣ все дышало обольстительною, но ревнивою, но страшною властью похитившаго ее волшебника, и жадно вбирала въ себя воздухъ вновь обрѣтенной ею свободы. Та власть и любезна была ей, и пугала ее... и съ каждымъ днемъ все сильнѣе брало это послѣднее ощущеніе верхъ надъ первымъ... Ну да, она любила *его*, любила несомнѣнно, никого еще *до него* не любила она такъ, да и *вовсе* не любила; но вѣдь эта любовь ея къ нему—„рабство“... „Рабство“, докучливо стучало у нея въ головѣ: „*онъ* всю тебя хочетъ, каждый твой помыселъ, каждое сердечное движеніе“. Онъ ничего не способенъ оставить ей, даже для сына... для сына! Онъ ревновалъ ее къ этому ребенку, онъ „ненавидѣлъ его въ душѣ, потому что не могла же разлюбить его совсѣмъ изъ-за *него*“... Не даромъ зовутъ его „Синею Бородой“: кто знаетъ, сдѣлайся онъ ея мужемъ,

и дрожь пробѣгала у нея по тѣлу, „не кончила-ли бы и она такъ, какъ его первыя двѣ жены?“... Ну да, она его любитъ, но „имѣетъ-ли она право отказаться для него отъ сына... и ото всего“... И когда же? *Теперь*, когда „политическія дѣла въ такомъ положеніи“, когда мужъ ея... отецъ ея ребенка понесъ свою жизнь на поле сраженія... Нѣтъ, нѣтъ, я люблю этого человѣка, но есть минуты, когда надо умѣть жертвовать собою...

Въ одно прекрасное утро графиня Елена Александровна поѣхала въ главное управленіе Краснаго Креста, просидѣла тамъ болѣе часу, вернулась оттуда прямо домой, велѣла никого не принимать и засѣла за большое „объяснительное“ письмо къ графу Шегедину. Въ письмѣ этомъ она сообщила ему, что у нея „сердце нестерпимо сжимается при мысли о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ на него ея строки“, но что есть въ жизни обстоятельства, „des circonstances impérieuses plus fortes que la volonté humaine“, предъ которыми человѣкъ долженъ поневолѣ смириться, и что подъ гнетъ такихъ обстоятельствъ попала она вслѣдъ за возвращеніемъ въ отечество. „Нравственная обязанность, падающая на нее, какъ на лицо, владѣющее значительнымъ состояніемъ, въ ту трудную годину, которую переживаетъ нынѣ Россія, столько же, сколько и желаніе, заявленное ей въ высшихъ сферахъ (dans les hautes sphères de notre Cour), поставили ее въ необходимость, пожертвовавъ крупную сумму на раненыхъ, принять еще лично въ завѣдываніе одинъ изъ госпиталей, устраиваемыхъ Краснымъ Крестомъ въ различныхъ мѣстностяхъ на театрѣ войны за Дунаемъ (какой именно, она не говорила), и она немедленно должна туда ѣхать“. Она „умоляла“ его не сѣтовать на нее за то, что называла она „печальнымъ, но священнымъ долгомъ“, и отложить „ихъ лучезарныя мечты (leurs rêves radieux)“ до лучшаго будущаго... Нелицемѣрная слеза, дѣйствительно выпавшая при этомъ изъ глазъ нашей графини и размазавшаяся большимъ кляксомъ по ея свѣженачертанному лиловыми чернилами писанію, должна была, по ея мнѣнію, убѣдить его самымъ неотразимымъ образомъ въ несомнѣнной искренности тѣхъ „sentiments douloureux et

amers“ и жалобъ на „sort fatal“, на роковую судьбу, отдаляющую моментъ ихъ свиданія „на неопредѣленное время“, которыми заканчивалось ея посланіе.

Но, получивъ его, венгерскій „тигръ“ заскрежеталъ отъ ярости. Эта „бѣлоснѣжная“ женщина съ ея русскими милліонами его покидала, бѣжала отъ него, бѣжала очевидно нарочно въ районъ мѣстности, занимаемой русскою арміей, куда его не пустятъ, гдѣ ей нечего опасаться его преслѣдованія... Но, можетъ быть, еще не поздно, онъ еще застанетъ ее въ Петербургѣ, свидится съ нею... А свидится — побѣда останется за нимъ: онъ знаетъ власть свою надъ нею, онъ возьметъ свое, „хотя бы сто тысячъ московскихъ чертей, кумушекъ и соперниковъ стояли между ею и имъ“... И въ тотъ же день вечеромъ графъ Шегединъ, угрюмо уткнувшись въ уголъ вагона Вѣнско-Варшавской дороги, катилъ, новый Язонъ, добывать ускользнувшее изъ рукъ его золотое руно къ ледянымъ берегамъ Финскаго залива.

Но онъ уже не засталъ тамъ графини, и Lizzy Ваханская, съ которою онъ ранѣе встрѣчался за границей и къ которой, зная о ея дружбѣ съ той, поѣхалъ тотчасъ же по пріѣздѣ, къ немалому ея восхищенію, злорадно объявила ему, что она не далѣе какъ вчера получила телеграмму отъ этой „pauvre Elly“, которая въ настоящую минуту находится въ Никополѣ, „ужасной, нездоровой трущобѣ, гдѣ она рискуетъ потерять бѣлизну своей кожи, son plus beau titre à l'adoration des hommes“, домолвила она со своимъ ехидно-добродушнымъ остроуміемъ.

Шегединъ тѣмъ не менѣе еще не потерялъ надежды. „Женскій капризъ, *славянская* безтолковость, жалкая боязнь глупыхъ толковъ“, объяснялъ онъ себѣ тѣмъ или другимъ мотивомъ нежданное бѣгство своей жертвы; — „но ей тамъ скоро надоѣстъ, онъ легко убѣдитъ ее вернуться“. И между тѣмъ какъ общество „кокодетокъ“ à qui mieux mieux расточало предъ нимъ свои соблазны, — онъ попалъ *въ моду* съ перваго же появленія своего въ гостиной Lizzy; онъ собиралъ всякими тонкими путями точныя свѣдѣнія о состояніи, о прошломъ, о „спеціальномъ“ положеніи графини Драхен-

бергъ въ свѣтѣ, объ отношеніяхъ ея къ мужу,—и тѣмъ сильнѣе росло въ немъ рѣшеніе овладѣть ею, во что бы ни стало, чѣмъ яснѣе становилось для него, что ни „Дворъ“ (онъ почему-то воображалъ себѣ сначала, что *Дворъ* можетъ *стать между ею и имъ*), ни мужъ, ни иныя „внѣшнія условія“ не послужатъ помѣхой его желанію, если только *она* останется вѣрна своимъ обѣтамъ...

Но, къ немалому изумленію его и тревогѣ, *она* не отвѣчала на страстныя письма, которыя продолжалъ онъ слать ей каждый день, да и никому не писала, какъ бы нарочно для того, чтобы лишить его возможности имѣть какія-либо о ней вѣсти... Графъ Шегединъ былъ человѣкъ внезапныхъ и дерзкихъ рѣшеній: онъ собирался ѣхать въ Одессу, а оттуда подъ чьимъ-либо паспортомъ, подъ видомъ какого-нибудь агента поставщиковъ провіанта на армію, перебраться за Дунай, отыскать ее... какъ вдругъ какое-то, откуда-то полученное имъ сообщеніе заставило его, совершенно неожиданно для всѣхъ, мгновенно выѣхать изъ Петербурга за границу... Куда? зачѣмъ? — осталось тайной, объясненія которой тщетно добивались очарованныя имъ петербургскія mondaines у чиновъ австрійскаго посольства; трансъ- и цислейтанскіе дипломаты отвѣчали на вопросъ загадочными пожатіями плечъ и холодными улыбками, причемъ офиціально заявляли, что „l'emBassade impériale n'en a aucune connaissance“... Заходили между тѣмъ какіе-то странные слухи невѣдомаго происхожденія, заговорили о „поддѣлкѣ“ какихъ-то австрійскихъ бумагъ, о „государственномъ преступленіи“, въ которомъ будто бы принималъ участіе этотъ недавній любимецъ петербургскихъ гостиныхъ и раскрытіе котораго заставило его бѣжать-де въ Америку... Дамы съ тѣмъ бо́льшимъ негодованіемъ протестовали in corpore противъ „такой клеветы“, чѣмъ настоятельнѣе повторяли ее поклонники ихъ, завидовавшіе успѣхамъ венгерскаго „condottiere“ въ ихъ очаровательной средѣ...

Вѣсть объ этомъ, поспѣшно сообщенная въ Никополь графинею Ваханскою, Елена Александровна приняла почти равнодушно... Увы, страсть ея къ графу Шегедину была для нея въ настоящую пору покончennое дѣло, что Нѣмцы называютъ

„ein überwundener Standpunkt“; она пережита была ею и сдана въ архивъ съ тѣмъ легкимъ духомъ, съ тою простодушною безсовѣстностью, на которыя имѣютъ особую привилегію женщины. Иными помыслами и впечатлѣніями полно было ея пылкое воображеніе. Дѣло Краснаго Креста—къ которому примкнула она первоначально, видя въ немъ для себя лично выходъ изъ затруднительнаго положенія,—стало теперь въ глазахъ ея *дѣломъ жизни*. Она отдалась ему, сама не зная какъ, порывисто, мгновенно, съ какою-то внезапною жаждой самоотверженія и жертвы, какъ отдалась Венгерцу, все тѣмъ же безсознательнымъ побужденіемъ своей впечатлительной природы. Эта изнѣженная, избалованная, капризная свѣтская барыня оказалась вдругъ самою дѣятельною распорядительницей, самою неутомимою и усердною сестрой милосердія, проводила дни и ночи въ госпиталѣ, перевязывала самыя гнойныя раны, не морщилась ни предъ какимъ надрывающимъ зрѣлищемъ искалѣченія, ни предъ какимъ претящимъ обрядомъ ухода за больными. Способность преодолѣвать чувство отвращенія, которой отнюдь не подозрѣвала она въ себѣ до тѣхъ поръ, доставляла ей глубокое внутреннее услажденіе, „Я воображаю, что̀ было бы съ Lizzi на моемъ мѣстѣ!“ говорила она себѣ съ улыбкой торжества и сожалѣнія по адресу пріятельницы. Она сыпала деньгами на „своихъ“ раненыхъ, „своихъ“ врачей, „своихъ“ сестеръ, и совершенно искренно была убѣждена въ ту минуту, что врачевать увѣчныхъ и недужныхъ „тѣлесно и духовно“ было ея настоящимъ призваніемъ на землѣ...

Долго-ли продолжалось бы въ ней это восторженное душевное состояніе, сказать трудно; но ея дѣятельность по Красному Кресту прервана была на третьей же недѣлѣ смертью мужа, убитаго наповалъ пулей въ грудь... Она все кинула, отправилась на мѣсто битвы, испросила разрѣшеніе вырыть тѣло и повезла его въ свинцовомъ гробѣ чрезъ всю Россію въ замокъ предковъ его въ Курляндію, гдѣ Отто Фердинандовичъ, какъ стало извѣстно ей по вскрытіи пакета съ его завѣщаніемъ, положеннаго на храніе въ полковой ящикъ, желалъ быть похороненнымъ въ фамильномъ склепѣ, подлѣ отца

своего, убитаго подъ Гроховымъ въ Польскую кампанію въ рядахъ того же полка, во главѣ котораго такъ же доблестно, какъ онъ самъ, погибъ теперь сынъ его.

Къ госпиталю своему графиня болѣе не возвращалась. Пока приводила она въ исполненіе волю мужа и утѣшала, сама проливая при этомъ чистосердечнѣйшія слезы, его старушку мать, русскія войска успѣли дойти до Санъ-Стефано. Война почиталась оконченною... „On n'a plus besoin de moi", рѣшила молодая вдова, у которой, за смертью мужа, оставались на рукахъ заботы объ управленіи своимъ огромнымъ состояніемъ. Не мудрствуя лукаво, она передала это управленіе пожилому Нѣмцу, бухгалтеру, состоявшему у покойнаго въ большомъ довѣріи, котораго назначила своимъ главноуправляющимъ, и первыми вешними днями отправилась съ сыномъ въ Швейцарію... „Непріятной встрѣчи" за границей ей опасаться не приходилось: какъ она узнала, ея „тигръ", котораго ошибочно считали скрывшимся въ Америку, убитъ былъ, на родинѣ своей, на поединкѣ съ редакторомъ одной пештской газеты, опубликовавшей какой-то жестоко позорившій графъ Шегедина документъ. Извѣщенный объ этомъ, Шегединъ понесся прямо изъ Петербурга въ венгерскую столицу, гдѣ нанесъ диффаматору своему публичное оскорбленіе, и палъ затѣмъ съ прострѣленнымъ черепомъ, унося въ могилу ключъ къ разъясненію этой исторіи,—о ней же въ Петербургѣ имѣлись весьма смутныя свѣдѣнія, такъ какъ прежде всего тамъ въ свѣтѣ никто не читаетъ нѣмецкихъ газетъ, да и въ самыхъ вѣнскихъ листкахъ по этому предмету никакихъ особыхъ подробностей не заключалось... Какое впечатлѣніе произвела эта новая смерть на графиню, не знаемъ; во всякомъ случаѣ она окончательно дѣлала ее *свободною*...

Въ Люцернѣ, гдѣ сынъ ея пользовался молочнымъ лѣченіемъ, она нашла довольно пріятное общество, въ томъ числѣ отставнаго русскаго генерала Троекурова съ прелестною семнадцатилѣтнею дочерью. Она тотчасъ же поспѣшила познакомиться съ ними: дѣвушка наружностью своей и милымъ нравомъ очаровала ее съ перваго раза, а объ отцѣ ея она слышала много въ Петербургѣ, какъ объ „элегантѣ„ и покорителѣ

сердецъ прежнихъ временъ. Живыхъ слѣдовъ этого былаго „элегантства“ она не могла не признать въ немъ, но самъ онъ показался ей мрачнымъ и надменнымъ, „un orgueilleux taciturne“. Онъ дѣйствительно держался относительно ея на строго учтивой ногѣ и видимо не желалъ допустить никакой интимности между ею и своею дочерью. Это стало особенно замѣтно ей со времени пріѣзда въ Люцернъ одной русской четы.

Графиня Елена Александровна по матери была племянница нѣкоей, весьма свѣтской, много принимавшей и любимой въ Петербургѣ старушки, графини Лахницкой, рожденной Буйносовой (мужъ ея, давно умершій генералъ-адъютантъ, былъ родной братъ Гедвиги Казиміровны). У нея познакомилась она въ одно прекрасное утро съ прибывшею изъ Москвы, незнакомою ей до тѣхъ поръ племянницей этой тетки, дочерью ея роднаго брата, Антониною—„Тону“—Буйносовой, которую старушка выписала къ себѣ на житье, такъ какъ, говорила она, вздыхая, на ушко графинѣ Драхенбергъ, „братъ мой совсѣмъ разорился, бѣдной дѣвочкѣ ѣсть нечего дома“. Узнавъ объ этомъ, Елена Александровна по свойственной ей восторженности и мягкости сердца сочла нужнымъ оказать дѣвушкѣ самый горячій пріемъ, стала съ перваго же раза называть ее „ma cousine“ и „ты“, хотя въ сущности ровно никакого родства между ними не было, приглашала постоянно къ себѣ, вывозила на балы, на которыхъ старуха-тетка перестала уже бывать. Дѣйствительные двоюродные братья „Тони“, сыновья графини Лахницкой, оба женатые и занимавшіе уже видныя положенія, были гораздо менѣе сочувственно расположены къ своей бѣдной родственницѣ. Они—да и вообще таково было впечатленіе, произведенное юною Москвичкой въ петербургскомъ high life,—находили, что при ея „незавидномъ матеріальномъ положеніи“ она должна была бы чрезвычайною скромностью „se faire, pour ainsi dire, excuser sa trop éclatante beauté“, а она, напротивъ, „смотритъ и говоритъ такъ *величаво*, будто увѣрена, что весь міръ долженъ быть у ногъ ея“. На это графиня Драхенбергъ пламенно возражала, что „Тони тысячу разъ права; что въ другія, *лучшія*

времена, когда у людей было больше *поэзіи въ сердцѣ*, весь міръ дѣйствительно лежалъ бы у ногъ такой красавицы", и старалась доказать это всѣмъ молодымъ людямъ, „jeunes gens à prendre" своего круга, которымъ безпрестанно ставила на видъ, какъ „они *глупы*", не предлагая руки своей и сердца ея „*splendide cousine*", какъ выражалась она. „Jeunes gens à prendre" отвѣчали ей на это, смѣясь, что кузина ея безъ сомнѣнія хороша на диво, но что она ужь „слишкомъ *умная* и *ученая*"... У графини за этимъ опускались руки: ей было хорошо извѣстно, какимъ пугаломъ представляются „умъ" и „ученость", да еще у женщины, Боже мой! въ золотой средѣ петербургскаго Яхтъ-клуба... Такъ прошла цѣлая зима, а въ концѣ ея умерла почти внезапно старушка Лахницкая. За этою смертью Тоня Буйносова оставалась въ Петербургѣ безъ крова, такъ какъ ни одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ не предложилъ ей поселиться у него въ домѣ. Предложила Елена Александровна. Но дѣвушка не согласилась принять „положеніе приживалки" у этой миѳической родственницы; „а другаго, какъ ни верти", откровенно сказала она ей, „мы съ тобою для меня не выкроимъ".

— Да, ты такая, задумчиво замѣтила на это графиня: — для тебя *все* или *ничего*.

— А пока придетъ, промолвила Тоня, кривя свои побѣлѣвшія отъ внутренней кипѣни губы,—отправляюсь въ Москву на черствый хлѣбъ моего маркиза-папаши.

— И неужели не вернешься болѣе въ Петербургъ?

Красавица глянула прямо въ лицо спрашивавшей:

— Вернусь, когда буду хоть на половину такъ же богата, какъ ты.

Она, дѣйствительно, уѣхала на другой день, и графиня съ тѣхъ поръ совершенно, какъ говорится, потеряла ее изъ виду. Другъ другу онѣ не писали... Такъ прошли цѣлые четыре года.

И вотъ однимъ сіяющимъ іюньскимъ днемъ, совершая свою обычную утреннюю прогулку, въ обществѣ попавшихся ей по дорогѣ Троекуровыхъ, отца и дочери, и недавно представленнаго ей Италіянца, маркиза Каподимонте, увидѣла она

шедшую по аллеѣ навстрѣчу имъ стройную, очевидно новоприѣзжую въ Люцернъ, даму въ восхитительномъ туалетѣ, въ которомъ опытный глазъ свѣтской женщины тотчасъ же призналъ произведеніе великаго Ворта. „Изъ Парижа, и непремѣнно Русская“! сказала она себѣ, взглянула пристальнѣе...

— Топу! вскрикнула она въ изумленіи.

— Я! отвѣтила та, спокойно улыбаясь и подходя къ ней.

Графиня радостно схватила ее за обѣ руки, прижалась губами къ ея щекѣ.

— Ты здѣсь... давно-ли?... Замужемъ... за кѣмъ? вырывались у нея торопливо одинъ за другимъ вопросы.

— Замужемъ, да! коротко отвѣтила дама. И, оборачиваясь къ Троекурову, который, приподнявъ учтиво шляпу, отходилъ отъ нихъ съ дочерью подъ руку:—Le général ne me reconnaît pas, il paraît? проговорила она вѣско.

Онъ чуть-чуть сдвинулъ брови, но все такъ же учтиво приподнялъ шляпу еще разъ:

— Узнаю теперь: госпожа Сусальцева, если не ошибаюсь? отвѣтилъ онъ на томъ же французскомъ языкѣ.

„Су-саль-цева, quel nom cocasse!“ пронеслось въ головѣ графини, между тѣмъ какъ молоденькая дочь Троекурова не то тревожно, не то съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ—показалось Еленѣ Александровнѣ,—вскидывала на „Тоню“ свои лучистые глаза.

— Папа, тебѣ пора въ ванну! какъ бы вспомнила она чрезъ мигъ, увлекая отца впередъ по аллеѣ.

Молодыя женщины остались однѣ.

— Ну, разсказывай скорѣе про себя, разсказывай все, все! торопливо заговорила графиня Драхенбергъ, подхватывая „кузину“ подъ руку и усаживая ее рядомъ съ собою на ближайшей скамейкѣ.

Черезъ четверть часа она знала о ней *все* въ главныхъ чертахъ, дополняя остальное своимъ фейерверочнымъ воображеніемъ. „Топу богата, очень богата теперь... Конечно, au prix d'une mésalliance“ Но графиня не видѣла въ этомъ особеннаго неудобства. „Родовые предразсудки“, говоря демократическимъ языкомъ, никогда не пускали особенно глубо-

кихъ корней въ *міровоззрѣніе* русскаго общества; да и въ силу чего держались бы они?

У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй,

замѣчено не даромъ великимъ поэтомъ... А графиня Елена Александровна къ тому же, столько же изъ противорѣчія „балтійскому феодализму“ наскучившаго ей мужа, сколько изъ личнаго убѣжденія „qu'il faut être de son siècle“, издавна почитала и заявляла себя женщиной „либеральною“ и безусловною поклонницей новѣйшихъ прогрессовъ... Она поэтому тотчасъ же разсудила, что Тоny, выйдя замужъ за этого „richissime négociant“, поступила какъ умная женщина, „comme une personne d'esprit, qu'elle est“... что, конечно, довольно непріятно называться madame Sousaltzef и что особу съ такою фамиліей княгиня Андомская въ Петербургѣ ни за что не допуститъ перейти за порогъ своей гостиной... „Mais on peut parfaitement se fiche de la princesse Andomski après tout!“ отважно возражала она себѣ тутъ же, „а если мужъ Тони сколько-нибудь приличенъ, то они со своими милліонами вездѣ будутъ приняты... Вѣдь ѣздятъ же всѣ къ биржевикамъ Доконаки и Гинекену...“

— Ну вотъ, ты и добилась своего! радостно говорила она „кузинѣ“;—помнишь твои слова предъ отъѣздомъ?... такъ и вышло: изъ „ничего“ „все“.

— Не совсѣмъ, проговорила, чуть поморщившись, та и поспѣшно прибавила:—но главное сдѣлано: я почти въ сѣдлѣ (j'ai le pied dans l'étrier)...

Графиня, какъ бы поймавъ на-лету недоговоренную ею мысль, громко разсмѣялась:

— Да, говорятъ же вѣдь теперь, что надо только разъ умѣть выйти замужъ, а тамъ...

Появленіе мужа Тони прервало ихъ разговоръ. Онъ произвелъ на графиню очень благопріятное впечатлѣніе. „Слишкомъ плотенъ, но хорошъ лицомъ и одѣваться умѣетъ“, рѣшила она по первому взгляду. Когда же на вопросъ его жены *по-англійски*, гдѣ онъ былъ, Сусальцевъ на томъ же

языкѣ—нѣсколько уличнымъ лондонскимъ акцентомъ, „avec un accent quelque peu cockney“, не могла не замѣтить она,—но совершенно свободно отвѣтилъ, что ходилъ на почту справляться, не получено-ли на ихъ имя писемъ, poste restante,—свѣтская барыня нашла, что онъ „*совершенно* приличенъ pour un mari“, и положила принять его подъ свое особое покровительство.

Она и чета Сусальцевыхъ стали неразлучны съ того дня, видѣлись съ утра до вечера, совершали вмѣстѣ прогулки по горамъ и озеру, устраивали пикники на высотахъ Аксенштейна *). Къ нимъ обыкновенно присоединялся маркизъ Каподименте, человѣкъ очень свѣтскій, „пріятный“, начитанный и умный, ухаживаніе котораго за нашею графиней становилось съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе... Она со своей стороны какъ бы не замѣчала этого ухаживанья и старалась держаться съ обожателемъ своимъ тѣхъ „товарищескихъ“, чуть-чуть фамиліарныхъ пріемовъ, которыми женщина даетъ чувствовать не нравящемуся ей мущинѣ, что онъ „ни на что болѣе претендовать не долженъ“. Она была въ тѣ дни въ какомъ-то *стихѣ* брезгливости, при которомъ и салонный *flirt*, и amour de tigre были ей равно противны. „Моя созерцательная жизнь (ma vie contemplative) вполнѣ удовлетворяетъ меня, и я ничего другаго не прошу отъ судьбы“, говорила она и про себя, и вслухъ, наслаждаясь совершенно искренно, какъ всегда это бывало у нея, сознаніемъ объявшаго ее теперь полнаго безстрастія и соотвѣтствовавшимъ такому настроенію ея духа величавымъ спокойствіемъ окружавшей ее альпійской природы... Маркизъ чуть-чуть вздыхалъ вслѣдъ за такими ея заявленіями, но все такъ же мягко, осторожно и упорно продолжалъ, выражаясь языкомъ поэтовъ, сыпать подъ стопы ея розы своего „ничѣмъ несокрушимаго“ боготворенія. „Allez, cela flatte toujours une femme!“ говорила ему по этому поводу въ видѣ поощренія г-жа Сусальцева своимъ вѣчно ироническимъ тономъ. Мужъ ея за то пользовался всякимъ случаемъ выражать влюбленному Италіянцу

*) Возвышенность надъ Люцерномъ.

свое безграничное къ нему сочувствіе. Онъ видимо изучалъ его и старался подражать изящной непринужденности всего его внѣшняго склада, его манерѣ покручивать прищуриваясь усы, носить шляпу подъ извѣстнымъ угломъ наклона и закидывать небрежно ногу одну на другую. При каждой встрѣчѣ съ нимъ онъ жалъ ему, въ избыткѣ чувства, руку съ такою силой въ своихъ огромныхъ лапахъ, что тотъ каждый разъ морщился отъ боли и отправлялъ мысленно къ чорту московскаго медвѣдя. Самъ Сусальцевъ въ обществѣ игралъ по большей части въ молчанку, но самымъ внимательнымъ образомъ прислушивался къ занимательнымъ разсказамъ много видѣвшаго маркиза и къ „умнымъ разговорамъ“, ими вызываемымъ, заявляя о принимаемомъ ими въ нихъ интересѣ одобрительнымъ кивкомъ или *значительною* усмѣшкой въ-пору,— иной разъ цѣлою несложною, но правильно произнесенною фразой. „Онъ по-французски плохъ и жены боится“, давно рѣшено было графиней; но когда шла у нея рѣчь о ея protégé съ другими, она самымъ серьезнымъ тономъ говорила о немъ, какъ о человѣкѣ, поглощенномъ обширными экономическими предпріятіями, и которому постоянная забота объ этихъ „предпріятіяхъ“ мѣшаетъ принимать участіе, „comme il l'aurait pu, à nos frivoles causeries mondaines“.

Съ Троекуровыми отношенія графини со времени пріѣзда Сусальцевыхъ какъ бы совсѣмъ прекратились. Она не могла не замѣтить, что ея компанія не приходилась по вкусу ни отцу, ни дочери; встрѣчаясь съ нею на прогулкѣ, они холодно раскланивались и проходили мимо, не останавливаясь. Сусальцевъ при этихъ встрѣчахъ, какъ бы движимый невольнымъ чувствомъ почтенія, скидалъ поспѣшно первый шляпу съ головы и отвѣшивалъ имъ низкій поклонъ...

— Вы могли бы быть менѣе усердны въ вашихъ учтивостяхъ! желчно отрѣзала ему однажды жена по этому случаю.

Онъ слегка покраснѣлъ:

— Что-же, человѣкъ почтенный, пролепеталъ онъ,—и дѣвица дочь его опять...

— Такая же противная *фуфыря*, какъ онъ самъ! перебила она.

Онъ замолкъ.

— У тебя что-то съ ними есть, Тону, вмѣшалась графиня:— vous ne vous aimez pas, pourquoi?

— Я къ нимъ совершенно равнодушна, уронила та въ отвѣтъ съ высокомѣрнымъ и презрительнымъ движеніемъ губъ,— но имѣла la malchance внушить несчастную страсть одному жалкому господину, котораго monsieur de Troёkourof прочилъ въ мужья своей царевнѣ, и они мнѣ вдвоемъ этого простить не могутъ.

— Вы его знаете? быстро обернулась графиня къ Сусальцеву.

— Кого это-съ? спросилъ недоумѣло тотъ.

— А вотъ этого, котораго жена ваша называетъ „жалкимъ господиномъ“.

— Знаю-съ, широко осклабился онъ.

— И что же онъ въ самомъ дѣлѣ *жалкій*?

— Ничего не „жалкій“, возразилъ онъ, самодовольно встряхивая плечомъ: — весьма даже благоприличный, по-моему, и вполнѣ комильфотный молодой человѣкъ... А впрочемъ, какъ вамъ извѣстно, ваши женскіе вкусы съ нашими рѣдко когда сходятся.

Графиня зорко вскинула глазами на него, на „кузину“ и громко разсмѣялась.

— Oh, les maris! вскликнула она, отвѣчая на какую-то пробѣжавшую у нея въ головѣ мысль и замѣтивъ подходившаго къ нимъ въ эту минуту маркиза:—Ah, voici notre ami Caporimonte! Что же, рѣшено, куда мы отправляемся?..

Дѣло шло о рѣшеніи, куда ѣхать всею компаніей изъ Люцерна, гдѣ всѣмъ начинало становиться скучно. Сусальцевы уже второй годъ проводили за границей, переѣзжая изъ Парижа въ Швейцарію, или на какія-нибудь германскія воды, и обратно. Дѣла давно звали мужа въ Россію, но онъ все медлилъ отъѣздомъ: очень ужь хорошо жилось ему, очень ужь „лестны“ были для него успѣхи жены на „чужой сторонѣ“. А успѣхи ея были несомнѣнны. Въ томъ пестромъ, легко доступномъ Вавилонѣ всевозможныхъ „племенъ, нарѣчій, состояній“, что именуется парижскимъ свѣтомъ, гдѣ плебейскіе

звуки ея фамиліи „Sou-sal-zef“, возглашаемые huissier въ серебряной цѣпи на порогѣ блестящей залы, не шокировали ничьего иноземнаго уха, а красота, роскошные туалеты и широкое русское хлѣбосольство ея мужа приманивали въ ея домъ на обѣды и вечера цѣлыя тучи поклонниковъ, льстецовъ и прихлебателей,— она съ перваго появленія своего попала въ звѣзды первой величины. Безъ нея не обходились ни одинъ праздникъ, ни одна *„première“* (первое представленіе) въ театрѣ; *Etincelle* *) въ *Figaro* чуть не каждую недѣлю распространялась въ детальномъ изложеніи о необыкновенныхъ кружевахъ, тканяхъ, шляпкахъ и уборахъ, „marqués au coin du goût le plus pur et le plus distingué“, въ которыхъ „tout Paris“ могъ ее видѣть на такомъ-то раутѣ, балѣ или пріемѣ новаго члена въ Académie française; всѣ иностранныя sommités и высочества изъ Almanach de Gotha, попадающія въ постоянно движущійся калейдоскопъ „великаго града *(la grande ville)*“, спѣшили представляться ей и расточали ей то, что Пушкинъ, говоря о Вольтерѣ **), называлъ „земныхъ боговъ напиткомъ“... Но все это не удолетворяло ее лично. Въ натурѣ ея было презирать то, что легко ей доставалось. Она презирала этотъ окружавшій ее сбродъ нажившихся вчера богачей изо всѣхъ странъ вселенной, аристократическихъ именъ, носимыхъ людьми съ лакейскою наружностью, лавочниковъ, состоящихъ въ званіи республиканскихъ министровъ, весь этотъ міръ циничесой рекламы, всепоглощающей корысти и пустозвонства безъ конца... Роскошь, въ которой купалась она, (они прожили тысячъ триста съ половиной за это время,) пріѣдалась ей; ей хотѣлось чего-то другаго, власти, вліянія, значенія. Положеніе, пріобрѣтенное ею, представлялось ей чѣмъ-то „не настоящимъ“, самозваннымъ, ему недоставало *санкціи* Петербурга. Ее влекло туда, въ этотъ угрюмый, „скучный Петербургъ“, знакомый по одному лишь сезону, проведенному ею тамъ, и не оставившій въ ней особенно отрадныхъ воспоминаній, но въ которомъ, говорила себѣ она, „есть по крайней

*) Псевдонимъ дамы, пишущей въ *Figaro* отчеты о свѣтской жизни.

**) „Ты *лесть* его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ“.

Посланіе къ князю Юсупову.

мѣрѣ une *vraie* societé, общество, къ которому принадлежитъ она по рожденію, и роль въ которомъ, казалось ей почему-то, можетъ дѣйствительно польстить самолюбію женщины..." Такъ или иначе, она чувствовала какой-то внутренній зудъ „попробовать Петербурга". И чѣмъ труднѣе, сознавала она, было для нея теперь быть снова признанною (réaccepteé) тамъ „своею" при томъ имени, которое она носитъ, при томъ мужѣ, „котораго она дала себѣ", тѣмъ сильнѣе сказывалась въ ней жажда борьбы и чаяніе побѣды. Она исподоволь готовила къ ней свои подходы, улавливала въ свои тенета всѣхъ петербургскихъ перелетныхъ птицъ изъ *крупныхъ*, завязывая нити „дружескихъ" отношеній съ ними, для чего laisser-aller парижской жизни представляло ей полное удобство... Игру свою вела она съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Лукаво холодный задоръ ея кокетства производилъ на тѣхъ рѣдкихъ избранныхъ, для которыхъ почитала она нужнымъ прибѣгать къ нему, неотразимое обаяніе, между тѣмъ какъ безупречная tenue ея въ свѣтѣ, та самая *величавость* ея пріемовъ, въ которой обвиняли ее въ петербургскихъ гостиныхъ, когда она была дѣвушкой, и которую теперь находили совершенно умѣстною въ ея положеніи замужней, красивой и „независимой" (то-есть богатой) женщины, вызывала одобреніе со стороны самыхъ *collets montés* изъ ея соотечественницъ. „C'est une femme très bien!" возглашали онѣ хоромъ, многодумно кивая челами... Сама княгиня Андомская, которая, по мнѣнію графини Драхенбергъ, „не дозволила бы въ Петербургѣ госпожѣ Сусальцевой перейти за порогъ ея гостиной",—княгиня Андомская, отъ преизбытка важности не произносившая уже болѣе буквы *а*, замѣнивъ ее буквою *е*, какъ требующею болѣе умѣреннаго раскрытія челюстей, встрѣтившись съ нею, съ тою же madame Sousaltzef у англійскаго посла въ Парижѣ, протянула ей три пальца и, изобразивъ на своемъ coupegosé лицѣ нѣчто въ родѣ намѣренія улыбки, произнесла почти слышно: Il y é longtemps que vous *hébitez Péris?*... Да, разсуждала Tony, у нея уже теперь успѣлъ образоваться—„а далѣе еще болѣе будетъ"—достаточно обширный кругъ отношеній въ петербургскомъ grand monde, чтобъ имѣть ей право надѣяться, что,

когда она переѣдетъ *туда*, всѣ успѣютъ уже пріобыкнуть къ ея „невозможной фамиліи“... Останется все-таки мужъ, конечно... Но вѣдь это неудобство отвратимо: мужа „можно будетъ *тамъ* просто *не показывать*“...

Встрѣча съ Elly Драхенбергъ являлась для нея новымъ, очень вѣскимъ шансомъ для этого чаемаго ею въ будущемъ преуспѣянія своего въ Петербургѣ. Ей нужна была именно „такъ поставленная“ въ тамошнемъ свѣтѣ, съ такимъ рѣшительнымъ характеромъ и такою „горячею головой (tête ardente)“ женщина, чтобы послужить ей вѣрнымъ лоцманомъ, „pour la piloter“ между всякихъ подводныхъ утесовъ, которые даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ могли бы все-таки встрѣтиться ей на пути. И она обѣими руками ухватилась за нее. Графиня въ свою очередь была очень рада ей. Она цѣнила въ Тонѣ ея рѣшительность, ея невозмутимый aplomb и саркастическій, чтобы не сказать прямо презрительный, взглядъ на жизнь и на людей, представлявшійся молодой вдовѣ такою „силой“ сравнительно со способностью къ „вѣчнымъ иллюзіямъ“, которую она торжественно признавала за собою.

— Остается знать, кто изъ насъ счастливѣе? говорила ей графиня.

— Счастья нѣтъ и вовсе, коротко отвѣтила на это та.

— О!... могла только вскрикнуть графиня:—ты не вѣришь въ счастье?

— Его нѣтъ, повторяю; есть извѣстное состояніе духа, какъ говорится, при которомъ тебѣ менѣе скверно, чѣмъ обыкновенно; есть условія жизни, ставящія тебя въ возможность менѣе страдать, чѣмъ другіе люди; но то абсолютное, всестороннее удовлетвореніе, которое разумѣется подъ названіемъ *счастья*,—вещь несуществующая, да и немыслимая.

Elly пристально уперлась ей взглядомъ въ лицо:

— Tu est trop savante, vois-tu, Tony, и ты никогда видно не любила!

— Никогда, это правда, чуть ухмыльнулась Сусальцева;— а ты?

Графиня вся какъ бы ушла въ себя, глубоко вздохнула и медленно повела головою сверху внизъ.

— Ну, а что же Каподимонте! продолжала насмѣшливо „кузина“.

Elly быстро вскинулась и замахала рукой:

— Ахъ нѣтъ, такого не нужно!...

— Какого же тебѣ надо?

— Ужь не знаю, право... Никого не нужно теперь, никого! рѣшила она, громко разсмѣявшись.

III.

„Кузины“ уже вторую недѣлю жили въ Венеціи, куда пріѣхали съ италіянскихъ озеръ, гдѣ прожили мѣсяца полтора, побывавъ и въ Лугано *), и въ Белладжіо **), и на Isola-Bella ***). Графиня все такъ же, какъ и въ Люцернѣ, восторженно наслаждалась тамъ природой. Здѣсь, въ „столицѣ Адріатики“, присоединилось къ этому восхищеніе искусствомъ. Врожденное въ ней чувство изящнаго никогда еще не сказывалось у нея съ такою силой, не охватывало ее такъ цѣпко и такъ алчно. Она по цѣлымъ часамъ съ дрожавшими на рѣсницахъ слезами умиленія простаивала предъ мадоннами Gian ****) Bellini въ церкви *del Redentore* (Спасителя) и готова была каждый разъ чуть не разцѣловать жидкобородаго капуцина, указывавшаго ей на нихъ костлявымъ, страшно грязнымъ пальцемъ все съ тою же своею заученною фразой: Sono i fiori della pittura veneziana (это цвѣтъ венеціанской живописи); она „не хотѣла уходить“ со внутренняго двора palazzo дожей и увѣряла, что „велитъ принести себя сюда предъ часомъ смертнымъ, чтобъ отдать Богу душу на ступеняхъ Scala dei Giganti, унося такимъ образомъ въ небо послѣднее впечатлѣніе того прекраснѣйшаго, что̀ создано человѣкомъ на этой землѣ“. Тону снисходительно только улыбалась „фантастическимъ бреднямъ, fantaisies saugrenues“ своей прія-

*) На Гардскомъ озерѣ.
**) На Комскомъ.
***) На Lago-Maggiore.
****) Сокращенное отъ Giovanni, Иванъ.

тельницы. Сама она, по ея выраженію, „дозволяла возить себя смотрѣть то, что, говорятъ, непремѣнно будто нужно видѣть“, прибавляя къ этому съ какою-то торжествующею презрительностью: „я ровно ничего не понимаю въ этой старой мазнѣ, но что-нибудь надо же дѣлать: буду ѣздить смотрѣть на эту „мазню“... Она въ сущности очень скучала въ Венеціи, но не рѣшалась уѣзжать. Въ Біарицъ, во-первыхъ, куда она по требованію моды ѣздила купаться два года сряду, было слишкомъ рано, а во-вторыхъ, сюда, какъ узнала она по газетамъ, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать князь Іоаннъ, высокое лицо, съ которымъ ей очень хотѣлось и было удобно познакомиться здѣсь (онъ долженъ былъ пробыть въ Венеціи нѣсколько дней), гдѣ поневолѣ „каждый день будешь встрѣчаться на площади Святаго Марка“, и котораго къ тому же Elly давно и хорошо знаетъ, а слѣдовательно представитъ ей... „а тамъ уже она знаетъ, какъ повести дѣло“... И madame Sousaltzef, „отъ нечего-дѣлать покамѣстъ“, принялась, вмѣсто купанья въ шумныхъ волнахъ океана, ѣздить каждый день на Лидо погружаться въ мирныя струи адріатическаго побережья, куда возила съ собою, по просьбѣ кузины, ея девятилѣтняго сына, которому такія же ванны предписаны были докторомъ. Ихъ обыкновенно сопровождали на пароходѣ туда и обратно мужъ ея и офицеръ Вермичелла, ожидавшіе, пока она и мальчикъ выйдутъ изъ воды, на широкой деревянной терасѣ кафе-ресторана, устроеннаго на сваяхъ надъ самымъ моремъ наряду съ купальнями, попивая сиропъ изъ сока *тамаринда* пополамъ съ коньякомъ и обмѣниваясь веселыми рѣчами на миѳическомъ французскомъ языкѣ. Этимъ способомъ скучающая барыня нашла возможность убивать большую часть утра, изъ котораго „безъ этого она не знала бы, что дѣлать“... Тѣмъ временемъ графиня, въ сопровожденіи маркиза Каподимонте, плавала въ гондолѣ по всѣмъ каналамъ и *каналеттамъ* запустѣлаго города, обозрѣвая подробно каждую его достопримѣчательность, отыскивая въ магазинахъ и лавчонкахъ антикваріевъ всякое художественное *старье*, къ которому разыгралась у нея теперь настоящая страсть. Маркизъ, какъ это нерѣдко случается встрѣтить въ Италіи въ сре-

дѣ людей его круга и *возраста*, былъ тонкій и начитанный знатокъ художествъ и оказывалъ своей „прекрасной спутницѣ“ настоящія услуги, предостерегая ее противъ тѣхъ ухищренныхъ обмановъ, которымъ подвергаются богатые дилеттанты изъ иностранцевъ при покупкахъ этого рода, научая ее распознавать отличительные признаки руки дѣйствительнаго „артиста“ и знакомя ее по этому случаю съ цѣлою исторіей искусства въ его отечествѣ въ различныхъ проявленіяхъ его и фазисахъ. Молодая вдова слушала его съ жаднымъ вниманіемъ, называла „homme charmant“ и благодарно жала ему руки. Поощренный этимъ, онъ пытался не разъ заговаривать о своихъ „чувствахъ“,—но она рѣшительно отклоняла всѣ подобныя изъявленія. Она все еще находилась въ полосѣ „безстрастія“.... Да и помимо того, ей, какъ говорила она Тонѣ, „не *такого* было нужно“. Маркизъ, конечно, былъ одаренъ всякими привлекательными качествами: онъ былъ и вполнѣ свѣтскій,—тонкій и благовоспитаный, — и почти ученый человѣкъ; наружность его была изящная, „distinguée“, черные глаза блестѣли какъ у двадцатилѣтняго юноши, говорилъ онъ и „разсказывалъ“ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и горячностью; онъ даже, она не сомнѣвалась, дѣйствительно любилъ ее, — „конечно, ея большое состояніе имѣлось имъ въ виду, но и сама она, ея blanche nature du Nord“, какъ выражался онъ, „возбуждала въ немъ страстное чувство“, — она это видѣла *по его глазамъ*... Но это не представляло для нея ничего новаго; это было въ ея понятіи „что-то среднее между любовью *того*, „тигра“, и тѣмъ „тепленькимъ“, чего до оскомины, въ теченіе десяти лѣтъ сряду, наслушалась она въ Петербургѣ отъ *свитскихъ* генераловъ... Она все это „наизусть знала“, она „насквозь видѣла се cher marquis“... Нѣтъ, Gian Bellini, Веронезъ, Palma Vecchio и вся эта „фееричеcкая декорація неба, моря и старыхъ дворцовъ“,—вотъ все, все, что̀ ей теперь нужно“!...

Вчерашній случай — этотъ „интересный émigré politique, котораго Тоny непремѣнно знаетъ“,—откинулъ ее вдругъ въ сторону ото всѣхъ тѣхъ волшебствъ природы и искусствъ, созерцаніе которыхъ поглощало воображеніе ея все это послѣд-

нее время. Ей жадно, до боли жадно захотѣлось теперь открыть тайну любви, le secret d'amour, она не сомнѣвалась, существовавшую между „этою ледяною Топу и тѣмъ бѣлокурымъ“, бѣжавшимъ съ дальняго сѣвера чрезъ темные лѣса, гдѣ спасъ его „ce flacon de cognac“, подарокъ женщины, его любившей... „Онъ былъ, можетъ быть, первымъ единственнымъ *предметомъ* ея, Тони, и, разлученная съ нимъ, она рѣшилась выйти de désespoir за своего... Сусальцева... Или, можетъ быть, тотъ жестоко обманулъ ее, и она тогда съ досады, par dépit“... Во всякомъ случаѣ она, Elly Драхенбергъ, узнаетъ непремѣнно эту тайну. Топу — замкнутый замокъ, отъ нея ничего не добьешься: но онъ, этотъ молодой человѣкъ... маркизъ его непремѣнно отыщетъ и привезетъ, она пригласитъ его, — сыну ея, дѣйствительно, надо начать учиться хорошенько родному языку, — пригласитъ давать ему уроки, она приголубитъ его („je l'apprivoiserai“), внушитъ ему довѣріе, дружбу... О, она все узнаетъ, что его касается, всю его эпопею любовную и политическую, „toute son épopée amoureuse et politique“...

Она даже проснулась сегодня ранѣе обыкновеннаго, завтракала—что не всегда случалось у нея,—съ сыномъ и воспитателемъ его, мистеромъ Уардомъ, совершенно деревяннымъ Англичаниномъ лѣтъ сорока, и объявила имъ, что „нашла для *Никса* русскаго учителя, такъ какъ очень стыдно, что онъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не умѣетъ писать по-русски“, причемъ не то вопросительно, не то тревожно глянула въ лицо Уарда, какъ бы желая прочесть на немъ впечатлѣніе, какое могло произвести на него это извѣстіе. Но ровно ничего не прочла она на этомъ лицѣ: Англичанинъ, не подымая глазъ, продолжалъ уписывать свою баранью котлетку.

— Онъ молодой, этотъ новый учитель, мама? съ любопытствомъ спросилъ ее за то Никсъ по-русски, и этотъ вопросъ какъ-бы нѣсколько почему-то смутилъ ее.

— Что тебѣ до того, молодой онъ или старый? сказала она, усмѣхаясь:—все равно надо тебѣ будетъ съ нимъ учиться, и хорошо учиться.

— Ахъ, какъ же можно, возразилъ мальчикъ,—съ моло-

дымъ мнѣ гораздо будетъ веселѣе, чѣмъ съ mister Уардомъ; тебѣ тоже, правда, мама?

Графиня даже покраснѣла слегка:

— Ты все вздоръ болтаешь, Никсъ!..

Она отправила его послѣ завтрака гулять со своимъ Англичаниномъ въ Giordino Reale (Королевскій садъ), и въ ожиданіи маркиза, являвшагося къ ней обыкновенно между полуднемъ и часомъ съ программой „экскурсіи", предполагавшейся ими на тотъ день, усѣлась на балконѣ своего „appartement" въ бельэтажѣ, выходившаго на Riva dei Schiavoni. Очаровательнѣйшій видъ Венеціи открывался съ этого балкона. Прямо насупротивъ его, надъ широкимъ воднымъ пространствомъ, заворачивающимъ крутымъ изгибомъ вправо въ Джудекку, облитые блескомъ италіянскаго утра, словно любуясь отраженіемъ своимъ въ изумрудномъ зеркалѣ влаги, побѣдно возносились изящные купола *Santa Maria della Salute* и *San Georgio Maggiore*; надъ башенкой таможни золотая Фортуна съ зеленымъ шаромъ подъ ногой отчетливо вырисовывалась въ разрѣженномъ воздухѣ; высоко, подъ яркою голубизной неба, висѣли недвижно легкіе и бѣлые какъ пухъ клубы облачковъ, будто не рѣшаясь разстаться съ этимъ чуднымъ краемъ земли, а ниже, віясь надъ высокими черными гребнями скользившихъ по лагунѣ гондолъ, рѣяли большія морскія птицы сѣромолочнаго цвѣта, сверкая на солнцѣ серебристыми оконечностями своихъ длинныхъ и сильныхъ крыльевъ...

Графиня, защищенная отъ солнечныхъ лучей полотномъ опущенной надъ балкономъ маркизы, глядѣла не отрываясь на эту уже привычную ей картину, прислушиваясь невольно къ доносившемуся до нея вѣчному гулу рѣчей и смѣха *баркаіоловъ* (лодочниковъ) на ближайшей пристани, къ зазывнымъ крикамъ продавщицъ рыбы и фруктовъ... „Что же за *праздникъ для глазъ* долженъ былъ быть здѣсь, невольно проносилось у нея въ головѣ, когда *помимо всего этого* корабли со всѣхъ окраинъ міра везли свои сокровища царственнымъ купцамъ этого волшебнаго города, когда изъ оконъ этихъ разрушающихся теперь дворцовъ вывѣшивались на диво толпѣ многоцѣнные ковры и ткани Востока, и сами они, и

дочери ихъ, и жены, и всѣ, и все населеніе облечены были во всю эту разноярκость цвѣтовъ и живописность покроя эпохи Возрожденія, которыя такъ обаятельно глядятъ на насъ съ историческихъ полотенъ въ palazzo дожей, изъ рамъ портретовъ Тиціана!... Увы, я родилась слишкомъ поздно, мнѣ надо было увидѣть свѣтъ *здѣсь, тогда*... jaurais été peut être une seconde Catherine Cornaro, о которой говорилъ вчера маркизъ," вспомнила она, насмѣшливо улыбнувшись по собственному своему адресу.

А глаза ея между тѣмъ какъ бы машинально приковывались къ каждой изъ гондолъ, пристававшихъ къ Riva dei Schiavoni. Въ каждомъ лицѣ, подымавшемся съ пристани на набережную, она чаяла увидать маркиза...

Пушечный выстрѣлъ на площади Святаго Марка уже довольно давно извѣстилъ городъ о полуднѣ, а его все еще не было. Молодую женщину начинало разбирать нетерпѣніе.

Но вотъ, кинувъ случайно взглядъ по направленію *Піаццеты*, она увидала его, всходившаго по мраморнымъ ступенямъ... Онъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ легкою, молодою поступью, подъ широкополою шляпой на головѣ, шагалъ ея вчерашній незнакомецъ, „*l'objet* de Tony". Она его сейчасъ узнала... У нея даже сердце слегка забилось: она никакъ не ожидала, чтобы маркизъ „такъ поспѣшилъ исполнить ея порученіе"...

А Каподимонте въ свою очередь, прищуривая глаза отъ солнца, не отводилъ ихъ, съ приближеніемъ къ Hôtel Danielli, отъ балкона, на которомъ еще издали, подъ низко опускавшимися фестонами маркизы, отличилъ онъ облаченный въ бѣлый батистъ, поутреннему, силуэтъ предмета своей страсти... Подойдя къ самому балкону, онъ поднялъ глаза и, притронувшись къ шляпѣ, спросилъ снизу:

— Vous êtes visible, comtesse?

Въ голосѣ его она тотчасъ же почуяла какое-то раздраженіе.

— Toujours pour vous, cher marquis, поспѣшила она отвѣтить съ оттѣнкомъ чуть не нѣжности въ звукѣ голоса,

слегка свѣшиваясь къ нему головой черезъ перила и быстрымъ взглядомъ окидывая тонкій обликъ его спутника.

Тотъ, не подымая на нее глазъ, стоялъ внизу съ видомъ полнѣйшаго безучастія къ этому разговору и разсѣянно глядѣлъ куда-то въ сторону.

Маркизъ проговорилъ ему нѣсколько словъ, притронулся еще разъ къ шляпѣ и быстро вошелъ въ двери отеля. Молодой человѣкъ, видимо замедляя шаги, послѣдовалъ за нимъ.

„Pas empressé du tout, et l'autre—furieux", сказала себѣ со внутреннимъ смѣхомъ графиня: „интересно знать—почему?.."

Она занимала цѣлый аппартаментъ въ пять или шесть комнатъ, изъ которыхъ первая съ лѣстницы служила чѣмъ-то въ родѣ пріемной, гдѣ постоянно дежурилъ курьеръ ея Джіакомино.

— Маркизъ Каподимонте, доложилъ онъ теперь, появляясь на порогѣ гостиной, куда только-что прошла съ балкона его госпожа.

— Съ нимъ еще кто-то? какъ бы небрежно спросила она.

— Si, eccelenza, но его сіятельство приказалъ доложить только о себѣ.

— Просите!... Не хочетъ-ли онъ мнѣ сдѣлать сцену? подумала она, и брови ея озабоченно сжались.

Она не ошибалась. Едва ступивъ въ комнату и отвѣсивъ ей преувеличенно учтивый поклонъ, Каподимонте началъ:

— Графиня, я исполнилъ ваше приказаніе, чтобъ дать вамъ новое доказательство моей нелицемѣрной преданности и дружбы къ вамъ: я отыскалъ... и привелъ сюда этого господина, котораго вы... желали видѣть. Но я желаю со своей стороны, чтобы вы (онъ видимо едва сдерживалъ клокотавшую въ немъ досаду), чтобы вы не думали, что провести меня легко...

— Изъ чего же вы заключили, что я могу это думать? прервала его она тономъ холоднаго достоинства, вопросительно въ то же время подымая на него глаза.

Онъ продолжалъ болѣе спокойно, но съ язвительнымъ оттѣнкомъ въ выраженіи:

— Вы говорили мнѣ, что ищете учителя вашего языка

для сына и что вы... *случайно*... узнали, что есть такой здѣсь, въ Венеціи... Изъ вашихъ словъ слѣдовáло заключить, что вы никакого понятія объ этомъ *учителѣ* не имѣете, никогда въ лицо его не видѣли, не знаете его фамиліи.

— Все это правда; что̀ же дальше? перебила она его опять.

— Но тѣмъ не менѣе адресъ этого таинственнаго незнакомца,—все такъ же *случайно*, конечно,—вамъ былъ извѣстенъ, и по этому адресу я, повинуясь вашему желанію, отыскалъ его... и нашелъ не учителя, а...

— А кого же?

— Un beau jeune homme, хихикнулъ насилованно маркизъ,—qui ne m'a pas le moindrement l'air d'un marchand de participes (который нисколько по-моему не похожъ на учителя).

— Почему же это вамъ такъ кажется? рѣзко выговорила графиня; она начинала сердиться...

Онъ такъ и вперилъ горящіе зрачки свои въ ея лицо.

— Потому что это тотъ самый молодой человѣкъ, который вчера на *серенатѣ* сидѣлъ въ гондолѣ рядомъ съ нашею и съ котораго вы все время глазъ не спускали!...

— Вы видѣли! помимо воли, неудержимо вырвалось у нея.

— Видѣлъ, съ горечью воскликнулъ онъ, — и еще вчера догадывался... а теперь мнѣ это совершенно ясно...

Она вдругъ, къ немалому его удивленію, разразилась громкимъ смѣхомъ:

— Что̀ вамъ ясно, vilain jaloux? что̀ вы видѣли? Ничего вы *настоящаго* не видѣли и не догадываетесь...

Онъ недоумѣло глядѣлъ на нее...

— Eh bien, c'est vrai, онъ сидѣлъ тамъ подлѣ насъ въ гондолѣ, и я слышала его разговоръ съ товарищемъ и узнала, что онъ—я вамъ повѣрю его тайну: вы, я знаю, не выдадите ни его, ни меня,—un réfugié politique,—но я, клянусь вамъ, видѣла его вчера въ первый разъ въ жизни... Я узнала тоже изъ этого разговора, что онъ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ въ качествѣ учителя, и подумала, дѣйствительно, о моемъ сынѣ..

Она какъ бы запнулась на мигъ...

— И *только?* подчеркнулъ Каподимонте, не отводя отъ нея тревожнаго взгляда.

— Нѣтъ, я не хочу скрывать отъ васъ, молвила она, широко улыбаясь своими пышными и свѣжими губами, — есть одно обстоятельство, возбуждающее во мнѣ большой интересъ къ этому молодому человѣку... Но не по отношенію ко мнѣ лично, увѣряю васъ! поспѣшно примолвила она, слагая крестообразно, для вящшаго убѣжденія его, руки свои на груди:— Тутъ другое лицо заинтересовано.

— Кто же? такъ же поспѣшно спросилъ онъ.

— Я не назову... не могу назвать вамъ ее... Я и сама, впрочемъ, ничего не знаю и подозрѣваю только... Я для этого и хотѣла познакомиться съ нимъ... Я должна убѣдиться... Попросите его войти, пожалуйста, вы оставили его тамъ se morfondre avec mon courrier въ передней: вѣдь это неучтиво..

На выразительномъ лицѣ маркиза сказалось страданіе.

— Я ничего не понялъ изъ вашихъ объясненій, печально молвилъ онъ,—но я долженъ, *я хочу* вамъ вѣрить: вы пожелали ближе узнать этого никогда до вчерашняго вечера вами невиданнаго молодаго человѣка не изъ какого-либо *личнаго* чувства, а единственно изъ любопытства. Положимъ такъ, но я осмѣлюсь вамъ напомнить, что *любопытство*, подчеркнулъ онъ,—погубило на этомъ свѣтѣ не одну женщину.

— La vieille histoire de grand'mère Eve, разсмѣялась она въ отвѣтъ, пожимая плечами:— будьте покойны, я ученая, je suis bien apprise... Подите, приведите мнѣ его сюда!

Маркизъ глубоко вздохнулъ, поклонился и пошелъ за „нимъ“.

IV.

Die Kälte kann wahrlich brennen
Wie Feuer.

Heine.

Чрезъ нѣсколько минутъ графиня и маркизъ вышли вмѣстѣ въ гостиную.

— Графиня, началъ офиціальнымъ тономъ маркизъ,—позвольте вамъ представить monsieur... monsieur Po... Pos-pe-lof, si je prononce juste, выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ трудомъ.

— Juste, подтвердилъ тотъ, какъ бы снисходительно кивнувъ головой.

Графиня изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ окинула его недолгимъ, но зоркимъ взглядомъ, указывая ему въ то же время на кресло подлѣ себя учтивымъ движеніемъ руки. Дневной свѣтъ, при которомъ видѣла она его теперь, дозволилъ ей отчетливо разсмотрѣть его правильныя, блѣдныя черты,—„будто слегка полинявшія краски на пастелевомъ портретѣ“, сказала себѣ она,—острый блескъ его сѣрыхъ зрачковъ, тонкій и нервный складъ всей его наружности... Она осталась довольна. „Il doit être de bonne famille“, сложилось у нея тутъ же заключеніе, „и многое успѣлъ перечувствовать на своемъ вѣку“...

Маркизъ усѣлся на легонькомъ стулѣ, уставивъ его такъ, чтобъ имѣть возможность равно слѣдить за выраженіемъ лицъ хозяйки и своего спутника, и заговорилъ опять:

— Вы меня просили, графиня, справиться, возможно-ли вамъ будетъ найти въ Венеціи un professeur de langue russe

для вашего сына, и я... послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, подчеркнулъ онъ лукаво, — имѣлъ счастіе узнать о monsieur Pos-pe-lof... котораго и упросилъ сегодня побывать со мною у васъ.

— Bien merci, cher marquis! не дала ему продолжать она и, обращаясь къ „профессору“:—Вы давно уже здѣсь? спросила она его по-русски.

— Нѣтъ, не очень, выговорилъ онъ словно нехотя.

— И давно изъ Россіи?

— Я въ Вѣнѣ предъ этимъ жилъ, уклончиво и морщась отвѣтилъ онъ: ему видимо не нравились эти вопросы.

Но она продолжала:

— Вы здѣсь одни, или съ кѣмъ-нибудь?...

— Я пріѣхалъ съ однимъ семействомъ, но они должны были вернуться въ Россію, а я... предпочелъ остаться...

— Вы давали уроки... въ этомъ семействѣ?

— Давалъ.

— Русскаго языка?

— Русскаго языка... да и всего, въ сущности, чуть-чуть улыбнулся онъ опять: — дѣти еще только въ гимназію готовились.

„Улыбается, точно *снисходитъ*; une nature fière, я очень люблю это въ мущинахъ“, пронеслось въ головѣ нашей графини.

— Мой сынъ тоже маленькій, громко заговорила она:— ему всего девять лѣтъ. У него Англичанинъ... но я бы хотѣла, чтобъ онъ началъ русскую грамматику и ариѳметику тоже en russe... и если бы вы согласились...

Она договорила, взглянувъ на молодаго человѣка чуть не молящимъ взглядомъ.

Онъ только головой качнулъ: что же, молъ, извольте, если этого вамъ такъ хочется.

— Онъ очень добрый и способный мальчикъ, вы увидите... Онъ ушелъ теперь гулять съ mister Уардомъ, но сейчасъ долженъ вернуться... Я непремѣнно хочу показать его вамъ...

Поспѣловъ опять молча повелъ головой.

— Вы учились въ университетѣ, не правда-ли? спросила она его вдругъ.

— Д-да, пропустилъ онъ сквозь зубы и съ запинкой, не ушедшею отъ ея вниманія.

— Въ Петербургскомъ?

— Н-нѣтъ... въ Московскомъ.

— Вы тамъ многихъ знаете... въ Москвѣ?

— То-есть, кого же это?... Изъ вашего круга никого не знаю, счелъ онъ нужнымъ, и притомъ нѣсколько грубовато, пояснить ей.

— Нѣтъ, я спросила васъ потому, что здѣсь... въ этомъ же отелѣ... живетъ одна московская... родня мнѣ...

Онъ глядѣлъ на нее, будто говоря: „какое мнѣ до этого дѣло?“

„Погоди же“, молвила она мысленно въ свою очередь, „что вотъ ты сейчасъ скажешь?“

— Madame Sousaltzef, Antonine, рожденная Буйносова... Вы не слыхали о ней?

Она пристально, жадно глядѣла ему теперь въ лицо... Лицо это мгновенно дрогнуло,—она это видѣла, „ясно видѣла“,— едва произнесла она имя „Тону“, глаза метнули искру, брови тѣсно сжались какъ бы отъ напряженія мозга надъ ворвавшеюся въ него докучливою мыслью. Но онъ тотчасъ же оправился, вскинулъ голову и глянулъ въ свою очередь ей въ глаза не то пытливымъ, не то вопрошающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ; а что? выговорилъ онъ совершенно твердо и спокойно.

Она же сконфузилась теперь.

— Тону... Madame Sousaltzef... настоящая красавица, пролепетала она,—и обращаетъ этимъ на себя общее вниманіе... Я думала, вы могли съ нею гдѣ-нибудь встрѣтиться... хотя бы здѣсь, въ Венеціи... Но вы говорите, что вы еще очень недавно здѣсь...

Поспѣловъ, не отвѣчая, глядѣлъ на нее все тѣмъ же смущавшимъ ее взглядомъ.

Она отвернулась отъ него къ маркизу. Онъ сидѣлъ, насупясь, отчасти обиженный этимъ продолжительнымъ ея разго-

воромъ на непонятномъ ему языкѣ, еще болѣе досадуя на живую игру физіономіи молодой вдовы, которая, совершенно основательно разсуждалъ онъ, имѣла бы совсѣмъ иной видъ, если-бъ у нея съ этимъ „réfurié russe“ шелъ разговоръ объ условіяхъ найма его въ учители ея сыну.

— Je parlais à monsieur de l'exquise beauté de ma cousine Tony, сказала она ему, какъ-то особенно усмѣхаясь.

„А!“ тотчасъ же сообразилъ тонкій Италіянецъ, „мнѣ дается понимать, что la cousine и есть та *особа*, о которой она мнѣ говорила; но она не проведетъ меня: господинъ этотъ интересуетъ ее *лично*, а не косвенно, по отношенію къ другой. Una perfida comedie è questo, предательскую комедію разыгрываетъ она со мной“. И губы его даже побѣлѣли отъ ревнивой досады.

Но губы эти любезно усмѣхались въ то же время.

— Ah oui, très belle en effet, très belle, madame *Tony*, говорилъ онъ по адресу чаемаго имъ соперника.

Но тотъ, съ видимымъ желаніемъ положить конецъ этимъ рѣчамъ, обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ по-русски:

— Въ какое заведеніе полагаете вы нужнымъ подготовить вашего сына?

Вопросъ этотъ засталъ ее въ расплохъ.

— Я, признаюсь вамъ, до сихъ поръ объ этомъ еще серьезно не думала. Мальчикъ мой записанъ въ Пажескій Корпусъ, но онъ до сихъ поръ все еще не укрѣпился здоровьемъ, и я боюсь, что онъ вообще для военной службы не будетъ годиться. Въ такомъ случаѣ надо будетъ его въ Лицей...

— Само собою! иронически какъ бы сорвалось съ языка Поспѣлова.

— Что это значитъ? изумилась она.

— Значитъ, что куда же поступить сыну вашему, какъ не въ *привилегированное* заведеніе! подчеркнулъ онъ съ прежнимъ невозмутимымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вы...

Она пріостановилась на мигъ:—vous êtes démocrate?

— Въ молодомъ поколѣніи вы аристократическихъ убѣж-

деній не найдете, коротко отвѣтилъ онъ съ полупрезрительнымъ движеніемъ губъ.

— Я знаю... Я сама du reste... je suis très libérale d'opinions, промолвила графиня и даже вѣско кивнула сверху внизъ, въ видѣ вящшаго подтвержденія своихъ словъ.

— Да, вмѣшался маркизъ, — и это меня всегда удивляло въ русскихъ женщинахъ.

— Удивляло? повторила она: — это должно было бы васъ радовать, мнѣ кажется, васъ, чуть не поплатившагося жизнію за свободу...

— Не за женскую, во всякомъ случаѣ, засмѣялся онъ;— эманципація женщинъ, то-есть обезличеніе, то-есть опошленіе женской обособленности—это не только конецъ всякой поэзіи, это еще конецъ всей человѣческой цивилизаціи.

— Reste à savoir, замѣтилъ на это Поспѣловъ чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ, — насколько эта „поэзія цивилизаціи“ дала хлѣба голодающимъ человѣческимъ массамъ.

И этотъ акцентъ, и мысль, выраженная въ его фразѣ, совсѣмъ подкупили графиню: она одобрительно и быстро закивала головой.

— Да, это большой вопросъ! промолвила она глубокомысленнымъ тономъ, который былъ столько же не обыченъ, сколько забавно милъ въ ея устахъ.

Маркиза это еще пуще взорвало. Глаза его загорѣлись, онъ готовилъ громоносное возраженіе... Но въ это же время въ восхитительномъ утреннемъ платьѣ изъ soie écrue, обшитомъ кружевами и большими голубыми бантами, подъ широкою соломенною шляпой, кругомъ которой бѣжала пышная гарнитюра изъ бѣлыхъ и голубыхъ перьевъ, показалась въ растворившейся двери сосѣдней комнаты Антонина Дмитріевна Сусальцева.

— Никсъ здѣсь? спросила она съ порога, не входя.— Bonjour, marquis!...

Онъ сидѣлъ прямо въ полосѣ свѣта, врывавшагося съ улицы сквозь продольную щель не совсѣмъ притворенныхъ половинокъ двери, выходившей на балконъ (всѣ жалузи оконъ, по обычаю теплыхъ странъ, въ эти часы дня были опущены),

и Сусальцева его одного въ первую минуту различала въ полутьмѣ покоя.

Онъ съ учтивымъ поклономъ поднялся съ мѣста въ отвѣтъ ей.

— Никсъ сейчасъ вернется... Да войди же, Tony! послышался ей тутъ же голосъ графини, сидѣвшей спиной къ балкону.

Антонина Дмитріевна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ по направленію къ ней.

— Ma chère Tony, позволь тебѣ представить соотечественника, monsieur Поспѣлова, проговорила та, какъ бы намѣренно растягивая слова, указывая рукой на сидѣвшаго противъ нея молодаго человѣка, котораго скрывала до тѣхъ поръ отъ глазъ вошедшей высокая спинка его кресла.

Онъ и Сусальцева обернулись въ то же время лицомъ другъ къ другу...

У нея мгновенно дрогнули приподнявшіяся вѣки и побѣлѣли губы; глубокая морщина сложилась между бровями Поспѣлова... Но coup de théâtre, котораго ожидала графиня Драхенбергъ, не случилось. Они глянули другъ другу въ глаза— и разомъ поняли другъ друга. „Я для всѣхъ—незнакомый тебѣ человѣкъ“, сказалъ ей тягучій, чуть не грозный взглядъ его. „Мнѣ только этого и нужно“, отвѣтили ему ея холодные глаза. И съ банальною полуулыбкой свѣтской женщины, которой представляютъ въ гостиной ничѣмъ для нея не интереснаго незнакомца, она небрежно склонила голову, не ожидая его поклона, молча прошла къ столу подлѣ хозяйки, сѣла и протянула руку за сигареткой къ вазочкѣ изъ венеціанскаго стекла, стоявшей на этомъ столѣ.

„Mon effet est manqué!“ досадливо пронеслось въ головѣ графини:—„они, очевидно, оба умѣютъ необыкновенно владѣть собою и успѣли—она послѣ вчерашней *серенаты*, онъ послѣ того, что я сегодня говорила о ней (и къ чему я говорила!),— приготовиться къ возможной встрѣчѣ не у меня, такъ въ иномъ мѣстѣ... Но они не даромъ сейчасъ *такъ* взглянули другъ на друга! Я прочла въ ихъ глазахъ: ils se connaissent, ils se sont aimés и хотятъ скрыть этотъ бывшій романъ свой

ото всего свѣта"... И болѣе чѣмъ когда-либо заговорило въ ней желаніе „aller au fond de ce mystère, проникнуть въ самую глубь тайны"...

— Monsieur Поспѣловъ такъ добръ, что соглашается давать уроки моему Никсу, сказала она громко.

Сусальцева, ни на кого не глядя, вынула восковую спичку изъ коробочки миланскаго издѣлія съ раскрашеннымъ изображеніемъ какой-то сцены изъ *Niccolo de'Lapi* *), закурила папироску и уронила медленно съ губъ:

— Если-бъ у меня были дѣти, я бы ихъ ранѣе десяти лѣтъ ровно ничему не учила.

— Cecі est de l'exagération, madame, замѣтилъ ей смѣясь маркизъ, который въ свою очередь наблюдалъ внимательно за нею и „réfugié russe", и точно такъ же, какъ и предметъ его страсти, уловилъ „подозрительное" выраженіе обмѣненныхъ ими въ первую минуту взглядовъ. „La rossa ha forse raggion, *рыжая* (то-есть графиня Драхенбергъ) права, быть можетъ, въ своихъ предположеніяхъ", говорилъ онъ себѣ радостно въ эту минуту, „и не обманывала меня, говоря о другой..."

— А вы не находите, продолжала между тѣмъ „кузина" все на томъ же французскомъ языкѣ, щурясь на Поспѣлова съ какимъ-то иронически вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ,—что это раннее ученіе ни къ чему въ сущности ненужныхъ вещей вызывается почти всегда гораздо болѣе капризомъ маменекъ (des mamans), чѣмъ дѣйствительною потребностью дѣтей?

„Это въ мой огородъ; она, кажется, начинаетъ ревновать меня",—и графиня съ безсознательнымъ вопросомъ на глазахъ повела ими на маркиза Каподимонте... Она прочла въ его улыбкѣ подтвержденіе своей догадкѣ, и ей стало вдругъ какъ-то необычайно весело...

„Змѣя"! думалъ въ то же врéмя эмигрантъ: „пользуется тѣмъ, что я ее тутъ при всѣхъ оборвать не могу, и подпускаетъ свои шпильки"...

*) Весьма популярный въ Италіи историческій романъ Массимо д'Азеліо.

— Это зависитъ... началъ было онъ громко, но вбѣжавшій въ эту минуту въ комнату кудрявый и красивый мальчикъ, сынъ графини, избавилъ его отъ досадливой необходимости продолжать.

— I am ready, aunty, я готовъ, тетя! восклицалъ на-бѣгу Никсъ, кидаясь къ Антонинѣ Дмитріевнѣ.

— Никсъ, поди сюда! кликнула его мать. И, оборачивая къ себѣ спиной, она указала ему на сидѣвшихъ противъ нея мущинъ:—Ты видишь ces messieurs? кланяйся!

Мальчикъ послушно шаркнулъ ножкой, протягивая ручонку маркизу и, обернувшись тутъ же къ матери, спросилъ робко и вполголоса:

— Who is this other gentleman, m'a (кто этотъ другой господинъ, мама)?

— Поди познакомься съ monsieur Поспѣловымъ, ласково толкнула она его впередъ,—ты съ нимъ будешь учиться писать порядочно по-русски... не такъ, какъ теперь ты пишешь, что мнѣ даже стыдно за тебя...

Сусальцева поспѣшно поднялась со своего мѣста и, прерывая ее:

— Однако намъ пора, Никсъ, пароходъ сейчасъ пойдетъ...:

— Mister Ward уже пошелъ туда и твой husband (мужъ) тоже, воскликнулъ мальчикъ и кинулся изъ комнаты, такъ и не *познакомившись* съ „monsieur Поспѣловымъ“...

Графиня поднялась въ свою очередь проводить уходившую за нимъ „кузину“ (она сгорала нетерпѣніемъ „остаться съ нею минутку наединѣ“).

— Послушай, сказала она, какъ только очутились онѣ въ сосѣдней комнатѣ, схватывая ее за руку,—ты должна мнѣ все, все разсказать!..

— Что это „все“?

И „Тону“ мгновенно нахмурилась, какъ небо въ сентябрѣ.

— Tu connais ce jenne homme... и ты... Ты въ ссорѣ съ нимъ теперь?...

— Откуда ты это взяла?

— Ты была съ нимъ такъ неучтива сейчасъ!.. On n'est impertinente comme cela qu'avec un homme qu'on a aimé.

— Et avec ceux que l'on veut vous imposer! гнѣвно отрѣзала Сусальцева, не глядя на нее и торопливо выходя въ корридоръ.

Вернувшись опять на свое мѣсто въ гостиной, графиня почувствовала себя вдругъ какъ-бы неловко: она сознавала, что никакого теперь общаго разговора не могло установиться между ею и двумя ея собесѣдниками, изъ которыхъ одинъ— нужно-ли называть маркиза?—очевидно все болѣе и болѣе тяготился присутствіемъ другаго. Ей это ясно говорили его глаза, нетерпѣливое покусываніе имъ своихъ прекрасныхъ усовъ, которые онъ нервнымъ движеніемъ то-и-дѣло забиралъ какъ-то внизъ нижнею губой...

Онъ и заговорилъ первый, съ видимою цѣлью *выжить* того, „другаго".

— Графиня, я ничего не говорилъ о вашихъ условіяхъ à monsieur Pos-pelof, такъ какъ вы ихъ мнѣ не сообщали...

Она, вся покраснѣвъ, быстро прервала его:

— Oh, mon Dieu, это совершенно будетъ зависѣть отъ monsieur Поспѣлова... Я заранѣе согласна на все...

— Я получалъ у Бортнянскихъ 150 франковъ въ мѣсяцъ... на всемъ готовомъ, примолвилъ какъ бы нехотя молодой человѣкъ (ему, видимо, точно также было не пріятно говорить объ „условіяхъ").

— Такъ мало! вскликнула графиня:—я не смѣю вамъ предложить („une si jolie tournure et parlant si bien le français!" проносилось у нея въ головѣ),—но мнѣ кажется... вѣдь я бы желала, чтобы вы каждый день давали часъ урока Никсу... мнѣ кажется, что по... по 10 франковъ за часъ... Напасть за границей на хорошаго русскаго преподавателя—это такая находка!... И вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, не правда-ли? сказала она по-русски и какъ-то очень торопясь, — приходить кушать съ нами: мы всегда и завтракаемъ, и обѣдаемъ, сынъ мой, mister Ward и я, *одни*, чуть-чуть подчеркнула она, — здѣсь, въ моемъ appartement...

Онъ какъ бы подозрительно глянулъ на нее изподлобья. помолчалъ и по минутномъ размышленіи:

— Это, пожалуй, все вмѣстѣ гонораръ и чрезмѣрный со-

ставитъ... не соотвѣтствующій настоящей цѣнѣ труда... А впрочемъ, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ чрезъ мигъ подъ набѣгомъ какой-то новой мысли,—я согласенъ.

Онъ прищурился и повелъ взглядомъ въ сторону. Она въ свою очередь словно конфузливо опустила глаза... Наступила минута молчанія.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, графиня, заговорилъ опять маркизъ (его опять начинала охватывать ревность), — что вы сегодня собирались ѣхать со мною смотрѣть портретъ Cesare Borgia въ Fondaco de'Turchi. *)

— Ахъ, да!... но мы успѣемъ! пролепетала она...

Поспѣловъ тотчасъ поднялся съ мѣста со шляпой въ рукѣ:

— Когда же приходить на первый урокъ? спросилъ онъ обрывисто.

— Да завтра же... *Непремѣнно* завтра, вскликнула она, и опять такъ же поспѣшно и по-русски: — а сегодня вечеромъ приходите на музыку, на площадь Святаго Марка; я тамъ буду... Мнѣ такъ бы хотѣлось поговорить съ вами... о Никсѣ,— но теперь *неловко*, произнесла она вѣско, намекая на присутствіе третьяго лица и съ оттѣнкомъ дружеской довѣрчивости въ тонѣ.

Тонъ этотъ, впрочемъ, насколько дано ей было прочесть на лицѣ, не произвелъ никакого *подкупающаго* впечатлѣнія на „интереснаго эмигранта“. Онъ все такъ же безучастно поглядѣлъ на нее, склонилъ голову, холодно пожалъ ея руку, еще холоднѣе притронулся къ протянувшимся тутъ же къ нему съ торопливою любезностью пальцамъ маркиза и, не сказавъ ни да, ни нѣтъ на приглашеніе молодой женщины, медленно и молча вышелъ изъ комнаты.

Едва смолкли шаги его за дверью, графиня съ какимъ-то

*) Бывшій во времена республики заѣзжій домъ, *каравансарай* Турокъ въ Венеціи, на лѣвомъ берегу Gran Canale, постройка въ романскомъ стилѣ X вѣка, обращенная нынѣ въ музей (называемый museo Correr отъ palazzo этого имени, въ которомъ онъ помѣщался прежде). Находящійся тамъ между прочимъ портретъ Цезаря Борджіи приписывается Леонардо ди Винчи.

строгимъ выраженіемъ въ чертахъ повернулась всѣмъ тѣломъ къ маркизу:

— Avez vous compris maintenant?

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Relativement à madame Tony?.. Oui, il y a quelque chose. Mais *quoi*, то-есть, *что именно?* спросилъ онъ, напирая.

Графиня какъ бы жалостливо глянула ему въ лицо, пожала плечомъ—и быстро поднялась съ мѣста:

— Ѣдемте въ вашъ Fondaco de'Turchi!..

V.

— Ad augusta.
— Per augusta.
— Les morts nous servent.
V. Hugo. *Hernani.* Acte IV, sc. III.

Въ Hôtel Bauer, куда прямо вернулся нашъ эмигрантъ отъ графини Драхенбергъ, дебелый, похожій на пивной котелъ и отъ пива и шнапса сизокраснаго цвѣта Нѣмецъ-„Portier“, постоянно относившійся свысока къ „бѣдному-чорту, armer Teufel“, занимавшему самый скромный, тѣсный и мрачный нумеръ во всей гостиницѣ, внушительно заявилъ ему, что его спрашивалъ „какой-то подозрительный малый чуть не въ лохмотьяхъ, ein liederlicher Kerl“, изъясняющійся на какомъ-то „никому невѣдомомъ діалектѣ“, и изъявлялъ желаніе ожидать его, des Herrn Pospelof, возвращенія въ его комнаты, но что онъ, „Portier“, разумѣется, въ виду возложенной на него прямой обязанности „оберегать покой и имущественную цѣлость высокоуважаемыхъ господъ (der hochgeächteten Herrschaften), въ отелѣ пребывающихъ“, не пустилъ эту „сволочь (Lumpgesindel)“,— несомнѣнно-де „приходившую просить милостыни“, — даже на лѣстницу подняться, вслѣдъ за чѣмъ тотъ просилъ, „насколько можно было понять aus seinem verworrenem Zwirne, изъ его путаницы“, передать г. Поспѣлову, что ему очень нужно его видѣть и что онъ будетъ ожидать его по близости, на площадкѣ предъ церковью *San-Moise*.

Поспѣловъ, внезапно вспыливъ (онъ тотчасъ же догадался, кто его спрашивалъ), рѣзко отвѣтилъ на это, что къ нему

приходилъ не какой-то „Kerl“, а добрый его пріятель, и что онъ въ свою очередь проситъ на будущее время, „пока только останется самъ жить въ этой нѣмецкой трущобѣ“, пускать это лицо къ нему въ нумеръ, „безъ дурацкихъ умствованій“, во всякое время дня и ночи... И тутъ же, заключивъ по разсвирѣпѣвшему мгновенно лицу Нѣмца-цербера, что на такую откровенную рѣчь его тотъ отпуститъ ему немедленную реплику, нѣчто въ родѣ того, что ты-молъ такая же „сволочь“ и „нищій“, какъ твой пріятель, онъ поспѣшилъ выйти изъ сѣней и быстрыми шагами направился къ *San-Moise*.

Онъ не ошибся: тамъ, усѣвшись на верхней ступени маленькой пристани протекающаго мимо церкви канала, прямо насупротивъ дома, занимаемаго русскимъ въ Венеціи консуломъ, ожидалъ его Волкъ, въ своей помятой, съ порванными полями шляпѣ и истасканныхъ дѣйствительно до „лохмотьевъ“ пальто и нижнемъ платьѣ.

Онъ былъ *страшно*, въ буквальномъ значеніи этого слова, дуренъ собою, съ какими-то негритянскими, шлепающими губами, грубо мясистымъ носомъ, переломленнымъ посрединѣ вслѣдствіе паденія въ дѣтствѣ, и зловѣще выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ бровей узкими и хищными глазами (этимъ глазамъ своимъ и крупнымъ, острымъ зубамъ, способнымъ, казалось, перегрызть надвое за одинъ разъ самую твердую сапожную подошву, онъ и одолженъ былъ своимъ прозвищемъ *Волка)*. Роста онъ былъ невысокаго, плотно сложенъ: толстыя синія жилы, разбѣгавшіяся по его огромнымъ, коричневато-краснымъ рукамъ, походили на веревки или на какое-то изображеніе сѣти рѣчныхъ притоковъ на географической картѣ большаго масштаба. Цѣлая шапка мохнатыхъ, жесткихъ, какъ конскіе, и вспутанныхъ волосъ спускалась ему почти на самые глаза... „Натолкнется на тебя въ лѣсу баба, отъ страха помретъ“, подшучивали надъ этою наружностью его *товарищи*... Но онъ не послѣднюю роль игралъ между этими *товарищами* въ общемъ ихъ дѣлѣ...

Онъ былъ неповоротливъ и медлителенъ въ своихъ движеніяхъ, и Поспѣловъ тотчасъ же заключилъ о значительности того, что̀ имѣлъ ему сообщить Волкъ, по той необычной ему

поспѣшности, съ которою тотъ поднялся на ноги, завидѣвъ его, и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Читать на здѣшнемъ языкѣ можешь? было его первымъ словомъ. И, быстро вытащивъ изъ кармана смятый листъ вышедшаго въ тотъ же день нумера *Gazetta di Venezia*, ткнулъ пальцемъ на отдѣлъ телеграммъ: — гляди тутъ, изъ Петербурга...

Поспѣловъ италіянскаго языка не зналъ, но по сродству его съ хорошо знакомымъ ему французскимъ языкомъ тотчасъ же разобралъ и понялъ сообщавшееся здѣсь извѣстіе.

— „Сегодня, въ 9 часовъ утра“... началъ онъ переводить задрожавшимъ отъ волненія голосомъ...“

— То-есть, вчера это, значитъ, пояснилъ скороговоркой Волкъ:—ихняго 16-го, нашего 4-го числа.

— „На прогулкѣ, начальникъ русской политической полиціи и генералъ-адъютантъ Императора, Мезенцовъ, убитъ неизвѣстными людьми. Преступники успѣли скрыться“... Это *нашихъ* дѣло! вскликнулъ тутъ же Поспѣловъ съ загорѣвшимися мгновенно глазами.

Волкъ не счелъ даже нужнымъ отвѣтить: онъ повелъ только на товарища не то торжествующимъ, не то презрительнымъ взглядомъ: „какое же, молъ, можетъ быть въ этомъ сомнѣніе!“...

— „Am-ma-zato“, перечелъ Поспѣловъ слово, корня котораго онъ не находилъ во французскомъ языкѣ, — я, можетъ быть, не такъ понялъ: онъ, можетъ быть, только *раненъ*—значитъ?...

— *Убитъ*, грознымъ тономъ отрѣзалъ тотъ: — на пароходѣ моемъ механикъ сказывалъ, „killed“ говоритъ, и даже рукой показалъ, какъ когда кого ножомъ... *Killed* слово я знаю.

— Удачнѣе еще, значитъ, чѣмъ съ Треповымъ вышло, нервно засмѣялся на это его собесѣдникъ.

— Извѣстно, мужская рука; да еще если кинжаломъ...

— А какъ ты думаешь, чья? чья именно? Я полагаю, что...

— Полагаешь, такъ держи про себя! сердито прервалъ его Волкъ:—для дѣла безразлично.

Молодой человѣкъ моргнулъ нѣсколько смущенно вѣками и промолвилъ уже какъ бы невольно:

— И ушли... „скрылись“... Въ бѣлый день... Молодцы!..

— Не выдаетъ никто... общественное сочувствіе... Вѣрочкинъ процессъ показалъ, ронялъ медленно слова свои Волкъ въ отвѣтъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что „все-то это тебѣ еще объяснять надо“...

— Да, кивнулъ утвердительно Поспѣловъ,—особенно теперь, когда правительство такъ осрамило себя на этой войнѣ... и въ Берлинѣ... Наступилъ самый настоящій моментъ активной борьбы... Вѣдь у *нихъ* очевидно это теперь систематически организовано, по *верхамъ* пошли, намѣченные: Треповъ, теперь Мезенцовъ...

Безобразный ротъ Волка растянулся въ широкую, звѣрскую усмѣшку (такъ должны ухмыляться шакалы, почуявъ запахъ падали):

— По горламъ всѣхъ пройтись надо, понятно! прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы.

Товарищъ его видимо разгорался все сильнѣе въ свою очередь.

— Вѣдь это открытое объявленіе войны! воскликнулъ онъ:—убійствомъ этимъ соціалистская молодежь смѣло кидаетъ перчатку въ лицо автократіи... Наконецъ-то, наконецъ!... Онъ судорожно и радостно потиралъ себѣ руки.— И если она не сдастся теперь, такъ вѣдь и повыше достать можно...

Онъ оборвалъ вдругъ и безсознательно обвелъ кругомъ себя глазами... Но все было тихо на безлюдной площади. Лишь старый бѣднякъ, отставной гондольеръ *), кормящійся *чентезимами* **) отъ „buona mano“, подачки *господъ*, гондолы которыхъ подтягивалъ онъ багромъ къ пристани, дремалъ на ступенькахъ съ этимъ своимъ багромъ въ морщинистыхъ рукахъ, пригрѣваемый горячимъ солнцемъ, да издали съ канала доно-

*) Право быть гондольеромъ, въ силу сохранившагося понынѣ стараго закона, прекращается по наступленіи 60-лѣтняго возраста.

**) *Centesimo*, французское *centime*, сотая часть *лиры*, одноцѣнной съ франкомъ.

сился отъ времени до времени тотъ протяжно гортанный, спеціально свойственный мѣстнымъ *баркаіоламъ*, крикъ, которымъ, во избѣжаніе столкновеній, даютъ они о себѣ знать собратьямъ, предъ заворотомъ въ то или другое изъ безконечныхъ колѣнъ водныхъ протоковъ Венеціи: „Тхе-е-у“!..

Волкъ молчалъ, тупо уставя глаза въ грудь товарища; только мясистыя губы его подергивала та же усмѣшка хищнаго звѣря, чующаго запахъ трупа...

— Вѣдь *они* тамъ замышляютъ теперь, дѣйствуютъ, борятся, Волкъ, началъ снова Поспѣловъ, волнуясь,—а мы тутъ съ тобою, безполезные, задыхаемся въ бездѣйствіи!..

— Я сегодня вечеромъ ѣду, коротко сказалъ тотъ.

— Въ Россію?...

— Въ Женеву. Справки, первое, навести нужно... а тамъ само собою...

— И я съ тобой. Къ чорту мою графиню съ ея гонораромъ! вырвалось какимъ-то неудержимымъ и веселымъ взрывомъ у Поспѣлова.

Узенькіе глаза Волка такъ и впились ему въ лицо:

— Какая графиня?

— Мнѣ тутъ опять кондиція выходитъ: мальчишку учить.

— Во! пропустилъ сквозь зубы тотъ:—Русскіе?

— Фамилія нѣмецкая, только она Русская.

— „Она“, кто это то-есть?

— Графиня эта, мальчишки мать.

— А мужъ?

— Мужа нѣтъ: она—вдова.

— Во! повторилъ какъ бы машинально Волкъ.—Молодая?

— На видъ моложе меня кажетъ, улыбнулся почему-то невольно Поспѣловъ,—а впрочемъ кто-жь ихъ разберетъ, свѣтскихъ этихъ...

— Попалъ-то какъ къ ней?

— А ужь это у нея спроси! Отродясь и фамиліи ея не слыхивалъ: Драхенбергъ, петербургская... Не думалъ я, не гадалъ, является нынче утромъ въ мой отель Итальянецъ какой-то, маркизъ; велитъ просить меня въ *салонъ*, что очень-молъ ему нужно переговорить со мною... Ну вотъ, съ этимъ

самымъ предложеніемъ пришелъ, что одна-молъ его знакомая, ваша, говоритъ, „компатріотка“, ищетъ преподавателя русскаго языка для маленькаго сына и что онъ, узнавъ, что я въ этомъ качествѣ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ...

— Ты и отправился? перебилъ его Волкъ.

— Повелъ онъ меня самъ.

— Ну?

— Я и пошелъ за нимъ, засмѣялся Поспѣловъ озабоченному виду, съ которымъ внималъ ему товарищъ.

— И порѣшили?

— Да... Вѣдь я еще не зналъ... что... молвилъ молодой человѣкъ, какъ бы оправдываясь.

Но собесѣдникъ его не далъ ему продолжать:

— Кондиціи какъ?

— И не ожидалъ даже! Сама по 10 франковъ за часъ урока предложила, а урокъ каждый день и кормежка отъ нея же.

— Ишь ты! вдумчиво пропустилъ Волкъ и чавкнулъ безсознательно челюстью, какъ бы вкушая инстинктивно всю ту сладость „кормежки“, которая ожидала товарища за столомъ графини.—Богачка значитъ?

— По обстановкѣ судя, и очень даже... Да и Итальянецъ этотъ, маркизъ, намекнулъ какъ-то про это... Самъ-то онъ, какъ я понялъ, виды на нее имѣетъ, усмѣхнулся еще разъ Поспѣловъ.

— А молодой самъ-то?

— Ну, нѣтъ! Молодится изъ послѣдняго, видать, а на макушкѣ-то уже рѣдко и въ бородѣ сѣдью пробиваетъ. Только шельма, видно, прожженая, эксплуататоръ...

— А ты не дозволь! нежданно проговорилъ Волкъ.

Поспѣловъ съ изумленіемъ взглянулъ на него:

— Это какъ же?...

Тотъ въ свою очередь повелъ на него прежнимъ, пренебрежительнымъ взглядомъ: „ничего-молъ ты самъ сообразить не въ состояніи“...

— Дѣло-то кажись ясное, медленно протянулъ онъ:—ари-

стократкѣ этой *аманта* требуется, не изъ старья, а изъ свѣжатины, само-собой; денегъ на него жалѣть она не будетъ, что̀ хошь проси, только по вкусу придись...

Поспѣловъ понялъ и весь вспыхнулъ:

— Что̀-жь это ты мнѣ, воскликнулъ онъ съ сердцемъ,— сойтись съ женщиной изъ-за денегъ предлагаешь!...

— А *хоша* бы! грубымъ мужицкимъ языкомъ отрѣзалъ Волкъ.—Аль не нравится занятіе?... А вѣдь бабъ-то, почитай, не мало на своемъ вѣку загубилъ, примолвилъ онъ, хихикнувъ. И въ его прищурившихся въ щелочку, съ какимъ-то неумолимымъ выраженіемъ глазъ можно было прочесть и рѣшительный приказъ Поспѣлову, и злорадное чувство торжества надъ человѣкомъ, которому Волкъ почиталъ себя въ правѣ предлагать унизительную роль, и тайную зависть къ этому молодому, красивому товарищу, которому такую роль *можно* было предложить.

Поспѣловъ отвернулся отъ него и проговорилъ поспѣшно и досадливо:

— Я на свинство не пойду, и ѣду съ тобою сегодня въ Женеву, благо на проѣздъ и жратву дорогой денегъ хватитъ, добавилъ онъ, стараясь перейти на шутливый тонъ.

— Да ты что̀, чортъ тебя подери, услышалъ онъ вдругъ зашипѣвшую какъ у змѣи рѣчь Волка, — ты революціонеръ, аль нѣтъ? Ты въ свое удовольствіе жить думаешь, аль нашему дѣлу служить?

— Я оттого и хочу ѣхать съ тобою, горячо возразилъ молодой человѣкъ,—что хочу служить ему...

Но Волкъ не слушалъ его:

— Въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ „свинства“, кромѣ измѣны ему! говорилъ онъ грозно, и пѣна закипала въ углахъ его безобразныхъ губъ:—что̀ на пользу его, то и свято. Ты дворянскій-то гоноръ свой въ печку кинь, коли хочешь честнымъ революціонеромъ быть! Все противъ враговъ добро, все пригодно; какое въ рукахъ средство есть, тѣмъ и орудуй: подвохомъ-ли, насиліемъ, страхомъ или лаской, все едино, — пока не насталъ часъ, когда передушитъ ихъ всѣхъ до одного соціальная революція!..

Это былъ какой-то дикій, бѣшеный порывъ, полуискренній, полуразсчитанный на *эффектъ*,—одинъ изъ тѣхъ, которыми угрюмый, тупо-молчаливый по обыкновенію Волкъ „билъ“ въ извѣстныхъ случаяхъ „навѣрняка“ въ той средѣ, къ коей принадлежалъ онъ и гдѣ слылъ за человѣка съ „огромнымъ запасомъ воли“ и большою „организаторскою способностью“; въ эту свою „способность“ прежде всѣхъ вѣрилъ онъ самъ... У Волка было самое *настоящее* „революціонное прошлое“: родомъ изъ мѣщанъ, онъ былъ студентъ Петровской академіи въ пору „Нечаевской исторіи“, какимъ-то чудомъ не попалъ въ число завѣдомыхъ участниковъ ея, принадлежалъ потомъ къ кружкамъ Долгушина и Чайковскаго и въ такъ-называемомъ „Жихаревскомъ“ процессѣ имѣлъ честь очутиться въ числѣ тѣхъ десяти избранныхъ, изо 193 призванныхъ, которыхъ „гуманнѣйшее“ судилище отечественныхъ сенаторовъ увидѣло себя, скрѣпя сердце, вынужденнымъ сослать въ Сибирь... Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старѣе того, кто теперь назывался Поспѣловымъ и котораго онъ же, лѣтъ за пять назадъ, вовлекъ въ „дѣло революціи“. Онъ привыкъ издавна тѣшиться „рабскимъ“ подчиненіемъ ему, „вахлаку“, какъ любилъ онъ называть себя съ особаго рода гордостью, этого *барчука-молодчика*, и замѣченное имъ теперь въ немъ какое-то „своеволіе“ взорвало его.

— Голубаго *енарала устранили*, продолжалъ онъ,—такъ у тебя и слюни потекли. Вотъ-молъ поѣду, сейчасъ и на мою долю выпадетъ героемъ себя показать... А если въ тебѣ *тамъ* вовсе и не нуждаются?.. Что ты тутъ знаешь, изъ Архангельскихъ лѣсовъ вернувшись?.. Я самъ въ Россію теперь прямо не пру (Поспѣлова такъ и покоробило отъ этого „я *самъ*“, ясно указывавшаго на разстояніе, которое отдѣляло положеніе его отъ положенія Волка въ „революціонной“ іерархіи), а ѣду добывать языка, что *тамъ* и какъ: указаніе будетъ — отправлюсь. А такъ, зря,— онъ дернулъ плечомъ,— спасиба никто не скажетъ... Въ *ловкачахъ* недостатка у нихъ нѣтъ (то-есть, „поболѣе тебя людей умѣлыхъ“, прочелъ опять Поспѣловъ въ глазныхъ щелочкахъ Волка), — ужь чего желать лучше: въ бѣлый день, посередь столицы, ножомъ пропороли

и ушли! — И голосъ Волка дрогнулъ отъ внутренняго чувства удовлетворенія.— А что имъ *средства* нужны, подчеркнулъ онъ,—такъ ты этого, конечно, не разумѣешь, а мнѣ оно изъ самаго этого факта явствуетъ. „Скрылись“, сказано. Какъ *скрылись?* Не бѣгомъ же: городовые кинулись бы, захватили бы тутъ же... Значитъ, въ экипажѣ, лошади добрыя, не у извощика взятыя, и не чьи-нибудь *господскія* опять,—по нимъ тотчасъ бы на слѣдъ напали. Лошади *свои*, значитъ, были, купленныя, и экипажъ. На все на это денегъ не мало пошло... И *если дальше*, все болѣе и болѣе средствъ понадобится... Средства всегда для нашего дѣла нужны! вдругъ оборвавши, махнулъ онъ рукой, какъ бы почитая безполезнымъ излагать громко далѣе роившіяся въ головѣ его соображенія;—понимаешь теперь?

Поспѣловъ молчалъ: авторитетный тонъ, съ которымъ обращался къ нему Волкъ, одновременно и возмущалъ и какъ бы порабощалъ его внутренно.

— Понимаешь теперь, что̀ отъ тебя требуется? вѣско повторилъ тотъ.

— Послушай, Волкъ, началъ молодой человѣкъ, встряхнувшись,—вѣдь это же одна твоя фантазія! Изъ того, что барыня эта пригласила меня на уроки сыну, далеко еще не слѣдуетъ, чтобъ она... Онъ какъ бы застыдился договорить, и въ то же время какимъ-то „лучомъ, просящимся во тьму“ *) пронесся въ его памяти свѣжій обликъ графини Драхенбергъ съ ея пышными губами, и подъ ухомъ его точно зазвучалъ ласковый голосъ, говорившій ему: „приходите вечеромъ на площадь Святаго Марка; мнѣ *очень* хочется переговорить съ вами...“

— Приложи трудъ! На бабъ языкъ-то у тебя медовый, извѣстно! цинически опять хихикнулъ Волкъ: — становаго дочку, что̀ бѣжать-то тебѣ помогла, съумѣлъ окрутить вѣдь?

— Такъ тамъ прежде всего дѣло убѣжденія было, поспѣшно возразилъ Поспѣловъ: — я ее предъ тѣмъ въ нашу вѣру совсѣмъ обратить успѣлъ.

---

*) Фетъ. Въ стихотвореніи *Ревель*.

Глаза Волка такъ и запрыгали:

— А тутъ тебѣ кто-жь мѣшаетъ! Бабы-то всѣ на одинъ ладъ, какъ если только добре примется ловкій молодчикъ... А тѣмъ тебѣ чести болѣе будетъ, какъ если аристократка. Самъ же ты, дворянскій сынъ, всѣ эти барскіе выкрутасы продѣлывать можешь... Послушай, Володька, началъ онъ вдругъ горячимъ и какъ бы ласкательнымъ тономъ (голова его видимо работала надъ цѣлымъ планомъ, мгновенно возникшимъ теперь въ ней),—тутъ можетъ для тебя дѣло большое выйти, выдвинуться въ глазахъ всей *партіи* можешь, крупное положеніе занять!.. Привлечь эту твою барыню къ нашему дѣлу, воспользоваться средствами ея, связями,—богатая штука! Вѣдь тамъ *на верхахъ*-то тоже горючаго матеріала не мало: подожги лишь умѣючи—вспыхнетъ!..

— Она мнѣ сказала, что она очень „либеральна“, какъ-то невольно вырвалось у Поспѣлова.

Волкъ презрительно подобралъ свои огромныя губы:

— Ну, это мы „либеральство-то“ ихнее знаемъ, — гроша мѣднаго не стоитъ, фарисейство поганое одно!.. А ты въ *настоящее* ее введи, въ самую суть, чтобы вняла она и прониклась....

— Время все же нужно было бы на это, раздумчиво молвилъ Поспѣловъ,—а долго-ли она тутъ думаетъ остаться—не извѣстно... Да и оттерли бы, пожалуй...

— Кто это?

— Да мало-ли! неопредѣленно уронилъ онъ, и краска чуть-чуть выступила на его блѣдныя щеки. Онъ почему-то не счелъ нужнымъ сообщать товарищу о г-жѣ Сусальцевой, которую именно имѣлъ въ виду, говоря о возможности быть „оттертымъ“.

Тотъ повелъ на него подозрительнымъ взглядомъ, но не счелъ нужнымъ въ свою очередь выразить громко то, что думалъ въ эту минуту.

— Ну, твоя забота! quasi-равнодушно произнесъ онъ:— а только повторяю: большое дѣло можетъ выйти, помни!..

— Такъ ты рѣшительно не хочешь, чтобъ я съ тобой ѣхалъ? воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Сказано разъ! какъ топоромъ отрубилъ Волкъ:—*урокъ* тебѣ заданъ—орудуй!

Поспѣловъ безмолвно приподнялъ плечи и опустился, какъ бы подшибленный этимъ разговоромъ, на верхнюю ступеньку пристани, на которой дремалъ съ багромъ своимъ въ рукѣ старикъ-гондольеръ... Но въ душѣ его, рядомъ съ оскорбительнымъ сознаніемъ нравственной подчиненности своей, журчало, какъ ручеекъ весной, что-то ему еще неясное, но тихо убаюкивающее, примѣшивавшееся къ мысли о „заданномъ ему *урокѣ*“...

Волкъ поглядѣлъ сверху внизъ на склонившагося какъ бы къ ногамъ его товарища, и глаза его будто усмѣхнулись... „Хорошій денекъ выдался“ ему сегодня... Онъ чувствовалъ себя снова *силой* въ той обычной ему области нелѣпо-злой и судорожной дѣятельности, изъ которой исторгла его ссылка и къ которой возвращался онъ теперь при открывавшихся его „дѣлу“ новыхъ, широкихъ горизонтахъ. Предъ нимъ въ воображеніи развивался цѣлый рядъ „неслыханныхъ“, имѣвшихъ поразить „весь міръ“ дерзостью своею, „предпріятій“, которымъ можетъ, — *должно* будетъ“, поправился онъ мысленно,—положить начало „великое событіе“ 4 августа въ Петербургѣ. Онъ предвкушалъ вѣскость той роли, которая неминуемо должна будетъ пасть на его долю въ этихъ „предпріятіяхъ“,—и его животно-алчное самолюбіе торжествовало заранѣе. Слѣпое покорство „*барчука*“ служило ему теперь какъ бы мѣриломъ того значенія, какое приметъ онъ *тамъ*, „на мѣстѣ“, среди коноводовъ „движенія“... „Подвигъ удивительный, безспорно“, проносилось у него въ головѣ, „милліоны людей содрогнутся отъ ужаса, прочтя сегодняшнюю телеграмму; но самъ-то подвигъ можетъ быть, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно,—лишь изолированный фактъ, не истекающій изъ общей, ясно опредѣленной и послѣдовательной программы“. А она-то именно и нужна, нужна сильная, твердо сплоченная „организація“... „Но *они*—онъ ихъ всѣхъ знаетъ,—никогда не могли добиться ничего подобнаго“. *Онъ* одинъ, Волкъ, способенъ создать такую „организацію“ и встать во главѣ „всего“...

Размышленія эти навели его на какое-то *свѣтлое*—если только допустить, что оно могло быть у него,—настроеніе духа; онъ почти весело заговорилъ съ товарищемъ:

— Ты на меня, Володька, полагаю, за порученіе печаловаться не станешь; кормежка будетъ тебѣ сладкая, прочее занятіе и того сладчай...

— Я не для этого вступалъ въ *партію*! съ новою досадой въ голосѣ вскликнулъ бѣлокурый эмигрантъ.

— Понадобишься на иное — вызовемъ! съ покровительственнымъ оттѣнкомъ въ тонѣ возразилъ ему Волкъ:—можетъ, всѣ потроха скоро потребуются; на то идетъ... Что удралъ-то ты—наши въ Женевѣ знаютъ?

— Я еще изъ Вѣны Михайлѣ и Вейсу писалъ; не отвѣчали.

— Можетъ, и нѣтъ ихъ тамъ... А въ Вѣнѣ изъ нашихъ кто?

— Полячекъ и Арончикъ... Арончикъ мнѣ и мѣсто у этихъ Бортнянскихъ сыскалъ,—а то чуть было съ голоду совсѣмъ не околѣлъ...

Волкъ качнулъ головой:

— Отъѣшься теперь... Гляди-жь, орудуй,—большое дѣло!... Дней чрезъ пять жди письма. Можетъ, шифромъ напишу, какъ если что особенное... Ключъ помнишь?

— Старый?

— Извѣстно... Инструкцію тебѣ пришлемъ... Ну. а теперь прощавай!

— Куда же ты?

Поспѣловъ вскочилъ на ноги...

Но Волкъ, не отвѣчая, заворачивалъ уже за уголъ церкви.

Молодой человѣкъ недоумѣло глядѣлъ ему во слѣдъ... „А на счетъ денегъ какъ, есть-ли у него? проносилось у него въ головѣ: я бы могъ ему дать, изъ послѣднихъ, а *тамъ* получить за уроки, хоть впередъ, всегда можно... Такъ, вѣдь, нужны бы онѣ ему были, онъ бы просто сказалъ: „дай!“ Проводить его поѣхать вечеромъ развѣ?... А если онъ на это да еще грубостью мнѣ отвѣтитъ: „что за нѣжности,

скажетъ, при нашей бѣдности!"... „Сильная натура!" какъ бы объяснилъ себѣ тутъ же Поспѣловъ,—и тутъ же вздохнулъ какимъ-то безсознательнымъ вздохомъ облегченія, увидавъ себя одного на площади вмѣстѣ со старикомъ-гондольеромъ, все такъ же сладко дремавшимъ на солнцѣ со ржавымъ багромъ своимъ въ рукахъ...

VI.

Надъ piazza di San-Marco—этимъ, по выраженію Наполеона I, „салономъ, которому одно солнце достойно служить люстрой,“—сіялъ полный мѣсяцъ свѣтлѣй, чѣмъ дневное свѣтило въ полунощныхъ странахъ. Бронзовые вулканы на Torre dell'Orologio *) прогудѣли молотами своими по колоколу десять часовъ, и за послѣднимъ ихъ ударомъ военный италіянскій оркестръ, только-что отыгравшій, подъ громъ рукоплесканій тѣснившейся кругомъ него толпы, какое-то увлекательное испанское *jaleo*, собравъ пульпеты и ноты и закинувъ за спину валторны и трубы, отправился вспять въ свои казармы, мѣрно и гулко ударяя по мраморнымъ плитамъ грубыми подошвами пѣхотныхъ полуботинокъ **). Толпа разбрелась вслѣдъ за ними, и только величавая тѣнь, падавшая отъ Campanile (колокольни Св. Марка), чернѣла теперь на сплошной пеленѣ луннаго свѣта, обливавшаго площадь. Но подъ

*) *Часовая башня* на западной оконечности *Старыхъ прокураторій* (зданіе, въ которомъ жили высшіе послѣ дожа девять сановниковъ Венеціанской республики, prokuratori, съ ихъ канцеляріями), построенная въ 1496 году надъ широкою и высокою дверью въ формѣ тріумфальной арки. Надъ нею помѣщается большой циферблатъ часовъ съ единою стрѣлкой, не бѣгущею, а перескакивающею съ часа на часъ; каждыя пять минутъ въ особомъ отверстіи появляется новая цифра пробѣгающаго между этими часами времени. На вершинѣ башни, подъ сквознымъ куполомъ, колоколъ съ двумя по бокамъ его бронзовыми фигурами кузнецовъ, „Vulcani“, бьющими молотомъ надлежащее число ударовъ каждый часъ, исключая трехъ часовъ пополудни, когда удары эти замедляются на десять минутъ (въ воспоминаніе, какъ объясняютъ гиды, казни Марино Фаліери въ 1354 году, совершенной именно въ этотъ моментъ дня).

**) Италіянскимъ пѣхотинцамъ сапогъ съ голенищами не полагается.

длинными аркадами обрамляющихъ ее „Старыхъ“ и „Новыхъ“ *Прокураторій* горѣли огни фонарей и ярко освѣщенныхъ магазиновъ, сновали еще съ остатками товара на лоткахъ продавцы *confetti* (засахаренныхъ плодовъ), набѣленныя и нарумяненныя по самые волосы *fioraie* (торговки букетами) подносили съ умильными улыбками свои розаны и гвоздики подъ носъ прохожимъ, да охрипшій уже до сипоты газетчикъ выкрикивалъ напослѣдяхъ: „*Tempo*, signori, *Tempo*, *Capitano Fracassa*, *Messagiere*, ben arrivati da Roma“ *)

Насупротивъ кафе-ресторана *Quadro*, наполовину подъ аркадами, наполовину выступивъ стульями на площадь, вокругъ вынесенныхъ туда двухъ-трехъ столиковъ съ мраморными досками, расположилось общество, состоявшее изъ лицъ, уже знакомыхъ читателю, и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ мы поспѣшимъ ему представить.

Между графиней Драхенбергъ и г-жей Сусальцевой, составлявшими центръ круга, съ моноклемъ въ правомъ глазу, въ цилиндрѣ на полулысой головѣ, уткнувшись безстрастнымъ лицомъ въ созерцаніе ботинки своей правой ноги, горизонтально вскинутой на лѣвую, сидѣлъ одутлый и неказистый русскій дипломатъ изъ „новѣйшихъ“, баронъ Кеммереръ, только-что прибывшій „на отдыхъ“ съ Берлинскаго конгресса. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вѣчно скучающихъ и наводящихъ собою невыносимую скуку индивидуумовъ, которыхъ, именно потому, должно быть, что они такъ скучны самимъ себѣ и другимъ, вы неизбѣжно встрѣчаете повсюду, гдѣ люди собираются съ цѣлью по возможности весело провести время. Въ Парижѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, куда ни кидала барона его служебная одиссея, онъ всюду производилъ впечатлѣніе „пудовика“, но за то повсюду онъ *всѣхъ* зналъ и *всѣ* его знали; нигдѣ не бывало праздника, интимнаго вечера, дѣтскаго бала, куда, словно подъ какимъ-то неизбѣжнымъ гнетомъ обстоятельствъ, не сочли бы необходимымъ пригласить въ числѣ первыхъ барона Кеммерера... Онъ пріѣхалъ лишь сегодня утромъ,

*) *Время*, господа, *Время*, *Капитанъ Фракасса*, *Вѣстникъ*, благополучно прибывшіе изъ Рима.

но успѣлъ уже отыскать въ Венеціи и посѣтить съ полдюжины знакомыхъ, въ томъ числѣ графиню Драхенбергъ, которая собиралась въ эту минуту отправиться en pique-nique отобѣдать со своимъ обществомъ у Quadro и такимъ образомъ какъ бы вынуждена была пригласить и новоприѣзжаго соотечественника (они послѣ обѣда всѣ тутъ и остались, по-итальянски, предаваться на чистомъ воздухѣ dolce far niente).

Совершенную противоположность ему представлялъ сидѣвшій противъ Сусальцевой у столика за кружкой лимонной воды, изъ которой онъ то-и-дѣло отпивалъ глотки въ пылу разговора, крѣпко сложенный баринъ, лѣтъ сорока восьми, съ огненнаго цвѣта бородой *лопатой*, почти такого же цвѣта загорѣлымъ лицомъ подъ мягкою черною шляпой, которая въ жару бесѣды сдвинулась ему на самый затылокъ, и съ подвязанною широкимъ чернымъ платкомъ лѣвою рукой. Звали его князь Пужбольскій *). Онъ участвовалъ въ войнѣ за Балканами, поступивъ въ ряды глубокой арміи тѣмъ же прапорщикомъ, какимъ вышелъ изъ нея по окончаніи Крымской кампаніи, былъ раненъ подъ Плевной, пользовался въ томъ госпиталѣ Краснаго Креста, гдѣ одно время распоряжалась графиня Елена Александровна (онъ приходился ей каким-то родственникомъ по отцу,) и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, очутился опять въ своей роли перелетной птицы, тѣмъ же старымъ и разоренымъ холостякомъ, страстнымъ любителемъ искусства и неисправимымъ болтутомъ и спорщикомъ. Онъ только часа два тому назадъ вернулся изъ Падуи, куда ѣздилъ спеціально „*взглядывать* еще разъ (Пужбольскій все такъ же плохо справлялся съ глагольными формами роднаго языка,) на *божественныя* фрески Джотто въ церкви Madonna dell'Arena",—и такъ неистово доказывалъ теперь маркизу Каподимонте, что изъ нихъ *Страшный судъ* писанъ самимъ великимъ maestro, а не „какимъ-нибудь *ученичкомъ* его, Taddei Gaddi", какъ утверждалъ тотъ, будто дѣло шло въ эту минуту о судьбѣ цѣлой его жизни.

Маркизъ въ свою очередь велъ пренія нѣсколько болѣе

*) См. *Марина изъ Алаго Рога.*

нетерпѣливо, чѣмъ это было въ его привычкахъ. Его внутренно глубоко раздражала „эта рыжая русская сирена“ въ ея вдовьихъ тканяхъ, которая, казалось ему, „никогда еще не была такъ соблазнительна, какъ нынче, въ эту свѣтлую ночь, съ ея озареннымъ луной, какимъ-то необычно радостнымъ лицомъ“... Нѣтъ, онъ „положительно никогда еще не видѣлъ у нея *такого* лица“... И, „что она ни говори“, онъ знаетъ, *откуда* это лицо. Вотъ онъ сидитъ за нею—„ея эмигрантъ“: онъ тутъ сейчасъ „бродилъ (andava vagando) у музыки, нисколько повидимому не намѣреваясь или даже *не осмѣливаясь* подойти къ ихъ компаніи, но она слѣдила за нимъ глазами,— онъ, Каподимонте, хорошо это видѣлъ,—и позвала его, не стѣсняясь, громко, *съ тою чертовскою развязностью, какою владѣютъ всѣ эти Русскіе* (questa desinvoltura di tutti diavoli ch'hanno questi Russi), и посадила за собою на стулъ, и то-и-дѣло теперь оборачивается къ нему съ какими-то рѣчами на ихъ проклятомъ языкѣ“. „Per Dio, есть отъ чего съ ума сойти“! восклицалъ внутренно маркизъ, между тѣмъ какъ Пужбольскій, завладѣвъ окончательно рѣчью и, тѣми невѣроятными прыжками, которыми отличался его разговоръ, перескочивъ неожиданно отъ Джотто и Таддео Гадди къ римскимъ катакомбамъ, а отъ катакомбъ къ Мамелюкамъ-Бахаритамъ, съ какимъ-то страстнымъ визгомъ въ голосѣ *доказывалъ* въ этотъ моментъ своему собесѣднику „огромное вліяніе персидской культуры на искусство Египтянъ въ царствованіе Псамметиха II и его наслѣдниковъ“.

— Знаете что, вѣдь это очень скучно, вашъ ученый диспутъ, messieurs, перебила его, не стѣсняясь, — „и на самомъ интересномъ мѣстѣ“, сказалъ онъ себѣ досадливо, — г-жа Сусальцева (онъ былъ только-что представленъ ей графиней), поднося руку въ лиловой перчаткѣ къ своему зѣвнувшему рту.

Неизбѣжный офицеръ Вермичелла, сидѣвшій подлѣ нея и которому разговоръ о Бахаритахъ и Псамметихѣ II казался тоже невыносимо скучнымъ, съ торжествомъ поглядѣлъ теперь на мужа красавицы, умѣстившагося за столикомъ рядомъ съ нимъ:

— Gabbato il seccatore! *) фыркнулъ онъ чуть слышно ему на ухо.

Тотъ не понялъ словъ, но довѣрчиво подмигнулъ и ущипнулъ, въ знакъ сочувствія, пріятеля своего за локоть такъ, что бѣдный Вермичелла чуть не взвизгнулъ.

Пужбольскій хотѣлъ отвѣтить чѣмъ-нибудь „колкимъ“, но не нашелъ, какъ всегда это бывало съ нимъ въ такихъ случаяхъ, слегка смутился и только сдвинулъ нервнымъ движеніемъ свою пуховую шляпу съ затылка на самые глаза.

— *Tempo*, *capitano Fracassa*, ben arrivati da Roma! прохрипѣлъ надъ самою головой его проходившій мимо газетчикъ.

Онъ вздрогнулъ нервно отъ этого голоса, сердито обернулся,—но тутъ же, сунувъ два пальца въ карманъ жилета, вытащилъ оттуда десять centesimi и протянулъ ихъ продавцу.

— Второй день не знаю, что творится въ мірѣ, проговорилъ онъ, въ видѣ объясненія, ни къ кому не обращаясь особенно:—что говоритъ телеграфъ?

Онъ развернулъ нумеръ *Tempo*, нагнулся къ столику, на которомъ горѣла свѣча въ стекляннномъ колпакѣ въ видѣ тюльпана... и вдругъ вскрикнулъ.

— Qu'est ce qu'il y a? вскрикнула въ свою очередь испуганно графиня.

— Мезенцовъ убитъ! едва имѣлъ онъ силу выговорить...

— Seigneur mon Dieu!...

Всѣ головы кругомъ невольнымъ движеніемъ словно притянуло къ нему, какъ вѣтромъ колосья на нивѣ; всѣ они теперь были блѣдны, какъ и онъ самъ. Только на красивомъ, но глупомъ лицѣ офицера Вермичеллы изображалось дѣтское недоумѣніе: „chè cosa (что такое)?“

— Какъ убитъ, что... Читайте, читайте текстъ! залепетали кругомъ словно чѣмъ-то сдавленные голоса.

Пужбольскій прочелъ, переводя по-французски и комментируя уже съ пылающими отъ негодованія глазами:

— En plein jour, au centre de la capitale!...

---

*) Подкузьмили надоѣдчика.

И, вспомнивъ вдругъ о томъ, что тутъ въ ихъ обществѣ и по сосѣдству сидѣли иностранцы, завизжалъ на своемъ фантастическомъ русскомъ языкѣ:

— И эти негодяишки, ces misérables, успѣли *скрываться*,— имъ позволили *скрываться, убѣгнуть*... Тутъ не было, видать, ни полиціи, никого... Это только у насъ, dans la chère matouchkà, возможны des choses pareilles!...

Быстрымъ и острымъ какъ молнія, никѣмъ не замѣченнымъ въ общей тревогѣ взглядомъ обмѣнялись г-жа Сусальцева и сидѣвшій за стуломъ графини „эмигрантъ“. „Это ваша братія сотворила?“ словно говорила она.—„А если-бъ и такъ!“ отвѣтили ей мгновенно сверкнувшіе глаза его.

— Какъ это ихъ тутъ же народъ въ клочки не разнесъ! воскликнулъ въ то же время Сусальцевъ, разводя своими огромными ручищами, словно самъ собираясь „разнести“ кого-то „въ клочья“.

Дипломатъ, скинувъ ногу съ колѣнки и выпустивъ монокль изъ глаза, потянулся машинально къ листку, лежавшему предъ Пужбольскимъ.

— C'est officiel? спросилъ онъ единственно по привычкѣ къ подобнымъ вопросамъ, самъ видимо сознавая, насколько это не имѣло смысла въ данномъ случаѣ.

— Да развѣ такія извѣстія могутъ *сочиниваться*, напустился на него князь по-русски опять,—и развѣ васъ удивляетъ, что у насъ, dans la cara patria, все, все, même ces choses incroyables, все возможно...

— Pauvre Мезенцовъ, я такъ хорошо его знала! жалостливо вздохнула графиня Драхенбергъ.

— Tué, mais pour quelle cause, за что убитъ онъ? заговорилъ маркизъ Каподимонте:—личное мщеніе, какъ вы полагаете?

— E chè! чисто итальянскими возгласомъ и движеніемъ плеча запальчиво возразилъ Пужбольскій, воззрясь въ спрашивавшаго, какъ будто намѣревался вцѣпиться ему въ глаза,— вы слышали, онъ былъ главный начальникъ русской политической полиціи...

— Елена Александровна, вотъ пріятная встрѣча! раздался

неожиданно въ эту минуту за спиной графини чей-то голосъ.

Она обернулась, поднявъ голову...

— Monseigneur! вскликнула она, поспѣшно вставая.

Дипломатъ вскочилъ со стула въ свою очередь. Остальное общество какъ бы невольно послѣдовало его примѣру. Одинъ Поспѣловъ, безсознательно поднявшійся вслѣдъ за другими, тутъ же, съ вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ, опустился снова на свое мѣсто,—но этотъ подвигъ гражданскаго мужества пропалъ безслѣдно: его никто не замѣтилъ.

— Мы никакъ не ожидали васъ такъ скоро, говорила тѣмъ временемъ графиня, горячо пожимая протянутую руку подошедшаго:—въ газетахъ говорилось, что вы должны быть сюда 20-го, по нашему 8-го то-есть.

— Газеты лгутъ всегда, извѣстно, засмѣялся онъ,—впрочемъ я самъ поспѣшилъ, хотѣлъ сюда скорѣе... Какъ хорошъ этотъ городъ, эта площадь! говорилъ онъ, обводя вокругъ себя восхищеннымъ взглядомъ. — Можно присѣсть къ вамъ? спросилъ онъ графиню, опускаясь на близъ стоявшій порожній стулъ.—Вы согласны, господа? обернулся онъ съ полуулыбкой къ двумъ сопровождавшимъ его пожилымъ людямъ.

— Графъ Тхоржинскій, *назвалъ* онъ ихъ молодой вдовѣ, указывая на высокаго, бодраго, съ румянымъ лицомъ и цѣлымъ лѣсомъ серебристо-сѣдыхъ волосъ старика, который сразу однимъ щегольствомъ поклона, отвѣшеннаго какъ-то одновременно всему сидѣвшему здѣсь обществу, отрекомендовалъ себя всѣмъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ: — генералъ Троекуровъ...

— Мы знакомы съ генераломъ, живо промолвила графиня, протягивая руку Троекурову и отвѣчая въ то же время любезною улыбкой устъ и глазъ на поклонъ сѣдаго графа.—Вы давно изъ Люцерна, или, можетъ быть, съ тѣхъ поръ гдѣ-нибудь еще были?.. Et votre charmante enfant, mademoiselle Marie, она не съ вами?

— Она поѣхала гулять въ гондолѣ съ одними знакомыми, коротко отвѣтилъ Троекуровъ, опускаясь на стулъ, насупротивъ Пужбольского, стараго своего знакомаго, которому мол-

ча протянулъ руку черезъ столъ. „Plus grinchu que jamais“. сказала себѣ молодая женщина, взглянувъ на его сморщенный лобъ и подтянутыя губы (онъ видимо не по своей охотѣ попалъ сюда).

— Съ цѣлымъ пансіономъ дочерей и племянницъ леди Динморъ, съ которымъ вотъ мы всѣ пріѣхали на одномъ поѣздѣ сегодня изъ Милана, прибавилъ веселымъ тономъ, кивнувъ на своихъ спутниковъ, тотъ, котораго графиня Драхенбергъ назвала „monseigneur“: — прелестнѣйшій молодой цвѣтникъ, въ которомъ дочь генерала стоитъ дѣйствительно первымъ нумеромъ.

— Elle est adorable! восторженно воскликнула графиня и, обернувшись тутъ же на *своихъ:*

— Monseigneur, permettez moi de vous présenter... Le prince Jean, молвила она скороговоркой, вспомнивъ во-время, что большая часть ея компаніи не знаетъ, кому намѣрена она ее представлять:— ma cousine Sousaltzef... née Bouinosof, поспѣшила она прибавить...

Князь Іоаннъ пристально взглянулъ на голубоокую барыню, которая, полувставъ на мигъ, медленно склоняла, въ отвѣтъ на его быстро учтивый поклонъ, свою прекрасную голову съ какою-то очень изящно выходившею въ своемъ ансамблѣ смѣсью почтительности, любезности и чего-то самоувѣреннаго и вызывающаго на улыбавшемся лицѣ.

— Не знаю, помните-ли вы меня, но я какъ теперь васъ вижу, сказалъ онъ ей, какъ бы желая этимъ дать присутствующимъ обращикъ той спеціальной памяти на лица, которою владѣютъ по большей части особы его положенія: — на балѣ въ англійскомъ посольствѣ, въ Петербургѣ, зимой 1874 года, вы были вся въ бѣломъ, съ гирляндой сирени на головѣ,—цвѣта нѣсколько болѣе лиловаго, чѣмъ въ природѣ, замѣтилъ онъ смѣясь,— и съ такими же букетами на платьѣ...

— А я могу вамъ сказать на это, немедленно возразила она,—что на этомъ же балѣ вы были въ вашемъ гусарскомъ мундирѣ, который я такъ люблю.

— Et qui semble créé pour monseigneur! ввернулъ тутъ

же съ какою-то особенною, чисто польскою ловкостью льстиваго тона графъ Тхоржинскій.

— Но съ тѣхъ поръ вы какъ-то исчезли изъ Петербурга? продолжалъ князь Іоаннъ, видимо любуясь „точенымъ обликомъ“ той, съ которою говорилъ.

Графиня Драхенбергъ не дала ей отвѣтить... Она ужасно радовалась успѣху *кузины* и сочла нужнымъ еще „подогрѣть“ его:

— Да, она съ тѣхъ поръ переселилась въ Парижъ, гдѣ всѣхъ съ ума сводитъ, отъ Мáкъ-Магона до Гамбетты, и совсѣмъ забыла о своемъ отечествѣ. Не правда-ли, monseigneur, ей непремѣнно надо вернуться, и теперь же, зимой, пріѣхать въ Петербургъ?...

Князь Іоаннъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ въ то же время радостно улыбавшаяся графиня встрѣтилась взглядомъ со странно раскрывшимися и такъ и упершимися въ нее глазами Прова Ефремовича Сусальцева, все еще стоявшаго въ ростъ у своего стула: „а меня, молъ, что же думаешь ты представить, или нѣтъ?“—и она заторопилась заговорить опять:

— Monsieur Сусальцевъ... мужъ моей кузины, произнесла она съ такимъ невольнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, какъ будто въ силу единственно этого его званія *мужа* она и находила нужнымъ его называть.

Провъ Ефремовичъ быстро, по-военному, прищелкнулъ каблуками вѣнскихъ своихъ ботинокъ, наклоняясь въ то же время всѣмъ корпусомъ впередъ, въ знакъ глубочайшаго своего почтенія,—но лицо его было темнѣе тучи: онъ понялъ этотъ оттѣнокъ графини и вскипѣлъ сердцемъ...

А она, какъ бы во избѣжаніе могущаго завязаться за этимъ разговора между „monseigneur“ и имъ, начала скорѣе представлять подъ рядъ всѣхъ остальныхъ сидѣвшихъ въ кружкѣ ея лицъ.

— Le marquis Capo di Monte, un grand ami à nous; monsieur Vermicella, officier de l'armée italienne...

Вермичелла вскочилъ, поднесъ правую руку къ своей расшитой золотымъ галуномъ и шнуромъ фуражкѣ и проговорилъ какъ на плацпарадѣ:

— Luogotenente dello quattordecesimo regimento... *).

Но графиня продолжала, не давъ ему договорить:

— Князь Пужбольскій...

— Старый знакомый! усмѣхнулся князь Іоаннъ. Вы поступили въ армію опять, я слышалъ, и ранены были? спросилъ онъ его.

— Поступилъ и раненъ былъ! пропищалъ фальцетомъ своимъ словно обиженно Пужбольскій.

Графиня слегка испуганно взглянула на него—и тотчасъ же отвернулась:

— Баронъ Кеммереръ...

— Здравствуйте, Кеммереръ! закивалъ ему князь Іоаннъ:— вы откуда теперь?

— Изъ Берлина...

— А! на конференціяхъ были?...

Тотъ только молча головой повелъ.

Оставался послѣдній въ кружкѣ, ближе всѣхъ сидѣвшій къ графинѣ, а слѣдовательно и къ высокому собесѣднику ея, „эмигрантъ“. Въ подвижныхъ чертахъ молодой вдовы на мигъ сказалось колебаніе: „представить и его, или нѣтъ?“... Но она тотчасъ же осилила себя и, взглянувъ на молодаго человѣка съ улыбкой, какъ бы говорившею ему: „ты ничего не бойся!“ храбро произнесла:

— Monsieur Поспѣловъ!...

Князь Іоаннъ чуть-чуть прищурился на незнакомое лицо— и любезно протянулъ ему руку...

Сусальцева глядѣла на нихъ во всѣ глаза. Поспѣловъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ — и съ какою-то иронически побѣдною улыбкой наклонился и пожалъ эту руку. Онъ потѣшался въ душѣ въ эту минуту...

Настало на мигъ молчаніе, которое тутъ же прервано было словами князя Іоанна:

— Вы сейчасъ, кажется, о чемъ-то очень горячо разсуждали, и я помѣшалъ вамъ продолжать?...

— Ахъ, мы дѣйствительно говорили о такомъ печальномъ

---

*) Поручикъ четырнадцатаго полка.

предметѣ, вскликнула графиня: — ce pauvre Мезенцовъ... вы знаете?...

— Знаю! отвѣтилъ онъ короткимъ кивкомъ, и лицо его потемнѣло.

— Вамъ извѣстны какія-нибудь подробности, monseigneur?

— Ровно никакихъ! живо возразилъ онъ: — узналъ сегодня изъ газетъ, какъ всѣ.

— Ужаснѣе всего, она понизила голосъ,—что это, кажется, политическое дѣло.

— Oh, on ne peut pas savoir, *то іеще не звѣстно*, счелъ нужнымъ перевести на ломаный русскій языкъ графъ Тхоржинскій, приподымая плечи.

Пужбольскій такъ и привскочилъ на своемъ стулѣ...

— C'est à dire qu'on ne peut pas en douter! визгнулъ онъ. И, вспомнивъ опять объ „иностранцахъ, сидящихъ тутъ", которыхъ онъ въ эту минуту отправлялъ мысленно къ чорту, продолжалъ по-русски:—но у насъ, кажется, не хотятъ *увидать* (то-есть *видѣть*), что̀ дѣлается, и закрываютъ глаза нарочно. Я, ровно мѣсяцъ назадъ, былъ въ Одессѣ, когда тамъ былъ этотъ судъ надъ нигилистами: Ковальскимъ et consorts... Я чуть не плакалъ de rage et de honte. C'était... Это былъ стыдъ изъ стыдовъ! Всѣ власти *растерявались*, les accusés плевали судьямъ въ лицо, à la lettre, les grots mots *летѣли* въ воздухѣ.. на улицѣ *стрѣливали* въ солдатъ...

— Я его смолоду знаю, промолвилъ улыбаясь князь Іоаннъ на ухо графинѣ Драхенбергъ:—все такъ же безъ толку горячится и нелѣпо говоритъ по-русски.

— Incorrigible! сказала она громко, смѣясь и покачивая головой на Пужбольскаго...

Проходившій подъ аркадами въ эту минуту высокій, здоровый, замѣчательно красивый человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, со смуглымъ лицомъ и чрезвычайно энергичнымъ, чтобы не сказать жестокосердымъ, выраженіемъ этого лица и черныхъ, съ какимъ-то красноватымъ отливомъ, глазъ, остановился на мигъ неподалеку отъ нашего общества, увидѣлъ князя Іоанна и быстро направился къ нему, приподнимая шляпу въ видѣ извиненія предъ находившимися тутъ дамами.

— Monseigneur, заговорилъ онъ на французскомъ языкѣ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, — я ѣздилъ сегодня въ Мурано *) и, только вернувшись сейчасъ, узналъ о вашемъ пріѣздѣ, былъ у васъ въ отелѣ — и меня направили сюда... Мнѣ такъ хотѣлось скорѣе увидать васъ...

— И мнѣ тоже, monseigneur, я очень радъ васъ видѣть, молвилъ князь Іоаннъ, вставая и пожимая протянутую его руку.

— Si vous vouliez faire un tour avec moi, сказалъ тотъ:— мнѣ многое хотѣлось бы вамъ сказать.

— Съ удовольствіемъ...

Они взялись подъ руку.

— Я сейчасъ вернусь, шепнулъ, проходя мимо Троекурова, князь Іоаннъ.

— Il duca di Madrid, don Carlos **), промолвилъ вполголоса Вермичелла, указывая кивкомъ на удалявшагося съ княземъ Іоанномъ смуглаго красавца,—oun (un) bien bel uomme (homme)!

Красавца впрочемъ почти всѣ присутствовавшіе уже знали въ лицо, встрѣчая каждый вечеръ подъ аркадами.

— Да, хорошъ! сказала какъ бы снисходительно г-жа Сусальцева.

— Звѣрски хорошъ! вскликнула графиня Драхенбергъ и чуть-чуть вздрогнула, вспомнивъ внезапно о своемъ „тигрѣ“.

— C'est le représentant des deux plus grands principes de la terre, громко и внушительно произнесъ графъ Тхоржинскій:—la religion et la légitimité.

— Un mauvais représentant! замѣтилъ на это усмѣхнувшись маркизъ Каподимонте.

— Это потому, что онъ *звѣрь*, un fauve, какъ говоритъ ma cousine Drachenberg? напустился на него вдругъ князь Пужбольскій,—а я говорю, что такихъ надо цѣнить въ наше дряблое время... А, Троекуровъ, правда? повернулъ онъ опять

*) Городокъ на островѣ, отстоящій на полчаса ѣзды на пароходѣ отъ Венеціи, главный центръ производства знаменитаго венеціанскаго стекла.

**) Извѣстный претендентъ на Испанскій престолъ; живетъ почти постоянно въ Венеціи.

на русскій языкъ: — я только и мечтаю видѣть *такихъ*, des fauves, у насъ во власти!

И, не ожидая отвѣта, продолжалъ, кипятясь все сильнѣе:

— Власть... власть, опирающаяся на... на населеніе, поймалъ онъ какъ бы на-лету слово,—въ восемдесятъ, — теперь даже можетъ быть во сто милліоновъ людей, со всѣми способами, орудіями въ рукахъ, — и дозволять *убить* своихъ fonctionnaires en plein jour, давать преступникамъ *скрыться*, не умѣть справиться avec une horde de chenapans, съ какими-то... козлами, которые смѣютъ думать, что они могутъ (онъ опять не находилъ слова,)... могутъ *пободать ее* своими скверными рогами!...

Графиня, Сусальцева, самъ Троекуровъ не могли не расхохотаться комизму этихъ словъ и произношенія, въ соединеніи съ тѣмъ гнѣвнымъ тономъ, которымъ произносились они.

— Э, все равно! весь покраснѣвъ, вскликнулъ Пужбольскій, махая рукой:—вы всѣ хорошо понимаете, что я хотѣлъ *говорить!*...

— Виноватъ, я не понялъ, выдвигаясь изъ-за стула графини Драхенбергъ, промолвилъ „эмигрантъ“, необычайно спокойнымъ, видимо разсчитаннымъ на эффектъ, тономъ.

Всѣ, дѣйствительно, обернулись на него взглядомъ.

— Что вы не *понимали*, что? яростно взвизгнулъ Пужбольскій.

— Вы сейчасъ сказали, что власть, опирающаяся на столько-то милліоновъ народа и имѣющая въ рукахъ всѣ средства дѣлать все, что ей вздумается, не можетъ справиться съ какими-то нѣсколькими „козлами“,—вы такъ, кажется, выразились? — которые бодаются вмѣсто того, чтобы послушно плясать по дудкѣ ея пастуховъ...

— Ну да, я *сказывалъ*... Я это сказалъ, поправился пламенный князь.

— Но „справиться-то“ съ „козлами“ все же эта власть желаетъ, надобно полагать? вопросительно промолвилъ Поспѣловъ.

— Ну, для чего вы это спрашиваете, что хотите вы доказывать? горячился тотъ:—résumez!...

— Если же она съ ними *не справляется*, продолжалъ невозмутимо молодой человѣкъ,—значитъ, *не можетъ* справиться.

— Какъ не можетъ!... Власть въ Россіи не можетъ!... Почему не можетъ? разъяренно лопоталъ Пужбольскій.

— Потому что органическая, *существенная* сила, которая могла бы пользоваться успѣшно тѣми матеріальными „орудіями“, какъ вы говорите, что̀ дѣйствительно находятся еще въ рукахъ этой власти, *отошла* уже, повидимому, отъ нея, объяснилъ Поспѣловъ, стараясь выражаться тѣмъ „приличнѣе“, чѣмъ несдержаннѣе были діалектическіе пріемы его возражателя, и угадывая какимъ-то инстинктомъ сочувствіе къ своимъ словамъ, сказывавшееся на лицѣ сидѣвшей къ нему спиной графини Драхенбергъ,—потому что сама она чувствуетъ себя несостоятельною со всѣхъ сторонъ.

— Милостивый государь, крикнулъ князь, судорожно вскинувъ голову, отчего шляпа очутилась у него опять на затылкѣ,—я васъ не знаю и... („и знать не хочу“, чуть не соскочило у него съ языка,) вижу только, что вы принад... *изволите принадлежать*, иронически поправился онъ,—къ такъ-называемымъ „новымъ людямъ“, которые не хотятъ знать ни исторіи, ни духа народности... и я съ вами дальше *дискютировать* отказываюсь. Я вамъ только могу *сказывать*, что вся Россія...

— Россія, ухватываясь за это слово, не далъ ему договорить эмигрантъ, и губы его сложились въ язвительную улыбку, — которую за всю кровь ея народа, пролитую на Балканахъ, наградили Берлинскимъ трактатомъ...

Пужбольскаго точно кто внезапно ведромъ холодной воды окатилъ. Онъ разомъ смолкъ, передернулъ еще разъ свою шляпу съ затылка на глаза и раскинулъ руками:

— Противъ этого я ничего не могу сказать!...

Графиня Драхенбергъ быстро обернулась со стуломъ своимъ прямо къ молодому человѣку, апплодируя ему кончиками пальцевъ:

— Браво, monsieur Поспѣловъ, разбитъ Пужбольскій, совсѣмъ разбитъ!...

Маркизъ Каподимонте, болѣзненно слѣдившій все время за выраженіемъ ея лица, весь поблѣднѣлъ теперь и, обращаясь къ Вермичеллѣ:

— Caro mio, прошепталъ онъ ему скороговоркой по-итальянски,—пойдемте прогуляться: вы видите, что у нихъ пошли тутъ какіе-то свои, домашніе разговоры...

Вермичелла растерянно и послушно поднялся за нимъ съ мѣста...

— Маркизъ, дайте мнѣ руку, вставая въ свою очередь, сказала г-жа Сусальцева (злой огонь пробѣгалъ въ ея аквамариновыхъ глазахъ),—я пройтись хочу.

Мужъ ея, покусывая стриженые усы свои, угрюмо повелъ взглядомъ во слѣдъ уходившимъ и тотчасъ же отвернулся. Онъ остался „слушать".

— Позвольте однако, заговорилъ какъ рыба молчавшій до сихъ поръ баронъ Кеммереръ, заговорилъ, словно камни ворочалъ, ни на кого не глядя, а прищурившись правымъ глазомъ на кончикъ ботинки, вскинутой имъ опять на колѣно ноги своей, какъ будто искалъ въ ней мотивовъ для своей аргументаціи,—эти жалобы на Берлинскій трактатъ... которыя мнѣ не разъ уже приходилось слышать... и читать въ *патріотической... московской*, разумѣется, печати, подчеркнулъ онъ ироническимъ тономъ,—мнѣ кажутся не совсѣмъ основательными... Не могъ же въ самомъ дѣлѣ ареопагъ Европы, собравшійся въ Берлинѣ, пропустить... une chose aussi absurde, entre nous, договорилъ дипломатъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ внимавшихъ ему и сообразивъ, что „*можно* говорить", такъ какъ оставалась одна „русская семья",—aussi absurde que le traité de San-Stefano!...

— Да какое намъ дѣло до Европы, до вашего „ареопага"! На что̀ намъ было въ Берлинъ итти! завопилъ на это еще бѣшенѣе прежняго князь Пужбольскій;—тутъ не какія-то ваши политическія комбинаціи... тутъ шелъ вопросъ о вѣковой задачѣ Россіи... Въ Константинополѣ, подъ звонъ колоколовъ святой Софіи должны мы были *рѣшать* его...

Баронъ Кеммереръ, лѣниво усмѣхаясь, качнулъ головой съ пренебрежительнымъ видомъ человѣка, посвященнаго въ

высшія тайны, которому приходится объяснять азбуку мало-лѣтнимъ:

— Надо было avant tout войти туда, уронилъ онъ словно съ высоты башни.

— Pardieu! вздернулъ только плечами Пужбольскій.

— И какъ же это: безъ пушекъ, безъ обоза, чуть не безъ сапогъ, съ Австріей на флангѣ и англійскимъ флотомъ въ Галлиполи?

Пужбольскій ударилъ всею ладонью по мрамору столика, стоявшаго предъ нимъ:

— И ничего, ничего бы не помѣшало!.. Я былъ тамъ самъ, слышалъ, *глядѣлъ*... Des mirages, которые сейчасъ бы *разсѣевались*, какъ только *начальство* поняло бы то, что̀ понималъ каждый маленькій офицеръ, каждый солдатъ... русской душой своей понималъ. Не обозы, не „сапоги“ рѣшаютъ дѣло въ такихъ случаяхъ, а духъ войска, духъ страны, которая *поставляетъ* его подъ ружье!.. За всю ту кровь, онъ кивнулъ на Поспѣлова,—„которая была пролита“ на этой великодушной войнѣ „за идею“, мы *должны*, comprenez vous, *должны* были planter nos aigles, нашего *двуглаваго*, sur les murs de Byzance и „ударить въ колоколъ въ Царь-Градѣ“, какъ сказалъ admirablement pauvre feu Тютчевъ!..

Баронъ, сунувъ монокль свой подъ правую бровь, повелъ на горячившагося „оригинала“ тоскливо скучающимъ взглядомъ: какая, молъ, обуза объясняться съ профанами!

— И къ чему-жь бы это повело? спросилъ онъ сквозь зубы, ожидая какого-нибудь новаго, „нелѣпаго отвѣта, quelque réponse saugrenue“, какъ выражался онъ мысленно.

Генералъ Троекуровъ, безмолвно, съ нервно-помаргивавшими глазами прислушивавшійся все время какъ бы разсѣянно къ этимъ спорамъ, поднялся въ эту минуту со стула, собираясь итти навстрѣчу завидѣнной имъ издали цѣлой группѣ дамъ, переходившей площадь со стороны *Новыхъ Прокураторій*,— и, предупреждая чаемый дипломатомъ отвѣтъ Пужбольскаго:

— Прежде всего, сказалъ онъ, пріостанавливаясь на-ходу на мигъ,—къ тому бы „повело“, что не было бы поводовъ къ

тѣмъ *выводамъ*, которые мы имѣли случай слышать сейчасъ въ разговорѣ (глаза его медлительно скользнули по лицу поднявшаго голову слушать его эмигранта), ни къ тѣмъ фактамъ, состоящимъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ, обращикъ которыхъ вы могли видѣть въ сегодняшней телеграммѣ изъ Петербурга.

И онъ прошелъ мимо.

— Oui, ils sont jolis les факты: оправданіе *Въ рочки* et le reste! крикнулъ ему вслѣдъ одобрительнымъ возгласомъ Пужбольскій... Онъ повелъ кругомъ себя торжествующимъ взглядомъ. Сказанное Троекуровымъ, въ его понятіи, „резюмировало всю сущность пренія и разрѣшало его“... И всѣ, очевидно, говорилъ онъ себѣ, поняли это точно такъ же, какъ онъ, Пужбольскій: баронъ, опустивъ голову, словно разжевывалъ новую и не легко дававшуюся пониманію его мысль; Сусальцевъ утвердительно покачивалъ головой; графиня Драхенбергъ недоумѣло вопрошала глазами молодаго — „новаго“, какъ назвалъ его тотъ же Пужбольскій, человѣка, которому она только-что апплодировала; „новый человѣкъ“ въ свою очередь морщился и кусалъ губы, видимо чѣмъ-то недовольный... Одинъ графъ Тхоржинскій, сидѣвшій въ полутѣни позади дипломата, какъ-то странно улыбался, показалось нашему князю...

— Ахъ, папа, какое волшебство эта Венеція! раздался за нимъ въ это время звучный молодой голосъ.

Онъ живо обернулся...

Ухватившись обѣими руками за руку Троекурова, скользила беззвучно и гибко по плитамъ площади, словно ласточка надъ прудомъ, прелестная бѣлокурая дѣвушка, направляясь къ аркадамъ, въ обществѣ пяти или шести такихъ же юныхъ и цвѣтущихъ существъ, какъ она сама: Это былъ „цвѣтникъ“ леди Динморъ, возвращавшійся подъ водительствомъ самой маменьки, высокой, внушительнаго вида и красноносой дамы, какъ подобаетъ быть англійской peeress, съ ночной прогулки въ гондолѣ, въ занимаемые имъ покои въ *Hôtel San-Marco*, помѣщающемся въ томъ же зданіи *Старыхъ Прокураторій*.

— Здравствуйте, моя прелестная! остановила дѣвушку на проходѣ, поймавъ ее за руку, графиня.

— Ахъ, извините, я васъ не видѣла, вскликнула та, отрываясь отъ руки отца и оборачиваясь всѣмъ сіяющимъ лицомъ своимъ къ молодой вдовѣ,—здравствуйте... или, вѣрнѣе, добрый вечеръ!.. Мы сейчасъ въ гондолѣ до самаго Лидо доѣхали и назадъ. И такая прелесть эта Венеція, это море!..

— Good night, Mary dear, sleep well! залепетали въ то же время прощавшіяся съ нею молодыя дѣвицы, пока Троекуровъ учтиво раскланивался, благодаря леди Динморъ за дочь.

— O, she's charming, она очаровательна, и такъ хорошо говоритъ по-англійски! восклицала та въ отвѣтъ:— надѣюсь, что мы завтра соберемся опять вмѣстѣ на экскурсію куда-нибудь...

— Непремѣнно, непремѣнно!..

Послѣдовали рукожатія, поцѣлуи, смѣхъ, обмѣнъ какихъ-то раковинъ, найденныхъ въ компаніи на прибоѣ волнъ въ Лидо...

— Посидите немножко съ нами, говорила графиня, когда „Мару" осталась одна съ отцомъ.

— Поздно, она устала, отвѣтилъ Троекуровъ, взявъ опять дочь подъ руку.

— Вы ужь домой собираетесь? раздался за ними голосъ князя Іоанна: — я предлагаю отвезти васъ въ моей гондолѣ, мы съ вами въ одномъ отелѣ.

Съ княземъ подъ руку шла г-жа Сусальцева, маневрировавшая предъ тѣмъ такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ подъ аркадами въ ту именно минуту, „quand il en aura assez разговора своего съ донъ-Карлосомъ". Въ разсчетѣ она не ошиблась, и достигнутый ею новый „успѣхъ" сказывался въ улыбкѣ, чуть игравшей на ея холодныхъ чертахъ.

— Всѣмъ пора домой, впрочемъ, двѣнадцать бьетъ.

И графиня Драхенбергъ внезапно поднялась съ мѣста. — Маркизъ исчезъ? проговорила она какъ бы озадаченно про себя, оглядываясь кругомъ.

— Вы гдѣ стоите? спросилъ ее князь Іоаннъ.

— Вотъ съ нею, указала графиня на „кузину",— у того же Даніелли, два шага отсюда.

— Такъ мы васъ проводимъ... Вы знакомы съ Маріей Борисовной? обернулся онъ къ своей дамѣ, указывая смѣющимися глазами на дѣвушку.

— Mais certainement! поспѣшно вымолвила Сусальцева, протягивая ей руку,—а съ генераломъ и давно, добавила она капризно „милымъ“ тономъ,— но онъ меня никогда узнавать не хочетъ.

— Вы ошибаетесь, и Троекуровъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ:—не узнавать васъ нельзя, проговорилъ онъ загадочно, между тѣмъ какъ мгновенно похолодѣвшіе пальцы его дочери едва ощутительно сжимали лиловую перчатку красивой барыни.

— Вы видите, сказалъ Сусальцевой смѣясь князь Іоаннъ,— какъ умѣли быть любезно находчивы люди прошлаго поколѣнія... Итакъ въ путь, mesdames et messieurs!.. Графъ Тхоржинскій, я надѣюсь еще увидѣть васъ какъ-нибудь въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые разсчитываю провести здѣсь?

— Sans faute, monseigneur! отвѣтилъ тотъ, низко кланяясь.

— Вы остаетесь только три дня здѣсь? словно воркнула г-жа Сусальцева подъ ухомъ князя Іоанна.

— Увы, *только!* весело подчеркнулъ онъ.

— А отсюда куда?

— Во Флоренцію думаю.

— Ахъ, какъ это хорошо! уже громко вскликнула она:— и я туда же сбираюсь.

„Безъ меня что-ль?“ чуть не крикнулъ ей мужъ, за отсутствіемъ друга своего Вермичеллы, видѣвшій себя теперь такимъ же одинокимъ и покинутымъ среди всей этой компаніи, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ. И какая-то злая волна нахлестнула и сдавила ему грудь....

— Passez, monseigneur! говорила между тѣмъ графиня князю Іоанну, приглашая его движеніемъ руки пройти впередъ со своею дамой и, пропустивъ за ними Троекуровыхъ, отца и дочь:—Баронъ, вашу руку! обернулась она къ Кемереру.

Пары двинулись.

Пужбольскій побѣжалъ solo за ними.

— До свиданія, monsieur Поспѣловъ, сказала, пріостанавливаясь на мигъ, молодая вдова сурово глядѣвшему на нее, показалось ей, эмигранту (онъ стоялъ недвижно, ухватясь рукой за спинку стула, съ котораго только-что поднялась она), и голосъ ея зазвучалъ для него какою-то неотразимою ласковостью,—я васъ жду завтра, не правда-ли?.. Къ завтраку, въ половинѣ одиннадцатаго, добавила она уже шопотомъ, уходя подъ руку съ Кеммереромъ.

Онъ чуть-чуть качнулъ головой въ отвѣтъ, опустился снова на стулъ и вытащилъ изъ кармана пачку дрезденскихъ папиросъ Лаферма.

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ повелъ на него неопредѣленнымъ взглядомъ. „Не пригласить-ли этого, чортъ его знаетъ, кто онъ такой, выпить бутылочку холодненькаго?“ проносилось у него въ головѣ... Будь тутъ Вермичелла, онъ съ нимъ теперь и не одну бы выпилъ... Ну, а съ этимъ, „нѣтъ, не приходится!..“ „И куда этотъ дьяволъ Итальянецъ дѣвался?“ спрашивалъ онъ себя, морщась и озираясь кругомъ:—„поди, ревнуетъ тоже!“ пропустилъ онъ, хихикнувъ, сквозь судорожно заскрипѣвшіе вдругъ зубы.

И какъ-то разомъ, вскинувшись весь, Провъ Ефремовичъ зашагалъ своею подрагивающею походкой въ догонку удалявшихся паръ по направленію Піацетты.

VII.

И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя, змѣя!...
Пушкинъ. (*Борисъ Годуновъ.*)

— Желаете ѳгня? спросилъ Поспѣлова чей-то голосъ.

Онъ поднялъ глаза.

Графъ Тхоржинскій, оставшійся теперь одинъ съ нимъ, протягивалъ ему съ любезною улыбкой на красивомъ старческомъ лицѣ зажженную восковую спичку.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, наклоняясь къ огню со своею папироской въ губахъ.

— Вы очень спорите пріятно, я съ большимъ удовольствіемъ *слухалъ*, проговорилъ тотъ, глядя на него смѣющимися глазами, — чего не мѳгу сказать про тѣхъ, кто вамъ оппонирѳвалъ, прибавилъ онъ уже нѣсколько презрительно.

— Да, съ невольнымъ самодовольствомъ сказалъ Поспѣловъ,—этотъ споривший со мною... князь, чтѳ-ли?... путаный какой-то... И тотъ, генералъ...

— А такъ, такъ!... Баламуты *москевской* школы.

— Вы полагаете—славянофилы?

— А такъ... *Патріоты россійски, зъ ихъ* словъ видно—все *іеще* въ силу кнута *вѣрютъ*.

Поспѣловъ нѣсколько недоумѣло глянулъ ему въ лицо.

— А вы-жь *слухѳли*, объяснилъ веселымъ тономъ Тхоржинскій,—о *власти* Россійскаго правитѳльства, „о-пи-ра-ющейся“, протянулъ графъ старательно и трудно выговаривая

слоги,—на 80 и даже на 100 милліоновъ жителей, и что она власть, можетъ всѣ затрудненія, въ которыхъ теперь *находится*, кончать попрежнему палкой.

Эмигрантъ презрительно приподнялъ плечи.

— Да, это старье изъ аристократовъ тѣшится и по сейчасъ еще подобными иллюзіями... Вы впрочемъ сами, спохватился онъ, какъ бы слегка извиняясь, — сами, кажется, *титулованный*...

Тхоржинскій уже громко засмѣялся.

— Я человѣкъ Европы, европейскій человѣкъ, и съ той стороны, vom andern Ufer, смотрю на Россію, а чрезъ то-жь само очень мнѣ такъ понравилось слово, что вы сказали: „не-со-стоя-тельность", отчеканилъ онъ опять, напирая съ особеннымъ тщаніемъ на букву *о* и понижая голосъ: — *Забіеніе* генерала Мезенцова доказываетъ дѣйствительно большую „несостоятельность" со стороны Россійскаго правительства, какъ ни объяснять его будемъ, добавилъ онъ.

— А вы какъ его объясняете? съ любопытствомъ спросилъ Поспѣловъ.

— А я-жь *ницъ не вѣмъ*... я ничего не знаю, поспѣшно поправился тотъ, вскидывая вверхъ плечами, — я только, что въ газетахъ писано, то я и знаю... Какъ и *вы*, я думаю?

И живые глаза его такъ и впились въ лицо молодаго человѣка.

— Какъ и я, сказалъ тотъ съ небрежною улыбкой.

— Un fait bien regrettable en tout cas! началъ опять Тхоржинскій.—Вы будьте такъ *ласкавы* позволить мнѣ говорить по-французски? какъ бы извинился онъ:—я хотя и россійскій подданый есмь, хихикнулъ онъ слегка, — *але* все-жь на вашемъ языкѣ не могу объясняться свободно.

— Сдѣлайте милость, я говорю по-французски...

Разговоръ продолжался на этомъ языкѣ, на которомъ польскій графъ выражался съ замѣтною изысканностью и щеголеватостью нѣсколько стародавняго салоннаго пошиба.

— Прискорбный фактъ во всякомъ случаѣ! повторилъ онъ, покачивая головой съ озабоченнымъ видомъ.

— Которому вы извиненія не находите? съ прорывавшеюся въ голосѣ раздражительностью спросилъ эмигрантъ.

Собесѣдникъ его пожалъ плечами:

— Я человѣкъ старыхъ традицій и не могу допустить, чтобы дозволено было самопроизвольно убивать на улицѣ беззащитныхъ людей, каковъ бы ни былъ приводимъ къ тому мотивъ.

Онъ пріостановился на мигъ, раскурилъ сигару и продолжалъ, пріискивая и отчеканивая слова, будто говорилъ съ каѳедры:

— Но я, съ другой стороны, знакомъ съ исторіей и знаю, что бываютъ эпохи... *несчастныя* эпохи (онъ даже вздохнулъ), когда роковая сила обстоятельствъ выбиваетъ, такъ сказать, цѣлыя поколѣнія изъ колей нравственнаго разумѣнія, почерпаемаго нами въ христіанскомъ ученіи. Это почти исключительно тѣ эпохи, когда деспотизмъ властителей достигаетъ точки, гдѣ народы—въ лучшихъ ихъ представителяхъ по крайней мѣрѣ—не въ состояніи болѣе переносить его. Возмущеніе Спартака въ древнемъ Римѣ, *гёзы* при герцогѣ Альбѣ, *флибустьеры* *) въ XVII вѣкѣ, греческіе *клефты* и множество тому подобныхъ примѣровъ,—все это въ разныя времена является все тѣмъ же живымъ протестомъ *лучшихъ людей* того или другаго народа противъ тиранніи...

— Ну конечно, само собою! закивалъ утвердительно Поспѣловъ, очень обрадовавшись этому подбору историческихъ фактовъ, о которыхъ никогда не приходилось ему слышать въ „революціонныхъ дебатахъ“ его *партіи*.

— При этомъ, къ сожалѣнію, тѣмъ же какъ бы проповѣдническимъ тономъ говорилъ графъ Тхоржинскій, — развивается почти всегда не въ мѣру фанатизмъ *идеи*, доходящій до попранія всего, что до тѣхъ поръ почиталось людьми святымъ, и заставляющій иногда лицъ самыхъ благородныхъ,

---

*) Извѣстные пираты въ Антильскихъ моряхъ, потомки *буканіеровъ* острова Сан-Доминго, торговля которыхъ уничтожена была Испанцами. Флибустьеры потомственно мстили этимъ исконнымъ врагамъ своимъ, разоряя ихъ колоніи, грабя и сожигая ихъ торговыя суда, а нерѣдко и самые города (Панаму и др.).

самыхъ великодушныхъ по природѣ прибѣгать къ средствамъ, не только не гуманнымъ, но и нерѣдко совсѣмъ безчеловѣчнымъ.

— Средства эти вызываются крайнею необходимостью, возразилъ молодой человѣкъ,—и винить въ нихъ слѣдуетъ не тѣхъ, кто принуждены ими пользоваться, а тотъ порядокъ вещей, который заставляетъ прибѣгать къ нимъ.

Красивый старецъ загадочно усмѣхнулся на эту фантастическую аргументацію:

— Конечно, протянулъ онъ,—но для меня остается еще весьма сомнительнымъ... Не знаю, какъ для васъ, — и онъ пытливо вскинулъ глаза на Поспѣлова:—назрѣлъ-ли протестъ противъ существующаго въ Россіи порядка настолько, чтобы въ этомъ фактѣ, съ котораго начали мы нашъ разговоръ (онъ кивнулъ подбородкомъ на листокъ газеты, оставленный Пужбольскимъ на столѣ), можно было дѣйствительно видѣть дѣло народной, или, вѣрнѣе выражаясь, общественной Немезиды...

Эмигрантъ не далъ ему договорить:

— Оправданіе Вѣры Засуличъ судомъ присяжныхъ, горячо вскликнулъ онъ, — доказало, кажется, достаточно ясно, какъ относится русское общество къ людямъ, жертвующимъ собою для освобожденія его отъ деспотизма автократіи, а слѣдовательно и чего оно само желаетъ.

Графъ Тхоржинскій утвердительно кивнулъ:

— Такъ было понято и въ Европѣ — *невѣроятное*, надо сказать, по тамошнимъ понятіямъ — оправданіе этой русской Charlotte Corday, какъ назвалъ ее, кажется, Рошфоръ; но при этомъ однако...

Поспѣловъ перебилъ его еще разъ:

— Высшіе сановники правительства, публично, изо всѣхъ силъ апплодировали вмѣстѣ съ прочими, когда присяжные вынесли свой приговоръ; чего вамъ еще больше!

— Знаю, какимъ-то ехиднымъ смѣхомъ засмѣялся Тхоржинскій, — царедворцы Людовика XVI тоже апплодировали первымъ революціоннымъ рѣчамъ въ Jeu de paume... Вы знаете латинское изрѣченіе: Quem vult perdere dementat, тѣхъ Богъ ослѣпляетъ, кого хочетъ погубить; въ исторіи опять

найдемъ мы не мало такихъ примѣровъ: правительства стремятся быть либеральнѣе, чѣмъ этого желаютъ сами ихъ народы, и этимъ готовятъ себѣ пропасть... Не то-ли, быть можетъ, происходитъ теперь и въ Россіи,—я не знаю (онъ приподнялъ плечи и еще разъ вопросительно взглянулъ на молодаго человѣка)... Въ Петербургѣ, дѣйствительно, и общество, и правительственныя сферы настроены, повидимому, весьма либерально; но въ Москвѣ — она вѣдь до сихъ поръ почитается *сердцемъ Россіи*, подчеркнулъ насмѣшливо графъ,—въ ея печати высказывается, кажется, противъ этого весьма сильная оппозиція?...

Поспѣловъ гнѣвнымъ движеніемъ швырнулъ на площадь окурокъ своей папироски.

— Какой же порядочный человѣкъ обращаетъ вниманіе на то, что̀ говоритъ и печатаетъ это московское мракобѣсіе!...

Польскій графъ какъ бы недовѣрчиво повелъ плечомъ.

— Они однако опираются на сочувствіе массъ... не интелигентныхъ массъ, конечно, прибавилъ онъ какъ бы въ утѣшеніе своего слушателя.

— У насъ эти массы—дубье, безыдейная толпа, не знающая, чего ей нужно и куда ей переть своею тупою головой! отозвался желчно молодой человѣкъ съ какимъ-то, казалось, особеннымъ, личнымъ раздраженіемъ противъ этой „безыдейной толпы.“

— А-а! протянулъ словно удивленно тотъ, — но, сколько мнѣ извѣстно, интеллигентная молодежь въ Россіи въ своихъ освободительныхъ попыткахъ имѣла до сихъ поръ въ виду исключительно эти массы и ихъ экономическое благополучіе, другими словами, переворотъ на началахъ соціализма. Развѣ это перемѣнилось въ послѣднее время, и *движеніе*, протянулъ онъ,—задалось другими цѣлями?

Этотъ прямой, категорически поставленный ему вопросъ смутилъ въ первую минуту нашего эмигранта. Онъ не желалъ,—да и „не могъ бы“ въ сущности, уколола его пронесшаяся при этомъ у него мысль,—отвѣчать на него положительно.

— Я этого не знаю! вырвалось у него досадливо.

Графъ Тхоржинскій прищурился, сбросилъ ногтемъ мизинца пепелъ своей сигары и, набравшись дыму, пустилъ его вверхъ тонкою струей...

— Вы были въ Вѣнѣ? уронилъ онъ лѣниво, съ видомъ человѣка, спрашивающаго о чемъ-то первомъ попавшемся, чтобы спросить что-нибудь, и нисколько не интересующагося имѣющимъ послѣдовать отвѣтомъ.

Но эмигрантъ какъ-то мгновенно почуялъ, что вопросъ имѣлъ значеніе и цѣль.

— Бывалъ, неопредѣленно отвѣтилъ онъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица своего собесѣдника.

Но лицо это ровно ничего не говорило ему: оно куда-то глядѣло вверхъ по направленію церкви Святаго Марка...

— Давно? услышалъ онъ новый вопросъ.

— Н-нѣтъ, не очень...

— Не знаете-ли вы тамъ, спросилъ чрезъ мигъ все тѣмъ же лѣнивымъ тономъ графъ,—одного молодаго человѣка... по фамиліи (онъ какъ будто старался ее припомнить)... Зюдервейнъ, кажется?

— Арончикъ... чуть не вырвалось у того, — Ааронъ Зюдервейнъ? спросилъ онъ громко.

— Его зовутъ „Ааронъ?“ Я не зналъ... Онъ дѣйствительно по типу Еврей, но совершенно Русскій по языку, показалось мнѣ... и по способности увлекаться, добавилъ красивый старецъ съ улыбкой.

— Я тамъ тоже Квицинскаго знаю, проговорилъ вдругъ смѣло Поспѣловъ, какимъ-то внезапнымъ, внутреннимъ откровеніемъ почуявшій вдругъ опять и готовый теперь побожиться въ томъ, что говорившій съ нимъ зналъ „всю подноготную“ не только объ „Арончикѣ“ и Квицинскомъ (носившемъ въ *партіи* кличку „Полячка“), но и о немъ самомъ, Поспѣловѣ, и о такихъ лицахъ, принадлежащихъ къ *партіи*, о которыхъ самъ Поспѣловъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія.

— Квицинскаго, равнодушнымъ тономъ повторялъ между тѣмъ графъ,—нѣтъ, я не знаю такого („ты врешь, навѣрное врешь!“ пронеслось тутъ же въ головѣ эмигранта)... А съ господиномъ Зюдервейномъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться

у одного моего вѣнскаго знакомаго: онъ показался мнѣ очень способнымъ... хотя и съ слишкомъ горячею головой... Это вообще недостатокъ, сколько я могъ замѣтить, нынѣшняго молодаго поколѣнія.

— Вы находите? пробормоталъ Поспѣловъ, не отрываясь отъ него любопытствующимъ и нѣсколько тревожнымъ взглядомъ.

Графъ Тхоржинскій принялся смѣяться какимъ-то тихимъ и чрезвычайно благодушнымъ смѣхомъ.

— Я питаю нѣкоторую слабость къ молодежи, признаюсь вамъ. Человѣкъ я одинокій, старый, давно простился съ волненіями свѣта и, „забывъ его, забытый и имъ“, по выраженію Горація, — oblitusque eorum, obliviscendus et illis, проскандировалъ онъ даже съ видимымъ самоуслажденіемъ, — живу себѣ въ сторонѣ, ни во что не вмѣшиваясь и слѣдя издали за тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ, въ родѣ стараго моряка, знаете, давно отказавшагося отъ плаваній, но котораго все тянетъ на берегъ глядѣть на эволюціи проходящихъ мимо кораблей. Изъ любопытства живу, можно сказать, — время теперь такое интересное... Das alte stürzt, какъ сказалъ Шиллеръ,

es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus den Ruinen, *)

и вотъ эта именно молодая жизнь, побѣдно проростающая сквозь разваливающееся старое, имѣетъ для меня, старика, неотразимую притягательность. Я предпочитаю общество молодежи всякому другому... и даже, скажу съ гордостью, имѣлъ случай замѣтить, что не всегда наскучаю ей моимъ... И знаете, что я вамъ скажу, примолвилъ онъ полушопотомъ, словно собираясь сообщить какую-то тайну,— болѣе всѣхъ нравится мнѣ нынѣшняя русская молодежь...

Онъ поглядѣлъ на своего собесѣдника, словно ожидая отъ него выраженія благодарности за проговоренное имъ, но тотъ не нашелъ ничего сказать на это, и графъ Тхоржинскій началъ опять:

*) *Vilhelm Tell.*

— Ее окрестили, да и сама она, кажется, гордится этимъ прозвищемъ, „нигилисткою“, а между тѣмъ я не знаю натуръ, болѣе безкорыстно, болѣе самоотверженно идеальныхъ въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ эти русскіе *нигилисты*... Оттого мнѣ ихъ такъ и жаль! совершенно нежданно для Поспѣлова заключилъ онъ.

— Чѣмъ же заслужили они это ваше сожалѣніе? нѣсколько обиженно спросилъ тотъ.

Графъ Тхоржинскій вздохнулъ опять:

— Потому, что знамя, подъ которымъ шли они до сихъ поръ, должно привести лишь къ полному краху надеждъ ихъ вообще и къ гибели каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

— „Знамя“, то-есть, что̀ вы подъ этимъ понимаете?

— Соціальный переворотъ à tout prix и немедленно.

— Наша молодежь не можетъ отказаться отъ принциповъ, которые восприняла она себѣ въ плоть и кровь! съ горячимъ эмфазомъ въ голосѣ протестовалъ Поспѣловъ.

— Для чего же „отказываться!“ возразилъ графъ медлительнымъ тономъ и снисходительно улыбаясь,—sed est modus in rebus, вы знаете; крѣпости не всегда штурмомъ берутся, ихъ можно и обойти, и обложить: результатъ выходитъ тотъ же, но вы войско свое сберегли... А иллюзій мы себѣ дѣлать не будемъ, во̀йска-то *у васъ* не много!...

И такъ вѣско и увѣренно произнесены были эти слова, что молодой человѣкъ остался безгласенъ. Его даже будто и не удивило совсѣмъ, что этотъ совсѣмъ невѣдомый ему старикъ послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора прямо уже говорилъ ему „*вы*“, разумѣя подъ этимъ „войско *нигилистовъ*“.

— *Ваша* дѣятельность, все также говорилъ графъ между тѣмъ,—обречена на безплодіе, пока вы остаетесь изолированною группой мечтателей-теориковъ, сѣющею какіе-то умозрительныя сѣмена на пользу какого-то стада тупоголовыхъ—вы сейчасъ сами, кажется, выразились такъ?—и неумѣвшею или пренебрегавшею до сихъ поръ намѣтить себѣ ту ближайшую цѣль, достиженіе которой могло бы единственно обезпечить успѣхъ вашихъ же плановъ соціальнаго преобразованія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

— Ну да, знаю, промолвилъ свысока Поспѣловъ,—парламентаризмъ, говорильню, гдѣ засѣдали бы всякіе разжирѣвшіе буржуа, плутократы и адвокаты-либералы на розовой водѣ!...

— Начала представительное и федеративное, строго и внушительно выговорилъ тотъ,—при которыхъ всѣ различныя народности, входящія въ составъ Россіи, получили бы право свободно развиваться согласно своимъ особеннымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, каждая отдѣльная личность нашла бы для себя недостающія ей теперь гарантіи неприкосновенности индивидуальной и имущественной, а *вы*, благодаря полной свободѣ печати и ассоціацій, сопряженной съ такимъ порядкомъ вещей, возможность безпрепятственно, не боясь жандармовъ, распространять ваше ученіе и устною и печатною проповѣдью... во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ вашей страны, гдѣ оказались бы люди расположенными принять его...

Что-то какъ бы невольно презрительное послышалось эмигранту въ этихъ послѣднихъ словахъ, но онъ не успѣлъ на этомъ остановиться...

— Вотъ что̀ слѣдовало написать на вашемъ знамени, и тогда вы увлекли бы за собою, такъ мнѣ это по крайней мѣрѣ кажется, со стороны глядя, невиннымъ тономъ вставилъ Тхоржинскій,—не однихъ такихъ же, какъ вы сами, молодыхъ идеалистовъ... Вы могли бы стать тогда дѣйствительно боевою силой прогрессивнаго движенія въ Россіи; ея апатичная интеллигенція, видя въ васъ истинныхъ представителей своихъ политическихъ стремленій, должна была бы, volens nolens, оказать вамъ активную поддержку, между тѣмъ какъ теперь... (онъ приподнялъ плечи), ибо вы не должны обольщать себя, скажу вамъ откровенно, относительно рукоплесканій оправданію Засуличъ, ни тѣхъ, которыя, можетъ быть, раздадутся, и тому, что̀ было совершено вчера въ Петербургѣ. Русское правительство, какъ вы прекрасно сказали, оказывается теперь *не-со-сто-ятельно*, проговорилъ онъ по-русски, расчленяя слоги опять,—и всѣ рады, когда это тѣмъ или другимъ образомъ доказывается ему лишній разъ; но сочувствій къ *вашей* собственно программѣ едва-ли насчитаете вы

много и въ самой Россіи, а тѣмъ паче въ инородныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ она, краяхъ, подвластныхъ ея державѣ... А это, кажется мнѣ, могло бы быть *совсѣмъ, совсѣмъ иначе*, съ какою-то намѣренною тягучестью въ тонѣ и словно въ résumé всего выше имъ сказаннаго протянулъ польскій графъ, затягиваясь снова во всю грудь,—если бы *вы захотѣли* быть болѣе практичными!...

Поспѣловъ молчалъ... Онъ чувствовалъ, что весь разговоръ этотъ былъ начатъ не даромъ, что въ немъ заключались какія-то указанія, какія-то предложенія, быть можетъ весьма важныя для *партіи* въ эту минуту, которыя какъ бы ждали какого-то отвѣта... Но какого и на что̀ именно отвѣта? Во всѣхъ этихъ рѣчахъ не было въ сущности ничего переходящаго за рамки „обыкновенной болтовни русскихъ либеральныхъ газетъ“, но было что-то такое неуловимое, *настоящее*, „къ чему у меня ключа нѣтъ“, говорилъ себѣ молодой человѣкъ, и сознаніе своей невидной роли въ *партіи* заскребло у него опять досадливо на сердцѣ, какъ утромъ въ разговорѣ съ Волкомъ.

— Я полагаю, надумался онъ сказать наконецъ,—что русское *движеніе* (онъ не рѣшился почему-то выговорить прямо „революціонное“,) готово будетъ войти въ соглашеніе со всякою *дѣйствительною силой* для борьбы противъ общаго врага.

Графъ Тхоржинскій повелъ на него загадочнымъ взглядомъ:

— Вы скоро думаете въ Россію? спросилъ онъ прежнимъ небрежнымъ тономъ.

Поспѣлову стало опять неловко...

— Мнѣ придется еще нѣкоторое время пробыть здѣсь, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

— А—а!.. пріятно проводите время въ Италіи, какъ бы насмѣшливо сказалъ тотъ.

— Я живу уроками, поспѣшилъ заявить молодой человѣкъ, морщась.

— Много ихъ имѣете здѣсь?

— Нѣтъ... пока одинъ...

— У кого, смѣю спросить?

— У... у графини Драхенбергъ, слегка запнулся Поспѣловъ.

— Которая тутъ сидѣла сейчасъ?.. Очень пріятной наружности и любезная, сколько можно судить на первый взглядъ, дама...

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

Собесѣдникъ его слегка зѣвнулъ, оглянулся кругомъ.

— Однако мы съ вами одни на всей площади остались; фонари даже потушили, засмѣялся онъ, подымаясь съ мѣста и протягивая руку Поспѣлову:—съ большимъ удовольствіемъ провелъ съ вами время, промолвилъ онъ уже (такъ показалось тому по крайней мѣрѣ,) не то скучливымъ, не то пренебрежительнымъ тономъ.

— А сами вы долго думаете пробыть въ этомъ городѣ? счелъ нужнымъ спросить эмигрантъ въ свою очередь какъ можно спокойнѣе.

— Не знаю... я еще не рѣшилъ, съ очевидною неохотой уронилъ въ отвѣтъ ему графъ Тхоржинскій.

— Вы должны еще 'явиться къ князю Іоанну? съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть его отпустилъ Поспѣловъ.

— „Явиться"? повторилъ графъ, и глаза его сверкнули.— Я не русскій чиновникъ, а вольный дворянинъ... (Un gentilhomme indépendant).

И быстрымъ вольтомъ измѣняя немедленно выраженіе своей физіономіи, онъ продолжалъ, уже улыбаясь: — Я давно знаю князя Іоанна и посѣщаю его (je vais le voir), когда нахожусь съ нимъ въ одномъ городѣ, какъ многихъ другихъ, такихъ же, какъ онъ, принцевъ, съ которыми знакомъ въ Европѣ; я люблю умныхъ людей, даже когда они принцы, ввернулъ онъ нѣсколько язвительно, — но не имѣю съ нимъ никакихъ дѣлъ и ни чѣмъ съ нимъ не связанъ... Я, повторяю вамъ, вольный гражданинъ (un libre citoyen) и ни отъ кого, какъ *и ни отъ чего* на свѣтѣ, не завишу! заключилъ онъ, весьма замѣтно напирая на эти послѣднія слова.

„Да", подумалось тутъ же нашему эмигранту: „тебя самъ чортъ на крючокъ не поймаетъ!"

Краѣвый старецъ усмѣхнулся еще разъ и,ославъ оконечностями пальцевъ нѣчто въ родѣ поцѣлуя по адресу все еще не двигавшагося со своего стула Поспѣлова, зашагалъ, слегка посвистывая, бодрымъ и быстрымъ шагомъ по направленію hôtel San-Marco, въ которомъ онъ занималъ нумеръ рядомъ съ „цвѣтникомъ леди Динморъ", какъ выражался князь Іоаннъ.

VIII.

У насъ дома, не здорово: тараканъ съ печи упалъ.
Пословка.

Другаго рода разговоръ происходилъ въ это время на Riva dei Schiavoni, въ покоѣ, занимаемомъ въ нижнемъ этажѣ Hôtel Danielli четою Сусальцевыхъ.

Антонина Дмитріевна, простившись съ сопровождавшею ее компаніей (при семъ положено было, что на слѣдующій день „кузины“ будутъ „дѣлать князю Іоанну les honneurs de Venise“, поѣдутъ съ нимъ „повсюду“ и возьмутъ съ собою маркиза Каподимонте, такъ какъ „лучшаго *чичероне* князю конечно не найти“, на что князь Іоаннъ со своей стороны изъявилъ полное свое согласіе,), прошла къ себѣ въ комнату и собиралась, при помощи нѣмой дѣвочки, Варюшки, привезенной ею съ собой изъ Россіи и состоявшей у нея на положеніи „второй горничной“ (*первая* была бойкая и ловкая Француженка, весьма расположенная къ „фамиліарству“, вслѣдствіе чего Сусальцева держала ее только „для большихъ оказій“,), приступить къ раздѣванію, когда дверь изъ гостиной въ эту комнату широко отворилась, и на порогѣ ея весьма нежданно для красивой барыни показался ея мужъ.

Онъ никогда до этой минуты (она пріучила его къ этому съ первыхъ же дней ихъ брака и пребыванія за границей,) не позволялъ себѣ входить къ ней, не постучавшись предварительно въ дверь и не дождавшись, пока она скажетъ: „entrez“! Что же такое произошло, что могло дать ему теперь поводъ „такъ забыться“? И полугнѣвно, полутревожно она съ

мѣста своего предъ зеркаломъ смѣрила его взглядомъ отъ ногъ до головы:

— Что это за манеры? уронила она высокомѣрно,—развѣ такъ врываются въ женскую спальню порядочные люди?

— Ну-съ, насчетъ манеръ мы разсужденіе отложимъ пока въ сторону, рѣзко выговорилъ на это Провъ Ефремовичъ, рѣшительно входя въ комнату, — а мнѣ съ вами потолковать требуется.

— О чемъ это?

— А вотъ-съ услышите!

— И долго вы намѣрены „толковать“? язвительно спросила она:—я, предваряю васъ, умираю, спать хочу.

— Повремените крошечку, авось и въ живыхъ останетесь, отвѣтилъ онъ съ видимымъ въ свою очередь намѣреніемъ иронiи.

Онъ опустился въ кресло неподалеку отъ ея туалетнаго стола, уложивъ руки на колѣна и опустивъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Варюшка, ступай! скучливымъ тономъ молвила Антонина Дмитріевна дѣвочкѣ, переобувавшей ей въ эту минуту ноги въ спальныя атласныя mules, — я позвоню тебя, когда нужно будетъ.

Дѣвочка приподняла отъ пола свое худенькое личико, обернулась на Сусальцева быстрымъ и вызывающимъ взглядомъ, медленно встала въ ростъ и также медленно, озираясь подозрительно на-ходу, будто хищный звѣрекъ, вышла изъ комнаты.

— Я васъ слушаю! произнесла вслѣдъ затѣмъ ея барыня, обращаясь къ мужу съ тѣмъ именно „величественнымъ“ оттѣнкомъ интонаціи и головнаго движенія, съ какимъ на французской сценѣ королевы и принцессы говорятъ предъ ожидаемымъ зрителями монологомъ перваго сюжета: „Je vous écoute, parlez!“

— Вы это какъ же, Антонина Дмитріевна, началъ съ-оника Сусальцевъ,—во Флоренцію собираетесь?

— Да... А что? съ искреннимъ удивленіемъ спросила она.

— Ничего-съ, хихикнулъ онъ: — удивительно только мнѣ

это маленько показалось, что вы такъ при всѣхъ твердо объявляете, а я... вѣнчанный мужъ вашъ... со всѣми вмѣстѣ впервой объ этомъ узнаю...

Антонина Дмитріевна принялась смѣяться.

— Прежде всего, не „впервой", потому, что еще въ Люцернѣ, *при васъ*, собираясь сюда, мы рѣшили съ Еllу и маркизомъ, что поѣдемъ потомъ во Флоренцію и Римъ. Во-вторыхъ, мнѣ очень хорошо извѣстно, что вамъ совершенно все равно, куда ѣхать.

— Почему же это можетъ быть вамъ такъ хорошо извѣстно? А если даже, напротивъ того, я полагаю такъ, что не только во всякія Флоренціи тащиться, а даже и совсѣмъ съ заграничнымъ вояжемъ покончить надо.

— Съ чего же это вы вздумали? испуганно воскликнула Сусальцева.

— А съ того, очень просто, что если въ нашемъ коммерческомъ дѣлѣ на чужихъ полагаться, а самому, вмѣсто призору хозяйскаго, однѣ денежки по чужимъ краямъ сыпать, — самымъ скоропостижнымъ образомъ можно въ трубу вылетѣть.

— Развѣ вы получили какія-нибудь нехорошія извѣстія изъ Россіи? съ новою тревогой пролепетала она.

— Извѣстія аль неизвѣстія—все равно-съ, досадливо возразилъ Провъ Ефремовичъ.—Человѣку на то мозги даны, чтобы самъ разсужденіе могъ имѣть: позабавились, мало не милліончикъ франковъ въ два года просвистали,—баста, клапанъ заткнуть пора!

Онъ, какъ бы намѣренно и даже усиливаясь, выражался теперь чисто „купеческимъ" пошибомъ рѣчи, отъ котораго со времени женитьбы своей и въ обществѣ благовоспитанныхъ соотечественниковъ, съ коими почти исключительно, благодаря женѣ, водился въ Парижѣ, успѣлъ было совсѣмъ отвыкнуть; внутреннему раздраженію его словно утѣшительнѣе было выливаться въ грубовато-энергическую форму выраженія той среды, изъ которой вышелъ онъ...

— Вы, кажется, *сами*, колко замѣтила Антонина Дмит-

ріевна на упрекъ, слышавшійся ей въ этихъ словахъ мужа,— не мало потѣшились на потраченныя вами за то время деньги.

— Извѣстно, хихикнулъ еще разъ Провъ Ефремовичъ,— за науку въ мои годы платить не дешево приходится.

— За какую науку? И брови у нея сжались.

— А то какъ же-съ! Съ князьями вашими и графами вожжаться умѣть, подъ ручку съ ними за панибрата по бульварамъ прогуливаться, безъ счету и отдачи имъ billets de mille *) въ видѣ якобы займа предоставлять, и все это *благороднѣйшимъ* манеромъ, иронически подчеркнулъ онъ,—чтобъ и тебя за чистокровнѣйшаго *жантильома* принимали,—наука тоже не маленькая для нашего брата!...

Ее всю коробило отъ этого „хамскаго“ тона, какъ говорила она себѣ внутренно...

— Не я, конечно, съ едва сдерживаемымъ отвращеніемъ молвила она громко, — учила васъ ссужать деньгами встрѣчнаго и поперечнаго, а если вы, какъ говорите, выучились „держать себя“ иначе... или умѣли прежде, такъ за это *порядочный* человѣкъ, вѣско подчеркнула она въ свою очередь,— можетъ быть только благодаренъ тѣмъ, кому онъ этимъ обязанъ.

Провъ Ефремовичъ слегка опѣшилъ: противъ этого возражать ему было нечего... А „сердце сорвать“ все-таки на чемъ-нибудь нужно было... Онъ придрался къ ея же словамъ:

— Какъ если „порядочный“, такъ и съ нимъ, полагаю, люди должны *порядочно* обращаться!

Она намѣренно и продолжительно зѣвнула.

— Для чего и на какомъ основаніи говорите вы мнѣ этотъ вздоръ? Какая васъ муха укусила сегодня?

Его такъ и взорвало вдругъ отъ этого пренебрежительнаго тона: щеки его раскраснѣлись, глаза запылали...

— А такая-съ, воскликнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ,—что, каковъ я ни есть, а на роль *мужа пѣвицы* согласія моего не будетъ никогда!

— Это еще что такое „мужъ пѣвицы“?

И глаза ея пытливо приковались къ его лицу.

---

*) Ассигнаціи въ 1.000 франковъ.

Но онъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не давать ей читать на этомъ лицѣ, вспрянулъ съ мѣста и зашагалъ словно на пружинахъ по комнатѣ съ судорожнымъ подрягиваніемъ своихъ могучихъ рукъ и ногъ.

— Каковъ ни на есть, повторилъ онъ на-ходу,—а былъ я всегда, есмь и буду *самъ-человѣкъ*... и чтобы меня въ родѣ перваго дворецкаго при красавицѣ-женѣ почитали—это дудки-съ, этому никогда не бывать!.. Очень я хорошо понимаю, что при вашей наружности и воспитаніи каждому лестно состоять съ вами въ знакомствѣ... а только опять полагаю я такъ, что, находись вы... въ обстановкѣ... *пониже* не чѣмъ въ какой находитесь теперь, число этихъ вашихъ ферлакуровъ и пріятельницъ изъ *знатныхъ* сократилось бы не на малую толику...

— Что же, вспыхнула вся Антонина Дмитріевна,—вы желаете, кажется, уколоть меня тѣмъ, что взяли меня безъ состоянія?..

Она усмѣхнулась злою усмѣшкой, вскинула слегка плечами вверхъ и проговорила какъ бы про себя:—Это меня впрочемъ не удивляетъ.

„Чего отъ тебя, мужика, и ждать иного“, досказалъ себѣ за нее Провъ Ефремовичъ, и самъ покраснѣлъ до волосъ, не то отъ обиды, не то отъ „совѣсти“.

— Никакъ я и ничѣмъ не намѣренъ колоть васъ, началъ онъ, насколько могъ мягче и *приличнымъ* языкомъ,—а желалъ только сказать, что въ супружествѣ каждый свою долю приноситъ: одинъ—одно, другой—другое. Зачѣмъ же пренебрегать-то одному другимъ... и самимъ вамъ, примѣрно, можетъ-ли быть пріятно, если вашего мужа, при васъ же, ни во что ставить будутъ?

Сусальцева потянулась съ папироской въ рукѣ къ одной изъ свѣчей, зажженныхъ на ея туалетномъ столѣ, и медленно заговорила:

— Съ первой минуты, когда вы такъ... *безцеремонно* ворвались ко мнѣ, я поняла, что вы чѣмъ-то оскорбились... и даже именно *чѣмъ*... Князь Іоаннъ сейчасъ недостаточно былъ любезенъ съ вами,—такъ?

Этотъ выраженный вслухъ чужими устами тайный мотивъ его раздраженія, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, смутилъ Прова Ефремовича.

— Никакихъ „любезностей“ мнѣ его не нужно, пробормоталъ онъ досадливо,—ни братъ онъ мнѣ, ни сватъ, и въ дружбу къ нему не прошусь. Высокихъ особъ, какъ онъ, не мало тоже перевидать успѣлъ, и Уэльскаго принца, и Голландскаго, и нѣмецкихъ всякихъ, и даже многихъ, какъ вамъ извѣстно, въ вашемъ салонѣ, у себя въ домѣ, значитъ, въ Парижѣ, принималъ. Такъ мнѣ не невидаль такое лицо, и очень хорошо я понимаю, какъ себя съ такимъ должно держать... И напрасно поэтому родственница ваша, графиня *фонъ*-Драхенбергъ, будто за стыдъ себѣ почла назвать меня ему, вырвалось у Сусальцева какъ бы противъ воли.

Жена его еще разъ приподняла плечи:

— И все-таки представила васъ,—чего-жь вамъ больше?

— Да-съ, и такъ, будто фамилія моя ей губы жгла.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула съ неудержимымъ глумленіемъ Антонина Дмитріевна:—вы бы еще хотѣли, чтобъ у нея фамилія *Сусальцевъ* медомъ истекла изъ устъ?

Провъ Ефремовичъ широко раскрывшимися зрачками глянулъ въ ея злобно сверкнувшіе глаза и поблѣднѣлъ, какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ, всѣмъ существомъ понялъ въ этотъ мигъ, что эта женщина, его жена, ненавидѣла его...

При первомъ столкновеніи (онъ два года сряду, смутно предчувствуя это, тщательно избѣгалъ его,) это должно было обнаружиться. Она ненавидѣла его, его плебейскую фамилію, его „мужичество“, и не была въ силахъ преодолѣть въ себѣ этого чувства,—онъ это ясно увидалъ теперь... Мальчики запрыгали у него въ глазахъ.

— Напрасно въ такомъ случаѣ, заговорилъ онъ, скрипя лихорадочно зубами,—рѣшились вы такую зазорную фамилію на себя принять... напрасно!.. Вашей бѣлой кости не мало теперича молодцовъ по міру шляется, могли бы любаго боярскаго или княжескаго рода по себѣ найтить, — въ волостяхъ даже писарями иные служатъ, съ Юрьевымъ вашимъ по сосѣдству крестьянъ сосутъ, доходы тоже порядочные, жить

можно... А то вы ишь кого себѣ взяли,—нашего брата, сермягу сѣрую...

Онъ чувствовалъ, что „еще немножко“ — и онъ кинется на нее, “изобьетъ ее въ кровь„ своими огромными „мужицкими“ руками... Онъ сдержался, оборвалъ рѣчь, передохнулъ.— Толковать съ вами пространно объ этомъ предметѣ, полагаю я, незачѣмъ. А скажу я вамъ просто, съ чего началъ, опять: оставаться за границей я не согласенъ и даю вамъ потому три дня сроку на сборы, а затѣмъ—не угодно-ли домой, въ Россію?

— Не угодно! самымъ хладнокровнымъ тономъ молвила она на это.

— Чего-съ? какъ бы не довѣряя ушамъ своимъ, переспросилъ Сусальцевъ:—вамъ не угодно ѣхать со мною?

— Нѣтъ! повторила она тѣмъ же тономъ.

— Такъ что же вы дѣлать полагаете? уже нѣсколько какъ-бы растерянно спросилъ онъ опять.

— Поѣду во Флоренцію, какъ сказала.

— *Съ чѣмъ* это, позвольте узнать?

— Вы мнѣ дадите денегъ, сколько нужно будетъ.

— Я дамъ!..

Онъ захохоталъ, словно давился: — съ чего-жь это вы взяли?

Она повернула на него взглядомъ, выражавшимъ полнѣйшее удивленіе:

— Я не разведенная съ вами жена; вы обязаны давать мнѣ содержаніе соотвѣтственно вашему состоянію.

— Состоянія моего никто не считалъ, закричалъ онъ съ новымъ порывомъ гнѣва,—а содержаніе давать обязанъ женѣ мужъ, когда она *съ нимъ*, а не *врозь* живетъ.

— Я васъ отъ себя не гоню, а ѣхать съ вами не могу.

— Почему не можете?

— Мнѣ вреденъ холодъ въ Россіи.

— Давно-ли это?

Она только засмѣялась и закурила новую папироску.

— Ну-съ, это какъ вы себѣ знаете, отрѣзалъ Провъ Ефремовичъ, чувствуя, какъ поднявшаяся кровь билась стремительно

въ его вискахъ, — а только, если вамъ угодно оставаться за границей безъ меня, я вамъ гроша не дамъ.

— Не дадите добровольно—заставятъ! невозмутимо произнесла она въ отвѣтъ.

— „Заставятъ“? едва былъ онъ въ силахъ выговорить:— кто-жь это... и какъ... можетъ заставить меня?..

— Очень просто: я подамъ просьбу, куда слѣдуетъ, что вы, при вашихъ средствахъ, изъ злобы на меня оставляете меня умирать съ голоду.

— Вы... вы подадите?..

— Подамъ!

Сусальцевъ, не помня уже себя, ринулся на нее съ мѣста съ высокоподнятыми кулаками...

Но онъ не успѣлъ еще добѣжать до нея, какъ она стояла въ ростъ у стѣны, нажимая пуговку воздушнаго звонка, въ силу продолжительности котораго чуть-ли не весь отель долженъ былъ сбѣжаться сейчасъ въ ея покой.

И въ то же время изъ ближайшей комнаты выскочила очевидно все время подслушивавшая подъ дверью Варюшка и кинулась между барыней своею и ея мужемъ, готовая (онъ это видѣлъ,) вцѣпиться ему немедленно ногтями въ лицо.

Провъ Ефремовичъ вздрогнулъ съ головы до ногъ, плюнулъ во весь ротъ по адресу жены и бросился вонъ изъ комнаты...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

PG
3467
M327
1885
t.7-8

Markevich, Boleslav Mikhaĭlo-
vich
Polnoe sobranie sochineniĭ
t. 7-8

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY